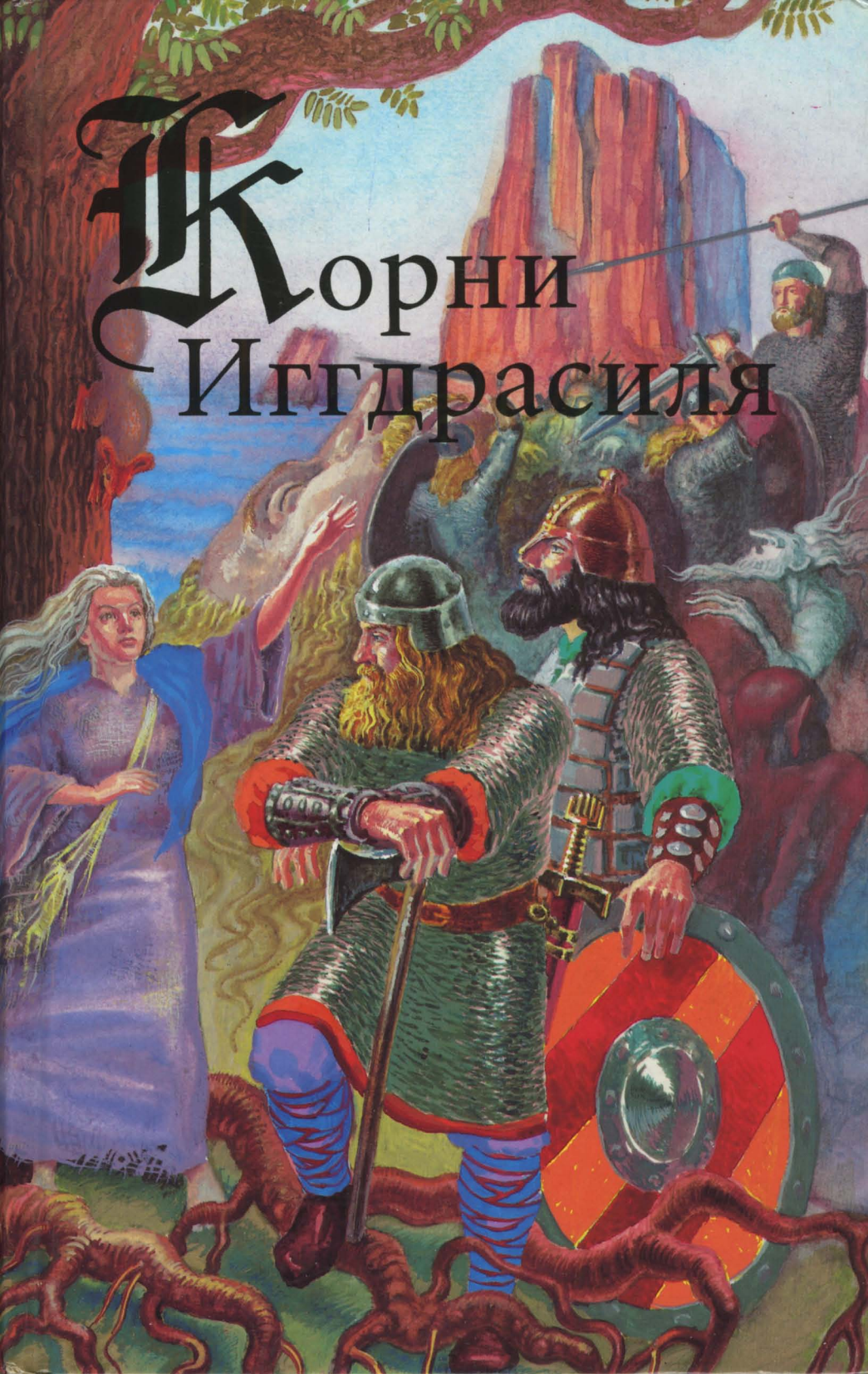

Корни Иггдрасиля

Корни Иггдрасиля

Корни Иггдрасиля

Эдда

Скальды

Саги

Приложения

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1997

УДК 82/89
ББК 84 (4 Ил)
К67

Редколлегия серии
Наталия Будур
Любовь Горлина
Сергей Кондратов
Ирина Шурыгина

Составитель и ответственный редактор тома
Ольга Смирницкая

Художники
Александр Лебедев
Татьяна Хрычёва

Серия «Викинг»
подготовлена Издательским центром «ТЕРРА»
совместно с Центром скандинавской культуры «НОРД»

ISBN 5-300-00913-X

СОДЕРЖАНИЕ

ЭДДА

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Перевод В. Тихомирова

Прорицание Вёльвы

11

Речи Вафтруднира

27

Речи Гримнира

39

Поездка Скирнира

52

Песнь о Харбарде

61

Перебранка Локи

72

Песнь о Вёлунде

87

ИЗ МЛАДШЕЙ ЭДДЫ

Видение Гюльви

Перевод О. Смирницкой

99

ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ СТАРШЕЙ ЭДДЫ

Первая Песнь о Хельги Убийце Хундинга

Перевод В. Тихомирова

137

Первая Песнь о Гудрун

Перевод В. Тихомирова

151

Песнь об Атли Гренландская

Перевод И. М. Дьяконова

158

Речи Хамдира

Перевод В. Тихомирова

169

САГА О ВОЛСУНГАХ

Перевод Б. Ярхо

177

СКАЛЬДЫ

Эйвинд Посубитель Скальдов

Речи Хакона

Перевод О. Смирницкой

258

Эгиль Скаллаграмссон

Утрата сыновей

Перевод С. Петрова

266

Выкуп головы

Перевод С. Петрова

273

САГИ

Сага о Гисли

Перевод О. Смирницкой

278

Сага о Гуннлауге Змеином Языке

Перевод М. И. Стеблин-Каменского

Стихи в переводе О. Смирницкой

345

Сага об Олаве сыне Трюггви

Перевод М. И. Стеблин-Каменского

Стихи в переводе О. Смирницкой

382

Пряди об исландцах

Перевод Е. Гуревич

483

ПРИЛОЖЕНИЯ

О. Смирницкая

Корни Иггдрасиля

557

О. Смирницкая, Е. Гуревич

Комментарии

583

О. Смирницкая

Краткий словарь имен и реалий

630

К ЧИТАТЕЛЮ

«Боевые раны до костей, праздничные здравицы допьяна, струны, лопающиеся под рукой всплывшего певца, кольчуга, разрывающаяся от порывистого дыхания разгневанного витязя...

*Бесстрашное, презирающее смерть мужество, суровая доблесть и бодря жизнерадостность; миросозерцание в высшей степени положительное и деятельное; и как идеал посмертного блаженства — не туманные чертоги расплывчатого созерцательного рая, а крытая золотыми щитами Валгалла, где властитель богов наделяет своих избранников добрым оружием и ежедневно водит их в битву, чтобы после жаркого боя вернуться в светлый чертог для веселого пира, для жен и мудрых бесед...»**

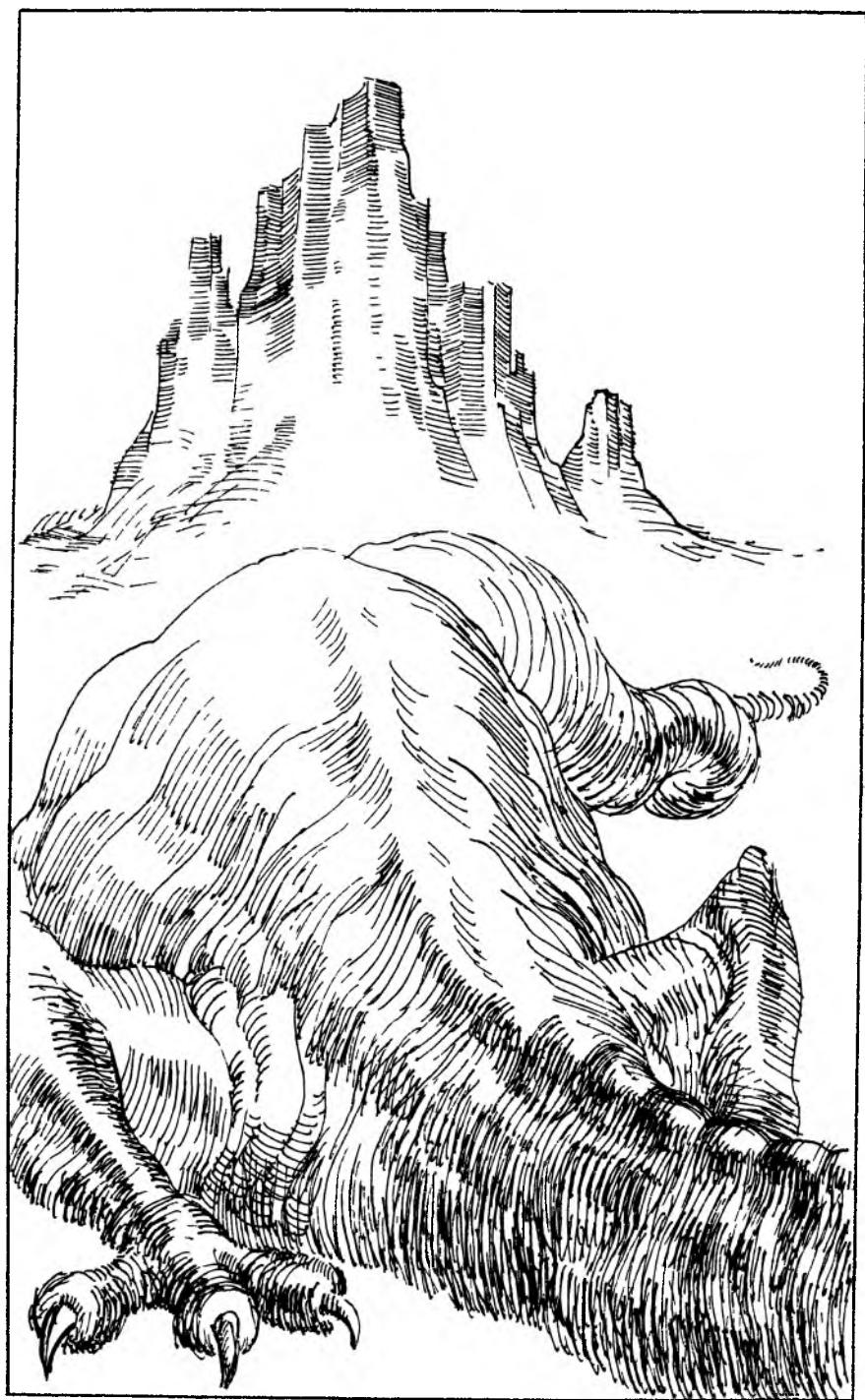
Таким был мир викингов, такими были и их предания, песни о богах и героях, хвалебные песни...

В очередной том нашей серии вошли лучшие образцы литературы «эпохи викингов» — избранные песни «Старшей Эдды», отрывок из «Младшей Эдды», некоторые саги и пряди об исландцах и, конечно, скальдическая поэзия.

Издание рассчитано на широкого читателя и снабжено комментариями.

Счастливого плавания на викингических драккарах!

* Старшая Эдда, перевод и комментарии С. Свириденко. — М.: Изд. Соболевых, 1917.

Эдда

ПРОРИЦАНИЕ ВЁЛЬВЫ

- 1 Слушайте, вы,
 превышние роды,
 меньшие, старшие —
 все Хеймдалля чада!
 Коль просит Один,
 я поведаю
 о судьбах минувших,
 о прошлом, как помню:
- 2 йотунов помню,
 до начала рожденных,
 кои меня
 древле родили,
 и девять знаю
 земель — все девять
 от древа предела
 корня земные,
- 3 В начале не было
 (был только Имир)
 ни берега моря,
 ни волн студеных,

ни тверди снизу,
ни неба сверху,
ни трав зеленых —
только бездна зевала.

4 отпрыски Бора¹
 подняли сушу,
 мир срединный²
 воздвигли дивный —
 солнце сияло
 с юга на скалы,
 зеленью землю
 злаки покрыли;

5 солнце — луна же
 с ним шла бок о бок —
 долонь простерло
 с юга чрез небо:
 солнце не знало
 ночлега в небе,
 звезды не знали
 дороги в небе,
 луна же не знала,
 сколь сильна она в небе;

6 сошлись на судбище,
 по лавам сели,
 совет держали
 все вышние боги:
 ночь нарекали,
 полночь и вечер,
 именовали
 утро и полдень
 и все межечасья
 для числения времени.

7 Селились Асы
 на Идавёлль-поле,

- дома и храмы
высоко рубили,
ремесла спознали,
горны раздули,
снасти ковали,
казну и утварь,
- 8 играли в тавлеи,
весело жили,
злата имели
всегда в достатке,
доколе три девы³,
три великанши
к ним не явились
из Йотунхейма...
- 9 Сошлись на судбище,
по лавам сели,
совет держали
все вышние боги:
кому-то должно
карликов сделать
из крови Бримира,
из кости Блаина⁴;
- 10 был Мотсогнир сделан
и назван первым
в народе цвергов,
вторым был Дурин,
по слову Дурина
и прочих цвергов
человекоподобных
вылепили из глины:
- 11 Нии да Ниди,
Нордри да Судри,
Аустри да Вестри,

- Альтиов, Двалин,
Бивёр, Бавёр,
Бёмбур, Нори,
Ан да Анар,
Аи, Мьёдвитнир,
- 12 Вейг и Гандальв,
Виндальв и Траин,
Текк и Торин,
Трор, Вит и Лит,
Нар и Нирад
(ныне всех цвергов),
Регин и Радсвинн
(разом поименую),
- 13 Фили, Кили,
Фундин, Нали,
Хефти, Вили,
Ханар, Свиор,
Фрар и Хорнбори,
Фрег и Лони,
Аурванг, Яри,
Эйкинскьяльди;
- 14 а вот родословная
Ловара предков —
потомков Двалина
поименую,
чей род явился
из камня земного,
пришел из трясины
на песчаную землю:
- 15 Драупнир, во-первых,
Дольгтрасир тоже,
Хар и Храутспори,
Хлеванг, Глои,

- Дори, Ори,
Дув и Андвари,
Скивир, Вивир,
Скафинн, Аи,
- 16 Альв, Ингви,
Эйкинскьяльди,
Фьялар и Фрости,
Фин и Гиннар —
вот родословная
Ловара предков,
пускай человеки
до века хранят...
- 17 Как-то раз вышли
три аса к морю,
благие, могучие
шагали по свету,
нашли на отмели
двух неживущих,
Аска и Эмблу⁵,
судьбы не обретших, —
- 18 души не имели,
ума не имели,
ни крови движенья,
ни цвета живого:
душу дал Один,
разум дал Хёнир,
кровь же дал Лодур⁶
и цвет живого...
- 19 Ясень я знаю
по имени Иггдрасиль,
большой, омываемый
млечной влагой,
росы нисходят

с него на землю,
вечно он зелен
над источником Урд;

20 там же явились
три девы-провидицы⁷,
там поселились
под древом они:
первая Урд,
Верданди тоже
(резали жребья),
а третья — Скульд:
судьбы судили,
жизни рядили,
всем, кто родится,
узел нарекали...

21 Первая в мире
война случилась —
все-то помнит она! —
из-за Гульвейг⁸, убитой
и трижды сожженной
в жилище Высокого
(трижды сжигали
трижды рожденную,
многожды жгли —
доныне жива,

22 Хейд ее имя),
входила в дома
ведьма-провидица,
всюду вредила
злом ли, жезлом ли,
злым ли словом,
порчей — отрадой
жен вредотворных.

- 23 Сошлись на судбище:
 по лавам сели,
 совет держали
 все вышние боги,
 должно ли асам
 брать возмещение
 или им должно
 отмщение иметь⁹;
- 24 Один метнул —
 воины пали
 (так было в мире
 войны начало),
 но рухнули стены
 крепости асов —
 ваны-провидцы
 верх одерживали.
- 25 Сошлись на судбище,
 по лавам сели,
 совет держали
 все вышние боги:
 кто это отдал
 небосвод в разоренье,
 кто йотунам сватал
 супругу Ода;
- 26 тут Тор ополчился,
 исполнился гневом,
 ему не сидится,
 коль ждет его дело, —
 забыл он обеты
 слово и клятву,
 сговор нарушен,
 бывший меж ними...
- 27 Ведомо ей:
 Хеймдалля звук¹⁰

спрятан под древом,
осеняющим небо;
видимо ей;
влага точится
с Одинова заклада¹¹.
Еще мне вещать? Или хватит?

28 Сидела не в доме,
тут старцем явился
Владыка асов, —
глянула в око:
«Чего тебе надо?
Зачем пытаешь?
Я знаю, Один,
где твой заложен
глаз — у Мимира
в чистом источнике,
пьет мудрый Мимир
мед ежеутренне
с Одинова заклада».
Еще мне вещать? Или хватит?

29 Кольца да гривны
Родитель Ратей
дал мне, провидице,
ради тех прорицаний:
все знаю, все вижу,
все миры прозреваю!

30 Валькирий вижу,
они же всюду
быть поспевают,
где рати бьются:
Скульд со щитом,
Скёгуль — вторая,
Гун, Хильд и Гёндуль,
Гейрскёгуль тоже —

так именуются
Одина девы,
езде поспевают,
где рати бьются.

- 31 Я же провидела
истекшего кровью
отпрыска Одина,
Бальдра судьбину¹² —
тот, прораставший
тонкий и долгий,
красивый на поле
омелы побег,
- 32 он, смертоносный
я знала, будет
причиной печали —
метнул его Хёд;
но скоро у Бальдра
брат родился,
сын Одина, мститель
в возрасте ночи:
- 33 рук не умыв,
ни волос не чесав,
убийцу Бальдра
настиг и убил;
тем часом оплакала
Фригг в Фенсалире
горе Вальгаллы.
Еще мне вещать? Или хватит?
- 34 Знаю, как мститель
Вали сплетал
страшные узы —
вервь из кишок,

- 35 видала, как связанный
 под Хвералундом
 лежал зловредитель,
 похожий на Локи,
 с ним Сигюн сидела,
 сама не своя
 от горя...
 Еще мне вещать? Или хватит?
- 36 Течет с востока¹³
 поток тлетворный
 клинков и лезвий —
 Слид, сиречь Злобный;
- 37 стоит на севере
 в Темных Землях
 дом из золота —
 в нем племя Синдри;
 другой же стоит
 на Горе Негасимой —
 жилище йотунов, —
 зовется Бримир;
- 38 третий поставлен
 подальше от солнца
 на Берег Мертвых
 дверью на север:
 отрава каплет
 в дом через дымник,
 весь он повит
 телами змеиными;
- 39 я видела, вброд
 через тяжкие воды
 клятвопреступники,
 и душегубы,
 и те, кто чужих

жен соблазняли,
идут, и холодные
трупы гложут
Волк и Нидхёгг.
Еще мне вещать? Или хватит?

40 Там, на востоке,
в Железных Лесах
рожала Старуха
отродий Фенрира:
настанет время,
из них единый
окажется троллем,
пожравшим солнце,

41 тела обгложет
мужей умерших,
обрызжет кровью
жилища богов,
и день затмится
в середине лета,
и быть ненастьям...
Еще мне вещать? Или хватит?

42 Сидит на пригорке
страж великанш,
бряцает на арфе
веселый Эггдер,
его окликнул
из птичьей рощи
петух красноперый,
чье имя Фьялар,

43 окликнул асов
петух Гуллинкамби¹⁴,
вставай, мол, дружина
Родителя Ратей,

- а третьим крикнул
в подземных землях
петух черноогненный
в селении Хель;
- 44 вот Гарм залаял
там, в Гнипахеллире —
вервь оборвется,
зверь выйдет голодный!
все-то ей ведомо:
я, вещая, вижу
богов могучих
последнюю битву:
- 45 брат на брата —
и гибнут в бранях,
родич на родича —
режутся рати,
мерзость в мире
настало время
меча и блуда,
щита разбитого,
ветра, волка,
погибели мира;
человек человека
не пощадит;
- 46 взыграли под древом
Мимира дети,
пропел Гьяллархорн
мира кончину —
Хеймдалль трубит,
рог поднимает;
Один беседует
с Мимировой головою;
- 47 дрогнул Иггдрасиль,
яшень трепещет,

- трещит сердцевина —
вырывается йотун:
все устрашится
в подземных землях,
когда он явится,
родич Сурта;
- 48 что слышно у асов?
 что слышно у альвов?
 гудит Йотунхейм,
 на судбище асы,
 а цверги стонут
 за каменной дверью
 своих подземелий.
 Еще мне вещать? Или хватит?
- 49 Вот Гарм залаял
 там, в Гнипахеллире —
 вервь оборвется,
 зверь выйдет голодный!
 Все-то ей ведомо:
 я, вещая, вижу
 богов могучих
 последнюю битву:
- 50 Хрюм с востока
 идет, щитоносный;
 Йормунганд-змея
 злобно клубится,
 хвостом бьет море;
 орел клекочет;
 Нагльфар¹⁵ плывет —
- 51 Муспелля войско
 везет с востока
 корабль по водам,
 (а кормщик — Локи),

везет он волка
и племя чудищ,
и Бюлейста брат¹⁶
с ними плывет;

52 Сурт идет с юга —
огонь всепалаящий
солнцем блестит
на мечях у богов,
рушатся горы,
мрут великанши,
все Хель пожирает,
небо трещит;

53 Хлин¹⁷ в тревоге,
ждет ее горе —
Один выходит
на битву с Волком,
сразивший Бели¹⁸
выходит на Сурта —
скоро погибнут
все близкие Фригг.

54 Вот Гарм залааял
там, в Гнипахеллире —
вервь оборвется,
зверь выйдет голодный!
Все-то ей ведомо:
я, вещая, вижу
богов могучих
последнюю битву:

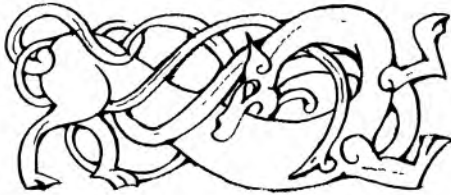
55 вот вышел наследник
Владыки Побед¹⁹,
Видар, на битву
с пожирателем трупов
и сыну Хведрунга

- меч погружает
в глотку до сердца —
отмстил за отца;
- 56 вот вышел преславный
сын Хлодюн²⁰ и Одина,
Мидгарда сторож
биться со змеем:
сразил он гада
и сам, погибая —
жилица людские
все опустели, —
на девять шагов
Тор отступает,
сын Фьёргюн и Одина,
не посрамившись;
- 57 солнце затмилось,
земля утонула,
срываются с неба
светлые звезды,
огонь извергается,
жизни кормилец,
он жаром пышет
аж в самое небо, —
- 58 вот Гарм залаял
там, в Гнипахеллире —
вервь оборвется,
зверь выйдет голодный!
Все-то ей ведомо:
я, вещая, вижу
богов могучих
последнюю битву;
- 59 и вот она видит:
время настало —

суша из моря
восстала зеленая,
воды текут,
орлан по-над ними
летает и рыбу
высматривает²¹;

- 60 сходятся асы
 на Идавёлль-поле,
 о змее всесветном
 ведут беседы,
 о прошлых делах
 вспоминают, о славных,
 о древних рунах
 громогласного бога;
- 61 они разыскали
 среди усадьбы
 в зеленых травах
 золотые тавлеи,
 в кои играли
 в прежнее время;
- 62 не пахан, не сеян
 хлеб уродится,
 Бальдр воротится,
 Хёд воротится —
 в жилище Высокого
 жить будут вместе...
 Вещать мне еще или хватит?
- 63 Хёнир будет
 гадать на жеребьях,
 два сына двух братьев
 в жилище ветра
 жить будут вместе...
 Вещать мне еще или хватит?

- 64 Дом она видит,
он ярче солнца
играет золотом,
построен на Гимли,
дружина достойных
в нем пребывает,
вечное счастье
им суждено...
- 65 И вот пришел он,
судья великий,
пришел всевластный
владыка мира...
- 66 И вот прилетает
темный дракон
с темных вершин,
Нидхёгг, над полем
летающий, несет
мертвых под крыльями...
Хватит! Ей время исчезнуть²²...

РЕЧИ ВАФТРУДНИРА

(Один сказал:)*

- 1 «Послушай, Фритг,
я сегодня хочу
к Вафтрудниру навеститься,

* Скобки обозначают ремарку или часть ремарки, которой нет в тексте оригинала. (Примеч. переводчика.)

хочу, я сказал,
переведаться словом
с наимудрейшим йотуном».

(Фригг сказала:)

2 «Лучше, скажу,
Родителю Ратей¹
дома остаться:
сильнейшим из йотунов,
слышно, слывет
Вафтруднир мудрый».

(Один сказал:)

3 «Все видел,
все слышал,
всех богов переспорил:
теперь желаю
увидеть воочью,
как Вафтруднир поживает».

(Фригг сказала:)

4 «Здравым — туда,
здравым — оттуда,
здравья тебе в дороге!
будь разумен,
Родитель Живущих
в словопрении с йотуном».

5 Тогда отправился
Один беседовать
с наимудрейшим йотуном;
явился к жилью
родителя Имма;
вошел Устрашитель².

(Один сказал:)

6 «Вафтруднир, здравствуй!

пришел я к тебе
на тебя поглядеть:
хочу убедиться,
вправду ли ты
наимудрейший, йотун».

(Вафтруднир сказал:)

7 «Кто там вошел
и меня же пытается
в моем же доме?
Живым не выйдешь,
гость, коль не будешь
умнее хозяина».

(Один сказал:)

8 «Мне имя — Победный!
Был путь нелегок
до твоего жилища:
питьем да кровом
привет, как должно,
гостя усталого, йотун».

(Вафтруднир сказал:)

9 «Будь гостем, Победный!
Что же стоишь ты? —
Садись-ка за стол:
беседа покажет,
кто из нас умный,
гость или старый хозяин».

(Один сказал:)

10 «В доме богатого,
бедный, молчи
или беседуй разумно:
должно мне быть
осторожным в словах,
в разговорах с холоднокровным».

(Вафтруднир сказал:)

- 11 «Стоя, коль хочешь
 стоя беседовать,
 ответь мне, Победный,
 как именуют
 коня, что приносит
 день ежеутренне?»

(Один сказал:)

- 12 «Зовут Светлогривым
 коня, что приносит
 день ежеутренне:
 он же среди готов³
 почитается наилучшим —
 грива его светозарна».

(Вафтруднир сказал:)

- 13 «Стоя, коль хочешь
 стоя беседовать,
 ответь мне, Победный,
 как именуют
 того, кто приносит
 сумрак с востока».

(Один сказал:)

- 14 «Конь Снежногривый,
 вот кто приносит
 сумрак с востока;
 он же роняет
 пену с удил —
 вот и роса на рассвете».

(Вафтруднир сказал:)

- 15 «Стоя, коль хочешь,
 стоя беседовать,
 ответь мне, Победный,
 как именуют

поток, разделяющий
земли богов и йотунов».

(Один сказал:)

16 «Ивинг-река,
вот поток, разделяющий
земли богов и йотунов,
всегда текущий —
на нем вовеки
льда не бывало».

(Вафтруднир сказал:)

17 «Стоя, коль хочешь
стоя беседовать,
ответь мне, Победный,
как именуют место, где Сурт
будет с богами биться».

Один (сказал:)

18 «Бранное Поле,
вот место, где Сурт
будет с богами биться:
сто дней проскачи —
не увидишь конца
поля, ждущего битвы».

Вафтруднир (сказал:)

19 «Разумен ты, гость!
Рядом с йотуном сядь —
лучше беседовать сидя:
головы наши
поставим на кон
в словопрении нашем».

Один (сказал:)

20 «Во-первых скажи мне,
Вафтруднир мудрый,
ответь, коли знаешь:

как были сделаны
земля и небо, —
ответствуй, йотун?»

Вафтруднир сказал:

21 «Из мяса Имира
сделаны земли,
из косточек — горы,
небо из черепа
льдистого йотуна,
из крови — море».

Один сказал:

22 «Скажи во-вторых мне,
Вафтруднир мудрый,
ответь, коли знаешь:
месяц явился
во тьме ради смертных
и солнце — откуда?»

Вафтруднир сказал:

23 «Зовут Мундильфьёрп
того, кто родил
солнце и месяц,
они же ежедневно
небо обходят,
мерила времени».

Один сказал:

24 «В-третьих скажи мне,
Вафтруднир мудрый,
ответь, коли знаешь:
откуда явился
день в мире смертных
и ночь, и луны?»

Вафтруднир сказал:

25 «Зовут того Деллинг,

кто день породил,
Нёр же — родитель ночи,
были богами
созданы луны,
мерила времени».

Один сказал:

26 «В-четвертых скажи мне,
Вафтруднир мудрый,
ответь, коли знаешь:
откуда явились
в мире богов
зима и теплое лето?»

Вафтруднир сказал:

27 «Виндсваль зовется —
ветер студёный —
тот, кто зиму родил,
Свасуд — ласковый —
лето...»

Один сказал:

28 «В-пятых скажи мне,
Вафтруднир мудрый,
ответь, коли знаешь:
кто был вначале,
кто старше асов,
старейший из отпрысков Имира?»

Вафтруднир сказал:

29 «Бергельмир жил
за многие зимы
до сотворения суши,
Его родителем
Трудгельмир был,
Аургельмир — дедом».

Один сказал:

30 «В-шестых скажи мне,
 Вафтруднир мудрый,
 ответь, коли знаешь:
 первый из йотунов —
 Аургельмир,
 откуда он взялся, йотун?»

Вафтруднир сказал:

31 «Ознобные брызги
 Эливагара
 смерзлись в первого йотуна,
 от коего наше
 семя пошло, —
 вот отчего мы злобны».

Один сказал:

32 «В-седьмых скажи мне,
 Вафтруднир мудрый,
 ответь, коли знаешь:
 откуда же дети
 явились у йотуна,
 когда и жены-то не было?»

Вафтруднир сказал:

33 «Слышно, подмышки
 льдистого турса
 сына и дочь родили,
 нога с ногою
 зачали йотуну
 шестиголового сына».

Один сказал:

34 «В-восьмых скажи мне,
 Вафтруднир мудрый,
 ответь, коли знаешь:
 что тебе первое

памятно в древности,
наимудрейший йотун?»

Вафтруднир сказал:

35 «Бергельмир жил
за многие зимы
до сотворения суши:
как он лежал
в погребальной ладье —
вот что мне первое памятно».

Один сказал:

36 «В-девятых скажи мне,
Вафтруднир мудрый,
ответь, коли знаешь:
откуда приходит
волнующий море
ветер, людям незримый?»

Вафтруднир сказал:

37 «Йотун-орел
по имени Хресвельг
сидит там, где небо кончается,
машет крылами —
и ветер вест
над всем этим миром».

Один сказал:

38 «В-десятых ответь мне,
всезнающий Вафтруднир,
коль судьбы богов ты знаешь:
откуда он взялся,
Ньёрд, среди асов,
имеющий тысячу
храмов и жрищ?
Ведь он не родился асом».

Вафтруднир сказал:

39 «В землях ванов
 рожден он, светлый,
 живет у богов как заложник:
 судьбы свершатся —
 и он вернется
 восвояси, к премудрым ванам».

Один сказал:

40 «Еще ответь мне:
 где ежедневно
 дружины сражаются?»

Вафтруднир сказал:

41 «В усадьбе Одина,
 там ежедневно
 дружины сражаются:
 друг друга порубят,
 а после верхами
 едут на пир совместный».

Один сказал:

42 «Еще скажи мне,
 всезнающий Вафтруднир,
 откуда ты судьбы знаешь?
 Слово о йотунах,
 слово об асах
 ты произнес исправно,
 наимудрейший йотун».

Вафтруднир сказал:

43 «Слово о йотунах, слово об асах
 я произнес исправно,
 поскольку прошел
 все девять миров
 и даже Нифльхель,
 обиталище смерти».

Один сказал:

44 «Все слышал, все видел,
всех богов переспорил —
ответь мне: из смертных
кому суждено
выжить в Страшную Зиму⁴?»

Вафтруднир сказал:

45 «Лив и Ливтрасир,
чета, укроются
в куще Ходдмимир,
рассветные росы
будут им пищей,
и вновь народятся люди».

Один сказал:

46 «Все видел,
все слышал,
всех богов переспорил —
ответь мне: солнце
как явится в небе,
коль Фенрир пожрет светильню?»

Вафтруднир сказал:

47 «Альврёдуль деву
прежде родит,
чем Фенрир пожрет светильню,
боги погибнут,
но будет ходить
дорогой родительской дева».

Один сказал:

48 «Все видел,
все слышал,
всех богов переспорил —
ответь мне: какие
над морем, над миром
провидцы-девы летают?»

Вафтруднир сказал:

49 «Над морем, над миром
 три девы летают,
 дочери Мёгтрасира:
 благо людям
 они приносят,
 хоть и родом они из йотунов⁵».

Один сказал:

50 «Все видел,
 все слышал,
 всех богов переспорил —
 ответь мне: в живых
 кто пребудет из асов,
 когда Сурта пламя погаснет?»

Вафтруднир сказал:

51 «Видар и Вали
 пребудут в живых,
 когда Сурта пламя погаснет,
 Моди и Магни
 Наследуют Мьёльнир,
 погибшего Тора молот».

Один сказал:

52 «Все видел,
 все слышал,
 всех богов переспорил —
 ответь мне: как же
 погибнет Один
 в битве богов последней?»

Вафтруднир сказал:

53 «Отца Живущих
 волк растерзает,
 но Видар ему отомстит,
 пойдет на волка

и звериную пасть
надвое разорвет».

Один сказал:

54 «Все видел,
 все слышал,
 всех богов переспорил —
 ответь мне: что же
 Один шепнул
 сыну, лежащему на костре?»

Вафтруднир сказал:

55 «Никто не узнает,
 что ты шепнул
 сыну, лежащему на костре;
 о прошлом сказал я
 и о будущей битве,
 но смерти я ныне достоин:
 с тобою, Один,
 напрасно спорил —
 ты в мире наимудрейший!»

РЕЧИ ГРИМНИРА

О сыновьях конунга Храудунга

У конунга Храудунга было два сына; одного звали Агнар, другого — Гейррёд. Агнару было десять, Гейррёду восемь зим. Вышли они на лодке вдвоем порыбачить — у них были свои переметы с крючками.

Ветром отнесло их в море; в ночной темноте их лодка разбилась о берег; они же вышли на сушу и встретили там старика. У него они зимовали. Старуха опекала Агнара, а старик — Гейррёда.

По весне старик дал им лодку. А когда старики провожали их на берег, старик с глазу на глаз переговорил с Гейррёдом. С попутным ветром они приплыли к пристанищу своего отца. Гейррёд был на носу лодки; он спрыгнул на берег, оттолкнул лодку и сказал: «Плыви дальше, тролли тебя возьми!» Лодку унесло в море, а Гейррёд пошел в отцовскую усадьбу. Приняли его хорошо; отец к тому времени уже умер. Гейррёда избрали конунгом, и стал он знаменитым воином.

Сидели однажды Один и Фригг на престоле Хлидскьяльв и озирали все миры. Один сказал: «Видишь ли ты своего подопечного Агнара? Он с великаншей в пещере народил детей. А Гейррёд, мой подопечный, стал конунгом и правит страной!» Фригг говорит: «Он так скуп на еду, что морит гостей голодом, когда ему кажется, что собралось их слишком много. Один говорит, что это величайшая ложь. Поспорив, они побились об заклад.

Фригг послала свою служанку Фуллу к Гейррёду. Она велела предупредить конунга, чтобы тот остерегся колдуна, который явился в его земле; и еще сказала: узнать его можно по тому, что ни одна собака, даже самая злая, на него не бросится. На самом деле, это величайшая неправда, будто Гейррёд был скуп на еду. Но конунг велел схватить того человека, на которого не лаяли собаки. Он был в синем плаще и назвался Гримниром¹; о себе он больше ничего не сказал, сколько его ни допрашивали. Конунг приказал пытать его, пока не заговорит, и посадить между двумя кострами. Так он просидел восемь ночей.

У конунга Гейррёда был сын десяти зим от роду, нареченный Агнар, так же, как брат его отца. Агнар подошел к Гримниру, подал ему полный рог питья и сказал, что конунг поступает дурно, подвергая пытке безвинного. Гримнир отпил. Тут огонь подобрался так близко, что опалил плащ Гримнира. Тот сказал:

1 Пынешь ты, пламя,
 слишком уж разгорелось:
 прочь от меня, огонь!
 мех задымился —

вверх воздымаю, —
плащ опалило мне.

2 Меж двумя огнями
 сижу ночь осьмую,
и еды не дал мне
 никто — только Агнар:
 только он и станет,
 сын Гейррёда, править
 в готских пределах.

3 Благо тебе, Агнар!
 блага тебе волит
бог-воеводитель:
 лучшей платы
 вовек не получишь
за глоток-то — и только.

4 Вот же, я вижу,
 святу землю
близ асов и альвов;
 Трудхейм, Двор Мощи, —
 Тору жилище,
покуда не сгинут судии.

5 Идалир-поле —
 Долина Тисов, —
Уль там хоромы кромил;
 Фрейру древле
 подарили Альвхейм
боги на зубок.

6 Вот двор третий:
 там вышние судии
сребром кромы крыли;
 Валаскьяльв зовется
 двор, что издревле
держит сам ас.

- 7 Сёкквабекк — четвертый, —
 Скамья, над которой
 хладные волны бьются;
 там Один и Сага
 что дневно златые
 в счастье чаши пьют.
- 8 Гладсхейм — двор пятый,
 Отрадный, где Вальгалла
 златозарна воздвиглась;
 там Хрофт избирает
 ратных мужей
 чтодневно в битве убитых.
- 9 Кто к Одину отходит,
 оные хоромы
 тот сразу распознает:
 кров там — тарчи,
 копьа — стропила,
 на скамьи стланы кольчуги.
- 10 Кто к Одину отходит
 оные хоромы
 тот сразу распознает:
 волк там подвешен
 над дверью закатной,
 и тоже орел там кружит.
- 11 Трюмхейм — Шумный —
 шестой, где прежде
 жил Тьяци, могучий йотун;
 на месте отчем
 невеста божья
 ныне светлая Скади живет.
- 12 Брейдаблик — Блесткий —
 седьмой, где Бальдр

себе хоромину строил;
мне же известно,
что в этом месте
нечестие — случай несчастый.

- 13 Химинбьёрг — Небогорье —
 осьмой двор, где Хеймдалль,
известно, храмами правит;
 в хоромине ухоженной
 божий страж веселый
 пьет свой добрый мед.

- 14 Фолькванг — девятый,
 Ратный, где Фрейя
 наделяет местами в застолье:
 чтодневно из павших
 берет половину,
 другой же владеет Один.

- 15 Глитнир — десятый,
 Яркий, где златы
 опоры, серебра кровля,
 там Форсети² время
 всяк день коротает,
 всякую тяжбу судит.

- 16 Ноатун — Корабельный —
 одиннадцатый, где Ньёрд
 уладил себе палаты,
 нет в нем изъяна,
 он князь челоуеков
 и в храмах высоких правит.

- 17 Кусты с травостоем
 высоким и лес
 в земле Видара вырос.
 Пospешно там спешится

сын нестрашимый,
и будет отмщен отец.

18 Андхримнир варит
 Сэхримнир-вепря
 в Эльдхримнир-чане —
 мясо прекрасно,
 но немногим известно,
 что этим эйнхериев кормят.

19 Жадного Гери
 и Фреки-прожору³
 кормит Родитель Ратей;
 но к войнам привыкший,
 оружием славный,
 жив Один вином — и только.

20 Мыслящий Хутин,
 помнящий Муни⁴
 крутоземно лстает.
 Вернется ль, не знаю,
 Хутин ко мне;
 за Мунина больше тревожусь!

21 Тунд⁵ половодный
 вост, и волка
 Фернира рыба резвится;
 вброд же ту воду
 народу павших
 нет сил пересечь.

22 Вальгринд — для мертвых
 врата — средь поля,
 свята в святых решетка;
 издревние врата,
 и вряд ли многим
 ведомы створов запоры.

- 23 Горниц пять сотен
 и сорок, как помню, —
в обители Бильскирнир⁶ есть:
 домом под кровлей,
 знаю, владеет
чадо мое величайшим.
- 24 Дверей пять сотен
 и сорок, как помню, —
в Вальгалле есть:
 в дверь каждую восемь
 воинов сотен
 выйдет на битву с Волком⁷.
- 25 Над залом Родителя Ратей
 Хейдрун-коза
 листья Лерада⁸ ест;
 мед ее ярый
 льется в братину —
тот мед не иссякнет вовек.
- 26 Над залом Родителя Ратей
 дуборогий олень
 листья Лерада ест
 и в Чан Кипящий,
 в начало всех рек,
в Хвергельмир каплет с рогов⁹.
- 27 Доля и Ширь,
 Скорь и Ярь,
 Студь и Битвохоча,
 Мчица, Жрица,
 Рейн и Торопа,
 Болтунья и Рева,
 Старица и Копьекиша —
вьются вкрут божьих сокровищ, —
Гремуча и Лута,

Вспуча и Круча,
Жада и Ложетеча.

- 28 Двиною одна зовется,
Быстриною — вторая,
третья — Вода Велика,
Млеча, Леча,
Буча, Бегуча,
Лють и Буря,
Алчица, Волчица,
Доль и Надежа,
Бережа и Непрохожа;
а Звонь и Молонья —
людские реки,
но ниспадают в Хель.
- 29 Через Кёрмт и Эрмт,
через две Керлауги
Тор поневоле вброд
каждый же день —
ходит теперь
на судбище к Иггдрасиль-древу,
ибо мост божий
обложен огнем,
святы воды вскипают.
- 30 Радый и Златый,
Свет и Фыркун,
Крепкожилый и Среброгривый,
Сверк, Власопят,
Златогрив, Легконог —
вот кони, на коих асы
каждый же день
скачут теперь
на судбище к Иггдрасиль-древу.
- 31 Тремя корнями
тот ясень-древо

на три страны пророс:
Хель — под первым,
хримтурсам — второй,
под третьим — род человеков.

32 Белка по имени
мысь Вострозубка
снует по Иггдрасиль-древу,
сверху она
слово орла
вниз темному Нидхёггу носит.

33 Две пары оленей
вершину древа
гложут, вытянув выи:
Туротрор, Умерший,
Мешкий и Чуткий.

34 И змей немало
под Иггдрасиль-древом —
больше, чем думают дурни иные:
Пустошник и Подземельник —
Могильного Волка дети,
тоже Серый и Скрытень,
Снотворец и Витень;
мне же ведомо: ветви
Древа им вечно грызть.

35 Иггдрасиль-ясень
терпит страсти,
коих не знают люди:
олень объедает,
ствол подгнивает,
Нидхёгг терзает снизу.

36 Христи Мглиста¹⁰
рог да подаст мне,

тож Секирница и Протыка,
Сечь и Сила,
Страдь и Дружина,
Мечезвоница и Копьемеча;
а Защита и Щада,
и Советница тоже
пусть эйнхериям пиво подносят.

- 37 Ранний и Резвый
 разом берутся,
солнце высоко возносят;
 у них же под мышками
 мехи кузнечные
 скрыли благие боги.
- 38 Щит Свалин, Студящий, —
 стоящий пред солнцем,
перед блестящей богиней,
 и вот же, я знаю,
 когда упадет он,
 горы и море сгорят.
- 39 Лгун — имя волка, —
 который гонит
ее, ясноликую, в чашу;
 второй — Ненавистник,
 исчадь Волка,
бежит перед светлой невестой небес¹¹.
- 40 Из мяса Имира
 земля содеяна,
море — из крови его,
 горы — из кости,
 лес — из волосьев,
из черепа — свод небес.
- 41 Мир из ресниц его
 Мидгард сынам человечьим,

сделали боги благие,
из мозгов же его
сотворили благие
тучных туч облака.

- 42 Заслужит милость
 всебожьё и Улля,
кто погасит огонь,
 ибо, как чаны
 подымут, тут чада
асов увидят миры.
- 43 Челн досчанный в начале
 Ивальди чада¹²,
Скидбладнир строить пришли,
 корабль наилучший
 пресветлому Фрейру,
достойному отпрыску Ньёрда.

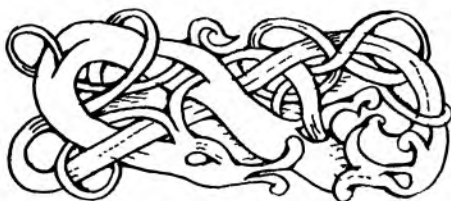
- 44 Иггдрасиль — древо
 из древес наилучшее,
Скидбладнир — лучший из стругов,
 Один — из асов,
 Слейпнир — из коней,
Радуга¹³ — из мостов,
Браги — из скальдов,
 из ястребов — Хаброк,
а пес наилучший — Грам.

- 45 Вот лик свой явил я
 чадам божьим,
да явится помочь победных,
 дабы все асы
 вместе воссели
на скамьи Эгира
в застолье Эгира¹⁴!

- 46 Я — Грим-личина¹⁵
и Ганглери-странник,
Вождь — мне имя, тож Шлемоносец,
Друг и Сутуга,
Третей и Захват,
Высокий и Слепо-Хель,
- 47 Истый, Изменный,
Истогадатель,
Радость Рати и Рознь,
тож Одноглазый, тож Огнеглазый,
Злыдень и Разный,
Личина и Лик,
Морок и Блазнь,
- 48 Секиробородый, Даятель Побед,
Широкополый, Смутьян,
Всебог и Навь-бог,
Всадник и Тяж-бог, —
вовек не ходил я
среди человеков,
своих не меняя имен.
- 49 Ныне у Гейрёда
я — Гримнир-личина;
я же у Эсмунда был
Мерин, впрягшийся
в сани, Кормилец;
я на тинге — Цветущий,
я же в битве — Губитель;
Ярый, Равный,
Вышний, Брадатый,
Посох и Щит для богов¹⁶.
- 50 Звал меня Сёккмимир
Узд и Обузд,
я же стар-йотуна перехитрил

и победил я
один на один
славного Мидвиднир-сына.

- 51 Пьян ты, Гейррёд,
пил-то без меры;
и не помогут тебе
ни я, ни эйнхерии,
ни милость Одина —
многое ты потерял.
- 52 Много сказал я,
да мало ты помнишь;
друг тебе недругом стал,
вижу, друже,
лежит на земле
меч твой, и весь в крови.
- 53 Конец твой знаю:
ныне же к Иггу,
клинком упокоен, пойдешь;
дисы в гневе;
ныне дерзнешь ли
на Одина глянуть, представ.
- 54 Один я ныне,
доныне — Игг страшный,
Сутуга — допрежде того,
Сторожкий и Конунг,
Сплетель и Тайный,
Гаут и Мерин в богах,
Снотворец и Витень —
и все они, знаю,
ныне во мне едины!

ПОЕЗДКА СКИРНИРА

Фрейр, сын Ньёрда, сидел однажды на престоле Хлидскьяльв и озира́л все миры. Он глянул на Йотунхейм и увидел там деву-красавицу, она шла от дома отца своего в кладовую. После этого он сильно затужил.

Скирнир был слугой Фрейра. Ньёрд просил его поговорить с Фрейром. Тогда молвила Скади:

- 1 Вставай-ка, Скирнир,
 ступай немедля,
 спроси у нашего сына,
 кем недоволен
 воин умелый
 и чем он разгневан».

Скирнир сказал:

- 2 «Меня ж обругает,
 коли немедля
 спрошу у вашего сына,
 кем недоволен
 воин умелый
 и чем он разгневан».

(Скирнир сказал Фрейру):

- 3 «Поведай мне, Фрейр,
 правитель вышних,
 я знать хотел бы,
 почто ты все время
 один и невесел
 в доме сидишь, хозяин».

Фрейр сказал:

- 4 «Как мне поведать,
 дружка мой младший,
 что меня гложет?
 Всем альвов светильня
 светит все время,
 не светит — моей охоте».

Скирнир сказал:

- 5 «Неужто охота,
 спрошу, столь великая,
 что и сказать невозможно?
 Мы сызмала дружны,
 но в прежнее время
 мы доверяли друг другу».

Фрейр сказал:

- 6 «В усадьбе Гюмира
 я видел деву —
 милее нет:
 сиянием дланей
 она озаряла
 моря и небесный свод.

- 7 Любви не бывало
 сильней и горше
 в прежнее время:
 асы и альвы,
 они не хотят деву мне в жены отдать».

Скирнир сказал:

- 8 «Дай мне коня,
 через темное пламя
 чтобы меня пронес,
 дай мне клинок,
 чтобы сам он рубился,
 сам йотунов бил».

Фрейр сказал:

9 «Вот тебе конь,
 через темное пламя
 чтобы тебя пронес,
 вот и клинок,
 чтобы сам он рубился,
 коли он в верных руках».

Скирнир сказал коню:

10 «Сумерки пали,
 пора в дорогу
 к йотунам нам
 по сырым камням:
 оба вернемся
 иль оба сгинем
 в плену у турсов могучих».

Скирнир поскакал в Йотунхейм к усадьбе Гюмира. Вокруг жилища Герд была ограда, а у ворот злые собаки. Он же увидел пастуха, сидящего на пригорке, и сказал:

11 «Скажи мне, пастырь —
 тебе же с бутра
 все дороги видны, —
 как пронести мне
 мимо собак
 весточку дочери Гюмира?»

Пастух сказал:

12 «На смерть идешь?
 Иль из мертвых явился?

 Весточку ты
 вовек не доставишь
 славной дочери Гюмира».

Скирнир сказал:

13 «Чего бояться,

коли решился
пойти на опасное дело:
час предназначен,
и день исчислен —
судьбой мне век отмерен».

Герд сказала:

14 «Что там за гром,
 слышу, гремит
 прямо в горнице нашей?
 Земля дрожит,
 и вся трясется
 Гюмирова усадьба».

Служанка сказала:

15 «Там — человек,
 он спрыгнул с коня
 и на травку пустил пастись».

Герд сказала:

16 «Проси приезжего
 быть гостем в доме
 и нашего меду отведать,
 хотя, быть может,
 это явился
 нашего брата убийца».

(Герд сказала Скирниру:)

17 «Ты не из асов,
 ты не из альвов,
 ты не из ванов светлых, —
 почто же скакал
 сквозь ярое пламя
 и к нам явился?»

(Скирнир сказал):

18 «Я не из асов,

я не из альвов,
я не из ванов светлых, —
однако скакал
сквозь ярое пламя
и к вам явился.

- 19 Одиннадцать яблок,
 все золотые,
 твои они будут, Герд,
 коль слово молвишь,
 мол, Фрейр мне желанен,
 желанен и жизни милей».

(Герд сказала:)

- 20 «Одиннадцать яблок
 с мужем в придачу
 мне брать неохота:
 не будет Фрейр,
 покуда мы живы,
 моим супругом».

Скирнир сказал:

- 21 «В придачу — обручье¹,
 которое с юным
 с Бальдром в костре горело:
 таких же по весу
 восемь обручий
 в десятую ночь родит».

(Герд) сказала:

- 22 «На что мне обручье,
 которое с юным
 с Бальдром в костре горело;
 золота хватит
 у Гюмира в доме,
 а я в этом доме — хозяйка».

Скирнир сказал:

- 23 «А видишь, дева,
 меч светозарный,
 волшебный в моей деснице:
 голову деве
 срубит, коль скоро
 молвишь не то, что надо».

Герд сказала:

- 24 «Тебя бояться
 с мужем в придачу
 мне совсем неохота,
 но если Гюмир
 тебя застанет,
 знаю, будете
 биться насмерть!»

Скирнир сказал:

- 25 «А видишь, дева,
 меч светозарный,
 волшебный в моей деснице:
 он же зарубит
 старого йотуна,
 ты же отца потеряешь.

- 26 Волшебным железом
 девы коснусь —
 и будет, как мне охота:
 окажется дева
 там, где никто
 вовеки ее не увидит²,

- 27 там, на Орлей скале,
 будешь ты сидеть,
 там сидеть-глядеть,
 где лишь Хель видать,
 там вкушать еду,

где на вкус еда
гаже гадов ползучих,

- 28 а пойдешь куда —
 станешь чудищем,
 чтобы Химнир глазел,
 чтобы всяк глядел —
 пуще стража богов
 ты прославишься,
зверем ты будешь в клетке;
29 горе, беда,
 хворь да нужда,
пусть тебя мучат пуще,
 а присядешь где,
 мной заклтая,
чтоб тебе не было роздыху —
 черной немочью мучайся;

- 30 чтобы день изо дня,
 чтобы тролли тебя
во владениях йотуна грызли,
 в доме льдистого
 чтобы день ото дня,
 чтоб слабела ты,
 чтоб хирела ты
да не знала бы радости,
 а печаль-тута
чтобы мучили пуще;

- 31 трехголовый турс
 тебе мужем будь,
или вовсе безмужняя
 сдохни, счакни,
 иссохни от порчи,
 как на пажити
 в осень скошенный
сохнет чертополох;

- 32 вот я в лес пошел,
 я в сыром лесу
прут волшебный искал,
прут волшебный нашел...
- 33 в гнев Оди́н,
 владыка асов,
и Фрейр разгневался:
 стала, дева, ты,
 непокорная,
ненавистна богам;
- 34 слышьте, йотуны,
 слышьте, турсы —
 племя Суттунга,
 асы, слушайте:
 проклиная я,
 заклинаю я
ее счастье в замужестве,
ее радость в замужестве;
- 35 чтобы Хримгримнир
 посадил тебя
в клетку смертную крепкую
 да поили б тебя
 духи подземные
только козьей мочой,
 а другого питья
 не видать бы тебе —
вот и будет, как мне охота,
и не будет, как тебе охота;
- 36 вот я руну «турс»
 и три руны в придачу —
 «скорбь» и «похоть»,
 и «черная немочь» —
 захочу сейчас
 начерчу сейчас,
а ко́да захочу — уничтожу...»

Герд сказала:)

37 «Во здравие, вестник,
 старого меду
 выпей из льдистого кубка!
 Не думала я,
 что придется отдать
 любовь мою сыну ванов».

(Скирнир сказал:)

38 «Ответь же вестнику,
 скажи мне честно
 прежде чем вспять отправлюсь,
 когда и куда ты
 придешь на свиданье
 к могучему сыну Ньёрда».

(Герд сказала:)

39 «Роща Барри,
 мы оба знаем,
 укромное место:
 там Герд подарит
 на девятую ночь
 любовь свою сыну Ньёрда».

Тут Скирнир поехал домой. Фрейр поджидал его на дворе, поздоровался и спросил:

40 «С коня не сходя,
 в дом не входя,
 сразу скажи мне, Скирнир:
 какие вести
 из Йотунхейма?
 Радость принес или горе?»

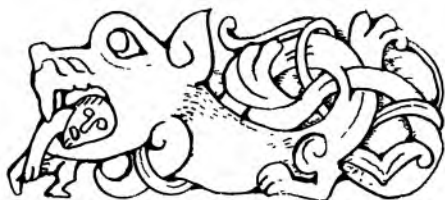
(Скирнир сказал:)

41 «Роща Барри,
 мы оба знаем,

укромное место:
там Герд подарит
на девятую ночь
любовь свою сыну Ньёрда».

(Фрейр сказал:)

42 «Ночь — это долго,
 две — еще дольше,
 а как же мне три прожить?
 Месяц порою
 бывает короче
любой половины ночи».

ПЕСНЬ О ХАРБАРДЕ

Тор возвращался с востока и вышел на берег пролива. На другом берегу пролива был перевозчик с лодкой. Тор окликнул его:

1 «Эй, парень-парнище,
 на том бережище чего стоишь?»

А тот ответил:

2 «Эй, стар-старичище,
 через водищу чего орешь?»

(Тор сказал:)

3 «Ищу переправу,
 плачу харчами,
 за плечами в плетенке —
 снеси на целый день:

сам-то в дорогу
набил утробу
селедкой с овсянкой
и есть не хочу».

(Перевозчик сказал:)

4 «Что ты кичишься
 набитым брюхом!
А знаешь ли, что тебя ждет?
Домой воротись под вечер, а дома
 мать твоя померла!»

(Тор сказал:)

5 «Вот уж, как есть,
 весь наихудшую
ты мне накаркал,
 что мать померла».

.....

(Перевозчик сказал:)

6 «Гляжу, не похоже,
 что ты троедворец:
к тому же без обуви,
 к тому же без одежды —
тоже хозяин мне! — сам без порток».

(Тор сказал:)

7 «Гони-ка лодчонку
 да сейчас отвечай-ка:
чья это лодка?
 От кого перевоз?»

(Перевозчик сказал:)

8 «Хильдольв, хозяин
 острова Радсей,
 он приказал мне

держать переправу:
воров, конокрадов,
сказал, не вози,
а только хороших
людей, мне известных.
Скажи свое имя —
авось переправлю».

(Тор сказал:)

9 «Скажу, хоть стою
на чужом берегу,
вот род мой и званье:
отец мне Один,
а брат мне Мейли,
а сын мне Магни,
а сам я сильнейший —
бог Тор перед тобою!
Теперь уж и ты
назови свое имя¹».

(Перевозчик сказал:)

10 «Нет нужды мне скрываться —
зовут меня Харбард».

Тор сказал:

11 «Скрываться нет нужды,
коль ты никого не боишься».

(Харбард сказал:)

12 «Кого мне бояться,
неужто тебя?
Коли мне суждено помереть не сегодня,
я тебя одолею!»

(Тор сказал:)

13 «Нет мочи как неохота
в воду лезть да поклажу мочить!»

Погоди, человечешко,
я с тобою за ругань сквитаюсь
на твоём берегу!»

(Харбард сказал:)

14 «Я тебя подожду
на моём берегу:
я, пожалуй что, посильнее,
чем Хрунгнир покойник²».

(Тор сказал:)

15 «То-то, Хрунгнира вспомнил!
Я его одолел —
вот был великанище,
головища из камня! —
я прикончил его
и ногами попраю.

А ты чем похвалишься, Харбард?»

(Харбард сказал:)

16 «А я в это время
у Фьельвара жил,
на острове Альгрэн
пять зим зимовал:
сколь хочешь с мужами
мы биться могли,
а пуще любиться —
с девицами спать».

(Тор сказал:)

17 «Ну, а девы-то как?»

(Харбард сказал:)

18 «Которая умная дева,
та сама к нам ходила,
которая хитрая дева,
та дома сидела —

хотела веревку
сплести из песка
да выкопать яму
поглубже земли.
А я хитроумьем
всех обошел:
все семеро, сестры, были моими,
со всеми любился, со всеми спал.
А ты чем похвалишься, Тор?»

Тор (сказал:)

19 «А я великана
Тьяци убил¹,
Альвальди сына
я очи закинул
аж на самое небо:
пусть каждый увидит
силу мою! —
они и поныне в небе.
А ты чем похвалишься, Харбард?»

Харбард сказал:

20 «А я соблазнял
наездниц ночных¹ —
жен уводил у мужей;
мне Хлебард по дружбе
дал, великан,
волшебную ветку, а я этой веткой
ему же мозги заморочил».

Тор сказал:

21 «Так ты ж за добро
злом заплатил!»

Харбард сказал:

22 «Дуб обломали
другому на пользу —

всяк о себе печется!
А ты чем похвалишься, Тор?»

Тор сказал:

23 «Был на востоке,
 перебил великанш,
 жили в горах
 и вредили немало:
 те великанши
 столько рожали,
 что скоро земли
 не осталось бы людям.
 А ты чем похвалишься, Харбард?»

Харбард сказал:

24 Ходил я в Валланд⁵,
 затеял смуту,
 рати стравливал,
 да не мирил:
 к Одину павшие
 шли воители,
 а к Тору — одни рабы».

Тор сказал:

25 «Будь твоя власть,
 ты бы так бестолково
 богов наделял бы людьми».

Харбард сказал:

26 «У Тора — сила,
 да духу мало:
 с испугу, со страху
 в варезку влез —
 аж забыл, что Тором зовется, —
 дыхнуть боялся,
 так испугался,
 не храпел, не пердел,
 лишь бы Фьялара не разбудить»⁶.

Тор сказал:

27 «Харбард, такой-разэтакий,
 убить тебя мало!
 Дай только залив переплыть!»

Харбард сказал:

28 «Да погоди ты переплывать залив —
 мы же еще не dospopили!
 А ты чем похвалишься, Тор?»

Тор сказал:

29 «Был на востоке,
 потоки стерег,
 там Сваранга дети
 со мною затеяли свару:
 метали в меня каменья,
 да только того и добились,
 что сами же стали
 пощады просить.
 А ты чем похвалишься, Харбард?»

Харбард сказал:

30 «Был на востоке,
 с девицей гулял,
 болтал с белолицей
 и тайно встречался,
 золото ей дарил —
 вот и добыл золотую».

Тор сказал:

31 «А ты там нехудо время проваживал».

Харбард сказал:

32 «А ты бы: Тор,
 мне мог бы помочь
 ту белолицую деву стеречь».

Тор сказал:

33 «Уж я бы помог,
 да не ведаю как».

Харбард сказал:

34 «Уж я бы тебе поверил,
 да ты ведь — хитришь».

Тор сказал:

35 «Что я, старый башмак,
 чтобы пятки щипать?»

Харбард сказал:

36 «А чем ты похвалишься, Тор?»

Тор сказал:

37 «Берсеркских жен
 бил на острове Хлесеи:
 порчу они
 на людей наводили».

Харбард сказал:

38 «Стыдно дело, Тор,
 с женами воевать!»

Тор сказал:

39 «Да разве же это жены?
 Не жены они, а волчицы:
 челн они мне проломил —
 на берегу он сушился —
 и Тьяльви, слугу моего, прогнали и мне
 самому угрожали железными палками.
 А ты чем похвалишься, Харбард?»

Харбард сказал:

40 «Я шел с дружиной —
 сюда она поспешала
 войну объявить
 и копье окровавить».

Тор сказал:

41 «Ты только за тем и спешил,
 чтобы как-нибудь мне досадить!»

Харбард сказал:

42 «Коль судьи присудят,
 я с тобою готов расплатиться
 за такую досаду
 вот этим колечком!»⁷

Тор сказал:

43 «И кто тебя научил
 таковой срамоте:
 вовек я не слышал
 слова срамнее».

Харбард сказал:

44 «Меня учили
 старые люди,
 которые в домовинах живут».

Тор сказал:

45 «Вот славно придумал:
 могильные ямы
 назвал жилыми домами».

Харбард сказал:

46 «Назвал как назвалось».

Тор сказал:

47 «Погоди, я с тобою
 за хулу расплачусь,
 дай только пролив переплыть:
 волком взвоешь,
 когда по тебе
 молот мой прогуляется».

Харбард сказал:

48 «Сив⁸ твоя дома
 гуляет с любовником —
 с ним расплатись,
 то-то подвиг для Тора!»

Тор сказал:

49 «Вздор мелешь,
 меня задоришь,
 болтливая баба,
 все, поди, врешь».

Харбард сказал:

50 «Я истину молвил,
 а ты — опоздаешь:
 будь лодка у Тора,
 давно был бы дома».

Тор сказал:

51 «Харбард, такой-разэтакий,
 из-за тебя опоздаю!»

Харбард сказал:

52 «Подумать только,
 великому Тору
 простой перевозчик — помеха».

Тор сказал:

53 «Тебе мой совет:
 подавай-ка лодчонку —
 хватит ругаться, —
 родителя Магни⁹ ты должен перевезти».

Харбард сказал:

54 «Иди ты отсюда,
 здесь нет перевоза».

Тор сказал:

55 «Коль нет перевоза,
 скажи хотя бы, где тут дорога окольная».

Харбард сказал:

56 «Сказать недолго,
 идти-то — дольше:
 дойдешь до колоды,
 а дальше — до камня,
 возьмешь левее,
 а там уже Верланд,
 там Тору-сыночку
 Фьёргюн¹⁰ укажет
 дорогу к дому,
 к Одину путь».

Тор сказал:

57 «А поспею ли засветло?»

Харбард сказал:

58 «С трудом да бегом
 доберешься, пожалуй,
 только под утро».

Тор сказал:

59 «Вот что попомни:
 ты надо мной посмеялся,
 и я тебе не забуду,
 как ты меня перевез».

Харбард сказал:

60 «А ешь тебя тролли!»

ПЕРЕБРАНКА ЛОКИ

Об Эгире и богах

Эгир, именуемый также Гюмиром, наварил пива для асов, как только получил огромный котел, как о том уже рассказано¹. На пир пришли Один и Фригг, его жена. Тор же не пришел, поскольку был на востоке². Была там Сив, жена Тора, были там Браги и Идун, его жена. Тюр тоже был там; он был однорукий, — Волк Фенрир откусил ему руку, когда был связан. Были там Ньёрд и жена его Скади, Фрейр и Фрейя, Видар, сын Одина. Локи там был, и слуги Фрейра — Бюггвир и Бейла. Много там было асов и альвов.

Эгир имел двух слуг — Фимафенга и Эльдира. Золото сияло там вместо светочей. Пиво там само подавалось. То было превеликое святое место. Гости с похвалой говорили, какие хорошие слуги у Эгира. Локи не мог стерпеть этого и убил Фимафенга. Тогда асы, потрясая своими щитами, завопили на Локи, и прогнали его в лес, а затем вернулись к застолью.

Локи пришел обратно и встретил Эльдира. Локи сказал ему:

- 1 Эй, ты, Эльдир,
 не смей уходить,
 прежде ответь-ка мне:
 чем там кичатся
 сейчас над чашами
 дети богов победных?

Эльдир сказал:

- 2 Успехами в битвах,
 доспехами хвалятся

дети богов победных;
ни асы, ни альвы
сейчас над чашей
о тебе любезно не молвят.

Локи сказал:

3 Так вот, я надумал:
войду в дом Эгира,
на возлияние гляну,
сварой и спором
попотчую асов,
пиво подпорчу желчью.

Эльдир сказал:

4 Гляди, коль ты вздумал,
войдя в дом Эгира,
на возлияние глянув,
грязью и дрязгом
забрызгать всесильных, —
о тебя же вся дрянь оботрется.

Локи сказал:

5 Гляди, коли вздумал
вздорить ты, Эльдир,
в поруганье со мной тягаться,
обильней будут
обида ответные!
Что же ты разболтался?

Тогда Локи вошел. Но сидевшие там увидели, кто это, и все замолчали. Локи сказал:

6 Скиталец усталый
к застолью вашему,
Лофт³ пришел издалека;
кто же из вас,
асы, подаст мне
чашу чистого меду?

7 Почто притихло,
 застолье достойное, —
или молвить неможется:
 честь и место
 да чаша меда!
или: с порога прочь!

Браги сказал:

8 Ни чести, ни места,
 ни чаши меда
тебе здесь не будет:
 всевластным известно,
 с кем неместно
пить асам на пиршестве.

Локи сказал:

9 Оба мы, Один,
 во время оно
 кровью братство скрепили⁴;
 припомни: пива
 не пить без меня
тобою было обещано.

Один сказал:

10 Вставай ты, Видар!
 пусть волчий отец⁵
 в застолье нашем воссядет,
 лишь бы Локи
 гостей не злословил
 в доме этом, у Эгира.

Тут Видар встал и наполнил чашу для Локи, но тот, прежде чем
выпить, сказал асам:

11 Слава асам
 и асиньям слава,
 и всем всеблагим богам,

но только не Браги,
на бражных лавах
сидящему посередине.

Браги сказал:

12 Меч отменный
 прими, а в придачу
 коня и гривну от Браги:
 хоть раз среди асов
 распри не сей!
 Берегись, не гневи богов!

Локи сказал:

13. Нет же коня у тебя,
 ни гривны —
 нет у Браги добычи брани;
 из асов и альвов
 в застолье всевластных
 самый опасливый — ты,
 гораздый бегать от битвы!

Браги сказал:

14 Не в этом бы доме,
 у Эгира, вздорить,
 на дворе бы нам встретиться! —
 я бы руками голыми
 голову оторвал бы!
 Погоди у меня, дожدهшься!

Локи сказал:

15 Храбришься ты, Браги,
 украса седалищ,
 за чашей браги — не в брани:
 давай воевать
 коль, вправду, охота, —
 смелый не стал бы медлить!

Идун сказала:

16 Брось это, Браги! —
 брань богородным
 и приемным сынам не прилична;
 лучше бы с Локи
 в склоку не лезть
 в этом доме, у Эгира.

Локи сказал:

17 Молчи-ка ты, Идун!
 елико из жен
 велико блудить горазда:
 не зря же любила
 даже и с тем,
 кто брата убил твоего.

Идун сказала:

18 Локи злославить
 я совсем не желаю
 в этом доме, у Эгира, —
 я только хотела
 утишить распрю,
 не буянил бы, пьяный, Браги.

Гевьон сказала:

19 Вы понапрасну
 два аса, бранитесь,
 поругая один другого,
 ведь Лофт — сам он знает —
 горазд на проказы
 и прать на рожон не прочь.

Локи сказал:

20 Молчи-ка, ты Гевьон!
 а то я напомним,
 как тебя соблазнил юнец:
 дарил обручья,

а ты за это
его на бедра себе возлагала.

Один сказал:

21 Безумен ты, Локи!
 наидерзейший,
ты в Гевьон разбудишь гнев, —
 всего живого
 ей ведомы судьбы
 не меньше, чем мне.

Локи сказал:

22 Молчи-ка ты, Один!
 с начала времен
людей ты судил неправо:
 в распре не раз,
 кто праздновал труса,
 тому ты дарил победу.

Один сказал:

23 Пусть в распрях не раз,
 кто праздновал труса,
тому я дарил победу,
 зато восемь зим
 ты в подземье сидел,
был дойной коровой,
был женкой рожалой,
ты — бабоподобный муж!

Локи сказал:

24 А сам ты, я слышал,
 на острове Самсей,
как ведьма, бил в барабаны,
 жил, ворожея,
 у людей в услуженье, —
сам ты бабоподобный муж.

Фригг сказала:

25 В застолье пристало ль
 столь много о старом
 вам толковать сегодня?
 Зачем понапрасну
 двум асам спорить?
 Прежние распри забудем!

Локи сказал:

26 Молчи-ка ты, Фригг!
 ибо, Фьёгюна дочь,
 как раз ты блудить горазда:
 Вилли и Ве,
 хоть Видрир — твой муж,
 с тобою любились оба.

Фригг сказала:

27 Когда бы сидел здесь,
 у Эгира в доме,
 хоть кто-нибудь, Бальдру подобный,
 ты с пиршества асов
 сейчас не ушел бы
 иначе, как больно побитый.

Локи сказал:

28 Знать, мало досталось! —
 желает ли Фригг
 хулу до конца послушать?
 Я — вот причина,
 что сына вовек,
 Бальдра, с тобою не будет!

Фрейя сказала:

29 Спятил ты, Локи! —
 о злом опять
 зачем ты речешь?
 Фригг же, я думаю,

знает грядущее,
хотя и молчит о том.

Локи сказал:

30 Молчи-ка ты, Фрейя! —
я знаю верней
всех прочих, сколь ты порочна:
вот асы и альвы,
в прекрасных палатах, —
и каждый любился с тобою.

Фрейя сказала:

31 Зол на язык ты,
да ложь-то, я знаю,
доведет тебя до беды:
в ярости асы
и асиньи в гнев —
до дому цел не дойдешь!

Локи сказал:

32 Молчи-ка ты, Фрейя!
елико ты — ведьма,
блудница — блудливей нет:
когда тебя боги
с братом застали⁶,
с испугу ты пукнула, Фрейя!

Ньёрд сказал:

33 Чему ж тут дивиться,
коль с мужем ложе
делит жена не с одним?
Хуже, что муж,
к тому же рожалый,
ты, ас никудышный, — средь нас!

Локи сказал:

34 Ньёрд, помолчи-ка,

елико ты был
залогом богов на востоке⁷:
ночами, как в чан,
мочились тогда
в рот тебе дочери Хюмира⁸.

Ньёрд сказал:

35 Зато я утешен —
 хотя я и был
залогом богов на востоке, —
 чадо зачал я,
 чудного сына, —
прекрасней средь асов нет!

Локи сказал:

36 Ньёрд, не спеши!
 Нашел, чем кичиться!
Я молчал, а теперь не смолчу:
 зачал ты чадо —
 вот чудо! — с сестрою!
Стыд вам двоим и срам!

Тюр сказал:

37 Из нас, из асов
 в прекрасных палатах,
лучший из лучших — Фрейр:
 жену ни одну
 не понудил, ни деву,
из полона же он свободил!

Локи сказал:

38 Тюр, помолчи! —
 ты с начала времен
и двоих-то не смог помирить:
 право, напомню,
 что правую руку
Фенрир тебе отъел⁹.

Тюр сказал:

39 Я — руку утратил,
а Хродрвитнир¹⁰ — где он?
Не равный урон понесли:
ведь Волку, похоже,
в узах-то хуже
гибели ждать богов!

Локи сказал:

40 Ты, Тюр, помолчал бы!
Жене твоей счастье —
ведь она от меня родила!
А чем за бесчестье
ты счелся? Не мстью ль?
Нет, отказался! Позор!

Фрейр сказал:

41 Пусть же Волк в путах
в устье лежит,
гибели ждет богов;
и ты, коль скоро
не кончишь болтать,
тож попадешь в оковы!

Локи сказал:

42 Дал ты в уплату
за Гюмира дочь
злато и меч в придачу:
коль Муспелля чада
промчатся сквозь Мюрквид,
чем ты, несчастный, помашешь?

Бюгтвир сказал:

43 Будь родом я равен
Ингунар-Фрейру,
владей я столь дивным домом,
ворону зловредную

враз ободрал бы —
расчленил бы его на части!

Локи сказал:

44 Что за ничтожество
 тут хвостом помавает
 и лижет великим?
 Жалкий, при жернове
 ты прожужжал
 уж и Фрейру все уши, канюча.

Бюгтвир сказал:

45 Я — Бюгтвир! Мою
 люди и боги
 скоропоспешность славят:
 в пиру я по праву
 средь родичей Хрофта,
 с ними я пиво пью.

Локи сказал:

46 Бюгтвир, молчи!
 ведь с начала времен
 людей накормить не умел;
 ты ж спишь под лавкой,
 тебя ж не отыщешь,
 коль скоро пора на рать!

Хеймдалль сказал:

47 Пьяный ты, Локи,
 пивом упился, —
 не пора ли, Локи, домой?
 Ведь всякий, кто пьян, —
 буян и болтун:
 мелет незнамо что!

Локи сказал:

48 Хеймдалль, молчи! —

ведь с начала времен
тяжелая жизнь у тебя:
знать, прееет спина
с тех пор у тебя,
как стал ты стражем богов.

Скади сказала:

49 Ловок ты, Локи,
да на воле тебе
недолго хвостом крутить:
кишками сына
скоро к скале
боги привяжут тебя.

Локи сказал:

50 Кишками сына
коль скоро к скале
боги привяжут меня,
помни: я первый
и я же последний
был при убийстве Тьяци!¹²

Скади сказала:

51 Помни, коль первый
и ты же последний
был при убийстве Тьяци,
ждет во владеньях
и в доме моем
отныне тебя погибель.

Локи сказал:

52 Локи на ложе
ласковой ты
залучала речами когда-то, —
коль старым считаться
мы стали, так это
теперь я тебе и попомнил.

Тогда Сив вышла вперед и наполнила медом ледяную чашу для Локи и сказала:

53 Привет тебе, Локи!
 Прими же ледяную
 меду отменного чашу!
 Хотя бы меня ты
 на возлиянье
 среди славных богов не злословь.

Он же взял рог и выпил:
54 Хотя бы тебя
 не порочил бы я,
 будь вправду ты непорочна,
 однако я знаю —
 мне ли не знать! —
 с кем от Хлорриди¹³ ты гуляла:
 то злобный был Локи.

Бейла сказала:

55 Вот дрогнули горы, —
 как я полагаю,
 то Хлорриди на подходе:
 знать, сможет унять он
 иного, кто ныне
 ругает богов и людей.

Локи сказал:

56 Молчи-ка, Бейла,
 Бюггвира женка,
 мерзостей смесь:
 ни разу среди асов
 тебя безобразней
 не бывало, засеря-скотница.

Тут вошел Тор и сказал:

57 Умолкни ты, скверный!

Глумливую речь
мой молот Мьёльнир прервет:
рамен камене¹⁴
с рамен снесу —
тут тебе и конец!

Локи сказал:

58 Ты же, сын Йорд,
к меду пришел, —
почто же, Тор, вздоришь?
Не столь будешь стоек
в стычке с тем волком,
что Родителя Ратей¹⁵ пожрет.

Тор сказал:

59 Умолкни ты, скверный!
Глумливую речь
мой молот Мьёльнир прервет.
Как возьму подыму
да метну на восток —
только тебя видали!

Локи сказал:

60 Да будет тебе
о набегах восточных
толковать от начала времен:
не ты ли, сам Тор,
там в рукавице
с испугу сидел и терпел?

Тор сказал:

61 Умолкни ты, скверный!
Глумливую речь
мой молот Мьёльнир прервет:
как я в правую руку
Хрунгнира гибель
возьму да метну — и костей не собрать!

Локи сказал:

62 В живых мне до века
 судьба оставаться —
 чего ж мне пугаться тебя?
 А тот ремешок,
 на мешке-то с припасом
 сколь у Скюрмира крепок? —
 с голодухи ты чуть не сдох!¹⁷

Тор сказал:

63 Умолкни ты, скверный!
 Глумливую речь
 мой молот Мьёльнир прервет:
 Хрунгнира гибель
 в Хель тебя сбросит
 прямо к смерти вратам!

Локи сказал:

64 Я все сказал асам,
 сказал сынам асов
 все, что желал сказать;
 с тобой, так и быть,
 спорить не буду,
 уйду — ведь ты драться горазд.

65 Пиво-то, Эгир,
 поспело, да только
 ты понапрасну старался!
 Пламя, дотла
 спали это место —
 весь дом и владенья;
 огонь твою спину — в пепел!

О Локи

После этого Локи, приняв облик лосося, спрятался в водопаде фьорда Франангр. Асы поймали его там. Он был связан кишками

своего сына Нарви, а сам его сын Нарви превратился в волка. Скади взяла ядовитую змею и подвесила ее над лицом Локи. Из нее точился яд. Сигюн, жена Локи, сидела там и подставляла чашу под точащийся яд; а когда чаша наполнялась, она отнимала чашу, чтобы вылить яд, и тогда яд капал на Локи, и от этого он корчился так, что вся земля дрожала. Ныне это называется землетрясением.

ПЕСНЬ О ВЁЛУНДЕ

О Вёлунде

Нидуд был конунгом в Свитьоде. У него было два сына и одна дочь; ее звали Бёдвильд.

Три брата были сыновьями конунга финнов: одного звали Слагфид, другого Эгиль, третьего Вёлунд. Они бегали на лыжах и охотились на зверя. Они пришли в Волчью Долину и поставили себе дом на Волчьем озере.

Однажды ранним утром они увидели на берегу озера трех женщин; те пряли лен, а рядом лежали их лебяжьи одежды. Это были валькирии. Две из них — Хладгуд Белолебедь и Хервёр Нездешняя — дочери конунга Хлёдвера¹, а третья, Эльрун, — дочь Кьяра из Валланда². Братья привели их в свой дом и оставили у себя. Эгиль взял в жены Эльрун, Слагфид взял Белолебедь, а Вёлунд — Нездешнюю. Там они прожили семь зим; а потом девы полетели искать сражения и не вернулись. Эгиль встал на лыжи и побежал искать Эльрун, Слагфид пошел за Белолебедью, Вёлунд же остался в Волчьей Долине. Он был самым искусным из людей, известных нам по древним преданиям. Конунг Нидуд приказал схватить его, как об этом рассказано здесь.

О Вёлунде и Нидуде

- 1 С полудня³ девы летели
над темным лесом —
Нездешняя⁴ с ними,
вестницы судеб;
на берег озерный
сели — для роздыха,
жены-полудницы
лен стали пряхть.
- 2 Из них единая —
из дев наидивная —
прильнула к Эгилю,
его избрала;
за ней — Белолебедь
в лебяжьих одеждах...;
а третья дева,
второй сестрица,
выбрала Вёлунда,
его обняла.
- 3 Так они жили,
семь зим поживали,
зиму осьмую
не жили — маялись,
а на девятую
вовсе ушли:
за темный Мюрквид⁵
они стремились,
нездешние девы,
вестницы судеб.
- 4 С ловитвы вернулся
зоркий охотник,
с ним Слагфид и Эгиль,
а дом опустел, —

внутри и снаружи
и всюду искали;
Эгиль на лыжах
за Эльдрун — к восходу,
Слагфид на полдень
за Сванхвит пустился,

- 5 а в Волчьей Долине
Вёлунд остался:
вправлял самоцветы
в червонное золото,
обручье к обручью
на лыка низал —
так пожидал он
свою хозяйку,
а вдруг да вернется
светлая в дом.
- 6 Тут вызнал Нидуд,
Ньяров владыка,
что в Волчьей Долине
Вёлунд — один,
и вот, ночью скачут
мужи в кольчугах,
ущербный месяц
блестит на щитах.
- 7 Ссели с седел
у самого дома,
двери открыли,
все сквозь обошли:
глядь, на лычаги
кольца нанизаны —
всего же семь сотен
сей выковал муж, —
- 8 сняли с лычаг
и вновь нанизали

все обручья —
одно лишь взяли.
Вёлунд с ловитвы
из мест далеких,
охотник зоркий,
домой прибежал

9 и стал медвежью
 свежатину жарить;
 сухая, как хворост,
 сосна полыхает —
 дровишки Вёлунду
 ветер высушил.

10 Альвов хозяин
 сел на шкуру медвежью,
 обручья считает —
 ан нет одного!
 Подумал: вернулась
 Хлёдвера дочь,
 жена молодая, —
 она и взяла.

11 Долго сидел он,
 пока не уснул он;
 не радостным было
 его пробужденье:
 руки веревкой
 накрепко связаны,
 ноги тутими
 обмотаны путами.

(Вёлунд сказал:)

12 «Чьи это люди
 кольцевладельца
 лычагой скрутили,
 меня повязали?»

- 13 Тут Нидуд крикнул,
Ньяров владыка:
«Откуда у Вёлунда
в Волчьей Долине,
у князя альвов,
золото наше?»
- (Вёлунд сказал:)
- 14 «Из груза Грани
здесь злата нет,
и Рейна холмы,
знать, далёко отсюда⁶;
помню, однако,
богатством не меньшим
мы, родичи, прежде
вместе владели —
- 15 Хладгуд и Хервёр,
Хлёдвера дети,
и знатная Эльдрун,
дочь Кьяра⁷...»
.....
- 16 (Жена преумная,
супруга Нидуда,) —
вошла в палаты
и вдоль прошла их,
в середине встала,
молвила тихо:
«Из лесу вышедший
другом не станет...»

Конунг Нидуд отдал своей дочери Бёдвильд золотое обручье, снятое им с лычаги в доме Вёлунда; сам же он препоясался мечом Вёлунда. А владычица сказала:

- 17 «...клыки он скалит,
как только видит

свой меч, а заметит
на Бёдвильд обручье —
глаза у него,
как у змея, горят.
Жилы ему
немедля подрежьте —
пусть сиднем сидит
в Севарстёд!»

Так и было сделано: ему подрезали подколенные сухожилия, а потом поместили на острове, который был недалеко от берега и назывался Севарстёд. Там он ковал для конунга разные сокровища. Никто не смел бывать у него, кроме самого конунга. Вёлунд сказал:

18 «На чреслах Нидуда
 клинок сверкает,
 его точил я —
 нельзя вострее,
 его закаливал,
 как мог я, твердо;
 мой меч блескучий
 навечно утрачен —
 к Вёлунду не вернется
 в кузне его рожденный;

19 а Бёдвильд носит
 жены моей злато —
 еще не отмщен я! —
 обручье красное».

20 Сидит он, не спит он,
 все молотом бьет —
 скоро скует он
 на Нидуда ковы.
 А Нидуда дети,
 два сына, вздумали
 взглянуть на казну,
 что на острове Севарстёд;

- 21 у скрыни встали,
 ключи спросили, —
 алчба их сгубила
 как внутрь заглянули:
 множество, юные
 видят, сокровищ
 красного злата
 и украшений.
- (Вёлунд сказал:)
- 22 «Еще приходите!
 Одни приходите!
 И все это злато
 вам же отдам я!
 Но только ни слова
 ни девам, ни слугам,
 да никто не прознал бы,
 что вы — у меня».
- 23 Скоро брат брату,
 один другому,
 молвят: «Пойдем-ка
 на золото глянем».
 Встали у скрыни,
 ключи спросили, —
 алчба их сгубила,
 как внутрь заглянули:
- 24 головы разом
 отрезал детям,
 ноги засунул
 под мех кузнечный,
 а череп каждого,
 кожу содравши,
 оправил в серебро,
 отправил Нидуду;

25 из глаз же их выделал
 самоцветные камни,
 послал их с умыслом
 супруге Нидуда,
 а зубы каждого
 узором выложил,
 в две гривны вправил,
 отправил Бёдвильд.

26 Сама тут Бёдвильд

 несет обручье, —
 смотри, мол, сломала:
 «Кто мне поможет,
 если не ты?»

Вёлунд сказал:

27 «Так я заделаю
 в золоте трещину —
 даже отец твой
 доволен останется,
 пуще того
 твоя мать возликует,
 да и тебе
 не меньше понравится».

28 Пива налил ей
 и так преуспел
 в деле, что дева
 на лавке уснула.
 «Теперь отомстил я
 за все неправды;
 одно же дело
 еще не сделал.

29 Но вот — сказал Вёлунд, —
 я встал на крылья,

что воины Нидуда
мне подрезали!»
Смеется Вёлунд,
в воздух взлетает⁸;
Бёдвильд же с острова
прочь, рыдая:
плачет о милом,
отца страшится.

30 Жена преумная,
супруга Нидуда
вошла в палаты
и вдоль прошла их
(а он на ограду
для роздыху сел):
«Не спишь ты, проснулся,
Ньяров владыка?»

31 «Не сплю, не проснулся —
на ложе плачу
в печали, как вспомню
сынов пропавших.
Ум мой застыл
от преумных советов!
С Вёлуном ныне
хочу перемолвиться.

32 Ответь мне, Вёлунд,
владыка альвов,
что случилось с моими
чадами славными?»

(Вёлунд сказал:)

33 Сначала сам ты
крепчайшей клятвой —
бортом лады,
венцом щита,

хребтом коня,
клинком меча —
клянись, что деву
казнить не станешь
и не погубишь
супругу Вёлунда⁹,
его невесту,
тебе известную, —
дитя родит она
в твоём же доме.

34 Пойди в ту кузню,
что сам ты поставил, —
там кожи с волосьями
найдешь кровавые:
головы разом
отрезал я детям,
ноги засунул
под мех кузнечный,

35 а череп каждого,
кожу содравши,
оправил в серебро,
отправил Нидуду;
из глаз же их выделал
самоцветные камни,
послал их с умыслом
супруге Нидуда,

36 а зубы каждого
узором выложил,
в две гривны вправил,
отправил Бёдвильд;
а Бёдвильд ныне
в утробе носит —
она же одна вам
дочь родная!»

(Нидуд сказал:)

37 «Худшей вести
мне принесть ты не смог бы —
словес наихудших
не услышать бы, Вёлунд!
Где тот, столь высокий,
что с коня тебя ссадит,
где лучший лучник,
что стрелою достанет,
когда ты плаваешь
в поднебесье!»

38 Смеется Вёлунд,
в воздух взлетает;
Нидуд в печали,
сиднем сидит.

(Нидуд сказал:)

39 «Вставай-ка, Такрад,
раб мой вернейший,
зови-ка Бёдвильд,
мою белоликую,
в одеждах светлых
с отцом побеседовать.

40 То правда ли, Бёдвильд,
что мне сказали, —
ты будто с Вёлундом
жила на острове?»

(Бёдвильд сказала:)

41 «Правду, Нидуд,
тебе сказали:
то было с Вёлундом
у нас на острове —
а лучше бы не было! —
в час наихудший!

Ведь я перед ним
устоять не сумела —
сил моих не было
ему противиться».

ВИДЕНИЕ ГЮЛЬВИ

Конунг Гюльви правил той страной, что зовется теперь Швецией. Сказывают о нем, что он даровал одной стране в награду за ее занимательные речи столько земли в своих владениях, сколько утащат четыре быка за день и за ночь. А была эта женщина из рода асов. Имя ей было Гевьон. Она взяла четырех быков с севера из Страны Великанов — это были ее сыновья от одного великана — и принялась пахать на них. И плуг так сильно и глубоко врезался в землю, что земля эта вся вздыбилась. И поволокли быки землю в море и еще дальше, на запад, и остановились в одном проливе. Там сбросила Гевьон ту землю и дала ей имя и назвала ее Зеландией. А там, где прежде была та земля, возникло озеро. Оно теперь в Швеции называется Меларен. И бухты на озере Меларен похожи с виду на мысы Зеландии¹. Так говорит об этом скальд Браги Старый²:

*У Гюльви светлая Гевьон
злато земель отторгла,
Зеландию. Бегом быков
вспенено было море.
Восемь звезд горели*

*во лбах четырех быков,
когда по лугам и долам
добычу они влекли.*

Конунг Гюльви был муж мудрый и сведущий в разных чарах. Диву давался он, сколь могущественны асы, что все в мире им покорятся. И задумался он, своей ли силой они это делают или с помощью божественных сил, которым поклоняются. Тогда пустился он в путь к Асгарду, и поехал тайно, приняв обличие старика, чтобы остаться неузнанным. Но асы дознались о том из прорицаний и предвидели его приход прежде, чем был завершен его путь. И они наслали ему видение. И вот, вступив в город, он увидел чертог такой высоты, что едва мог окинуть его взором. А крыша чертога была вся устлана позолоченными щитами. Тьодольв из Хвина так говорит об этом:

*За спину забросили —
сытались камни —
Свафнира крышу
разумные воины.*

У дверей того чертога Гюльви увидел человека, игравшего ножами, да так ловко, что в воздухе все время было по семи ножей. Этот человек первым спросил, как его звать. Он назвался Ганглери, и сказал, что сбился с пути, и попросил ночлега. И еще спросил он, кто владелец того чертога. Человек ответил, что чертог тот принадлежит их конунгу. «И могу я отвести тебя к нему, и уж ты сам спроси, как его звать». И тотчас пошел человек в чертог, а Ганглери следом. И сразу же дверь за ним затворилась. Ганглери увидел там много палат и великое множество народу: иные играли, иные пировали, иные бились оружием. Он осмотрелся, и многое показалось ему диковинным.

Тогда он молвил:

*Прежде чем в дом
войдешь, все входы
ты осмотри,*

*ты огляди, —
ибо как знать,
в этом жилище
недругов нет ли.³*

Он увидел три престола, один другого выше. И сидят на них три мужа. Тогда он спросил, как зовут этих знатных мужей. И приведший его отвечает, что на самом низком из престолов сидит конунг, а имя ему — Высокий. На среднем троне сидит Равновысокий, а на самом высоком — Третий⁴. Тогда спрашивает Высокий, есть ли у него еще какое к ним дело, а еда, мол, и питье готовы для него, как и для прочих, в палате Высокого. Ганглери сказал, что сперва он хочет спросить, не сыщется ли в доме мудрого человека. Высокий на это отвечает, что не уйти ему живым, если не окажется он мудрее.

*И стой, покуда
ты вопрошаешь.
Пусть сидит отвечающий.*

И вот Ганглери начал спрашивать: «Кто самый знатный или самый старший из богов?». Высокий говорит: «Его называют Всеотец, но в древнем Асгарде было у него двенадцать имен: первое имя Всеотец, второе — Херран, или Херьян, третье — Никар, или Хникар, четвертое — Никуц, или Хникуд, пятое — Фьёльнир, шестое — Оски, седьмое — Оми, восьмое — Бивлиди, или Бивлинди, девятое — Свидар, десятое — Свидрир, одиннадцатое — Видрир, двенадцатое — Яльг, или Яльк»⁵.

Тогда спрашивает Ганглери: «Где живет этот бог? И в чем его мощь? И какими деяниями он прославлен?» Высокий говорит: «Живет он от века, и правит в своих владениях, а властвует надо всем на свете, большим и малым». Тогда молвил Равновысокий: «Он создал небо, и землю, и воздух, и все, что к ним принадлежит». Тогда молвил Третий: «Всего же важнее то, что он создал человека и дал ему душу, которая будет жить вечно и никогда не умрет, хоть тело и станет прахом или пеплом. И все люди, достойные и праведные, будут жить с ним в месте, что зовется Гимле или Вингольв. А дурные люди пойдут в Хель, а оттуда в Нифлхель»⁶. Это внизу, в девятом

мире». Тогда спросил Ганглери: «Каковы же были его деяния до того, как он сделал землю и небо?» И ответил Высокий: «Тогда он жил с инейстыми великанами».

Ганглери спросил: «Что же было вначале? И откуда взялось? И что было еще раньше?» Высокий отвечает, как сказано в «Прорицании вёльвы»:

*В начале времен
не было в мире
ни песка, ни моря,
ни волн холодных.
Земли еще не было,
и небосвода,
бездна зияла,
трава не росла.⁷*

И сказал Равновысокий: «За многие века до создания земли уже был сделан Нифльхейм. В середине его есть поток, что зовется Кипящий Котел, и вытекают из него реки: Свэль, Гуннтра, Фьёрм, Фимбультуль, Слип и Хрид, Сюльг и Ульг, Вид, Лейфт. А река Гьёлль течет у самых врат Хель».

Тогда сказал Третий: «Всего раньше была страна на юге, имя ей Муспелль⁸. Это светлая и жаркая страна, все в ней горит и пылает. И нет туда доступа тем, кто там не живет и не ведет оттуда свой род. Суртом называют того, кто сидит на краю Муспелля и его защищает. В руке у него пылающий меч, и, когда настанет конец мира, он пойдет войною на богов и всех их победит и сожжет в пламени весь мир. Так сказано об этом в «Прорицании вёльвы»:

*Сурт едет с юга
с губящим ветви,
солнце блеснит
на мечах богов;
рушатся горы,
мрут великаны,
в Хель идут люди,
расколото небо».⁹*

Ганглери спросил: «Что же было в мире до того, как возникли племена и умножился род людской?» Тогда сказал Высокий: «Когда реки, что зовутся Эливагар, настолько удалились от своего начала, что их ядовитая вода застыла подобно шлаку, бегущему из огня, и стала льдом, и когда окреп тот лед и перестал течь, яд выступил наружу росой и превратился в иней, и этот иней слой за слоем заполнил Мировую Бездну». И сказал Равновысокий: «Мировая бездна на севере вся заполнилась тяжестью льда и инея, южнее царили дожди и ветры, самая же южная часть Мировой Бездны была свободна от них, ибо туда залетали искры из Муспелльсхейма». Тогда сказал Третий: «И если из Нифльхейма шел холод и свирепая непогода, то близ Муспелльсхейма всегда царили тепло и свет. И Мировая Бездна была там тиха, словно воздух в безветренный день. Когда ж повстречались иней и теплый воздух, так что тот иней стал таять и стекать вниз, капли ожили от теплотворной силы и приняли образ человека, и был тот человек Имир, а инеистые великаны зовут его Аургельмиром. От него-то и пошло все племя инеитских великанов, как сказано о том в «Кратком прорицании вёльвы»¹⁰:

*От Видольва род свой
все вёльвы ведут,
от Вильмейда род
ведут все провидцы,
а все чародеи —
от Черной Главы,
а великаны
от Имира корня.*

И так говорит об этом Вафтруднир великан:

*Откуда меж турсов
Аургельмир родился,
первый их предок?*

Тогда, когда:

*Брызги холодные
Эливагара*

*йотуном стали,
отсюда свой род
исполины ведут,
оттого мы жестоки».¹¹*

Тогда спросил Ганглери: «Как же возникли отсюда все племена? И откуда взялись другие люди? Или веришь ты, что тот, о ком рассказываешь, был богом?». И отвечает Высокий: «Никак не признаем мы его за бога. Он был очень злой и все его родичи тоже, те, кого зовем мы инеистыми великанами. И сказывают, что, заснув, он вспотел, и под левой рукой у него выросли мужчина и женщина. А одна нога зачала с другою сына. И отсюда пошло все его потомство — инеистые великаны. А его, древнейшего великана, зовем мы Имиром».

Тогда спросил Ганглери: «Где жил Имир? И чем он питался?» Высокий отвечает: «Как только растаял иней, тотчас возникла из него корова по имени Аудумла, и текли из ее вымени четыре молочные реки, и кормила она Имира». Тогда сказал Ганглери: «А чем же кормилась сама корова?» Высокий говорит: «Она лизала соленые камни, покрытые инеем, и к исходу первого дня, когда она лизала те камни, в камне выросли человечьи волосы, на второй день — голова, а на третий возник весь человек. Его прозывают Бури. Он был хорош собою, высок и могуч. У него родился сын по имени Бор.¹² Он взял в жены Бестлу, дочь Бёльторна великана, и она родила ему троих сыновей: одного звали Один, другого Вили, а третьего Ве.¹³ И верю я, что Один и его братья — правители на небе и на земле. Думаем мы, что именно так его зовут. Это имя величайшего и славнейшего из всех ведомых нам мужей, и вы можете тоже называть его так».

Тогда спросил Ганглери: «Как же поладили они между собою? И кто из них оказался сильнее?». Так отвечает Высокий: «Сыновья Бора убили великана Имира. А когда он пал мертвым, вытекло из его ран столько крови, что в ней утонули все инеистые великаны. Лишь один укрылся со всею своей семьей. Великаны называют его Бергельмиром. Он сел со своими детьми и женою в ковчег и так спасся. От него-то и пошли новые племена инеистых великанов, как о том рассказывается:

*За множество зим
до создания земли*

*был Бергельмир турс;
в гроб его
при мне положили,
вот, что первое помню¹⁴.*

Сказал тогда Ганглери: «За что же принялись тогда сыновья Бора, если они были, как ты думаешь, богами?». Высокий сказал: «Есть тут о чем поведать. Они взяли Имира, бросили в самую глубь Мировой Бездны и сделали из него землю, а из крови его — море и все воды. Сама земля была сделана из плоти его, горы же из костей, валуны и камни — из передних и коренных его зубов и осколков костей». Тогда молвил Равновысокий: «Из крови, что вытекла из ран его, сделали они океан и заключили в него землю. И окружил океан всю землю кольцом, и кажется людям, что беспределен океан и нельзя его переплыть». Тогда молвил Третий: «Взяли они и череп его и сделали небосвод. И укрепили его над землей, загнув кверху ее четыре угла, а под каждый угол посадили по карлику. Их прозывают так: Восточный, Западный, Северный и Южный. Потом они взяли сверкающие искры, что летали кругом, вырвавшись из Муспелльсхейма, и прикрепили их в середину неба Мировой Бездны, дабы они освещали небо и землю. Они дали место всякой искорке: одни укрепили на небе, другие же пустили летать в поднебесье, но и этим назначили свое место и уготовили путь. И говорят в старинных преданиях, что с той поры и ведется счет дням и годам, как сказано о том в «Проризании вёльвы»:

*Солнце не ведало,
где его дом,
звезды не ведали,
где им сиять,
месяц не ведал
мощи своей.¹⁵*

Так было раньше».

Тогда сказал Ганглери: «Слышу я о великих деяниях. На диво огромна эта работа и выполнена искусно. Как же была устроена эта земля?». Тогда отвечает Высокий: «Она снаружи округлая, а кругом

нее лежит глубокий океан. По берегам океана они отвели земли великанам, а весь мир в глубине суши оградил стеною для защиты от великанов. Для этой стены они взяли веки великана Имира и назвали крепость Мидгард. Они взяли и мозг его и, бросив в воздух, сделали облака. Вот как об этом сказано:

*Имира плоть
стала землей,
Кровь его — морем,
кости — горами,
череп стал небом,
а волосы — лесом.*

*Из век его Мидгард
людям был создан
богами благими;
из мозга его
созданы были
темные тучи».¹⁶*

Тогда молвил Ганглери: «Великое дело они совершили, сделав землю и небо и укрепив солнце со светилами и разделив сутки на день и ночь. А откуда взялись люди, населяющие землю?» И отвечает Высокий: «Шли сыновья Бора берегом моря и увидели два дерева. Взяли они те деревья и сделали из них людей. Первый дал им жизнь и душу, второй — разум и движение, третий — облик, речь, слух и зрение. Дали они им одежду и имена: мужчину нарекли Ясенем, а женщину Ивой. И вот от них-то пошел род людской, поселенный богами в стенах Мидгарда. Вслед за тем они построили себе град в середине мира и называли его Асгард, а мы называем его Троя¹⁷. Там стали жить боги со всем своим потомством, и там начало многих событий и многих распрь на земле и на небе.

Есть в Асгарде место Хлидскьяльв. Когда Один восседал там на престоле, видел он все миры и все дела людские, и была ему ведома суть всего видимого. Имя жены его — Фригг, дочь Фьёргвина, и от них родились все те, кого мы зовем родом асов и кто населяет древний Асгард и соседние страны. Все они божественного происхожде-

ния. И должно величать Одина Всеотцом, ибо он — отец всем богам и людям, всему, что мощью его было создано. И Земля была ему дочерью и женою. От нее родился его старший сын, это Аса-Тор. Дана ему великая сила и мощь. Потому побеждает он все живущее.

Нерви или Нарви звался великан, живший в Йотунхейме. Была у него дочь, от рождения черная и сумрачная, по имени Ночь. Мужем ее был человек по имени Нагльфари, а сына их звали Ауд. Потом был ее мужем Анар, дочь их звалась Землею. А последним мужем ее был Деллинг, из рода асов. Сына их звали День. Был он в своего отца светел и прекрасен собою. Позвал Всеотец Ночь и сына ее по имени День и дал им двух коней и две колесницы и послал их в небо, дабы раз в сутки объезжали они всю землю. Впереди несется Ночь, и правит конем Инеистая Грива, и каждое утро орошает землю пена, стекающая с его удил. А конь Дня зовется Ясная Грива, и грива его озаряет землю и воздух».

Тогда спросил Ганглери: «А как правит он ходом солнца и звезд?» Высокий говорит: «Одного человека звали Мундильфари. У него было двое детей. Они были так светлы и прекрасны, что он назвал Месяцем сына своего, а дочь — Солнцем. И отдал он дочь в жены человеку по имени Глен. Но богов прогневала их гордыня, и они водворили брата с сестрою на небо, повелев Солнцу править конями,пряженными в колесницу солнца: а солнце боги сделали, чтобы освещать мир, из тех искр, что вылетали из Муспелльсхейма. Эти кони зовутся Ранний и Проворный. Под дугами же у коней повесили боги по кузнечному меху, чтобы была им прохлада. В некоторых преданиях это называют кузнечным горном.

Месяц управляет ходом звезд, и ему подчиняются новолуние и полнолуние. Он взял с земли двух детей, Биля и Хьюки, в то время как они шли от источника Бюргир и несли на плечах коромысло Симуль с ведром Сэг. Имя отца их — Видфинн. Дети всегда следуют за месяцем, и это видно с земли».

Тогда молвил Ганглери: «Быстро мчится дева Солнце, словно чего-то страшится; спасайся она от самой смерти, и тогда не удалось бы ей бежать быстрее». Тогда отвечает Высокий: «Нечему тут удивиться, что она так бежит. Нагоняет ее преследователь, и ей ничего не остается, кроме как убегать». Тогда спросил Ганглери: «Кто же желает ее гибели?». Высокий говорит: «Есть два волка, и того, что

бежит за нею, зовут Обман. Его-то она и страшится, и он настигнет ее. Имя другого волка — Ненавистник, он сын Хродвитнира. Он бежит впереди нее и хочет схватить месяц. Так оно и будет». Тогда спросил Ганглери: «Кто породил тех волков?». Высокий говорит: «Есть великанша, что живет к востоку от Мидгарда в лесу, прозванном Железный Лес. В этом лесу селятся ведьмы, которых так и называют: ведьмы Железного Леса. Старая великанша породила многих сыновей-великанов, все они видом волки. Отсюда появились и эти волки. Говорят, что того же племени будет и сильнейший из волков, по имени Лунный Пес. Он пожрет трупы всех умерших и проглотит месяц и обрызжет кровью все небо и воздух. Тогда солнце погасит свой свет, обезумеют ветры, и далеко разнесется их завыванье. Так сказано об этом в «Прорицании вёльвы»:

*Сидела старуха
в Железном Лесу
и породила там
Фенрира род;
из этого рода
станет один
мерзостный тролль
похитителем солнца.*

*Будет он грызть
трупы людей,
кровью зальет
жилище богов;
солнце померкнет
в летнюю пору,
бури взъярятся —
довольно ль вам этого?*

Тогда спросил Ганглери: «Какой путь ведет с земли на небо?». Отвечал со смехом Высокий: «Неразумен твой вопрос! Разве тебе неизвестно, что боги построили мост от земли до неба, и зовется мост Биврёст?¹⁸ Ты его, верно, видел. Может статься, что ты зовешь его радугой. Он трех цветов и очень прочен и сделан — нельзя искуснее

и хитрее. Но как ни прочен этот мост, и он подломится, когда поедут по нему на своих конях сыны Муспелля, и переплывут их кони великие реки и помчатся дальше». Тогда молвил Ганлери: «Думается мне, не по совести сделали боги тот мост, если может он подломиться; ведь они могут сделать все, что ни пожелают». Отвечал Высокий: «Нельзя хулить богов за эту работу. Добрый мост Биврёст, но ничто не устоит в этом мире, когда пойдут войною сыны Муспелля».

Тогда спросил Ганлери: «Что предпринял Всеотец, когда строился Асгард?». Высокий отвечает: «Сначала он собрал правителей мира, чтобы решить с ними судьбу людей и рассудить, как построить город. Было это в поле, что зовется Идавёлль, в середине города. Первым их делом было воздвигнуть святилище с двенадцатью тронами и престолом для Всеотца. Нет на земле дома больше и лучше построенного. Все там внутри и снаружи как из чистого золота. Люди называют тот дом Чертогом Радости. Сделали они и другой чертог. Это святилище богинь, столь же прекрасное, люди называют его Вингольв. Следом построили они дом, в котором поставили кузнечный горн, а в придачу сделали молот, щипцы, наковальню и остальные орудия. Тогда они начали делать вещи из руды, из камня и из дерева. И так много ковали они той руды, что зовется золотом, что вся утварь и все убранство были у них золотые, и назывался тот век золотым, пока он не был испорчен женами, явившимися из Йотунхейма.

Затем сели боги на своих престолах и держали совет и вспомнили о карликах, что завелись в почве и глубоко в земле, подобно червям в мертвом теле. Карлики зародились сначала в теле Имира, были они и вправду червями. Но по воле богов они обрели человеческий разум и приняли облик людей. Живут они, однако ж, в земле и в камнях. Был старший Модсогнир, а второй — Дурин. Так сказано о том в «Прорицании вёльвы»:

*Тогда сели боги
на троны могущества
и совеща́ться
стали священные:
кто должен племя
карликов сделать
из Бримира крови*

*и кости Блаина.
Карлики много
из глины слепили
подобий людских,
как Дурин велел.*

И там перечислены такие имена карликов:

*Нии и Ниди,
Нордри и Судри,
Аустри и Вестри,
Альтюв, Двалин,
Нар и Наин,
Нипинг, Даин,
Бивур, Бавур,
Бёмбур, Нори,
Ори, Онар,
Оин, Мьёдвитнир,
Гандальв и Вигг,
Виндальв, Торин,
Фили и Кили,
Фундин, Вали,
Трор и Троин,
Текк, Вит и Лит,
Нюр и Нюрад
Рекк и Радсвинн.¹⁹*

Следом названы тоже карлы, которые живут в камнях (а те, которые были перечислены раньше, населяют почву) :

*Драуннир, Дольгтвари,
Хар, Хугстари,
Хледьольв, Глоин,
Дори и Ори,
Дув и Андвари,
Хефтифили,
Хар и Свиар.*

А эти карлы пришли из холма Свари через Болотные Топи на Песчаное Поле. От них происходит Ловар. Вот их имена:

*Скирвир, Вирвир,
Скафинн и Аи,
Альв и Инги,
Эйкинскьяльди,
Фаль и Фрости,
Финн и Гиннар».*

Тогда спросил Ганглери: «Где собираются боги или где главное их святилище?». Высокий ответил: «Оно у ясеня Иггдрасиль²⁰, там всякий день вершат боги свой суд». Тогда сказал Ганглери: «Что можно сказать о том месте?». Равновысокий отвечает: «Тот яшень больше и прекраснее всех деревьев. Сучья его простерты над миром и поднимаются выше неба. Три корня поддерживают дерево, и далеко расходятся эти корни. Один корень — у асов, другой — у инеистых великанов, там, где прежде была Мировая Бездна. Третий же тянется к Нифльхейму, и под этим корнем — поток Кипящий Котел, и снизу подгрызает этот корень дракон Нидхёгг. А под тем корнем, что протянулся к инеистым великанам, — источник Мимира, в котором сокрыты знание и мудрость. Мимиром зовут владельца этого источника. Он исполнен мудрости, оттого что пьет воду этого источника из рога Гьяллархорн²¹. Пришел туда раз Всеотец и попросил дать ему напиться из источника, но не получил он ни капли, пока не отдал в залог свой глаз. Так сказано о том в «Прорицании вёльвы»:

*Знаю я, Один,
где глаз твой скрытан:
скрыт он в источнике
славном Мимира!
Каждое утро
Мимир пьет мед
с залога Владыки,
довольно ль вам этого?²²»*

Под тем корнем ясеня, что на небе, течет источник, почитаемый за самый священный, имя ему Урд. Там место судьбища богов. Каж-

дый день съезжаются туда асы по мосту Биврёст. Этот мост называют еще Мостом Асов. Кони асов зовутся так: Слейпнир, лучший из них, он принадлежит Одину, этот конь о восьми ногах. Второй конь — Веселый, третий — Золотистый, четвертый — Светящийся, пятый — Храпящий, шестой — Серебристая Челка, седьмой — Жилистый, восьмой — Сияющий, девятый — Мохноногий, десятый — Золотая Челка, а Легконогий — одиннадцатый. Конь Бальдра был сожжен вместе с ним, а Тор приходит к месту судбища пешком и переправляется вброд через реки, которые зовутся так:

*Кёрмт и Эрмт
и Керлауг обе
Тор в брод переходит
в те дни, когда асы
вершат правосудье
у ясеня Иггдрасиль;
в ту пору священные
воды кипят,
пламенеет мост асов».²³*

Тогда сказал Ганглери: «Разве Биврёст охвачен пламенем?». Высокий говорит: «Тот красный цвет, что ты видишь в радуге, — это жаркое пламя. Инеистые великаны и великаны гор захватили бы небо, если бы путь по Биврёсту был открыт для всякого. Много прекрасных мест на небе, и все они под защитой богов. Под тем ясенем у источника стоит прекрасный чертог, и из него выходят три девы. Зовут их Урд, Верданди и Скульд. Эти девы судят людям судьбы, мы называем их норнами²⁴. Есть еще и другие норны, те, что приходят ко всякому младенцу, родившемуся на свет, и наделяют его судьбою. Некоторые из них ведут свой род от богов, другие — от альвов и третьи — от карлов. Так здесь об этом сказано:

*Различны рождением
норны, я знаю —
их род не единый:
одни от асов,
от альвов иные,
другие от Двалина²⁵».*

Молвил тогда Ганглери: «Если норны раздают судьбы, то очень неравно они их делят: у одних жизнь в довольстве да почете, а у других — ни доли, ни воли; у одних жизнь долга, у других — коротка». Высокий отвечает: «Добрые норны и славного рода наделяют доброю судьбою. Если же человеку выпали на долю несчастья, так судили злые норны».

Тогда спросил Ганглери: «Что же еще можно поведать о том ясе-не?». Высокий говорит: «Многое можно о нем сказать. В ветвях ясеня живет орел, обладающий великой мудростью. А меж глаз у него сидит ястреб Ведрфёльнир. Белка по имени Грызозуб снует вверх и вниз по ясеню и переносит бранные слова, которыми осыпают друг друга орел и дракон Нидхёгг. Четыре оленя бегают среди ветвей ясеня и объедают его листву. Их зовут Даин, Двалин, Дунейр, Дуратрор. И нет числа змеям, что живут в потоке Кипящий Котел вместе с Нидхёггом. Так здесь об этом сказано:

*Не ведают люди,
какие невзгоды
у ясеня Иггдрасиль:
корни ест Нидхёгг,
макушку — олень,
ствол гибнет от гнили.*

И еще:

*Глупцу не понять,
сколько ползает змей
под ясенем Иггдрасиль:
Гоин и Моин —
Гравитнира дети, —
Грабак и Граввёллуд,
Офнир и Свафнир, —
они постоянно
ясень грызут.²⁶*

И рассказывают, что норны, живущие у источника Урд, каждый день черпают из него воду вместе с той грязью, что покрывает его

берега, и поливают ясень, чтоб не засохли и не зачахли его ветви. И так священна эта вода, что все, что ни попадает в источник, становится белым, словно пленка, лежащая под скорлупой яйца. Так здесь об этом сказано:

*Ясень я знаю
по имени Иггдрасиль,
древо, омытое
влагой мутной,
росы от него
на доли нисходят;
над источником Урд
зеленеет он вечно.²⁷*

Росу, выпадающую при этом на землю, люди называют медвяной, и ею кормятся пчелы. Две птицы живут в источнике Урд, их называют лебедями, и отсюда пошла вся порода птиц, что так называется.

Тогда спросил Ганглери: «Много чудесного можешь ты поведать о небе. Что там еще есть замечательного, кроме источника?». Высокий отвечает: «Немало там великолепных обиталищ. Есть среди них одно — Альвхейм. Там обитают существа, называемые светлыми альвами. А темные альвы живут в земле, у них иной облик и совсем иная природа. Светлые альвы обликом своим прекраснее солнца, а темные — чернее смолы. Есть там еще жилище, называемое Брейдаблик, и нет его прекраснее. Есть и другое, что зовется Глитнир. Стены его и столбы и колонны — все из красного золота, а крыша — серебряная. И есть еще жилище Химинбьёрг. Оно стоит на краю неба, в том месте, где Биврёст дугою своей упирается в небо. Есть еще большое жилище Валаскьяльв, им владеет Один. Его построили боги, и оно крыто чистым серебром. И есть в том чертоге Хлидскьяльв, так зовется престол. Когда восседает на нем Всеотец, виден ему оттуда весь мир. На южном краю неба есть чертог, что прекраснее всех и светлее самого солнца, зовется он Гимле. Он устоит и тогда, когда обрушится небо и погибнет земля, и во все времена будут жить в том чертоге хорошие и праведные люди. Так сказано о том в «Прорицании вёльвы»:

*Чертог она видит
солнца чудесней,
на Гимле стоит он,
сияя золотом,
там будут жить
дружины верные,
вечное счастье
там суждено им».*

Тогда спросил Ганглери: «Что же будет защитой этому чертогу, когда пламя Сурта сожжет небеса и землю?». Высокий отвечает: «Говорят, будто к югу над нашим небом есть еще другое небо, и зовется то небо Андланг, и есть над ним и третье небо — Видблаин, и, верно, на том небе и стоит этот чертог. Но ныне обитают в нем, как мы думаем, одни лишь светлые альвы».

Тогда спросил Ганглери: «Откуда берется ветер? Он так силен, что волнует океаны и раздувает пламя. Но как ни силен он, никто не может его увидеть, ибо удивительна его природа». Тогда отвечает Высокий: «Об этом я легко могу тебе поведать. На северном краю неба сидит великан по имени Пожиратель Трупов. У него облик орла. И когда он расправляет крылья для полета, из-под крыльев его подымается ветер. Так здесь об этом сказано:

*Хресвельг сидит
у края небес
в обличье орла;
он ветер крылами
своими вздымает
над всеми народами».²⁸*

Тогда спросил Ганглери: «Почему так несхожи меж собою зима и лето: лето жаркое, а зима холодная?». Высокий отвечает: «Умный человек не спросил бы этого, ибо всякий может об этом рассказать. Но если уж ты столь малосведущ, что об этом не слыхивал, достойно похвалы, что ты предпочел задать один неразумный вопрос, а не оставаться невеждою в том, что следует знать всякому. Отец лета зовется Свасуд, он ведет безмятежную жизнь, и потому его именем

называется также и все приятное. Отца же Зимы называют когда Виндлони, а когда Виндсваль. Он сын Васада, и все в их роду жесткосердны и злобны. Вот почему у Зимы такой нрав».

Начинается сказ с того, что отправился Эку-Тор²⁹ с козлами своими и с колесницей в путь, а с ним и ас по имени Локи. Под вечер подъезжают они к дому одного человека и остаются там ночевать. А вечером Тор взял и зарезал своих козлов. Потом освежевал туши и положил в котел. А когда мясо сварилось, сел ужинать со своими спутниками. Позвал Тор к ужину и хозяина с женою да детьми. Сына хозяина звали Тьяльви, а дочку — Рёсквой. Потом Тор разложил перед очагом козлиные шкуры и велел хозяину и домашним его кидать кости в те шкуры. А Тьяльви, хозяйский сын, взяв бедренную кость козла и, насадив на нож, расколол и выковырял мозг.

Тор заночевал там, а спозаранку встал, оделся и, подняв молот свой, Мьёлльнир³⁰, освятил им шкуры. Встали козлы, но один хромал на заднюю ногу. Не укрылось это от Тора, и он сказал, что, верно, хозяин или домашние его не были осторожны с козлиными костями: ведомо ему, что сломана бедренная кость. Нужды нет долго рассказывать: всякий представит, как напугался хозяин, увидев, что Тор нахмурил брови. И как ни мало оставалось видно от глаз Тора, хозяин готов был повалиться наземь от его взгляда. Тор же ухватил руками молот, да так, что побелели суставы. Тут хозяин и вся родня его повели себя, как и нужно было ждать: завопили благим матом и попросили пощады, предлагая взамен все свое добро. Когда Тор увидел их страх, гнев его поулегся и, смягчившись, он пошел на мировую, взяв себе тех детей, Тьяльви и Рёскву. Они обязались нести ему службу и с той поры следуют за ним неотлучно.

Оставив там козлов, Тор держал путь на восток, в Страну Великанов. Дошедши сперва до моря, через море глубокое переправился и, ступив на берег, держал путь дальше, а с ним Локи, Тьяльви и Рёсква. Шли они так недолго и вот видят перед собою большой лес. Этим лесом шли они весь день, пока не стемнело. Никто на земле не мог поспорить с Тьяльви в скорости. Он нес мешок Тора, а еды у них было мало.

Когда совсем стемнело, они стали искать себе пристанища на ночь и набрали на какой-то дом, очень просторный. С одной стороны был вход шириною во весь дом. Там они заночевали. И вот посреди ночи случилось сильное землетрясение, заходила вся земля под ними ходуном, а дом так и затрясся. Тор поднялся и позвал своих товарищей, и, пробираясь вперед, они обнаружили пристройку по правую сторону дома, как раз посредине. Они вошли туда, Тор встал у входа, а остальные забились вглубь. Все были напутаны, но Тор сжимал рукоять молота и был готов защищаться. Вскоре они услышали сильный шум и грохот. А с приходом дня вышел Тор и видит: лежит человек в лесу неподалеку и росту немалого. Он спал и громко храпел. Тут Тор уразумел, что это грохотало ночью. Опоясывается он Поясом Силы, и прибыло у него силы божественной. И тут же проснулся человек и сразу встал на ноги. И, как сказывают, впервые Тору не хватило духу ударить молотом, и он спросил того об имени. Тот назвался Скрюмиром.³¹ «А мне, — сказал он, — нужды нет спрашивать, как тебя звать. Знаю я, что ты Аса-Тор. Не ты ль уволок куда-то мою рукавицу?». Потянулся рукою Скрюмир и поднял рукавицу, и Тор видит, что ее-то он и принял ночью за дом, а большой палец рукавицы — за пристройку.

Скрюмир спросил, не возьмет ли Тор его в попутчики, и Тор согласился. Тогда Скрюмир развязал свою котомку и принялся завтракать, а Тор и его сотоварищи сели в другом месте. Тогда Скрюмир предложил сложить всю еду вместе, и Тор согласился. Увязал Скрюмир все припасы в одну котомку и взвалил себе на спину. Весь день он шел вперед: широк был его шаг. А поздно вечером подыскал Скрюмир им пристанище под одним большим дубом. И сам сказал Тору, что ляжет спать, «а вы берите котомку и готовьте себе ужин». И в сей же миг засыпает Скрюмир и громко храпит. Тор же принялся развязывать котомку. И теперь надо сказать, хотя и покажется это невероятным: ни единого узла не сумел он развязать, ни единого узла ослабить. И увидев, что ничего не выходит, он разъярился: обеими руками схватил молот свой Мьёлльнир, шагнул одной ногой к лежащему Скрюмиру и ударил его по голове. А Скрюмир просыпается и спрашивает, не листок ли с дерева упал ему на голову да поужинали ли они и устроились ли на ночлег. Тор говорит, что они сейчас лягут. Ложатся они под другим дубом. И правду сказать, не до сна им было.

А среди ночи слышит Тор: так храпит Скрюмир в глубоком сне, что стоит в лесу гром. Тогда Тор встает и, подойдя к Скрюмиру, заносит свой молот и со всего маху ударяет Скрюмира в самое темя. Чувствует он: глубоко в голову вошел молот. в тот же миг просыпается Скрюмир и спрашивает: «Что это еще? Не желудь ли упал мне на голову? И что стряслось с тобой, Тор?». Отпрянул от него Тор и отвечает, что он-де только проснулся. «Еще полночь, — сказал он, — и время спать». А про себя подумал: если только выдастся ему случай нанести третий удар Скрюмиру, тому уж не видать Тора. И вот лежит он и поджидает, когда Скрюмир заснет покрепче.

Незадолго до рассвета Тор слышит, что Скрюмир заснул. Он встает и подскакивает к нему. Заносит молот, собрав все силы, и ударяет прямо в обращенный кверху висок. Вошел молот по самую рукоять. А Скрюмир сел, провел рукою по виску и сказал: «Не птицы ли сидят надо мною в ветках дерева? Почудилось мне, когда я просыпался, будто какой сучок упал мне на голову. Ты уже проснулся, Тор? Верно, пора вставать и одеваться. Недалеко вам осталось до города, что зовется Утгард. Я слышал, вы перешептывались, что человек я росту немалого: так увидите вы людей и повыше, если попадете в Утгард. Примите теперь мой добрый совет: не слишком там заноситесь. Люди Утгарда-Локи³² не потерпят насмешек от какой-то мелюзги. А не то поворачивайте обратно, это, я думаю, будет для вас всего лучше. Если же вы все-таки хотите идти дальше, держите путь на восток. Мне же путь лежит на север, к горам, что там виднеются».

Берет Скрюмир котомку, закидывает себе на спину и сворачивает с их пути в лес. И не сказано, чтобы асы пожелали скоро с ним свидеться.

Тор пустился снова в дорогу, а с ним и его сотоварищи, и так шли они до полудня. Тут увидели они: стоит посреди поля город. И пришлось им совсем запрокинуть головы, чтобы смерить его взглядом. Подошли они к городским воротам, а ворота были решетчатые и на запоре. Тор подошел к решетке, да замка отомкнуть не сумел. Все же они так силились проникнуть в город, что протиснулись между прутьями и вошли в него. Тут увидели они большие палаты и направились к ним. Дверь была открыта. Они зашли внутрь и увидели на скамьях по обеим сторонам множество народу, и большинство росту не маленького. Они сразу же

идут к конунгу Утгарда-Локи и его приветствуют. А тот не сразу и взглянул на них и сказал с ухмылкой: «Того, кто так далеко забрел, нечего спрашивать о новостях. Или ошибся я, приняв этого коротышку за Эку-Тора? Верно, ты все ж таки будешь поважнее, чем мне представляешься. Ну, в каком же искусстве беретесь вы себя показать? Не бывать среди нас тому, кто не сумеет отличиться в каком-нибудь искусстве или хитрости».

И говорит тот, кто стоял позади всех, а был то Локи: «Есть у меня искусство, которое я берусь показать: никто здесь не съест своей доли скорее меня». Тогда отвечает Утгарда-Локи: «И впрямь искусство это, если выйдет по-твоему. Надо испробовать это искусство». И он подозвал одного человека по имени Логи³³, сидевшего всех ниже, и велел ему выйти вперед и померяться с Локи силой. Тут принесли корыто и, наполнив его мясом, поставили на пол. Локи уселся с одного конца, а Логи — с другого, и принялись они есть кто скорее, и встретились посреди корыта. Локи обглодал дочи́ста все кости, а Логи съел мясо, да вместе с костями, а с ним и корыто. И всякому стало видно, что Локи игру проиграл.

Тогда Утгарда-Локи спрашивает, в какой игре покажет себя тот юноша, что пришел с ними вместе. Тьяльви и говорит, что он готов бежать взапуски со всяким, на кого укажет Утгарда-Локи. Утгарда-Локи говорит, что доброе это искусство, и, верно, знатный он скороход, если хочет показать себя в этом искусстве. И Утгарда-Локи тотчас велит устроить состязание. Он встает и выходит из палат, а там вдоль ровного поля была дорожка, как раз удобная для состязаний. И вот Утгарда-Локи подзывает к себе некоего парнишку — звали его Хути³⁴ — и велит бежать с Тьяльви вперегонки. Пускаются они бежать по первому разу, и Хути оказался настолько впереди, что в конце дорожки побегал он назад, навстречу Тьяльви.

Тогда Утгарда-Локи сказал: «Придется тебе, Тьяльви, приналечь, чтобы выиграть эту игру. Но и то правда: не бывало здесь человека, чтоб бегал быстрее тебя». Вот бегут они по второму разу, и когда Хути, добежав до конца дорожки, повернул назад, Тьяльви был от него на расстоянии полета стрелы. Тогда сказал Утгарда-Локи: «Вижу я, славно бегает Тьяльви, да только теперь не поверю, чтобы он выиграл игру. Но посмотрим, как пробегут они по третьему разу». И вот начинают они бег. Хути уже добежал до конца дорожки

и повернул назад, а Тьяльви не пробежал и половины. И все говорят, что игра окончена.

Тогда Утгарда-Локи спрашивает у Тора, что за искусство он им покажет: ведь столько рассказывают о его подвигах. И Тор сказал, что всего охотнее он бы померялся с кем-нибудь силами в питье. Утгарда-Локи говорит, что это устроить нетрудно. Идет он в палату, позвав своего стольника, велит подать штрафной рог, из которого обычно пьют его люди. И тотчас появляется стольник с тем рогом и подает его Тору. А Утгарда-Локи говорит: «Считается, что тот горазд пить из этого рога, кто осушит его с одного глотка. Другим на то надобно два глотка, и не найдется такого, у кого не достало бы силы опорожнить его с третьего разу». Тор глядит на рог и находит, что он невелик, хоть и длинен изрядно. А жажда у него немалая. Принимается он пить и, сделав громадный глоток, думает, что в другой раз ему уж не придется склоняться над рогом. Когда ж перехватило у него дыхание и он отвалился от рога и смотрит, как идет дело, видит он, что воды против прежнего почти не убавилось.

Тогда Утгарда-Локи сказал: «Выпил ты недурно, да только не слишком много. Скажи мне кто-нибудь, что Аса-Тору больше не осилить, я бы не поверил. Но, знаю, ты, верно, хочешь допить все со второго глотка». Тор не отвечает, приставляет рог ко рту, и, думая, что уж теперь-то он выпьет побольше, тянет воду, сколько хватает дыханья, но видит, что конец рога все не подымается, как бы ему хотелось. И отняв рог ото рта, смотрит он, и кажется ему, что убыло воды еще меньше, чем в прошлый раз: лишь настолько, чтобы держать не расплескивая.

Тут сказал Утгарда-Локи: «Что ж это, Тор? Уж не оставил ли ты на третий раз больше, чем тебе по силам? Думается мне, если ты осушишь рог с третьего глотка, это будет такой глоток, что больше нельзя и помыслить. Только не прослыть тебе у нас за столь большого человека, каким считают тебя асы, если в другой игре ты отличишься не лучше, чем, похоже, в этой». Тут разъярился Тор и, приставив рог ко рту, собирает все силы и делает предлинный глоток. А заглянув в рог, видит: и впрямь заметна кое-какая разница, но он бросил рог и не пожелал больше пить.

Тогда Утгарда-Локи сказал: «Теперь ясно, что мощь твоя не столь велика, как мы думали. Не хочешь ли испытать себя в других играх?

Ведь теперь видно, что здесь тебе нет удачи». Тор отвечает: «Можно попробовать и другую игру. Но дома, среди асов, показалось бы мне странным, если бы такие глотки назвали там маленькими. Так что же за игру вы мне предложите?».

Тогда промолвил Утгарда-Локи: «Молодые парнишки забавляются здесь тем, что покажется делом пустячным: они поднимают с земли мою кошку. Я бы не стал и говорить об этом с Аса-Тором, если бы не увидел, что ты далеко не так могуч, как я думал». И в тот же миг выскочила на пол серая кошка, и не маленькая. Тор подошел к ней и, подхватив посреди брюха, стал поднимать. Но чем выше он поднимал кошку, тем больше выгибалась она в дугу. И когда он поднял ее так высоко, как только мог, она оторвала от земли одну лапу. И больше у Тора так ничего и не вышло.

Тогда Утгарда-Локи промолвил: «Игра обернулась, как я и ждал: кошка ведь большая, а Тор совсем мал ростом против великанов, что у нас обитают!». Тогда сказал Тор: «Хоть я, по вашим словам, и мал, но пусть кто только попробует подойти и со мною схватиться. Я теперь крепко рассержен!». Тогда Утгарда-Локи окинул взглядом скамьи и молвил в ответ: «Никого я тут не вижу, кто посчитал бы стоящим делом с тобою схватиться». И еще добавил: «Впрочем, пусть кликнут сюда Элли³⁵, старуху, что меня воспитала, и пускай Тор схватится с нею, если пожелает. Случалось ей одолевать людей, которые казались мне не слабее Тора».

И тут же в палату вошла старуха. Тогда приказал ей Утгарда-Локи схватиться с Тором. Сказано — сделано. И началась борьба, да такая, что чем больше силился Тор повалить старуху, тем крепче она стояла. Тут стала наступать старуха, и Тор еле удержался на ногах. Жестокою была схватка, да недолгою: упал Тор на одно колено. Тогда подошел Утгарда-Локи и велел им кончать борьбу, да сказал еще, что Тору теперь нет нужды вызывать на бой других его людей. А время близилось к ночи, Утгарда-Локи указал места Тору и его сотоварищам, и провели они ночь в полном довольстве.

А наутро, лишь рассвело, Тор и спутники его встают, одеваются и готовы в обратный путь. Тут подошел Утгарда-Локи и повелел поставить для них столы. Не было там недостатка в угощении, еда да напитках. А поевши, пускаются они в путь. Утгарда-Локи их провожает и выходит вместе с ними за городские стены. Когда же настало

время прощаться, Уттарда-Локи заговорил с Тором и спросил, что тот думает о своем путешествии и не довелось ли ему встретить кого-нибудь посильнее себя. Тор отвечает, что, мол, не станет он говорить, будто все, что с ним случилось, не обернулось для него позором: «Знаю я, вы будете называть меня ничтожным человеком, а очень не по душе мне это».

Тогда промолвил Уттарда-Локи: «Теперь, когда ты ушел из города, надо сказать тебе всю правду: пока я жив и властен решать, не бывать тебе в нем снова. Кабы ведал я наперед, что так велика твоя сила и что ты едва не причинишь нам великой беды, ты бы туда и не попал. Обманул я твои глаза. Ведь это я повстречался вам в лесу. А когда пришлось тебе развязывать котомку, она была стянута путами из волшебного железа, потому ты и не мог найти, откуда их надо распутывать. А потом ты трижды ударил меня молотом. Был первый удар слабее прочих, но хватило бы и его, чтобы убить меня, если бы только попал он в цель. Ты ведь видел скалу подле моего чертога, а на ней три четырехугольные впадины, одна другой глубже, так то следы твоего молота. Скалу подставил я под удар, а ты и не заметил. Так же было и с играми, когда вы состязались с моими слугами. Первым состязался Локи. Он сильно проголодался и ел быстро, но тот, кого звали Логи, был огонь, и сжег он не только мясо, но и корыто. Когда же Тьяльви бежал взапуски с тем, кого называли Хуги, так Хуги — это моя мысль, и нельзя было ждать от Тьяльви, чтобы он поспорил с ней в скорости. Когда ты пил из рога, казалось тебе, что ничего не получается. Но на самом деле чудо тогда свершилось, которое я никогда не считал бы возможным: ведь другой конец того рога был в море, а ты и не заметил. Выйдя к морю, ты теперь увидишь, сколько ты выпил в нем воды. Теперь это зовется отливом».

И еще он промолвил: «Мне показалось достойным не меньшего удивления и то, что приподнял ты кошку. Правду сказать, были напуганы все, кто видел, что она подняла с земли одну лапу: ведь то была не кошка, как тебе мерещилось, а Мировой Змей, всю землю обвивающий. И едва достало у него длины удержать на земле хвост и голову. И так высоко ты поднял руку, что близко было до неба. Великое чудо удалось тебе и тогда, когда ты так долго сопротивлялся, сражаясь с Элли, старостью, и упал только на одно колено. Ведь не бывало еще человека, которого не свалила бы старость, если он во-

обще доживет до преклонных лет. А теперь, правду сказать, мы распрощаемся, и для обеих сторон будет лучше, чтобы вы больше ко мне не приходили: я и в другой раз сумею оборонить мой город, такими же или какими другими хитростями, и уж никакой силой вам до меня не добраться».

Лишь услышал Тор эти речи, схватился он за свой молот и высоко занес его. Но только хотел ударить — исчез Утгарда-Локи. Идет он тогда назад к городу и замышляет сокрушить его. Но видит одно лишь поле, широкое да красивое, а города и нет. Повернул он и пошел своим путем назад, в Трудвангар. И правду сказать, решил он тогда устроить, чтобы снова им встретиться с Мировым Змеем — так потом и вышло. «Ну, я думаю, никто не рассказал бы тебе правдивее о том путешествии Тора».

Тогда Ганглери сказал: «Великий муж Утгарда-Локи, и горазд он на всякие хитрости и колдовские уменья. Еще и в том видно его величие, что люди его наделены великою силою. Неужто Тор так и не отомстил за все это?».

Высокий отвечает: «Не тайна и для тех, кто не слышет мудрецами, что Тор сполна расквитался за ту поездку, о которой было рассказано. Недолго он пробыл дома, снарядился в дорогу, да так торопился, что не взял с собою ни колесницы, ни козлов, ни своих спутников. Прошел он весь Мидгард в обличье юноши и добрался однажды вечером до дома некоего великана. Звался тот Хюмиром. Тор оставился там на ночь. С рассветом Хюмир поднялся, оделся и снарядился в море на рыбную ловлю. А Тор вскочил, живо собрался и стал просить Хюмира, чтобы тот взял его с собою в море. А Хюмир говорит, что мало будет от него проку: невелик ростом он, да и слишком молод. «Ты ведь, пожалуй, еще замерзнешь, если я буду удить так долго и далеко в море, как я привычен». Но Тор сказал, что ему по силам отрести так далеко, что еще неизвестно, не попросит ли Хюмир первым поворачивать к берегу. И так разгневался Тор на великана, что похоже было, даст он волю своему молоту. Все ж он поборол себя, ибо замышлял испытать свою силу в другом. Спросил он у Хюмира, что им будет приманкой, Хюмир же велел ему самому раздобыть себе приманку. Тогда возвращается Тор туда, где приметил он стадо коров, принадлежащих Хюмиру. Выбрал он самого большого быка по прозванию Вспоровший Небеса, отрубил ему голову и

пошел с ней к морю. А Хюмир уже столкнул лодку в море. Тор сел в лодку и, устроившись на корме, взялся за весла и стал грести. Хюмир увидел, что гребет он хорошо.

Сам Хюмир греб на носу, и лодка шла быстро. Вскоре Хюмир сказал, что они уже доплыли до того места, где он обычно ловит камбалу. А Тор говорит, что хочет отгрести много дальше. Снова приналегли они на весла. Тогда Хюмир сказал, что заплывли они так далеко, что дальше рыбачить опасно из-за Мирового Змея. А Тор говорит, что погребет еще немного. Так он и сделал. Хюмир же был сильно не в духе.

А когда Тор положил весла, достал он крепкую лесу, да и крючок не уступал ей величиной и крепостью. Потом насадил Тор на этот крюк бычью голову и закинул его за борт. Крюк пошел ко дну, и, правду сказать, провел тут Тор Мирового Змея не хуже, чем Удгарда-Локи провел самого Тора, когда тот поднимал змея рукою.

Мировой Змей заглотнул бычью голову, а крюк впился ему в небо. И когда Змей почувствовал это, он рванулся так яростно, что кулаки Тора ударились о борт. Разгневался тогда Тор, и возросла в нем сила аса. Он уперся, да так, что пробил ногами дно лодки и стал на морское дно, а Змея подтащил к самому борту. И можно смело сказать, тот не видал страшного зрелища, кому не довелось видеть, как Тор вперил глазищи в Змея, а Змей уставился на него, извергая яд.

Сказывают, что великан Хюмир весь переменялся в лице, побледнел и испугался, как увидал он Змея и перекатывающиеся через лодку волны. И в то мгновение, как Тор схватил свой молот и занес его в воздух, нащупал он нож и перерезал на борту лесу Тора, так что Змей погрузился в море. А Тор метнул вслед ему молот, и сказывают люди, что уже в волнах молот оторвал у змея голову. Но, правду сказать, я думаю, что жив Мировой Змей и лежит в океане. Тор, размахнувшись, ударил Хюмира по уху кулачищем так, что тот свалился за борт, только пятки мелькнули. Тор же вброд добрался до берега»³⁶.

Тогда Ганглери промолвил: «А случались ли у асов и другие события? А в эту поездку Тор в самом деле совершил величайший подвиг».

Высокий отвечает: «Надо поведать и о событиях, что еще важнее для асов. Начинается сказ с того, что Бальдру Доброму стали сниться дурные сны, предвещавшие опасность для его жизни. И когда он

рассказал те сны асам, они держали все вместе совет, и было решено оградить Бальдра от всяких опасностей. И Фригг взяла клятву с огня и воды, железа и разных металлов, камней, земли, деревьев, болезней, зверей, птиц, яда и змей, что они не тронут Бальдра. А когда она это сделала и другим поведала, стали Бальдр и асы забавляться тем, что Бальдр становился на поле тинга, а другие должны были кто пускать в него стрелы, кто рубить его мечом, а кто бросать в него камнями. Но что бы они ни делали, все было Бальдру нипочем, и все почитали это за великую удачу.

Как увидел то Локи, сын Лаувейи, пришлось ему не по нраву, что ничего не вредит Бальдру. Он пошел к Фригг, в Фенсалир, приняв образ женщины. А Фригг и спрашивает, ведомо ли той женщине, что делают асы на поле тинга. Та отвечает, что все, мол, стреляют в Бальдра, но это не причиняет ему вреда. Тогда промолвила Фригг: «Ни железо, ни дерево не сделают зла Бальдру. Я взяла с них в том клятву». Тут женщина спрашивает: «Все ли вещи дали клятву не трогать Бальдра?» Фригг отвечает: «Растет к западу от Вальгаллы один побег, что зовется омелою. Он показался мне слишком молод, чтобы брать с него клятву». Женщина тут же ушла.

Локи вырвал с корнем тот побег омелы и пошел на поле тинга. Хёд стоял в стороне от мужей, обступивших Бальдра, ибо он был слеп. Тогда Локи заговорил с ним: «Отчего не метнешь ты чем-нибудь в Бальдра?» Тот отвечает: «Оттого, что я не вижу, где стоит Бальдр, да и нет у меня оружия». Тогда сказал Локи: «Все ж поступи по примеру других и уважь Бальдра, как и все остальные. Я укажу тебе, где он стоит; метни в него этот прут». Хёд взял побег омелы и метнул в Бальдра, как указывал ему Локи. Пронзил тот прут Бальдра, и упал он мертвым на землю. И так свершилось величайшее несчастье для богов и людей.

Когда Бальдр упал, язык перестал слушаться асов, и не повиновались им руки, чтобы поднять его. Они смотрели один на другого, и у всех была одна мысль — о том, кто это сделал. Но мстить было нельзя: было то место для всех священо. И когда асы попытались говорить, сначала был слышен только плач, ибо никто не мог поведать другому словами о своей скорби. Но Одину было тяжелее всех сносить утрату: лучше других постигал он, сколь великий урон причинила асам смерть Бальдра.

Когда же боги обрели разум, молвила слово Фригг и спросила, кто из асов хочет снискать любовь ее и расположение, и поедет Дорогою в Хель, и постарается разыскать Бальдра, и предложит за него выкуп Хель, чтобы она отпустила Бальдра назад в Асгард. И тот, кого называют Хермод Удалой, сын Одина, вызвался ехать. Вывели тут Слейпнира, коня Одина, вскочил Хермод на того коня и умчался прочь.

Асы же подняли тело Бальдра и перенесли к морю. Хрингхорни звалась ладья Бальдра, что всех кораблей больше. Боги хотели спустить ее в море и зажечь на ней погребальный костер. Но ладья не трогалась с места. Тогда послали в Страну Великанов за великаншей по имени Хюрроккин. Когда она приехала — верхом на волке, а поводьями ей служили змеи — соскочила наземь, Один позвал четырех берсерков поддержать ее коня, но те не могли его удержать, пока не свалили. Тут Хюрроккин подошла к носу ладьи и сдвинула ее с первого же толчка, так что с катков посыпались искры и вся земля задрожала. Тогда Тор разгневался и схватился за молот. Он разбил бы ей череп, но все боги просили пощадить ее.

Потом тело Бальдра перенесли на ладью, и лишь увидела это жена его Нанна, дочь Непа, у нее разорвалось от горя сердце, и она умерла. Ее положили на костер и зажгли его. Тор встал рядом и освятил костер молотом Мьёльгнир. А у ног его пробежал некий карлик по имени Лит, и Тор пихнул его ногою в костер, и он сгорел.

Множество разного народа сошлось у костра. Сперва надо поведать об Одине и что с ним была Фригг и валькирии и его вороны. А Фрейр ехал в колеснице, запряженной вепрем Золотая Щетина, или Страшный Клык. Хеймдалль ехал верхом на коне Золотая Челка, Фрейя же правила своими кошками. Пришел туда и великий народ инеистых исполинов и горных великанов. Один положил на костер золотое кольцо Драупнир. Есть у этого кольца с тех пор свойство: каждую девятую ночь капает из него по восьми колец такого же веса. Кона Бальдра взвели на костер во всей сбруе.

Теперь надо поведать о Хермоде, что он скакал девять ночей темными и глубокими долинами и ничего не видел, пока не подъехал к реке Гьёлль и не ступил на мост, выстланный светящимся золотом. Модгуд — имя девы, охраняющий тот мост. Она спросила, как звать его и какого он роду, и сказала, что за день до того проезжали по

мосту пять полчищ мертвецов, «так не меньше грохочет мост и под одним тобою, и не похож ты с лица на мертвого. Зачем же ты едешь сюда по Дороге в Хель?» Он отвечает: «Нужно мне в Хель, чтобы разыскать Бальдра, да может статься, видала ты Бальдра на Дороге в Хель?» И она сказала, что Бальдр проезжал по мосту через Гьёлль, «а дорога в Хель идет вниз и к северу».

Тогда Хермод поехал дальше, пока не добрался до решетчатых ворот в Хель. Тут он спешился, затянул коню подпругу, снова вскочил на него, всадил в бока шпоры, и конь перескочил через ворота, да так высоко, что вовсе их не задел. Тогда Хермод подъехал к палатам и, сойдя с коня, ступил в палаты и увидел там на почетном месте брата своего Бальдра. Хермод заночевал там. А наутро стал он просить Хель отпустить Бальдра назад, рассказывая, что за плач великий был у асов. Но Хель сказала, что надо проверить, правда ли все так любят Бальдра, как о том говорят. И если все, что ни есть на земле живого или мертвого, будет плакать по Бальдру, он возвратится к асам. Но он останется у Хель, если кто-нибудь воспротивится и не станет плакать. Тогда Хермод поднялся, а Бальдр проводил его из палат и, взяв кольцо Драупнир, послал его на память Одину, а Нанна послала Фригг свой плат и другие дары, а Фулле — перстень.

Вот пустился Хермод в обратный путь, приехал в Астард и поведал, как было дело, что он видел и слышал. Асы тут же разослали гонцов по всему свету просить, чтобы все плакали и тем вызволили Бальдра из Хель. Все так и сделали: люди и звери, земля и камни, деревья и все металлы, и ты ведь видел, что все они плачут, попав с мороза в тепло. Когда гонцы возвращались домой, свое дело как должно исполнив, видят: сидит в одной пещере великанша. Она назвалась Тёкк. Они просят ее вызволить плачем Бальдра из Хель. Она отвечает:

*«Сухими слезами
Тёкк оплачет
кончину Бальдра.
Ни живой, ни мертвый
он мне не нужен,
пусть хранит его Хель».*

И люди полагают, что это был не кто иной, как Локи, сын Лау-вейи, причинивший асам величайшее зло».

Тогда Ганглеры молвил: «Большую беду натворил Локи, добившись сперва гибели Бальдра, а потом и того, что Бальдр не вернулся из Хель. Удалось ли как-нибудь отомстить ему за это?» Высокий отвечает: «Отплатили ему, да так, что он еще долго будет чувствовать! Как и следовало ждать, велик был гнев богов, но Локи ускользнул от них и укрылся на одной горе, построив себе там дом с четырьмя дверями, чтобы глядеть из дому во все стороны. И часто в дневное время принимал он обличье лосося и прятался в водопаде Франангр. Тут раздумывал он, к какой хитрости прибегнут асы, чтобы изловить его в водопаде. А когда он сидел в доме, взял он льняную бечеву и стал вязать петли, как теперь делают сети. А перед ним горел огонь. Тут он увидел, что асы совсем близко: Один разглядел с Хлидскьяльва, где Локи укрывался. Локи тотчас вскочил и кинулся в реку, бросив сеть в огонь.

Когда же асы приблизились к дому, первым зашел внутрь тот, кто был всех мудрее, имя ему — Квасир. И, увидав в огне золу от сгоревшей сети, он рассудил, что это снаряжение для ловли рыбы. Он сказал про то асам. Тотчас принялись они за работу и сплели себе сеть наподобие той, что, как видно было по золе, сплел Локи. И лишь готова была их сеть, асы направились к реке и забросили сеть в водопад. Тор ухватился за один конец, а другой конец держали все асы, и поволокли они сеть. А Локи поплыл перед сетью и залег на дне меж двумя камнями. Они протащили сеть над ним и чувствуют: есть там что-то живое. И снова идут они вверх к водопаду и забрасывают сети, так нагрузив их, чтобы уж ничто не проскользнуло понижу. Плывет теперь Локи перед сетью, а как видит, что море близко, прыгает через сеть и кидается вверх, в водопад. Тут асы и заметили, куда он уплыл: идут вверх к водопаду и, разделившись, снова тянут сеть, а Тор пошел вброд на середину реки. Идут они так к морю, а Локи видит, что надо либо прыгать в море, но это опасно, либо прыгать через сеть. Он так и сделал — прыгнул стремглав через сеть. Но Тор поймал его, ухватив рукою. А тот стал выскальзывать, так что рука Тора сжала хвост, вот почему лосось сзади узкий.

Локи уже нечего было надеяться на пощаду. Асы пришли с ним в одну пещеру, взяли три плоских камня и поставили на ребро, пробив

в каждом по отверстию. Потом захватили они сыновей Локи, Вали и Нари, или Нарви. Превратили асы Вали в волка, и он разорвал в клочья Нарви, своего брата. Тогда асы взяли его кишки и привязали Локи к тем трем камням. Один упирается ему в плечи, другой — в поясницу, а третий — под колени. А привязь эта превратилась в железо.

Тогда Скади взяла ядовитую змею и повесила над ним, чтобы яд капал ему в лицо. Но Сигюн, жена его, стоит подле и держит чашу под каплями яда. Когда же наполняется чаша, она идет выбросить яд, и тем временем яд каплет ему на лицо. Тут он рвется с такой силой, что сотрясается вся земля. Вы зовете это землетрясением. Так он будет лежать в оковах до Гибели Богов».

Тогда Ганглери сказал: «Что можно поведать о Гибели Богов? Мне не довелось прежде слышать об этом». Высокий отвечает: «Много важного можно о том поведать. И вот первое: наступает лютая зима, что зовется Фимбульветр. Снег валит со всех сторон, жестоки морозы, и свирепы ветры, и совсем нет солнца. Три таких зимы идут сряду, без лета. А еще раньше приходят три зимы другие, с великими войнами по всему свету. Братья из корысти убивают друг друга, и нет пощады ни отцу, ни сыну в побоищах и кровосмешении. Так говорится об этом в «Прорицании вёльвы»:

*Братья начнут
Биться друг с другом,
родичи близкие
в расприх погибнут;
тягостно в мире,
великий блуд,
век мечей и секир,
треснут щиты,
век бурь и волков
до гибели мира.³⁷*

И тогда свершится великое событие: Волк поглотит солнце, и люди почтут это за великую пагубу. Другой же волк похитит месяц, сотворив тем не меньшее зло. Звезды скроются с неба. И вслед за тем свершится вот что: задрожит вся земля и горы так, что деревья пова-

лятся на землю, горы рухнут, и все цепи и оковы будут разорваны и разбиты. И вот Фенрир Волк на свободе, и вот море хлынуло на сушу, ибо Мировой Змей поворотился в великанском гневе и лезет на берег. И вот поплыл корабль, что зовется Нагльфар. Он сделан из ногтей мертвецов. Потому-то не зря предостерегают, что всякий, кто умрет с неостриженными ногтями, прибавит материала для Нагльфара, а боги и люди желали бы, чтобы не был он скоро построен. Но плывет Нагльфар, подхвачен морем. Правит им великан по имени Хрюм. А Фенрир Волк наступает с разверстою пастью: верхняя челюсть до неба, нижняя — до земли. Было бы место, он и шире бы разинул пасть. Пламя пышет у него из глаз и ноздрей. Мировой Змей изрыгает столько яду, что напитаны ядом и воздух, и воды. Ужасен Змей, и не отстанет он от Волка. В этом грохоте раскалывается небо, и несутся сверху сыны Муспелля. Сурт скачет первым, а впереди и позади него полыхает пламя. Славный у него меч: ярче свет от того меча, чем от солнца. Когда они скачут по Биврёсту, рушится этот мост, как уже говорилось. Сыны Муспелля достигают поля, что зовется Вигрид. Туда же прибывают и Фенрир Волк с Мировым Змеем. Локи тоже там, и Хрюм, а с ним все инеистые великаны. За Локи же следуют спутники Хель. Но сыны Муспелля стоят особым войском, и на диво светло то войско. Поле Вигрид простирается на сто переходов в каждую сторону.

Когда свершились все эти события, встает Хеймдалль и трубит громогласно в рог Гьяллархорн, будит всех богов, и они собираются на тинг. Вслед за тем Один скачет к источнику Мимира и испрашивает совета у Мимира для себя и своего воинства.

Трепещет ясень Иггдрасиль, и исполнено ужаса все сущее на небесах и на земле. Асы и все эйнхерии вооружаются и выступают на поле битвы. Впереди едет Один в золотом шлеме и красивой броне и с копьем, что зовется Гунгнир. Он выходит на бой с Фенриром Волком. Тор с ним рядом, но он не может прийти ему на помощь: он положил все силы на битву с Мировым Змеем. Фрейр бьется в жестокой схватке с Суртом, пока не падает мертвым. А погубило его то, что нет при нем доброго меча, отданного Скирниру. Тут вырывается на свободу пес Гарм, привязанный в пещере Гнипахеллир. Нет его опасней. Он вступает в бой с Тюрком, и они поражают друг друга насмерть. Тор умертвил Мирового Змея, но, отойдя на девять шагов,

он падает наземь мертвым, отравленный ядом Змея. Волк проглатывает Одина, и тому приходит смерть. Но вслед за тем выступает Видар и становится ногою Волку на нижнюю челюсть. На той ноге у него башмак, веки вечные собирался он по куску. Он сделан из тех обрезков, что остаются от носка или от пятки, когда кроят себе башмаки. И потому тот, кто хочет помочь асам, должен бросать эти обрезки. Рукою Видар хватает Волка за верхнюю челюсть и разрывает ему пасть. Тут приходит Волку конец. Локи сражается с Хеймдаллем, и они убивают друг друга. Тогда Сурт мечет огонь на землю и сжигает весь мир.

Так сказано о том в «Прорицании вёльвы»:

*Хеймдалль трубит,
поднял он рог,
с черепом Мимира
Один беседует.
Трепещет Иггдрасиль,
ясень высокий,
гудит древний ствол,
турс вырывается.*

*Что же с асами?
Что же с альвами?
Гудит Ётунхейм,
асы на тинге;
карлики стонут
перед каменным входом
в скалах родных —
довольно ль вам этого?*

*Хрюм едет с востока,
щитом заслонясь;
Ёрмунганд гневно
поворотился;
змей бьет о волны,
клекочет орел,*

навших терзает;
Нагльфар плывет.

С востока в ладье
Муспелля люди
плывут по волнам,
а Локи правит;
едут с Волком
сыны великанов,
в ладье с ними брат
Бюлейста едет.

Сурт едет с юга
с губящим ветви,
солнце блестит
на мечах богов;
рушатся горы,
мрут великаны,
в Хель идут люди,
расколото небо.

Настало для Хлин
новое горе,
Один вступил
с Волком в сраженье,
а Бели убийца
С Суртом схватился, —
радости Фригг
близится гибель.

Сын тут приходит
Отца Побед,
Видар, для боя
со зверем трупным;
меч он вонзает,
мстя за отца, —
в сердце разит он

Хведрунга сына.

*Тут славный приходит
Хлодюн потомок,
со змеем идет
биться сын Одина,
в гневе разит
Мидгарда страж,
все люди должны
с жизнью расстаться.*

*Солнце померкло,
земля тонет в море,
срываются с неба
светлые звезды,
пламя бушует
питателя жизни,
жар нестерпимый
до неба доходит.³⁸*

А здесь сказано так:

*Вигрид — равнина,
где встретится Сурт
в битве с богами;
по сто переходов
в каждую сторону
поле для боя.³⁹*

Тогда Ганглери молвил: «Что же будет потом, когда сгорят небеса, земля и целый мир, и погибнут все боги, эйнхерии и весь род людской? Ведь раньше вы сказывали, что каждый человек будет вечно жить в одном из миров».

Тогда отвечает Третий: «Есть среди обиталищ много хороших и много дурных. Лучше всего жить в Гимле, на небесах. Добрые напитки достанутся и тем, кто вкушает блаженство в чертоге по прозванию Бримир. Он стоит на Окольнире. Прекрасный чертог стоит и на

Горах Ущербной Луны, он сделан из красного золота, и зовут его Синдри. В этом чертоге будут жить хорошие, праведные люди. На Берегах Мертвых есть чертог огромный и ужасный, дверью на север. Он весь свит из змей, как плетень. Змеиные головы смотрят внутрь чертога и брызжут ядом, и оттого по чертогу текут ядовитые реки. Те реки переходят вброд клятвопреступники и злодеи-убийцы, как здесь сказано:

*Видела дом
далекий от солнца,
на Береге Мертвых,
дверью на север;
падали капли
яда сквозь дымник;
из змей живых
сплетен этот дом.*

*Там она видела —
шли чрез потоки
поправшие клятвы,
убийцы подлые.⁴⁰*

Но хуже всего в потоке Кипящий Котел:

*Нидхёгг там гложет
трупы умерших».*

Тогда молвил Ганглери: «Будет ли жив тогда кто-нибудь из богов? И останется ли хоть что-нибудь от земли и от неба?»

Высокий отвечает: «Поднимется из моря земля, зеленая и прекрасная. Поля, незасеянные, покروются всходами. Живы Видар и Вали, ибо не погубили их море и пламя Сурта. Они селятся на Идавёлль-поле, где прежде был Астард. Туда приходят и сыновья Тора — Модри и Магни и приносят с собою молот Мьёлльнир. Вскоре возвращаются из Хель Бальдр с Хёдом. Все садятся рядом и ведут разговор, вспоминая свои тайны и беседуя о минувших событиях, о Мировом Змее и Фенрире Волке. Находят они в траве золотые тавлеи, которыми владели асы. Так здесь сказано:

*Будут Видар и Вали
в Асгарде жить,
когда пламя погаснет,
Моди и Магни
Мьёлльнир возьмут,
когда Вингнир погибнет.⁴¹*

А в роще Ходдмимир от пламени Сурта укрылись два человека — Лив и Ливтрасир. Утренняя роса служит им едою. И от них-то пойдёт столь великое потомство, что заселит весь мир, как здесь сказано:

*Спрячется Лив
И Ливтрасир с нею
В роще Ходдмимир;
будут питаться
росой по утрам
и людей породят⁴².*

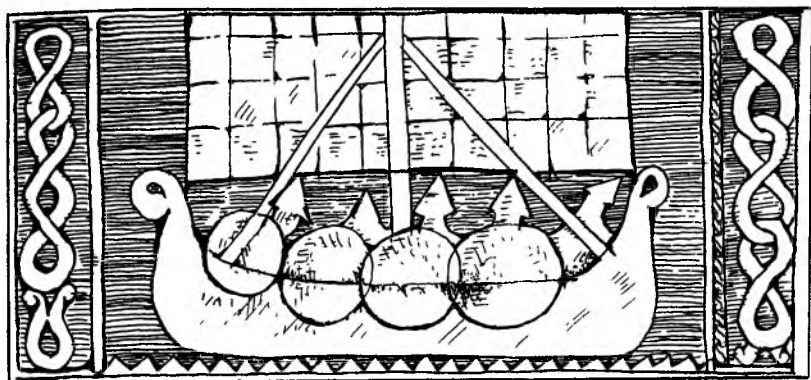
И, верно, покажется тебе чудесным, что солнце породило дочь, не менее прекрасную, чем оно само, и дочь последует путем матери, как здесь говорится:

*Прежде, чем Волк
Альврёдуль сгубит,
дочь породит она;
боги умрут,
и дорогою матери
дева последует⁴³.*

И если ты станешь расспрашивать дальше, не знаю, откуда ждать тебе ответа, ибо не слыхивал я, чтобы кому-нибудь поведали больше о судьбах мира. Довольствуйся тем, что узнал».

И в тот же миг Ганглери услышал кругом себя сильный шум и глянул вокруг. Когда же он хорошенько осмотрелся, видит: стоит он в чистом поле и нет нигде ни палат, ни города. Пошел он прочь своею дорогой, и пришел в свое государство, и рассказал все, что видел и слышал, а вслед за ним люди поведали те рассказы друг другу.

Асы же стали держать совет и вспоминать все, что было ему сказано, и дали они те самые имена, что там упоминались, людям и разным местностям, которые там были, с тем чтобы по прошествии долгого времени никто не сомневался, что те, о ком было рассказано, и те, кто носил эти имена, это одни и те же асы. Было тогда дано имя Тору, и это Аса-Тор Старый⁴⁴.

ПЕРВАЯ ПЕСНЬ О ХЕЛЬГИ УБИЙЦЕ ХУНДИНГА

Здесь начинается Песнь о Хельги, убийце Хундинга и Хёдбродда.

Песнь о Вёльсунгах

- 1 Древле было,
 орлы кричали,
 с гор небесных
 святы воды текли, —
 тогда-то в Бралунде
 могучий духом
 родился Хельги,
 у Боргхильд¹ сын.
- 2 Ночью в хоромах
 норны явились,
 младу владыке
 жребий судили:
 ему, сулили,
 быть славным князем,
 лучшим вождем, мол,
 его прозовут.
- 3 И так усердно
 судьбу спрядали,

что содрогались
в Бралунде стены:
нить золотую
до неба спряли,
до лунных палат,
и там закрепили.

4 К восходу, к закату
пряжу тянули:
все княжьи пределы
сю связали;
ту нить на полночь
Нери сестра
метнула — ему же
полночные земли.

5 Одно тревожит
отпрыска Ильвинга²,
тож и супругу,
принесшую чудо:
вран грает врану
(сидя на древе,
алчут добычи):
«Мне весть случилась!

6 Стоит в кольчуге
Сигмунда чадо, —
день, как родился
(година грядет!),
а взором вострый,
как взрослый воин
и друг бирючий
(будет нам радость!)).»

7 Народ нарек его
ратеводителем;
молва среди воинов:
мол, славное время;

сам же конунг
скачет из битвы,
дабы младому
лук³ зеленый вручить:

8 дал имя — Хельги —
и земли: Хатун,
Сольфьёлль и Снефьёлль,
и Сигарсвеллир,
Хрингстёд и Хрингстадир,
и Химинвангар,
и меч — змея крови —
дал Синфьётли брату.

9 Там возрастал он,
светильня счастья,
вяз благородный
друзьям на радость:
дарил по заслугам,
щедро платил
златом — добычей
лезвий кровавых.

10 Млад вождь недолго
медлил с войною:
пятнадцать было
князю в ту зиму,
когда пал Хундинг,
им сокрушенный,
долго правивший
людьми и землями.

11 Хундинга отпрыски
казну и кольца
с сына Сигмунда
за то спросили:
они ж умыслили

ему отмщение
за все, что отнято,
за отчую гибель.

- 12 Младой же не дал им
 ни цену крови,
 ни возмещения
 за то убийство:
 сказал, мол, будет им
 буря великая
 дротов⁴ железных
 и Одина гнев.
- 13 Идут воители
 на сходбище лезвий,
 быть ей назначили
 близ Логафьёлля;
 мир Фроди нарушен
 между ратями,
 псы Видрира рыщут,
 ища стервятины.
- 14 Вот вождь после битвы
 сидит (убивши
 Альва и Эйольва)
 у Орлего Камня
 (и Хьёварда с Хавардом,
 Хундинга семя,
 тож изничтожил —
 весь род дрота Мимира),
- 15 и тут блеснуло
 у Логафьёлля,
 ярко блеснули,
 прянули молнии:
 с поля воздушного
 явились девы,

- валькирии в шлемах:
кольчуги их были
забрызганы кровью,
с копий стекал
сверкающий блеск.
- 16 Сейчас же в чаще
жилища бирючьего
молвит вождь славный
Дисам полуденным,
мол, с воями вместе
в его жилище
не заночуют ли?
(А сеча стучала!)
- 17 Одна же с коня,
Хёгни дочь,
молвит ему
(а сеча умолкла):
«Дело мы, девы,
найдем получше,
чем пиво с княжьей
дружиной пить!
- 18 Родитель мой вздумал
дочь просватать
в жены могучему
Гранмара сыну, —
я, Хельги, о том,
о Хёдбродде, молвлю,
о гордом вожде,
о котовьем отроде⁵.
- 19 На днях же явится
тот князь за мною,
коль скоро на брань
не вызовешь в поле

и невесту не вырвешь
из рук войсководы».

(Хельги сказал:)

- 20 «Убийцы Исунга
 не бойся, дева!
 Лязг будет лезвий,
 если буду в живых!»
- 21 Во все концы
 гонцов рассыласт
 по морю, по небу,
 рать собирая,
 сулит всевластный
 в награду блеск моря
 воинам дать
 и детям их тож:
- 22 «Велите немедля
 спустить корабли,
 плыть к острову Брандей —
 там быть наготове!» —
 там ждал их конунг,
 пока не явились
 сотни воинов
 с острова Хединсей.
- 23 С тех берегов
 и от Ставн-мыса тоже
 ладьи отплыли,
 златом одеты;
 тогда-то Хельги
 у Хьёрлейва спросит:
 «Не скажешь ли, сколько там
 с конунгом войска?»
- 24 Тот же молвил
 младу владыке,

- мол, там немало,
у Трёнойр-мыса,
людей-мореходов
в ладьях долгоносых,
сюда плывущих
из Эрвасунда:
- 25 «Двенадцать сотен
 мужей дружинных!
 У воеводы же
 войско, у Хатуна,
 вдвое большее; —
 близится бой!»
- 26 Шатер тут сдернул
 кораблеводитель
 с ладьи — пробудились
 люди владычьи
 и видят — светает;
 и стали поспешно
 ставить на стругах
 ветрила шитые
 воинство княжье
 в Варинсфьорде.
- 27 Плещут весла,
 железо лязгает —
 тарч о тарч стучит, —
 плывут викинги
 (прочь от берега,
 бежит резвая,
 стая стругов
 несет ратников), —
- 28 будто гром гремит,
 как встречаются
 сестры Кольги⁶
 и кили длинные,

- будто в бурю прибой
о берег каменный.
- 29 Выше парус! —
 взывает Хельги;
 волны валятся
 на плывущих над бездной —
 то Эгира дочь
 ужасная хочет
 коней морских
 опрокинуть и войско.
- 30 Но Сигрун — с ними:
 хранимы ею
 рати и струги;
 Ран не поймала —
 ускользнул от ужасной
 олень океана,
 княжий корабль,
 близ Гнипалунда.
- 31 Под вечер пришли они
 к Унавагару,
 в залив корабли
 забегали блестящие,
 а сверху смотрела
 со Сваринсхауга,
 уже поджидала их
 дружина вражья.
- 32 Тут благородный
 Гудмунд спросит:
 «Какой направил
 земель владелец
 к нашим владеньям
 ладьи и людей?»
- 33 В ответ же Синфьётли⁷
 (на дереве реи

он поднял щит красный
со златой обечайкой;
стоял он на страже,
и мог достойно
в словесной распре
расправится с благородным)⁸:

34 «Ты скажешь вечером,
собрав своих боровов
и свору собачью,
чтоб корму задать им,
мол, Ильвинги ныне
явились для битвы,
пришли с востока,
от Гнипалунда.

35 Твой Хёдбродд увидит —
здесь Хельги на струге:
из битвы не бегал
вовек, но нередко
конунг орлам
корм задавал,
пока ты в хлеву
вожжался с рабыней».

Гудмунд (сказал:)

36 «Знать, слово древних
ты худо усвоил,
коль скоро знатного
хулой приветствуешь!
Бирючьей радости,
знать, объелся,
ведь было:
ты брата родного убил;
ты же, знать, язвы
лизал языком-то;
всем, знать, постыл ты,
ползал в грязи!»

Синфьётли (сказал:)

37 «Ты же был ведьмой
на Варинсей-острове,
лисой-колдуньей,
женой, ложь плетущей:
мол, не желаешь
за мужа кольчужного
ни за какого идти,
кроме Синфьётли.

38 Гнусной, сварливой,
ужасной, валькирией, —
был ты старухой
в хоромаш Всебога,
и все-то эйнхерии
бились друг с другом,
мерзкое бабище,
из-за тебя:

39 на мысе Сага
мы породили
девять волчат;
я тем чадам — отец!»

Гудмунд (сказал:)

40 «Сколько я помню,
тем бирюкам
отцом ты не мог быть,
ни их вожаком, —
тебя ж оскотили
близ Гнипалунда
дочери турсов
на Торснес-мысе.

41 Ты, Сиггейра пащенко,
валялся под лавками,
лишь песни бирючьи

приучен слушать;
и все те напасти
теперь ты терпишь
с тех пор, как брату
грудь прободил —
славу позорную
сам себе заработал».

Синфьётли (сказал:)

42 «На Бравеллир был ты
кобылой при Грани,
с уздой золотой,
для езды приспособлен:
тебя объезжал я,
голодного, в мыле,
долго гонял,
оседлав, по камням.

Гудмунд (сказал:)

43 «А ты у Голльнира
жил, голодранец, —
молокососом
коз ты доил;
в другой раз ты был
турсовой дочкой,
ходил оборванкой.
Ответь-ка на это!»

Синфьётли (сказал:)

44 «Отвечу, да прежде
у Волчьего Камня
тело твое
вороньё поснедает,
объедки — твоим же
свиньям в поживу
скорилю и собакам.
Побей тебя боги!»

Хельги (сказал:)

45 «Синфьётли, слушай,
не лучше ли вам
встретиться в брани
орлам на радость,
чем словами браниться?
Хотя это правда,
что колецедробителей
распря ярит,

46 и правда, что худы
Гранмара чада,
но должное должно
воздать владыкам:
они доказали
при Моинсхеймаре,
что нехудо умеют
махать мечами».

47 Коней гонят,
скачут воины,
Свипуд и Свейгьод,
до самого Сольхейма:
по долам росным,
по темным угорьям —
земля дрожала,
бежали кони.

48 Из врат же встречу им
идущей рати
сказали: дружина, мол,
приближается вражья;
а Хёдбродд верхом,
в походном шеломе,
вышел и вестников
видит — подумал:
«Что так невеселы
Хнифлунги ныне?»

Гудмунд (сказал:)

49 «К берегу близки
 быстрые кили,
 снастей олени,
 длинные реи,
 торчащие мачты,
 и тарчей не счесть
 войска морского —
 веселы Ильвинги! —

50 в заливе, за морем,
 вблизи Гнипалунда
 на зверях морских⁹
 иссиня черных
 и золоченых —
 всего семь тысяч
 (из них пятнадцать
 на нашу землю
 вышло отрядов),
 то рать невиданная!
 Хельги не станет
 битву откладывать».

(Хёдбродд сказал:)

51 «Коней гоните —
 пусть скачет Спорвитнир
 к Спаринсхейду,
 а Мельнир и Мюльнир
 в лес темный, Мюрквид:
 на тинге великом
 да ни единый
 от дела не лынет
 муж, чей меч
 может разить!»

52 Зовите же Хёгни
 с сынами Хринга,

тож Ингви и Атли,
и Альва, старца, —
им же битва
радостью будет! —
все вместе Вёльсунгов
мы одолеем!»

- 53 Вихри схлестнулись,
стучат друг о друга
желтые лезвия
у Волчьего Камня;
всюду был первым
убийца Хундинга,
Хельги, в брани,
где рати рубились, —
гневом горящий,
не знающий страха,
вождь отважный
был духом тверд.
- 54 Тут девы в шлемах
явились с неба
(а сеча все громче!)
на помочь князю;
сказала Сигрун
(скользили над полем,
где волк пожирает
поживу Хутина¹⁰):
- 55 «Долго ты, княже,
будешь владычить
на благо людям,
наследник Ингви:
ведь вождь отважный
тобой повержен,
повергший многих
воинов прежде.

56 Тебе достались,
 ратеводитель,
 и кольца червонные
 и невеста преславная.
 Многие лета
 владей, войсковода,
 и дочерью Хёгни
 и Хрингстадиром,
 землей и победой —
 кончилась битва.

ПЕРВАЯ ПЕСНЬ О ГУДРУН

Гудрун сидела над мертвым Сигурдом. Она не плакала, как другие жены, хотя грудь ее разрывалась от горя. К ней подходили мужчины и женщины, чтобы ее утешить; но сделать это было непросто.

Некоторые говорят, что Гудрун отведала сердца Фафнира и поэтому понимала язык птиц.

Вот что еще сказано о Гудрун:

Песнь о Гудрун

1 Было в древние годы:
 в горести Гудрун,
 над Сигурдом сидя,
 не голосила,
 бедой убита,
 рук не ломала,
 не могла она плакать,
 не то, что другие.

- 2 Ярлы мудрейшие
 к ней приступали,
 бремя духа
 облегчить ей пытались;
 нет слез у Гудрун —
 не могла она плакать,
 такое несчастье
 ее переполнило.
- 3 Сидели знатные,
 украшены златом,
 супруги ярлов
 напротив Гудрун:
 каждая молвит
 о том, что было,
 о худших бедах,
 изведанных ими.
- 4 Вот молвит Гьявлауг¹,
 Гьюки сестра:
 «Беды мои —
 наибольшие в мире:
 я потеряла
 мужей пятерых,
 трех дочерей,
 трех сестер
 и трех братьев;
 а сама вот живу!»
- 5 Нет слез у Гудрун —
 совсем не плачет,
 владыка умер —
 мука такая,
 на сердце тяжесть, —
 князя не стало.
- 6 Тут молвит Херборг,
 владычица гуннов:

«Мои страдания
куда как хуже:
в южных землях
семь сынов моих стинули,
и муж мой тоже
пал в сражении;

7 а мать с отцом
и четверо братьев, —
ветер, играя,
в море унес их,
волны разбили
борт корабельный;

8 сама обряжала я,
сама хоронила я,
сама воздала я
им последние почести, —
всего за полгода
всех потеряла,
некому было
меня утешить.

9 Я в те же полгода
в полон попала,
добыча битвы,
была рабыней,
и всяк день поутру
одежду с обувью
жене того князя
я подавала;

10 она же ревностью
меня измучила
и часто била
нещадным боем:
хозяина лучшего

я не знаю,
хозяйки худшей
вовек не встречала!»

11 Нет слез у Гудрун —
совсем не плачет,
владыка умер —
мука такая,
на сердце тяжесть —
не стало князя.

12 Тут молвит Гульрёнд,
дочь Гьюки:
«Хотя и умна ты,
мать моя названная,
а жену молодую
не умеешь утешить».
Не должно, мол, долее
тело княжье скрывать,

13 и саван сдернула
с тела Сигурда,
главу примостила
жене на колени:
«Вот твой любимый,
устами к устам
прильни — как, бывало,
встречала живого!»

14 На труп супруга
глянула Гудрун:
кудри князя
кровью залиты,
взоры конунга
навек закатились,
твердыня духа
мечом разбита.

- 15 Вот пала Гудрун
 лицом в подушку,
 рассыпались косы,
 пылают щеки,
 ливнем слезы
 хлынули на колени.
- 16 Вот Гудрун взрыдала,
 дочь Гьюки,
 слезы сами
 из глаз струятся;
 тут гуси в загоне
 заготовали,
 королевские птицы,
 ее любимцы.
- 17 И молвила Гульрёнд,
 дочь Гьюки:
 «Вовек, мне ведомо,
 любви не бывало
 большей, чем ваша,
 на белом свете:
 ни в доме, ни возле
 иной ты не знала
 сестрица, радости,
 кроме Сигурда».
- (Гудрун сказала:)
- 18 «Был мой Сигурд
 меж сынами Гьюки,
 как стрелка лука
 среди травинки,
 как самоцветный
 камень сверкающий,
 лучший из драгоценных
 в обручье конунга.
- 19 Меня ж уважала
 дружина князя

- превыше любой
из валькирий Воителя;
и вот я стала
листочком высохшим,
гонимым ветром,
по смерти конунга.
- 20 Одна я на ложе,
одна в застолье,
без милого друга —
то вина сынов Гьюки;
то вина сынов Гьюки,
что ныне в горе
сестра их плачет
слезами горькими.
- 21 Пусть ваши владенья
так будут пусты,
как были пусты
ваши клятвы!
Тебе же, Гуннар,
пойдет не на пользу
то злато — обручья
пророчат гибель,
ибо Сигурду
ты тоже клялся.
- 22 Веселье жило
в усадьбе нашей,
покуда мой Гуннар
не сел на Грани,
покуда Брюнхильд
не поехали сватать,
жену злосчастливую,
в час несчастный».
- 23 Тут Брюнхильд сказала,
дочь Будли:

«Пусть потеряет
детей и мужа
жена, что сумела
из глаз твоих, Гудрун,
слезы исторгнуть,
уста отверзнуть!»

24 Тут молвит Гульрёнд,
дочь Гьюки:
«Ты — ненавистница! —
язык придержала бы,
Урд ты — пагуба
лучших воинов,
недобрый ветер
везде тебя носит,
тобою семеро
князей погублено,
ты между женами
раздор посеяла!»

25 Тут молвит Брюнхильд,
дочь Будли:
«Ты, брат мой Атли,
отпрыск Будли,
всем несчастьям
положил начало,
когда увидали мы
в доме гуннском
ложе змея,
на князе горящее:
за то сватовство
мне и расплата —
ныне и впредь
ничего не страшусь!»

27 На столб оперлась,
что есть сил ухватилась;

в очах же Брюнхильд,
дочери Будли,
огонь пылает;
яд источала,
глядя на язвы
на теле Сигурда.

Гудрун ушла в леса, в пустыню, потом уехала в Данию и прожила там у Торы, дочери Хакона, семь полугодий.

Брюнхильд не хотела жить без Сигурда. Она велела убить восьмь-рых ее рабов и пять рабынь; и она вонзила в себя меч, как о том говорится в Краткой Песне о Сигурде.

ПЕСНЬ ОБ АТЛИ ГРЕНЛАНДСКАЯ

- 1 Вестника Атли
 Гуннару выслал,
 Умного конника,
 именем Кнефрёд¹,
 до гридни Гуннара,
 Гьюки за тын,
 к скамьям украшенным,
 к красному пиву.

- 2 Знатные вкушали
 (а знавшие — в молчанье)
 Сыть-вино Вальгаллы²,
 опасаясь гуннов.
 Кликнул тут Кнефрёд
 хладным гласом

с места почестного
смелый южанин:

- 3 «Послан сюда я Атли,
в путь с порученьем,
на верном коне
в неведомый Мюрквид³
просить вас, Гуннар,
в гости приехать,
в орлих легких шеломех
Атли проведать!
- 4 Достать там щитов
и точеных древков,
златорудных шелемов
и гуннского люду,
среброзлатных уборов,
рубях смертноалых⁴,
тонких клинков,
скакунов ретивых.
- 5 Вам на долю дастся
Гнитахейда раздолье,
много коней грозных,
ладей златогрудых,
сокровищ днепровского
дальнего края⁵,
лес тот, что Мюрквидом
люди назвали».
- 6 Поворотился тут Гуннар,
молвил Хёгни тихо:
«Младший, ты слышал?
дай слово совета!
в Гнитахейде⁶ вовсе
не ведомо злата,
чтобы тут не имели мы
точно такого!

- 7 Семь амбаров у меня
набитых мечами,
булат-острие,
рукоять золотая;
мой меч острее,
мой конь резвее,
шлем и щит белее
из царьградской палаты!
Колчаны червлены,
кольчуги золотые —
надежней одна,
чем десять у гуннов!»

(Хёгни сказал:)

- 8 «В обручье есть весть
От сестры к ее братьям —
не личину ль бирючью
предречь нам желает?
Волчий обвил
кольцо золотое волос, —
К волку нам путь⁷,
если пустимся в гости!»
- 9 Не пророчил Гуннару близкий,
не советовал родич,
не знал, не рядил
никто из знатных:
сам крикнул Гуннар,
как сильному должно,
князь горницы меда,
мужеством крепкий —
- 10 «Встань же ты, кравчий!
пусть кружит над полом
ендова золотая
по рукам человек!»
- 11 Волку пусть служит
Нифлунгов наследье,

гостю седошкурому,
если Гуннар сгинет.
Черные медведи,
рыча, рожон да гложут,
тешат сучью свору,
если Гуннара не станет!»

12 Люди провожали,
бесстрашные, властелина,
жалобно, мужа битвы,
со двора медвежата!
Младший тут Хёгни
наследник молвил:
«Поезжайте осторожно,
как разум вас научит!»

13 Повели герои
рысью на горы
верных коней
в неведомый Мюрквид,
дрожит земля гуннов:
гонят твердосмелые
послушных плети
по зеленому долу.

14 Край увидели Атли, —
вглубь уступы круты, —
Бикково войско
стояло на башне —
палату южан,
лавки у стен
с круглыми тарчами,
с бледными щитами,
острыми секирами:
Атли подавали там
сыть-вино Вальгаллы,
воины снаружи

боронят хоромы —
неровно нагрянет Гуннар,
звонким копьём
позвать князя битвы!

- 15 Подошла тут сестра,
как в палату входили
оба ее брата
(не пила она браги!);
«Что ты выиграл, витязь,
у гуннов кровавых?
Предан ты, Гуннар,
вошел в палату напрасно!
- 16 Лучше бы ты, брат,
облекся бронею,
чем в орлих легких шеломех
проведывать Атли,
сидел бы в седле ты
и солнце б сияло,
норнам старым дал бы
по нави бледной плакать,
девам гуннским щитоносным
запрячься в бороны дал бы,
Атли самого бы
в Пропасть Змей спровадил —
а будет ныне лихо:
Пропасть Змей — судьба вам!»
- 17 «Поздно, сестра,
полк Нифлунгов строить,
далече ныне
дружинные люди,
рыжих гор Рейна⁸
бесстрашные вои!»
- 18 Семерых посек Хёгни
оружием острым

и восьмого ринул
в огонь горячий.
Как отважный должен
борониться твердо,
так Гуннара Хёгни
боронил от врагов.

- 19 Схватили Гуннара,
друга бургундов⁹,
в железа заковали
и руки связали.
- 20 Жизнь откупить
предложили отважному,
злата просили
у сильного гота.
- 21 «Лишь дайте мне сердце
Хёгни сюда,
из груди кровавым
у храброго вынув,
гладковострым ножом
у княжого сына!»
- 22 Вынули сердце
живым у Хьялли,
кровавым на блюде
вынесли Гуннару.
- 23 Молвил тут Гуннар,
предводитель мощных:
«Сердце вы резали
робкому Хьялли, —
сходно ли с сердцем
храброго Хёгни?
Лежит на блюде —
жалко дрожит,

лежало в груди оно
вдвое дрожа».

- 24 Смехом Хёгни
 смерть свою встретил,
 дал сердце себе
 живому иссечь —
 кровавым на блюде
 вынесли Гуннару.
- 25 Гордо молвил Нифлунг,
 Гуннар смелый:
 «Дали вы мне сердце
 доблестного Хёгни —
 схоже ли с сердцем
 хилого Хьялли?
 Лежит на блюде —
 и тут не дрожит,
 лежало в груди оно
 совсем не дрожа.
- 26 Из очей людских ты, Атли,
 исчезнешь скоро,
 точно как сокровище
 их очей сокрыто!
 Мною одним
 ныне утаен
 Нифлунгов клад:
 нет уж Хёгни!
 Живы были мы оба —
 жило сомненье,
 ныне один я —
 нет его боле!
- 27 Распри рудую
 Рейн овладеет,
 славный поток —

- наследьем Нифлунгов:
в водах пусть светятся
роковые обручья,
чем на запястьях
сиять у чада гуннов!»
- 28 «Пленный связан!
подавайте телегу!
и в ней далече
удила грызущий
смелого князя
к смерти влек.
- 29 Шурин грозный,
над Глаумовой гривой
меж шипами битвы
полем ехал Атли.
Гудрун, родная
Гьёкунгам сестра,
слезы удержала,
уходя в палаты.
- 30 «Тебе пусть будет, Атли,
Как Гуннару было;
часто ему клялся —
солнцем на полудне,
Сигтюра горою,
Брачным изголовьем
и Улловым обручем!»
- 31 В Пропасть живым
сбросили витязя
мужей толпа
к жалящим змеям.
Оплетали гады,
а Гуннар твердо
один по арфе

- водил рукою —
звенели струны:
так должен страж,
щедрый вождь,
клад защищать!
- 32 Быстро гнал Атли
к себе обратно
коня сторожкого
с урочища злодейства;
было за тыном
тесно от коней,
запевали песню,
возвратившись, вои.
- 33 Вышла тут Гудрун,
вынесла для Атли
доброего злата блюдо —
долг платить по-княжьи:
«Подала я, воин, —
принимай в палату,
порадуйся мохнатым,
во мрак утекшим от Гудрун».
- 34 Пиво зашумело —
потчует Атли,
гомон слышен громкий
гуннов сивоусых —
все вошли в палату,
уселись за беседу.
- 35 Выплыла, яснолика,
наливала вепрям¹⁰
бранная диса,
выбирала брашно
побледнелым, нехотя, —
и Атли проклинала:

- 36 «Это сыновей твоих,
Атли меченосный,
кровоточащее серд
с медом съел ты!
Сваришь, князь, ты в брюхе
роковое брашно,
что сожрал на празднике —
тем испразднишься!
- 37 Ни Эрпа, ни Эйтиля
не позовет ныне Атли
пивом утоленный
к отчим коленам,
с княжего престола
ему не стать увидеть
золота возвращенного,
изощренных копий, —
ни коней ведущих,
ни в седле сидящих».
- 38 Гул прошел по скамьям
гуд разнесся бранный,
кричат из-под плащей,
плачут чада гуннов,
лишь Гудрун сухоглаза —
не могла оплакать
медвежье-крепких братьев
и кровных своих детищ,
юных, несмысленных,
что зачала от Атли.
- 39 Гусебелая¹¹ как по полю
рассыпала злато,
красными обручьями
одаряла челядь,
темна растилась доля,
руда светла лилася, —

другая ввек не тратила
толикого богатства.

40 Мало Атли понял —
 сильно он упился,
 не носил оружия,
 Гудрун не стерегся:
 игры прежде лучше,
 ласковой бывали,
 бывало, обнимались
 пред мощными гостями!

41 Рукою, смерть несущей,
 кованым жалом
 ложе окровавила,
 щенков отдав на волю;
 в дверь она пустила
 (дворню разбудивши)
 головней пылающей —
 платой за братьев!

42 Предала пожару
 тех, кто был в палате,
 кто прискакал из Мюркvida,
 Гуннара умучив.
 Вперед упали балки,
 капища курились —
 Будлунгов дом
 и щитоносные девы
 сторели безвременно
 в огне горячем.

43 Сказано довольно!
 воин-дева ныне
 отмстить не посмеет
 так за братнюю смерть!
 Прекрасная Гудрун

знаменитым гибель
трем вождям доставила —
тут смерть ее настигла.

РЕЧИ ХАМДИРА

- 1 Так оно деялось,
 дело злое,
 в час плача альвов
 (печаль приходит
 и к людям поутру,
 лютые мысли,
 скорби прежние,
 к ратным детям)

- 2 не вчера,
 не сегодня
 (минуло время
 с тех пор немалое),
 не древле то было,
 но в задревние годы
 здесь Гудрун взывала,
 рожденная Гьюки,
 к сынам об отмщении
 за дочь ее Сванхильд:

- 3 «Была сестра у вас,
 прозваньем Сванхильд,
 ее под копыта

- черным и белым
на дороге рати
Ёрмунрекк бросил,
серым походным
готским коням.
- 4 Горе вам, горе,
конунговы дети!...
В живых только вы
из моих родовичей,
- 5 совсем одна я —
на юру осина,
без родни осталась,
что сосна без веток,
счастье улетело —
с дерева листья,
ветром унесенные
в день ненастный».
- 6 Тут храбрый духом
ей Хамдир молвит:
«Гудрун, не ты ли
винила Хёгни,
когда сон Сигурда
пресек убийца,
когда на ложе
(они же смеялись)
- 7 сине-белые платы,
тобою тканые,
кровью мужа
насквозь промокли,
и, безутешная,
над телом Сигурда
ты сидела, над мертвым, —
а всему виной Гуннар¹

- 8 Отплатила ты Атли:
заколола ты Эрпа
и убила Эйтиля —
себе же на горе;
берегись, подымая
меч на другого,
клинок смертоносный
на тебя ж обернется».
- 9 Тут молвил Сёрли —
был он разумен:
«Мне с матерью нашей
невместно спорить,
но, как мне кажется,
не все вами сказано:
чего ищешь ты, Гудрун?
или слез тебе мало?
- 10 Сынов оплакала
и братьев с ними
и всех своих близких,
полегших в распре;
и нас ты, Гудрун,
внедолге оплачешь,
коль скоро навстречу смерти,
коней оседлав, поедем!»
- 11 Вот из усадьбы,
распалясь, они скажут,
юные воины,
на гуннских конях
по влажным взгорьям
вперед, к отмщенью.
- 12 Хитрец² их встретил
на той дороге.³
«Чем, ты, чернявый,
помочь нам можешь?»

- 13 Сводный же брат им
 в ответ: мол, тем же,
 чем ноге помогает
 нога другая.
 (Хамдир сказал:)
 «Нога другая
 чем же поможет?
 Руке ли рука
 потребна другая?»
- 14 Тут Эрп сказал им,
 схавший с ними, —
 в седле подбоченьясь,
 гордый, сидел он:
 «Беда, коль непутным
 путь покажешь!»
 Ему ответили:
 осмелел, мол, ублюдок.
- 15 Железо ножен,
 лезвия выхватив,
 клинками сверкая
 великанше на радость,
 сами на треть
 слою силу убавили, —
 наземь свалился
 их юный сродник.
- 16 Плащами взмахнули,
 мечи — на чресла,
 надели доспехи, —
 богам подобны!
- 17 Из дорог далеких
 нелегкую выбрали,
 где сестрина сына,
 к западу от усадьбы,

- труп свисал, качался
на ветру остудном,
с волчьего древа
(недоброе ждет их).
- 18 Гомон в хоромах,
рать пирует,
и конский топот
никто не слышит,
покуда тревогу
рог не сыграл.
- 19 Услышал Ёрмунрекк
весть, мол, едут,
мол, видит стража
воинов в шлемах —
«Рать, к оружию!
Прибыли сильные
владыки, чью деву
здесь затоптали!»
- 20 Смеется Ёрмунрекк,
усы расправил, —
за меч не схватился,
на щит — лишь глянул,
от меда веселый,
тряхнул волосами,
в руке же кубок
сверкает золотом:
- 21 «Почел бы за счастье сейчас обоих,
Сёрли и Хамдира,
в сем доме видеть;
тут же сутугой
быгачьей скрутил бы,
удавку накинул бы
на белую шею Гьюкунгам».

- 22 Тут с места высокого
 Хродрглёд⁵ сыну
 молвила слово,
 ему сказала:
 «Неужто возможно,
 чтобы два мужа
 тысячу готов
 связали, схватили,
 рать одолели
 в просторных палатах?»
- 23 Шум в обширных,
 отброшены чаши,
 гости по трупам готским
 в крови шагают.
- 24 Тут молвил Хамдир,
 храбрый духом:
 «Сбылось же, Ёрмунрекк,
 твое желание,
 нас, братьев, увидеть
 в сих палатах:
 ноги твои отрублены,
 руки твои отрублены —
 ужо мы сожжем их, Ёрмунрекк,
 в жарком пламени!»
- 25 Рыком ответил
 высокородный,
 муж кольчужный
 взревел медведем:
 «Камни мечите! —
 мечи не секут их,
 ни копья не колют
 потомков Йонакра!»
- 26 Тут Хамдиру крикнул
 храбрый духом:

«Напрасно, брат, молвил!
Опасные речи
в прореху из меха
без помехи хлещут.

- 27 Духом ты, Хамдир, крепок,
да некрепок рассудком:
ума нехватка —
изъян немалый!»

(Хамдир сказал:)

- 28 «Голову Эрп отсек бы,
будь он в живых,
брат наш бесстрашный,
на дороге павший,
доблестный воин
(дисы попутали,)
неуязвимый
(и его мы убили).
- 29 Не должно, нам думаю,
псам норн подобясь,
друг с другом грызться,
людям, как лютым
щенкам бирючьим,
рожденным в лесах, яриться.
- 30 Мы доблестно бились,
словно орлы на ветках,
стоя на трупах готов,
утомленных мечами.
Не сегодня, так завтра
славной смертью погибнем —
не доживет до заката,
кого норны приговорили!»
- 31 Сёрли там лег
недалеко от входа,

Хамдир же пал
у дальней стены.

Это называется Древние Речи Хамдира.

I

Здесь начинается и говорится о том человеке, что звался Сиги и слыл сыном Одина. И другой еще человек помянут в саге, а имя ему — Скади; он был властен и велик, а все же из них двоих был Сиги и властнее и родовитее, как говорили люди в то время. Был у Скади раб, о котором стоит сказать в саге; звали его Бреди; он был разумен во всем, за что ему приходилось браться; иные слыли поважнее его, но искусства и сноровки было у них не меньше, да, пожалуй, чуточку и побольше.

Надо теперь сказать о том, что всякий раз, как Сиги выезжал на звериный лов, был с ним и раб-тот, и гонялись они за зверем весь день до вечера. А когда вечером сходились, то всегда случалось так, что Бреди убил много больше... чем... Сиги; (и тому казалось) хуже худого (что какой-то) раб охотится лучше его.

Вот приезжает он под вечер домой и говорит, что Бреди ускакал от него в лес — «и скрылся он с глаз моих, и ничего я о нем не знаю». Скади слышит речь Сиги и думает, что это, верно, обман и что Сиги убил раба. Вышли люди его искать, и тем кончились поиски, что нашли его в некоем сугробе, и велел Скади тому сугробу именоваться

отныне Сугробом Бреди, и переняли это люди и зовут так всякий сугроб, который побольше. Тут и открылось, что Сиги убил раба и умертвил преступно. Тут объявили его лишенным мира¹, и не может он больше оставаться дома у отца. Тогда Один проводил его вон из той страны и совершил с ним долгий путь, и не оставлял его, пока тот не пришел к боевым стругам. И вот собрался Сиги в поход с тою дружиною, что дал ему отец при расставании, и в походе том был он удачлив. И так повернулось его дело, что, наконец, завоевал он себе землю и владение, а затем взял за себя знатную невесту и стал могучим конунгом и большим человеком и правил в Гуннской земле и слыл величайшим воителем. Был у него от жены сын по имени Рери; он рос у отца и вскоре стал высок ростом и ко всякому делу годеи.

Вот стал Сиги стар годами. Было у него много завистников, так что, наконец, сговорились против него те, кому он крепче всего верил; а то были его шуры. Напали они на него, когда он меньше всего ожидал, и было у него мало людей, а у них больше, и в той схватке пал Сиги со всею своею гридью.

Сын его Рери не был при том побоище, но получил он от друзей своих и властителей такую силу войска, что овладел и землею и престолом после Сиги, отца своего. И вот он видит, что стал обеими ногами на своем господстве и вспоминает он о распре своей с дядьями, убийцами отца; и собирает тут конунг большую дружину и идет войною на родичей своих с тою ратью. И они знают, какова их вина перед ним и что мало он теперь ценит родство с ними. И сделал он так, что ушел оттуда не раньше, чем убил всех кровников своих, хотя и было это совсем негоже. Тут завладел он землею и властью и богатством и стал он теперь большим человеком, чем был отец. Взял Рери большую добычу и жену такую, чтоб была ему под стать. И вот живут они вместе долгое время, и нет у них ни детей ни наследников. Это показалось им за беду, и просят они богов с великим рвением, чтобы родилось у них дитя. И вот говорят, что Фригт услышала их мольбу и Один тоже, о чем они просили; он недолго думает и зовет свою валькьюрю, дочку Хримни-иотуна, и дает в руки ей яблоко и велит отнести к конунгу. Она взяла яблоко то, надела на себя воронье платье² и полетела, пока не прибыла туда, где конунг тот сидел на кургане. Она уронила яблоко конунгу на колени. Он схватил то

яблоко и догадался, к чему оно. Идет он тогда домой к своей дружине, и вошел к королеве и поел от того яблока.

II

Рождается Волсунг

Надо теперь сказать, что королева вскоре затяжелела, и много времени проходит, а она не может разродиться. Тут пришла пора Рери выступить в поход, по обычаю конунгов, чтобы защитить свою землю. В этом походе случилось так, что Рери заболел, а затем умер и собрался в путь к Одину, и многим это казалось желанным в те времена.

А с болезнью королевы происходит все то же; ребенок у нее не рождается, и вот уже шесть зим, как длится этот недуг. И вот она решает, что больше ей незачем жить. И приказала она, чтобы вырезали у нее ребенка, и было сделано так, как она приказала. То был мужской приплод, и мальчик тот был велик ростом, когда родился, как и следовало ждать. Сказывают так, что этот мальчик поцеловал мать свою, прежде чем она умерла. Тут дали ему имя, и был он наречен Волсунгом; он сел на королевство в Гуннской земле после отца своего; стал он вскоре велик и силен и решителен во всем, что требует мужества и мужской мощи; сделался величайшим воителем и победоносцем в битвах тех, что случались на ратных походах.

Когда же он созрел годами, тут посылает Хримни к нему дочь свою Хльод, о которой прежде говорилось, что она летала с яблоком к Рери, отцу Волсунга. И тут он берет ее за себя, живут они вместе долгое время, и брак их счастлив. Родилось у них десять сыновей и одна дочь. Старший сын их звался Сигмундом, а дочь — Сигнью; эти двое были близнецами, и слыли во всем первее и красивее других детей Волсунга-конунга, хотя и все прочие сыновья выросли крепкими мужами; и долго жила о том молва и память, что были Волсунги великими богатырями и были превыше едва ли не всех людей и в мудрости, и в ловкости, и во всяческой доблести, как о том говорится в преданиях.

Сказывают, что Волсунг-конунг велел выстроить славную некую палату, а строить велел так, чтобы посреди палаты росло огромное дерево и ветви того дерева с дивными цветами ширились над крышей палаты, а ствол уходил вниз в палату ту, и звали его родовым стволом.

III

Сигтейром звали одного конунга; он правил Гаутской землей³; был он могучий конунг и многодружинный. Он поехал к Волсунгу-конунгу и посватал Сигню себе в жены; этому слову рад был король, а с ним и сыновья, а сама она была не рада, но все же просила отца быть тут судьей, как и во всем прочем, что до нее касалось. А конунгу тому помыслилось за благо ее выдать; и так была она обручена Сигтейру-конунгу. Когда же начнется тот пир и свадьба, то пусть-де придет Сигтейр-конунг на пир к Волсунгу-конунгу. Сготовил конунг пир, какого нет лучше, и когда пир тот был готов, сошлись там гости Волсунга-конунга и Сигтейра-конунга в назначенный день, и было с Сигтейром-конунгом много знатных людей.

Сказывают так, что было разложено много костров вдоль палаты той; и вот стоит посреди палаты большая эта яблоня, о которой была речь. И тут говорится, что, когда расселись люди вечером вокруг костров, то человек некий вошел в палату⁴. Тот человек был людям неведом с виду. Тот человек так был одет: плащ на нем запла-танный, ступни босые, а на ногах холстинные штаны. Тот человек в руке держал меч и шел прямо к родовому стволу, а на голове у него шляпа; был он очень высок и стар и крив на один глаз. Он взмахнул мечом и так вонзил его в ствол, что меч тот вошел в дерево по руко-ять. Все люди приветствовали того человека; тогда он заговорил и сказал:

— Тот, кто этот меч вытащит из ствола, получит его от меня в дар, и сам он в том убедится, что никогда не держал в руках лучшего меча.

Затем выходит этот старик вон из палаты, и никто не знает, кто он такой и куда идет. Тут повскакали они с мест и заспорили о том, кому взяться за меч; думали, что достанется он тому, кто первым до него доберется. Наконец знатнейшие подошли первыми, один за другим, но не было тут такого, кому бы удалось это дело, ибо меч не шелохнулся ни в какую сторону, сколько за него ни хватались. И вот подошел Сигмунд, сын Волсунга-конунга, схватил меч и вырвал его из ствола, точно он там лежал свободно, дожидаясь Сигмунда. Это оружие так всем было по душе, что никто, думалось им, не видал ему

равного, а Сигтейр предложил в обмен тройной вес меча в золоте. Сигмунд сказал:

— Ты мог взять этот меч раньше меня оттуда, где он лежал, если бы тебе подошло его носить. А теперь, раз он достался мне в руки, никогда ты его не получишь, хоть бы отдал ты за него все свое золото.

Сигтейр-конунг осердился на такую речь и подумал, что это заносчивый ответ. Но так как норв его был такой, что был он большой кознодей, то притворился он, будто это дело ничуть его не заботит, а сам в тот же вечер задумал месть, которую после и совершил.

IV

Надо теперь сказать о том, что Сигтейр в тот вечер возлег на ложе вместе с Сигнью. А на другой день настала хорошая погода, и сказал Сигтейр-конунг, что собирается домой и не хочет ждать, пока ветер рассвирепеет и плыть будет нельзя. Ничего не говорится о том, что Волсунг-конунг или сыновья его удерживали зятя, особенно когда увидели, что он ничего другого не хочет, как только уехать с пира. Тогда молвила Сигнью отцу своему:

— Не хочу я ехать на чужбину с Сигтейром, и душа моя ему не рада, и знаю я от прозрения своего и от родовой нашей фюлги, что из-за этого брака пойдут у нас великие невзгоды, если тотчас он не будет расторгнут⁵.

— Не должна ты так говорить, дочка, — сказал он, — ибо срам великий и ему и нам — расторгнуть с ним брак без всякой вины, и не будет у него к нам ни веры никакой ни дружбы после такого разрыва, и злом он нам оплатит, как только сумеет, да и нам не пристало нарушать слово.

Вот собрался Сигтейр-конунг в обратный путь, но прежде чем уехать со свадьбы, позвал он Волсунга-конунга, свояка своего, к себе в Гаутскую землю и всех сыновей его с ним через три месяца времени, а также и всю дружину, какую пожелает он с собой взять, чтоб чести его было пристойно. Хочет-де Сигтейр-конунг искупить вину свою, что прогостил на свадьбе той всего одну ночь, а это у людей не в обычае. Тут обещал Волсунг-конунг приехать и быть там в назначенный день; на том расстались свояки, и поплыл Сигтейр-конунг домой с женой своею.

V

Гибель Волсунга

Надо теперь сказать про Волсунга-конунга и сыновей его, как едут они в уговоренный срок в землю Гаутов по зову Сиггейра-конунга, свояка своего, и есть у них три струта на море, и все хорошо снаряжены; и удачно переплыли и подошли на струтах своих к Гаутской земле поздним вечером. И в этот самый вечер вышла к ним Сигню, дочка Волсунга-конунга, и зовет отца своего на тайную беседу и братьев тоже, и говорит им мысли свои про Сиггейра-конунга, что собрал он непобедимое войско, — «и хочет он вас обмануть, и прошу я вас, — говорит она, — чтобы вы поплыли отсюда обратно в свои земли и собрали как можно больше дружины, и вернулись сюда, и отомстили за себя, и не попали бы в беду, ибо не избежать вам его коварства, если не прибегнете к тому, что я вам предлагаю».

Тогда молвил Волсунг-конунг:

— Ходит о том молва среди всех народов, что молвил я во чреве матери слово и дал зарок никогда не бежать страха ради ни от жара ни от железа, и так творил я досель — и стану ли я отступаться от слова на старости лет? Пусть девы не корят сыновей моих на игрищах, будто испугались они смерти, ибо всякий умрет в некий час, и никто в свой час не избежит кончины. Такой мой совет: никуда не бежать и работать десницей, сколь силы хватит. А бился я сотни раз; и было у меня дружины часом больше, а часом меньше — и всякий раз я побеждал. И пусть не пронесется слух, будто я вспять повернул или просил пощады.

Тут горько заплакала Сигню и все умоляла его, чтобы ей не возвращаться к Сиггейру-конунгу. Волсунг-конунг отвечает:

— Конечно, должна ты идти домой к своему хозяину и быть при нем, что бы ни стряслось с нами.

Тут вернулась Сигню домой, а они заночевали. А на утро то, едва рассвело, велит Волсунг-конунг людям своим встать и сойти на берег и изготовиться к бою. Вот выходят они на берег во всеоружии, и немного погодя является Сигтейр-конунг со всем своим войском, и начинается меж ними жесточайший бой, и побуждает конунг людей своих, чтоб нападали как можно яростней, и сказывают, будто Волсунг-

конунг и сыновья его выходили против полков Сигтейра-конунга восемь раз в один день и рубили оберучь, а как вздумали выйти в десятый, пал тут Волсунг-конунг посреди рати своей, и вся дружина его с ним, кроме десятерых сыновей, хоть и стояла против них много большая сила, чем они могли отразить. Вот все сыны его схвачены, и узами связаны, и в полон уведены.

Сигню увидела, что отец ее убит, а братья живьем взяты и обречены на смерть; тут позвала она Сигтейра-конунга на тайную беседу. И молвила Сигню:

— Хочу я просить тебя, чтобы ты не сейчас велел убить братьев моих, а лучше велел бы посадить их в колоду. А со мною случилось, как говорится, что «рад глаз, пока видит»; и не прошу я о них дальше, так как знаю, что просьба мне не поможет.

Тогда отвечал Сигтейр:

— Мудра ты и мощна мыслью, раз просишь для братьев своих худшей муки, чем быть им порубленными. И будет по просьбе твоей, ибо больше мне по сердцу, чтоб они злее мучились и дольше терзались до смерти.

Тут велит он сделать, как она просила. И взяли большую колоду и набили ее на ноги тем десяти братьям на некоем месте в лесу; и вот сидят они там целый день до ночи. А как сидели они в колоде той о полуночи, вот выходит к ним из лесу старая волчиха; была она и велика и собой безобразна. Удалось ей загрызть одного из них насмерть; затем съела она его без остатка и пошла прочь. А на утро то послала Сигню к братьям своим человека, которому больше всех доверяла, узнать, что дется; а когда он вернулся, то сказал ей, что умер один из них. Очень ей показалось тяжело, что все они так умрут, а она им помочь не может. Коротко сказать, девять ночей кряду приходила эта самая волчиха в полночь и заедала одного из них до смерти, пока все погибли и Сигмунд один остался. И вот, когда настала десятая ночь, послала Сигню верного своего человека к Сигмунду-брату и дала в руки ему меду и велела, чтоб он смазал лицо Сигмунда, а немного положил ему в рот. Вот идет тот к Сигмунду и делает, как ему велено, и возвращается домой. Ночью приходит тут эта самая волчиха по своей привычке, и думала она загрызть его насмерть, как братьев; и тут чувствует она дух тот медвяный и лижет ему все лицо языком, а затем запускает язык ему в рот. Он не растерялся и прикусил

волчице язык. Стала она крепко тянуть и с силой тащить его назад и так уперлась лапами в колоду, что та расселась пополам; а Сигмунд так мощно сжал зубы, что вырвал ей язык с корнем, и тут приключилась ей смерть. И сказывают иные так, будто эта самая волчиха была матерью Сигтейра-конунга, а приняла она такое обличие через свое волшебство и чародейство.

VI

И вот Сигмунд освободился и разбита колода та, и остался Сигмунд в лесу. Снова Сигню посылает проведать, что делается и жив ли Сигмунд. А когда они пришли, рассказал он им все, что было между ним и волчихой той. Вот возвратились они домой и поведали Сигню, что сделалось. Пришла она тогда и разыскала брата, и порешили они, чтобы он сделал землянку в лесу; и проходит так некоторое время, и Сигню прячет его там, и все, что нужно, ему носит. А Сигтейр-конунг думает, что все умерли Волсунги.

Породил Сигтейр-конунг с женою своею двух сыновей, и называют о них, что, когда старшему сыну минуло десять зим, послала она его к Сигмунду, дабы быть ему в помощь, если тот пожелает предпринять что-либо в отместку за отца своего. Вот идет мальчик в лес и поздно вечером приходит к землянке Сигмундовой. Тот принял его хорошо, как подобает, и велел ему, чтобы замесил тесто — «а я пойду набрать хворосту». И дает он ему в руки мешок с мукой, а сам идет за хворостом тем. А когда он вернулся, — не замесил мальчик теста. Тут спрашивает Сигмунд, готово ли тесто, а он отвечает:

— Не посмел я тронуть мешок тот с мукой; там в муке что-то копошится.

Понял тут Сигмунд, что не будет этот мальчик так крепок духом, чтобы взять его к себе. И вот когда они с сестрою свиделись, говорит Сигмунд, что нет с ним настоящего, пока мальчик тот при нем. Сигню молвила:

— Тогда возьми ты его и убей; не должен он дольше жить.

Так он и сделал.

Вот прошла эта зима, а на следующий год посылает Сигню младшего сына к Сигмунду; и нечего тут долго сказывать, а случилось с ним, как и с первым: убил Сигмунд этого мальчика по совету Сигню.

VII

Сигню породила Синфьотли

И гласит предание, что сидела Сигню однажды в своей горнице, и пришла будто к ней туда колдунья одна, вещая очень. Тут стала Сигню с ней говорить.

— Хотела бы я, — молвила она, — чтобы мы поменялись обличем. Ты, — говорит она колдунье, — тут хозяйствуй.

И вот сделала она по своему ведовству, что они поменялись обличем, и уселась колдунья в палате Сигню на ее хозяйстве и вечером легла в постель с королем, а он и не приметил, что не Сигню с ним спит. Надо теперь сказать про Сигню, как пошла она к землянке брата своего и просит приюта на ночь:

— Потому что заблудилась я в лесу том и не знаю, куда идти. — Он сказал ей, чтоб она оставалась и что он не откажет ей, женщине, в ночлеге, а сам подумал, что она не отплатит ему предательством за добрый прием. Вот вошла она к нему, и сели они за стол. Он часто на нее поглядывал, и показалась она ему красивой и пригожей. А когда они насытились, говорит он ей, чтоб была у них одна постель на эту ночь, если ей угодно. Она тому не противится, и кладет он ее подле себя на три ночи сряду. Потом возвращается она домой и застаёт колдунью ту и просит ее опять поменяться обличьями, и колдунья так и сделала.

А когда пришло время, родила Сигню мальчика-сына. Мальчика того назвали Синфьотли. А когда он подрос, то вышел он и крупным, и сильным, и с лица красивым — и весь в род Волсунгов. И не минуло ему еще и десяти зим, как послала его мать в землянку к Сигмунду. Прежних сыновей своих, перед тем как посылать, испытывала она, пришивая им рукава к коже и мясу; они не могли стерпеть и кричали. И так же поступила она с Синфьотли, а он и не шелохнулся. Тогда сдернула она с него свиту, так что кожа пошла следом за рукавами. Она сказала, что, верно, ему больно. Он молвил:

— Малой показалась бы эта боль Волсунгу.

И вот приходит мальчик тот к Сигмунду. Тогда Сигмунд приказал ему замесить для них тесто, а сам-де он пойдет хворосту набрать, — и дает в руки ему мешок, Затем уходит он за хворостом тем, а когда

вернулся, Синфьотли уже с хлебом управился. Спросил тогда Сигмунд, не нашел ли он чего в муке.

— Показалось мне, — отвечал тот, — точно было в муке той что-то живое, как я начал месить; так я и замесил заодно и то, что там было.

Тогда промолвил Сигмунд, а сам засмеялся:

— Не дам я тебе есть этого хлеба нынче вечером, потому что ты замесил в него самую ядовитую змею.

Сигмунд был таким богатырем, что принимал яд, и тот ему не вредил; а Синфьотли мог выносить яд только извне, но не мог ни есть его, ни пить.

VIII

Сигмунд с сыном надевают волчью шкуру

Надо теперь сказать о том, что Синфьотли показался Сигмунду слишком молодым для мести, и захотел он сперва приучить его понемногу к ратным тяготам. Вот ходят они все лето далеко по лесам и убивают людей ради добычи. Сигмунду показался мальчик похожим на сына Волсунгов, а считал он его сыном Сигтейра-конунга и думал, что у него — злоба отца и мужество Волсунгов, и удивлялся, как мало он держится своего рода-племени, потому что часто напоминал он Сигмунду о его злосчастии и сильно побуждал убить Сигтейра-конунга.

Вот однажды выходят они в лес на добычу и находят дом некий и двух людей, спящих в доме, а при них толстое золотое запыстье. Эти люди были заколдованы, так что волчьи шкуры висели над ними: в каждый десятый день выходили они из шкур; были они королевичами.

Сигмунд с сыном залезли в шкуры, а вылезть не могли, и осталась при них волчья природа, и заговорили по-волчьи: оба изменили говор⁶. Вот пустились они по лесам, и каждый пошел своей дорогой. И положили они меж собой уговор нападать, если будет до семи человек, но не более; и тот пусть крикнет по-волчьи, кто первый вступит в бой.

— Не будем от этого отступать, — говорит Сигмунд, — потому что ты молод и задорен, и может людям прийти охота тебя изловить.

Вот идет каждый своею дорогой; но едва они расстались, как Сигмунд набрел на людей и взвыл по-волчьи, а Синфьотли услышал и

бросился туда и всех умертвил. Они снова разлучились. И недолго проблуждал Синфьотли по лесу тому, как набрел он на одиннадцать человек и сразился с ними, и тем кончилось, что он всех их зарезал. Сам он тоже уморился, идет под дуб, отдыхает...

Он молвил «...⁷ на помощь, чтоб убить семерых, а я против тебя по годам ребенок, а не звал на подмогу, чтоб убить одиннадцать человек».

Сигмунд прыгнул на него с такой силой, что он пошатнулся и упал: укусил его Сигмунд спереди за горло. В тот день не смогли они выйти из волчьих шкур. Тут Сигмунд взваливает его к себе на спину и несет в пещеру: и сидел он над ним и посылал к троллям волчьи те шкуры.

Видит однажды Сигмунд в лесу двух горностаев, как укусил один другого за горло, а затем побежал в лес и воротился с каким-то листом и приложил его к ране, и вскочил горностай жив-здоров. Сигмунд выходит из пещеры и видит: летит ворон с листком тем и приносит к нему; приложил он лист к ране Синфьотли, и тот вскочил здоровым, точно и ранен никогда не бывал. После этого вернулись они в землянку и были там, пока не пришла им пора выйти из волчьих тех шкур. Тут взяли они шкуры и сожгли на костре и заклиали их, чтобы они никому не были во вред. А в том зверином обличии свершили они много славных дел на землях Сигтейра-конунга. И когда Синфьотли возмужал, то решил Сигмунд, что хорошо испытал его.

Вот немного времени проходит, и задумывает Сигмунд отомстить за отца, если удастся. И вот однажды выходят они вон из землянки и подкрадываются к дому Сигтейра-конунга поздно вечером и вступают в сени, что перед палатой; а стояли там пивные чаны, и они за ними спрятались. А королева знает, что они тут, и хочет с ними повидаться; а когда они сошлись, то и порешили, что примутся за месть, как только стемнеет.

У конунга с Сигню было двое детей, оба в младенческих летах. Играют они на полу золотыми кольцами и бегают за ними по палате и прыгают. А одно кольцо выкатилось в сени те, где сидел Сигмунд с сыном, и мальчик выскочил вслед, чтоб поймать кольцо. Вот видит он, сидят два человека, огромных и грозных, и шлемы у них нахлобучены, и брони блестят. Тут бежит он назад в палату к отцу и гово-

рит ему все, что видел. Тут догадался конунг, что хотят его застигнуть врасплох.

Вот слышит Сигню, что они говорят; встает она с места, берет обоих детей и ведет в сени те и молвит:

— Да будет вам ведомо, что они выдали вас, и вам мой совет, чтобы вы их убили.

Сигмунд говорит:

— Не хочу я убивать детей твоих, хотя они меня и предали.

Но Синфьотли не смутился и ударил мечом и убил обоих детей и бросил их в палату перед Сиггейром-конунгом. Тут конунг встает и велит людям, чтоб они схватили тех двух людей, что спрятались в сенях в тот вечер. Вот выбегают люди и хотят наложить на них руки, но они защищаются крепко и храбро, и хуже всех достается тому, кто к ним поближе. Но, наконец, одолевают их числом, и вот они схвачены и узами связаны, и в цепи закованы, и сидят так всю ночь. Вот думает конунг про себя, какой бы смерти их предать, чтоб подольше они умирали; а когда настало утро, велит тут конунг насыпать большой курган из камней и дерна. А когда курган соорудили, повелел он поставить посреди кургана того огромную плиту, одним концом сверху, другим книзу. Была она так велика, что шла от края до края кургана, и обойти ее было нельзя. Тут велит он взять Сигмунда и Синфьотли и посадить в курган тот по обе стороны плиты, ибо думал, что тяжелее им будет умирать врозь и все же слышать друг друга. А как начали закрывать курган тот дерном, то приходит туда Сигню и несет в охапке пук соломы и бросает в курган к Синфьотли и велит рабам скрыть это от конунга; они на то согласились, и засыпан был курган.

А когда стемнело, молвил Синфьотли Сигмунду:

— Сдается мне, что хватит нам пищи на время; вот королева бросила нам в курган мяса и обернула его соломой.

А как взялся он за мясо, — видит: засунут туда меч Сигмундов, и узнал он его наощупь по рукояти, потому что темно было в кургане том. И сказал он про то Сигмунду, и оба обрадовались. Вот всадил Синфьотли острие то в плиту и нажал крепко — и меч пробивает камень. Ухватился тут Сигмунд за острие, и стали они пилить плиту ту и не переставали, пока не перепилили, как в песне сказывается:

*Камень огромный крепко режут
Сталью Сигмунд и Синфьотли.*

И вот они — оба вместе в кургане том и режут насквозь дерн и камень, и так выходят вон из кургана.

Вот идут они назад к палате то, — а люди там все спят. Они натащали дров к палате и подожгли дрова. И проснулись от дыма те, что были внутри, а палата та уж над ними пылает. Конунг спрашивает, кто зажег огонь.

— Здесь я сам друг с Синфьотли, сестричем моим, — сказал Сигмунд, — и сдается нам, знаешь ты теперь, что не все Волсунги умерли.

Он просит сестру свою выйти к нему и принять от него добрый почет и великую честь, и хочет он возместить ей за все ее горести. Она отвечает:

— Узнай теперь, как припомнила я Сиггейру-конунгу смерть Волсунга-конунга. Я послала на смерть наших сыновей, потому что казались они мне негодными для мести; и я же ходила к тебе в лес под видом волвы, и Синфьотли — наш сын. И оттого у него великое мужество, что рожден Синфьотли от сына и от дочери Волсунга-конунга. И с тех пор я делала все, чтоб Сиггейр-конунг принял смерть. И так много учинила я для мести той, что дольше мне жить не под силу. Умру я теперь с Сиггейром-конунгом добровольно, хоть жила я с ним неохотно.

Затем поцеловала она Сигмунда, брата своего, и Синфьотли и вошла в огонь и пожелала им счастья. Тут приняла она смерть вместе с Сиггейром-конунгом и всей его гридью. Оба родича взяли корабли и дружину, и поехал Сигмунд в свою отчину и прогнал из страны того князя, что сел там на место Волсунга-конунга.

Стал тут Сигмунд мощным конунгом и славным, мудрым и великим; взял он себе жену по имени Боргхилд. Было у них двое сынов: один звался Хелги, а другой Хамунд. А когда родился Хелги, явились норны и предвещали ему судьбину и молвили, что быть ему из всех конунгов славнейшим⁸. Сигмунд в то время вернулся с войны и подошел к сыну с пучком порея в руке, и тут дал он ему имя Хелги и при даче имени такие дары: угодьи Хрингстадир и Солфьол и меч, и пожелал ему хорошо расти и удался в род Волсунгом. Вырос Хелги великодушным и многолюбимым и первым среди мужей во всяком деле. Сказывают, что он выступил в поход пятнадцати лет от роду. Был Хелги конунгом над дружиной, а Синфьотли был придан ему в помощь, и правили дружиною оба.

IX

Хелги добыл Сигрун

Сказывают так, что Хелги повстречался на походе с конунгом тем, что звался Хундингом. Он был могучим конунгом и многодружинным и правил землею. Начинается тут между ними бой, а Хелги крепко наступает, и тем завершается битва, что Хелги достается победа, а Хундинг-конунг падает среди своей дружины. Вот думает Хелги, что сильно он вырос, раз поразил он такого могучего конунга. Сыновья же Хундинга собрали войско против Хелги и хотят отомстить за отца. Было у них жестокое сражение, и выходит Хелги навстречу полкам братьев тех и ищет по приметам сыновей Хундинга-конунга и поразил сынов Хундинга — Альфа и Эйолфа, Херварда и Хагбарда — и славную добыл победу.

И как поехал Хелги с поля битвы, повстречал он в лесу женщин многих и прекрасных на вид; но одна возвышалась над всеми. Скакали они в прекрасных доспехах. Хелги спросил имя той, что ехала впереди; а она назвалась Сигрун, дочерью Хогни-конунга. Хелги молвил:

— Поедем к нам, и будьте желанными гостями.

Говорит тут королевна:

— Другие есть у нас дела, нежели пить с тобою.

Хелги отвечает:

— Что это за дела, королевна?

Она отвечает:

— Хогни-конунг обещал меня Ходбродду, сыну Гранмара-конунга, а я дала зарок, что не охотнее я выйду за него, чем за вороненка. И все же это случится, если ты ему не помешаешь и не выйдешь против него с войском и не увезешь меня к себе, потому что ни с одним конунгом не буду я жить охотнее, чем с тобою.

— Утешься, королевна! — сказал он. — Прежде померяемся мы силами, чем будешь ты ему отдана, сперва испытаем мы, кто кого победит, и о том заложимся жизнью.

После этого рассылает Хелги людей с дарами, чтобы созвать воителей, и назначает сбор всей дружине у Красных Гор. Ждал Хелги там до тех пор, пока пришел к нему большой отряд с острова Хединсейя, и еще пришла большая дружина из Норвасундов с кораблями

прекрасными и крупными. Хелги-конунг зовет корабельного начальника своего, Лейфа, и спрашивает его, сосчитал ли он войско. А тот отвечает:

— Не легко сосчитать, государь, корабли те, что с Норвасундов: на них двенадцать тысяч человек, а второе войско в полтора раза больше.

Молвил тогда Хелги-конунг, что нужно им войти в тот фьорд, что зовется Варинсфьорд, и так они сделали.

Тут застигла их великая непогода и такая буря, что волны с шумом били о борт, точно сшибались друг с другом утесы. Хелги приказал людям не пугаться и не спускать парусов, напротив, поднять их выше, чем прежде. Было похоже на то, что море захлестнет их раньше, чем они доплывут до суши. Вдруг сходит к берегу Сигрун, дочь Хогни-конунга, с большой дружиной и приводит их в добрую гавань, что зовется Гнипалундом. Это увидели местные люди, и пришел на берег брат Ходдбродда-конунга, правившего той землей, что зовется «у Сваринсхауга». Он подал голос и спросил, кто ведет большую ту дружину. Встает Синфьотли, и на голове у него шлем блестящий как стекло, и броня белая как снег, копье в руке с видным прапорцем и золотом окованный щит. Мог он умело молвить конунгу:

— Скажи, когда покормишь свиней и собак и зайдешь к жене, что прибыли Волсунги и можно здесь встретить Хелги-конунга среди дружины, если Ходдбродд захочет его видеть: радость для Хелги — биться со славой, пока ты за печкой целуешь служанок.

Гранмар отвечает:

— Уж верно ты не умеешь слова сказать пристойно, ни о стародавних делах вести беседу, раз ты врешь в глаза хофдингам. Видно, ты долго кормился в лесу волчьей сытью и братьев своих убил, и дивно мне, как ты осмеливаешься ходить в войске рядом с честными людьми, — ты, сосавший кровь из многих холодных трупов.

Синфьотли отвечает:

— Верно ты запомнил, как был ты волкою на Варинсейе и говорил, что хочешь замуж, и сманивал меня на это дело, чтоб я был тебе мужем; а затем был ты валкирией в Асгарде, и чуть-было все там не передрались из-за тебя; а я породил с тобою девять волков на Ланганесе, и всем им я был отцом.

Гранмар отвечает:

— Здоров ты врать! Мне же сдается, что ничьим отцом ты не мог быть с тех пор, как оскостили тебя дочери иотуна на Торснесе; ты —

пасынок Сигтейра-конунга, и валялся ты в лесах с волками; и сотворил ты все злодеяния сразу, братьев своих убил и стяжал дурную славу.

Синфьотли отвечает:

— А помнишь ли, как был ты кобылой у жеребца Грани, и скакал я на тебе во весь опор по Браваллу? Был ты затем козопасом у Голни-иотуна.

Гранмар отвечает:

— Раньше накормлю я птиц твоей падалью, чем говорить с тобою.

Тут промолвил Хелги-конунг:

— Лучше и доблестнее было бы вам сразиться друг с другом, чем говорить так, что срам слушать. А сыны Гранмара, хоть мне не друзья, а все же отважные мужи.

Едет тогда Гранмар назад к Ходбродду-конунгу, в место, именуемое Солфьол. Кони их звались: Свейпуд и Светгьюд. Братья встретились у ворот замка, и Гранмар рассказал конунгу о войне. Ходбродд-конунг был в броне, а на голове у него — шлем. Он спросил, кто они такие, «и почему ты так ссудит»?

Гранмар говорит:

— Явились сюда Волсунги, а с ними двенадцать тысяч человек на суше, да еще семь у острова того, что зовется Сок; а самая большая сила стоит там, где местность зовется «перед Гаванью»; и думаю я, что Хелги намерен биться.

Конунг говорит:

— Разошлем призыв по всей нашей стране и двинемся им навстречу. Нечего тому сидеть дома, кто хочет биться. Пошлем весть сынам Хринга и Хогни-конунга и Алфу-старому: они — великие воины.

Сошлись они на месте, что зовется Фрекастейн, и завязалось там жестокое сражение. Хелги шел навстречу полкам; великое было побоище. Тогда увидали они большой отряд полениц, точно в ярком огне; то была Сигрун-королевна. Хелги-конунг выступил навстречу Ходбродду-конунгу и сразил его под самыми стягами. Тут молвила Сигрун:

— Благодарствуй за этот подвиг. Все по иному будет в этих землях. Для меня это день великой радости, а ты добудешь честь и славу, сразив столь могучего конунга.

Завладев тою землею Хелги-конунг и долго там прожил, и взял за себя Сигрун, и стал славным конунгом и знаменитым, и дальше о нем не говорится в этой саге.

X О Волсунгах

Вот едут Волсунги домой, и больше еще увеличили они свою славу. А Синфьотли опять собрался в поход. Встретил он там красивую женщину и сильно пожелал ею завладеть. А к этой же женщине сватался брат Боргхилд, жены Сигмунда-конунга. Решают они это дело боем, и убивает Синфьотли того конунга. Вот воюет он широко и далеко и бьется во многих битвах и повсюду побеждает. Стал он среди людей славнейшим и знаменитейшим и воротился домой под осень со многими кораблями и большим богатством.

Он рассказал отцу своему, что случилось, а тот передал королеве; велит она Синфьотли уехать из их земли и говорит, что не хочет его видеть. Сигмунд сказал, что не отпустит его, и предложил ей заплатить виру за брата золотом и многим добром, хоть ни разу прежде не платил он виры ни за кого: сказал он, что нет чести тягаться с женщинами. Видит она, что своего не добьется. Она молвила:

— Вам решать, государь: таков обычай.

И стала она править тризну по брате своем с дозволения конунга и устроила пир богатейший и созвала много властителей. Боргхилд потчевала людей брагой. Она подошла к Синфьотли с большим рогом. Она сказала:

— Выпей, пасынок.

Он принял рог и поглядел в него и молвил:

— Мутное питье.

Сигмунд молвил:

— Дай его мне, — и отпил.

Королева молвила:

— Неужели должны другие пить за тебя брагу?

Вторично поднесла она ему рог.

— Пей же! — и укоряла его многими словами.

Он принял рог тот и молвил:

— Обманное это питье.

Сигмунд молвила:

— Дай его мне.

В третий раз подошла она и велела ему пить, если бьется в нем сердце Волсунга. Синфьотли принял рог тот и молвил:

— Яд в этом питье.

Сигмунд ответил:

— Дай усам напиться, сын! — сказал он. Потому он так молвил, что был тогда конунг сильно пьян.

Синфьотли выпил и рухнул на землю. Сигмунд встал на ноги, и была скорбь его почти как смерть. И взял труп в объятия и пошел в лес и вышел на берег фьорда. Там увидел он человека на челне малом⁹. Человек спросил, не хочет ли Сигмунд, чтоб он перевез его через фьорд. Тот согласился. Челнок был так мал, что всех не мог свезти. Погрузили сперва труп, а Сигмунд пошел по берегу фьорда. И тут же исчез челнок из глаз Сигмунда, а с ним и человек тот. После этого пришел Сигмунд домой и прогнал прочь королеву ту; и, мало погода, умерла она.

Сигмунд-конунг вновь стал править своею странюю, и был он, думается, величайший витязь и конунг в стародавнее время.

XI

Эулими звался конунг могучий и славный; дочь его звали Хьордис, что всех жен краснее и мудрее. И прослышал о том Сигмунд-конунг, что как раз ему под стать она — и никакая другая.

Сигмунд отправляется в землю Эулими-конунга; тот готовит в честь его пир великий, — если только не пришел он с боем. И приходят послы и говорят, что с дружбой они пришли, а не с войною. И был тот пир очень богат и многолюден. Устраивали всюду для Сигмунда-конунга торг и прочие путевые удобства. Вот приходят они на пир, и садятся оба конунга в одной палате. Прибыл туда и Люнгвиконунг, сын Хундинга-конунга, и хочет он тоже породниться с Эулими-конунгом. Эулими знает, что приехали они по одному и тому же делу, и знает также, что надо ждать войны от того, кому будет отказано. Тогда молвит конунг дочери своей:

— Ты — умная женщина, и я обещал, что сама ты изберешь себе мужа. Выбирай же теперь одного из этих двух конунгов. А твоя воля будет моей.

Она отвечает:

— Трудным кажется мне этот выбор; а все же выбираю я того конунга, который славнее, а это — Сигмунд-конунг, хоть и очень он стар годами.

И отдали ее Сигмунду, а Люнгни-конунг уехал прочь.

Сигмунд женился и взял за себя Хьордис; и угощение шло изо дня в день все лучше и все усерднее. После этого поплыл Сигмунд-конунг домой в Гуннскую землю, и Эулими-конунг, свояк его, с ним; и прибыл он в свою страну.

А Люнгни-конунг и братья его собирают войско и идут войной на Сигмунда-конунга, потому что прежде всякий раз терпели неудачу, а это задело их за живое: хотят они теперь превозмочь Волсунгов. Вот приплывают они в Гуннскую землю и посылают сказать Сигмунду-конунгу, что не хотят к нему исподтишка подкрадываться, а сами верят, что он не убежит. Сигмунд-конунг отвечал, что выйдет на бой; он собрал войско, а Хьордис увезли в лес с одной служанкой, и много добра поехало с ними; там она и была, пока они бились. Викинги сошли с кораблей, а за ними непобедимая рать. Сигмунд-конунг и Эулими подняли боевые стяги, и тут загремели трубы. Вот Сигмунд-конунг трубит в свой рог, что остался ему от отца, и побуждает дружину. Было у Сигмунда дружины много меньше. Завязалась тут жестокая битва, и хоть был Сигмунд стар, а все же сражался он люто и все время был впереди своих. Не устоит перед ним ни щит ни броня, а он весь день идет прямо на вражескую дружину, и никто не знает, чем кончится бой между ними. Много там летало дротов и стрел, и так помогали ему вещи его дисы, что не был он ранен, и неведомо, сколько людей пало от него, и были у него обе руки в крови по самые плечи. А когда продлился бой тот некое время, явился на поле том человек в нахлобученной шляпе и синем плаще; был он крив на один глаз, и в руке у него — копье. Этот человек выступил навстречу Сигмунду-конунгу и замахнулся на него копьем. А когда Сигмунд-конунг ударил со всей силы, столкнулся меч с копьем тем и сломался пополам на две части. Тут Сигмунда-конунга покинули Удачи, и многие пали из его дружины. И случилось, как говорится, что «никто — против многих»: в том бою пали Сигмунд-конунг и Эулими-конунг, свояк его, во главе полков и большая часть их дружин.

XII

Вот принялся Люнгни-конунг рыскать по Сигмундову дому и думает, что захватит королеву. Но не удалось это ему: не нашел он ни

жены ни богатства. Проехал он тогда по всей стране и раздал людям своим земли. Мыслит он, что перебил все племя Волсунгов и что отныне нечего ему страшиться.

Хьордис пошла на поле после битвы той и ночью пришла туда, где лежал Сигмунд-конунг, и спрашивает, можно ли его выходить; а он отвечает:

*Многие живы, от малой надежды;
Меня же бросили боги,*

так что не позволю я себя лечить, не хочет Один, чтоб мы обнажали меч, раз сам он его разбил; бился я в битвах, пока ему было угодно.

Она молвила:

— Ни о чем бы я не жалела, если бы только ты излечился и отомстил за моего отца.

Конунг сказал:

— Иное нам суждено. Ты тяжела мальчиком. Его ты вырасти хорошо и умело, и станет тот мальчик знаменитым и славнейшим в нашем роду. Крепко храни обломки меча: из них скуют добрый меч, по имени Грам, и сын наш будет носить его и много подвигов им совершит, что вовек не забудется; и имя его будет греметь, пока мир стоит. Так учини; а меня донимают раны, и отойду я теперь к родичам нашим ушедшим.

Просидела Хьордис над ним, пока он не умер — и вот засиял день. Видит она, что много кораблей пристало к берегу. Молвила она служанке:

— Поменяемся платьем, и ты назовешься моим именем и скажешь, что ты — королевна.

Так они и сделали.

Викинги пришли посмотреть на великое боище, и видят: идут две женщины к лесу. Догадались они, что совершилось великое дело, и сбежались со всех кораблей. А вел ту дружину Алф, сын Хьялпрека-конунга из Дании; он прибыл в ту страну со своим войском. Вот приходят они на поле и видят великое боище. Тут конунг приказывает разыскать женщин, и это было исполнено. Он спрашивает, кто они такие, и узнает весть против ожидания. Служанка та держит ответ перед ним и рассказывает о кончине Сигмунда-конунга и Эули-

ми-конунга и многих других знатных мужей и о том, кто это сделал. Конунг спросил, не знают ли они, где спрятаны сокровища конунга. Служанка та отвечает:

— Разумеется, знаем! — и показала ему сокровища те.

И находят они большое богатство, так что люди не помнили, чтобы когда-либо им приходилось видеть так много золота в одном месте, ни столько драгоценностей сразу. Отнесли все на корабли Алфа-конунга. Хьордис последовала за ним, и служанка тоже. Плы-вет он домой в свою землю и говорит: «Пали ныне те конунги, что всех были славнее».

Конунг стал на руль, а они уселись на корме; он разговорился с ними и оценил их речи. Прибыл конунг домой с великим богатством. Алф был человек отменнейший. И когда побыли они недолгое время вместе, спросила старая та королева сына своего Алфа:

— Почему у той, что красивее, меньше колец и наряд поплоче? И сдается мне, что та из них высокороднее, которую вы меньше почтили.

Он отвечает:

— И мне показалось, что не холопский у нее обычай, а когда мы с ней повстречались, умела она сказать знатым людям приветное слово, — и теперь мы ее испытаем.

И вот однажды за питьем повел конунг с ними беседу и спрашивает:

— Как узнаете вы время, когда ночь клонится к концу, а звезд на небе не видно?

Служанка отвечает:

— Есть у нас такой знак: я смолоду приучена много пить на заре, а когда я от этого отстала, то начала я потом просыпаться в тот час — и это мой знак.

Усмехнулся конунг и молвил:

— Плохо воспитали королевну.

Тут он подходит к Хьордис и задает ей тот же вопрос. Она ему отвечает:

— Отец мой подарил мне золотое колечко с таким свойством, что оно перед зарей холодеет у меня на пальце — это мой знак.

Конунг отвечает:

— Много же там было золота, что и служанки его носили. А теперь довольно ты от меня скрывалась. И все равно обошелся бы я с тобой, как если бы мы от одного конунга родились оба, хоть ты и

назвалась служанкой. А теперь будешь ты почтена более того, потому что станешь ты моей женой, и дам я за тебя вено, как только родится твой ребенок.

Она ответила ему и рассказала всю правду о себе. И стала она жить там в великой чести и в почете.

XIII

Рождается Сигурд

Сказывают так, что Хьордис родила мальчика-сына, и отвезли мальчика того к Хьялпреку-конунгу. Обрадовался конунг, когда увидел острые те глаза, что были у него во лбу, и сказал, что ни с кем он не будет схож и никому равен. И окропили его водою и дали ему имя — Сигурд. И был он возвращен у Хьялпрека-конунга в большой любви. И как начнут исчислять наиславнейших людей и конунгов в древних сагах, так всегда будет Сигурд впереди всех по силе и сноровке, по крепости и мужеству, в коих был он превыше всех людей на севере земли.

Рос Сигурд у Хьялпрека, и все дети его любили. Хьялпрек женил Алфа-конунга на Хьордис и назначил ей вено.

Регинотом звался пестун Сигурдов, и был он сыном Хрейдмара; он научил Сигурда всякому искусству: тавлеям и рунам и на разных языках говорить, как подобало королевичу, и многим другим хитростям. Однажды спросил Регин Сигурда, когда были они наедине, знает ли он, какое великое богатство было у его отца и кто его хранит. Сигурд отвечает и говорит, что охраняют его конунги. Регин спросил:

— Крепко ли ты им веришь?

Сигурд отвечает:

— Надлежит им хранить его, пока мне не понадобится, потому что лучше они сберегут его, чем я.

В другой раз повел Регин беседу с Сигурдом и молвил:

— Дивно мне, что ты хочешь стать конюхом у конунгов и жить, как прибудный.

Сигурд отвечает:

— Это не так, потому что мы сообща всем заправляем. И они дают мне все, что я захочу.

Регин молвил:

— Попроси их дать тебе коня.

Сигурд отвечает:

— Будет так, если я пожелаю.

Тут идет Сигурд к королю. Король спросил Сигурда:

— Чего ты от меня хочешь?

Сигурд отвечает:

— Хотим мы получить коня себе на забаву.

Конунг молвил:

— Выбери себе сам коня, какого захочешь, из нашего табуна.

На другой день пошел Сигурд в лес и встречает он старика с длинной бородой, и был он ему незнаком. Старик спросил, куда Сигурд идет. Тот ответил:

— Надо мне выбрать коня. Присоветуй мне.

Тот молвил:

— Пойдем и погоним коней к реке той, что зовется Бусилтьорн.

Они стали гнать коней в глубокое место реки, а те поплыли обратно к берегу, кроме одного жеребца, и его то взял себе Сигурд. Тот жеребец был серой масти и молод годами, велик ростом и красив собой; никто еще не садился к нему на спину. Бородатый человек молвил:

— Этот жеребец происходит от Слейпни, и тщательно надо его взрастить, чтобы стал он всех коней лучше.

И тут человек исчез. Сигурд назвал коня Грани, и был тот конь превосходен: Один его выбрал. Снова молвил Регин Сигурду:

— Очень мало у тебя добра. И мне это обидно, что ты бегаешь, как деревенский парнишка; а я могу показать тебе великое сокровище, и уж верно то, что будет тебе честь и хвала до него добратся, если сумеешь.

Сигурд спросил, где оно находится и кто его стережет. Регин отвечает:

— Фафни зовется тот, кто лежит на нем неподалеку отсюда в месте, коему имя — Гнитахейд. И когда ты придешь туда, то сам скажешь, что никогда не видал больше золота в одном месте, и не надо тебе больше того, хоть бы ты стал всех королей и старше и славнее.

Сигурд отвечает:

— Известен нам род этого змея, хоть и молоды мы еще; и слышал я, что никто не смеет супротив него выйти ради величины его и злости.

Регин отвечает:

— Это не так, рост его — как у степных змеев, и больше о нем говорят, чем есть на деле; и могло так показаться давним твоим предкам. А ты хоть и из рода Волсунгов, но, видно, не ихний у тебя нрав, ибо они считались первыми во всех похвальных делах.

Сигурд отвечает:

— Может то быть, что мало у нас от их богатства и крепости. А все же тебе нечего нас хулить, пока мы малы и в детских летах. И зачем ты так сильно меня подстрекаешь?

Регин отвечает:

— Есть о том сага, и я тебе ее поведаю.

Сигурд молвил:

— Дай мне послушать.

XIV

— С того начинается сага эта, что Хрейдмаром звался мой отец, великий и богатый. Один сын его звался Фафни, другой — Отр, а третий был я, и был я всех меньше и в мастерстве, и в проворстве: умел я из железа поделки делать и из серебра и из золота, и каждый раз я мастерил что-нибудь новое. У Отра, брата моего, другая была стать и природа: он был ловец великий превыше всех людей, и днем он ходил в образе выдры и все время плавал в воде и зубами ловил рыбу. Добычу относил он отцу, и было это тому большой подмогой. Очень он был похож на выдру; приходил вечером домой и сл, зажмурившись, и поодаль от всех, так как плохо видел на суше. Фафни был всех больше и свирепее, и хотел он назвать своим все, что у нас было.

Карлик некий назывался Андвари, — говорил Регин, — плавал он все время в водопаде том, что зовется Андварафорс, в образе щуки и ловил себе там пищу, ибо множество рыбы было в водопаде. Отр, брат мой, всегда прыгал в тот водопад, выхватывал рыбу мордою и каждый раз выплывал на берег.

Один, Локи, Хени шли своею дорогой и пришли к Андварафорсу. Отр как раз поймал лосося и, зажмурившись, ел на берегу. Локи схватил камень, бросил в выдру ту и убил насмерть. Показалось это асам счастливой охотой, и содрали они с выдры шкуру. В тот же вечер пришли к Хрейдмару и показали ему добычу ту. Тут захватили

мы их в полон и наложили на них выкуп и виру, чтобы они наполнили золотом шкуру ту и сверху прикрыли красным золотом. Тогда послали они Локи набрать золота. Он пошел к Ран и взял у нее невод; вернулся к Андварафорсу и закинул невод, и прыгнула в невод щука та. Тут молвил Локи:

(Регинсмол, 1)¹⁰

*Что здесь за рыба, что плавает в речке.
А сметкой спастись не сможет?
Коль вызволить хочешь из Хел свою голову,
Выдай мне пламя вод.¹¹
Андвари — имя мне, Один — отец мой.
В разных реках я плавал.
В давние дни недобрые дисы
Сулили мне жить средь жижи.*

Локи видит золото то, что было у Агдвари. А когда тот выдал золото, оставался у него один перстень, но и тот отнял Локи. Карлик ушел под камень и молвил, что всякому перстень будет к смерти, кто им завладеет, а также и золотом всем.

Асы те отдали Хрейдмару клад и туго набили шкуру выдры и поставили ее на ноги: тут должны были асы насыпать золота и прикрыть шкуру снаружи; а когда это было исполнено, подошел Хрейдмар и увидел, что торчит волосок от усов, и приказал прикрыть. Тут снял Один с руки своей перстень Андваранаут и прикрыл волосок. Тогда сказал Локи:

(Регинсмол, 6)

*Выдана вира, взял ты выкуп
Жирный за нашу жизнь.
Не на радость он будет тебе и роду:
С сыном примешь ты смерть.*

Затем убил Фафни отца своего, — сказал Регин, — и зарезал его, а я ничего не получил от богатства. Стал он так свиреп, что ушел от людей

и не хотел, чтобы кто-нибудь наслаждался кладом тем, кроме него самого, а после обернулся он лютым змеем и лежит теперь у этого клада. Пошел я тогда к конунгу и стал у него кузнецом. И в том суть моего сказа, что остался я без отчины и без виры за брата. Золото с тех пор прозвано «вира за выдру», и отсюда извлекают сравнения¹².

Сигурд отвечает:

— Многого ты лишился, и великие злодеи были твои родичи. Скуй ты теперь меч по своему уменью, чтоб равного ему никогда сковано не было, а я совершу великое дело, если смелости хватит, и если ты хочешь, чтобы я убил большого того дракона.

XV

Регин выковал Грам

Тогда Регин смастерил меч и дает его Сигурду. Тот принял меч и молвил:

— Такова ли твояковка, Регин? — И ударил по наковальне и разбил меч. Он выбросил клинок тот и приказал сковать новый получше. Смастерил Регин другой меч и дал Сигурду, и тот на него взглянул.

— Этот тебе уж верно понравится, хоть и трудно тебе угодить.

Сигурд испытал этот меч и сломал, как и прежний. Тогда молвил Сигурд Регину:

— Видно, ты похож на древних своих родичей и очень коварен.

Тут пошел он к своей матери, и она хорошо его принимает, и вот они друг с другом беседуют и пьют. Молвил тогда Сигурд:

— Правду ли мы слышали, будто Сигмунд-конунг отдал вам меч Грам, надвое сломанный?

Она отвечает:

— Это правда.

Сигурд молвил:

— Отдай его в мои руки! Я хочу им владеть.

Она сказала, что он обещает быть славным воином, и дала ему меч тот. Тут пошел Сигурд к Регину и приказал ему починить меч по своему уменью. Регин рассердился и пошел в кузницу с обломками меча, и думает он, что трудно угодить Сигурду ковкой. Вот смастерил Регин меч, и, когда вынул он его из горна, почудилось кузнеч-

ным подмастерьям, будто пламя бьет из клинка. Тут велит он Сигурду взять меч-тот, а сам говорит, что не может сковать другого, если этот не выдержит. Сигурд ударил по наковальне и рассек ее пополам до подножья, а меч не треснул и не сломался. Он сильно похвалил меч и пошел к реке с комком шерсти, и бросил его против течения, и подставил меч, и рассек комок пополам. Тогда Сигурд весело пошел домой. Регин молвил:

— Нужно теперь выполнить наш уговор, раз я сковал меч, — и разыскать Фафни.

Сигурд отвечает:

— Выполним мы это; но сперва — другое: отомщу я за отца своего.

Тем дороже был Сигурд народу, чем старше он становился, так что каждый ребенок любил его от всего сердца.

XVI

Грипи звался человек некий и приходился Сигурду дядей по матери. Немного погодя, после того как меч тот был скован, поехал Сигурд к Грипи, потому что тот слыл премудрым и знал судьбы людей. Сигурд спросил, как протечет его жизнь, а тот долго отнекивался, но под конец, по настойчивой просьбе Сигурда, поведал всю его судьбу, — и все после исполнилось. А когда Грипи сказал все, что ему хотелось знать, то поехал он домой. И вскоре затем встретился он с Регином, и тот молвил:

— Убей Фафни, как обещал.

Сигурд отвечает:

— Совершится это, но сперва — другое: отомстим мы за Сигмунда-конунга и других родичей наших, что пали в том бою.

XVII

Сигурд убил Люнгни и Хьорварда и всех тех

Вот идет Сигурд к конунгам и говорит им:

— Здесь побыли мы довольно и очень вам благодарны за любовь и за великую честь. А теперь хотим мы ехать в чужие страны и разыскать сыновей Хундинга; и хочу я, чтоб они знали, что не все умерли Волсунги. И для этого дела просим мы вашей помощи.

Конунги обещали дать ему все, чего он пожелает. Собрали тогда большую дружину и все как можно лучше снарядили — и струги и все доспехи, чтобы поход его был лучше других прежде бывших. Сигурд управлял тем драконом, который больше всех и виднее. Паруса их были отлично сотканы и великолепны на вид. Поплыли они с попутным ветром; но немного дней прошло, как поднялась непогода великая с бурей, и стало море — словно из крови. Сигурд запретил спускать паруса, хоть бы они порвались; напротив, приказал поднять их выше прежнего.

И когда поравнялись они с неким скалистым носом, то какой-то человек крикнул оттуда и спросил, кто ведет дружину. Ему ответили, что воеводой у них Сигурд Сигмундарсон, славнейший среди юных мужей. Человек отвечал:

— Все в один голос говорят про него, что ни один королевич не сравнится с ним. Хочется мне, чтобы вы спустили паруса на одном из кораблей и захватили меня с собою.

Они спросили, как ему имя. Он отвечал:

(Регинсмол, 18)

*Хникаром звался я, когда свою храбрость
В войнах я тешил, Волсунг юный.
Кличь меня ныне Старцем с Камня,
Фенгом иль Фьолни¹³. Еду я с флотом.*

Они подошли к берегу и взяли старца на струг. Тут унялась непогода, и едут они, пока не прибывают в землю сынов Хундинга. Тогда Фьолни исчез.

Тут дают они разгуляться железу и жупелу, убивают людей и жгут жилье и все разоряют на своем пути. Спасаются толпы к Люнгви-конунгу и говорят, что напала рать на землю ту и злее свирепствует, чем все прежние воинства. Называли они непрозорливыми сынов Хундинга, что мнили, будто нечего им бояться Волсунгов, — а вот теперь войско ведет Сигурд Сигмундарсон.

Тут Люнгви-конунг посылает по всей земле скликать войско; зовет он к себе всех мужей, что хотят помочь ему оружием, — и вот он выходит навстречу Сигурду с огромною ратью, и братья

его с ним. Завязывается там жесточайший бой между ними. Можно было в воздухе видеть много дротов и стрел множество, секиры, крепко разящие, щиты расщепленные, брони рассеченные, щеломы разбитые, черепа расколотые и груды людей, павших на землю. Долго так бушевала битва, — и вот идет Сигурд прямо к стягам, а в руках у него меч тот Грам; порубает он и людей и коней и выступает навстречу полкам, и обе реки у него в крови по плечи. И разбегаются люди на его пути, и никого не спасает ни шлем ни броня, и всякий думает, что никогда не видал подобного мужа.

Долго длилось это сражение с великим побоищем и грозным натиском. Редко бывает, чтоб напала сухопутная рать и дело ничем не кончилось. Так и тут было: столькох потеряли сыны Хундинга, что никто им не знает счета. А когда Сигурд далеко углубился во вражеские ряды, то вышли против него сыновья Хундинга-конунга. Ударил тогда Сигурд Люнгни-конунга и рассек его шлем и голову и живот под броней; и затем разрубил он Хьорварда, брата его, пополам на две части, а после перебил всех сынов Хундинга, что еще остались в живых, и большую часть их дружины.

Едет теперь Сигурд домой с дивной победою и великим богатством и славой, добытою в этом походе. А дома, в родной земле, устроили в честь его пирование. А когда Сигурд побыл дома малое время, приходит Регин на беседу с Сигурдом и говорит:

— Верно, хотите вы теперь, как обещали, скинуть с Фафни шлем тот, раз вы отомстили за отца и прочих своих родичей.

Сигурд отвечает:

— Исполним мы все, как обещали тебе, и не выпало у нас это из памяти.

XVIII

Вот едут Регин и Сигурд

Вот едут Сигурд и Регин в пустынные горы к той тропе, по которой обычно проползал Фафни, когда шел на водопой, и сказывают, что с тридцать локтей был тот камень, на котором лежал он у воды, когда пил.

Тогда промолвил Сигурд:

— Сказал ты, Регин, что дракон этот не больше степного змея, а мне сдается, что следы у него огромные.

Регин молвил:

— Вырой яму и садись в нее, а когда змей поползет к воде, ударь его в сердце и так предай его смерти; добудешь ты этим великую славу.

Сигурд молвил:

— Как быть, если кровь змея того зальет меня?

Регин отвечает:

— Нечего тебе и советовать, раз ты всего пугаешься, и не похож ты отвагою на своих родичей.

Тут поехал Сигурд в пустыню, а Регин спрятался от сильного страха. Сигурд выкопал яму; а пока он был этим занят, пришел к нему старик с длинной бородой и спросил, что он делает, и Сигурд ему сказал. Отвечает ему старик:

— Это дурной совет: вырой ям побольше, чтобы кровь туда стекала, а ты сиди в одной и бей змея того в сердце.

Тут старик исчез, а Сигурд выкопал ямы, как было сказано. А когда змей тот пополз к воде, то задрожала вся округа, точно сотряслась земля, и брызгал он ядом из ноздрей по всему пути, но не устранился Сигурд и не испугался этого шума. А когда змей проползал над ямой той, вонзил Сигурд меч под левую ключицу, так что клинок вошел по рукоять. Тут выскакивает Сигурд из ямы той и тянет к себе меч, и руки у него — все в крови по самые плечи. И когда огромный тот змей почуял смертельную рану, стал он бить головой и хвостом, дробя все, что под удар попадало. И когда принял Фафни смертельную рану, стал он спрашивать:

— Кто ты таков, и кто твой отец и какого ты роду, что дерзнул занести на меня оружие?

Сигурд отвечает:

— Род мой неведом, и имя мне — Статный Зверь, и нет у меня ни отца, ни матери, и один совершил я путь.

Фафни отвечает:

— Если нет у тебя ни отца ни матери, то от какого же чуда рожден ты? И если ты скрываешь от меня имя свое в смертный мой час, то знай, что ты — лжец.

Тот отвечает:

— Называюсь я Сигурд, а отец мой — Сигмунд.

Фафни отвечает:

— Кто подговорил тебя на это дело и как дал ты себя подготовить? Разве ты не слыхал, что все люди боятся меня и моего шлема-страшилища? Остроглазый отрок, отважен был твой отец.

Сигурд отвечает:

— Подстрекнул меня крепкий дух, а совершить помогла эта мощная длань и этот мой острый меч, как ты теперь изведаль; и редко в старости стоек, кто в детстве дрябл.

Фафни говорит:

— Знаю я, что если бы взращен ты был в роду своем, то умел бы биться грозно; но большое диво, что кащей полоненный отважился биться со мною, ибо

редко пленник отважен в поле.

Сигурд молвил:

— Попрекаешь ты меня тем, что возрос я вдали от рода. Но хоть был я взят на войне, никогда я не был рабом, и ты на себе испытал, что я — свободнорожденный.

Фафни отвечает:

— За обиду принимаешь ты все, что я говорю. Но будет тебе на погибель золото то, которым я владел.

Сигурд отвечает:

— Всяк в добре своем властен лишь по некий день, и когда-нибудь всякий умрет.

Фафни молвил:

— Мало, сужу я, ты совершишь, коль опрометчиво выйдешь в море, а лучше пережди на берегу, пока уляжется ветер.

Сигурд молвил:

— Скажи ты мне, Фафни, если ты премудр: каковы те норны, что метят детей при родах?

Фафни отвечает:

— Много их, и различны они по роду:

(Фафнисмол, 13)¹⁴

Иные — из асов, иные — из алфов,

Иные — дочери Двалина.

Сигурд молвил:

(Фафнисмол, 14)

— Что за остров, где будут брагу мечей
Смешивать Сурт и асы?

Фафни отвечает:

— Он зовется Оскалт.

И еще молвил Фафни:

— Регин-брат — виновник моей смерти, и так сдается мне, что станет он виновником и твоей смерти, и все идет, как он пожелал.

Еще молвил Фафни:

— Я носил шлем-страшилище перед всем народом, с тех пор как лежал на наследии брата, и брызгал я ядом на все стороны вдаль, и никто не смел приближаться ко мне, и никакого оружия я не боялся и ни разу не видел я пред собой столькох людей, чтоб не считал я себя много сильнее их; и все меня страшились.

Сигурд молвил:

— Тот шлем-страшилище, о коем ты говоришь, мало кому дает победу, ибо всякий, кто встречается со многими людьми, познает однажды,

что самого смелого — нет.

Фафни отвечает:

— Мой тебе совет, чтобы ты сел на коня и ускакал отсюда как можно скорее, ибо часто случается, что тот, кто насмерть ранен, сам за себя отомстит.

Сигурд сказал:

— Такой твой совет, но я поступлю иначе; поскачу я к твоему логову и возьму великое то золото, которым владели родичи твои.

Фафни отвечает:

— Поедешь ты туда, где найдешь так много золота, что скончает оно твои дни; и это самое золото будет тебе на погибель и всякому другому, что им завладеет.

Сигурд встал и молвил:

— Поехал бы я домой, хоть бы и лишился великого этого богатства, если бы знал, что никогда не умру.

(Фафнисмол, 21)

*И отважнейший воин властен над золотом
По некий суженый срок.
Ты ж, Фафни, майся в предсмертных муках,
И пусть тебя примет Хел.*

И тут умер Фафни.

XIX

Регин испил крови Фафни

После этого пришел Регин к Сигурду и молвил:

— Благо тебе, господин мой! Великую победу ты одержал, убивши Фафни, и до сей поры никто не дерзал стать ему поперек дороги, и этот подвиг будут помнить, пока свет стоит.

Вот стоит Регин и глядит в землю, а затем говорит в великом гневе:

— Брата моего ты убил, и вряд ли я непричастен к этому делу.

Тут берет Сигурд свой меч Грам и вытирает о траву и молвит Регину:

— Далеко ушел ты, когда я совершил это дело и испытал этот острый меч своею рукою; и своею мощью поборол я силу змея, покуда ты лежал в степном кустарнике и не знал, ни где земля, ни где небо.

Регин отвечает:

— Долго пролежал бы этой змей в своем логове, если бы ты не владел мечом, что сковал я тебе своею рукою, и не совершил ты этого один без чужой помощи.

Сигурд отвечает:

— Когда доходит до боя между мужами, лучше тут служит человеку храброе сердце, чем острый меч.

Тогда молвил Регин Сигурду в великой печали:

— Ты убил моего брата, и вряд ли я непричастен к этому делу.

Тут вырезал Регин сердце у змея тем мечом, что звался Ридил; тут испил Регин крови Фафни и молвил:

— Исполни мою просьбу; для тебя это — легкое дело: пойди к костру с сердцем этим, изжарь его и дай мне поесть.

XX

Сигурд съел змеиное сердце

Сигурд пошел и стал жарить на вертеле, а когда мясо зашипело, он тронул его пальцем, чтоб испытать, хорошо ли изжарилось. Он сунул палец в рот, и едва сердечная кровь попала ему на язык, как уразумел он птичий говор.

Услышал он, как сойки болтали на ветвях подле него:

— Вот сидит Сигурд, жарит сердце Фафни, что сам бы он должен был съесть. Стал бы он тогда мудрее всех людей.

Другая говорит:

— Вот лежит Регин и хочет изменить тому, кто во всем ему доверяет.

Тут молвила третья:

— Лучше бы он отрубил ему голову: мог бы он тогда один завладеть золотом этим несметным.

Тут молвит четвертая:

— Был бы он разумнее, если бы поступил так, как они ему советуют, а затем поехал к логову Фафни и взял несметное то золото, что там лежит, а после поскакал бы на Хиндарфьалл, туда, где спит Брюнхилд, и может он там набраться великой мудрости. И был бы он умен, если бы принял наш совет и думал бы о своей выгоде, ибо волка я чую, коль вижу уши.

Тут молвила пятая:

— Не так он быстр рассудком, как мне казалось, раз он сразил врага, а брата его оставляет в живых.

Тут молвила шестая:

— Ловко было бы, если бы он его убил и один завладел богатством.

Тут молвил Сигурд:

— Да не будет такой напасти, чтобы Регин стал моим убийцей, и пусть лучше оба брата пойдут одной дорогой.

Взмахнул он тогда мечом тем Грамом и отрубил Регину голову, а затем съел он часть змеиного сердца, а часть сохранил. После вскочил он на коня своего и поехал по следам Фафни к его пещере и застал ее открытой. И из железа были двери все и также все петли и ручки, и из железа же все стропила постройки, и все это — под землей. Сигурд нашел там многое множество золота и меч тот Хротти, и

там взял он шлем-страшилище и золотую броню и грудую сокровищ. Он нашел там так много золота, что, казалось, не снесут ни двое коней ни трое. Это золото он все выносит и складывает в два огромных ларя.

Вот берет он под узды коня того Грани. Конь тот не хочет идти, и понукание не помогает. Тут Сигурд понял, чего хочет конь: вскакивает он ему на спину, дает шпоры — и мчится тот конь, словно совсем без ноши.

XXI О Сигурде

Вот едет Сигурд по дальним дорогам. И все он ехал, пока не прибыл на Хиндарфбалл и не свернул на юг, к Франкской земле. На горе увидал он пред собою свет великий, точно огонь горит, и сияние поднималось до неба, а когда он подъехал, встала перед ним стена из щитов¹⁵ и высилась над лесом. Сигурд вошел за ограду ту и увидал, что там спит человек и лежит в полном вооружении. Сигурд сперва снял с него шлем и увидел, что это — женщина: она была в броне, а броня сидела так плотно, точно приросла к телу. И вспорол он броню от шейного отверстия книзу и по обоим рукавам, и меч резал панцырь, словно платье. Сигурд сказал ей, что слишком долго она спала. Она спросила, что за мощное оружие вскрыло броню ту — «и кто разбил мою дрему? Разве явился Сигурд Сигмундарсон, что носит на голове шлем Фафни и убийцу его¹⁶ в руках?»

Отвечает на это Сигурд:

— От семени Волсунгов тот, кто это сделал; и слышал я, что ты — могучего конунга дочь. И сказывали нам тоже о вашей красе и мудрости, и это мы хотим проверить.

Брюнхилд¹⁷ поведала, как сразились два конунга: одного звали Хьалмгуннар; был он старик и величайший воин, и ему обещал Один победу, а другой звался Агнаром, или братом Ауд.

— Я убила Хьалмгунна в бою, а Один уколол меня сонным шипом в отместку за это и рек, что никогда больше не одержу я победы, и приказал мне выйти замуж. А я в ответ дала клятву: не выходить за того, кому ведом страх.

Сигурд молвил:

— Научи меня великому веденью.

Она отвечает:

— Вы сами лучше знаете, но с радостью научу я вас, если есть что-либо, что нам известно, а вам может приттись по сердцу — руны и прочие знания на всякие случаи жизни. И выпьем мы вместе кубок, и да пошлют нам боги те счастливый день, а ты запомни наше беседу.

Брюнхилд наполнила кубок и подала Сигурду и промолвила:

(Сигдрифумол, 5)¹⁸

*Вот кубок браги, вождь бранного веча,
В нем смешана сила с мощной славой,
Полон он песен, письмен на пользу
Разных заклятий и радостных рун.*

(Сигдрифумол, 6)

*Знай ты руны побед, коль разума жаждешь.
И режь их на ручке оружия,
По краю меча и по кромке стали,
Дважды тайно вызови Тю¹⁹.*

(Сигдрифумол, 9)

*Руны волн ты ведай, коль вызволить хочешь,
Парусных коней из пены,
Нарежь их на реи, на руль и штевень
И выжги на веслах огнем.
При быстром прибое, при бурных волнах
Без горя войдешь ты в гавань.*

(Сигдрифумол, 11)

*Руны слов ты сведай, чтоб тебе не смели
Злобой воздать за зло.
Их и вьют, их и ткнут,
Их всех сразу сводят*

На тинге том, куда толпы придут
На самый последний суд.

(Сигрдрифумол, 7)

Руны браги ведай, коль веришь чужой жене
И хитрой измены не хочешь.
На роге их режь и на кисти рук
И пометь на ногте «Науд»²⁰.
Осени свой кубок, хранись от козней
И брось в братину порей²¹.
Ведомо мне, что вовек ты не выпьешь
С черными чарами меду.

(Сигрдрифумол, 8)

Руны горные²² помни, коль помощь хочешь подать
Матери в муках родильных.
На ладони их выведи, вей вокруг тела,
Добрый дисам молись.

(Сигрдрифумол, 10)

Руны леса познай, коль лекрем хочешь ты стать
И ведать разные раны.
На лыке их режь и на листьях ствола,
Что вытянул ветви к востоку.

(Сигрдрифумол, 12)

Руны мысли ты помни, коль самым мудрым
Хочешь на свете слыть.
Их чертил, их читал,
Измыслил их хитрый Хротт.²³

(Сигрдрифумол, 15)

На щит они были нарезаны, что носит богиня блеска,
На уши Арвака, на бабу Алсвина²⁴,

На резвый обод повозки Рогни²⁵,
На зубы Слейпни и на санный подрез.

(Сигрдрифумол, 16)

На лапу бурого, на язык Браги,
На волчьи когти, и на клюв орла,
На кровавые крылья, на мостовые крепи,
На ладонь избавителя, на лекаря след.²⁶

(Сигрдрифумол, 17)

На стекла и золото, на серебро светлое,
В вина и в солод, на кресло волвы.
На лезвие Гунгни²⁷ и на грудь великаниши
На ноготь норны и на нос совы.

(Сигрдрифумол, 18)

Все они были соскоблены, те, что были нарезаны;
В священный замешаны мед
И посланы в дальний путь:
Иные — к алфам, иные — к асам,
Иные — к вещим ванам,
Иные — к людям людским.

(Сигрдрифумол, 19)

Это руны бука, это руны брега
И разные руны браги,
И славные руны силы.
Кто помнит, не портя, кто помнит, не путая,
Тому они будут во благо.
Коль понял, так пользуйся
До гибели горних.²⁸

(Сигрдрифумол, 20)

Выбери ныне (волен твой выбор),
О, крепких копий клен²⁰,
Молчать иль молвить, как сам ты мыслишь,
Кончена речь о рунах.

Сигурд отвечает:

(Сигрдрифумол, 21)

Не брошусь в бегство, хоть бы близилась смерть.
Не робким рожден я родом.
Твой добрый совет хранить я должен,
Покуда есть в жилах жизнь.

XXII

Премудрые советы Брюнхилд

Сигурд молвил:

— Не найдется в мире женщины мудрее тебя. Продолжай же свои поучения.

Она отвечает:

— Нет препоны к тому, чтоб исполнить вашу волю и дать совет на благо по вашему настоянию и любопытству.

И тут она заговорила:

— Будь благостен к родичам своим и не мсти им в распрах, и сноси терпеливо, и добудешь тем долговечную хвалу.

Сторонись от дурного дела, от любви деви и мужней жены; часто от них чинится зло.

Не заводи свары с глупым человеком на многолюдном сборище: часто он болтает, чего сам не знает, а тебя потом ославят трусом и скажут, что ты опорочен справедливо: уж если так, то лучше убей его на другой день и воздай за злобные речи.

Если въедешь на путь, где гнездятся вредные ведьмы, крепко себя береги: не заночуй близ дороги, если даже застигнет тьма, ибо часто сидят там злые ведьмы, что сбивают мужей с пути.

Не поддайся путам прекрасных жен, которых на пиршествах видишь, чтоб не лишился ты сна и не впал в тоску. Не мани их к себе поцелуем иль иною ласкою. И если услышишь слова пьяного человека, не спорь с тем, кто напился вина и потерял рассудок: многим это было на горькое горе и даже на гибель. Лучше сразиться с врагами, чем быть сожженным, и не давай ложной клятвы, ибо —

грозная месть нарушителю мира.

Бережно блюди трупы умерших от моря, умерших от моря, умерших от меча. Воздай их телу должную почесть; но берегись тех, кого ты убил: бояся отца или брата или близкого родича, даже самого юного, ибо часто

скрыт волк в юном сыне.

Опасайся предательских советов друзей, ибо нечего было бы нам бояться за жизнь, если бы злоба свойственников нас не настигла.

Сигурд молвил:

— Нет человека мудрее тебя, и в том я клянусь, что женюсь на тебе, ибо ты мне по сердцу.

Она отвечает:

— За тебя я пойду охотнее всего, хоть бы пришлось мне выбирать между всеми людьми.

И так обменялись они клятвами.

XXIII

Обличие Сигурда³⁰

Вот поехал Сигурд оттуда прочь.

Щит его был так расписан: весь он был залит червонным золотом, и начертан на нем дракон, сверху темно-бурый, а снизу яркочерный, и так же были расписаны его шлем и седло и камзол; носил он золотую броню, и все оружие его было отделано золотом. И для того был дракон начертан на всех его доспехах, чтобы всякий, кто его

увидит, мог узнать, что это он, от всех, слышавших о том, как он убил того великого дракона, которого варяги называют Фафни. И потому доспехи его отделаны золотом и окрашены в коричневую краску, что много он выше всех людей по вежеству и придворному обхождению и вряд ли не по всем прочим статьям. И когда примутся исчислять всех наивеличайших витязей и наиславнейших вождей, то всегда называют его в первую голову, и имя его — у всех на языке к северу от Греческого моря, и так будет, пока свет стоит.

Волосы его были темно-русые и красивые на вид и ниспадали длинными волнами; борода — густая, короткая, того же цвета. Нос у него был большой, а лицо открытое и ширококостое. Взор у него был такой острый, что редко кто осмеливался заглянуть ему под брови. Лопатки у него были широкие, как у двух людей сразу. Тело его было соразмерно в высоту и в ширину и сложено, как нельзя лучше. И вот — примета его роста: когда он опоясывался мечом тем Грамом, — а был тот меч длиною в семь пядей, — и шел по заколосившемуся ржаному полю, то конец ножен еле касался колосьев; а сила его — больше, чем рост.

Хорошо умеет он мечом рубить, и копьем колоть, и дротом метать, и щит держать, и лук натянуть, и на коне скакать и всяческому придворному вежеству научился он смолоду.

Он был так мудр, что ведал грядущее, разумел птичий говор, а потому почти ничто не застигало его врасплох. Он был красноречив и находчив, так что когда начинал говорить, то никогда не кончал без того, чтобы не убедились все, что не может быть никак иначе, а только так, как он сказал. И в том было его веселье, чтобы помогать своим людям и испытывать себя в великих подвигах и отнимать добро у недругов и раздавать друзьям. Ни разу не покинуло его мужество, и никогда он не испытал страха.

XXIV

*Сигурд прибыл к Хейми*³¹

Вот поехал Сигурд, пока не прибыл к большому двору; тем двором владел некий великий хофдинг, по имени Хейми. Он был женат на сестре Брюнхилд, что звалась Бекхилд, потому что она оставалась дома и училась рукоделию, а Брюнхилд носила шлем и броню и хо-

дила в бой, и потому прозвали ее Брюнхилд³². У Хейми и Бекхилд был сын, по имени Алсвин, куртуазнейший из людей.

Все забавлялись перед домом, но когда увидели человека, скакавшего по двору, то бросили игру и очень удивились, ибо никогда не видали ему подобного; вышли они ему навстречу и приняли радушно. Алсвин предложил Сигурду остаться у него и взять все, что пожелает. Сигурд принял приглашение, и ему назначили подобающую челядь; четверо человек сняли с коня золото то, а пятый помог ему слезть. Тут можно было видеть множество сокровищ, славных и редкостных. Любо было разглядывать брони и шлемы, и крупные запястья, и дивно-огромные золотые кубки, и всякого рода бранные доспехи. Сигурд пробыл там долго в великом почете. Разнеслась тогда весть по всей земле, что убил он ужасного того дракона. И подружились они с Алсвином и полюбили друг друга. И отправляют они свое оружие и точат свои стрелы и кормят своих соколов.

XXV

Беседа Сигурда с Брюнхилд

Прибыла тогда к Хейми и Брюнхилд, воспитанница его. Она сидела в тереме со своими девами. Был она искуснее всех женщин. Вышивала она золотом на пяльцах те подвиги, что совершил Сигурд: гибель дракона и захват сокровища и смерть Регина.

И рассказывают, что однажды поехал Сигурд в лес с собаками своими и соколами и с множеством людей, а когда он вернулся домой, взлетел его сокол на башню и уселся на оконнице. Сигурд поднялся на башню за соколом тем; тут увидел он прекрасную женщину и узнал Брюнхилд. Показалось ему замечательной и красота ее и работа. Приходит он в палату и уже не хочет веселиться с другими мужами. Тут молвил Алсвин:

— Почему вы так молчаливы? Это огорчает нас и всех твоих друзей, и почему бы тебе не быть веселым? Соколы твои поникли головой и с ними конь тот Грани, и мы не знаем утех.

Сигурд отвечает:

— Добрый друг, слушай, что у меня на душе. Мой сокол взлетел на башню, а когда я пошел за ним, то увидел прекрасную женщину: она сидела за пяльцами и золотом вышивала дела мои, бывшие и прошлые.

Алсвин отвечает:

— Ты видел Брюнхилд Будладоттир³³, женщину необычайную.

Сигурд отвечает:

— Это, пожалуй, верно. Но как она прибыла сюда?

Алсвин отвечает:

— Это случилось вскоре после вашего приезда.

Сигурд говорит:

— Сейчас только узнаём мы об этом. Женщина та нравится нам больше всех на свете.

Алсвин молвил:

— Не должен привязываться к женщине такой человек, как ты; нехорошо тосковать по тому, чего не получишь.

— К ней я пойду, — сказал Сигурд, — и дам ей свое золото и добыюсь от нее радости и взаимной любви.

Алсвин отвечает:

— Никогда не было человека, кому дала бы она место подле себя и кому б наредила браги: она думает о походах и о славных подвигах.

Сигурд молвил:

— Мы не знаем, ответит ли она нам, или нет, и предложит ли место подле себя.

А на следующий день пошел Сигурд в терем, а Алсвин стоял перед теремом на дворе и точил свои стрелы.

Сигурд молвил:

— Будь здорова, госпожа! Как поживаешь?

Она отвечает:

— Хорошо мы живем: родичи живы и други. Неизвестно только, какое счастье донесет человек до последнего часа.

Он сел подле нее. А затем вошло четверо женщин с большими золотыми кувшинами, полными лучшего вина, и стали перед ними. Тут молвила Брюнхилд:

— Никому не будет предложено это место, разве что придет мой отец.

Он отвечает:

— Теперь оно предложено тому, кого я избрал.

Горница та была увешана драгоценнейшими тканями, и устлан коврами весь пол. Сигурд молвил:

— Вот случилось то, что вы нам обещали.

Она отвечает:

— Добро вам пожаловать.

Затем она поднялась (а с нею — четыре девы) и подошла к нему с золотым кубком и попросила его испить. Он протянул руку к кубку и захватил его вместе с ее рукой и посадил ее с собою рядом. Он обнял ее шею и поцеловал ее и промолвил:

— Не родилась еще женщина прекраснее тебя.

Брюнхилд молвила:

— Мудрее было бы не доверяться женщине, ибо всегда нарушают они обещания.

Он молвил:

— Да сойдут на нас лучшие дни, чтоб мы могли насладиться счастьем.

Брюнхилд отвечает:

— Не судила судьба, чтоб мы жили вместе: я — поленица, и ношу я шлем с конунгами ратей; им прихожу я на помощь, и мне не наскучили битвы.

Сигурд отвечает:

— Больше будет пользы от нас, если будем мы вместе, и тяжелее мне терпеть горе, которое ты мне сулишь, чем рану от острой стали.

Брюнхилд отвечает:

— Я буду водить дружины латников, а ты возьмешь в жены Гудрун Гьюкадоттир.

Сигурд отвечает:

— Не обольстит меня ни одна королевна, и нет у меня двух мыслей в этом деле; и в том клянусь я богам, что на тебе я женюсь и ни на ком другом.

Она сказала то же. Сигурд поблагодарил ее за согласие и дал ей золотой перстень. И вновь обменялись они клятвами, и пошел он к своим людям и побыл он там некое время с великою честью.

XXVI

О Гьюки-конунге и сыновьях

Гьюки звался некий конунг. Королевство его было к югу от Рейна. Родилось у него трое сыновей и звали их так: Гуннар, Хогни, Готторм. Гудрун звалась его дочь: была она прекраснейшей девой. И

выдавались его сыновья над прочими королевичами всеми доблестями, красою и ростом. Постоянно бывали они в походах и совершили много славных дел. Гьюки был женат на Гримхилд-волшебнице.

Будли звался конунг; он был могущественнее, чем Гьюки; но оба были многомощны. Атли звался брат Брюнхилд; Атли был свирепый человек, большой и черноволосый, но собой сановитый и великий воитель.

Гримхилд была женщиной лютого нрава. Царство Гьюкунгов цвело пышным цветом, более всего из-за королевичей: на много они превосходили большинство людей.

Однажды говорит Гудрун девам своим, что нет ей веселья. Одна женщина спрашивает, что ее печалит. Та отвечает:

— Не к радости видим мы сны: и скорбь у нас на сердце. Разгадай же ты сон тот, раз ты о нем спросила.

Та отвечает:

— Расскажи мне сон, и не путайся, ибо часто сны бывают к погоде.

Гудрун отвечает:

— Это не к погоде. Снилось мне, будто я вижу прекрасного сокола у себя на руке; перья его отливали золотом.

Женщина отвечает:

— Многие слышали о вашей красоте, мудрости и вежестве; поспевает к тебе какой-нибудь королевич.

Гудрун отвечает:

— Ничто не казалось мне прелестнее этого сокола, и со всем богатством охотнее рассталась бы я, чем с ним.

Женщина отвечает:

— Тот, кого ты выберешь, будет добронравен, и сильно будешь ты его любить.

Гудрун отвечает:

— Обидно мне, что я не знаю, кто он такой. Нужно нам поехать к Брюнхилд; верно, она знает.

Собралась она в путь с золотом и с великою пышностью и поехала вместе с девицами своими, пока не прибыла к Брюнхилдиной палате; палата эта была изукрашена золотом и стояла на горе. И когда увидели оттуда их поезд, то доложили Брюнхилд, что едет много женщин в золоченых колесницах.

— Верно, это — Гудрун Гьюкадоттир: снилась она мне нынче ночью. Выйдем же к ней навстречу. Никогда не приезжали к нам женщины прекраснее этих.

Вышли навстречу и приняли их хорошо. Вступили они в тот прекрасный чертог. Палата та изнутри была расписана и богато убрана серебром; ковры постелили им под ноги, и все им услуживали. Пошли у них тут разные забавы. Гудрун была молчалива. Брюнхилд сказала:

— Почему вы не предаетесь веселью? Оставь это. Будем забавляться все вместе и говорить о могучих конунгах и великих подвигах.

— Хорошо, — говорит Гудрун: — А кто, по-твоему, был славнее всех конунгов?

Брюнхилд отвечает:

— Сыны Хамунда, Хаки и Хагбард: много славных дел совершили они в походах.

Гудрун отвечает:

— Велики были они и славны, и все-таки Сигар похитил их сестру, а потом сжег их в доме, и до сих пор они не отомщены. А почему не назвала ты братьев моих, что нынче слывут первыми среди людей?

Брюнхилд говорит:

— Есть на это надежда, но сейчас они еще мало себя показали, и знаю я одного, который во многом их превосходит. Это — Сигурд, сын Сигмунда-конунга; он еще был ребенком, когда поразил сынов Хундинга-конунга и отомстил за отца и за Эулими, деда своего.

Гудрун молвила:

— Что замечательного в этом? Ты говоришь, что он родился после смерти своего отца?

Брюнхилд отвечает:

— Мать его вышла в поле и нашла Сигмунда-конунга раненым и хотела перевязать его раны, но он сказал, что слишком уж стар для боя, и велел ей помнить, что она родит великого сына, и было то провидение мудреца. А после кончины Сигмунда-конунга уехала она к Алфу-конунгу, и был Сигурд воспитан там в большом почете, и изо дня в день свершал он множество доблестных деяний, и теперь он славнейший человек на свете.

Гудрун молвила:

— С любовью ты, видно, о нем осведомлялась. Но я приехала сюда, дабы поведать тебе свои сны, что сильно меня тревожат.

Брюнхилд отвечает:

— Не огорчайся так. Живи с родичами твоими, и все будут тебя веселить.

XXVII

Сон Гудрун разгадала Брюнхилд

— Снилось мне, — сказала Гудрун, — что вышло нас много вместе из терема, и увидели мы большого оленя. Много он возвышался над всеми зверьми; шерсть его была из золота. Все мы хотели поймать оленя, но мне одной удалось; казался мне олень тот краше всего на свете. А затем застрелила ты оленя того у ног моих; стало мне это за великое горе, так что едва могла я снести. А затем дала ты мне волчонка: он забрызгал меня кровью братьев моих.

Брюнхилд отвечает:

— Я могу предсказать все, что будет. Приедет к вам Сигурд, которого я избрала себе в мужа. Гримхилд даст ему с чарами сваренного меда: и будет это всем нам к великой распре. Ты им завладеешь, но скоро потеряешь; затем возьмешь ты Атли-конунга. Лишишься ты братьев и убьешь Атли.

Гудрун отвечает:

— Великое горе мне, что я это узнала.

И вот поехали они домой к Гьюки-конунгу.

XXVIII

Сигурду сварили дурманного меду

Уехал тогда Сигурд прочь со многим тем золотом, и расстались они друзьями. Едет он на Грани со всеми своими доспехами и поклажей. Едет он, пока не приезжает к палате Гьюки-конунга. Въехал он в замок; а это увидел один из королевских людей и молвил:

— Сдается мне, что едет сюда некий бог: человек этот весь покрыт золотом; конь его много больше других коней; и дивно прекрасны его доспехи; сам он выше других людей и во всем их превосходит.

Конунг вышел с гридью своей и заговорил с человеком тем и спросил:

— Кто ты такой и как въехал ты в замок? Никто еще не дерзнул на это без дозволения моих сыновей.

Тот отвечает:

— Зовут меня Сигурдом; я — сын Сигмунда-конунга.

Гьюки-конунг молвил:

— Добро пожаловать к нам, и бери все, что пожелаешь.

И вошел Сигурд в палату, и казались там все подле него низко-рослыми, и все услуживали ему, и был он там в большой чести.

Стали они ездить вместе, Сигурд и Гуннар и Хогни, но Сигурд был впереди их во всех делах, хоть и слыли они великими людьми.

Проведала Гримхилд, как сильно Сигурд любит Брюнхилд и как часто он о ней говорит. Думает она про себя, что было бы большим счастьем, если бы он обосновался здесь и взял за себя дочку Гьюки-конунга. Видела она, что никто не может с ним сравняться; видела также, как крепко можно на него положиться, и как велико его богатство: много больше того, что когда-либо видывали люди.

Конунг обходился с ним как с родными сыновьями, а они почитали его больше, чем самих себя.

Однажды вечером, когда сидели они за шитьем, встала королева и подошла к Сигурду, и заговорила с ним и молвила:

— Радость нам оттого, что ты здесь, и всякое добро готовы мы тебе сделать. Вот прими этот рог и испей.

Он принял рог и выпил. Она сказала:

— Отцом твоим станет Гьюки-конунг, а я — матерью, а братьями — Гуннар и Хогни, и все вы побратаетесь, и не найдется никого вам равного.

Сигурду это пришлось по душе и, выпив того меду, позабыл он о Брюнхилд. И оставался он там некоторое время.

И однажды подошла Гримхилд к Гьюки-конунгу и обвила руки вокруг его шеи и молвила:

— Вот прибыл к нам величайший витязь, какой есть на свете, на него можно положиться. Отдай ему свою дочь с великим богатством и столькими землями, сколько он сам пожелает, и пусть он здесь изведает радость.

Конунг отвечает:

— Не очень пристойно предлагать своих дочерей, но лучше предложить ему, чем принять сватов от других.

И однажды вечером Гудрун подносила кубки гостям. Сигурд увидел, что она статная женщина и куртуазнее всех. Пять полугодий пробыл там Сигурд, и жили они во славе и в дружбе, и вот однажды повели конунги меж собой беседу. Гьюки-конунг молвил:

— Много добра сделал ты нам, Сигурд, и сильно ты укрепил нашу державу.

Гуннар молвил:

— Все мы готовы сделать, чтобы ты здесь подольше остался: и землю и сестру нашу сами тебе предлагаем, а другой не получит ее, хоть бы и просил.

Сигурд отвечает:

— Спасибо вам за честь, и я не отказываюсь.

Тут они побратались и поклялись быть, словно родные братья³⁴. Вот справили знатный пир, и длился он много дней; выпил Сигурд с Гудрун свадебную чару. Можно было видеть там всякие забавы, и угощение было день ото дня все лучше.

Стали они тогда ходить в далекие походы и творить многие славные дела, убили множество королевичей, и никто не совершил столько подвигов, сколько они. Вернулись они домой с большой добычей. Сигурд дал Гудрун кусить от сердца Фафни, и стала она с тех пор много злее и умнее. Сын их был назван Сигмундом. И однажды пошла Гримхилд к Гуннару, сыну своему, и молвила:

— Ваша держава цветет пышным цветом, кроме только одного, что нет у вас жены. Посватайтесь к Брюнхилд. Это — достойнейший брак; и пусть Сигурд поедет вместе с вами.

Гуннар отвечает:

— Она всем ведомая красавица, и я непрочь посвататься, — и сказал он об этом отцу своему и братьям и Сигурду, и все они согласились.

XXIX

Сигурд проскакал сквозь полымя к Брюнхилд Будладоттир

С умом снаряжаются они в поход и едут по горам и долам к Будли-конунгу, сватать невесту. Он дал согласие, если она не откажет, и сказал, что она горделива и что возьмет ее лишь тот, кого она захочет.

Едут они тогда к Хлюмдалир. Хейми принимает их хорошо, и говорит ему Гуннар, зачем они прибыли. Хейми сказал, что ей принадлежит выбор, за кого ей пойти. Он поведал, что палата ее недалеко оттуда, и возвестил, что лишь за того она пойдет, кто проскачет сквозь огонь горючий, разведенный вокруг палаты. Они разыскали палату ту и огонь тот и увидели там ограду, украшенную золотом, а кругом полыхало пламя. Гуннар ехал на Готи, а Хогни на Холкви. Гуннар погнал коня к огню тому, но конь уперся. Сигурд молвил:

— Отчего ты остановился, Гуннар?

Тот отвечает:

— Не хочет лошадь та прыгать через огонь, — и просит он Сигурда одолжить ему Грани.

— Нет к тому препоны, — говорит Сигурд.

Вот подъехал Гуннар к огню, но Грани не хочет идти дальше. Не может Гуннар проехать через тот огонь. И вот поменялись они обличиями, как научила Хримхилд их обоих, Сигурда и Гуннара.

И тут скачет Сигурд, а в руке у него Грам, и золотые шпоры — на ногах. Грани прыгнул прямо в огонь, едва почувял знакомые шпоры. Тут поднялся гром великий, и огонь зашипел, и земля затряслась, пламя измыло до неба. Никто до него не посмел этого сделать, а ему казалось, точно едет он сквозь густую мглу.

Тогда огонь погас, и он пошел в палату, как поется в песне:

*Пышет огонь, почва трясется,
Взмыло полымя вверх до неба.
Редкий решится из ратников княжьих
Через пламя прыгать иль прямо проехать.
Сигурд Грани сталью гонит,
Огонь угас перед одлингом,
Жар ложится пред жаждающим славы,
Рдеет Регина ратная сбруя.*

А когда Сигурд проехал сквозь полымя, увидел он там некий прекрасный дом; а в доме сидела Брюнхилд. Она спросила, кто этот муж; а он назвался Гуннаром Гьюкасоном, «и назначена ты мне в жены (если я перескочу через твое полымя) с соизволения отца твоего и пестуна и с вашего согласия».

— Не знаю я, право, что мне на это ответить.

Сигурд стоял во весь рост в покое том и опирался на рукоять меча и молвил Брюнхилд:

— Дам я за тебя большое вено в золоте и славных сокровищах.

Она отвечает со своего престола, как лебедь с волны; и в руке у нее — меч, а на голове — шлем, и сама она — в броне.

— Гуннар, — говорит она, — не говори со мною так, если ты не сильнее всех людей; и должен бы убить тех, что ко мне сватались, если хватит у тебя духа. Сражалась я в битве вместе с русским конунгом и окрасились доспехи наши людской кровью, и этого жаждем мы вновь.

Он отвечает:

— Много подвигов вы совершили. Но вспомните теперь о своем обете, что если будет пройден этот огонь, пойдете вы за того человека, кому это удастся.

Видит она тут, что правилен его ответ и верен довод в этом деле, встает и принимает его радушно. Оставался он там три ночи, и спали они на одной постели. Он берет меч Грам и кладет его обнаженным между собой и ею. Она спрашивает, почему он так поступает. Он отвечает, что так суждено ему справить свадьбу со своею женой или же принять смерть. В ту пору взял он у нее перстень тот, который подарил ей прежде, и дал ей другой из наследия Фафни.

После этого поехал он обратно через тот же огонь к своим товарищам, и снова поменялись они обличиями, а потом поехали в Хлюмдалир и рассказали, как было дело.

В тот же самый день поехала Брюнхилд домой, к пестуну своему и доверила ему, что пришел к ней конунг — «и проскакал сквозь мое полемя и сказал, что приехал на мне жениться и назвался Гуннаром; а я говорю, что это мог совершить один только Сигурд, которому дала я клятву на горе той, и он — мой первый муж». Хеймир сказал, что другого исхода нет. Брюнхилд молвила:

— Дочь моя от Сигурда, Аслауг, пусть воспитывается здесь у тебя.

Едут тогда конунги домой; а Брюнхилд отправилась к отцу своему. Гримхилд принимает их радушно и благодарит Сигурда за помощь. Вот приготовили пир, и съехалось туда множество гостей. Прибыл Будли-конунг с дочерью и сыном Атли, и длился тот пир много дней. А когда кончился пир, вспомнил тут Сигурд о всех кля-

твах, которыми обменялся он с Брюнхилд, но не подал виду. Брюнхилд и Гуннар сидели рядом в веселии и пили доброе вино.

XXX

Спор королев тех, Брюнхилд и Гудрун

В некий день, когда поехали они обе на реку купаться, зашла тут Брюнхилд дальше в воду. Гудрун спросила, как ей это удалось.

Брюнхилд говорит:

— Почему мне в этом равняться с тобою, если ни в чем ином мы не равны. Думается мне, что отец мой могущественнее твоего, и муж совершил много подвигов и проехал сквозь огонь горячий, а твой мужик был рабом у Хьяльпрека-конунга.

Гудрун отвечает во гневе:

— Умнее бы ты была, если бы молчала, чем порочить мужа моего. Все люди говорят, что не бывало на свете людей подобных ему ни в одном деле. А тебе и вовсе не пристало его чернить, потому что он первый тебя познал; это он убил Фафни и проехал сквозь полымя то (а ты думала, что это Гуннар-конунг) и спал он с тобой и снял с руки у тебя перстень тот Андваранаут, — и можешь его, если хочешь узнать.

Тут видит Брюнхилд перстень и узнает его... и тут побледнела она, словно мертвая. Пошла Брюнхилд домой и весь вечер не проронила ни слова. А когда Сигурд лег в постель, спросила Гудрун:

— Почему так печальна Брюнхилд?

Сигурд отвечает:

— Не знаю я точно, но сдастся мне, что вскоре мы больше узнаем.

Гудрун молвила:

— Почему не радуется она богатству и счастьем и похвалам всех людей, и тому, что получила мужа по своей воле.

Сигурд молвил:

— А разве она не сказала, что владеет мужем, отменнейшим из всех, кроме того, за которого бы она охотнее всего вышла?

Гудрун отвечает:

— Завтра утром я спрошу, за кого она пошла бы охотнее всего.

Сигурд отвечает:

— Это я тебе запрещаю, и расскажешь ты, если спросишь.

А наутро сидели они в тереме, и Брюнхилд была молчалива.

Тогда молвила Гудрун:

— Развеселись, Брюнхилд! Сердишься ты за наш вчерашний разговор, или что другое тебя печалит?

Брюнхилд отвечает:

— Одна лишь злоба в тебе говорит, и свирепое у тебя сердце.

— Не суди так, — говорит Гудрун, — а лучше скажи, что у тебя на душе.

Брюнхилд отвечает:

— Одно только скажу тебе: лучше было бы, если бы ты знала, что приличествует знатым женам; и хорошо тогда наслаждаться благом, когда все вершится по вашей воле.

Гудрун отвечает:

— В чем ты нас упрекаешь? Мы не сделали вам никакого зла.

Брюнхилд отвечает:

— Заплатишь ты за то, что Сигурд — твой муж; и не потерплю я, чтобы ты владела им и золотом тем великим.

Гудрун отвечает:

— Не знала я о вашей тайности, и властен был отец мой избрать мне мужа, не спросясь у тебя.

Брюнхилд отвечает:

— Не было у нас никакой тайности, а дали мы друг другу клятву; и вы знаете, что обманули меня, и будет за это месть.

Гудрун отвечает:

— Лучшего мужа ты добыла, чем тебе подобает; но нелегко будет унять твою гордыню, и многие от нее потерпят.

— Была бы я довольна, — говорит Брюнхилд, — если бы муж твой не был лучше моего.

Гудрун отвечает:

— Так хорош твой муж, что неизвестно, кто из двоих больший конунг, и довольно у тебя земли и богатства.

Брюнхилд отвечает:

— Сигурд убил Фафни, а это дороже стоит, чем вся держава Гуннара-конунга, как в песне поется:

*Сигурд змея сразил, и слава об этом
Не может померкнуть до гибели мира,
А твой родич слишком был робок,
Чтоб прыгнуть сквозь пламя иль прямо проехать.*

Гудрун отвечает:

— Грани не захотел идти в огонь под Гуннаром-конунгом; а сам он не боялся, и нельзя обвинить его в робости.

Брюнхилд отвечает:

— Не скрою, что не желаю я Гримхилд добра.

Гудрун отвечает:

— Не поноси ее, потому что она обходится с тобой как с родной дочерью.

Брюнхилд отвечает:

— Она — виновница всей скорби, что меня гложет; она поднесла Сигурду коварную брагу, так что позабыл он даже имя мое.

Гудрун отвечает:

— Много недобрых слов говоришь ты, и великая это ложь.

Брюнхилд отвечает:

— Наслаждайтесь же с Сигурдом так, будто вы меня не обманули. Брак ваш — нечестен, и да будет с вами, как я замыслила.

Гудрун отвечает:

— Сладше мне будет, чем тебе угодно, и никто не добьется того, чтобы хоть раз кто-нибудь полюбился ему больше меня.

Брюнхилд отвечает:

— Злобно ты говоришь, и расквесишь ты в том, что вылетает у тебя изо рта, но не будем браниться.

Гудрун говорит:

— Ты первая бросила в меня бранным словом. Теперь ты прикинулась, будто хочешь уладить дело миром, но под этим кроется злоба.

— Бросим ненужную болтовню, — говорит Брюнхилд: — Долго я молчала об обиде, что жила у меня в груди; но люблю я только твоего брата... и давай говорить о другом.

Гудрун отвечает:

— Много дальше идут твои мысли.

И стряслось великое горе от того, что поехали они на реку и узнала Брюнхилд перстень тот, и случилась у них эта распря.

XXXI

Разрослось горе Брюнхилд

После того ложится Брюнхилд в постель, и доходит весть до Гуннара-конунга, что Брюнхилд хворает. Он едет к ней и спрашивает,

что с ней приключилось, но она не отвечает ни слова и лежит словно мертвая. А когда он стал спрашивать настойчиво, она ответила:

— Что сделал ты с перстнем тем, что я дала тебе, а сама получила от Будли-конунга при последнем расставании? Вы, Гьёкунги, пришли к нему и грозили войной и огнем, если вам меня не отдадут. В ту пору позвал меня отец на беседу и спросил, кого я выберу из тех, что прибыли; а я хотела оборонять землю и быть воеводой над третьей дружины. Он же велел мне выбирать; либо выйти за того, кого он назначит, либо лишиться всего имения и его приязни. Говорил он, что больше будет мне пользы от любви его, чем от гнева. Тут я стала размышлять про себя, должна ли я исполнить его волю или убить многих мужей. Решила я, что не в силах бороться с отцом, и кончилось тем, что обрела я себя тому, кто прискачет на коне том Грани с наследием Фафни и проедет сквозь полымя мое и убьет тех людей, которых я назначу. И вот никто не посмел проехать, кроме Сигурда одного. Он проскакал сквозь огонь, потому что хватило у него мужества. Это он убил змея, и Регина, и пятерых конунгов, а не ты, Гуннар, что побледнел, как труп: не конунг ты и не витязь. Я же дала зарок у отца моего в доме, что полюблю лишь того, кто всех славнее, а это — Сигурд. А теперь я — клятвопреступница, потому что не с ним я живу; и за это замыслила я твою смерть и должна я отплатить Гримхилд за зло: нет женщины бессердечнее ее и злее.

Гуннар отвечает так, что никто не слышал:

— Много остудных слов ты молвила, и злобная же ты женщина, если порочишь ту, что много лучше тебя: не роптала она на судьбу, как ты, не тревожила мертвых³⁵, никого не убила и живет похвально.

Брюнхилд отвечает:

— Я не совершала тайнодействий и дел нечестивых, не такова моя природа, но охотнее всего я убила бы тебя.

Тут она хотела убить Гуннара-конунга, но Хогни связал ей руки.

Она сказала:

— Брось думать обо мне, ибо никогда больше не увидишь ты меня веселой в своей палате: не стану я ни пить, ни играть в тавлеи, ни вести разумные речи, ни вышивать золотом по добрым тканям, ни давать вам советы.

Почитала она за величайшую обиду, что не достался ей Сигурд. Она села и так ударила по своим пальцам, что они разлетелись, и

приказала запереть теремные двери, чтобы не разносились далеко горестные ее речи. И вот настала великая скорбь, и узнал об этом весь дом. Гудрун спрашивает девушек своих, почему они так невеселы и хмуры — «и что с вами деется, и отчего ходите вы, как полоумные, и какая бука вас испугала».

Отвечает ей одна челядинка, по имени Свафрлод:

— Несчастный нынче день: палата наша полна скорби.

Тогда молвила Гудрун своей подруге:

— Вставай! Долго мы спали! Разбуди Брюнхилд, сядем за п्याльцы и будем веселы.

— Не придется мне, — сказала та, — ни разбудить ее, ни говорить с нею; много дней не пила она ни вина ни меда, и постиг ее гнев богов.

Тогда молвила Гудрун Гуннару:

— Пойди к ней, — говорит она, — скажи, что огорчает нас ее горечь.

Гуннар отвечает:

— Запрещено мне к ней входить и делить с ней благо.

Все же идет Гуннар к ней и всячески старается с ней заговорить, но не получает ответа; возвращается он и встречает Хогни и просит его посетить ее; а тот отвечал, что не хочет, но все-таки пошел и ничего от нее не добился. Разыскали тогда Сигурда и попросили зайти к ней; он ничего не ответил, и так прошел день до вечера. А на другой день, вернувшись с охоты, вошел он к Гудрун и молвил:

— Предвижу я, что не добром кончится гнев этот, и умрет Брюнхилд.

Гудрун отвечает:

— Господин мой! Великая на нее брошена порча: вот уже проспала она семь дней, и никто не посмел ее разбудить.

Сигурд отвечает:

— Не спит она: великое зло замышляет она против нас.

Тогда молвила Гудрун с плачем:

— Великое будет горе — услышать о твоей смерти; лучше пойди к ней и узнай, не уляжется ли ее гордыня; дай ей золота и умягчи ее гнев.

Сигурд вышел и нашел покой незапертым. Он думал, что она спит, и стянул с нее покрывало и молвил:

— Проснись же, Брюнхилд. Солнце сияет по всему дому, и довольно спать. Отбрось печаль и предайся радости.

Она молвила:

— Что это за дерзость, что ты являешься ко мне? Никто не обошелся со мной хуже, чем ты, при этом обмане.

Сигурд спрашивает:

— Почему не говоришь ты с людьми, и что тебя огорчает?

Брюнхилд отвечает:

— Тебе я поведаю свой гнев.

Сигурд молвил:

— Околдована ты, если думаешь, что я мыслю на тебя зло. А Гуннар — твой муж, которого ты избрала.

— Нет! — говорит она. — Не проехал Гуннар к нам сквозь огонь и не принес он мне на вено убитых бойцов. Дивилась я тому человеку, что пришел ко мне в палату, и казалось мне, будто я узнаю ваши глаза, но не могла я ясно распознать из-за дымки, которая застилала мою хамингю³⁶.

Сигурд говорит:

— Не лучшие мы люди, чем сыны Гьюки: они убили датского конунга и великого хофдинга, брата Будли-конунга.

Брюнхилд отвечает:

— Много зла накопилось у нас против них, и не напоминай ты нам о наших горестях. Ты, Сигурд, победил змея и проехал сквозь огонь ради меня, а не сыны Гьюки-конунга.

Сигурд отвечает:

— Не был я твоим мужем, ни ты — моей женой, и заплатил за тебя вено славный конунг.

Брюнхилд отвечает:

— Никогда не смотрела я на Гуннара так, что сердце во мне веселилось, и злобствую я на него, хоть и скрываю пред другими.

— Это бесчеловечно, — сказал Сигурд: — не любить такого конунга. Но что всего больше тебя печалит? Кажется мне, что любовь для тебя дороже золота.

Брюнхилд отвечает:

— Это — самое злое мое горе, что не могу я добиться, чтобы острый меч обагрился твоею кровью.

Сигурд отвечает:

— Не говори так! Недолго осталось ждать, пока острый меч вонзится мне в сердце, и не проси ты себе худшей участи, ибо ты меня не переживешь, да и мало дней жизни осталось нам обоим.

Брюнхилд отвечает:

— Ни малой беды не сулят мне твои слова, ибо всякой радости лишили вы меня своим обманом, и не дорожу я жизнью.

Сигурд отвечает:

— Живи и люби Гуннара-конунга и меня, и все свое богатство готов я отдать, чтобы ты не умерла.

Брюнхилд отвечает:

— Не знаешь ты моего нрава. Ты выше всех людей, но ни одна женщина не так ненавистна тебе, как я.

Сигурд отвечает:

— Обратное — вернее: я люблю тебя больше себя самого, хоть я и помогал им в обмане, и теперь этого не изменишь. Но всегда с тех пор, как я опомнился, желел я о том, что ты не стала моей женой; но я сносил это, как мог, когда бывал в королевской палате, и все же было мне любо, когда мы все сидели вместе. Может также случиться, что исполнится то, что предсказано, и незачем о том горевать.

Брюнхилд отвечает:

— Слишком поздно вздумал ты говорить, что печалит тебя мое горе; а теперь нет нам исцеления.

Сигурд отвечает:

— Охотно бы я хотел, чтоб взошли мы с тобой на одно ложе, и ты стала моей женой.

Брюнхилд отвечает:

— Непристойные твои речи, и не буду я любить двух конунгов в одной палате, и прежде расстанусь я с жизнью, чем обману Гуннара-конунга. Но ты вспомни о том, как мы встретились на горе той и обменялись клятвами; а теперь они все нарушены, и не мила мне жизнь.

— Не помнил я твоего имени, — сказал Сигурд, — и не узнал тебя раньше, чем ты вышла замуж, — и в этом великое горе.

Тогда молвила Брюнхилд:

— Я поклялась выйти за того, кто проскачет сквозь полымя, и эту клятву я хотела сдержать или умереть.

— Лучше женюсь я на тебе и покину Гудрун, лишь бы ты не умерла, — молвил Сигурд, и так вздымалась его грудь, что лопнули кольца брони.

— Не хочу я тебя, — сказала Брюнхилд, — и никого другого.

Сигурд пошел прочь, как поется в Сигурдовой песне:

*Скорбно с беседы Сигурд ушел,
Добрый друг доблестных дышит тяжело.
Рвется на ребрах у рьяного к битвам
Свита, свитая из светлой стали.*

И когда вернулся Сигурд в палату, спрашивает его Гуннар, знает ли он, в чем ее горе и вернулась ли к ней речь. Сигурд отвечал, что она может говорить. И вот идет Гуннар к ней во второй раз и спрашивает, какая нанесена ей обида и нет ли какого-либо искупления.

— Не хочу я жить, — сказала Брюнхилд, — потому что Сигурд обманул меня, а я тебя, когда ты дал ему лечь в мою постель: теперь не хочу я иметь двух мужей в одной палате. И должен теперь умереть Сигурд, или ты, или я, потому что он все рассказал Гудрун, и она меня порочит.

XXXII Предан Сигурд

После этого выходит Брюнхилд и садится перед своим теремом и горько причитает. Говорила она, что опостытели ей и царство и господарство, раз нет у нее Сигурда. И вновь пришел к ней Гуннар. Тогда молвила Брюнхилд:

— Потеряешь ты и землю, и богатство, и жизнь, и меня, а я поеду домой к своему роду и буду жить в горести, если ты не убьешь Сигурда и сына его: не вскармливай ты у себя волчонка.

Сильно огорчился тут Гуннар и не знал, на что решиться, так как с Сигурдом был он связан клятвой, и колебался в душе своей; казалось ему тяжким позором, если уйдет от него жена. Гуннар молвил:

— Брюнхилд мне всего дороже, и славнейшая она среди женщин и лучше мне жизни лишиться, чем потерять ее любовь.

И призвал он к себе Хогни, брата своего, и молвил:

— Тяжкая передо мною задача.

Говорит он, что хочет убить Сигурда, что тот обошел его обманно.

— Завладеем мы тогда золотом и всеми землями.

Хогни говорит:

— Не пристало нам нарушать клятву усобицей, да и сам он для нас — великий оплот: ни один властитель с нами не сравняется, пока жив гуннский этот конунг, а второго такого свояка нам не найти. И подумай о том, как хорошо нам иметь такого свояка и сестрича. И вижу я, откуда это идет: проснулась Брюнхилд, и будет нам ее совет на великий урон и бесчестие.

Гуннар отвечает:

— Это должно совершиться, и вижу я способ: подговорим Готторма, брата нашего. Он — молод и скудоумен, и непричастен он к нашим клятвам.

Хогни говорит:

— Не по мысли мне этот совет, и если так будет, дорого мы заплатим за то, что предали такого мужа.

Гуннар говорит, что Сигурд должен умереть, — «или сам я умру».

Он просит Брюнхилд встать и ободриться. Поднялась она, но сказала, что не ляжет с нею Гуннар на одну постель, пока это дело не свершится.

Стали тогда братья совещаться. Гуннар говорит, что достоин Сигурд смерти, ибо похитил он девство Брюнхилд, — «и надо нам подговорить Готторма на это дело».

И зовут они его к себе и предлагают золото и многие земли, чтобы его разохотить. Взяли они змею и кус волчьего мяса и сварили и дали ему поесть, как сказал скальд:

*Взяли рыб подколодных³⁷, резали волчье мясо,
Дали Готторму плоти Гери
С пенным пивом и прочим зельем,
Сваренным с чарами...*

И от этой снеди стал он жесток и жаден, и так разожгли его подговоры Хримхилд, что он поклялся совершить это дело: к тому же они обещали ему за это великие почести.

Сигурд и не подозревал об их заговоре, да и не мог он противостать судьбам и своей участи, и не считал он, что заслужил такую измену. Готторм вошел к Сигурду рано утром, когда тот покоился на ложе; но когда тот взглянул на него, не посмел Готторм поразить его

и выбежал вон, но вернулся вторично. Взгляд Сигурда был так грозен, что редко кто смел глядеть ему в глаза. И в третий раз вошел он, и на этот раз Сигурд спал. Готторм занес меч и поразил Сигурда, так что острие вошло в перину под ним. Сигурд пробудился от раны, а Готторм бросился к дверям. Тогда схватил Сигурд меч тот Грам и метнул ему вслед, и попал меч в спину и разрубил Готторма надвое посредине; вон вылетела нижняя половина, а голова и руки упали обратно в горницу.

Гудрун спала на груди Сигурда и проснулась с несказуемой горестью, плавая в его крови, и так рыдала она с плачем и причитаниями, что поднялся Сигурд с изголовья и молвил:

— Не плачь! — сказал он. — Живы твои братья на радость тебе; а у меня сын слишком мал, чтобы оборониться от врагов своих. Но плохую уготовили они себе участь: не найдут они лучшего свояка, чтоб ходил с ними в походы, ни лучшего сестрича, если бы он вырос... А теперь свершилось то, что давно было предсказано, и чему я не верил; но никто не может одолеть судьбины. А виною тому Брюнхилд, что любит меня превыше всех людей. Но я могу в том поклясться, что не учинил Гуннар обиды и крепко держался нашей клятвы и не был я ближе к его жене, чем должно. И если бы я это знал наперед или мог бы я встать на ноги с оружием в руках, многие лишились бы жизни прежде, нежели б я погиб, и убиты были бы эти братья, и труднее было бы им свалить меня, чем крепчайшего зубра или дикого кабана.

И тут конунг расстался с жизнью, а Гудрун еле дышала.

Засмеялась Брюнхилд, услышав ее вздохи. тогда молвил Гуннар:

— Не так ты смеешься, точно весело у тебя в корнях сердца. И почему побледнела ты с лица? Злобное ты чудовище, и сдается мне, что ты обречена на смерть. Больше всех заслужила ты, чтоб Атли-конунга убили у тебя на глазах, и тебе бы пришлось стоять над его трупом. А теперь мы будем сидеть над свояком своим, — братоубийцы.

Она отвечает:

— Никто не жалуется, что мало убитых. А Атли-конунг не боится ни угроз ваших ни гнева, и будет он жить дольше вас и тешиться большею властью.

Хогни молвил:

— Вот исполнилось то, что предсказала Брюнхилд, и для злого дела нет искупления.

Гудрун молвила:

— Родичи мои убили моего мужа. Выступите вы теперь в поход, и когда дойдет до первой битвы, тогда увидите вы, что нету Сигурда у вас под рукой, и поймете вы, что в Сигурде была ваша удача и сила. И если бы были у него сыновья, подобные ему, опирались бы вы на его потомство и на родичей его.

И никто не мог понять, почему с плачем скорбит Брюнхилд о том, чего добивалась со смехом. Тогда молвила она:

— Снилось мне, Гуннар, будто лежу я в холодной постели, а ты скачешь прямо в руки недругам своим. И весь ваш род должен погибнуть, потому что вы — клятвопреступники. Видно, забыл ты, когда предавал его, как смешали вы кровь, Сигурд и ты; и злом отплатил ты ему за то, что он творил тебе добро и возвеличил тебя. И тогда проявилось, как блюдет он свою клятву, когда пришел он ко мне и положил между нами остроконечный меч, пропитанный ядом. Слишком скоро решились вы на расправу с ним и со мной. Когда жила я дома у отца своего и все у меня было, чего душа желала, и не думала я, что кто-нибудь из вас станет моим мужем, тогда приехали вы к нашему дворцу — три конунга. Тогда позвал Атли меня на беседу и спросил, хочу ли я выйти за того, кто скачет на Грани; непохож он был на вас, и обещала я себя в ту пору сыну Сигмунда-конунга и никому другому. Но вам не будет блага от моей смерти.

Тогда Гуннар встал и обвинил руками ее шею и стал просить ее, чтобы она не умирала и наслаждалась богатством, и все прочие старались удержать ее от смерти. Но она отстранила всех, кто к ней подходил, и сказала, что напрасно отговаривать ее от того, что она задумала. Тогда пошел Гуннар к Хогни и спросил у него совета и велел ему пойти и разведать, не может ли он смягчить ее душу, и сказал, что крайняя настала нужда усыпить ее скорбь, пока она не пройдет. Хогни отвечает:

— Пусть никто не удерживает ее от смерти, потому что не была она на радость ни нам ни другим с тех пор, как прибыла сюда.

Тогда приказала она принести много золота и велела собраться всем, кто хочет получить дар; затем взяла она меч и вонзила его в себя и опустила на подушки и молвила:

— Пусть возьмет от золота всякий, кто хочет.

Все молчали. Брюнхилд сказала:

— Берите золото и пользуйтесь на благо.

И еще молвила Брюнхилд Гуннару:

— Теперь скажу я тебе в недолгий час все, что сбудется впредь. Скоро помиритеесь вы с Гудрун с помощью Гримхилд-волшебницы. Дочь Гудрун и Сигурда будет названа Сванхилд и будет она прекраснее всех женщин на свете. Выдана будет Гудрун за Атли против воли. Ты захочешь взять за себя Оддрун, но Атли наложит запрет. Тогда будете вы тайно сходитьсь, и будет она тебя любить. Атли обманет тебя и засадит в змеиный замок. А после погибнет Атли и сыновья его: Гудрун убьет их. А после высокие волны вынесут ее к замку Ионакра-конунга; там родит она славных сынов. Сванхилд пошлют в чужую землю и отдадут ее за Иормунрека-конунга; на гибель ей будут советы Бикки. И вот погибнет весь ваш род, и постигнут Гудрун великие скорби.

XXXIII

Просьба Брюнхилд

— Прошу я тебя, Гуннар, последнею просьбой: прикажи воздвигнуть большой костер на ровном поле для всех нас — для меня и для Сигурда, и для тех, что вместе с ним были убиты. Вели устлать его тканью, обгащенной человеческой кровью, и сжечь меня рядом с гуннским конунгом, а по другую сторону — моих людей (двоих в головах, двоих в ногах) и двух соколов; так будет все по обряду. Положите между нами обнаженный меч как тогда, когда мы вошли на одно ложе и назвались именем супругов, и не упадет ему тогда дверь на пятки³⁸, если я за ним последую, и не жалкая будет у нас дружина, если пойдут за нами пять служанок и восемь слуг, что отец мой дал мне, да еще сожжены будут те, кто убит вместе с Сигурдом. Больше хотела бы я сказать, если бы не была ранена; но теперь рана прорвалась и вскрылась. Сказала я истину.

Снарядили тут тело Сигурда по старинному обычаю и воздвигли высокий костер, а когда он слегка разгорелся, возложили на него тела Сигурда Фафниробойцы и сына его трехлетнего, которого Брюнхилд велела убить, и Готторма. Когда же запылал костер сверху

доницу, взошла на него Брюнхилд и сказала своим девушкам, чтобы они взяли золото то, что она им подарила. И тут умерла Брюнхилд и сгорела вместе с Сигурдом, и так завершился их век.

XXXIV *Уход Гудрун*

Ныне говорит всякий, кто это сказание слышит, что нет такого человека в мире и никогда не родится больше такой человек, каким был Сигурд во всех делах, и имя его никогда не забудется ни в немецком языке ни в северных странах, пока свет стоит.

Сказывают так, что однажды Гудрун, сидя в тереме своем, говорила:

— Краше была наша жизнь, когда жила я за Сигурдом. Так выходил он надо всеми людьми, как золото над железом или порей над прочим зельем или олень над прочим зверьем, пока братья мои не позавидовали, что муж мой лучше всех. Не могут они уснуть с тех пор, как убили его. Громко заржал Грани, когда увидел рану своего ленного государя; заговорила я с ним, как с человеком, а он опустил голову до земли и знал, что погиб Сигурд³⁹.

После этого ушла Гудрун в леса и слышала повсюду вокруг себя волчий вой и рада была бы умереть. Шла Гудрун, пока не дошла до палат Халфа-конунга и прожила там у Торы Гаконардоттир в Дании семь полугодий и была там дорогой гостьей и сидела за пядцами и вышивала на них многие и великие подвиги и чудные игры, что приняты были в те времена, мечи и брони и все королевские доспехи, струги Сигмунда-конунга, как скользят они вдоль берега; и еще вышивала она, как сразились Сигар и Сиггейр на юге у Фюнена. Таковы были их забавы, и несколько позабыла Гудрун о своей горе.

Прослышала Гримхилд о том, где поселилась Гудрун. Зовет она на беседу своих сыновей и спрашивает, как хотят они возместить Гудрун утрату сына и мужа, и говорит, что это неизбежно. Гуннар ответил, что согласен дать ей золота в искупление ее горести. Послал он за друзьями своими, и справили они коней своих, шлемы, щиты, мечи и брони и всякую ратную сбрую, и поход этот был снаряжен с величайшею роскошью, и ни один витязь покрупнее не остался дома; кони их были в бронях, и у каждого рыцаря был либо золоченый шлем, либо шлифованный. Хримхилд собралась в дорогу вмес-

те с ними и сказала, что тогда только дело их будет полностью сделано, когда Гудрун выйдет замуж. Ехало с ними всего человек пятьсот; и захватили они с собою знатных людей: там были Валдимар Датский и Эумод и Ярислейф⁴⁰. Вошли они в палату Халфа-конунга; были там лонгобарды, франки и саксы, они приехали в полном вооружении, а поверх него накинута была красная шуба, как в песне поется:

(Вторая песнь о Гудрун, II,20)

*В панцырях куцых, с мечами у пояса,
Кованный шлем, черные кудри.*

Предлагали они сестре своей дорогие дары и ласково с ней говорили, но она не верила никому из них. А затем поднесла ей Гримхилд волшебного питья, а она не могла отказаться и, выпив, обо всем позабыла: это питье было сварено из земной тяги и морской воды и жертвенной крови, и на роге том были начертаны всевозможные руны, окрашенные кровью, как здесь говорится:

(Вторая песнь о Гудрун, 23)

*Много на роге рун было разных,
Червлёных, начерченных, трудных для чтения:
Рыба степи длинная с родины Хаддингов,
Жито не сжатое, жилы олени.*

(Вторая песнь о Гудрун, 24)

*Были в той браге беды и боли,
Жжёные желуди, внутренность жертв,
Разные корни, росы огнища⁴¹,
От хряка печень, чтоб худа не помнить.*

И когда желание их исполнилось, пошло у них великое веселье. Тогда молвила Гримхилд, придя к Гудрун:

— Благо тебе, дочка! Я даю тебе золото и разные сокровища в твоё владение после смерти отца, драгоценные кольца и ткани гуннских дев, самые роскошные, в виру за мужа. Теперь ты должна выйти за Атли-конунга Могучего; тогда будешь ты владеть его богатст-

вом. И не отрекайся от родичей своих ради мужа, а лучше сделай по нашей просьбе.

Гудрун отвечает:

— Никогда не выйду я за Атли-конунга, и не пристало нам вместе продолжать род.

Гримхилд отвечает:

— Не должна ты думать о ненависти, и если будут у тебя сыновья, поступай так, будто живы Сигурд и Сигмунд.

Гудрун говорит:

— Не могу я его забыть; он был всех лучше.

Гримхилд говорит:

— За этого конунга суждено тебе выйти; иначе тебе ни за кого не выйти.

Гудрун говорит:

— Не навязывайте мне этого конунга, ибо одно зло случится от этого для нашего рода, и жестоко расправится он с твоими сынами, и постигнет его за это свирепая месть.

Гримхилд не по душе пришлись ее ответы, и сказала она:

— Сделай, как мы хотим, и получишь ты за это великие почести и нашу дружбу и уделы те, что зовутся Винбьорг и Валбьорг.

Ее слова так почиталось, что нельзя было ослушаться. Гудрун молвила:

— Пусть будет так, хоть и нет на то моей воли, и мало тут будет на радость, а больше на горе.

Затем сели они на коней, а жен усадили на колесницы, и ехали так четыре дня на лошадях, а четыре — в ладьях, а третьи четыре — по большой дороге, пока не доехали до высоких палат. Навстречу ей вышло много народа и устроили там славный пир, как заранее было условлено между ними, и пировали там с великою честью и пышностью. И на том пиру выпил Атли с Гудрун свадебную чару, но никогда сердце ее не радовалось ему и не в любви жила она с мужем.

XXXV

Гудрун нарезала руны

И вот сказывают, что однажды ночью, пробудившись от сна, заговорил Атли с Гудрун:

— Приснилось мне, — сказал он, — что ты пронзила меня мечом.

Гудрун разгадала сон тот и сказала, что сон — к огню, если снится железо, — «и еще к тому, что суетно мнишь ты себя выше всех».

Атли молвил:

— И еще снилось мне, будто выросли две тростинки, а я не хотел их ломать; но потом были они вырваны с корнем, и окрашены кровью, и поданы в палату, и даны мне в пищу. И еще снилось мне, будто с руки у меня слетело два сокола, и были они без добычи и полетели к Хел; привиделось мне, будто их сердца были обмазаны медом и я их ел. А затем мне казалось, точно два красивых щенка лежат передо мною и громко лают, а я ем их мясо против воли.

— Нехорошие это сны; но они исполнятся: сыновья твои обречены на смерть, и великие тяготы падут на нас.

— И еще снилось мне, — говорит он, — что я лежу на одре и смерть моя решена.

И так тянется их жизнь, живут они несогласно.

Вот размышляет Атли-конунг, куда могло деться то великое золото, которым владел Сигурд; а знают об этом Гуннар-конунг и его братья. Атли был великий властелин и могучий, мудрый и многодружинный. Вот держит он совет со своими людьми, как ему быть. Знает он, что у Гуннара так много добра, что ни один человек не может с ним равняться. И вот решает он послать людей к тем братьям и позвать их на пир и всячески их почтить; послали мужа того, что звался Винги.

Знает королева та об их тайных речах, и сдается ей, что ковы куются против ее братьев. Гудрун нарезала руны, а потом взяла золотой перстень и обмотала волчьим волосом и отдала его в руки посланцам королевским.

Тогда поехали они по слову конунга, и прежде чем вышли они на берег, заметил Винги руны те и перечертил их на иной лад, будто Гудрун побуждает их рунами теми, чтоб они приехали ее навестить. Затем пришли они в палату Гуннара-конунга, и приняли их хорошо и зажгли для них большие огни; и стали они в веселье пить отменнейшее питье.

Тогда молвил Винги:

— Атли-конунг прислал меня сюда, и хочет он, чтобы вы прибыли к нему с великою честью и приняли бы от него великую честь —

щиты и шеломы, мечи и брони, золото и добрые ткани, лошадей и людей и обширные лены, и даст он вам все лучшее, что есть в его землях.

Тогда покачал Гуннар головой и спросил у Хогни:

— Что думать нам об этом посольстве? Он сулит нам большие богатства; а я не знаю ни одного конунга, у которого было бы столько золота, сколько есть у нас, раз мы владеем всем золотом тем, что лежало на Гнитахейде; и есть у нас большие коморы, полные золота и отменного оружия и всякого рода ратных доспехов. Знаю я, что конь мой лучше всех, меч острее всех, казна богаче всех.

Хогни отвечает:

— Дивлюсь я его посольству, ибо редко он так поступал; и неразумно, быть может, ехать к нему в гости. И еще я дивлюсь, потому что, глядячи на сокровища те, что послал нам Атли-конунг, заметил я волчий волос, обернутый вокруг одного перстня; и может статься, Гудрун думает, что волчью мысль таит он против нас, и не хочет она, чтобы мы ехали.

Тут Винги показывает ему те руны, говоря, будто их прислала Гудрун. И вот пошла вся челядь спать, и осталось их за столом немного. Тогда подошла жена Хогни, что звалась Костберкою, красивейшая из женщин, и взглянула на руны те. Супруга Гуннара звалась Глаумвор, отменная жена. Они обе разливали мед. Конунги сильно захмелели; подметил это Винги и молвил:

— Нечего скрывать, что Атли-конунг отяжелел очень и состарился очень и не может оборонять свое царство, а сыновья его малы и ни на что не пригодны. И хочет он теперь передать вам власть над своею землею, пока они так молоды, и считает, что вы лучше всех управитесь.

И вот по двум причинам, потому что Гуннар сильно захмелел, и потому что предлагалось большое царство (да и не мог он одолеть судьбины), соглашается конунг приехать и говорит о том Хогни, брату своему. Тот отвечает:

— Твое слово да будет нерушимо, и последую я за тобой; но не рад я этой поездке.

А когда люди напились вволю и разошлись на покой, стала Костбера разглядывать руны и прочитала знаки; и увидела она, что другое начертано сверху, нежели было внизу, и что спутаны руны. Все

же она разобралась в них по мудрости своей; после этого легла она в постель подле мужа. А когда они пробудились, молвила она Хогни:

— Из дому хочешь ты ехать, а это неразумно. Лучше поезжай в другой раз. И несведущ ты в рунах, если думаешь, что приглашает тебя сестра твоя. Я прочитала руны те, и дивлюсь я на такую мудрую женщину, что неладно она написала; а внизу как будто начертано, что смерть вам грозит. А приключилось тут одно из двух: либо не хватило у ней дощечки, либо другие подменили руны. А теперь выслушай мой сон.

XXXVI

Хогни разгадал сны жены своей

— Снилось мне, будто ринулся сюда бурный поток и сорвал стропила в палате.

Он отвечает:

— Часто мыслите вы дурное, а у меня не в обычае, чтобы встречать людей подозрениями, если нет к тому повода; быть может, он нас хорошо примет.

Она говорит:

— Испытаете вы на себе, что не дружбу сулит приглашение. И еще снилось мне, что ворвался сюда второй поток и грозно бурлил, и поломал все скамьи в палате, и раздробил ноги вам, двум братьям. И это что-нибудь да значит.

Он отвечает:

— Верно, то волновались нивы, а ты приняла их за воду: а когда мы ходим по ниве, часто закрывают нам ноги высокие стебли.

— Снилось мне, будто одеяло твое горит, и огонь тот полыхает над палатой.

Он отвечает:

— Хорошо мне известно, что это значит: платье наше лежит тут без призора и легко может загореться; а тебе показалось, что это — одеяло.

— Привиделось мне, будто вошел сюда медведь, — говорит она, — и разбил престол конунга и так ударял лапой, что все мы перепугались, и вскоре забрал он нас всех в пасть, так что мы не могли пошевелиться, и настал от того великий ужас.

Он отвечает:

— Разразится сильная буря, а тебе она показалась белым медведем.

— Привиделось мне, что явился сюда орел, — говорит она, — и пролетел вдоль по палате той и забрызгал кровью меня и всех нас, и недоброе это предвещает, ибо показалось мне, что это Атли-конунг обернулся орлом.

Он отвечает:

— Часто мы бьем скотину во множестве и режем много голов себе на довольство, и если приснится орел, это значит — к говядине; и не умыслил Атли зла против нас.

И на том прервали они беседу.

XXXVII

Выезд братьев тех из дому

Надо теперь сказать про Гуннара, что и с ним повторилось то же: когда они проснулись, стала Глаумвор, жена его, рассказывать многие свои сновидения, которые, казалось ей, предвещали измену, а Гуннар во всем перечил.

— И было в одном из тех снов, что привиделось мне, будто кровавый меч внесли сюда в палату, и был ты пронзен мечом, и были волки по обе стороны меча того.

Конунг тот отвечает:

— Малые псы захотят нас там укусить, и часто лают собаки на кровавое оружие.

Она молвила:

— И еще привиделось мне, будто вошли сюда женщины, скорбные с виду, и выбрали тебя себе в супруги; может быть, это твои дисы.

Он отвечает:

— Трудно это растолковать, и никто не может отдалить своей кончины, и нет невозможного в том, что будем мы недолговечны.

И наутро вскочили они и собрались в дорогу, но другие их удерживали. Затем сказал Гуннар человеку по имени Фьорни:

— Встань и дай нам напиться из больших кубков доброго вина, ибо может статься, что это будет последним нашим пиром. И пусть доберется матерый тот волк до золота, если мы умрем, и медведь тот не задумается поработать клыками.

И тут проводила их дружина с плачем. Сын Хогни сказал:

— Счастливый вам путь и добрая удача.

Дома осталась большая часть их дружины. Поехали Солар и Сневар, сыны Хогни, и витязь один великий, что звался Оркнинг; он был братом Беры. Народ проводил их до кораблей, и все отговаривали, но ничто не помогло. Тогда промолвила Глаумвор:

— Винги, — сказала она, — по всему видно, что великое несчастье будет от твоего приезда, и грозными делами чреват твой путь.

Он отвечает:

— Клянусь я в том, что не лгу; и обрекаю я себя высокой виселице и всем злым, если солгал я хоть в одном слове.

И мало он щадил себя в этих речах. Тогда молвила Бера:

— Счастливым вам путь и добрая удача.

Хогни отвечает:

— Будьте веселы, что бы с нами ни случилось.

Тогда разлучились они, как было им суждено.

Затем принялись они грести так крепко, что киль под судном тем стерся на добрую половину. Крепко ударяли они веслами с резкой оттяжкой, так что ломались ручки и уключины, а когда вышли на берег, то не привязали они своих стругов. Затем поскакали они малое время на своих славных конях по темному бору. И вот видят они королевский тот двор, и слышат они там великий шум и лязг оружия, и видят множество людей и крепкие доспехи, что были на них. И все ворота кишели народом. Подъезжают они к замку, а он заперт. Хогни сломал ворота, и въехали они в замок. Тогда молвил Винги:

— Лучше бы ты этого не делал; а теперь подождите вы здесь, пока отыщу я дерево, чтоб вас повесить. Ласкою заманил я вас сюда, но хитрость скрывалась под нею. Теперь уж недолго ждать, пока вы высоко повиснете.

Хогни отвечает:

— Не поддадимся мы тебе; и не думаю я, чтобы мы отступили там, где мужи должны сражаться; и не удастся тебе нас застращать, и плохо тебе придется.

И стали его бить тупиками секир и забили насмерть.

XXXVIII

*Битва в замке том и победа*⁴²

Вот едут они к королевской палате. Атли-конунг строит дружину для боя, и так построились полки, что двор некий оказался между ними.

— Добро пожаловать к нам, и отдайте мне золото то несметное, что мне припадает по праву, богатство то, что принадлежало прежде Сигурду, а теперь — Гудрун.

Гуннар говорит:

— Никогда не владеть тебе этим богатством, и с крепкими людьми придется вам встретиться, прежде чем мы лишимся жизни, если вы нам предлагаете бой; и может статься, что по-господски угостишь ты на этом пиру орла и волка.

— Давно я задумал добраться до вас и завладеть золотом тем, и отплатить вам за подлое дело, что убили вы доблестного вашего свояка, и теперь я отомщу за него.

Хогни отвечает:

— Не на пользу вам долгие разговоры, и вы еще не снарядились для боя.

Тут начинается жестокая битва, и сперва сыплются стрелы. И вот доходят вести до Гудрун и, прослышав об этом, распалилась она гневом и сбросила с себя корзно. Затем вышла она из палаты и приветствовала гостей и поцеловала братьев своих и явила им любовь. И такова была последняя их беседа; молвила она тогда:

— Думалось мне, будто все я сделала, чтоб не ехали вы сюда; но никто не в силах одолеть судьбины.

И еще спросила она:

— Будет ли польза в переговорах?

Все наотрез отказались. Видит она тогда, что плохую игру сыграли с ее братьями. Надела она броню, взяла меч и сражалась вместе с родичами своими, и шла вперед, как отважнейший муж, и все говорили в один голос, что вряд ли где была оборона сильнее. Настало тут великое побоище, но сильнее всех был натиск братьев. И вот длится эта битва вплоть до полудня. Гуннар и Хогни двигались прямо навстречу полкам Атли-конунга, и сказывают так, что все поле было затоплено кровью. Сыны Хогни твердо шли вперед. Атли-конунг молвил:

— Была у нас дружина большая и отменная и могучие витязи; а теперь много наших погибло, и есть нам, за что отплатить вам злом: убито двенадцать витязей моих, и всего одиннадцать осталось в живых; и пусть будет передышка в сражении том.

Молвил в ту пору Атли-конунг:

— Четверо было нас, братьев; а теперь я один остался. Добился я знатного свойства и думал, что оно послужит мне к чести. Жenu взял я красивую и мудрую, высокой души и твердого нрава; но не было мне прока от ее мудрости, потому что редко жили мы в мире. Теперь вы убили много моих родичей и обманом взяли мои земли и богатство и предали мою сестру, и это мне хуже всего.

Хогни отвечает:

— Как смеешь ты говорить такие слова? Ты первый нарушил мир; ты взял женщину из моего рода и голодом загнал в Хел⁴³, предательски убил и забрал имение, а это не по-королевски. И смешно мне, что ты исчисляешь свои обиды, и хвала богам, что пришлось тебе плохо.

XXXIX

Хогни взят в полон

Вот горячит Атли-конунг дружину свою для крепкого натиска. Принялись они теперь жестоко рубиться, а Гьёкунги нападали так грозно, что Атли-конунг убежал в палату и схоронился там. А битва закипела свирепая. Эта схватка прошла с большим уроном и кончилась тем, что пала вся дружина братьев, и остались они вдвоем, но еще много народа отправилось к Хел от их оружия. Тогда набросились враги на Гуннара-конунга, и по причине их многолюдства был он взят в полон и заключен в оковы. Тогда Хогни стал сражаться один от великой своей отваги и богатства и поразил из сильнейших витязей Атли-конунга двадцать человек. Многих он бросил в тот костер, что был разведен в палате.

Все, как один, признали, что вряд ли есть на свете муж ему равный. И все же под конец одолело его множество, и был он взят в полон. Атли-конунг молвил:

— Великое это чудо, что так много людей от него погибло. Вырежьте же у него сердце, и такова да будет его смерть.

Хогни молвил:

— Поступай, как знаешь. Весело буду я ожидать того, что вы захотите со мною сделать, и увидишь ты, что не дрожит мое сердце, и показал я себя твердым в деле, и рад я был нести ратный искуc, пока не был ранен; а теперь одолели нас раны, и можешь ты сам решить нашу участь.

Тогда молвил советник Атли-конунга:

— Вижу я лучший выход: возьмем раба того Хьялли и пощадим Хогни. Раб этот обречен на смерть; всю жизнь он был жалок.

Услышал это раб тот и завизжал в голос и стал носиться повсюду, где только чаял найти убежище: кричал, что терпит за чужую усобицу и всех больше страдает; проклинал день, когда придется ему умереть и уйти от сытой своей жизни и от свиного стада. Его поймали и всадили в него нож: он громко запищал, почуяв лезвие. Тогда молвил Хогни (как редко кто говорит, когда дело дойдет до испытания отваги), что дарит холопу жизнь и что не в силах он слушать этот визг; сказал, что самому ему легче вынести эту игру. Тогда раба того оставили в живых.

Вот заковали их обоих, Гуннара и Хогни. Тогда молвил Атли-конунг Гуннару-конунгу, чтобы сказал он, где золото то, если хочет сохранить жизнь. Тот ответил:

— Прежде должен я увидеть кровавое сердце Хогни, брата моего.

И вот снова схватили они раба того и вырезали сердце и показали конунгу тому, Гуннару. Он же сказал:

— Сердце Хьялли вижу я робкого, несхожее с сердцем Хогни хороброго, ибо сильно дрожит оно, и даже вдвое сильнее, чем дрожало в груди.

Тогда пошли они по приказу Атли-конунга к Хогни и вырезали у него сердце, и такова была его стойкость, что смеялся он, терпя эту муку, и все дивились его отваге, и с тех пор это не забылось. Они показали Гуннару сердце Хогни; он сказал:

— Вот вижу я сердце Хогни хороброго, несхожее с сердцем Хьялли робкого, ибо слабо оно трепещет и даже меньше, чем у него в груди. И так же ты, Атли, умрешь, как ныне мы умираем. А теперь я один знаю, где скрыто золото, и Хогни тебе не скажет. Я колебался, пока мы живы были оба, а теперь я сам за себя решаю: лучше пусть Рейн владеет золотом тем, что заберут его гунны в свои руки.

Атли-конунг молвил:

— Уведите узника прочь! — И было это исполнено.

Тут Гудрун сзывает людей и идет к Атли-конунгу.

— Да будет тебе худо, как худо сдержал ты слово, данное мне и братьям.

Тогда бросили Гуннара-конунга в змеиный загон: было там много змей, а руки у него были накрепко связаны. Гудрун послала ему арфу, а он показал свое умение и заиграл на арфе с большим искусством, ударяя по струнам пальцами ног, и играл до того сладко и отменно, что мало кто, казалось, слышал, чтоб так и руками играли. И так долго забавлялся он этим искусством, покуда не заснули змеи те. Но одна гадюка, большая и злобная, подползла к нему и вонзила в него жало, и добралась до сердца, и тут испустил он дух с великим мужеством.

XL

Разговор Атли с Гудрун

Думал теперь Атли-конунг, что одержал великую победу, и сказал Гудрун не без насмешки и словно хвастаясь:

— Гудрун, — сказал он, — потеряла ты теперь своих братьев, и сама ты в том виновата.

Она отвечает:

— Любо тебе хвалиться предо мною этим убийством; но может статься, что раскаешься ты, когда увидишь, что за этим последует: а будет это наследие долго сохраняться, но слаще не станет; и не знать тебе блага, пока я жива.

Он отвечает:

— Давай помиримся, и дам я тебе виру за братьев, золотом и драгоценностями по твоему желанию.

Она отвечает:

— Долго была я неуживчивой и стояла на своем, пока жив был Хогни; и никогда бы тебе не отплатить мне за братьев моих так, как мне бы хотелось, но часто смиряет нас, женщин, ваше могущество. Вот умерли все мои родичи, и теперь ты один надо мною властен. Принимаю я твое условие, и устроим мы большой пир: хочу я справить тризну по братьям своим да и по твоим родичам.

Стала она на словах ласкова, но иное под этим скрывалось. Он дал себя уговорить и поверил ее речам, когда она притворилась, что все принимает легко. Вот справляет Гудрун тризну по братьям, а Атли-конунг — по своим людям, и пируют они с большим великоле-

пием. Думает Гудрун о своих невзгодах, а сама выжидает, как бы учинить конунгу великий позор. И под вечер взяла она сыновей своих от Атли-конунга, когда они играли на помосте; мальчики те удивились и спросили, чего она от них хочет. Она отвечает:

— Не спрашивайте. Умрете вы оба.

Они ответили:

— Властна ты учинить над детьми своими, что хочешь, никто не смеет запретить тебе, но стыдно тебе так поступать.

Тут она перерезала им горло.

Конунг тот спросил, где его сыновья. Гудрун отвечает:

— Могу тебе сказать и повеселить твое сердце. Ты учинил нам великую обиду, умертвил моих братьев; а теперь выслушай мои слова: потерял ты сыновей своих — и вот черепа их, превращенные в чаши, и сам ты пил их кровь, с вином смешанную; а затем взяла я сердца их и поджарила на вертеле, и ты их съел.

— Свиреп твой дух, раз убила ты своих сыновей и дала мне поесть их мяса, и мало времени оставляешь ты между двумя злодействами.

Гудрун говорит:

— Хотела бы я нанести тебе великий позор, но всякого зла мало для такого конунга, как ты.

Конунг молвил:

— Так ты поступила, что люди не знают тому примера, и много безумства в такой жестокости, и заслужила ты, чтоб тебя сожгли на костре или камнями прогнали в Хел, и нашла бы ты тогда то, чего искала.

Она отвечает:

— Прибереги это для себя; а я приму другую смерть.

Так говорили они друг другу многие злобные речи.

После Хогни остался сын по имени Нифлунг. Он таил великий гнев против Атли-конунга и поведал Гудрун, что хочет отомстить за отца. Она обрадовалась, и стали они совещаться. Она сказала, что большая была бы удача, если бы это свершилось.

И под вечер конунг напился и отошел ко сну. А когда он започивал, вошли к нему Гудрун и сын Хогни. Гудрун взяла меч и пронзила грудь Атли-конунга: так учинили они вдвоем, она и сын Хогни. Атли-конунг пробудился раненый и молвил:

— Тут уж не нужно ни перевязок, ни ухода. Но кто совершил надо мной это злодейство?

Гудрун говорит:

— Есть тут доля моей вины, да еще сына Хогни.

Атли-конунг молвил:

— Негоже тебе так поступать, хоть и есть за мной кое-какая вина; ведь все же была ты выдана за меня с согласия рода, и дал я за тебя вено, тридцать добрых рыцарей и столько же дев и много другого люда, а тебе все казалось, что мало тебя почтили, раз не можешь ты сама государить над всеми владениями Будли-конунга, и часто доводила ты свекровь свою до слез.

Гудрун молвила:

— Много ты наговорил неправды: никогда я об этом не думала. Но часто бывала я неприветлива, и не мало тут твоей вины. Не раз бывали на дворе твоим побоища, и бились между собой родные и присные и враждовали друг с другом. Куда лучше жилось нам, когда была я за Сигурдом: убивали мы конунгов и владели их добром и давали защиту всем, кто просил. И хофдинги приходили к нам на поклон и, кто хотел, того мы обогащали. Затем потеряла я его, но не так еще тяжело было называться вдовою: хуже всего, что тебе я досталась, после того как владела я славнейшим конунгом. Ведь ни разу не вернулся ты с войны непобежденным.

Атли-конунг отвечает:

— Неправда это! Но от таких речей не будет лучше ни мне ни тебе, и оба мы пострадаем. Теперь же поступи со мною, как подобает, и вели обрядить тело мое с честью.

Она говорит:

— Это я сделаю: велю вырыть тебе почетную могилу и вытесать из камня пристойную гробницу и завернуть тебя в роскошные ткани и приготовить все, что подобает.

После этого он умер, а она сделала, как обещала; а затем приказала зажечь палату. А когда гридь проснулась со страхом, то не захотели люди терпеть ожогов и поубивали себя сами и так погибли. И завершился век Атли-конунга и всех гридней его. Гудрун тоже не хотела жить после таких деяний, но еще не настал ее последний день.

Сказывают люди, что Волсунги и Гьёкунги были прегордыми и властными вождями, и то же находим мы во всех старинных песнях. И завершилась, таким образом, эта усобица на давних этих деяниях.

XLI О Гудрун

Гудрун родила от Сигурда дочь по имени Сванхилд; была она всех женщин краше, и глаза у нее были блестящие, как у отца, так что редко кто осмеливался заглянуть ей под брови. Возвышалась она красою своею над прочими женами, как солнце над прочими звездами.

Однажды Гудрун пошла к морю и набрала камней за пазуху, и вошла в море, и хотела утопиться. Тогда подняли ее высокие волны и понесли по морю, и поплыла она с их помощью, пока не прибыла к замку Ионакра-конунга. Он был могучий король и многодружинный. Взял он за себя Гудрун. Дети их были: Хамди, Сорли и Эрп. Там воспитали и Сванхилд.

XLII Выдана Сванхилд и растоптана конскими копытами насмерть

Иормунреком звался некий конунг. Был он могучим конунгом в те времена. Сын его звался Рандвер. Конунг позвал сына на беседу и молвил:

— Ты поедешь послом от меня к Ионакру-конунгу, а с тобой мой советник, что зовется Бикки. Воспитывается там Сванхилд, дочь Сигурда Фафниробойцы: известно мне, что она красивейшая девушка под вселенским солнцем. На ней хочу я жениться, и ты посватаешь ее для меня.

Тот говорит:

— Долг велит, государь, справить ваше посольство.

Тут приказывает он снарядить их в поход, как подобает.

Вот едут они, пока не прибывают к Ионакру-конунгу, видят Сванхилд и восхищаются ее лепотою. Рандвер зовет конунга на беседу и говорит:

— Иормунрек-конунг хочет с вами породниться. Прослышал он о Сванхилд и намерен избрать ее себе в жены, и невероятно, чтоб удалось ей выйти за более могущественного мужа.

Конунг ответил, что это — достойный брак — «и Иормунрек весьма прославлен».

Гудрун говорит:

— Ненадежное дело — доверять счастью: может оно разбиться.

Но с согласия короля и всех, кого дело касалось, сладилось это сватовство, и взошла Сванхилд на корабль с подобающей челядью и села на корме подле королевича. Тогда молвил Бикки Рандверу:

— Разумнее было бы, чтоб у вас была такая пригожая жена, а не у такого старца.

Тому это пришлось по душе, и он заговорил с нею ласково, а она ему отвечала. Прибыли они в свою землю и предстали перед конунгом. Бикки молвил:

— Подобаает тебе знать, государь, как обстоит дело, хотя и нелегко мне это высказать; а идет тут речь об измене, что учинил сын твой: добился он от Сванхилд полной любви, и она — его поллюбовница, и ты не оставляй этого безнаказанным.

Много дурных советов давал он ему и прежде, но этот всех злее его укусил. Конунг слушался многих его злых советов: он не мог сдержатъ гнева и приказал Рандвера схватить и вздернуть на виселицу. А когда его привели к виселице, взял он сокола и выщипал у него все перья и сказал, чтобы сокола того показали отцу. А когда конунг тот увидел сокола, молвил:

— Ясно, что он хотел мне этим показать: я де так же лишился всяческой чести, как сокол тот перьев, — и приказал снять его с виселицы.

Но Бикки между тем устроил так, что он уже был мертв.

И снова заговорил Бикки:

— Ни на кого ты не должен гневаться больше, чем на Сванхилд: повели предать ее позорной смерти.

Конунг ответил:

— Этот совет мы примем.

Тогда положили ее связанную под городские ворота и погнали на нее коней. Но когда она раскрыла глаза, то не посмели кони ее растоптать. И Бикки, увидевши это, сказал, что нужно набросить ей на голову мешок, и так было сделано, и лишилась она жизни.

XLIII

Гудрун подстрекает сыновей своих к мести за Сванхилд

Вот прослышала Гудрун о кончине Сванхилд и молвила сыновьям:

— Что сидите вы мирно и болтаете весело, когда Иормунрек убил

вашу сестру и раздавил под копытами коней с великим бесчестьем? Нет в вас духа Гуннара и Хогни; отомстили бы они за свою сестру.

Хамди отвечает:

— Не очень ты хвалила Гуннара и Хогни, когда они убили Сигурда, и была ты обагрена его кровью; и плоха была твоя месть за братьев, когда убила ты своих сыновей. Но лучше нам всем вместе убить Иормунрека-конунга, чем сносить тяжкую укоризну, которой ты нас подстрекаешь.

Смеясь, вышла Гудрун и принесла им напиться из больших кубков, а затем дала им брони большие и крепкие и прочную бранную сбрую.

Тогда молвил Хамди:

— Здесь мы простимся навеки; а ты услышишь о нас и справишь тризну по нас и по Сванхилд.

После этого усаkali они; а Гудрун пошла в горницу, подавленная горем, и молвила:

— За тремя мужьями была я. За первым — за Сигурдом Фафниробойцей, но он был предательски убит, и это мое тягчайшее горе. После выдали меня за Атли-конунга, но так озлобилось сердце мое против него, что в горе убила я своих сыновей. Тогда пошла я к морю тому, но вынесло меня на берег волнами, и вышла я тогда за этого конунга. Затем выдала я Сванхилд в чужую землю с великим богатством, и после убийства Сигурда больше всего мне та обида, что была она растоптана конскими копытами. И горько мне было, когда бросили Гуннара в змеиный загон; и тяжело — когда у Хогни вырезали сердце. И лучше было бы, если бы пришел за мной Сигурд и увел бы меня к себе. Не осталось здесь теперь ни сына, ни дочери, чтоб меня утешить. Помнишь ли, Сигурд, наше слово, когда мы с тобою всходили на ложе, что придешь ты за мною и из Хел прискачешь?

И на том кончается ее заплачка.

XLIV

О сынах Гудрун глава

Нужно теперь сказать про сыновей Гудрун, что она так справила их доспехи, чтобы не пробивало их железо, и запретила им метать камни и другие тяжести, и сказала, что на горе им будет, если ослу-

шаются. А когда выехали они на дорогу, то встретили Эрпа, брата своего, и спросили, как собирается он им помочь. Он отвечает:

— Как руке руке или нога ноге.

Им показалось, что это неправда, и они убили его. Затем поехали они своей дорогой, и немного времени прошло, как оступился Хамди и удержался рукою и молвил:

— Правду, пожалуй, молвил Эрп: упал бы я теперь, если бы не подперся рукою той.

Немного погодя оступился Сорли, но уперся одной ногой в землю и удержался на них и молвил:

— Упал бы я теперь, если бы не уперся обеими ногами, — и признали они, что неправо поступили с Эрпом, братом своим.

Вот поехали они дальше, пока не прибыли к Иормунреку-конунгу и ворвались к нему и тотчас на него напали: отрубил ему Хамди обе руки, а Сорли — обе ноги. Тогда молвил Хамди:

— Отскочила бы и готова та, если бы Эрп был жив, брат наш, которого убили мы на дороге; и поздно мы это уразумели.

Так и в песне поется:

(Хамдисмол 26)⁴⁴

*Прочь череп слетел бы, если б Эрп не пал,
Братец наш, бойкий в битвах,
Ныне в поле убитый нами.*

И в том преступили они приказ матери своей, что бросались камнями. Тогда ринулись на них люди, а они защищались хорошо и храбро и многих перебили. Не брало их железо.

Тогда явился некий муж, высокий и могучий и кривой на один глаз:

— Не умные же вы люди, раз не можете этих двоих предать смерти.

Конунг тот отвечает:

— Посоветуй, если можешь.

Тот молвил:

— Загоните их камнями в Хел.

Так было сделано, и со всех сторон полетели в них камни, и тут постигла их смерть.

Скальды

ЭЙВИНД ПОГУБИТЕЛЬ СКАЛЬДОВ

РЕЧИ ХАКОНА

- 1 Послал Высокий¹
 Гёндуль и Скёгуль²
 Избрать достойного
 Из рода Ингви³,
 Кому жить в Вальгалле,
 В воинстве Одина.

- 2 Видели, как Бьёрнов
 Брат⁴ прехрабрый
 Стоял под стягом
 В ратных доспехах.
 Склонялись древка,
 Дрот резал воздух,
 И грянула битва.

- 3 Мужей рогаландских
 И халейгов⁵ кликнул
 В битву яростный
 Ярлов убийца.
 С доброй дружиной
 Устрашит⁶ель данов⁶
 Пришел на сечу
 В блестящем шлеме

- 4 Сбросив доспехи,
Броню скинул долу
Вождь норвежский
И в битву ринулся.
Смеялся с дружиной,
Страну защищая.
Весел стоял он
Под златым шлемом.
- 5 Вздыхалась сталь
В длани владыки,
Секла словно воду,
Одежды Вавуда⁷.
Копья трещали,
Щиты разлетались,
Мечи скрежетали
О черепа героев.
- 6 Острые стопы
Клинок топтали
Для Тюра злата⁸
Тарчи и головы.
Был гром на бреге.
Кровью конунги
Красили светлые
Земли лезвий⁹.
- 7 Горели в ранах
Зарева брани.
Жала железные
На жизнь покушались,
Капли сечи¹⁰ шипели
На поле копий¹¹,
Стрел потоки
Струились по Сторду.
- 8 Багрец пролился
Под небом окружья¹²

- Бурей Скёгуль¹³ несло
Каемчатый облак¹⁴.
Волны стрел ревели
В вихре Одина¹⁵,
Залил ручей лука¹⁶
Великие рати.
- 9 Сидели мужи,
Потрясая сталью,
Пробиты кольчуги
И щиты посечены.
Угрюмы лица
Героев, но ждали
Их палаты Вальгаллы.
- 10 Рекла им Гёндуль
На копье опираясь:
«Вам великая доля!
Ибо Хакона боги
к себе призывают
со всем его войском».
- 11 Конунг слышал
Речи валькирий,
Премудры их замыслы.
На конях сидели
Шлемоносные девы
И щиты держали.
- 12 Неправо ты сечу, —
сказал Хекон, —
Судила, Скёгуль!
Мы ль не достойны
победы в битве?»
«Но мы за тобой, —
сказала Скёгуль, —
Оставили поле.
И враг твой повержен.»

- 13 «Теперь мы поскачем, —
Слово молвила Скёгуль, —
К богам по зеленому долу,
Расскажем Одину,
Что скоро властитель
Сам перед ним предстанет».
- 14 «Хермод и Браги¹⁷,
Встречайте героя, —
Рек Хрофтатюр¹⁸, —
Ведь конунг, видом
Подобный витязю,
Сюда путь держит».
- 15 Воитель молвил,
Он с битвы явился
Весь покрытый кровью:
«Уж очень недобрым
Мнится нам Один,
Нам нрав его страшен».
- 16 «Ты здесь с эйнхериями¹⁹
В мире пребудешь.
Мед от богов прими!
Ярлов недруг,
У нас обретешь
Восемь братьев», —
рек Браги.
- 17 «Наши доспехи, —
Рек добрый конунг, —
Службу еще сослужат,
Каждому ратнику
Должно беречь
С честью копье и кольчугу».
- 18 И стало видно,
Что, как подобает,

Конунг чтит святилища,
Ибо радостно
Приняли Хакона
К себе всеблагие боги.

19 В добрый день
 Родился конунг
 Столь доблестный духом.
 И всевечно
 Время Хакона
 Станут славить люди.

20 Прежде пройдет,
 Порвав оковы,
 Фанрир Волк²⁰ по землям,
 Нежели равный
 Хакону конунг
 Его место заступит.

21 Мрут стада,
 Умирают родичи,
 Пустеют доли и дома,
 С тех пор как пришел
 К Одину Хакон,
 Народы многие поправны.

УТРАТА СЫНОВЕЙ

1 Грусть — велика:
 Грузом воздушным
 Безмен языка
 С места не сдвинуть.
 Трудно Хрофтову
 Крадьбу¹ добыть,
 В укроме души
 Она сокрыта.

2 Горькое давит
 Горой горе
 И не дает
 Йотунхейма
 Древле добытый
 Дивный дар²
 Поднять со дна
 Думы темной.

3 Раны выи
 Имира³ грозно
 Пред жилищем
 Родича плещут.

- 4 Весь мой корень
 Вскоре сгинет.
 Буря клонит
 Клены бора.
 Разве рад,
 Кто прах родимый
 Должен из дому
 Долу несть?
- 5 Вспомяну
 Про конец
 Отца-матери.
 Венцом словесным
 Украшу
 Прах родичей,
 Открыв врата
 В тыне зубовном.⁴
- 6 Вал суровый,
 Ограду рода,
 В крепости деда
 Прясло пробил.
 Так и моя
 Дырой зияет:
 Место сына
 Стало пусто.
- 7 Ран⁵ меня
 Ограбила,
 Други мои
 Утрачены.
 Разломало
 Род мой море,
 Мой забор
 Разбит прибоем.
- 8 Когда б я мести
 Меч мог несть,

- То Пивовар⁶
Не одобровал бы.
Если б достало
Сил, то спорил
Я бы бранно
С братом бури.⁷
- 9 Мне ли биться
С убийцей сына,
Если видит
Всяк и всюду,
Что у старца
Сил не станет?
Ужели мне
Поможет немощь?
- 10 Много пало
Морю в руки.
Горько сказывать
Гибель ближних.
Рода щит
Направил стопы
В путь блаженный
От жизни сей.
- 11 Знаю сам:
В сыне своем
Я дурного
Зерна не сеял.
Рос бы и зрел он
Древом щитным
И был взят дланью
Владыки боя.
- 12 Слушался он
Слова отцова
Боле, чем

- Чужих речей.
Мне в дому
Был подмогой,
В страдну пору
Опорой верной.
- 13 В поветери
Свивёр
Мне братня
Утрата.
Если бесится
Битва, то я
Озираюсь,
Не рад, что сир.
- 14 Кой муж был бы
Мне пособник
В драке против
Вражьей рати?
Став осторожен,
Сам на рожон
На железный
Уже не лезу.
- 15 Трудно сыскать
Во всем народе
Мужа, кому бы
Можно верить,
Ибо продаст
Предатель подлый
Братню персть
За перстень малый.
- 16 Видно дело
Бывает в деньгах
.....

- 17 Сыну замену,
 Если сам
 Не породишь,
 Где ж найдешь?
 Кто бы ни стал
 На место брата,
 Тот все едино
 Не брат родимый.
- 18 Мне не любо
 Бывать на людях,
 Не мило даже
 Их тихомирье.
 Чадо наше
 Ввысь умчалось,
 В чертог воздушный
 К душам родным.
- 19 Враг мой — владыка
 Влаги пьяной⁹,
 Сей соложеной
 Болотной жижи.
 Клеть раздумья¹⁰
 Не вздымаю
 И не в силах
 Носить высоко,
- 20 С тех пор как жар
 Хвори жадной
 Сына свирепо
 Со свету сжил.
 Ведаю, правда,
 Бежал весь век
 Он, безупречный,
 Речи хульной.
- 21 Правда, в обитель
 Богов он был

Дланями взят
Друга людей.
Ясный, мною
Вращенный ясьень,
Саженец нежный
Моей жены.

22 Жил я в ладах
С владыкой сечи,
Не знал заботы,
Забыл про беды.
Нарушил ныне
Нашу дружбу
Телег приятель,
Судья побед.¹¹

23 Рад я не чтить
Брата Вили,
Главу богов
Отвергнуть гордо,
Но Мимира друг¹²
Дал дар мне дивный,
Все несчастья
Возмещая.

24 Сей боевой
Ворог Волку¹³
Дал мне речь
Безупречну
И взор ясный,
Чтоб явью вражьей
Легко бы стали
Ковы лукавых.

25 Тошно стало!
Стоит на мысу
В обличье страшном

Волчья сестра.¹⁴
Все же без жалоб
Буду ждать
По всей охоте
Хель прихода.

ВЫКУП ГОЛОВЫ

- 1 Приплыл я, полн
Распева волн
О перси скал,
И песнь пригнал.
Сник лед и снег.
Дар Трора¹ влек
Весной мой струт
Через синий лут.
- 2 Славу воспою
Смелому в бою,
Песней напою
Англию твою.
В честь твою течет
Игга чистый мед.²
Жадный слуха рот
Речи да вопьет.
- 3 Княже, склоняй
Слух и мне внимай.
Ведь гость я твой,
Властитель мой.
Твой грозный пыл
Врагов разил,
И Один зрил
Одры могил.

- 4 Был как прибой
 Булатный бой,
 И с круч мечей
 Журчал ручей.
 Гремел кругом
 Кровавый гром,
 Но твой шело
 Шел напролом.
- 5 Воины станом
 Стали чеканным,
 Сети из стали
 Остры вязали.
 Гневалось в пене
 Поле тюленьё³,
 Блистали раны,
 Что стяги бранны.
- 6 Лес в ливне стрел
 Железный рдел.
 Эйрик с нивы жал⁴
 Славу пожал.
- 7 Скальд славить может
 И слово сложит
 Про беды вражьи,
 Победы княжьи.
 Железны враны⁵
 Врезались в раны,
 Останки стали
 В тарчах торчали.
- 8 Серп жатвы сеч
 Сек вежи с плеч,
 А ран рога⁶
 Лил красный плач,⁷
 И стали рдяны

- От стали лдяной
Доспехи в пьяной
Потехе бранной.
- 9 Копья кинжал
Клинка сражал.
Эйрик с нивы жал
Славу пожал.
- 10 Багровый дрот
Гнал князь в поход.
Грозу невзгод
Знал скотт в тот год.
И ворон в очи
Бил выти волчьей,⁸
Шла Хель меж пашен
Орлиных брашен.
- 11 Летели враны
На тел курганы,
Кои попрыны
Кольями раны.
Волк в рану впился,
И ал вал взвился,
Несытой пасти
Достало сласти.
- 12 Гьяльпин конь⁹ скакал,
Его глад пропал.
Эйрик кликал
Волков на свал.
- 13 Буй-дева снова
Длить бой готова.
Звенят подковы
Коня морского.
Жала из стали

- Жадно ристали,
Со струн летели
Ястребы к цели.
- 14 Птиц колких сила
Покой пронзила.
Напряг лук жилу,
Ждет волк поживу.
Как навь ни бьется,
Князь не сдается
В дугу лук гнется,
Стальной гул вьется.
- 15 Князь туг лук брал,
Пчел рой в бой гнал.
Эйрик скликал
Волков на свал.
- 16 Воспеть велите ль,
Как наш воитель
Славит своими
Делами имя?
Нас добрым даром,
Студеным жаром¹⁰,
Князь дарит славный,
Крепкодержавный.
- 17 Огни запястий¹¹
Он рвет на части.
Он кольца рубит,
Обручья губит.
Державной рукой
Жалуя свой
Народ боевой
Фроди мукой¹².
- 18 Страшен могучий,
Стержнем обручий¹³

Вскинув высоко
Кованое око¹⁴.
Правду я рек
Про Эйриков век,
Ведал ратный бег
Весь восточный брег.

19 Слух не глуши!
В славной тиши
Здесь хороши
Со дна души
Князю в утону
Волненья меду¹⁵,
Брагина влага,
Одина брага.

20 Соколу сеч
Справил я речь
На славный лад
На лавках палат
Внимало ей
Немало мужей,
Правых судей
Песни моей.

Саги

I

Начинается эта сага с того, что правил Норвегией конунг Хакон Воспитанник Адальстейна, и было это на склоне его дней. Жил тогда человек по имени Торкель, по прозвищу Добавок к Шхере. Он жил в долине Сурнадаля и был херсиром. У него была жена по имени Истерд и дети, трое сыновей. Одного звали Ари, другого — Гисли, третьего, младшего из всех, Торбьёрном. Все они росли дома. Жил человек по имени Иси. Он жил у Фьорда Фибули, в Нордмёре. Жену его звали Ингигерд, а дочь — Ингибьёрг. Ари, сын Торкеля из Сурнадаля, за нее посватался, и ее отдали ему с большим приданым. С нею поехал раб по имени Коль.

Жил человек по имени Бьёрн Бледный. Он был берсерк. Он разъезжал по стране и вызывал на поединок всякого, кто ему не подчинялся. Раз зимою явился он и к Торкелю из Сурнадаля. А хозяйствовал на хуторе тогда Ари, его сын. Бьёрн предлагал Ари на выбор: хочет, пусть бьется с ним на одном островке в Сурнадале — назывался островок Столбовым, — а не хочет, пусть отдает ему свою жену. Тот сразу же решил, что уж лучше биться, чем обоим, и себя и жену, позорить. Сойтись надлежало им через три ночи. Вот подходит время поединка, они сражаются, и вышло так, что Ари пал и лишился жизни. Бьёрн считает,

что он завоевал и землю и жену. Гисли же говорит, покуда он жив, этому не бывать, и он намерен биться с Бьёрном.

Тут сказала слово Ингибьёрг:

— Не потому отдали меня за Ари, что я не пошла бы охотнее за тебя. У раба моего Коля есть меч Серый Клинок. Так попроси, пусть он тебе его одолжит. Потому что есть у этого меча такое свойство: он несет победу всякому, кто берет его в битву.

Гисли просит у раба меч, и тот отдает его неохотно. Гисли снаряжился для поединка, они бьются, и вышло так, что Бьёрн пал мертвым. Гисли почитает это за большую победу. Рассказывают, что он сватается к Ингибьёрг, не желая выпустить из рода такой доброй жены, и жениться на ней. Он берет себе всю братнину долю имущества и становится большим человеком. Тут умирает его отец, и все его имущество тоже достается Гисли. Он велит убить всех сообщников Бьёрна.

Раб потребовал назад свой меч, но Гисли не хочет с ним расставаться и предлагает за него золото. Но раб ничего, кроме меча, не желает и остается ни с чем. Это очень ему не нравится, он покушается убить Гисли и тяжело его ранит. Но и Гисли разит его по голове Серым Клинком, и удар был так силен, что меч сломался, и череп раскололся, и настигла обоим смерть.

II

После этого достается Торбьёрну все имущество, которым владели его отец и оба брата. Он живет в Сурнадале на хуторе Столбы. Он сватается за женщину по имени Тора — она была дочь Рауда с Мирного Острова — и на ней женится. Они жили в добром согласии, и в скором времени пошли у них дети. Дочь их звалась Тордис. Она была из детей старшею. Их старшего сына звали Торкель, среднего — Гисли, младшего — Ари. Все они росли дома. Никто из сверстников во всей округе не мог с ними сравниться. Потом Ари отдали на воспитание к Стюркару, его дяде. А Торкель и Гисли оба остались дома.

Жил человек по имени Бард. Он жил в Сурнадале. Он был молод и только что получил после отца наследство. Другого человека звали Кольбьёрн, он жил на хуторе Каменная Плита, в Сурнадале. Он тоже был молод и только что получил наследство. Поговаривали, что Бард

соблазнил Тордис, дочь Торбьёрна, а она была и красива и умна. Торбьёрн был очень этим недоволен и говорил, что, будь Ари дома, это не сошло бы Барду с рук. Бард сказал, что «пусты стариковские речи» и «я буду делать, как делал». Он был в дружбе с Торкелем, и тот ему потворствовал, но Гисли, как и отец, не одобрял их сговора.

Рассказывают, что однажды Гисли был в дороге вместе с Бардом и Торкелем. Он проехал с ними полпути до Дорожки Грани — так называлось место, где жил Бард, — и, когда меньше всего этого ждали, нанес Барду смертельный удар. Торкель рассердился и сказал, что Гисли поступил плохо, но Гисли успокаивал брата:

— Давай-ка поменяемся мечами, бери себе тот, что лучше режет!¹¹

И обратил все в шутку. Тогда Торкель успокоился и остался подле Барда, Гисли же поехал домой и все рассказал отцу. Тот был доволен.

С тех пор дружба между братьями пошла врозь. Торкель отказался меняться мечами и не пожелал жить дома, а отправился к Скегги Драчуну на остров Сакса. Тот был близким родичем Барду. Торкель остался там и все подстрекал Скегги отомстить за Барда, своего родича, и жениться на Тордис. Вот едут они, число двадцать, к Столбам, и, приехав на хутор, Скегги заводит с Торбьёрном разговор, чтобы им породниться «через брак мой с Тордис, твоей дочерью».

Но Торбьёрн не хотел отдавать за него девушку. Говорили, что за Тордис ухаживал Кольбьёрн. Скегги подумал, что, стало быть, тот и виноват в его неудаче со сватовством, и, встретившись с Кольбьёрном, вызвал его биться на острове Сакса. Кольбьёрн сказал, что придется, и прибавил, что он не будет достоин руки Тордис, если не посмеет сразиться со Скегги.

Торкель и Скегги отправились к себе на остров Сакса и вместе с двадцатью своими людьми ждали там урочного срока. А через три ночи Гисли едет к Кольбьёрну и спрашивает, готов ли тот к поединку. Кольбьёрн же вместо ответа спрашивает, нужно ли это для брака с Тордис.

— Тебе не годится об этом спрашивать, — говорит Гисли.

Кольбьёрн говорит:

— Сдается мне, что мне незачем биться со Скегги.

Гисли сказал:

— Ну и подлец же ты, что так рассуждаешь! Что ж, покрывай себя позором, я все равно намерен ехать.

Вот едет Гисли на остров Сакса и с ним одиннадцать человек. Тем временем Скегги уже на месте, он объявляет условия поединка и очерчивает круг для Кольбьёрна, но не видит ни его самого, ни того, кто пришел бы его заменить. Был у Скегги работник по имени Рэв. Так он велел Рэву сделать деревянные фигуры наподобие Гисли и Кольбьёрна.

— И пусть один стоит позади другого, и пусть этот срам навсегда остается здесь им в поношение².

Гисли услышал это из лесу и отвечает:

— Найдутся твоим работникам дела и поважнее! Вот можешь взглянуть на того, кто посмеет с тобою биться.

Они входят в круг и сражаются, и каждый сам держит перед собою щит. У Скегги был меч по прозвищу Пламя Битвы, он нанес им удар и попал в щит Гисли. Меч громко зазвенел. Тогда Скегги сказал:

— *Пламя Битвы поет,
То-то потеха на Саксе!*

Гисли нанес ответный удар секирой, и отсек край щита и ногу Скегги, и сказал:

— *Рьяно огонь рань³
Рубит ныне Скегги.*

Скегги не стал больше биться и с той поры всегда ходил на деревянной ноге. Торкель же поехал домой со своим братом Гисли, и теперь они живут по-родственному, и все находят, что эта битва очень увеличила славу Гисли.

III

В саге упоминают двух братьев. Одного звали Эйнар, другого — Арни, оба сыновья Скегги с острова Сакса. Они жили на мысу Флюдрунес к северу от Трандхейма. Они набирают с осени людей и потом весной отправляются в Сурнадаль к Кольбьёрну и ставят ему условия: хочет, пусть едет с ними жечь в доме Торбьёрна с сыновья-

ми, а не то пусть расстается с жизнью. Тот предпочел ехать с ними. Вот отправляются они, числом шестьдесят, и приезжают ночью к Столбам, и поджигают все строения. А все спали в одном покое: и Торбьёрн, и его сыновья, и Тордис. Там стояли два жбана с кислой сывороткой. Вот Гисли и те, кто был с ним, берут две козлиные шкуры, макают в жбан, и набрасывают на огонь, и трижды его тушат. Потом они пробивают стену, выбираются, десять человек, наружу, добегают под завесой дыма до гор и уходят подальше, чтобы собаки их не почуяли. Двенадцать же человек сгорели в доме. А они, те, что пришли, думают, что сожгли всех.

Гисли и все остальные добираются до Мирного Острова, приходят к Стюркару, собирают там сорок человек, застигают Кольбьёрна врасплох и сжигают его в доме и с ним еще одиннадцать человек. Потом они продают свою землю и покупают себе корабль. Их было шесть десятков человек. Взяв все свое имущество, они покидают страну и пристают к островам, называемым Эсундами, и готовятся там выйти в море. Оттуда они плывут, сорок человек числом, в двух лодках на север к мысу Флюдрунес. Сыновья Скегги как раз выехали с семьей другими мужами собирать плату за землю. Гисли и его люди направляются им навстречу и всех убивают. Гисли уложил троих, а Торкель — двоих. Потом они идут к хутору и выносят оттуда много добра. В тот раз Гисли срубил Скегги Драчуну голову — тот как раз гостил у сыновей.

IV

Потом они возвращаются к кораблю и выходят в море и плавают больше ста двадцати дней, пока не пристают на западе Исландии к южному берегу Фьорда Дюри⁴, в устье Реки Ястребиной Долины.

В саге упоминают двоих мужей, живших каждый на своем берегу. Оба звались Торкели. Один жил на хуторе Грязи в Болотной Долине, на южном берегу Фьорда. Он был Торкель, сын Эйрика. Другой жил на северном берегу, на хуторе У Всех Ветров. Его прозвали Торкель Богач. Торкель, сын Эйрика, первым из уважаемых людей поехал к кораблю и встретил Торбьёрна Кислого (его стали так называть с тех пор, как он спасся с помощью кислой сыворотки).

Земля по обоим берегам еще не вся была заселена. Торбьёрн Кислый купил себе землю на южном берегу у Морского Жилья в Ястребиной Долине. Гисли выстроил там двор, где они и стали жить.

Бьяртмаром звали человека, жившего у вершины Орлиного Фьорда. Жену его звали Турид, она была дочерью Храфна с Кетилевой Косы во Фьорде Дюри. Храфн же был сыном Дюри, занявшего этот фьорд. У них были дети. Дочь их звали Хильд, она была старшей. Одного из сыновей Хельги, других — Сигурд и Весттейр.

Вестейном звали одного норвежца, приехавшего в Исландию во времена ее заселения и поселившегося у Бьяртмара. Он женился на Хильд, его дочери. И они недолго прожили вместе, как родились у них дети: дочь их звалась Ауд, а сын — Вестейном. Вестейн-норвежец был сыном Вегейра, брата Вебьёрна Согнского Витязя.

Бьяртмар был сыном Ана Красного Плаща, сына Грима Мохнатые Щеки, брата Одда Стрелы, сына Кетиля Лосося, сына Халльбьёрна Полутролля. Матерью Ана Красного Плаща была Хельга, дочь Ана Лучника.

Вестейн, сын Вестейна, стал купцом и мореходом. Все же в то время, о котором здесь рассказывается он имел у Фьорда Энунда хутор Под Конем. Жену его звали Гуннхильд, а сыновей — Берг и Хельги.

Вот вскоре умирает Торбьёрн Кислый, а следом и жена его Тора. Хутор теперь переходит к Гисли и брату его Торкелю. А над Торбьёрном и Торой насыпают курган.

V

Жил человек по имени Торбьёрн, по прозвищу Тюленья Скала. Он жил у Жаберного Фьорда на хуторе Телячья Гора. Жену его звали Тордис, а дочь — Асгерд. Торкель, сын Кислого, за нее посватался и женился на ней. А Гисли посватался за Ауд, сестру Вестейна и дочь Вестейна-норвежца, и женился на ней. Живут братья вместе в Ястребиной Долине.

Однажды весной Торкель Богач, сын Торда, пустился в путь на юг, на Мыс Тора, где собирался тинг, и сыновья Кислого поехали с ним. На Мысу Тора жил тогда Торстейн Трескоед, сын Торольва Бородача с Мостра. Он был женат на Торе, дочери Олава, сына Торс-

тейна. У них были дети: Тордис, Торгрим и Бёрк Толстяк. Торкель Богач закончил на тинге свои дела. А после тинга Торстейн пригласил Торкеля Богача и сыновей Кислого к себе домой и дал им на прощанье богатые подарки. Они же пригласили сыновей Торстейна приехать следующей весной к ним на запад, на их тинг. И вот едут они домой.

А на следующий год, весною, сыновья Торстейна и с ними еще десять человек отправляются на тинг на Соколиной Косе и встречаются там с братьями, Гисли и Торкелем. Те зовут сыновей Торстейна с тинга к себе. Но до этого им надо было погостить у Торкеля Богача. Потом они едут к братьям, Гисли и Торкелю, и те встречают их там обильным пиром. Торгриму приглянулась сестра Гисли и Торкеля, и он за нее посватался. Ее обручили с ним и тут же сыграли свадьбу. За нею отдали Морское Жилье, и Торгрим переехал на запад. А Бёрк остался на Мысу Тора, и с ним живут его племянники, Сака-Стейн и Торродд.

Вот селится Торгрим в Морском Жилье, а сыновья Кислого переезжают на Холм и строят там хороший двор. И стоят Морское Жилье и Холм ограда к ограде. Вот живут они бок о бок, и между ними прочная дружба. Торгрим становится там годи и во всем поддерживает братьев. Они едут весною на тинг в сопровождении сорока человек, все в крашенных одеждах. С ними едут Вестейн, шурин Гисли, и все, кто приехал из Сурнадаля.

VI

Жил человек по имени Гест, он был сыном Оддлейва. Он приехал на тинг и занял землянку вместе с Торкелем Богачом. Вот люди из Ястребиной Долины сидят за пивом, другие же ушли на суд, потому что был как раз судебный тинг. Тут заходит к ним в землянку один человек, большой болтун, по имени Арнор. Он сказал:

— Ну и люди живут у вас в Ястребиной Долине! Ни до чего вам нет дела, кроме как пить. И вы даже не хотите прийти на суд, где должны разбираться тяжбы ваших людей. Все так считают, хоть я один и скажу.

Тогда сказал Гисли:

— Пойдем на суд. Может статься, что и другие говорят то же самое.

Вот идут они на суд. И Торгрим спрашивает, не нужна ли кому их поддержка.

— И покуда мы живы, за нами дело не постоит: сделаем все, что пообещали.

Тогда отвечает Торкель Богач:

— Нестоящие это тяжбы, что ведут здесь наши люди. Но мы не преминем сказать вам, если нам понадобится ваша помощь.

И вот заходят промеж людей разговоры о том, как великолепны эти люди и как независимы в своих речах.

Торкель спросил тогда у Геста:

— Надолго ли хватит, ты думаешь, великолепия и своевластия людей из Ястребиной Долины?

Гест отвечает:

— Не пройдет и трех лет, как не будет у них единомыслия, у тех, кто теперь держится вместе.

Арнор был при том разговоре, и он бежит в землянку к людям из Ястребиной Долины и пересказывает им эти слова.

Гисли на это говорит:

— Он, верно, повторяет чужие слова. Позаботимся же, чтобы не сбылось это предсказание. И, на мой взгляд, самое лучшее, если мы свяжем нашу дружбу более крепкими узами и примем, все четверо, обет побратимства.

Им это показалось разумным. Вот идут они на самую стрелку косы и вырезают длинный пласт дерна, так, что об края его соединяются с землей, ставят под него копы с тайными знаками такой длины, что стоя как раз можно достать рукою до того места, где наконечник крепится к древку. Им, Торгриму, Гисли, Торкелю и Вестейну, надо было, всем четверым, пройти под дерном. Потом они пускают себе кровь, так что она течет, смешиваясь, в землю, выкопанную из-под дерна, и перемешивают все это, кровь и землю. А потом опускаются все на колени и клянутся мстить друг за друга, как брат за брата, и призывают в свидетели всех богов⁵. Но когда все они подали друг другу руки, Торгрим и говорит:

— Хватит с меня того, что я подам руку Торкелю и Гисли, моим шурыям. Но у меня нет обязательств перед Вестейном.

И он отдергивает руку.

— Ну что ж, и другие поступят так же, — говорит Гисли и тоже убирает руку. — Я не буду связывать себя с человеком, который не желает связывать себя с моим шурином Вестейном.

Люди придали тому, что случилось, большое значение. Гисли тогда сказал Торкелю, своему брату:

— Все вышло, как я и опасался. И ни к чему все, что мы сейчас делали. Я теперь вижу, что чему быть, того не миновать.

И люди разъехались с тинга.

VII

Случилось летом, что во Фьорд Дюри пришел корабль, принадлежавший двум братьям, норвежцам. Одного звали Торир, другого Торарин, они были родом из Вика. Торгрим поехал к кораблю, купил себе четыре сотни бревен и отдал часть платы сразу, а часть обещает отдать после⁶. Вот купцы ставят корабль в Песчаном Устье, а сами устраиваются на житье.

Жил человек по имени Одд, он был сыном Эрлюга. Он жил на Косе в Блюдном Фьорде. Он принял купцов к себе. Торгрим шлет Тородда, своего сына, сложить те бревна и сосчитать их, потому что он думает поскорее перевезти их домой. Тот приходит, берет бревна, складывает их, и покупка кажется ему отнюдь не такой удачной, как говорил Торгрим. Он стал ругать норвежцев, те не потерпели этого, накинулись на него и убили.

Совершив убийство, норвежцы уходят с корабля. Они переправляются через Фьорд Дюри и, раздобыв себе коней, спешат к своему жилью. Они едут целый день и ночь, пока не подъезжают к долине, отходящей от Блюдного Фьорда. Там они завтракают и ложатся спать.

А Торгриму стало известно о происшествии, и он тут же собирается из дому, переправляется через фьорд и один едет следом за норвежцами. Он застигает их там, где они спали, и расталкивает Торарина древком копья. Тот вскакивает и только хочет схватиться за меч, — а он признал Торгрима, — как Торгрим наносит ему удар копьем и убивает. Тут просыпается Торир и хочет отомстить за со товарища, но Торгрим ударом копья укладывает и его. Это место зовется теперь Долиною Завтрака и Погибелью Норвежцев. Вслед за тем Торгрим поехал домой, и эта поездка принесла ему славу.

Зиму он проводит у себя на хуторе. А весною зятя, Торгрим и Торкель, снаряжают корабль, принадлежавший норвежцам. Норвежцы эти прослыли большими смутьянами у себя в Норвегии, и им нельзя было там оставаться. Вот снаряжают зятя корабль и выходят в море. В то же лето выходят в море из Ракушечной Бухты во Фьорде Стейнгрима и Вестейн с Гисли. Пока те и другие в плаваньи, Энунд из Средней Долины хозяйствует на хуторе у Торкеля и Гисли, а Сака-Стейн, вместе с Тордис, — в Морском Жилье. Во время всех этих событий в Норвегии правил Харальд Серый Плащ. Торгрим и Торкель приводят корабль на север Норвегии и тотчас едут встретиться с конунгом и, представ перед ним, его приветствуют. Конунг хорошо их принял. Они стали его людьми. Им досталось немало добра и немало почестей. Гисли и Вестейн плавали больше ста дней и раз, в начале зимы, у берегов Хёрдаланда попали ночью в сильную метель и бурю, и корабль их разбился в щепки, но добро свое и людей они уберегли.

VIII

Жил человек по имени Бьяльви Бородач. Он плыл на своем корабле и держал путь на юг, в Данию. Гисли и Вестейн прицениваются купить у него полкорабля, он же говорит, что уже наслышан о них как о молодцах и отдает им половину корабля. Они тут же платят ему, не скупясь. Вот едут они на юг, в Данию, на торг, что зовется Вэбьёрг. Там они перезимовали у человека по имени Сиградд. Они жили втроем, Вестейн, Гисли и Бьяльви, были очень дружны между собой и менялись подарками. А с наступлением весны стал Бьяльви снаряжать свой корабль в Исландию.

Сигурдом звали одного человека, родом норвежца. Он был в деле с Вестейном и сейчас находился в Англии. Он послал передать Вестейну, что хочет разорвать договор с ним и не нуждается больше в его деньгах. Вестейн просит позволения поехать с ним повидаться.

Гисли сказал:

— Ты должен обещать мне, что больше не покинешь Исландии без моего позволения, если вернешься туда невредимым.

Вестейн обещает. Вот как-то утром Гисли встает и идет в кузницу. Он был искуснейший человек, мастер на все руки. Он сделал

монету весом не меньше чем в эйрир, и половины этой монеты соединялись с помощью двадцати гвоздочков, по десяти на каждой половине. Когда части были сложены, она казалась целою, но можно было ее разъять на две части. И рассказывают, что он разнимает монету на половины, одну дает Вестейну и просит хранить ее как знак.

— И если один из нас пошлет другому свою половину, это будет значить, что его жизнь в опасности. Есть у меня предчувствие, что не миновать нам такого обмена, хотя бы сами мы и не встретились.

Вот едет Вестейн на запад, в Англию, а Гисли и Бьяльви — в Норвегию, а летом — в Исландию. Им досталось много добра и богатых подарков, и было удачно их товарищество, и Бьяльви выкупил у Гисли свой корабль. Теперь Гисли, а с ним еще одиннадцать человек едут на запад, во Фьорд Дюри, на торговом корабле.

IX

А Торгрим и Торкель снаряжают корабль в другом месте и возвращаются в устье Реки Ястребиной Долины во Фьорде Дюри в один день с Гисли, приплывшим на торговом корабле. Вскоре они свиделись, и встреча их радостна, а потом разъезжаются они по домам. Торгриму и Торкелю тоже выпало немало богатства.

Торкель очень важничал и ничего не делал по хозяйству, а Гисли работал день и ночь. Однажды выдался погожий день, и Гисли послал всех на сенокос, всех, кроме Торкеля. Торкель единственный из мужчин остался на хуторе и улегся после завтрака в доме. Дом этот был длиною в сто сажень, а шириною в десять. К южной его стороне пристроена была светелка Ауд и Асгерд. Они сидели там и шили. Вот, проснувшись, Торкель слышал в светелке голоса, идет туда и ложится у стены.

Вот заговорила Асгерд:

— Не откажи, Ауд, скрой мне рубашку для мужа моего Торкеля.

— Это я умею не лучше тебя, — сказала Ауд, — и ты навряд ли стала бы просить меня об этом, если бы надо было кроить рубашку для моего брата Вестейна.

— Это другое дело, — говорит Асгерд. — И, верно, еще долго так будет.

— Давно я знала, — говорит Ауд, — как обстоят дела. Но хватит говорить об этом.

— Я не вижу тут ничего дурного, — говорит Асгерд, — хоть бы мне и нравился Вестейн. Сказывали мне, что вы частенько встречались с Торгримом до того, как тебя выдали за Гисли.

— Тут не было ничего дурного, — говорит Ауд. — Я ведь не зналась с мужчинами за спиной у Гисли, так что нет тут дурного. Но лучше прекратим этот разговор⁷.

А Торкель слышал каждое слово и, когда они замолкли, сказал:

— Слышу слова ужасные! Слышу слова роковые! Слышу слова, чреватые гибелью одного или многих!⁸

И входит в дом. Тогда заговорила Ауд:

— Часто женская болтовня не доводит до добра. Как бы и на сей раз не вышло отсюда беды. Давай-ка подумаем, как нам быть.

— Я уже кое-что придумала, — говорит Асгерд. — Это поможет делу.

— Что же? — спросила Ауд.

— Надо обнять как следует Торкеля, как мы ляжем в постель, и сказать ему, что это все неправда. Он и простит меня.

— Нельзя полагаться на одно это, — говорит Ауд.

— Что же предпримешь ты? — говорит Асгерд.

— Расскажу обо всем мужу моему Гисли, чтобы он нашел выход.

Вечером приходит с работы Гисли. Повелось, что Торкель благодарит брата за труды. Но на сей раз он ходит пасмурный и не говорит ни слова. Вот Гисли спрашивает, не занемог ли он.

— Нет у меня болезни, — говорит Торкель. — Но есть кое-что похуже болезни.

— Не сделал ли я чего такого, — говорит Гисли, — что ты на меня рассердился?

— Нет, — говорит Торкель. — Но ты сам все узнаешь, хотя и не сразу.

И они расходятся каждый к себе, и на этот раз больше ничего не было сказано.

Вечером Торкель ест мало и первым идет спать. И когда он улегся, приходит Асгерд, подымает одеяло и хочет ложиться. Тогда Торкель сказал:

— Я не хочу, чтобы ты здесь ложилась ни этой ночью, ни потом.

Астерд сказала:

— С чего это ты вдруг так переменился? Или что-нибудь случилось?

Торкель сказал:

— Мы оба знаем причину, хоть от меня и долго скрывали. И мало будет тебе чести, если я выражусь яснее.

Она отвечает:

— Можешь думать об этом, как тебе заблагорассудится. И я не собираюсь долго спорить с тобой из-за того, где мне спать. Но выбирай: либо ты меняпустишь и будешь вести себя, как если бы ничего не случилось, либо я тут же назову свидетелей и объявлю о разводе с тобой, и пусть мой отец забирает обратно все мое приданое. И в этом случае я уж больше никогда не стесню тебя в постели.

Торкель помолчал и немного погодя сказал:

— Я рассудил так: поступай, как тебе нравится, я же не стану отказывать тебе этой ночью в постели.

Она без промедления показала, чего ей больше хотелось, и сразу легла. Они недолго пролежали вместе, как все между ними уладилось, словно бы ничего и не было.

Вот и Ауд ложится рядом с Гисли, и рассказывает ему о своем разговоре с Астерд, и просит его не сердиться, но принять какое-нибудь разумное решение, если он может найти его.

— Я не вижу такого решения, — сказал он, — от которого был бы толк. Все же не стану на тебя сердиться, ибо устами людей гласит судьба и чему быть, того не миновать.

X

Вот пришла зима, и наступают дни переезда⁹. Торкель вызвал своего брата Гисли на разговор и сказал:

— Дело обстоит так, брат, что пришло мне на ум переменить жилье. Короче говоря, я хочу, чтобы мы разделились: хочу вести хозяйство с моим зятем Торгримом.

Гисли отвечал:

— Братьям сподручнее вместе смотреть за своим добром. И, право, я был бы рад, если бы все оставалось по-старому и мы не делились.

— Так не может более продолжаться, — говорит Торкель, — чтобы мы сообща вели хозяйство. Потому что от этого происходит большой убыток: ведь тебе одному достаются весь труд и все заботы по хозяйству. Я же не прилагаю рук ни к чему, что сулило бы выгоду.

— Не ставь себе этого в вину, — говорит Гисли, — раз уж я тебя не упекаю. Всяко бывало между ними: случалось, и сходились и расходились.

Торкель сказал:

— Бесполезно говорить об этом. Надо делить имущество. И раз уж я настаиваю на дележе, ты бери себе и дом, и отцову землю, я же возьму движимое имущество.

— Если не остается ничего другого, как делиться, делай что хочешь. Мне же все равно, что делать: делить или выбирать.

Кончили тем, что Гисли делил. Торкель выбрал движимое имущество, а Гисли получает землю. Они поделили и двоих детей, бывших у них на попеченье: мальчика звали Гейрмунд, а девочку — Гудрид, они были детьми их родича Ингьяльда. Девочка осталась с Гисли, а Гейрмунд — с Торкелем. Вот уходит Торкель к своему зятю Торгриму и живет с ним. Хозяйство же переходит к Гисли, и он не может пожаловаться, чтобы оно стало хуже против прежнего.

Вот проходит лето, и наступают предзимние дни. В те времена у многих людей было в обычае справлять приход зимы пирами и жертвоприношениями¹⁰. Гисли не приносил больше жертв с тех пор, как побывал в Вэбьёрге в Дании, все же он, как и прежде, устраивал пиры, и притом со всею пышностью. И вот, когда подходят те дни, о которых шла речь, он делает приготовления к большому пиру. Он зовет на пир обоих Торкелей, сына Эйрика и Богача, своих зятьев, сыновей Бьяртмара и многих других друзей и товарищей. И в тот день, когда гости съезжаются, Ауд заводит такой разговор:

— Правду сказать, недостает здесь, по-моему, одного человека, которого я желала бы видеть.

— Кто же это? — спросил Гисли.

— Это мой брат Вестейн. С ним изо всех людей хотела бы я разделить здесь веселье.

Гисли сказал:

— Я смотрю на это иначе. Я бы дорого дал, чтобы он здесь не появлялся.

На этом их разговор и кончился.

XI

Жил человек по имени Торгрим, по прозвищу Нос. Он жил во Дворе Носа на восточном берегу Реки Ястребиной Долины. Он был силен в ворожбе и волшебстве и был колдун, каких мало. Его-то и приглашают Торгрим с Торкелем к себе, потому что у них тоже шел пир. Торгрим был искусным кузнецом¹¹, и рассказывается, что оба Торгрима и Торкель идут в кузницу и там запираются. Вот достают они обломки Серого Клинка, который при разделе выпал Торкелю, и Торгрим делает из него копье. К вечеру копье было готово. На нем были насечены тайные знаки, и древко входило в наконечник на целую пядь.

Рассказывают, что Энунд из Средней Долины пришел на пир к Гисли и, отозвав его в сторону, сказал, что вернулся Вестейн «и можно ждать его сюда».

Гисли немедленно зовет своих работников, Халльварда и Хаварда, и велит им ехать на север к Фьорду Энунда и прямо к Вестейну.

— Передайте ему от меня поклон да прибавьте: пусть сидит дома, пока я к нему не приеду, и пусть не появляется на пиру в Ястребиной Долине.

Он дает им узелок, а в нем условленный знак, половинка монеты, на случай, если он им не поверит.

Тогда идут они и берут в Ястребиной Долине лодку, и гребут к Устью Ручья, и, выйдя там на берег, идут к человеку, который жил там во Дворе Берси. Его тоже звали Берси. Они передают ему просьбу Гисли одолжить им двух своих лошадей — их звали Рукавицы, — самых резвых лошадей на всех Западных Фьордах. Тот дает им лошадей, и они скачут до самых Мшистых Полей, а оттуда к хутору Под Конем. А Вестейн уже выехал из дому, и случается так, что он проезжает Мшистые Поля под холмом, братья же едут поверху. Так они разминулись.

XII

Был человек по имени Торвард. Он жил на хуторе Бугор. Двое его людей повздорили из-за какой-то работы, пустили в ход косы и поранили друг друга. Вестейн подъезжает и мирит их, так что оба оста-

ются довольны. Потом он пускается к Фьорду Дюри и с ним два норвежца.

Между тем, приехав на хутор Под Конем, Халльвард и Хавард узнают, что Вестейн, оказывается, уже уехал. Скачут они что есть мочи обратно. И, подъехав к Мшистым Полям, видят: скачут люди посреди долины, но их разделяет бутор. Вот скачут они в Медвежью Долину — и только подъезжают к Откосу Арнкеля, как пали обе их лошади. Тогда, оставив лошадей, они бегут и кричат. Тут Вестейн с людьми слышит их, — а они уже выехали на Ягнячий Перевал, — и дожидаются, пока те не прибежали со своей вестью. Достали они и монету, которую Гисли послал Вестейну. Вестейн вынимает из кошель другую половинку и при взгляде на нее сильно краснеет.

— Вы говорите чистую правду, — говорит он, — и я бы повернул обратно, если бы вы нагнали меня чуть раньше. Но теперь текут все воды к Фьорду Дюри, и я поскачу туда же, да и тянет меня туда. Норвежцы пусть поворачивают назад, вы же садитесь в лодку и известите Гисли и мою сестру, что я еду к ним.

Они возвращаются домой и все рассказывают Гисли. Он отвечает:

— Значит, так тому и быть. Вестейн едет в Ягнячью Долину к родственнице своей Луте. Она перевозит его через фьорд и говорит ему:

— Вестейн, будь осторожен. Это тебе понадобится.

Она перевезла его к Пескам Тинга. Там жил человек по имени Торвальд Искра. Вестейн идет к нему, и Торвальд разрешил ему взять своего коня. Вот скачет он дальше, звеня уздечкой Торвальда, а седло и подпруга у него свои. Торвальд провожает Вестейна до Песчаного Устья и вызывается ехать с ним хоть до самого хутора Гисли. Но тот сказал, что это ни к чему.

— Многое переменялось в Ястребиной Долине, — сказал Торвальд, — и будь осторожен.

На этом они расстаются. Вот скачет Вестейн до самой Ястребиной Долины. Погода была ясная, и светила луна. У Торgrimова двора двое загоняли скот, Гейрмунд и женщина по имени Раннвейг. Она привязывает коров в хлеву, а он гонит их к ней. И вот, проезжая через луг, Вестейн встретил Гейрмунда. Гейрмунд сказал:

— Не заезжай сюда в Морское Жилье, а отправляйся прямо к Гисли да смотри будь осторожен.

А Раннвейг вышла из хлева, и человек показался ей как будто знакомым. И, загнав скот, они заспорили, кто бы это мог быть, и идут, переговариваясь, домой. Торгрим со своими людьми сидел у огня, и спрашивает Торгрим, не попадался ли им на глаза какой человек, и еще спрашивает, о чем у них спор.

— Сдается мне, что я узнала Вестейна, который сюда вернулся, — сказала Раннвейг. — На нем был синий плащ, в руке копье, и он скакал, звеня уздечкой.

— А что ты скажешь на это, Гейрмунд?

— Да я плохо разглядел. Но я подумал, что это работник Энунда из Средней Долины, у него был плащ Гисли, а сбруя Энунда и в руках острога.

— Кто-то из вас лжет, — сказал Торгрим. — Ступай-ка в Холм, Раннвейг, и разузнай, что там происходит.

Вот отправилась она и подошла к дверям как раз, когда гости сошлись пировать. Гисли стоял в дверях и, поздоровавшись с ней, пригласил ее войти. Она сказала, что ей надо домой, — «но я хотела бы повидать девочку Гудрид».

Гисли зовет Гудрид, но ее не было.

— Где Ауд, твоя жена? — спросила Раннвейг.

— Вот она, — говорит Гисли.

Ауд выходит и спрашивает, чего ей надо. Та ответила, что, так, мол, одна малость, но ничего толком не сказала. Гисли сказал, что одно из двух: либо пусть остается, либо идет домой. Она пошла домой и была еще глупее прежнего, если это только возможно, и не могла рассказать ничего нового.

А поутру Вестейну принесли два тюка с товаром: их тогда взяли с собой братья Халльвард и Хавард. Он достал оттуда кусок обойной ткани длиною в шестьдесят сажень и головное покрывало в двадцать локтей длиной с тремя парчовыми полосами во всю длину, а еще три умывальных таза, отделанные золотом. Он выложил все это и подарил своей сестре, Гисли и побратиму своему Торкелю, если тот захочет принять подарок.

Гисли идет с обоими Торкелями в Морское Жилье к брату своему Торкелю. Рассказывает Гисли, что вернулся Вестейн и привез им обоим дорогие подарки. Он показывает их и просит Торкеля взять, что он хочет.

Торкель отвечает:

— И все же было бы уместней, если бы ты один взял все это, я же не хочу принимать подарков. Маловероятно, что я отдарю Вестейна.

И он наотрез от них отказался. Вот отправляется Гисли домой, и кажется ему, что все идет одно к одному.

XIII

И вот что произошло в Холме. Две ночи сряду Гисли тревожат дурные сны, и люди спрашивают, что ему снилось. Он не хочет рассказывать снов. Вот наступает третья ночь, на дом налетел такой вихрь, что с одной стороны сорвало крышу. А вслед за этим с неба хлынул такой ливень, что никто и не упомнит подобного. Потолок начал течь, как и следует ждать, раз повреждена крыша. Гисли живо вскочил и кличет своих людей помочь делу. Был у Гисли один раб по имени Торд, а по прозвищу Трусоватый. Он был большого роста, почти как Гисли. Раб этот остался дома, а Гисли и с ним почти все его люди побежали на сенокос, чтобы убрать сено. Вестейн хотел было бежать с ними, но Гисли воспротивился этому. И когда с потолка стало сильно лить, брат с сестрою отодвигают свои кровати и ставят их вдоль покоя. А все, кроме них двоих, уже убежали из дому.

Вот незадолго до рассвета кто-то входит неслышно и идет туда, где лежит Вестейн. Тот в это время не спал. Но, прежде чем он что-либо заметил, в грудь ему вонзилось копье, проткнув его насквозь. И, почувствовав удар, Вестейн сказал так:

— Прямо в сердце.

И человек этот тотчас ушел, а Вестейн попытался встать и, вставая, упал у лавки мертвый. Проснулась Ауд, и зовет Торда, и просит его вынуть копье из раны. Тогда считалось, что мстить надлежит тому, кто извлечет клинок из раны, и если убийца оставлял оружие в ране, это называлось тайное умерщвление, а не убийство. Торд так боялся мертвецов, что он не решился даже приблизиться. Тут вошел Гисли, и увидел, что произошло, и сказал Торду, что не надо ничего делать. Он сам вынул копье из раны и никому не показав, бросил его, все окровавленное, в ларь и сел на лавку. Потом он велел обрядить тело Вестейна по обычаю того времени. Гисли да и все другие очень горевали по Вестейну.

Гисли сказал своей воспитаннице Гудрид:

— Сходи в Морское Жилье и разузнай, что у них там делается. Я потому посылаю тебя, что очень доверяю тебе в этом деле, как и во всяком другом. Смотри же сумей рассказать мне, что у них там делается.

Она идет в Морское Жилье. Там все на ногах и вооружены, и оба Торгрима, и Торкель. И когда она вошла, они не тотчас с нею поздоровались, потому что там мало кто был расположен к разговорам. Все же Торгрим спрашивает ее, что нового. Она рассказала про смерть Вестейна, или, вернее, про его убийство. Торкель отвечает:

— Еще недавно мы бы и впрямь почли это за новость.

— Умер человек, — говорит Торгрим, — которому мы все обязаны выказать уважение, и нужно похоронить его наиболее подобающим образом и насыпать над ним курган. И правду сказать, это большая потеря. Можешь передать Гисли, что мы сегодня придем к нему.

Она идет домой и рассказывает Гисли, что Торгрим сидел во всех доспехах, в шлеме и при мече. Торгрим Нос держал в руках топор, а Торкель обнажил на пядь свой меч.

— Там все на ногах и многие вооружены.

— Этого и следовало ждать, — говорит Гисли.

XIV

Вот Гисли готовится со своими людьми к погребенью Вестейна в той песчаной гряде, что расположена вдоль тростникового озера под самым Морским Жильем. И когда Гисли приступил к погребению, подъезжает туда Торгрим и с ним много людей. Когда они завершили обряд над телом Вестейна по тогдашнему обычаю, Торгрим подошел к Гисли и сказал:

— Есть обычай обувать покойного в башками Хель, чтобы в них он вошел в Вальгаллу. Я сделал это для Вестейна. — И, покончив с этим, он сказал: — Я не умею завязывать башмаков Хель, если эти развяжутся.

Потом они садятся на кургане и беседуют и находят очень маловероятным, чтобы кто-нибудь знал преступника. Торкель спросил у Гисли:

— Как Ауд принимает смерть брата? Много ли плачет?

— Ты, верно, думаешь, что тебе это известно, — говорит Гисли. — Она держится хорошо, хоть ей и тяжело. Видел я сон, — продолжает Гисли, — позапрошлой ночью и прошлой ночью снова. Я не скажу по этим снам, кто убийца, хоть они и клонятся к этому. Снилось мне в первую ночь, будто из одного двора выползла гадюка и насмерть ужалила Вестейна. А на следующую ночь мне приснилось, что из того же двора выскочил волк и насмерть загрыз Вестейна. Я до сего дня не рассказывал этих снов, потому что думал, что тогда они не сбудутся.

И он сказал вису:

— Желал я, о нож обнаживший,¹²
Спокойного сна Вестейну,
Мнил, и меня минует
Страшный сон вчерашний,
Когда мы сидели с другом
В доме за чашей меда,
Черпали радость в хмеле,
С третьим встреч не искали.

Тогда спросил Торкель:

— А как Ауд принимает смерть брата? Много ли плачет?

— Что-то часто ты об этом спрашиваешь, родич! — говорит Гисли. — Однако ж одолело тебя любопытство.

И Гисли сказал вису:

— Липа льна¹³ под покровом,
Кроткая, скроет горе,
Ливень ланит¹⁴ пролить
Лишь ночью осмелятся очи.
Сивы злата¹⁵ персты
Осушат росу ресниц,
Но разум ее смятен
Утратой милого брата.

И еще он сказал так:

— На грудь объятой грустью
Фригги перины змея¹⁶
Слез горячих гроза
С леса глаз¹⁷ пролилась;
Сыплет груди орехов
Орешник глаз безутешных,
Скёгуль злата скорбь
Ласка лишь скальда умерит.

Потом братья вместе идут домой. Тогда сказал Торкель:

— Да, это большое событие! И верно, для тебя оно еще горше, чем для нас. Но все же всякий сам себе товарищ. Я бы хотел, чтобы ты не слишком убивался, дабы не заронить в людях подозренья. Хотел бы я также, чтобы мы устроили у себя игры и чтобы наладились у нас наилучшие отношения, как бывало.

— Неплохо сказано, — говорит Гисли. — Я готов согласиться. Но с одним условием: если случится в твоей жизни событие, столь же важное для тебя, как для меня это событие, обещаю вести себя таким же образом, как ты теперь просишь меня.

Торкель соглашается. Потом они идут домой и справляют тризну по Вестейну. И после этого они расходятся по домам, и снова все спокойно.

XV

Вот начинаются игры, как если бы ничего не случилось. Зятя, Гисли и Торгрим, чаще всего играют друг против друга, и люди не могут решить, который из них сильнее. Все же большинство отдает предпочтение Гисли. Они играют в меч на льду тростникового озера. Там все время былолюдно. И вот однажды, когда сошлось особенно много народу, Гисли предложил разделиться для игры поровну.

— Этого мы и хотим, — говорит Торкель. — Но только мы хотим, чтобы ты не поддавался Торгриму, потому что ходят разговоры, что ты играешь не в полную силу. Я же только порадуюсь за тебя, если ты окажешься сильнее.

— Нам еще не доводилось померяться силами, — говорит Гисли, — но может статься, что придет для этого время.

Вот они играют, и Торгрим уступает в игре Гисли. Гисли сшиб его с ног, и мяч отлетел в сторону. Тогда Гисли хочет завладеть мячом, но Торгрим удерживает его и не дает ему взять мяч. Тогда Гисли толкнул Торгрима с такой силой, что тот, ударившись оземь, ободрал себе пальцы и из носу у него пошла кровь. Медленно встал Торгрим. Он глянул на курган Вестейна и сказал:

— *Копье со звоном сердце
Задело. Ну что ж, за дело!*

Гисли остановил катившийся мяч и запустил его Торгриму между лопаток, так что тот упал ничком. Гисли сказал:

— *Мяч по загривку героя
Огрел. Ну что ж, за дело!*

Торкель вскочил на ноги и сказал:

— Теперь видно, кто сильнее и кто лучше играет. На этом и кончим.

Они так и сделали. Игры прекратились, и прошло лето, и Торгрим с Гисли стали холоднее друг с другом.

Торгрим задумал дать в предзимние дни осенний пир, встретить зиму и принести жертвы Фрейру. Он приглашает к себе своего брата Бёрка и Эйольва, сына Торда из Выдрей Долины, и многих других знатных людей. Гисли тоже готовится к пиру. Он зовет к себе своих шурьев с Орлиного Фьорда и обоих Торкелей, и набралось у Гисли не меньше шести десятков гостей. В обоих домах готовился пир горой, и пол в Морском Жилье устлали тростником с тростникового озера. Торгрим со своими занимался приготовлениями, и они собирались завешивать стены, — в тот вечер ожидались гости, — и Торгрим сказал Торкелю:

— Как бы теперь подошли нам те добрые ткани на стену, что хотел отдать тебе Вестейн! На мой взгляд, это отнюдь не одно и то же: получить их насовсем или получить их на время, и я желал бы, чтобы ты теперь послал за ними.

Торкель отвечает:

— Все знает тот, кто знает меру. Я не стану посылать за ними.

— Тогда я сделаю это сам, — сказал Торгрим и велел пойти Гейрмунду.

Гейрмунд говорит:

— Сделаю любую работу, но эта не по мне.

Тогда Торгрим подходит к нему и дает со всего маху пощечину и говорит:

— Ступай-ка, если это тебе больше нравится!

— Теперь пойду, — сказал тот, — хоть мне это еще меньше нравится. Но будь уверен, уж я позабочусь о том, чтобы подобрать пару к тому лещу, что ты дал мне. В долгу не останусь.

После этого он пошел, и когда он приходит в Холм, Гисли и Ауд как раз собираются завешивать стены. Гейрмунд сказал, зачем он пришел, рассказал и о том, как все это вышло. Гисли спросил:

— Ну что, Ауд, хочешь одолжить им эту ткань?

— Ведь ты не потому меня спрашиваешь, что не знаешь, что я не хотела бы оказывать им ни этой услуги, ни какой иной: слишком много чести.

— А как смотрел на это мой брат Торкель? — спросил Гисли.

— Он был доволен, что меня посылают.

— Это решает дело, — сказал Гисли и вышел с ним, отдав ему ткань. Гисли идет с ним до самой ограды и говорит: — Теперь вот что. Благодаря мне ты ходил не напрасно. Но хочу я, чтобы и ты пошел мне навстречу в одном важном для меня деле, ведь где подарок, там и отдарок. Хочу же я, чтобы ты сегодня вечером отодвинул засовы у трех дверей. И тебе не мешает помнить, как тебя уговорили идти сюда.

Гейрмунд спрашивает:

— Здесь не будет опасности для твоего брата Торкеля?

— Никакой! — сказал Гисли.

— Тогда так и будет сделано, — сказал Гейрмунд.

И, вернувшись домой, он сбрасывает ткань с плеч. Тогда Торкель сказал:

— Гисли по своему терпению не чета другим людям, и он поступил лучше нас.

— Это как раз то, что нам нужно, — говорит Торгрим, и они завешивают стены.

К вечеру приходят гости. А небо затягивается облаками, и вечером падает хлопьями снег и засыпает все тропы.

XVI

Вечером приходят Бёрк и Эйольв и с ним шесть десятков человек, всего там собралось сто двадцать гостей, а у Гисли гостей вдвое меньше. Вот сели люди в Холме вечером пить, а потом ложатся по лавкам и засыпают. Гисли сказал своей жене Ауд:

— Я не задал корма коню Торкеля Богача. Выйдем вместе, и ты запри за мной и, пока я хожу, не ложись, а когда вернусь, отопри мне.

Он достает из ларя копье Серый Клинок. На нем синий плащ поверх рубахи¹⁹ и холщовые штаны. Он идет к ручью, протекающему между обоими хуторами: в обоих хозяйствах брали оттуда воду. Он идет по дорожке к ручью, потом идет вброд до той дорожки, что вела к другому хутору. Гисли знал в Морском Жилье все ходы и выходы, потому что он сам его строил. Там был вход через хлев, туда Гисли и пошел²⁰. С каждой стороны стояло по тридцати коров. Он связывает им попарно хвосты, запирает за собой хлев и прилагивает запор так, чтобы нельзя было открыть, если кто захотел бы выйти. Потом он идет в жилую часть дома. Гейрмунд сделал свое дело: засовов на дверях не было. Вот входит Гисли и запирает двери, как они были заперты с вечера. Он делает все очень медленно. Заперев дверь, он стоит и прислушивается, не проснулся ли кто, и убеждается, что все спят. В доме было три огня. Вот он берет с полу охапку тростника, скручивает его в жгут и бросает в один из огней. И огонь гаснет. Тут он замечает, что спят-то не все. Ему видно, как к самому дальнему светильнику тянется рука юноши, снимает светильник и тушит свет.

Тогда он идет в глубь дома к спальной нише, где спали Торгрим с его сестрою. Дверка ниши была не заперта, и оба лежали в постели. Вот он идет туда, шарит впотьмах перед собою и касается рукою груди Тордис: она спала с краю. Тордис сказала:

— Почему у тебя такая холодная рука, Торгрим? — и разбудила его.

Торгрим сказал:

— Хочешь, я повернусь к тебе?

Она-то думала, что это он положил на нее руку. Гисли пережидает немного и согревает руку у себя под рубахой, они же оба засыпают. Тогда Гисли тихонько касается Торгрима, чтобы тот проснулся. Торгрим думал, что это Тордис его разбудила и повернулся к ней.

Тут Гисли одною рукой срывает с них одеяло, а другою насквозь пронзает Торгрима Серым Клинком, так что острие засело в дереве. Тордис закричала:

— Люди, все, кто есть здесь, просыпайтесь! Торгрима убили, моего мужа!

Гисли поспешно бросается назад к хлеву, выбегает, как он и думал, из дома и плотно затворяет за собой дверь. Потом он тою же дорогой возвращается к себе домой, и после него не остается следов. Когда он пришел, Ауд отодвинула засов, и он идет прямо в постель и держится как ни в чем не бывало, словно бы он ничего и не сделал.

Все люди в Морском Жилье были пьяны и не знали, что делать. Убийство застало их врасплох, и потому они не предприняли ничего толкового.

XVII

Эйольв сказал:

— Случилось великое злодеяние, а все эти люди бестолковые, все, кто тут есть. По моему разумению, нужно зажечь свет и быстрее бежать к дверям, чтобы убийца не ушел.

Так и сделали. И людям кажется, что, раз убийца не обнаружен, значит, это сделал кто-то в самом доме. А время идет, и наступает день. Тело Торгрима кладут, извлекают копье, — это делает Бёрк, его брат, — и готовят тело к погребению. Там остаются шесть десятков человек, а другие шесть десятков идут в Холм к Гисли. Торг Трусоватый был около дома, и, увидев толпу, он бросился в дом со словами, что, мол, к хутору движется войско, и он очень всполошился.

— Ну что ж, — говорит Гисли. И он сказал вису:

— *Страха в меня не вселит
Торда трусливое слово,
Меч властителя сечи²¹
Вражью вспоен кровью.
Лежит недалече повержен
Тополь веоря потока.²²
Пусть мечутся в ужасе люди —
Мужество мне не изменит.*

Вот заходят они, Торкель и Эйольв, на хутор и направляются к спальной нише, где лежит Гисли с женою. Торкель, брат Гисли, первым туда заходит. И видит он, что башмаки Гисли лежат все замерзшие и заснеженные. Тогда он пихнул их подальше под лавку, чтобы не увидели другие.

Вот Гисли приветствует их и спрашивает, что нового. Торкель рассказал, что, мол, случилось великое злодеяние, убит Торгрим, и спросил, что бы это могло значить и что следует теперь предпринять.

— Великие злодеяния не заставляют себя долго ждать, — говорит Гисли. — Мы намерены оказать помощь в погребении Торгтрима, вы можете на это рассчитывать, и должно сделать это, как подобает.

Те принимают предложение, и они идут все вместе в Морское Жилье. Потом они приготавливают все к погребению и кладут Торгтрима на корабль. Вот насыпают они курган по древнему обычаю, и осталось только закрыть его. Тогда Гисли идет к речному устью, берет там огромный, как скала, камень и взваливает его на корабль. Кажется, подалась под камнем каждая досочка, и корабль весь затрещал. Гисли сказал:

— Я не умею ставить корабль, если этот унесет ветром.

И поговаривают, что это не так уж непохоже на то, что сделал с Вестейном Торгрим, когда говорил о башмаках Хель.

Вот собираются они с кургана домой. И Гисли сказал своему брату Торкелю:

— Я рассчитываю, брат, что теперь между нами будет наилучшая дружба, как бывало, и давай устроим игры.

Торкель согласен. На этом они расходятся по домам. У Гисли теперь нет недостатка в людях. Приходит конец пиру, и Гисли оделяет гостей хорошими подарками.

XVIII

Вот справили по Торгтриму тризну, и Бёрк дает многим хорошие подарки в залог дружбы. Дальше случается вот что. Бёрк платит Торгтриму Носу и просит его наворожить, чтобы не было ниоткуда помощи убийце Торгтрима, хоть бы люди и пожелали помочь ему, и что-

бы не было ему в стране покоя. Дали ему за ворожбу десятилетнего быка. Вот Торгрим принимается колдовать и, приготовив себе все, как обычно, сооружает помост и совершает колдовской обряд со всем возможным непотребством и злобою.

Была еще и такая странность, которой приписывали особый смысл: снег не лежал на юго-западном склоне Торгримова кургана, и там никогда не замерзало. И люди связывали это с тем, что Торгрим своими жертвами снискал расположение Фрейра, и Фрейр не хочет, чтобы их разделял мороз.

Так прошла зима, и братья устраивают игры. Бёрк переезжает на хутор к Тордис и на ней женится. Она в то время ходила тяжелая. У ней родился мальчик, его окропили водой и нарекли Торгримом, по отцу. Но когда он вырос, им показалось, что он крут нравом и непокорен. Ему переменяли имя и стали звать Снорри²³. Бёрк прожил там зиму и тоже участвовал в играх.

Одну женщину звали Аудбьёрг. Она жила в верхней части долины, на Неудачином Дворе. Она была сестрою Торгрима Носа, а замужем за человеком по имени Торкель, по прозвищу Неудача. Сына ее звали Торстейном. После Гисли это был сильнейший человек на играх, Гисли и Торстейн всегда играли вместе, а против них Бёрк с Торкелем.

Однажды на игры сошлось множество народу: многим было любопытно посмотреть на игры и узнать, кто всех сильнее и кто лучше играет. И было там так же, как и повсюду: чем больше соберется на играх народу, с тем большим пылом идет игра.

Рассказывают, что Бёрк в тот день проигрывал Торстейну. В конце концов он разозлился и сломал пополам биту Торстейна. Но Торстейн толкнул его так, что тот грохнулся на лед. Гисли, увидев это, сказал Торстейну, пусть, мол, играет против Бёрка в полную силу, «а я поменяюсь с тобою битами». Так они и делают. Гисли садится чинить биту и поглядывает на курган Торгрима. Земля была покрыта снегом, а на склоне кургана сидели женщины, сестра его Тордис и много других. Гисли сказал тогда вису:

*— Вот прорастают проталины
На крыше, укрывшей ныне
Недруга трусов Грима²⁴, —*

*Он принял смерть от меня!
Малый лоскут земли
Смелому служит уделом,
Золота клен оделил
Слихвою вершителя боя.*

Тордис сразу же запомнила эту вису. Она пошла домой и разгадала ее смысл. Они кончают игры, и Торстейн идет домой.

Жил человек по имени Торгейр и по прозвищу Тетерев. Он жил на Дворе Тетерева. Жил человек по имени Берг и по прозвищу Коротконогий. Он жил на Болоте Коротконового на западном берегу реки. Вот по дороге домой Торстейна и Берг обсуждают игры и, слово за слово, ссорятся. Берг держит сторону Бёрка, а Торстейн ему возражает. Тогда Берг ударил Торстейн обухом топора. А Торгейр становится между ними, и Торстейн не может постоять за себя. Он идет домой к своей матери Аудбьёрг, та перевязывает ему рану и негодует. Всю ночь не может уснуть старуха. Она выходит из дому, и смутно у нее на душе. Было холодно и безветрено, на небе ни облачка. Она несколько раз обходит дом против солнца и, задрав голову, тянет носом воздух со всех сторон. И вот стала погода меняться, подымается сильный буран, а потом наступает оттепель, снег на горе подмывает потоком, и на хутор Берга обрушивается лавина. Там погибло двенадцать человек. Следы этого обвала видны и по сей день.

XIX

Вот Торстейн идет к Гисли, и Гисли его у себя укрывает. Потом Торстейн едет на юг к Городищенскому Фьорду и покидает страну. А Бёрк отправляется на Неудачин Двор, хватает Аудбьёрг, едет с ней на Солёный Мыс и побивает ее насмерть камнями. Когда это случилось, Гисли едет из дому на Двор Носа, хватает там Торгрима Носа и везет его на Солёный Мыс. И, набросив ему на голову кожаный мешок, забивает его камнями. И его зарыли под грудой камней, подле сестры, на гребне, разделяющем Ястребиную и Среднюю Долину.

И снова все спокойно, и так проходит весна. Бёрк едет на юг, на Мыс Тора, и думает снова туда переселиться. И кажется ему, что

поездка на север окончилась для него бесславно: он лишился такого человека, как Торгрим, и не расквитался за его смерть. Вот собирается он в дорогу, и распоряжается по хозяйству, и устраивает свои дела, и думает еще вернуться — за имуществом и женою. Торкель, сын Кислого, тоже решил переехать, и он снарядился в путь вместе с Бёрком, своим зятем.

Рассказывают, что Тордис, дочь Кислого, вышла на дорогу проводить мужа. Тут Бёрк сказал:

— Теперь я хочу, чтобы ты рассказала, отчего ты была так невесела прошлой осенью, когда мы закончили игры: ты ведь обещалась рассказать мне до моего отъезда.

Говоря об этом, они как раз подошли к Торгримову кургану. Тордис стала как вкопанная и говорит, что не пойдет дальше. Тут она и рассказывает, что сказал Гисли, взглянув на курган Торгрима, и говорит ему эту вису.

— И думаю, — говорит она, — что тебе незачем искать убийцу Торгрима в другом месте, и тяжба с ним будет достаточно обоснованна.

Бёрк, услышав это, впадает в страшную ярость и говорит:

— Раз так, я сразу же вернусь и убью Гисли, тут незачем медлить. Но Торкель говорит, что он не может с этим согласиться.

— И я не знаю, — говорит он, — все ли правда в рассказе Тордис, и, по-моему, не менее вероятно, что это все пустое и, как говорится, часто гибельны советы женщин.

Вот едут они Песчаною Дорогой — так посоветовал Торкель — и подъезжают к Песчаному Устью. Там они спешиваются и пускают лошадей попасться. Бёрк все молчал, а Торкель сказал, что он хочет провести своего друга Энунда. И тут же скачет прочь так быстро, что вскоре скрывается из виду. Тут он поворачивает к Холму и рассказывает Гисли, что случилось и что Тордис все поняла и доискалась до смысла виси, «так что имей в виду, что все раскрылось».

Тот молчит, а потом говорит вису:

— Суетно сестрино сердце,
Радю одним нарядам,
Навряд ли ее уподоблю
Бестрепетной Хегни сестре²⁵;
Одна у Скади злата²⁶

*Ум одолела дума,
Смерти предав мужа,
Отмстила за братьев милых.*

И по-моему, я не заслужил от нее этого. Потому что я не раз доказывал, что ее честь была мне не менее дорога, чем моя собственная. Мне случалось рисковать ради нее жизнью, а она предала меня. А теперь я хочу знать, брат, на что я могу рассчитывать от тебя при всем том, что я совершил.

— На мое предупреждение, если люди захотят убить тебя. Но не жди от меня такой помощи, чтобы у них был повод обвинить меня. Ведь мне причинено большое зло: убит Торгрим, мой зять, мой товарищ и близкий друг.

Гисли отвечает:

— Разве не следовало ждать, что такой человек, как Вестейн, не останется неотомщенным? И я не ответил бы тебе так, как ты мне теперь отвечаешь, а уж не поступил бы так и подавно.

На этом они расстаются. Торкель возвращается к Бёрку, они едут на юг к Мысу Тора, и Бёрк устраивается там, а Торкель покупает землю на Крутом Побережье, в месте, что зовется Лощиною.

Вот подходят дни вызовов в суд, и Бёрк с сорока людьми отправляется на север и хочет вызвать Гисли на тинг Мыса Тора²⁷. С ним едут Торкель, сын Кислого, и племянники Бёрка, Тородд и Сака-Стейн. Поехал с ними и один норвежец по имени Торгрим. Вот они подъезжают к Песчаному Устью. Торкель сказал:

— Мне нужно взыскать долг здесь, на одном хуторе, — и назвал хутор. — Я съезжу туда и получу долг. Вы же поезжайте за мной потихоньку.

Вот едет Торкель вперед. И, подъехав к тому самому хутору, он просит хозяйку, чтобы она переменяла ему коня и оставила его коня у двери.

— И набрось на седло кошму. И когда подъедут сюда мои спутники, скажи им, что я, мол, в доме: сижу и считаю серебро.

Вот она дает ему другую лошадь, и он поспешно едет, и приезжает в лес, и видится с Гисли, и рассказывает ему, что затевается и что с запада приехал Бёрк.

XX

Теперь надо рассказать о том, что Бёрк начал тяжбу на тинге Мыса Тора против Гисли, обвинив его в убийстве Торгрима. Тогда же Гисли продал свою землю Торкелю, сыну Эйрика, и взял за нее серебром. Его было у того много.

Гисли просит совета и содействия у своего брата Торкеля и спрашивает, согласен ли тот укрыть его. Торкель отвечает, как и прежде: он, мол, предупредит Гисли в случае, если на него захотят напасть, но постарается не впутаться в это дело. С этим Торкель и уезжает. Он выбирает такой путь, чтобы выехать на дорогу позади Бёрка и его людей, и тем немало их задерживает.

А Гисли запрягает двух волов и едет со своим добром в лес и с ним его раб, Торд Трусоватый. Гисли сказал:

— Ты не раз меня слушался и исполнял мою волю. Я у тебя в долгу.

А было у Гисли в обычае хорошо одеваться и носить синий плащ. Вот он скидывает с себя плащ и говорит:

— Хочу я отдать тебе этот плащ, дружище! И хочу, чтобы ты тут же надел его и в нем ехал, и садись-ка назад в сани, я же поведу волов и буду в твоём плаще.

Они так и делают. Тогда Гисли сказал:

— Если вдруг кто тебя окликнет, самое главное, остерегайся отвечать. А если кто захочет причинить тебе зло, беги в лес.

Вот они меняются одеждой. Теперь Гисли ведет волов. Торд был человек рослый и был издалека виден в санях. Он очень пыжился, думая, что одет великолепно. Вот Бёрк и его люди видят их, как они едут к лесу, и спешат за ними. И, завидев их, выскакивает Торд что есть прыти из саней и пускается в лес. Они думают, что это Гисли, и стремглав бегут за ним, и кричат ему во всю глотку. Но он не откликается и бежит со всех ног. Торгрим Норвежец бросил в него копье, и удар пришелся между лопаток и был такой силы, что Торд упал ничком, смертельно раненный.

Тогда сказал Бёрк:

— Ну спасибо тебе за такой удар!

Братья решили промеж собой, что они поскачут за рабом и поглядят, можно ли что взять с него. И они поворачивают в лес. Теперь надо рассказать, что Бёрк и его люди подходят к человеку в

синем плаще, откидывают с его лица капюшон и видят, что им не так повезло, как они думали: ибо они узнали Торда Трусоватого в том, кого принимали за Гисли.

Вот рассказывают, что братья заезжают в лес, а Гисли там, и он видит их, а они его. Один из них пустил в Гисли копье, но Гисли поймал копье на лету и пустил обратно, и попало копье прямо в Тородда и пронзило его насквозь. И вот Стейн поворачивает к своим сотоварищам и говорит, что, мол, трудно проехать через такую чащобу. Но Бёрк хочет ехать разыскивать Гисли, и они так и делают. И когда они заехали в лес, видит Торгрим Норвежец, что будто шевелятся в одном месте ветки, и он пускает туда копье и попадает Гисли в икру ноги. Гисли посылает копье обратно, и оно пронзает Торгрима, и приходит тому конец. Вот рыщут они по лесу, но так и не находят Гисли. С тем и поворачивают к его двору и объявляют о тяжбе с Гисли по поводу убийства Торгрима. Они ничего не трогают там из имущества и едут потом домой.

А между тем, пока Бёрк и его люди на хуторе, Гисли подымается на гору за хутором и перевязывает себе рану. Когда же они уехали, Гисли идет домой и тотчас собирается в путь. Он снаряжает лодку и переносит на нее множество всякого добра. Едут с ним жена его Ауд и воспитанница Гудрид, и они держат путь к Домовому Мысу и там пристают.

Гисли подымается к хутору и застает там одного человека. Тот спрашивает у Гисли, кто он будет. И Гисли ответил, как ему показалось лучше, а не как это было на самом деле. Гисли взял камень и забросил его на один прибрежный остров и сказал: пусть хозяйский сын, вернувшись домой, попробует так сделать. Тогда-то, мол, и узнают, что за человек побывал у них. А это было никому больше не под силу, и отсюда опять видно, что Гисли превосходил прочих людей своею сноровкой. Потом он возвращается на лодку, и минует мыс, и гребет через весь Орлиный Фьорд и через тот фьорд, что от него отходит: он зовется Фьордом Гейртёва. Там он останавливается и строится и там зимует.

XXI

Дальше вот что. Гисли обращается к своим свойственникам Хельги, Сигурду и Весттейру и просит их поехать на тинг и доби-

ваться мировой, дабы не был он объявлен вне закона. И вот едут на тинг сыновья Бьяртмара, но ничего у них с мировой и выходит, и, как рассказывают, они негоже вели себя там и только что не плакали. Они рассказывают, как обстоят дела, Торкелю Богачу и говорят, что, мол, не смеют сказать Гисли о том, что он объявлен вне закона. На тинге, кроме объявления Гисли вне закона, ничего важного не было. Тогда Торкель Богач едет к Гисли и рассказывает ему, что произошло. И Гисли сказал такую вису:

— Не был бы, верно,
Судей приговор
Столь суровым
На Мысе Тора,
Если бы только
Вестейна сердце
Билось в груди
У сыновей Бьяртмара.

Разом поникли
Женины родичи,
Твердости духа
Им не достало,
Будто бы их,
Дробителей золота²⁸,
Тухлыми яйцами
Кто закидал.

И еще он сказал так:

— Сюда долетели с тинга
Тяжкие вести о тяжбе,
Скорую мне пророчит
Расправу неправый суд.
Сеятель света моря²⁹
Стейну воздаст достойно,
Сполна оплатит владыка
Бранных уборов³⁰ Бёрку.

Вот спрашивает Гисли, может ли он рассчитывать на Торкеля. Тот говорит, что готов предоставить ему свой кров, но с тем условием, что не заплатится за это имуществом. Потом Торкель едет домой. Как рассказывают, Гисли провел три года на Фьорде Гейртьова, а временами жил и у Торкеля, сына Эйрика. А другие три года он ездит по всей Исландии, встречается со знатными людьми и хочет заручиться их поддержкой. Но — виною тому злые чары, которые наслал своим колдовством Торgrim Нос, и его заклятья — знатным людям не суждено прийти на помощь Гисли, и, хотя временами они словно бы и склоняются к этому, всякий раз случается возникнуть какой-нибудь помехе. Все же он подолгу жила у Торкеля, сына Эйрика, и так провел он, вне закона, шесть зим. После этого он живет на Фьорде Гейртьова вместе с Ауд, а иногда в укрытии, которое он устроил себе на северном берегу реки. У него было и другое укрытие — в скалах южнее реки, и он жил то там, то здесь.

XXII

Прослышав об этом, Бёрк выезжает из дому и встречается с Эйольвом Серым, жившим тогда на Орлином Фьорде в Выдрей Долине. И Бёрк хочет, чтобы он разыскал Гисли и убил его, как объявленного вне закона, и сулит ему три сотни чистого серебра, если он не пощадит сил на поиски Гисли. Тот берет серебро и обещает постараться.

У Эйольва был один человек, по имени Хельги, по прозвищу Ищейка. Он был проворен, зорок и знал все окрестности фьордов как свои пять пальцев. Его-то и послал Эйольв к Фьорду Гейртьова дознаться, не там ли прячется Гисли. Хельги замечает там человека, но не знает, Гисли это или кто другой. Он возвращается и рассказывает о виденном Эйольву. Тот говорит, что он, мол, уверен: это Гисли. И, не тратя времени даром, он едет к Фьорду Гейртьова и с ним шесть человек. Но Гисли он там не находит, с тем и возвращается домой.

Гисли был человек мудрый, и у него был большой дар видеть вещие сны. Все сведущие люди сходятся на том, что Гисли прожил вне закона дольше всех, не считая Греттира, сына Асмунда³¹.

Рассказывают, что как-то раз, осенью, Гисли метался во сне. Это было, когда он жил у Ауд, и, когда он проснулся, Ауд спросила его, что ему снилось. Он отвечает:

— Ко мне приходят во сне две женщины. Одна добра ко мне и всегда дает хорошие советы, а другая всегда говорит такое, от чего мне становится еще хуже, чем раньше, и пророчит мне одно дурное. А сейчас снилось мне, будто бы я подошел к какому-то дому и вошел туда. И будто бы я узнал во многих, кто сидел там, своих родичей и друзей. Они сидели возле огней и пировали. И было там семь огней, одни почти догорели, а другие пылали ярко. Тут вошла в дом добрая женщина моих снов и сказала, что те огни означают мою жизнь, какая мне еще осталась. И она дала мне совет оставить, куда я жив, старую веру, не ворожить, и не колдовать, и быть добрым к хромым, и слепым, и тем, кто меня слабее. Вот и весь сон.

Тогда Гисли сказал несколько вис:

— Привиделись мне палаты,
О, пламени волн поле,³²
Там семь костров горело
В ряд, мне беду предрекая.
Друзья, за трапезой сидя,
Встретили речью заздравной
Скальда, слагатель вис
Ответил им словом приветным.

«Глянь, о клен сраженья»³³, —
Фрейя рекла ожерелий³⁴, —
Сколько горит костров
Здесь пред тобою в покое.
Столько зим проживет, —
Биль покрывала сказала, —
Здесь на земле владыка
Браги врагов Тора».

«Питатель орлов»³⁵, слушай, —
Молвила Ловн золота, —
Навеки оставь ведовство,
Скальду волшба не пристала.
Ведомо всем, что негоже
Вязу дротиков лязга³⁶

*Злейшему лиху верить,
Тайным знаниям колдуний.*

*Бойся посеять смуту,
Меч обнажить опрометчиво,
Дурно над слабым глумиться,
О дуб непогоды Одина³⁹.
Будь защитой убогому,
На помощь приди слепому,
Волка волны возникший³⁸,
Следуй завету этому».*

XXIII

Теперь надо рассказать, что Бёрк насаждает на Эйольва, и ему кажется, что тот обманул его ожидания и мало вышло проку от серебра, что он дал ему. Дескать, он, Бёрк, уверился, что Гисли на Фьорде Гейртьова. И он говорит посыльным Эйольва, пусть, мол, ищет Гисли, а не то он сам туда поедет. Эйольв тотчас спохватился и шлет на Фьорд Гейртьова Хельги Ищейку, и на сей раз тот запасается едой и сидит там неделю, выжидая, когда покажется Гисли. И вот однажды он видит Гисли, когда тот выходит из своего укрытия, и узнает его. Не теряя времени, Хельги едет назад, к Эйольву, и рассказывает о том, что разузнал. И вот Эйольв снаряжается из дома, берет с собою восемь человек и едет к Фьорду Гейртьова и заявляется к Ауд. Они не находят там Гисли и разыскивают его по всему лесу, но и там не находят. Они возвращаются на хутор, к Ауд, и Эйольв сулит ей много всякого добра, если она укажет, где Гисли, но ничуть не похоже, чтобы она польстилась на это. Тогда они грозят разделаться с нею, но это и вовсе не помогает, и им ничего не остается, как уехать. И эта их поездка принесла им одни насмешки, и всю осень Эйольв сидит дома.

Но, хоть и не нашли тогда Гисли, все же он смекает, что рано или поздно его схватят, раз Эйольв так близко. И вот Гисли собирается из дому и держит путь к Побережью, дабы встретиться в Лощине со своим братом Торкелем. Он стучится в дверь спальни, где лежит Торкель, и тот выходит и приветствует Гисли.

— Хочу я знать, — сказал Гисли, — пожелаешь ли ты прийти мне на подмогу. На сей раз я жду от тебя настоящей помощи. Мне сейчас приходится худо. И я ведь долго избегал просить тебя.

Торкель отвечает все то же самое и говорит, что не станет помогать ему так, чтобы оказаться впутанным в его дело. Все же он говорит, что, пожалуй, даст ему серебра или лошадь, если они нужны ему, или что другое, о чем уже шла речь раньше.

— Теперь я вижу, — сказал Гисли, — что ты не желаешь помочь мне. Дай мне, раз так, три сотни локтей сукна и утешайся тем, что отныне я не часто буду обращаться к тебе за помощью.

Торкель делает, как тот просил, дает ему сукна и серебра. Гисли говорит, что у него нет выбора. Но он, мол, никогда бы не обошелся так с братом, окажись тот на его месте. И у Гисли тяжело на сердце, когда они расстаются. Теперь он едет к Броду, хутору матери Геста, сына Оддлейва, добирается туда затемно и стучится в двери. Хозяйка идет открыть. Ей не раз доводилось скрывать у себя объявленных вне закона, и у нее было подземелье, выходившее одним концом к реке, а другим — к ее дому. Следы этого подземелья видны и поныне. Торгерд приветливо встречает Гисли:

— Я позволю тебе пожить пока здесь, хоть это, я знаю, и не больше, чем помощь женщины.

Гисли сказал, что он примет ее помощь и добавил, что не так уж отличились мужчины, чтобы женщины не сумели превзойти их. Гисли живет там зиму, и нигде за все время изгнания с ним не обходятся лучше, нежели там.

XXIV

С наступлением весны Гисли возвращается на Фьорд Гейртвова: он больше не мог быть в разлуке со своей женой Ауд — так они любили друг друга. Он прячется там все лето до самой осени. А как становятся ночи длиннее, снова не дают ему покоя сны, и теперь приходит к нему во сне недобрая женщина, и сны снятся все дурные, и однажды он рассказывает Ауд, в ответ на ее вопрос, что ему снилось.

И он сказал вису:

— Скальд в обманных снах
Нанна льна³⁹ посещает,
Иль тетивы испытатель⁴⁰
Старым вовек не станет.
Может отнять у меня
Гна одежды надежду,
Но хорошего сна
Все же лишить не может.

И Гисли говорит, что стала часто приходиться к нему недобрая женщина и все норовит вымазать его кровью и окунуть в кровь. И, по всему видно: она хочет ему зла.

И он сказал еще вису:

— Ждать обречен я снова
Худа от сна дурного.
Нет мне ныне покоя:
Опять побывала со мною,
Ночью мне угрожала
Кровавая Сив покрывала,
Скальда забрызгать рада
Реками ран без пощады.

И еще он сказал:

— Ужели мне слов неостанет,
Чтоб снова, о Сив покрове,
Сон мой тебе поведать
О скорой смерти и скорби.
Мести моей страшитесь,
Смерча мечей владыки,⁴¹
Козни чинили скальду —
Себе изготовили беды!

Но пока все спокойно. Вот Гисли едет к Торгерд и живет у нее вторую зиму. А летом снова приезжает он на Фьорд Гейртюва и остается там до осени. Потом он опять едет к своему брату Торкелю

и стучится к нему в дверь. Торкель не выходит. Тогда Гисли берет палочку, режет на ней руны⁴² и бросает в дом. Торкель видит это, подымает палочку и, взглянув на нее, встает и выходит к Гисли. Он приветствует Гисли и спрашивает, что нового. Тот говорит, что не знает он новостей:

— Я в последний раз пришел к тебе, брат! Хотя теперь помоги мне, как должно. Я же отплачу тебе тем, что больше никогда не приду просить тебя.

Торкель отвечает все то же, что и прежде, предлагает ему лошадь или лодку, но от какой-либо поддержки уклоняется. Гисли согласен взять лодку и просит Торкеля спустить ее на воду. Тот спускает лодку и дает Гисли шесть мер еды и сотню локтей сукна. И Гисли взошел на лодку, а Торкель остался на берегу.

Тогда Гисли сказал:

— Теперь тебе кажется, что ты забрался с ногами в ясли: еще бы, ты приятель многих знатных людей, и ничто тебе сейчас не угрожает. Я же осужден и нажил себе многих врагов, и все же скажу я тебе, что из нас двоих ты будешь убит первым. Теперь мы расстаемся, и хуже, чем бы следовало, и больше не свидимся. И знай, что я бы никогда так с тобой не обошелся.

— Что мне за дело до твоих предсказаний! — сказал Торкель.

На этом они и расстались. Гисли держит путь к Острову Хергиля на Широком Фьорде. Там он снимает с лодки настил, вынимает скамьи, весла и все, что там не было закреплено, перевортывает ее и пускает по волнам вдоль берега И, завидев лодку, люди понимают это так, что, стало быть, Гисли утонул, раз прибило к берегу разбитую лодку, которую он, по всему, взял у своего брата Торкеля. Вот Гисли идет к дому на Острове Хергиля. Там жил человек по имени Ингьяльд, а жену его звали Торгерд. Ингьяльд доводился Гисли двоюродным братом, и он приехал в Исландию вместе с Гисли. И, встретившись с Гисли, он предлагает ему свой кров и любую помощь, на которую он только способен. Гисли соглашается, и некоторое время после этого все спокойно.

XXV

У Ингьяльд был раб и служанка. Раба звали Черный, а служанку Ботхильд. Сына Ингьяльда звали Хельги. Он был слабоумный, са-

мый что ни на есть придурок. С ним вот как поступали: привязывали на шею просверленный камень и пускали щипать у дома траву, все равно как скотину. Его называли Ингьяльд дурень. Он был очень рослый, прямо великан. Гисли живет там зиму и строит Ингьяльду лодку и много всего другого. И все, что он ни делал, было на славу, ибо он был умелец, каких мало. Люди дивились тому, что многое у Ингьяльда так хорошо сделано, ибо сам он не был искусным мастером.

Каждое лето Гисли проводит на Фьорде Гейртюва. Так проходят три года с того времени, как он видел вещий сон, и ему большое подспорье все то, что делает для него Ингьяльд. А людям кажется, что тут что-то не так, и они думают, что Гисли, верно, жив и скрывается у Ингьяльда, а вовсе не утонул, как говорили прежде. Ходят теперь среди людей толки, что вот у Ингьяльда три лодки, и все хорошо построены. Доходят эти слухи до ушей Эйольва Серого, и кому снова ехать, как не Хельги. Вот Хельги приезжает на остров Хергиля. А Гисли всегда в подземелье, когда на остров приезжают люди. Ингьяльд был гостеприимный хозяин, и он оставил Хельги ночевать, и тот провел там ночь. Ингьяльд был человек работающий. Каждый день, если только позволяла погода, он выходил в море. И наутро, собравшись рыбачить, Ингьяльд спрашивает у Хельги, разве тому не к спеху ехать и почему он лежит. Хельги сказал, что ему нездоровится и стал тяжело вздыхать и потирать себе голову. Тогда Ингьяльд посоветовал ему лежать как можно спокойнее, сам ушел в море, а Хельги принялся громко стонать. И вот, как рассказывают, Торгред собирается в подземелье, чтобы дать Гисли поесть. А между стряпной и покоем, где лежит Хельги, была дощатая перегородка. Торгерд выходит из стряпной, а Хельги залезает на перегородку и видит, что там кому-то готовят еду. И тут как раз возвращается Торгерд. Хельги второпях повернулся и упал с перегородки. Торгерд спрашивает, что это он, вместо того чтобы лежать спокойно, лазает по стене. Он отвечает, что так обезумел от ломоты в костях, что ему невозможно лежать спокойно.

— И хочу, — говорит, — чтобы ты проводила меня до постели.

Она делает, как он просил, а потом выходит с едою. А Хельги тут же подымается, идет следом и все видит. Тогда он идет назад, ложится в постель и проводит там весь день. Ингьяльд возвращается к

вечеру домой, идет к постели, где лежит Хельги, и спрашивает, не полетчало ли ему. Тот говорит, что и верно ему лучше, и просит, чтобы утром его перевезли с острова. И его отвозят на юг, на остров Плоский. Оттуда он едет дальше на юг, к Мысу Тора, и рассказывает, что он удостоверился в том, что Гисли у Ингьяльда. Затем Бёрк снаряжается из дому, а всего едет пятнадцать человек. Они садятся на лодку и плывут через Широкий Фьорд на север. В тот день Ингьяльд поплыл в море и с ним Гисли, а раб со служанкою на другой лодке, и они встали у островов, что зовутся Блюдными.

XXVI

Вот видит Ингьяльд, что с юга плывет лодка, и говорит:

— Вот плывет лодка, и наверно, это Бёрк Толстяк.

— Что же теперь предпринять? — сказал Гисли. — Хотел бы я знать, столько ли у тебя ума, сколько храбрости.

— Мне ясно, что надо делать, — сказал Ингьяльд, — хоть я и не мудрец. Наляжем-ка на весла и поплывем к острову, а там поднимемся на скалу Грузило и будем обороняться, покуда стоим на ногах.

— Я того и ждал, — сказал Гисли, — что твое мужество подскажет тебе именно такое решение. Но я отплачу тебе за твою помощь хуже, чем думал, ежели ради меня тебе придется расстаться с жизнью. Этому не бывать, нужно поступить иначе. Вы с рабом гребите к острову и взберитесь на скалу и готовьтесь к защите. Тогда они, выплыв из-за мыса, примут меня за одного из вас. Я же поменяюсь с рабом одеждою, как мне приходилось однажды, и сяду в лодку с Ботхильд.

Ингьяльд сделал, как посоветовал Гисли. И когда они расстались, Ботхильд спросила:

— Что же теперь предпринять?

Гисли сказал вису:

— Должен, о поле опалов,⁴³
Скальд искать разлуки
С Ингьяльдом. Воин, покамест
Весел, слагает висы.
Но встретит судьбы удары

*Тополь сражений⁴⁴ стойко,
Слез не прольет он, о бедная
Липа огня приливов.*

Вот плывут они на юг навстречу Бёрку и держатся как ни в чем не бывало. Тогда Гисли распоряжается, как им вести себя дальше.

— Ты скажешь, — говорит, — что у тебя в лодке дурень. Я же сяду на носу и буду ему подражать. Опутаюсь леской, стану перевешиваться за борт и вести себя так по-дурачки, как только сумею. А когда мы с ними разминемся, я приналягу на весла и сделаю все возможное, чтобы нам поскорее уйти от них.

И вот Ботхильд гребет навстречу Бёрку и его людям, но все же в некотором отдаленье от них и делает вид, что направляется рыбачить. Бёрк ее окликает и спрашивает, нет ли на острове Гисли.

— Этого я не знаю, — говорит она. — Знаю только, что есть там человек, который очень выделяется среди других людей на острове и ростом своим, и сноровкою.

— Вот как! — говорит Бёрк. — А что, дома ли хозяин?

— Он уже давно как поехал к острову, — сказала Ботхильд, — а с ним, как я подумала, его раб.

— Навряд ли это так, — сказал Бёрк. — Это, верно, был Гисли. Едем быстрее за ними. Ключула теперь рыбка. Только бы ее на борт вытащить.

А люди его сказали:

— Смех смотреть на этого дурня. Чего он только не вытворяет!

Они сказали Ботхильд, что худо ее дело, раз ей приходится сопровождать такого дурня.

— И я так думаю, — говорит она, — да только вам, как погляжу, это один смех, и мало вы обо мне печалитесь.

— Что нам до этого дурня, — сказал Бёрк, — едем скорее!

Вот они разминулись, и Бёрк со своими гребут к острову, и сходят на берег, и видят теперь людей на скале Грузило, и поворачивают туда, предвкушая удачу. А те двое, Ингьяльд и раб, стоят на вершине скалы. Бёрк вскоре узнал их и сказал Ингьяльду:

— Мой тебе совет, выдай нам Гисли или, на худой конец, укажи, где он. И какой ты, однако ж, мерзавец, что, живя на моей земле, укрываешь у себя убийцу моего брата. Ты заслуживаешь, чтобы я с тобою разделался, и, по справедливости, тебя стоило бы убить.

Ингьяльд отвечает:

— У меня бедная одежда, и мне все равно, успею ли я ее сносить. Но я скорее расстанусь с жизнью, чем оставлю Гисли в беде и выдам его.

Как рассказывают, Ингьяльд выручил Гисли, как никто, и его помощь очень пригодилась Гисли. Говорят, что, творя чары, Торgrim Нос сделал так, что никакая помощь, оказанная Гисли на материке, не могла спасти его. Того не подумал Торgrim, однако, чтобы помянуть острова, и потому Гисли удалось еще сколько-то продержаться, хотя, как судила судьба, и недолго.

XXVII

Бёрк думает, что не годится нападать на Ингьяльда, который живет на его земле. И вот они поворачивают оттуда ко двору и ищут Гисли там, но, как и надо было жать, не находят. И рыщут они по всему острову, и забредают в одну лощинку. Там лежал дурень и щипал траву с камнем на шее. Вот Бёрк и говорит:

— Много рассказывают об Ингьяльдовом придурке, и это понятно, он попадает на глаза чаще, чем я ожидал. Все ясно: мы так оплошали, что дальше некуда. Не знаю, когда мы теперь поправим дело. Ведь это не иначе как Гисли был тогда в лодке рядом с нами и выдавал себя за дурака. И не стыдно ли, если нас столько, а мы его упустим. Поспешим же за ним и не дадим ему на сей раз уйти.

Тогда они бегут к лодке и пускаются следом за теми и гребут, не жалея сил. И им видно, что Гисли со служанкою уже далеко в проливе между островами. И вот те и другие приналегли на весла, но быстрее плывет та лодка, где больше гребцов, и под конец Бёрк уже настолько к ним приблизился, что был от них на расстоянии полета копья, когда они подошли к берегу.

Тут Гисли заговорил со служанкой:

— Теперь нам надо расстаться, и вот тебе золотое кольцо, отдай его Ингьяльду, а другое кольцо отдай его жене, да скажи им, пусть отпустят тебя на волю и пусть эти кольца будут подтверждением моих слов. Я хочу, чтобы дали волю и Черному. Тебя, конечно, можно назвать моею спасительницей, и я хочу, чтобы был тебе от этого прок.

Вот они расстаются, и Гисли выскакивает на берег и скрывается в ущелье между скалами, было это на Пастушьем Мысу. Служанка же пустилась прочь, вся в поту, так что пар от нее шел.

А Бёрк со своими подгребает к берегу, и Сака-Стейн первым прыгает из лодки и гонится за Гисли. И вот он лезет в ущелье, а Гисли стоит там с мечом наготове и обрушивает удар ему на голову и разрубает по самые плечи, так что тот падает наземь мертвый.

Бёрк со своими выходит на остров, а Гисли бросается в пролив и плывет к материку. Бёрк посылает ему вдогонку копье, и оно вонзилось ему в икру ноги и прошло насквозь, и рана была очень велика. Гисли выдергивает копье, но упускает меч: он так обессилел, что не мог его удержать.

Уже совсем смерклось, когда он добрался до земли. Он бежит в лес, а тогда там кругом был лес. А Бёрк и его люди пристают к земле и разыскивают Гисли и окружают его. Гисли же так устал и изнемог, что насилиу идет, и он видит, что со всех сторон люди. Вот ищет он выхода, и спускается к морю, и идет впотьмах, пользуясь отливом, по осушному берегу к кургану, и застает там одного человека по имени Рэв. Этот Рэв был хитрейший человек. Он приветствует Гисли и спрашивает, что нового. Тот рассказывает обо всем, что вышло у них с Бёрком. У Рэва была жена, по имени Альвдис, женщина собою красивая, но уж такая сварливая, суцая ведьма. Они с Рэвом были под стать друг другу. И, рассказав обо всем Рэву, Гисли просит его о помощи.

— Они вот-вот здесь будут, — сказал Гисли, — дело мое плохо, и некому помочь мне.

— С одним условием, — сказал Рэв. — Я один буду решать, как поступить, чтобы помочь тебе, ты же ни во что не вмешивайся.

— Я согласен, — сказал Гисли, — я больше и шагу не сделаю.

— Тогда ступай в дом, — сказал Рэв.

Вот зашли они в дом, и Рэв сказал Альвдис:

— Я собираюсь положить к тебе в постель другого мужчину.

И он снимает все с постели и велит Гисли лечь в солому и снова стелет поверх него, а сверху ложится Альвдис.

— Лежи там, — сказал Рэв, — что бы ни было.

А жене своей Альвдис он наказывает быть как можно сварливее и буйствовать, как только она может.

— И бранись сколько влезет, — говорит, — болтай все, что придет в голову, сквернословь и ругайся. Я же выйду и поговорю с ними, как сочту нужным.

И вот, выйдя во второй раз, видит он: идут люди, спутники Бёрка, всего восемь человек. Сам Бёрк остался позади, у Водопадной Реки. Этим же было велено идти к Рэву на поиски Гисли и захватить его, если он там. А Рэв стоит у дома и спрашивает, что нового.

— Мы можем рассказать только то, что, верно, для тебя не новость. А не знаешь ли ты часом, куда направился Гисли? — говорят они. — Не сюда ли он зашел?

— Первое, что скажу вам, — говорит Рэв, — сюда он не приходил. Но если бы и попытался, ему бы здесь не поздоровилось. Не знаю, поверите вы или нет, если я скажу, что я не уступлю никому из вас в желании убить Гисли. У меня ведь хватает ума понять, что немалая выгода заслужить доверие такого человека как Бёрк. А я хочу стать его другом.

Они спрашивают:

— Ты не взъешишь, если мы обыщем твой дом?

— Пожалуйста, — сказал Рэв, — я буду только рад этому. Я ведь знаю, что если вы удостоверитесь, что его здесь нет, то тем увереннее будете искать его в других местах. Заходите же да ищите и ничего не пропускайте.

Они заходят в дом. И когда Альвдис слышала весь этот шум, она спрашивает, что там за гам и что за болваны не дают людям покоя посреди ночи. Рэв велел ей утихомириться, но она не скупится на ругательства. Она осыпает их такую бранью, что они надолго запомнят. Они все же обыскивают дом, но намного хуже, чем могли бы, если бы не поносила их хозяйка. Потом они уходят, так ничего и не найдя, и желают хозяину счастливо оставаться, а он желает им счастливого пути. Они возвращаются к Бёрку, очень недовольные всей этой поездкой: и человека потеряли, и опозорились, а все без толку.

Вот разносятся эти вести по округе, и люди находят, что все их неудачи с Гисли одна другой позорнее. Бёрк отправляется домой и рассказывает Эйольву, как обстоят дела. Гисли же проводит у Рэва две недели, а потом уезжает, и они расстаются с Рэвом друзьями. Гисли дарит ему нож и пояс, хорошие вещи. Больше ничего у него с

собою не было. После этого Гисли едет на Фьорд Гейртюва к своей жене. Его новый подвиг еще больше упрочил его славу. И правду говорят, не родился еще человек столь умелый, как Гисли, и столь бесстрашный. Но не было ему счастья.

XXVIII

Теперь надо рассказать о том, что весною Бёрк в сопровождении многих людей едет на тинг Трескового Фьорда⁴⁵ и думает повидаться там со своими друзьями. С запада, с Крутого Побережья, едут Гест и Торкель, сын Кислого, каждый на своем корабле. И вот когда Гест уже совсем было собрался в путь, приходят к нему двое парнишек, одетые и с посохами в руках. От людей не укрылось, что Гест беседовал с мальчиками наедине, и не укрылось, что они попросились к нему на корабль и он взял их. Вот плывут они с Гестом на тинг. А там выходят на берег и идут, куда ведет их дорога, пока не приходят на тинг Трескового Фьорда.

Был человек по имени Халльбьёрн Колпак. Он был бродяга: ходил с места на место, и с ним не меньше чем десять или двенадцать человек. Все же и он устроил себе землянку на тинге. Туда-то и приходят мальчики, и просятся к нему в землянку, и сказываются бродягами. Он говорит, что готов пустить к себе любого, кто его об этом попросит.

— Я уже не первую весну бываю здесь, — сказал он, — и я знаю всех знатных и влиятельных людей.

Мальчики говорят, что они хотели бы заручиться его покровительством и набраться у него ума-разума.

— Нам очень любопытно поглядеть на могущественных людей, о которых столько рассказывают.

Халльбьёрн говорит, что надо спуститься к берегу и он, мол, тотчас узнает любой корабль из тех, что будут подходить к берегу, и расскажет им, чей это корабль. Они благодарят его за такую доброту. Вот они спускаются к берегу, к самому морю, и видят: подходят корабли.

Старший мальчик сказал:

— Чей это корабль, что сейчас ближе всех к берегу?

Халльбьёрн сказал, что это корабль Бёрка Толстяка.

— А кто плывет на следующем?

— Гест Мудрый, — ответил тот.

— А кто такие плывут теперь и ставят корабль у вершины фьорда?

— Это Торкель, сын Кислого, — ответил тот.

И вот видят они, что Торкель сходит на берег и садится неподалеку, а люди его тем временем сносят с корабля груз, чтобы его не подмочило. Бёрк же покрывает землянку.

На Торкеле русская меховая шапка и серый плащ, скрепленный у плеча золотою пряжкой, а в руке меч. Тогда Халльбьёрн с мальчиками подходят туда, где сидит Торкель. Вот заводит разговор один из мальчиков, тот, что постарше, и говорит:

— Что это за знатный человек сидит здесь? Не видывал я человека собой красивее и благороднее.

Торкель отвечает:

— Спасибо на добром слове. Меня зовут Торкель.

Мальчик сказал:

— Верно, нет цены тому мечу, что у тебя в руках. Не дашь ли ты мне взглянуть на него?

Торкель отвечает:

— Странная это просьба, но, пожалуй, я дам тебе взглянуть.

И протягивает ему меч. Мальчик взял меч, отступил немного, развязал завязки на ножнах⁴⁶ и обнажил меч. Увидев это, Торкель сказал:

— Я ведь не разрешал тебе обнажать меч.

— А я и не просил у тебя разрешения! — сказал мальчик.

И он заносит меч и рубит Торкеля по шее так, что слетела с плеч голова. И как только это произошло, Халльбьёрн-бродяга вскакивает на ноги, а мальчик бросает наземь окровавленный меч, хватается свой посох, и бегут они оба с Халльбьёрном и его людьми. Бродяги насмерть перепугались. Вот они пробегают мимо землянки, которую покрывал Бёрк. А около Торкеля собирается толпа, и людям невдомек, чьих рук это дело. Бёрк спрашивает, что значит весь этот шум и гам подле Торкеля. А Халльбьёрн и бродяги как раз пробежали мимо его землянки, — всего их было пятнадцать человек, — и когда Бёрк спросил это, отвечает ему младший мальчик по имени Хельги (того же, кто совершил убийство, звали Берг):

— Не знаю, что они там обсуждают. Но думаю, что они спорят о том, остались ли после Вестейна одни только дочери или был у него еще и сын.

Халльбьёрн бежит в свою землянку, а мальчики — в соседний лес, так их и не нашли.

XXIX

Вот люди бегут к землянке Халльбьёрна и спрашивают, что это все значит. Бродяги и рассказывают, что, мол, пристали к ним двое парнишек, но, говорят, что все это было для них как гром среди ясного неба. Они, мол, знать не знают, кто такие эти мальчики. Все же они рассказывают, как те выглядели и какие вели разговоры. Бёрк судит по словам, что сказал Хельги, что это, верно, сыновья Вестейна. И он идет затем к Гесту и держит с ним совет, как теперь поступить. Бёрк сказал:

— Кому как не мне надлежит начать тяжбу об убийстве моего шурина Торкеля. Кажется нам, что не так уж невероятно, что это и впрямь дело рук сыновей Вестейна, ибо, насколько мы знаем, ни у кого, кроме них, не было причины для распри с Торкелем. И может статься, что на сей раз они ускользнули. Дай же совет, как приступить к этой тяжбе.

Гест отвечает:

— Если бы я совершил это убийство, мне бы казалось разумным прибегнуть к такому способу, чтобы расстроить начатую против меня тяжбу: я бы назвался чужим именем.

И Гест всячески отговаривает Бёрка от тяжбы. Все считали, что Гест не иначе как был в сговоре с мальчиками, ибо он доводился им родичем⁴⁷. Так Бёрк и отступает, и ничего из тяжбы не выходит. А Торкеля схоронили по старому обычаю, и люди разъезжаются с тинга по домам. Больше на этом тинге ничего важного не случилось. Сильно не по душе Бёрку эта поездка, хоть он уже и привык к подобному. И этот случай обернулся для него одним стыдом и позором.

А мальчики идут, пока не добираются до Фьорда Гейртъова. и десять ночей они проводят под открытым небом. Они приходят к Ауд, а Гисли как раз был там. Они приходят ночью и стучатся в

двери. Ауд открывает им, и приветствует их, и спрашивает, что нового. Гисли же лежал в постели в подземелье, и, когда ему грозила опасность, Ауд нарочно повышала голос. Вот мальчики рассказывают ей об убийстве Торкеля и как они ухитрились сделать это. Говорят они ей и о том, как долго они ничего не ели.

— Я пошлю вас, — сказала Ауд, — за горы, во Мшистую Долину, к сыновьям Бьяртмара. И дам вам еды, и с вами будет от меня знак, по которому они как-нибудь вас укроют. И делаю я это потому, что не хочу вынуждать Гисли оказывать вам помощь.

Вот мальчики уходят в такой лес, где их не могут найти, и едят, ибо они давно уже ничего не ели, а насытившись, ложатся спать, ибо их очень клонило ко сну.

XXX

Теперь надо рассказать, что Ауд идет к Гисли и говорит:

— Мне очень важно знать, как ты на это посмотришь и выполнишь ли ты мою просьбу, хоть я и не имею права просить тебя об этом.

Он соглашается ее выслушать и говорит:

— Знаю, что ты собираешься рассказать мне про убийство моего брата Торкеля.

— Так оно и есть, — сказала Ауд, — и мальчики пришли сюда и хотят, чтобы вы с ними теперь помогали друг другу, и, по их словам, им не на что больше надеяться.

Он отвечает:

— Не снесу я такого, чтобы видеть убийц моего брата и быть заодно с ними.

И он вскакивает на ноги и хочет выхватить меч. И он сказал вису:

— Острой льдине сражений⁴⁸
Должно покинуть ножны,
Действовать срок наступил
Родичу рода людского.
Ведомо все, что случилось,

*Властителю ратной стали,
Мстя за убийство брата,
Гисли погибнет с честью.*

Тогда Ауд сказала, отступив в сторону:

— У меня хватило ума не искушать судьбу и не оставлять их здесь.

Гисли сказал, что так оно всего лучше, чтобы им не встречаться. И он быстро успокаивается, и все идет пока без перемен.

Рассказывают, что ему осталось теперь прожить не более двух лет из тех, о которых говорила женщина его снов. И к концу того срока, что Гисли оставался на Фьорде Гейртюва, снова возвращаются его сны, и это все тяжелые сны. Теперь всегда приходит к нему недобрая женщина, и лишь изредка добрая. И вот однажды ночью снится Гисли, что пришла к нему добрая женщина. Она явилась на сером коне и позвала с собою, в свое жилище, и он согласился. И вот они приезжают к дому, больше похожему на палаты, и она ведет его в тот дом. И казалось ему, что всюду там на скамьях подушки и все так хорошо убрано. она пригласила его пожить там и отдохнуть.

— И ты приедешь сюда, — сказала она, — когда умрешь, и будешь жить здесь в довольстве и счастье.

Тут он просыпается, и он сложил несколько вис о том, что ему снилось.

*— Дева на сером коне
Скакала со скальдом рядом,
Ласковой Хлёкк покрывала¹⁹
Была к дробителю злата.
Бражного рога хозяйка
Речами меня врачевала,
Слов не забыть мне Фуллы
Света тверди тюленей.*

*Меня отдохнуть усадила
Дивная диса нарядов.
Ласка ее и заботы
Скальду запали в память.*

*Потом увела за собою
Создателя драп к перинам,
Вовеки не видывал воин
Ложа пышнее и глаже.*

*«Вечно секир сокрушитель
В этом чертоге пребудет, —
Так ветла ожерелий
Строф творцу говорила, —
Всем, что ни видишь, один
Будешь владеть безраздельно,
Вечную радость изведает
С Идунн нарядов рядом».*

XXXI

Рассказывают, что однажды Хельги снова послали выслеживать Гисли на Фьорд Гейртюва. Люди считали, что Гисли, вернее всего, там. С Хельги едет человек по имени Хавард. Он приехал в Исландию годом раньше и был родичем Геста, сына Оддлейва. Их послали в лес срубить бревен на постройку. Но это было для отвода глаз, а на самом деле им было велено разыскать Гисли и разведать, где он скрывается. И вот однажды вечером видят они костер в скалах южнее реки. Солнце тогда уже село, и была непроглядная темень. Хавард спрашивает у Хельги, как им поступить.

— Ведь ты, — говорит, — куда опытнее меня в таких делах.

— Тут можно сделать только одно, — говорит Хельги. — Надо сложить каменную горку здесь, на холме, где мы стоим. И, когда рассветет, ее легко будет найти. И оттуда, от горки, будут видны эти скалы, благо они недалеко.

Они так и делают. И когда горка была почти готова, Хавард сказал, что его одолевает сон, ни о чем другом, мол, не может и думать. Он засыпает. А Хельги не спит и достраивает горку. И когда он все уже кончил, просыпается Хавард и предлагает Хельги поспать, а он, мол, посторожит. И вот Хельги спит. А тем временем Хавард берется за дело и под покровом ночи разбрасывает всю эту горку по камешку. А после этого берет он большой камень и бросает его со всего

маху о скалу, у самой головы Хельги, так что вздрогнула вся земля. Хельги мигом вскочил, вне себя от страха, и спросил, что такое случилось.

Хавард сказал:

— В лесу кто-то есть, и это уже не первый камень за ночь.

— Это не иначе как Гисли, — говорит Хельги. — Он, верно, проведал, что мы здесь. И будь уверен, дружище, — говорит, — ежели такой камень попадет в нас, то уж нам несдобровать. Делать нечего, надо отсюда убираться, да поскорее.

И вот Хельги пускается наутек, а Хавард идет следом и просит не убегать от него. Но Хельги не обращал на эти слова никакого внимания и бежал со всех ног. И добегают они наконец до лодки, мигом хватаются за весла и гребут, не жалея сил. Так плывут они без передышки, пока не возвращаются к себе в Выдрюю Долину, и Хельги говорит, что он дознался, где прячется Гисли.

Эйольв, не трата времени даром, собирается в путь и берет с собою одиннадцать человек. Едут с ним и Хельги с Хавардом. Они едут до самого Фьорда Гейртёва и рыщут по всему лесу в поисках каменной горки и укрытия Гисли, но так ничего и не находят. Вот Эйольв спрашивает у Хаварда, где они сложили горку. Тот отвечает:

— Откуда мне знать. Я ведь был совсем сонный и мало что кругом себя видел, да к тому же это Хельги сложил горку, пока я спал. Не удивлюсь, если Гисли нас заметил и, как только рассвело и мы уехали, разбросал всю горку.

Тогда Эйольв сказал:

— Нет нам удачи в этом деле, придется поворачивать назад.

Так они и делают. Но Эйольв говорит, что сперва он хочет повидаться с Ауд. Вот приходят они на двор и идут в дом, и снова Эйольв заводит с Ауд разговор. Он говорит так:

— Я хочу заключить с тобою сделку, Ауд. Ты укажешь мне, где Гисли, а я дам тебе за это три сотни серебра, положенные мне за его голову. Тебя не будет при том, как мы его убьем. Кроме того, я устрою тебе брак, который во всем будет лучше этого. Подумай-ка сама, — говорит, — как неудачно для тебя сложилось, что ты обречена жить на этом пустынном фьорде, и все из-за злосчастного Гисли, и никогда не видеть своих близких.

Она отвечает:

— Не бывать тому, чтобы ты убедил меня, будто можешь устроить мне брак, который сравнился бы с этим. Но, видно, правду говорят: скрасит серебро вдовью долю. Дай-ка мне взглянуть, вправду ли так полновесно и хорошо то серебро, как ты говоришь.

Эйольв высыпает серебро ей на колени, и она запускает в него руку, он же так и сяк ее уговаривает. Воспитанница ее Гудрид начинает плакать.

XXXII

Потом Гудрит выходит и идет прямо к Гисли и говорит ему:

— Моя приемная мать совсем обезумела и хочет тебя выдать.

Гисли сказал:

— Успокойся, ибо мне суждено умереть не оттого, что меня погубит Ауд.

И он сказал вису:

— *Молвят, что липа пламени
Земли оленя заливов⁵⁰
Ныне лелеет, стройная,
Злобные думы о муже.
Но знаю, сидит в печали,
Льет безутешные слезы
Фулла ложа дракона.
Пожному слову не верю.*

После этого девушка идет домой и не говорит, куда ходила. А Эйольв уже пересчитал серебро, и Ауд сказала:

— Серебро ничуть не хуже и не менее полновесно, чем ты говорил. И ты, верно, не откажешь мне в праве распорядиться им, как я пожелаю.

Эйвольв рад согласиться и говорит, что, конечно, она вольна делать с ним все, что вздумает.

Тогда Ауд берет серебро и кладет его в большой кошель. Потом она встает и швыряет кошель с серебром прямо в нос Эйольву, да так, что его всего забрызгало кровью. И она сказала:

— Вот тебе за твое легковерие и получай все несчастья в придачу! Нечего тебе было ждать, что я выдам моего мужа в твои руки, мерзавец! Вот тебе! И пусть падут стыд и срам на твою голову! Будешь помнить, покуда жив, презренный, что тебя побила женщина. И не бывать по-твоему, ничего не добьешься!

Тут Эйольв сказал:

— Держите собаку и убейте ее, хоть она и сука!

Тогда Хавард сказал:

— Уже и так, без этой подлости, все у нас складывается из рук вон плохо. Вставайте же и не дайте ему это сделать.

Эйольв сказал:

— Видно, правду в старину говорили: пришла ко мне беда, да с моего двора.

Хаварда любили, и многие были готовы помочь ему и притом уберечь Эйольва от несчастья. И Эйольву ничего не остается, как примириться со своим позором. С тем он и уезжает. Но прежде чем Хавард вышел, Ауд говорит ему:

— Гисли перед тобой в долгу, а долг платежом красен. Вот тебе золотой перстень. Я хочу, чтобы ты взял его.

— Я не хотел бы с вас взыскивать, — говорит Хавард.

— Все же я желаю уплатить, — говорит Ауд.

На самом деле она дала ему перстень за его поддержку. Сел Хавард на коня и едет на юг к Крутому Побережью, к Гесту, сыну Оддлейва, и не хочет больше оставаться с Эйольвом.

Эйольв возвращается к себе в Выдрюю Долину и очень недоволен своей поездкой. А уж людям эта поездка казалась и подавно позорной.

XXXIII

Так проходит лето, а Гисли все сидит настороже в своем подземелье, и на сей раз он не собирается уезжать. Он думает, что теперь уже не на что надеяться и прошли все те годы, о которых был ему сон. Вот как-то летом Гисли мечется ночью во сне. Когда он проснулся, Ауд спросила, что ему снилось. Он говорит, что теперь явилась ему во сне недобрая женщина и сказала так:

— Теперь я расстрою все то, что говорила тебе добрая женщина. И я позабочусь о том, что не будет тебе проку от того, что она обещала.

Тогда Гисли сказал вису:

— *«Вместе вам не жить, —
Хозяйка меда промолвила, —
Бог вас обрек на другое:
Яду изведайте радости!
В путь далекий пошлет
Скальда владыка людей,
В мир иной снарядит
Одного из родного дома».*

— Еще мне снилось, — сказал Гисли, — что пришла ко мне та женщина и надела мне на голову кровавый колпак, а до того окунула мне голову в кровь и забрызгала меня с ног до головы, так что я был весь в крови.

Гисли сказал вису:

— *Мнилось мне, Гна монет⁵¹
Пены мечей⁵² зачерпнула,
Стала изморось ран
Лить на волосы воину.
Дланью своей богиня
Лавы тропы соколиной
Скальду скалу шелом⁵³
Ручьями мечей омочила.*

И еще он сказал так:

— *Снилось мне, Хильд — владычица
Волн побоища⁵⁴ воину
На ржаное жнивье затылка⁵⁵
Алый колпак надела.
Были от крови рдяны
Руки у Фрейи кружев.
Но тут меня ото сна
Нанна льна пробудила.*

И сны до того теперь одолевали Гисли, что он стал бояться темноты и даже не смел оставаться один. Только лишь закроет глаза, мерещится ему все та же женщина. Однажды ночью Гисли спал особенно беспокойно. Ауд спросила, что ему привиделось.

— Снилось мне, — говорит Гисли, — что явились к нам люди. И это был Эйвольв, а с ним множество других. И мы сошлись, и я знал, что была у меня с ними схватка. Вперед бросился один из них со страшным воем, и я будто разрубил его пополам. И почудилось мне, будто голова у него волчья. Тут напали на меня всем скопом. А в руках у меня будто был щит, и я долго отбивался.

Тогда Гисли сказал вису:

— Чудилось мне, сюда
Рано враги нагрянули.
Бился я храбро и рьяно,
Но были неравными силы.
Скальда красная кровь
Руки твои обагрила.
Я приготовил из трупов
На радость воронам трапезу.

И еще он сказал:

— Напрасно надеялись недруги
Сразу со мною расправиться,
Тщетно рубили мечами —
Щит был защитой воину.
Гибель мне принесли —
Числом пересилили скальда,
Но я сражался без усталости.
Бесстрашно бился с врагами.

И еще он сказал:

— Ранен я был, но раньше
Сразил утешителя ворона.⁵⁶
Накормлены пищею Мунина⁵⁷

*Были коришуны крови.⁵⁸
Острый клинок разрубил
Бедро у дробителя гривен.⁵⁹
Наземь врага повергнув,
Славу герой упрочил.*

Вот идет к концу лето, а снов у Гисли не только не меньше, но, пожалуй, и больше. Как-то раз Гисли снова метался ночью во сне, и Ауд спросила, что ему привиделось. Гисли сказал вису:

*— Снова все тот же сон
Снится мне, Снотра злата.⁶⁰
Видел я: ран водопадъ⁶¹
Вкруг меня низвергались.
Я обагрил оружие,
Отражая вражьи удары.
Теперь ожидаю без страха
Скорого града дротов.*

И он сказал еще вису:

*— Видел я сон: владыка
Льдины луны лады⁶²
Мне окровавил плечи,
О Гна огня океана.⁶³
Скальд осужден расстаться
С жизнью и с милой женою,
Но смерть положит предел
Годам невзгод и печалей.*

И еще он сказал:

*— Видел я сон: властитель
Пламени влаги сечи⁶⁴
Палицей ратной рубашки⁶⁵
Тяжко меня изранил.
Обе руки отрублены*

*Напрочь у Бальдра брани,
Шлема основу⁶⁶ разрезал
Меч по самые плечи.*

И он сказал еще вису:

*— Видел я сон: стояла
Сьёвн монет надо мною,
Были влажны ресницы
Ньёрун камней благородной,
Раны мои обмывала
Хлин пожара приливов.
Кто сновиденья такого
Смысл понять не сумеет!*

XXXIV

Гисли проводит все лето дома, и пока все спокойно. Потом наступает последняя ночь лета. Как рассказывают, Гисли не мог уснуть, и никто не спал. А погода стояла такая: было очень тихо, и выпал очень сильный иней. Гисли говорит, что ему хочется уйти из дому в свое укрытие к югу в скалах и попытаться там уснуть. Вот идут они все трое, и женщины в длинной одежде, и одежда оставляет следы на заиндевелой земле. Гисли держит палочку и режет руны, и стружки падают на землю.

Они приходят к укрытию. Гисли ложится и пробует заснуть, а женщины сторожат. Тут погружается он в сон, и снится ему, что в дом залетели какие-то птицы и истступленно бьются. Они были крупнее белых куропаток и зловеще кричали и барахтались в крови. Тогда Ауд спросила, что ему снилось.

— И на сей раз не были хорошими мои сны.

Гисли сказал вису:

*— Странные слышатся звуки
От крова у крови земли, —
Снова сплетатель песен*

*С Нанною льна в разлуке, —
Это две куропатки
В схватке кровавой бьются.
Знаю, нагрянет скоро
Ссора костров Одина.⁶⁸*

И только Гисли сказал вису, слышат они голоса. Это пришел Эйольв и с ним четырнадцать человек. Они уже побывали в доме и видели следы, которые как бы указывали им путь. Завидев людей, Гисли и женщины забираются на скалу, туда, где им лучше будет обороняться. У женщин в руках по дубинке. Эйольв со своими подходят снизу. Эйольв сказал Гисли:

— Мой тебе совет, больше не убегай, чтобы не приходилось гоняться за тобою, как за трусом. Ведь ты слынешь большим храбрым. Давно мы с тобой не встречались, и хотелось бы, чтобы эта встреча была последней.

Гисли отвечает:

— Нападай же на меня, как подобает мужу, ибо я больше не побегу, и твой долг напасть на меня первым, ведь у тебя со мною больше счетов, нежели у твоих людей.

— Мне не нужно твоего позволения, — говорит Эйольв, — чтобы самому расставить людей.

— Вернее всего, — говорит Гисли, — что ты, щенок, вовсе не посмеешь померяться со мною оружием.

Эйольв сказал тогда Хельги Ищейке:

— Ты бы стяжал великую славу, если бы первым поднялся на скалу навстречу Гисли, и долго жила бы память о таком геройстве.

— Я уже не раз подмечал, — говорит Хельги, — что как только доходит до дела, ты не прочь спрятаться за других. Но раз уж ты так меня подбиваешь, будь по-твоему. Но и ты смелее иди за мною, не отставай, если только ты не совсем баба.

Вот Хельги наступает с той стороны, где ему кажется вернее, и в руке у него большая секира. Гисли был снаряжен так: в руке — секира, у пояса — меч и сбоку — щит. Он был в сером плаще и подпоясился веревкой. Хельги устремляется вперед и взбегает на скалу, прямо на Гисли. Тот мигом поворачивается навстречу Хельги, заносит меч и рубит его наотмашь по поясу и перерубает надвое, и обе части падают со скалы.

Эйольв подбирается с другой стороны, но тут его поджидает Ауд и бьет его по руке дубинкой, так что вся рука у него обмякла и он покатился со скалы.

Тогда Гисли сказал:

— Давно я знал, что у меня хорошая жена, и все же не знал, что такая хорошая. Но ты оказала мне худшую помощь, чем думала, хоть и был твой удар на славу: я бы отправил второго следом за первым.

XXXV

Тогда двое влезли наверх и держат Ауд и Гудрид, так что работы им хватает. Теперь наступают на Гисли двенадцать. Они лезут на скалу, а он обороняется и камнями и оружием, так что эта оборона прославила его имя.

Вот бежит на него один из людей Эйольва и говорит Гисли:

— Уступи-ка мне доброе оружие, что у тебя в руках, а в придачу и жену твою Ауд!

Гисли отвечает:

— Завоюй их в честном бою! Иначе не бывать твоими ни моему оружию, ни моей жене!

Эйольв наносит Гисли удар копьем, но Гисли ответным ударом срубает у копья наконечник. И удар был так силен, что секира налетела на камень и у нее отскочило острие. Тогда он швыряет секиру и хватается за меч и бьется мечом под прикрытием щита. Они рьяно на него нападают, но он защищается хорошо и мужественно. Вот они сошлись в жестокой схватке. Гисли убил еще двоих, а всего погибло уже четверо. Эйольв побуждает людей собрать все свое мужество и наступать.

— Нам сильно достается, — говорит Эйольв, — но это все пустяки, если наши усилия окупятся.

И вдруг, когда никто этого не ждал, Гисли поворачивается, сбегает со скалы прямо на утес под названием Одинокий и начинает обороняться оттуда. Это застало их врасплох. Они видят, что дело их плохо: четверо погибли, а остальные ранены и измучены. Их натиск ослаб. Тогда Эйольв с удвоенной силой подстрекает людей к бою и сулит им золотые горы, только бы они одолели

Гисли. Люди у Эйольва были все как на подбор — стойкие и неустрашимые.

XXXVI

Свейном звали человека, который первым полез на утес навстречу Гисли. Гисли сразил его мечом, и раскроил ему череп до плеч, и сбросил его с утеса. И люди недоумевают, когда же придет конец убийствам от руки этого человека. Тогда Гисли сказал Эйольву:

— Хочу я, чтобы дорого тебе достались те три сотни серебра, что ты взял за мою голову. А еще я хочу, чтобы ты был рад отдать и другие три сотни, только бы нам с тобой не встречаться. Потеря стольких людей покроет тебя позором.

Вот они советуются, как теперь быть, и ни за что на свете не хотят отступать. Они нападают на него с двух сторон, и вместе с Эйольвом впереди двое, один по имени Торир, а другой — Торд, оба родичи Эйольва. Они были удалцами из удалцов. И они наступают теперь упорно и рьяно, и им удастся нанести ему копьем несколько ран. Но он отбивается с большой отвагой и мужеством. Им так доставалось от его камней и ударов мечом, что не было среди нападавших ни одного, кто бы не получил раны.

Вот кидаются в бой Эйольв и его родичи. Они видят: дело идет о чести их и достоинстве. Они разят его копьями, так что у него вываливаются внутренности, но он подхватывает их в рубашку и прикручивает к себе веревкой. Тут сказал Гисли, что им недолго осталось ждать.

— Наступает конец, которого вы хотели.

И он сказал вису:

— Скоро услышит милая
Скади колец⁶⁹ о скальде:
Друг ее, твердый духом,
В смерче мечей не дрогнул.
Пусть клинков закаленных
Жало меня поражало,
Мне от отца досталось
Стойкое сердце в наследство.

Это последняя виса Гисли. И, сказав эту вису, он тут же бросается с утеса и рубит мечом голову Торда, родича Эйольва, и убивает его наповал. Но и сам Гисли падает на него бездыханный и сразу умирает. Все они, люди Эйольва, были очень изранены. И все диву давались, что у Гисли было столько тяжелых ран, когда он умер. Они рассказывали, что он ни разу не отступил, и не было заметно, чтобы последние его удары уступали по силе первым. Вот и кончилась жизнь Гисли. И все говорят, что еще не бывало такого героя, хоть и не во всем был он удачлив.

Они стаскивают его вниз и берут себе его меч. Они засыпают его камнями и спускаются к морю. Тут, у моря, умер шестой человек. Эйольв предложил Ауд ехать с ним, но она не захотела.

Эйольв со своими людьми возвратился к себе в Выдрюю Долину, и там той же ночью умер седьмой человек, а восьмой лежал в ранах двенадцать месяцев, и ему пришел конец. Остальные из тех, кто был ранен, выздоровели, но покрыли себя позором. И все говорят в один голос, что, насколько это можно знать наверняка, здесь в Исландии не бывало столь славной обороны.

XXXVII

Эйольв пускается из дому с одиннадцатью людьми на юг, к Бёрку Толстяку, и рассказывает ему, как было дело. Бёрк обрадовался и просит Тордис хорошо принять Эйольва и его людей.

— Вспомни, как сильно ты любила Торгрима, моего брата, и по-лучше обойдись с Эйольвом.

— Я буду оплакивать моего брата Гисли, — говорит Тордис. — Не довольно ли будет с убийцы Гисли, если я угощу его кашей?

А вечером, внося еду, она уронила миску с ложками. Эйольв положил меч, — а это раньше был меч Гисли, — между столбом скамьи и своими ногами. Тордис узнает меч, и, нагнувшись за ложками, она схватила меч за рукоять и бросается на Эйольва и метит ему прямо в грудь. Но она не уследила, и рукоять повернулась кверху и задела стол. Удар пришелся ниже, чем она рассчитывала, в бедро. Рана была большая. Бёрк хватает Тордис и вырывает у нее меч. Все они вскакивают и опрокидывают столы и еду. Бёрк предложил Эйольву самому вынести решение, и тот назначил полную виру, как

за убийство, и сказал, что назначил бы и больше, если бы Бёрк хуже вел себя.

Тордис называет свидетелей и объявляет о своем разводе с Бёрком и говорит, что отныне никогда не ляжет с ним в одну постель. Она сдержала свое слово. Потом она уехала и поселилась на Тордисовом Дворе на краю Косы. А Бёрк остался на Священной Горе, пока его не прогнал оттуда Снорри Годи. Тогда Бёрк переселился в Леса Стеклойной Реки. А Эйольв возвратился к себе домой и был недоволен поездкой.

XXXVIII

Сыновья Вестейна едут к своему родичу Гесту и настаивают, чтобы он помог им уехать из Исландии, им, и матери их Гуннхильд, и Ауд, жене Гисли, и Гудрид, дочери Ингьяльда, и брату ее Гейрмунду. Все они отплывают из Устья Белой Реки с Сигурдом Белым. Гест оплатил их проезд. Они недолго пробыли в море и приплыли на север Норвегии.

Вот идет Берг по улице и хочет снять им какое-нибудь жилье в городе, и с ним пошли еще двое. Им повстречались два человека, и один из них, человек молодой и рослый, был в алой одежде. Он спросил Берга, как его зовут. Тот сказал всю правду и об имени своем, и о своем роде, ибо думал, что имя его отца скорее поможет ему в дальнейших странствиях, чем повредит. Но тот, в алой одежде, выхватил меч и зарубил Берга насмерть. Это был Ари, сын Кислого, брат Гисли и Торкеля.

Сотоварищи Берга бросились к кораблю и рассказали, что случилось. Кормчий помог им уехать, а Хельги отправился в Гренландию. Он поселился там, и очень преуспевал, и прослыл достойнейшим человеком. Не раз посылали людей убить его. Но не такая смерть была ему суждена. Хельги погиб на рыбной ловле, и все почитали это за большую утрату. Ауд и Гуннхильд поехали в Данию, в Хейдабёр. Там они крестились и совершили паломничество в Рим и больше не вернулись.

Гейрмунд остался в Норвегии. Он женился и жил в достатке. Сестра его Гудрид вышла замуж и прослыла разумной женщиной, и от нее ведут род многие люди.

Ари, сын Кислого, отправился в Исландию. он пристал к Устью Белой Реки, и продал свой корабль. и купил себе землю у Утеса, и прожил там несколько зим. Он жил во многих местах на Болотах и оставил потомство.

Здесь мы кончаем сагу о Гисли, сыне Кислого.

I

Жил человек по имени Торстейн. Его отцом был Эгиль, сын Скаллагрима и внук Квельдульва, херсира из Норвегии, а матерью Асперд, дочь Бьёрна. Торстейн жил в Городище¹, на берегу Городищенского Фьорда. Он был человек богатый и знатный, притом умный, спокойный и умеренный. Он не выделялся так ростом или силой, как его отец Эгиль, однако он был превосходный человек, и все его любили. Торстейн был хорош собой, у него были светлые волосы и красивые глаза.

Он был женат на Йофрид, дочери Гуннара и внучке Хлива. Йофрид было восемнадцать лет, когда Торстейн женился на ней. Она была вдовой. Раньше она была замужем за Тороддом, сыном Одда из Междуречья, и от него у нее была дочь Хунгерд, которая воспитывалась в Городище у Торстейна. Йофрид была достойная женщина. У Торстейна и Йофрид было много детей, но в этой саге будет речь только о немногих из них. Их старшего сына звали Скули, второго Колльсвейн, третьего Эгиль.

II

Рассказывают, что однажды летом в устье реки Паровой пришел с моря корабль. Хозяина корабля, норвежца

родом, звали Бергфинн. Он был человек богатый, пожилой и умный. Торстейн поехал к кораблю. Норвежцы искали себе пристанища, и Торстейн пригласил к себе хозяина корабля, так как тот попросился к нему. В продолжение зимы Бергфинн был неразговорчив, хотя Торстейн вел себя как гостеприимный хозяин.

Норвежец очень интересовался снами.

Весной Торстейн спросил однажды у Бергфинна, не хочет ли он поехать с ним к Соколиной Горе; там собирались тогда на тинг жители Городищенского Фьорда, и Торстейну сообщили, что обрушились стены землянки, в которой он обычно жил во время тинга. Норвежец согласился. Приехали они к подножью Соколиной Горы втроем, на двор, который назывался Норы. Там жил один бедняк по имени Атли. Он сидел на земле Торстейна, и Торстейн потребовал, чтобы он поехал с ними помочь им в работе, взяв с собой заступ и кирку. Тот так и сделал.

Приехав к землянке Торстейна, они взялись за работу и починили стены. Погода стояла жаркая, и Торстейн с Бергфинном устали. Окончив работу, они сели у землянки, и Торстейн заснул и стонал во сне, а норвежец сидел рядом с ним, но не будил его. Когда Торстейн проснулся, он тяжело вздохнул. Норвежец спросил его, что он видел во сне. Торстейн ответил:

— Снам не следует придавать значения.

Однако когда они ехали вечером домой, норвежец снова спросил его, что он видел во сне, и Торстейн сказал:

— Если я расскажу тебе мой сон, ты должен будешь истолковать его мне.

Норвежец ответил, что он попытается. Тогда Торстейн рассказал:

— Мне снилось, что я был у себя, в Городище, у дверей дома. Я посмотрел вверх на небо и увидел на коньке крыши очень красивую лебедь, и это была моя лебедь, и она казалась мне милой. Затем я увидел, что с гор летит большой орел. Он прилетел сюда, сел рядом с лебедью и стал нежно клекотать ей. Лебеди это, по-видимому, нравилось. У орла были черные глаза и железные когти. Вид у него был воинственный. Вскоре я заметил, что другая птица летит с юга. Это был тоже большой орел. Он прилетел сюда, в Городище, сел на конек крыши рядом с лебедью и стал ухаживать за ней. Затем мне показалось, что тот орел, который прилетел раньше, очень рассердился на то, что прилетел другой, и они бились жестоко и долго, и

тогда я увидел, что они исходят кровью. Их битва кончилась тем, что оба они свалились с конька крыши мертвые, каждый в свою сторону. Лебедь же осталась сидеть очень унылая и печальная. Затем я заметил, что летит какая-то птица с запада. Это был сокол. Он подсел к лебеди и стал ластиться к ней. Потом они улетели вместе в одну и ту же сторону. И тогда я проснулся. Однако сон этот пустой. Он, возможно, предвещает бури. Ветры с тех сторон, откуда в моем сне прилетели орлы, будут сталкиваться в воздухе.

Норвежец возразил:

— Я не думаю, что это так.

Тогда Торстейн сказал:

— Ну, скажи мне, что, по-твоему, должен значить мой сон, я послушаю.

Норвежец сказал:

— Птицы — это, должно быть, духи людей. Ведь жена твоя беременна, и она родит девочку необыкновенной красоты, и ты будешь ее очень любить. К дочери твоей будут свататься два знатных человека с тех сторон, откуда прилетели орлы. Они сильно полюбят ее и будут биться друг с другом из-за нее, и оба погибнут в этой битве. Затем третий человек посватается к ней с той стороны, откуда прилетел сокол, и она выйдет за него замуж. Вот я и истолковал твой сон, — сказал он, — и думаю, что он сбудется.

Торстейн возразил:

— Истолковал ты мой сон плохо и недружелюбно. Не умеешь ты толковать сны.

Норвежец сказал:

— Увидишь сам, что этот сон сбудется.

Но Торстейн стал с этих пор холодно относиться к норвежцу, и тот уехал в начале лета, и о нем больше не будет речи в этой саге.

III

Летом Торстейн собрался ехать на тинг и перед отъездом сказал своей жене Йофрид:

— Ты должна скоро родить. Если это будет девочка, надо ее бросить, если же это будет мальчик, мы его воспитаем.

Когда Исландия была еще совсем языческой², существовал такой обычай, что люди бедные и имевшие большую семью уносили своих

новорожденных детей в пустынное место и там оставляли. Однако и тогда считалось, что это нехорошо. Когда Торстейн сказал так, Йофрид ответила:

— Человеку, как ты, не подобает это говорить. Стыдно при твоём богатстве отдавать такое распоряжение.

Торстейн ответил:

— Ты знаешь мой нрав. Плохо будет, если мое распоряжение не будет выполнено.

И он уехал на тинг.

Йофрид родила девочку необыкновенной красоты. Женщины хотели показать ей ребенка, но она сказала, что это ни к чему, и велела позвать к себе своего пастуха, которого звали Торвард, и сказала ему:

— Ты возьмешь моего коня, положишь на него седло и отвезешь этого ребенка на запад, в Стадный Холм, к Торгерд, дочери Эгиля. Ты попросишь ее воспитать его втайне, так чтобы Торстейн не узнал. С такой любовью мои глаза тянутся к этому ребенку, что я не могу заставить себя бросить его. Вот тебе три марки серебра. Я даю их тебе в награду. Торгерд позаботится о твоём переезде за море и пропитании в пути.

Торвард сделал, как она его попросила. Он поехал на запад, в Стадный Холм, с ребенком и отдал его Торгерд. Та отдала его на воспитание человеку, который сидел на ее земле в Вольноотпущенниковом Дворе на Лощинном Фьорде. Торварду же она помогла поехать за море из Ракушечного Залива на Стейнгримовом Фьорде и снабдила его пропитанием на время переезда. Оттуда он выехал в море, и в этой саге он больше не упоминается.

Когда Торстейн вернулся с тинга домой, Йофрид сказала ему, что ребенка бросили, как он велел, а пастух убежал и украл ее лошадь. Торстейн сказал, что она поступила хорошо, и взял другого пастуха. Так прошло шесть лет, и за это время никто не узнал правды.

Однажды Торстейн поехал в гости на запад³, в Стадный Холм, к Олаву Павлину⁴, сыну Хёскульда, своему зятю, которого тогда всего больше уважали из знатных людей там, на западе. Как и следовало ожидать, Торстейна приняли очень хорошо. Однажды во время пира, как рассказывают, Торгерд сидела и разговаривала с Торстейном, своим братом, на почетном сиденье, а Олав разговаривал с

другими людьми. Напротив них на скамье сидели три девочки. Торгерд сказала:

— Как тебе нравятся, брат, эти девочки, которые здесь сидят против нас?

— Очень нравятся, — говорит он, — но одна из них всех красивее, у нее красота Олава, а белизна и черты лица наши, людей с Болот.

Торгерд отвечает:

— Это ты правду говоришь, брат, что у нее белизна и черты лица наши, людей с Болот, но красота у нее не Олава Павлина, потому что она не его дочь.

— Как же это так? — говорит он. — Ведь она твоя дочь.

Она отвечает:

— Сказать тебе по правде, брат, она твоя дочь, а не моя, эта красивая девочка.

И она рассказывает ему затем все, как оно было, и просит его простить ей и своей жене этот обман. Торстейн сказал:

— Я не могу упрекать вас. Видно, чему быть, того не миновать. Хорошо, что вы расстроили мой глупый замысел. Мне так нравится эта девочка: что быть ее отцом кажется мне большим счастьем. Как ее зовут?

— Ее зовут Хельга, — отвечала Торгерд.

— Хельга Красавица, — сказал Торстейн. — Снаряди-ка ее в путь со мной.

Торгерд так и сделала. Уезжая, Торстейн получил богатые подарки, и Хельга поехала с ним и выросла там в почете, горячо любимая отцом, матерью и всей родней.

IV

Жил в то время на Белой Реке в Крутояре Иллуги Черный. Он был сын Халлькеля и внук Хросскеля. Матерью Иллуги была Турид Дюлла, дочь Гуннлауга Змеиного Языка⁵. Иллуги был вторым по знатности на Городищенском Фьорде после Торстейна, сына Эгиля. Иллуги Черный имел большие владения, был суров нравом, но всегда помогал своим друзьям. Он был женат на Ингибьёрг, дочери Асбьёрна и внучке Хёрда из Эрнольвово́й Долины. Матерью Ин-

гибьёрг была Торгерд, дочь Скетти из Среднего Фьорда. У Ингибьёрг и Иллуги было много детей, но только о некоторых из них говорится в этой саге. Одного из их сыновей звали Хермунд, другого — Гуннлауг. Оба они подавали большие надежды и были уже взрослыми. О Гуннлауге рассказывают, что он рано возмужал, был высок ростом и силен, имел густые русые волосы и черные глаза и был хорош собой, несмотря на несколько некрасивый нос, тонок в поясе, широк в плечах, строен, очень заносчив, смолоду честолюбив и во всем неуступчив и суров. Он был хороший скальд, любил сочинять язвительные стихи и был поэтому прозван Гуннлаугом Змеиным Языком. Хермунда больше любили, чем его, и он был больше похож на предводителя.

Когда Гуннлаугу исполнилось двенадцать лет, он попросил отца, чтобы тот отпустил его из дому, и сказал, что он хочет поехать за море и посмотреть на обычаи других людей. Иллуги не спешил исполнить его просьбу и сказал, что, наверно, не будет из него толку и за морем, раз с ним и дома едва удастся справиться. Вскоре после этого Иллуги вышел рано утром из дома и увидел, что его клеть отперта и на двор вынесено несколько мешков с товаром, штук шесть, и попоны. Это его очень удивило. Затем подошел человек, который вел четырех лошадей. Это был Гуннлауг, его сын, и он сказал:

— Это я вынес мешки.

Иллуги спросил его, зачем он сделал это. Тот ответил, что снаряжается в путешествие. Иллуги сказал:

— Ты не получишь от меня никакой помощи и никуда не поедешь, пока я не захочу этого.

И он побросал мешки с товарами обратно в клеть.

Тогда Гуннлауг уехал прочь и к вечеру приехал в Городище. Торстейн предложил ему переночевать у него, и Гуннлауг принял это предложение. Он рассказал Торстейну, что произошло между ним и отцом. Торстейн предложил ему оставаться у него, сколько он захочет. И он прожил там целый год, учился законам у Торстейна и заслужил всеобщее уважение. Часто Хельга забавлялась с Гуннлаугом игрой в шашки. Вскоре они очень привязались друг к другу, как это обнаружилось потом. Они были почти одних лет. Хельга была так красива, что, по словам сведущих людей, в Исландии не бывало женщины красивее ее. У нее были такие длинные и густые волосы,

что они могли закрыть ее всю, и они были красивы, как золотые нити. Более завидной невесты, чем Хельга Красавица, не было на всем Городищенском Фьорде и далеко вокруг.

Однажды, когда мужчины сидели дома в Городище, Гуннлаут сказал Торстейну:

— Одному ты еще не научил меня: обручаться с девушкой.

Торстейн сказал:

— Ну, это нетрудно.

И он объяснил ему, как это делается. Тогда Гуннлаут сказал:

— Теперь смотри, правильно ли я понял. Я подам тебе руку и сделаю вид, что я обручаюсь с Хельгой, твоей дочерью.

— По-моему, это ни к чему, — сказал Торстейн.

Тогда Гуннлаут схватил его за руку и сказал:

— Уважь, пожалуйста, мою просьбу.

— Ну, пусть будет по-твоему, — сказал Торстейн, — но все присутствующие должны знать, что это будет только для виду.

Тогда Гуннлаут назвал свидетелей и обручился с Хельгой. Он спросил затем, правильно ли он совершил обряд, и Торстейн ответил, что правильно. Все это очень позабавило присутствующих.

V

На юге, на Мшистой Горе, жил человек по имени Энунд. Он был очень богатый человек. Он был годи там, на юге. Он был женат, и женой его была Гейрню, дочь Гнупа и внучка Мольда-Гнупа, который при заселении Исландии занял Заборный Залив, на юге. У них было три сына: Храфн, Торарин и Эйндриди. Все они подавали большие надежды, однако Храфн выделялся среди них во всех отношениях. Он был рослый, сильный и очень красивый юноша и хорошо сочинял стихи. Когда он возмужал, он стал ездить в чужие края, и его очень уважали всюду, куда бы он ни приехал. Тогда жили на юге в Уступе, в Эльвусе, Тородд Мудрый, сын Эйвинда, и Скафти, его сын, который был тогда законоговорителем в Исландии. Мать Скафти была Раннвейг, дочь Гнупа и внучка Мольда-Гнупа, так что Скафти и сыновья Энунда были сыновьями родных сестер. Родичи были очень дружны между собой. А в Красном Холме жил тогда Торфинн, сын Торира Тюленя. У него было семь сыновей, и все они подавали

большие надежды. Трех из них звали: Торгильс, Эйольв и Торир. Они были там самыми уважаемыми людьми. Все, кто был только что назван, жили в одно время.

Вскоре после этого случилось — и это было лучшее событие, какое когда-либо произошло в Исландии, — что страна стала христианской и весь народ оставил старую веру. Гуннлаут Змеиный Язык, о котором рассказывалось раньше, в течение шести лет жил попеременно то в Городище, у Торстейна, то дома, в Крутояре, у своего отца Иллуги. Ему было тогда восемнадцать лет, и с отцом он теперь хорошо ладил.

Жил человек по имени Торкель Черный. Он был домохозяином и близким родичем Иллуги, у которого он вырос. Ему досталось наследство на Гряде, на севере, в Озерной Долине, и он попросил Гуннлауга поехать с ним. Тот так и сделал, и они поехали вдвоем на Гряду, и с помощью Гуннлауга Торкель получил причитавшееся ему добро от тех, у кого оно хранилось.

Когда они ехали обратно на юг, они остановились на ночлег в Гримовом Междуречье у богатого бонда, который там жил. Утром пастух хозяина взял лошадь Гуннлауга и поехал на ней. Она была вся в мыле, когда он вернул ее. Гуннлауг ударил пастуха, и тот упал без памяти. Хозяин не хотел оставить так дела и потребовал виры. Гуннлауг предложил ему одну марку серебра. Тому показалось мало этого. Тогда Гуннлаут сказал такую вису:

— Я предложил немало,
Марку метели тигля,⁶
Бонду. Бери, да живее,
Даритель жара прилива!⁷
Если же ты из рук
Упустишь перину дракона,⁸
Как бы тебе потом
Первым о том не заплакать.

Они сошлись на том, что предложил Гуннлаут, и после этого Гуннлаут с Торкелем поехали на юг.

Спустя немного времени Гуннлаут снова попросил своего отца, чтобы тот снарядил его в путешествие. Иллуги сказал:

— Пусть будет по-твоему. Ты теперь стал лучше, чем был раньше.

Вскоре Иллуги уехал из дому и купил для Гуннлауга половину корабля, что стоял в устье Паровой Реки и принадлежал Аудуну Цепному Псу. Этот Аудун не захотел переправить за море сыновей Освивра Мудрого после убийства Кьяртана, сына Олава, как рассказывается в саге о людях из Лососьей Долины, но это случилось позднее, чем то, о чем здесь рассказывается.

Когда Иллуги вернулся домой, Гуннлауг очень благодарил его. Торкель Черный собрался ехать с Гуннлаугом, и их товары были доставлены на корабль. Гуннлауг был в Городище, пока снаряжали корабль. Ему было веселее беседовать с Хельгой, нежели работать с торговыми людьми.

Однажды Торстейн спросил Гуннлауга, не хочет ли он поехать с ним в Долину Длинного Озера, где паслись его табуны. Гуннлауг согласился. Вот они поехали вдвоем и приехали на пастбище Торстейна, что зовется Торгильсов Двор. Там пасся табун Торстейна — четыре лошади, все гнедые. Среди них был жеребец, очень красивый, но мало объезженный. Торстейн предложил его Гуннлаугу в подарок, но тот сказал, что ему лошади не нужны, раз он собирается уезжать за море. Тогда они поехали к другому табуну. Там был серый жеребец и четыре матки. Этот жеребец был лучшим на Городищенском Фьорде, и Торстейн предложил его Гуннлаугу в подарок. Но Гуннлауг ответил:

— Этот жеребец мне так же не нужен, как и тот. Почему ты мне не предложишь того, что бы я охотно принял?

— Что же это такое? — спросил Торстейн.

— Это Хельга Красавица, твоя дочь, — ответил Гуннлауг.

— Ну, это нельзя так быстро решить, — сказал Торстейн и заговорил о другом, и они поехали домой вдоль Длинной Реки.

Тогда Гуннлауг сказал:

— Я хочу знать, что ты мне ответишь на мое сватовство?

Торстейн ответил:

— Что за глупости ты говоришь!

Гуннлауг сказал:

— Это важное дело, а не глупости.

Торстейн возразил:

— Ты должен сперва сам узнать, чего ты хочешь. Разве ты не собрался поехать за море? Как же ты говоришь, что собираешься

жениться? Ты Хельге не пара, раз ты сам не знаешь, чего хочешь, и не стоишь об этом говорить!

Гуннлауг сказал:

— Кому же ты думаешь отдать в жены свою дочь, если ты не хочешь отдать ее сыну Иллуги Черного? Кто же на Городищенском Фьорде знатнее его?

Торстейн ответил:

— Я не хочу никого ни с кем сравнивать. Но если бы ты был таким человеком, как твой отец, ты не получил бы отказа.

Гуннлауг спросил:

— Кому же другому ты хочешь отдать в жены свою дочь?

Торстейн ответил:

— Здесь много достойных людей. У Торфинна в Красном Холме есть семь сыновей, и все они хоть куда.

Гуннлауг сказал:

— Ни Энунд, ни Торфинн не сравнятся с моим отцом, и даже тебе далеко до него. Вспомни, как он на тинге на мысе Тора⁹ вел тяжбу против годи Торгрима, сына Кьяллака, и его сыновей и добился своего.

Торстейн ответил:

— Я добился изгнания Стейнара, сына Энунда Сьони. Мне кажется, это было нешуточное дело.

Гуннлауг сказал:

— Тебе помогал Эгиль, твой отец. — И добавил: — Едва ли поздоровится тому, кто откажется вступить со мной в свойство.

Торстейн ответил:

— Прибереги свои угрозы для тех, кто живет на горах. Здесь, в Болотах, они тебе не помогут.

Вечером они приехали домой. На следующее утро Гуннлауг поехал в Крутояр и стал просить своего отца поехать с ним в Городище, чтобы посвататься. Иллуги ответил:

— Ты сам не знаешь, чего хочешь. Собираешься поехать за море, а говоришь, что тебе надо свататься. Я знаю, что такое поведение будет Торстейну не по нраву.

Гуннлауг ответил:

— Я все-таки поеду за море, но сейчас ты должен поехать со мной.

После этого поехал Иллуги и с ним одиннадцать человек, и Торстейн его хорошо принял. На следующее утро Иллуги сказал Торстейну:

— Я хочу поговорить с тобой.

Торстейн ответил:

— Подыдемся на городище за домом и поговорим там.

Так они и сделали. Гуннлаут пошел с ними. Тогда Иллути сказал:

— Мой сын Гуннлаут говорит, что он просил у тебя в жены твою дочь Хельгу. Я хотел бы знать твой ответ на его сватовство. Тебе известны его род и наше состояние. Я не пожалею ничего для того, чтобы у него было достаточно владений и власть годи, если это поможет делу.

Торстейн ответил:

— Одно мне не нравится в твоём сыне Гуннлауге — что он сам не знает, чего хочет. Если бы он был похож нравом на тебя, я бы не колебался.

Иллути сказал:

— Наше с тобой дружбе пришел бы конец, если бы ты отклонил сватовство.

Торстейн ответил:

— Раз ты просишь и ради нашей дружбы, пусть Хельга будет обещана Гуннлаугу, но не обручена с ним, и пусть ждет его три года. Гуннлауг же пусть едет за море и учится обычаям хороших людей. Но я буду свободен от всякого обещания, если он не вернется в Исландию в срок или если мне тогда не полюбитя его нрав.

На этом они расстались. Иллути поехал домой, а Гуннлаут — на корабль. И когда подул попутный ветер, они вышли в море. Они подошли к Норвегии и поплыли вдоль побережья Трандхейма до устья реки Нид. Там они стали на якорь и выгрузились.

VI

В это время в Норвегии правил ярл Эйрик, сын Хакона, со своим братом Свейном. Ярл Эйрик жил тогда в Хладире, своей вотчине, и был могущественным государем. Сын Торстейна, Скули, жил в то время у ярла. Он был его дружинником и пользовался его уважением. Рассказывают, что Гуннлаут и Аудун Цепной Пес пришли в Хладир, и было их двенадцать человек. На Гуннлауге было серое платье и белые чулки. На щиколотке у него был нарыв, из которого во время ходьбы выступали кровь и гной. В таком виде явились они с Аудуном к ярлу и учтиво его приветствовали. Ярл знал Аудуна и

попросил его рассказать, что нового в Исландии. Аудун рассказал ему новости. Затем ярл спросил Гуннлауга, кто он такой, и тот назвал ему свое имя и свой род. Ярл сказал:

— Скули, сын Торстейна, что за человек этот исландец?

— Государь, — ответил он, — примите его хорошо, потому что он сын одного из лучших людей в Исландии — Иллуги Черного из Крутояра, и мы с ним вместе росли.

Ярл сказал:

— Что у тебя с ногой, исландец?

Гуннлауг ответил:

— На ней нарыв, государь.

— Однако ты идешь, не хромя, — сказал ярл.

Гуннлауг ответил:

— Я не стану хромать, пока обе мои ноги одинаковой длины.

Тогда один дружинник ярла, по имени Торир, сказал:

— Этот исландец очень заносчив. неплохо бы проучить его немного.

Гуннлауг посмотрел на него и сказал:

— *Здесь в дружине твоей
Черный есть лиходеи,
На злые дела горазд,
Смотри и тебя предаст!*

Торир схватился было за секиру. Но ярл сказал:

— Оставь! Не надо обращать внимания на такие вещи.

— Сколько тебе лет, исландец?

— Восемнадцать, — отвечал Гуннлауг.

— Ручаюсь, что других восемнадцати ты не проживешь, — сказал ярл.

— Чем желать мне зла, лучше желай себе добра, — сказал Гуннлауг, но вполголоса.

Ярл спросил:

— Что ты там сказал, исландец?

Гуннлауг ответил:

— То, что мне показалось уместным: чтобы ты не желал мне зла, а желал бы себе самому чего-нибудь хорошего.

— Чего же именно? — спросил ярл.

— Чтобы ты не умер такой же смертью, как твой отец, ярл Хакон¹⁰.

Ярл побагровел и велел тотчас же схватить этого дурака. Тогда Скули выступил перед ярлом и сказал:

— Исполни мою просьбу, государь, и пощади этого человека. Пусть он уедет прочь.

Ярл сказал:

— Пусть он убирается как можно скорее, если хочет остаться в живых, и пусть никогда больше не возвращается в мои владения.

Скули вышел с Гуннлаугом, и они пошли на пристань. Там стоял тогда корабль, готовый к отплытию в Англию, и Скули устроил на него Гуннлауга и его родича Торкеля. А Гуннлауг отдал на хранение Аудуну свой корабль и ту кладь, которую он не взял с собой. И вот корабль поплыл в Английское Море, и осенью приплыли они на юг к пристани в Лундунаборге, и там их корабль вкатили на берег.

VII

В Англии правил тогда конунг Адальрад, сын Ятгейра. Он был хорошим государем. В ту зиму он жил в Лундунаборге. В Англии был тогда тот же язык, что и в Норвегии и Дании¹¹. Язык изменился в Англии, когда ее завоевал Вильхьяльм Незаконнорожденный¹². С тех пор в Англии стали говорить по-французски, так как он был родом из Франции.

Гуннлауг тотчас пошел к конунгу и приветствовал его учтиво и почтительно. Конунг спросил его, из какой он страны. Гуннлауг ответил ему.

— Я потому, — продолжил он, — искал встречи с вами, государь, что сочинил вам хвалебную песнь и хотел бы, чтобы вы ее выслушали.

Конунг сказал, что он охотно ее выслушает. Тогда Гуннлауг сказал эту хвалебную песнь четко и торжественно. В ней был такой припев:

*«Щедрому конунгу Англии
Люди хвалу слагают;*

*Рать и народ склониться
Рады пред Адальрадом».*

Конунг поблагодарил его за песнь и в награду за нее дал ему пурпурный плащ, подбитый лучшим мехом и отделанный спереди золотом. Он сделал Гуннлауга своим дружинником, и Гуннлауг оставался у конунга всю зиму и пользовался большим почетом.

Однажды рано утром Гуннлауг встретил на улице трех людей. Их вожак назвал себя Торормом. Он был высок ростом и силен, и видно было, что справиться с ним очень трудно. Он сказал:

— Слушай, норвежец, одолжи-ка мне денег!

Гуннлауг ответил:

— Неразумно давать займы незнакомому человеку.

Но тот сказал:

— Я верну тебе долг в назначенный срок.

— Ну хорошо, тогда я, пожалуй, дам тебе в долг, — сказал Гуннлауг и дал ему денег.

Вскоре после этого Гуннлауг увиделся с конунгом и рассказал ему об этом случае. Конунг сказал:

— Тебе не повезло. Это очень плохой человек — известный разбойник и викинг. Не связывайся с ним. Лучше я подарю тебе столько, сколько ты дал ему.

Но Гуннлауг ответил:

— Плохи же мы тогда, ваши дружинники, если мы нападаем на невинных людей, а сами позволяем отнимать у себя свое добро. Не бывать этому!

Вскоре после этого он встретил Торорма и потребовал уплаты долга. Но тот сказал, что не собирается платить.

Тогда Гуннлауг сказал такую вису:

*— Моди лязга металла,¹³
Неумное ты задумал:
Деньги отнять обманом
У дерева льдины шлема.
Недаром ношу я сызмала
Имя — Язык Змеиный.
Славный выдался случай
В этом тебя уверить.*

— Я ставлю тебе такое условие, — сказал Гуннлауг, — либо ты уплатишь мне свой долг, либо через три ночи ты будешь биться со мной на поединке.

Викинг рассмеялся и сказал:

— До сих пор еще никто не решался вызывать меня на поединок. Слишком многие поплатились своей шкурой! Впрочем, я готов.

На этом они расстались.

Гуннлауг рассказал конунгу, что между ними произошло. Тот сказал:

— Дело твое теперь плохо, потому что этот человек может сделать тупым любое оружие. Ты должен сделать, как я тебя научу, Гуннлауг. Вот тебе меч, который я подарю тебе. Сражайся им, а этому человеку покажи тот меч, что у тебя был раньше.

Гуннлауг поблагодарил конунга.

Когда они были готовы к поединку, Торорм спросил, что у него за меч. Гуннлауг показал ему свой меч и взмахнул им, а сам обвязал ремнем рукоятку меча, подаренного ему конунгом, и надел этот ремень себе на руку.

— Не боюсь я этого меча, — сказал берсерк, посмотрев на меч Гуннлауга.

И он нанес удар мечом и рассек Гуннлаугу щит. Гуннлауг тотчас же нанес ответный удар мечом конунга. Но берсерк стоял, не защищаясь. Он думал, что у Гуннлауга тот самый меч, который тот ему показал раньше. И Гуннлауг тотчас же поразил его насмерть.

Конунг поблагодарил его за подвиг. Этим подвигом Гуннлауг очень прославился в Англии и за ее пределами.

Весной, когда корабли стали ходить по морю, Гуннлауг попросил у Адальрада разрешения отправиться в плаванье. Конунг спросил его, куда он собирается. Гуннлауг отвечал:

— Слово я дал и должен
Плыть долиной тюленей,¹⁴
Владык пнятерых немедля
В дальних пределах проведать.
Но снова по первому зову
В твою я вернусь дружину,
Меня одарит Адальрад
Рдяным одром дракона.

— Пусть будет так, скальд, — сказал конунг и дал ему золотое запястье весом в семь эйриров. — Но ты должен обещать мне, — добавил он, — что вернешься ко мне будущей осенью, потому что, зная твое искусство, я не хотел бы совсем потерять тебя.

VIII

И вот Гуннлауг поплыл из Англии с торговыми людьми на север, к Дублину. Там правил тогда Конунг Сигтрюгг Шелковая Борода, сын Олава Кварана и королевы Кормлёд¹⁶. Он только недавно вступил на престол. Гуннлауг тотчас же пошел к конунгу и приветствовал его учтиво и почтительно. Тот принял его с почетом. Гуннлауг сказал:

— Я сочинил о вас хвалебную песнь, государь, и хотел бы, чтобы вы ее выслушали.

Конунг ответил:

— До сих пор еще никто не слагал мне хвалебной песни, и я, конечно, охотно выслушаю твою.

Тогда Гуннлауг сказал хвалебную песнь. В ней был такой припев:

*Сигтрюгг рубит врагов.
Сытно кормит волков.*

В ней говорилось также:

*Князю хвалу пою,
Славлю удаль твою.
Княжых сынов вокруг
Всех превзошел Сигтрюгг.*

*Скальду за этот стих
Ты от щедрот своих
Золотом, князь, воздай,
Славу свою оправдай.
Кварана сын, скажи,
Кто сумеет сложить
Хвалебную песнь звучней
Этой песни моей?*

Конунг поблагодарил его. Он позвал своего казначея и сказал так:

— Какую награду я должен дать за эту хвалебную песнь?

Тот отвечал:

— А как вы думаете, государь?

— Что, если я дам два корабля? — спросил конунг.

— Это будет слишком много, государь, — отвечал казначей. —

Другие конунги дают в награду за хвалебную песнь дорогие вещи, ценные мечи или золотые кольца¹⁷.

Тогда конунг подарил ему свой новый пурпурный наряд — отделанное золотом платье и плащ с дорогим мехом, а также золотое запястье весом в одну марку. Гуннлауг поблагодарил конунга за подарки. Он пробыл у него недолгое время и отправился от него на Оркнейские острова.

На Оркнейских островах правил тогда ярл Сигурд, сын Хлёдвира. Он благоволил к исландцам. Гуннлауг приветствовал ярла и сказал, что у него есть хвалебная песнь о нем. Ярл отвечал, что он охотно выслушает его хвалебную песнь, и отозвался о нем как о человеке, заслуживающем уважения. Гуннлауг сказал свою хвалебную песнь. Это была небольшая песнь без припева, но хорошо сложенная. Ярл дал ему в награду за песнь широкую секиру, всю выложенную серебром, и предложил погостить у него. Гуннлауг поблагодарил конунга за подарок и приглашение, но сказал, что должен ехать на восток, в Швецию. Вскоре он сел на торговый корабль, который отправлялся в Норвегию, и осенью приплыли они в Конунгахеллу. Его родич Торкель все время сопровождал его.

В Конунгахелле они взяли себе проводника в Западный Гаутланд и прибыли в город, что зовется Скарар. Там правил ярл по имени Сигурд. Он был уже преклонных лет. Гуннлауг пошел к нему, приветствовал его и сказал, что он сочинил о нем хвалебную песнь. Ярл охотно согласился послушать ее. Тогда Гуннлауг сказал свою хвалебную песнь. Она была небольшая и без припева. Ярл его поблагодарил, дал ему хорошую награду и предложил остаться у него на зиму.

Ярл Сигурд созвал много гостей по случаю праздника середины зимы. В канун праздника приехали туда двенадцать человек с севера, из Норвегии, послы ярла Эйрика. Они привезли подарки ярлу Сигурду. Ярл принял их хорошо и посадил их на время праздника рядом с Гуннлаугом. Шел веселый пир. Гауты говорили, что нет ярла

выше Сигурда, но норвежцы находили, что ярл Эйрик много лучше его. Разгорелся спор, и обе стороны просили Гуннлауга вынести третейское решение. Тогда Гуннлауг сказал такую вису:

— Дружно посохи брани
Старого ярла славят:
Без страха смотрел герой,
Как в бурю борются волны.
Но и Эйрик-воитель
Видел на море немало
Черных валов, вздымавшихся
До мачт кабана океана.

Обе стороны были довольны решением, но больше норвежцы.

Послы уехали после праздника с подарками, которые ярл Сигурд послал ярлу Эйрику. Они рассказали ярлу Эйрику о третейском решении Гуннлауга. Эйрик нашел, что Гуннлауг проявил верность и дружбу к нему, и он велел объявить, что Гуннлауг может вернуться в его владения без боязни за свою жизнь. Об этом потом узнал и Гуннлауг. Ярл Сигурд дал Гуннлаугу провожатого на восток в Тиундаланд, в Швецию, как тот просил.

IX

В то время в Швеции правил конунг Олав Шведский, сын конунга Эйрика Победоносного и Сигрид Честолюбивой, дочери Скаглар-Тости. Он был могущественным и знаменитым конунгом и очень любил почести. Гуннлауг прибыл в Уппсалу во время весеннего тинга шведов, и когда он был принят конунгом, он приветствовал его. Тот принял его хорошо и спросил, кто он такой. Гуннлауг сказал, что он исландец. В гостях у конунга Олава был тогда Храфн, сын Энунда. Конунг сказал:

— Храфн, что это за человек, этот исландец?

Тогда с нижней скамьи встал человек высокого роста и мужественного вида, подошел к конунгу и сказал:

— Государь, он происходит из лучшего рода в Исландии, и сам он — достойнейший человек.

— Тогда пусть он сядет рядом с тобой, — приказал конунг.

Гуннлауг сказал:

— Я сочинил хвалебную песнь в вашу честь, государь, и хотел бы, чтобы вы ее выслушали.

— Идите сперва и садитесь на место, — сказал конунг. — Теперь некогда слушать ваши песни.

И вот Гуннлауг и Храфн разговорились. Каждый из них рассказал другому о своих странствиях. Храфн сказал, что он приехал прошлым летом из Исландии в Норвегию, а с наступлением зимы — из Норвегии в Швецию. Вскоре они совсем подружились.

Однажды, когда тинг кончился, оба они были у конунга. Гуннлауг сказал:

— Я хотел бы, государь, чтобы вы послушали мою хвалебную песнь.

— Теперь это можно, — сказал конунг.

— Я тоже хочу сказать хвалебную песнь, если вам будет это угодно, государь, — сказал Храфн.

— И это можно, — ответил конунг.

— Тогда я скажу мою песнь первым, если вам будет угодно, — сказал Гуннлауг.

— Первым должен я сказать мою песнь, — сказал Храфн, — потому что я первым приехал к вам.

Гуннлауг сказал:

— Когда это бывало, чтобы мой отец шел на поводу у твоего отца? По-моему, никогда. Не будет этого и между нами.

Храфн отвечал:

— Покажем свою вежливость, не будем доводить дела до ссоры, а предоставим решение конунгу.

Конунг объявил:

— Пусть Гуннлауг скажет свою песнь первым, раз ему так хочется настоять на своем.

Тогда Гуннлауг сказал хвалебную песнь, которую он сложил в честь конунга Олава. Когда он кончил, конунг спросил:

— Храфн, как тебе нравится эта песнь?

— Государь, — отвечал Храфн, — она напыщенна, некрасива и несколько резка, совсем под стать нраву Гуннлауга.

— Ну теперь говори свою песнь, Храфн! — сказал конунг.

Тот так и сделал. Когда он кончил, конунг спросил:

— Гуннлауг, как тебе нравится эта песнь?

Гуннлауг отвечал:

— Государь, она красива, как сам Храфн, но ничтожна. Почему, — добавил он, — ты сочинил в честь конунга хвалебную песнь без припева? Или он показался тебе недостойным большой хвалебной песни?

Храфн отвечал:

— Оставим сейчас этот разговор. Мы еще вернемся к нему позднее!

На этом их разговор окончился.

Вскоре после этого Храфн сделался дружинником конунга Олава и попросил у него разрешения уехать. Конунг разрешил ему. Когда Храфн снарядился в путь, он сказал Гуннлаугу:

— С нашей дружбой кончено, потому что ты хотел унижить меня здесь перед знатными людьми. Но когда-нибудь я осрамлю тебя не меньше.

— Меня не пугают твои угрозы, — сказал Гуннлауг. — Едва ли когда-нибудь дело дойдет до того, что меня будут меньше уважать, чем тебя.

Конунг Олав дал Храфну на прощанье богатые подарки, и тот уехал.

Храфн поехал на восток весной и приехал в Трандхейм. Там он снарядил свой корабль и летом поплыл в Исландию. Он причалил в Глинистом Заливе, к северу от пустоши. Его родичи и друзья обрадовались ему, и он оставался эту зиму дома, у своего отца.

Летом на альтинге встретились два родича: законоговоритель Скафти и скальд Храфн. Храфн сказал:

— Я бы хотел, чтобы ты помог мне в сватовстве к Хельге, дочери Торстейна и внучке Эгиля.

Скафти ответил:

— Разве она не обещана Гуннлаугу Змеиному Языку?

Храфн сказал:

— А разве не прошел срок, который был между ними условлен? К тому же он теперь слишком зазнался, чтобы считаться с такими вещами.

Скафти ответил:

— Пусть будет по-твоему.

После этого они пошли в сопровождении многих людей к землянке Торстейна, сына Эгиля. Тот принял их хорошо. Скафти сказал:

— Храфн, мой родич, хочет посвататься к твоей дочери Хельге. Тебе известны его род и богатство, его хорошее воспитание, а также его родственные и дружеские связи.

Торстейн ответил:

— Она была обещана Гуннлаугу, и я хочу сдержать слово, которое я дал ему.

Скафти сказал:

— Но разве не прошли три года, условленные между вами?

Торстейн ответил:

— Еще не прошло лето, и летом он может вернуться в Исландию.

Скафти сказал:

— А если он не вернется до конца лета, то на что мы можем надеяться в нашем деле?

Торстейн ответил:

— Мы встретимся здесь будущим летом, и тогда будет видно, что всего благоразумнее. Сейчас же бесполезно говорить об этом.

На этом они расстались, и люди поехали с тинга домой. Но сватовство Храфна к Хельге не осталось тайной.

Гуннлауг и в это лето не вернулся в Исландию. Следующим летом на альтинге Скафти и Храфн стали свататься очень настойчиво. Они говорили, что Торстейн теперь свободен от всякого обещания Гуннлаугу. Торстейн отвечал:

— У меня немного дочерей, и я бы не хотел, чтобы одна из них стала причиной раздора. Я хочу сначала встретиться с Иллуги Черным.

Так он и сделал. Когда они встретились, Торстейн спросил:

— Не думаешь ли ты, что я теперь свободен от обещания твоему сыну Гуннлаугу?

Иллуги отвечал:

— Конечно, если тебе так угодно. Но я мало что могу сказать по этому поводу, так как не знаю точно намерений моего сына Гуннлауга.

Тогда Торстейн пошел к Скафти, и они порешили, что в начале зимы у Торстейна в Городище должна состояться свадьба, если Гуннлауг до этого не вернется в Исландию, но что Торстейн будет сво-

боден от всякого обещания, если Гуннлауг вернется и потребует, чтобы тот выполнил обещание. После этого люди поехали с тинга домой, а Гуннлауг все не возвращался. Хельге же очень не нравилось принятое решение.

Х

Теперь надо рассказать о Гуннлауге, что тем самым летом, когда Храфн вернулся в Исландию, он поехал из Швеции в Англию, получив на прощанье от Олава богатые подарки. Конунг Адальрад принял Гуннлауга хорошо, и Гуннлауг прожил у него зиму в большом почете.

В то время в Дании правил конунг Кнут, сын Свейна¹⁸. Он недавно вступил на престол своего отца и постоянно грозил Англии войной, потому что его отец, конунг Свейн, завоевал себе в Англии большие владения, прежде чем умер там, на западе. Как раз в то время там стояло большое датское войско под предводительством знатного человека по имени Хеминг. Он был сын Струтхаральда и брат ярла Сигвальди и управлял от имени Кнута теми владениями, которые завоевал себе конунг Свейн в Англии.

Весной Гуннлауг попросил у конунга позволения уехать. Тот сказал:

— Не годится тебе уезжать от меня, когда в Англии предстоит такая война, ведь ты мой дружинник!

Гуннлауг ответил:

— Воля ваша, государь. Позвольте мне, однако, уехать летом, если датчане не придут.

Конунг ответил:

— Тогда будет видно.

И вот прошло лето и за ним зима, но датчане не пришли. После середины лета конунг отпустил Гуннлауга, и тот поехал на восток, в Норвегию, и застал ярла Эйрика в Хладире, в Трандхейме. Ярл принял его хорошо и предложил ему погостить у него. Гуннлауг поблагодарил ярла за приглашение, но сказал, что ему нужно повидаться со своей невестой. Ярл сказал:

— Теперь уже отплыли все корабли, которые снаряжались в Исландию.

Тогда сказал один из дружинников:

— Корабль Халльфреда Беспокойного Скальда стоял вчера в устье фьорда у мыса Агданес.

Ярл сказал:

— Это возможно. Он отплыл отсюда пять ночей тому назад.

Ярл Эйрик велел затем доставить Гуннлауга в устье фьорда на корабль Халльфреда, и тот принял его с радостью.

Это было в конце лета.

Вскоре подул попутный ветер, и они были довольны. Халльфред спросил Гуннлауга:

— Ты слышал о сватовстве Храфна, сына Энунда, к Хельге Красавице?

Гуннлауг сказал, что слышал об этом, но ничего определенного не знает. Тогда Халльфред рассказал ему все, что знал об этом, и также о том, как многие говорили, что Храфн не менее храбр, чем Гуннлауг.

Тогда Гуннлауг сказал вису:

— *Море спокойно, но буря
Тоже меня не удержит,
Пусть ветер на пенных кручах
Крутит корабль, играя.
Горе, коль в юные годы
Голову воин сложит,
Но с Храфном в бою не сравняться —
Вдвое горше герою.*

Тогда Халльфред сказал:

— Хорошо было бы, друг, если бы твоя встреча с Храфном была удачнее моей. Несколько лет тому назад я пристал на своем корабле в Глинистом Заливе, к северу от пустоши. Я должен был заплатить половину марки серебра работнику Храфна, но я медлил с уплатой, и тогда Храфн прискакал с шестьюдесятью людьми и перерубил корабельные канаты. Корабль выбросило на глинистый берег, и он чуть не разбился. Мне пришлось дать Храфну решить дело и заплатить целую марку. Вот что я могу рассказать о моей встрече с ним.

Потом они говорили о Хельге, и Халльфред очень хвалил ее красоту. Тогда Гуннлауг сказал такую вису:

— Все ж, осторожный воин,
Стали разящей хозяин,
Девы себе не добудет,
В белый убор одетый,
Ведь скальд, бывало, касался
Тонких перстов опоры
Перины рыбы равнины,¹⁹
Длинным мысам подобных.

— Хорошо сложено, — сказал Халльфред.

Они пристали к берегу в Лавовой Бухте на Лисьей Равнине за полмесяца до начала зимы²⁰ и выгрузились там.

Жил человек по имени Торд. Он был сын одного бонда с той равнины. Он любил затевать кулачные бои с торговыми людьми, и тем обычно доставалось от него. И вот он условился с Гуннлаугом, что тот, будет биться с ним. В ночь перед боем Торд молил Тора о победе. Наутро, когда они стали биться, Гуннлауг подшиб Торду обе ноги, и тот свалился как подкошенный. Но при этом Гуннлауг вывихнул ногу, на которую опирался, и упал вместе с Тордом. Тогда Торд сказал:

— Может статься, что и кое в чем другом тебе посчастливится не больше!

— В чем же? — спросил Гуннлауг.

— В твоей тяжбе с Храфном, сыном Энунда, если он возьмет в жены Хельгу Красавицу в начале зимы. Я тоже был на альтинге, когда договаривались об этом.

Гуннлауг ничего не ответил. Его ногу перевязали, чтобы вправить ее в сустав, но она очень распухла.

Гуннлауг и Халльфред с их спутниками — всего их было двенадцать человек — оставили Лисью Равнину за неделю до начала зимы и приехали в Крутояр в ту самую субботу, когда в Городище уже сидели за свадебным пиром. Иллуги обрадовался приезду своего сына Гуннлауга и его спутников. Гуннлауг заявил, что он хочет сейчас же ехать в Городище. Иллуги возразил, что это едва ли благоразумно, и всем тоже казалось так, кроме Гуннлауга. Но Гуннлауг не мог ходить из-за своей ноги, хотя он и старался скрыть это. Поэтому из поездки в Городище ничего не вышло. Халльфред поехал наутро

к себе домой к озеру Хредуватн в Долине Северной Реки. Их владениями управлял тогда его брат Гальти. Это был достойный человек.

XI

Теперь надо рассказать о Хрифне, как он праздновал свою свадьбу в Городище. Говорят, что невеста была очень печальна. Видно, верна пословица: что смолоду запомнится, то не скоро забудется. Так было теперь и с ней.

Случилось тогда, что человек по имени Свертинг посватался к Хунгерд, дочери Тородда и Йофрид. Он был сын Бьёрна Козы и внук Мольда-Гнупа. Свадьбу должны были играть после праздника середины зимы в Сканей. Там жил родич Хунгерд Торкель, сын Торви и внук Вальбранда. Матерью Торви была Тородда, сестра Одда из Междуречья.

Храфн поехал со своей женой Хельгой домой, на Мшистую Гору. Когда они прожили там короткое время, случилось однажды утром, до того, как они встали, что Хельга не спала, а Храфн еще спал и стонал во сне. Проснувшись, он рассказал Хельге, что ему снилось. Он сказал тогда такую вису:

— *Снилось, лежу изранен
Гадюкой испарины лука,²¹
Кровью моей окрашено
Ложе лозы покровов.²²
Ты же, о Ньёрун браги,
Ран не врачуешь Храфну,
В сторону смотришь. И скальду
Трудно унять тревогу.*

Хельга сказала:

— Я бы, конечно, не стала плакать, если бы это случилось. Вы меня бессовестно обманули. Наверно, Гуннлауг вернулся в Исландию.

И Хельга стала горько плакать.

Вскоре после этого стало известно о возвращении Гуннлауга в Исландию. Хельга стала тогда так холодна к Хрифну, что он не мог удержать ее дома, и они поехали назад в Городище, но и там брак с Хельгой доставлял Храфну мало радости.

Позднее той же зимой стали люди снаряжаться на свадебный пир к Торкелю из Сканий. Был туда приглашен и Иллуги Черный с сыновьями. И вот когда Иллуги снаряжался в путь, Гуннлауг сидел в доме и не снаряжался. Иллуги подошел к нему и сказал:

— Что же ты не готовишься в дорогу, сын?

Гуннлауг ответил:

— Я не собираюсь ехать.

Иллуги сказал:

— Ты, конечно, поедешь, сын! Не надо позволять себе тосковать по какой-то одной женщине. Веди себя так, как будто это тебя не касается. Будь мужчиной! А в женщинах у тебя никогда не будет недостатка.

Гуннлауг послушался отца, и вот гости съехались на свадебный пир. Иллуги и его сыновья сидели на почетном сиденье, а Торстейн, сын Эгиля, его зять Храфн и поезжане жениха — на втором почетном сиденье, против Иллуги. Женщины сидели на поперечной скамье, и Хельга Красавица сидела рядом с невестой. Глаза Хельги и Гуннлауга невольно часто встречались, и было, как говорится в поговорке: глаза не могут скрыть любви. Гуннлауг был хорошо одет. На нем был тот самый богатый наряд, который ему подарил конунг Ситтрюгг. Он очень выделялся среди других мужчин своей силой, ростом и красотой. На пиру было мало веселья.

В тот день, когда мужчины стали снаряжаться в обратный путь, разошлись и женщины и тоже стали готовиться к отъезду. Гуннлауг подошел тогда к Хельге, и они долго разговаривали друг с другом. Тогда Гуннлауг сказал вису:

— Горькие дни потянулись
Под пологом гор для Гуннлауга,
С тех пор как Хельгу Красавицу
Храфн просватал в жены.
Слову скальда напрасно
Невестин отец не поверил,
Отдал другому деву,
Видно, на злато польстился.

И еще он сказал такую вису:

— Юная роща обручий²³
Радость мою украся,
Все же хочу восславить
Твоих, о дева, родителей.
Мир от века не видывал
Жен и мужей, создавших
На ложе такое сокровище,
Стройную Фрейю порея.

Тут Гуннлаут дал Хельге плащ, полученный им от конунга Адальрада. Это была большая драгоценность. Хельга очень благодарила его за подарок. Затем Гуннлаут вышел. На дворе уже было привязано много оседланных лошадей. Гуннлаут вскочил на одного коня и во весь опор поскакал по двору, прямо туда, где стоял Храфн, так что тот должен был отскочить в сторону.

— Что же ты отскакиваешь, Храфн? — сказал он. — Тебе пока нечего бояться меня. Хотя ты, конечно, знаешь, что ты сделал.

Тогда Храфн сказал вису:

— Тополь стычки оружия,²⁴
Славный пытатель стали,
В распрю вступить негоже
Нам из-за Нанны нарядов.
За морем, шест сражений,
Тоже красивы жены,
Кормчий морского зверя
Сам уверился в этом.

Гуннлаут сказал:

— Может статься, что много таких, но мне этого не кажется.

Тут подбежали к ним Иллуги и Торстейн. Они не хотели, чтобы Гуннлаут схватился с Храфном. Гуннлаут сказал тогда вису:

— Все говорят, что равен
Храфну я родом и славой,
Но деву ему добыли

*Рдяные камни ладони.²⁶
Долго Адальрад скальда
В дружине своей удерживал.
Горя речам не развеять,
Скорби не скрасить словами.*

После этого и тот и другой поехали домой, и в продолжение зимы все было тихо и ничего нового не случилось. Но Храфну плохо было жить с Хельгой, с тех пор как она встретилась с Гуннлаугом.

Летом все поехали на тинг со множеством людей: Иллуги Черный и его сыновья Гуннлауг и Хермунд, Торстейн, сын Эгиля, и его сын Колльсвейн, Энунд с Мшистой Горы и его сыновья, Свертинг, сын Бьярна Козы. Скафти еще был тогда законоговорителем.

Однажды на тинге, когда мужчины со множеством людей пошли на Скалу Закона и разбор тяжб был закончен, Гуннлауг попросил внимания и сказал:

— Здесь ли Храфн, сын Энунда?

Тот сказал, что он здесь. Тогда Гуннлауг продолжал:

— Тебе известно, что ты взял в жены девушку, которая была обещана мне, и тем самым стал моим врагом. Поэтому я вызываю тебя здесь, на тинге, через три ночи биться со мной на поединке на острове Секирной Реки!

Храфн отвечал:

— Спасибо за вызов! Такого вызова и следовало ожидать от тебя. Я готов биться с тобой на поединке, когда ты захочешь.

Родичам и того и другого это не понравилось, но в те времена был обычай, что тот, кто считал себя обиженным, вызывал обидчика на поединок.

Когда прошли три ночи, противники снарядились для поединка. Иллуги Черный последовал за своим сыном со множеством людей, а за Храфном — законоговоритель Скафти, отец Храфна и все родичи.

Но прежде чем Гуннлауг вышел на остров, он сказал такую вису:

*— Выйду на остров без страха, —
Острый клинок наготове, —
Боги, даруйте победу*

*Скальду в раздоре стали!
Пусть мой меч пополам
Расколет скалу шелома,
Мужу коварному Хельги
Отделит от тела череп.*

Храфн сказал в ответ такую вису:

*— Скальду знать не дано,
Кого ожидает удача.
Смертные косы остры,
Кости рубить готовы.
Если же нежной деве
Стать суждено вдовою,
Ей об отваге Храфна
Каждый на тинге расскажет.*

Хермунд держал щит своему брату Гуннлауга, а Свертинг, сын Бьёрна Козы, — Храфну. Было условлено, что тремя марками серебра должен был откупиться тот, кто будет ранен. Храфн должен был первым нанести удар, потому что он был вызван на поединок. Он ударил по щиту Гуннлауга сверху, и меч его тотчас же сломался пополам ниже рукоятки, потому что удар был нанесен с большой силой. Однако острие меча отскочило от щита, попало в щеку Гуннлаугу и слегка ранило его. Тогда их родичи и многие другие люди подбежали и встали между ними. Гуннлауг сказал:

— Я объявляю Храфна побежденным, потому что он лишился оружия.

— А я объявляю побежденным тебя, — возразил Храфн, — потому что ты ранен.

Тогда Гуннлауг пришел в ярость и в страшном гневе сказал, что поединок не кончен. Но его отец Иллуги заявил, что на этот раз они должны кончить поединок. Гуннлауг сказал:

— Я бы хотел так встретиться в другой раз с Храфном, чтобы ты, отец, не был при этом и не мог бы нас разнять.

На этом они расстались, и все пошли назад, в свои землянки.

На следующий день в судилище был принят закон о том, что впредь всякие поединки в Исландии запрещаются. Принять такой

закон советовали все умные люди, которые там были. А были там все самые умные люди страны. Поединок Гуннлауга с Храфном был последним поединком в Исландии. Это был второй по многолюдности тинг после сожжения Ньяля и третий после битвы на Пустоши.²⁷

Однажды утром Гуннлаут с Хермундом пошли на Секирную Реку, чтобы умыться. На другом берегу шли к реке женщины, и среди них была Хельга Красавица. Хермунд сказал Гуннлаугу:

— Ты видишь на том берегу среди женщин Хельгу, твою возлюбленную?

Гуннлаут отвечал:

— Конечно, вижу. — И он сказал вису:

— Видно, нам на погибель
Ветвь рождена нарядов;²⁸
Один звона металла
В этом один повинен.
Девы лебяжье-белой
Я добивался, бывало,
Ныне невмочь и глянуть
На руки подруги милой.

Затем они перешли реку, и Гуннлаут с Хельгой разговаривали некоторое время. А когда они перешли реку обратно, Хельга долго стояла и смотрела вслед Гуннлаугу. Он сочинил вису:

— Как у ястреба, ярок
Взгляд у девы нарядной,
Орешины влаги злака,
Вслед посмотревшей скальду.
Но ныне лучистые луны
Ресниц сосны ожерелий
Нам не радость сулят,
А злую беду насылают.

После этих событий люди поехали с тинга домой, и Гуннлаут стал жить дома, в Крутояре. Однажды утром, когда он проснулся, все уже встали, только он еще лежал в спальнйй каморке на нарах. Вдруг

входят двенадцать человек в полном вооружении. Это приехал Храфн, сын Энунда, со своими людьми. Гуннлауг сразу же вскочил и схватился за оружие. Тогда Храфн сказал Гуннлаугу:

— Тебе не грозит никакой опасности. Ты сейчас услышишь, зачем я пришел сюда. Летом на альтинге ты вызвал меня на поединок и не признал его законченным. Теперь я предлагаю тебе, чтобы мы оба поехали летом в Норвегию и там закончили наш поединок. Там нам не мешают наши родичи.

Гуннлауг отвечал:

— Спасибо тебе за вызов! Я его охотно принимаю. А ты, Храфн, можешь рассчитывать здесь на наше гостеприимство.

Храфн отвечал:

— Спасибо, но теперь нам надо сразу ехать обратно.

На этом они расстались. Родичам и того и другого такое решение казалось большим несчастьем. Однако из-за горячности обоих они ничего не могли поделать. Что было суждено, то должно было случиться.

XII

Теперь надо рассказать о Храфне, как он снарядил свой корабль в Глинистом Заливе. Из тех, кто поехали с Храфном, двое известны по имени. Они были сыновьями сестры Энунда, его отца. Одного из них звали Грим, другого — Олав. Оба они были достойные люди. Всем родичам Храфна казалось большой потерей, что он поехал. Но он говорил, что он только потому вызвал Гуннлауга на поединок, что ему не было больше никакой радости от Хельги.

— Один из нас должен погибнуть от руки другого, — говорил он.

Когда подул попутный ветер, Храфн отплыл в море. Они причалили в Трандхейме, и там Храфн остался на зиму, но ничего не слышал о Гуннлауге в течение этого времени и продолжал ждать его летом. Он оставался и вторую зиму в Трандхейме, в месте, которое называется Ливангр.

Гуннлауг снарядил свой корабль вместе с Халльфредом Беспокойным Скальдом на севере Лисьей Равнины. Они были готовы в путь поздно осенью. Когда подул попутный ветер, они отправились в путь и перед самой зимой приплыли к Оркнейским островам. Там правил тогда ярл Сигурд, сын Хледвира. Гуннлауг отправился к нему

и остался у него на зиму. Ярл очень уважал его. Весной ярл снаряжился в поход. Гуннлауг поехал с ним. Летом они воевали далеко на Гебридских островах и в фьордах Шотландии и одержали много побед. Всюду, где бы они ни были, Гуннлауг проявлял себя как очень храбрый и доблестный воин и как настоящий мужчина. Ярл Сигурд вернулся в начале лета назад, а Гуннлауг сел на торговый корабль, который направлялся в Норвегию. Они с ярлом расстались большими друзьями.

Гуннлауг поехал на север в Трандхейм, в Хладир, к ярлу Эйрику, и прибыл туда в начале зимы. Ярл принял его хорошо и предложил ему погостить у него. Гуннлауг принял это приглашение. Ярл уже слышал о его распре с Храфном и сказал Гуннлаугу, что запрещает им сражаться в его государстве. Гуннлауг отвечал, что на то его воля. Он остался там на зиму и был все время молчалив.

Однажды весной Гуннлауг вышел из дому, и с ним был его родич Торкель. Они отошли от дома и увидели на лугу перед собой людей, стоящих кругом. В середине круга было двое с оружием, и они бились друг с другом. Одного из них называли Храфном, а другого — Гуннлаугом. Стоящие вокруг говорили, что исландцы бьются плохо и не очень-то помнят свое слово. Гуннлауг понял, что это была насмешка, что над ним издевались, и он молча пошел прочь.

Вскоре после этого Гуннлауг сказал ярлу, что не намерен больше сносить издевательства и насмешки его дружинников по поводу их с Храфном распри, и попросил ярла дать ему проводника в Ливангр. Ярл знал, что Храфн уже оставил Ливангр и уехал на восток, в Швецию. Поэтому он разрешил Гуннлаугу поехать и дал ему в дорогу двух проводников.

И вот Гуннлауг с шестью спутниками поехал из Хладира в Ливангр. Но как раз в тот день, когда Гуннлауг вечером приехал туда, Храфн с четырьмя спутниками утром уехал оттуда. Из Ливангра Гуннлауг поехал в долину Верадаль, и каждый раз приезжал вечером туда, где Храфн был утром. Так ехал он, пока не достиг двора по названию Сула — самого верхнего в этой долине. И отсюда Храфн уехал утром. Тогда Гуннлауг не стал останавливаться и сразу же ночью поехал дальше. На заре они увидели друг друга. Храфн доехал до места, где есть два озера и между ними — равнина. Она называется Глейпнисвеллир. На одном из озер есть небольшой мыс, кото-

рый называется Динганес. На этом мысу остановился Храфн со своими людьми. Их было всего пятеро и среди них — родичи Храфна, Грим и Олав. Когда противники встретились, Гуннлаут сказал:

— Хорошо, что мы наконец встретились!

Храфн ответил, что и он не видит в этом плохого.

— Выбирай, что хочешь, — продолжал он, — биться нам всем или только нам с тобой вдвоем.

Гуннлаут отвечал, что ему это все равно. Тогда родичи Храфна, Грим и Олав, сказали, что они не хотят оставаться в стороне, когда те будут биться. То же самое сказал и Торкель Черный, родич Гуннлауга. Тогда Гуннлаут сказал проводникам ярла:

— Сидите здесь и не помогайте ни той, ни другой стороне. Вы сможете потом рассказать о нашей битве.

Те так и сделали.

После этого они сошлись и все храбро бились. Грим и Олав вдвоем напали на одного Гуннлауга и бились очень храбро. Битва кончилась тем, что он убил их обоих, а сам не был ранен. Это подтверждает Торд, сын Кольбейна, в хвалебной песни, которую он сложил о Гуннлауге Змеином Языке:

— *Страха не ведая, Гуннлауг
В схватке сошелся с Храфном,
Но прежде поверг он Грима
И Олава, ратников рьяных.
Грозный, забрызганный кровью,
Смерти предал троих,
Острой сталью косил
Воинов Один боя.*

В это время Храфн бился с Торкелем Черным, родичем Гуннлауга, и одержал верх над ним, и Торкель погиб от его руки.

Так все спутники в конце концов сложили свои головы.

Тогда стали биться двое, Храфн и Гуннлаут. Они наносили друг другу удары, и бесстрашно бросались друг на друга, и бились яростно и без усталости. Гуннлаут сражался мечом, который он получил в подарок от конунга Адалбрада. Это было прекрасное оружие. Наконец Гуннлаут нанес Храфну сильный удар мечом и отрубил ему ногу. Но

Храфн не упал, а отступил к пню и оперся о него обрубком ноги. Тогда Гуннлаут сказал:

— Теперь ты негоден для битвы, и я не хочу продолжать биться с калекой.

Храфн отвечал:

— Это правда, мое дело плохо. Однако мне бы очень помогло, если бы я мог попить.

— Не обмани же меня, если я принесу тебе воды в моем шлеме!

Храфн отвечал:

— Не обману я тебя.

Тогда Гуннлаут пошел к ручью, зачерпнул воды шлемом и отнес Храфну. Тот протянул ему навстречу левую руку, а правой ударил мечом Гуннлауга по голове и нанес ему очень большую рану. Тогда Гуннлаут сказал:

— Ты меня бессовестно обманул и поступил низко, в то время как я поверил тебе.

Храфн отвечал:

— Да, это правда. Но я поступил так, потому что не могу уступить тебе Хельгу Красавицу.

И они снова стали яростно биться. В конце концов Гуннлаут одолел Храфна, и тот простился с жизнью.

Тогда подошли проводники ярла и перевязали рану на голове Гуннлауга. Между тем он сел и сказал такую высу:

— Яростный ясьень брани,
Храфн, воитель бесстрашный,
Шел на нас непреклонно
В драке драконов шлемов.
Наши клинки закаленные
Так и мелькали в скалах,
Когда мы на Динганес-мысе
Друг друга ударами встретили.

После этого они похоронили мертвых, посадили Гуннлауга на его коня и поехали с ним вместе вниз, в Ливангр. Там пролежал он три ночи и был соборован священником. Затем он умер и был похоронен у церкви. Всем было очень жаль их обоих, Гуннлауга и Храфна, которые так погибли.

XIII

Летом, еще до того как вести об этих событиях дошли в Исландию, Иллути Черному снился сон. Он был тогда дома, в Крутояре. Ему привиделось во сне, что Гуннлауг пришел к нему весь окровавленный и сказал ему такую вису:

— Гуннлауг пал в поединке,
Он храбро сражался с Храфном,
Ранив недруга в ногу
Рыбой ратной рубашки.
Жадный до теплой крови,
Ринулся ворон к трупам,
Мне ж вороненую сталь
В голову Храфн направил.

В ту самую ночь на юге, на Мшистой Горе, Энунду приснилось, что Храфн пришел к нему весь окровавленный и сказал такую вису:

— Я меч обагрил. Но раньше
Рёгнир меча меня ранил.
Звери щитов за морем
Звонко в щиты вонзались.
Гуси крови слетались
Крови с голов напиться.
Перьями ястреб ран
Озеро ран разбрызгивал.

На следующее лето на альтинге Иллути Черный сказал Энунду, когда они были на Скале Закона:

— Какую виру ты заплатишь мне за моего сына, которого твой сын Храфн обманул, нарушив свое слово?

Энунд отвечал:

— Я думаю, что я совсем не обязан платить тебе виру. Я и так достаточно пострадал от их битвы. Но я не стану требовать от тебя выры за моего сына.

Иллути отвечал:

— В таком случае заплатится кто-нибудь из твоей семьи или из твоих родичей.

После тинга в продолжение лета Иллути был все время очень печален. Говорят, что осенью Иллути выехал из Крутояра с тридцатью людьми и приехал на Мшистую Гору рано утром. Энунд и его сыновья укрылись в церкви, и тогда Иллути захватил двух его родичей. Одного из них звали Бьёрн, другого Торгрим. Он велел убить Бьёрна и отрубить ногу Торгриму. После этого Иллути поехал домой, и Энунд не добивался никакого возмещения.

Сын Иллути Хермунд не знал покоя после смерти своего брата Гуннлауга, и он думал, что тот еще недостаточно отомщен, несмотря на все, что было сделано. Жил человек по имени Храфн. Он был племянником Энунда с Мшистой Горы. Он был хорошим мореходом, и у него был корабль, который стоял в Бараньем Фьорде. Весной Хермунд, сын Иллути, выехал один из дому и поехал на север через Каменистую Пустошь к Бараньему Фьорду и прямо на Столовую Отмель к кораблю. Торговые люди были тогда совсем готовы к отплытию. Хозяин корабля Храфн был на суше, и с ним много людей. Хермунд подскакал к нему, пронзил его своим копьем и сразу усакал прочь. Они были все очень озадачены, спутники Храфна. И за это убийство не было уплачено виры. На этом закончилась распря между Иллути Черным и Энундом с Мшистой Горы.

Торстейн, сын Эгиля, через некоторое время выдал свою дочь Хельгу за человека по имени Торкель, сына Халлькеля. Он жил в Лавовой Долине, и Хельга поехала к нему в дом. Она была к нему мало расположена, потому что никогда не могла забыть Гуннлауга, хотя его уже не было в живых. Между тем Торкель был тоже человек достойный и богатый и хороший скальд. У них было несколько детей. Одного из их сыновей звали Торарин, другого Торстейн. Но у них были и другие дети. Самой большой радостью Хельги было разостлать плащ, который она получила в подарок от Гуннлауга, и подолгу пристально на него смотреть.

Однажды в дом Торкеля и Хельги пришла тяжелая болезнь, и многие долго болели. Занемогла тогда и Хельга, но не легла в постель. Однажды в субботу вечером Хельга сидела у очага. Она положила голову на колени Торкеля, своего мужа, и велела принести

плащ, подарок Гуннлауга. Когда плащ принесли, она приподнялась, разостлала его перед собой и некоторое время пристально на него смотрела. Затем она опустилась снова на руки своего мужа и умерла. Торкель сказал тогда такую вису:

— На руки молча возьму
Тело жены моей милой.
Лина льна умерла,
Богу вручила душу.

.....

.....

Мне же еще тяжелее
Жить без нее отныне.

Хельга была похоронена у церкви, а Торкель еще долго жил там. Все очень жалели о смерти Хельги, как и следовало ожидать.

На этом сага кончается.

САГА ОБ ОЛАВЕ СЫНЕ ТРЮГГВИ

I

Конунг Трюггви сын Олава был женат на женщине по имени Астрид. Она была дочерью Эйрика Бьодоскалли, могущественного мужа, который жил в Опростадире. После смерти Трюггви¹ Астрид тайно бежала с тем добром, которое она смогла захватить с собой. Астрид сопровождал ее приемный отец по имени Торольд Вшивая Борода. Он никогда не расставался с ней, а другие ее верные друзья старались разведать, что слышно о ее врагах и об их местопребывании.

Астрид была тогда беременна от Трюггви конунга. Она велела отвезти себя на одно озеро, и там она укрылась на каком-то острове с немногими людьми. Там она родила ребенка. Это был мальчик. Когда его окропили водой, его нарекли Олавом по его деду². Там Астрид провела лето, скрываясь, а когда ночи стали темнее, дни — короче, а погода — холодной, она снова пустилась в путь с Торольвом и немногими людьми. Они появлялись у жилья, только чтобы там переночевать, и ни с кем не общались.

Однажды вечером они подошли к Опростадиру, где жил отец Астрид Эйрик. Они шли, скрываясь. Астрид послала людей к Эйрику, чтобы его предупредить, и тот провел ее и ее людей в какой-то дом и поставил перед ними стол с наилучшими яствами. После того как Астрид и ее

люди пробыли там короткое время, ее спутники расстались с ней, а она осталась, и с ней две служанки, ее сын Олав, Торольв Вшивая Борода и Торгисль, его шестилетний сын. Они пробыли там всю зиму.

II

Харальд Серая Шкура и его брат Гудрёд отправились после убийства Трюггви конунга в поместья, которые у него были, но Астрид тогда уже бежала, и они ничего не узнали о ней. Однако до них дошел слух, что она беременна ребенком Трюггви конунга. Осенью они отправились на север страны, как уже было написано. Когда они встретились с Гуннхильд, своей матерью, они рассказали ей все, что произошло во время их похода. Она подробно расспросила их об Астрид. Они рассказали ей о слухе, который до них дошел. Но так как в эту самую осень, а также в следующую зиму сыновья Гуннхильд воевали с Хаконем ярлом, как уже было написано, никаких попыток найти Астрид и ее сына в ту зиму не было сделано.

III

Следующей весной Гуннхильд послала в Упллэнд и дальше в Вик разведчиков, которые должны были все разузнать об Астрид. Вернувшись, посланцы могли только рассказать Гуннхильд, что Астрид, вероятно, у своего отца, Эйрика, и что она, по-видимому, вскармливает там своего сына от Трюггви конунга.

Тогда Гуннхильд сразу же отрядила людей, хорошенько снабдив их оружием и лошадьми. Их было тридцать человек, и предводителем их был могущественный муж, друг Гуннхильд, по имени Хакон. Она велела им ехать в Опростадир, к Эйрику, захватить там сына Трюггви конунга и привезти ей. Вот посланцы поехали. Но когда они были уже недалеко от Опростадира, друзьям Эйрика стало об этом известно, и они сообщили ему об этом вечером. В ту же ночь Эйрик снарядил Астрид в путь, дал ей хороших провожатых и отослал ее на восток в Швецию к Хакону Старому, своему другу, могущественному мужу. Они отправились глубокой ночью. К вечеру следующего дня они оказались в местности, которая называется Скаун,

и увидели там большую усадьбу. Они отправились туда и попросили там ночлега. Чтобы их не узнали, они были в плохой одежде. Бонд, который там жил, звался Бьёрн Гадюка. Он был богат, но злобен. Он прогнал их. В тот же вечер они пришли в другую усадьбу поблизости, которая называлась Вицкар. Бонда, который был там хозяином, звали Торстейном. Он их радушно принял и пустил ночевать. Они легли спать на хороших постелях.

IV

Хакон и посланцы Гуннхильд приехали в Опростадир рано утром и спросили об Астрид и ее сыне. Эйрик говорит, что их у него нет. Тогда Хакон и его люди обыскали усадьбу и оставались там в тот день, пока не напали на след Астрид. Они поехали той же дорогой и поздно вечером были у Бьёрна Гадюки и заночевали у него. Хакон спрашивает Бьёрна, не может ли он сказать что-нибудь об Астрид. Тот говорит, что днем к нему приходили какие-то люди и просили ночлега:

— Но я прогнал их, и, вероятно, они нашли пристанище где-нибудь здесь поблизости.

А один работник Торстейна, идя в тот вечер из леса, зашел к Бьёрну, так как это было ему по пути. Он увидел там гостей и понял, зачем они приехали, и рассказал Торстейну бонду. Когда еще оставалась треть ночи, Торстейн разбудил своих гостей и велел им уходить. Он говорил с ними сердито. Но когда они уже вышли из усадьбы на дорогу, Торстейн сказал им, что посланцы Гуннхильд приехали к Бьёрну и ищут их. Они попросили его как-нибудь помочь им. Он дал им проводника и кое-каких припасов. Проводник отвел их в лес, в котором было озеро, а на нем — островок, заросший камышом. Они перебрались вброд на островок и спрятались в камыше.

Рано утром Хакон выехал от Бьёрна и всюду, куда он приезжал, он спрашивал, не видели ли Астрид. Приехав к Торстейну, он спрашивает, не у него ли они. Тот говорит, что были у него какие-то люди, но еще утром отправились на восток в лес. Хакон велел Торстейну ехать с ними, ибо тому известны все дороги и убежища. Торстейн поехал с ними, но, приехав с ними в лес, он направил их в сторону, противоположную той, где была Астрид. Они искали весь

день, но ничего не нашли. Затем они вернулись к Гуннхильд и рассказали о своей поездке.

Астрид и ее спутники отправились своим путем дальше и добрались в Швецию, к Хакону Старому. Там Астрид и ее сына Олава хорошо приняли, и они долго оставались там.

V

Гуннхильд Мать Конунгов узнала, что Астрид и Олав, ее сын, — в Швеции. Она тогда снова послала Хакона в сопровождении других мужей на восток к Эйрику конунгу шведов, чтобы передать тому богатые подарки и заверения в дружбе. Посланцы были хорошо приняты и были там почетными гостями. По прошествии некоторого времени Хакон открывает конунгу цель своего приезда. Он говорит, что Гуннхильд просит конунга, чтобы он помог ему, Хакону, взять с собой в Норвегию Олава сына Трюггви. Гуннхильд, дескать, хочет взять его на воспитание.

Конунг дает ему людей, и они едут к Хакону Старому. Хакон уговаривает Олава многими дружественными словами поехать с ним. Хакон Старый отвечает учтиво, однако говорит, что пусть мать Олава решает, ехать ему или нет, но она ни за что не хочет, чтобы мальчик ехал. Посланцы уезжают и сообщают Эйрику конунгу, как обстоит дело. Затем посланцы снаряжаются в обратный путь и снова просят конунга помочь им увести мальчика, хочет ли того Хакон Старый или нет. Конунг снова дает им людей. Посланцы снова являются к Хакону Старому и теперь требуют, чтобы мальчик ехал с ними. Но так как это не возымело действия, они начинают грубить, грозят применить силу и сердятся. Тут высказывает один раб, Бурсти по имени, и хочет ударить Хакона, и они уходят восвояси только что не побитые этим рабом. Затем они уезжают в Норвегию и рассказывают Гуннхильд о своей поездке, а также о том, что они видели Олава сына Трюггви.

VI

Сигурдом звали брата Астрид, сына Эйрика Бьодаскалли. Он давно уехал из страны и был тогда в Гардарики у Вальдамара Конунга. Сигурд пользовался там большим почетом. Астрид захотела поехать

туда, к Сигурду, своему брату. Хакон Старый дал ей хороших провожатых и много припасов на дорогу. Она поехала с какими-то торговыми людьми. Она пробыла у Хакона Старого два года. Олаву было тогда три года.

Когда они выехали на восток в море, на них напали викинги. Это были эсты³. Они захватили и людей, и добро. Некоторых из захваченных в плен они убили, в других поделили между собой как рабов. Олав был разлучен со своей матерью. Его, а также Торольва и Торгисля, взял себе Клеркон, эст родом. Решив, что Торольв слишком стар как раб и что от него не будет пользы, Клеркон убил его, а мальчиков взял с собой и продал их человеку по имени Клерк. Он получил за них хорошего козла. Третий человек перекупил у него Олава и дал за него хорошую одежду или плащ. Этого человека звали Реас, а жену его — Рекон, а сына — Рекони. Олав был у них долго, и ему жилось там хорошо. Хозяин очень любил его. Так Олав прожил шесть лет в Стране Эстов в изгнании.

VII

Сигурд сын Эйрика приехал из Хольмгарда в Страну Эстов как посланец Вальдамара конунга. Он должен был собрать там в стране подати для конунга. Сигурд приехал в сопровождении многих людей и с большой пышностью. Он увидел на рынке мальчика, очень красивого, и понял, что он чужеземец. Он спросил мальчика, как его зовут и кто он родом. Тот назвался Олавом и сказал, что его отец — Трюггви сын Олава, а мать — Астрид, дочь Эйрика Бьодаскалли. Тут Сигурд понял, что мальчик — его племянник. Он спросил мальчика, как он туда попал. Олав рассказал ему все, что с ним случилось. Сигурд попросил Олава привести его к Реасу. Придя туда, он купил обоих мальчиков, Олава и Торгисля, и увез их с собой в Хольмгард. Он никому не открыл происхождения Олава, но содержал его хорошо.

VIII

Однажды Олав сын Трюггви был на рынке. Там было очень много народу. Тут он узнал Клеркона, который убил его воспитателя Торольва Вшивая Борода. У Олава был в руке топорик, и он ударил им

Клеркона по голове так, что топорик врезался в мозг, и сразу же побежал домой, и сказал Сигурду, своему дяде, а Сигурд сразу же отвел Олава в дом жены конунга и рассказал ей, что случилось. Ее звали Аллогия. Сигурд попросил ее заступиться за мальчика. Она отвечала, посмотрев на мальчика, что нельзя убивать такого красивого мальчика, и велела позвать к себе людей во всеоружии.

В Хольмгарде господствовал такой нерушимый мир, что, согласно закону, всякий, кто убил человека, не объявленного вне закона, должен быть убит. Поэтому, следуя обычаю и законам, весь народ бросился на поиски мальчика. Тут стало известно, что он в доме жены конунга, где много людей во всеоружии. Сообщили конунгу, и он явился со своей дружиной, чтобы восприпятствовать кровопролитию. Было заключено перемирие, а потом и мировая. Конунг назначил виру, и Аллогия выплатила ее.

С тех пор Олав жил у жены конунга, и она очень любила его. В Гардарике было законом, что люди, которые были конунгами по рождению, не могли оставаться с стране без разрешения конунга. И вот Сигурд говорит жене конунга, кто Олав по рождению и почему он туда попал: он, дескать, не мог оставаться в своей стране из-за своих врагов. И он попросил ее рассказать все это конунгу. Она так и сделала, и попросила конунга помочь этому конунгову сыну, с которым так плохо обошлись. Она добилась своими уговорами того, что конунг обещал помощь. Он взял Олава под свою защиту, и Олав был у него в таком почете, в каком подобает быть конунгову сыну.

Олаву было девять лет, когда он попал в Гардарики, и он провел у Вальдамара конунга еще девять лет. Олав был самым красивым, статным и могучим, а также самым искусным из всех норвежцев, о которых рассказывается.

IX

Ярл Хакон сын Сигурда прожил у конунга датчан Харальда сына Горма всю зиму, следовавшую за той, когда он бежал из Норвегии от сыновей Гуннхильд. Хакон был так сильно озабочен в ту зиму, что он ложился в постель и не мог заснуть, ел и пил, только чтобы сохранить свои силы. И вот он тайно послал своих людей на север в Трандхейм к своим друзьям. Он подговаривал их убить Эрлинга ко-

нунга, если они сумеют, и сообщал, что с началом лета он вернется назад в свои владения. В ту зиму жители Трандхейма убили Эрлинга, как уже было написано.

Хакон и Золотой Харальд были закадычными друзьями. Харальд посвящал Хакона в свои намерения. Харальд сказал, что он хочет осесть в стране и не ходить больше в викингские походы. Он спросил Хакона, не думает ли тот, что Харальд конунг поделит с ним державу, если он потребует.

— Я полагаю, — говорит Хакон, — что конунг датчан не откажет тебе в том, на что ты имеешь право, но ты это всего лучше узнаешь, если поговоришь с конунгом. Мне кажется, что ты ничего не получишь, если не будешь требовать.

Вскоре после этого разговора Золотой Харальд обратился к конунгу в присутствии многих могущественных мужей, друзей обоих. Золотой Харальд потребовал от Харальда конунга, чтобы тот разделил с ним свою державу пополам, на что он, дескать, имеет право по своему рождению и своей родне в Дании. Услышав это требование, Харальд конунг очень разгневался. Он сказал, что никто не требовал отдать половину датской державы ни у Горма Старого, его отца, ни у отца того — Хёрдакнута, ни у Сигурда Змей в Глазу, ни у Рагнара Кожаные Штаны. Он был в таком гневе и ярости, что с ним нельзя было говорить.

Х

Золотой Харальд был теперь недоволен еще больше, чем раньше. Теперь у него не только не было державы, но он еще и навлек на себя гнев конунга. Он пришел к Хакону, своему другу, и сетовал на свою незадачу. Он просил того посоветовать ему, если тот может, как ему завладеть державой. Он сказал, что всего больше хотел бы завладеть ею при помощи силы и оружия. Но Хакон посоветовал ему никому об этом не говорить, чтобы это не стало известным:

— Дело идет о твоей жизни. Обдумай-ка сам, на что тебя станет. Для выполнения такого большого замысла нужны смелость и непоколебимость. Надо не останавливаться ни перед хорошим, ни перед плохим, если хочешь, чтобы удалось то, за что взялся. Но беда, если возьмешься за такое большое дело, а потом от него бесславно отступишь.

Золотой Харальд отвечает:

— Я не отступлюсь от своего требования и не остановлюсь перед тем, чтобы убить самого конунга, если мне представится такая возможность, раз он отказывается мне в том, на что я имею право.

На этом их разговор кончился.

После этого Харальд конунг пришел к Хакону, и они повели разговор. Конунг рассказал ярлу о требовании, которое ему предъявил Золотой Харальд, и о своем ответе и заявил, что он ни за что не станет уменьшать свою державу:

— А если Золотой Харальд будет настаивать на своем требовании, то я просто велю убить его, потому что у меня не будет к нему доверия, если он не откажется от своего притязания.

Ярл отвечает:

— Мне думается, что Харальд так далеко зашел в своем требовании, что он не отступится от него, и надо полагать, что если он начнет войну здесь в стране, то к нему примкнет много народу и особенно потому, что его отца так любили. А вам очень опасно убивать вашего родича, так как в теперешних обстоятельствах все будут считать его ни в чем не виновным. Однако я не хочу этим сказать, что советую тебе стать меньшим конунгом, чем был твой отец Горм, который очень увеличил свою державу, но никак не уменьшал ее.

Тогда конунг говорит:

— Что же ты мне советуешь, Хакон, если я не должен ни уменьшать своей державы, ни разделяться с этой угрозой?

Хакон ярл говорит:

— Я сначала обдумаю это трудное дело, а потом скажу свое мнение.

Тут конунг и все его люди ушли.

XI

Хакон ярл был теперь снова сильно озабочен и поглощен своими замыслами и оставлял у себя дома лишь немного людей. Несколько дней спустя Харальд конунг пришел к ярлу, и они заводят разговор. Конунг спрашивает, обдумал ли ярл то дело, о котором они говорили на днях. Ярл говорит:

— Я думал о нем с тех пор денно и ночью, и, по-моему, всего лучше, чтобы ты владел и правил всей той державой, которая была у

твоего отца и которую ты от него унаследовал, и дал бы Харальду, твоему родичу, другую державу, править которой было бы ему почетом.

— Что же это за держава, — говорит конунг, — которую я могу дать Харальду во владение, если я оставлю за собой всю Датскую Державу?

Ярл говорит:

— Это Норвегия. Конунги, которые ею правят, притесняют народ. Все желают им зла, и они это заслужили.

Конунг говорит:

— Норвегия — страна большая, и народ в ней живет суровый. Чужеземному войску трудно идти на нее. Так случилось и с нами, когда Хакон правил страной. Много народу мы потеряли, а не одержали победы. Притом Харальд сын Эйрика — мой приемный сын и воспитанник.

Тогда Ярл говорит:

— Я давно знаю, что вы часто оказывали помощь сыновьям Гуннхильд, но они никогда не платили вам за это иначе, чем злом. Мы теперь завладеем Норвегией гораздо легче, чем когда нам приходилось сражаться против всего датского войска. Пошли за Харальдом, твоим приемным сыном, предложи ему принять от тебя в лен те земли, которыми они раньше владели здесь в Дании. Вызови его к себе. Тогда Золотой Харальд за короткий срок добудет себе от Харальда Серая Шкура державу в Норвегии.

Конунг говорит:

— Злым делом будет это названо, если я предам своего приемного сына.

Ярл отвечает:

— Датчане скажут, что лучше было убить норвежского викинга, чем своего датского племянника.

Они еще долго говорили об этом, пока наконец не договорились между собой.

XII

Золотой Харальд снова завел разговор с Хаконем. Ярл сказал ему, что он порадел о его деле и что тот, наверно, сможет теперь стать конунгом Норвегии.

— Мы должны будем тогда, — говорил ярл, — держаться нашей дружбы. Я смогу оказать тебе в Норвегии большую помощь. Завла-

дей сначала этой державой. Харальд конунг очень стар, и своего единственного сына он не любит, и этот сын — от наложницы.

Ярл говорил так Золотому Харальду, пока не убедил его. Потом они часто говорили между собой все трое: конунг, ярл и Золотой Харальд.

После этого конунг датчан послал своих людей на север в Норвегию к Харальду Серая Шкура. Посольство было пышно снаряжено. Посланцы были хорошо приняты и предстали перед Харальдом конунгом. Они сообщили, что Хакон ярл находится в Дании, но смертельно болен и почти помешался. Они сообщили также, что конунг датчан Харальд приглашает к себе Харальда Серая Шкура, своего приемного сына, чтобы тот принял от него в лен земли, которыми он и его братья раньше владели в Дании. Харальд приглашал его приехать к нему и встретиться с ним в Йотланде. Харальд Серая Шкура рассказал Гуннхильд и другим своим друзьям об этом приглашении. Мнения о нем разошлись. Некоторые считали, что что-то здесь неладно, принимая во внимание людей, которые были тут замешаны. Но большинство уговаривало ехать, так как в Норвегии был тогда сильный голод, что конунги едва могли прокормить своих людей. Это тогда фьорд, в котором конунги всего чаще жили, получил название Хардангр. Между тем в Дании урожай был неплохой. Люди полагали поэтому, что они будут получать оттуда съестные припасы, если у Харальда конунга будут там земли и власть. Было решено, прежде чем посланцы уехали, что Харальд конунг отправится летом в Данию к конунгу датчан и примет от него то, что тот ему предлагает.

XIII

Харальд Серая Шкура отправился летом в Данию с тремя боевыми кораблями. Один из них был под началом Аринбьёрна, херсира из Фьордов⁵. Харальд конунг отплыл из Вика, подошел к Лимафьорду и пристал у Хальса. Ему было сказано, что конунг датчан скоро туда прибудет. Но когда Золотой Харальд узнал, что Харальд Серая Шкура у Хальса, он отправился туда с девятью кораблями. Он уже раньше собрал это войско, чтобы отправиться в викингский поход. Хакон ярл тоже собрал войско и тоже собирался в викингский поход.

У него было двенадцать кораблей, и все большие. Когда Золотой Харальд уехал, Хакон ярл говорит конунгу:

— Похоже на то, что мы участвуем в ополчении и в то же время платим за то, что в нем не участвуем! Золотой Харальд теперь убьет Харальда Серая Шкура. Потом он сделается конунгом Норвегии. Ты думаешь, что он сохранит верность тебе, если получит от тебя такое могущество? Он говорил мне зимой, что убьет тебя, если ему представится такая возможность. Не лучше ли мне подчинить Норвегию тебе и убить Золотого Харальда? Только ты обещаю мне, что, убив твоего родича, я отделаюсь легкой вирой. Я сделаюсь тогда твоим ярлом и поклянусь тебе в верности. С твоей помощью я подчиню тебе Норвегию и буду держать ее под твоей властью и платить тебе подати. Ты будешь тогда большим конунгом, чем твой отец, если ты будешь править двумя большими странами.

И вот конунг и ярл договорились между собой, и Хакон отправился со своим войском на поиски Золотого Харальда.

XIV

Золотой Харальд подошел к Хальсу в Лимафьорде. Он сразу же вызвал Харальда Серая Шкура на бой. И хотя у Харальда Серая Шкура было меньше войска, он сразу же сошел на берег и приготовился к бою. Он построил свое войско в боевой порядок. Прежде, чем войска сошлись, Харальд Серая Шкура горячо подбодрил свое войско и велел обнажить мечи. Он бросился в первые ряды войска и стал рубить на обе стороны. Глум сын Гейри так говорит в драпе о Харальде Серая Шкура:

*Вавуд стали⁶, кровью
Дол заливший, словом
Смог на бой подвигнуть
Войска, вождь всевластный.
Грозно речи князя
Славного звучали,
Когда взывал Харальд
К храбрости героев.*

Тут пал Харальд Серая Шкура. Глум сын Гейри говорит так:

*Принял смерть на бреге
Лимафьорда Гримнир
Полной луны струга,⁷
До коней охотник.
И сеятель света
Глуби⁸ был погублен
У Хальса речистым
Советником княжым.*

Большая часть войска Харальда конунга погибла с ним. Аринбьёрн херсир тоже погиб там. С гибели Хакона Воспитанника Адальстейна тогда прошло пятнадцать лет, а с гибели Сигурда хладирского ярла — тринадцать. Священник Ари сын Торгильса говорит, что Хакон ярл правил своей отчиной в Трандхейме тринадцать лет, когда Харальд Серая Шкура погиб, но последние шесть лет жизни Харальда Серая Шкура, говорит Ари, сыновья Гуннхильд и Хакон воевали, и то он, то они бывали принуждены покинуть страну.

XV

Хакон ярл и Золотой Харальд встретились вскоре после гибели Харальда Серая Шкура. Хакон ярл сразу же вступил в бой с Золотым Харальдом. Хакон одержал тогда победу. Харальд был взят в плен, и Хакон велел вздернуть его на виселицу. После этого Хакон ярл отправился к конунгу датчан и помирился с ним, заплатив легкую виру за убийство Золотого Харальда, его родича. Затем Харальд конунг созвал войско со всей своей державы и вышел в море с шестью сотнями кораблей. С ним были Хакон ярл и Харальд Гренландец, сын Гудрёда конунга, и много других могущественных мужей, которые бежали из своих отчин в Норвегию от сыновей Гуннхильд.

Конунг датчан направился со своим войском на север в Вик, и весь народ в стране подчинился ему. Когда он прибыл в Тунсберг, к нему стеклось очень много народу. Харальд конунг отдал все войско, которое присоединилось к нему в Норвегии, под начало Хакону ярлу. Он посадил его править Рогаландом, Хёрдаландом,

Согном, Фьордами, Южным Мёром, Раумсдалем и Северным Мёром. Харальд конунг посадил Хакона ярла править всеми этими семью фьордами с теми же правами, которые Харальд Прекрасноволосый предоставил своим сыновьям, с той только разницей, что Хакон присвоил себе там, а также в Транхейме все поместья конунга и подати со страны. Он должен был также получать из казны конунга столько, сколько ему было нужно, если в страну вторгалось войско. Харальд конунг дал Харальду Гренландцу Вингульмёрк, Вестфольд и Агдир до Лидандиснеса, а также сан конунга. Харальд Гренландец должен был править там же с теми же правами, которые были раньше у его родичей и которые Харальд Прекрасноволосый дал своим сыновьям. Харальду Гренландцу, который потом прославился⁹, было тогда восемнадцать лет. А Харальд конунг датчан вернулся со всем своим войском домой.

XVI

Хакон ярл отправился со своим войском на север страны по суше. А когда Гуннхильд и ее сыновья услышали, что произошло, они созвали войско, но собралось очень мало народу. Тогда они приняли то же решение, что и раньше, — отправились на запад за море с тем войском, которое захотело последовать за ними. Сначала они поплыли на Оркнейские острова и оставались там некоторое время. Там были раньше ярлами сыновья Торфинна Раскапывателя Черепов — Хлёдвир и Арнвид, Лёот и Скули.

А Хакон ярл подчинил себе тогда всю страну и оставался ту зиму в Трандхейме. Эйнар Звон Весов говорит об этом в драпе Недостаток Золота:

*Семь фюльков присвоил
Страж одра гадюки ¹⁰—
Вот прибыток в землях!
В битве князь всеславный.*

Когда Хакон ярл ехал летом с юга по стране и народ покорялся ему, он требовал, чтобы по всей его державе почитали капища и

совершали жертвоприношения. Люди так и делали. В Недостатке Золота говорится:

*Наказав народу
Снова в разоренных
Капищах поставить
Богов и чтить Тора,
Вслед за тем походом
Пошел с волком навиших¹¹
Игг доспехов¹², Боги
Им путь указуют,*

*Преуспел вяз алой
Плахи сечи¹³: асы
К алтарям вернулись
И жертв не отвергли.
Вновь обильны земли,
Сели, как бывало,
В святилищах Бальдры
Меча¹⁴, беспечальны.*

*Край за Виком Хакон
Крепко в руке держит,
Широко простерлись
Шлемоносца земли.*

В первую зиму, когда Хакон правил страной, сельдь подходила к берегам по всей стране, а в предыдущую осень посевы хорошо взошли всюду, где было посеяно, и весной у всех были семена, так что большинство бондов засеяли свои земли, и ожидался хороший урожай.

XVII

Рангфрэд конунг, сын Гуннхильд, и Гудрэд, другой сын Гуннхильд, — эти двое оставались еще в живых из сыновей Эйрика и Гуннхильд. Глум сын Гейри говорит в драпе о Харальде Серая Шкура так:

*Не сулила кладов
Скальду смерть Харальда,*

*Помыслы о злате
Унес пир валькирий.¹⁵
Но внимать я ныне
Рад посулам братьев
Княжых. Все с надеждой
На щедрых взирают.*

Рангфрэд начал свой поход весной, после того как он пробыл одну зиму на Оркнейских островах. Он направился на восток в Норвегию. У него было немалое войско и большие корабли. Прибыв в Норвегию, он узнал, что Хакон ярл в Трандхейме. Рангфрэд направился на север, обогнул мыс Стад и стал разорять Южный Мёр. Некоторые подчинились ему, как это часто бывает, когда войско вторгается в страну и жители ищут помощи, каждый — там, где рассчитывает скорее всего ее получить.

Хакону ярлу стало известно, что в Южный Мёр вторглось войско. Ярл снарядил корабли и велел послать по стране ратную стрелу. Он быстро собрался и направился по фьорду в море. К нему стеклось много народу.

Рангфрэд и Хакон ярл сошлись у северного побережья Южного Мёра. Хакон сразу же завязал бой. У него было большее войско, но меньшие корабли. Битва была ожесточенной, и Хакону приходилось туго. Они сражались, стоя на носах кораблей, как тогда было принято. В проливе было течение, и все корабли относило к берегу. Ярл велел табанить и подойти к берегу там, где всего удобнее высадиться. Когда корабли сели на мель, ярл и все войско сошли с кораблей, и вытащили их на берег так, чтобы враги не смогли стащить их обратно. Затем ярл построил свое войско на суше и звал Рангфрэда высадиться. Рангфрэд и его люди подвели свои корабли близко к берегу, и они долго перестреливались. Но Рангфрэд не хотел высаживаться, и так они разошлись. Рангфрэд со своим войском направился на юг за мыс Стад, так как он опасался, что к Хакону ярлу может примкнуть сухопутное войско.

Ярл же не хотел возобновлять бой, так как он понимал, что разница между их кораблями слишком велика. Так он вернулся осенью в Трандхейм и оставался там всю зиму, а Рангфрэд конунг захватил все фюльки к югу от мыса Стад — Фьорды, Согн, Хёрдаланд и Рёга-

ланд. Зимой при нем было очень много народа. А весной он велел собирать ополчение и набрал большое войско. Он проехал по всем этим фюлькам, чтобы собрать людей, корабли и военные припасы, которые ему были нужны.

XVIII

Хакон ярл собрал весной войско со всего севера страны. У него было много народа из Халогаланда и Наумудаля и со всего побережья от Бюрды до Стада. К нему собралось также войско со всего Трёндалёга и из Раумсдаля. Говорят, что у него было войско из четырех фюльков. За ним следовало семь ярлов, и у них всех вместе была огромная рать. В драпе Недостаток Золота говорится так:

*С полком превеликим
Покровитель Мёра
На Согн, неsgiбает
В брани собирался.
И четыре края
Бойцов рать за ратью
К Иггу стрел¹⁶ под стяги*

*И поход посылали.
И семеро ярлов
В бой на створах моря¹⁷
Под началом Улля
Клича стали¹⁸ мчались.
От несметной силы
Сих дружин дрожала
Страна, и тонули
В тропях ската¹⁹ трупы.*

Хакон ярл поплыл со всей этой ратью, огибая мыс Стад, на юг. Тут он узнал, что Рангфрэд конунг со всей своей ратью вошел в Согн. Он тогда повернул туда со своей ратью, и там они с Рангфрёдом сошлись. Ярл причалил со своими кораблями к берегу, велел

разметить орешниковыми ветвями поле боя для Рангфрёда конунга и выбрал место для своего войска. В Недостатке Золота говорится так:

*И стяжавший славу
Не однажды, жаждал
Новой жатвы в ратном
Поле, недруг вендов.
Нарви перебранки
Ведьм рубахи бранной,²⁰
К фюльку он носилки
Мюсинга²¹ направил.*

Разгорелась жаркая битва. У Хакона ярла было много больше людей, и он одержал победу. Это было у Тинганеса, там где Согн граничит с Хёрдаландом. Рангфрэд конунг бежал на свои корабли, и три сотни людей из его войска погибли. В Недостатке Золота говорится так:

*Был жесток стон стали,²²
Но победоносцы
Триста тел под когти
Коршуну швырнули.
И властитель с рети,
Счастлив, возвращался
С богатой добычей
К Эгирову берегу.*

После этой битвы Рангфрэд конунг бежал из Норвегии. А Хакон ярл, установив мир в стране, отпустил обратно на север ту огромную рать, которая следовала за ним летом, но сам оставался осень и зиму на юге.

XIX

Хакон ярл был женат на девушке, которую звали Тора. Она была дочерью Скаги сына Скофти. Тора была очень красива. Их сыновей звали Свейн и Хеминг, а дочерью их была Бергльтот, на которой потом женился Эйнар Брюхотряс. Хакон ярл был боль-

шой женолюб, и у него было много детей. Одну из его дочерей звали Рагнхильд. Он выдал ее за Скофти сына Скагги, брата Торы. Хакон так любил Тору, что он благоволил к ее родичам много больше, чем к другим людям, но из всех ее родичей наибольшим расположением пользовался Скофти, его шурин. Ярл дал ему большие поместья в Мёре. И каждый раз, когда они были в походе, Скофти должен был ставить свой корабль рядом с кораблем ярла, и никто не смел ставить свой корабль между их кораблями.

XX

Одним летом, когда Хакон был в походе, с ним был корабль, над которым начальствовал Торлейв Мудрый. Эйрик²³ был тоже на этом корабле. Ему было тогда десять или одиннадцать лет. Когда они вечером становились на якорь, то Эйрик не позволял, чтобы рядом с кораблем ярла становился не их корабль, а другой. Но когда они пришли на юг в Мёр, туда приплыл Скофти, шурин ярла, на боевом корабле с хорошей дружиной. Когда они подошли к кораблям ярла, Скофти крикнул, чтобы Торлейв освободил ему место и снялся с якоря. Эйрик сразу же ответил, что пусть Скофти ищет себе другого места. Хакон ярл услышал, что Эйрик, его сын, так о себе возомнил, что не хочет уступать Скофти, и крикнул сразу же, что пусть снимаются с якоря. Он пригрозил, что иначе им плохо придется, их побьют. Когда Торлейв услышал это, он велел своим людям сниматься с якоря. Они так и сделали, и Скофти стал на якорь рядом с кораблем ярла, как было у него в обычае. Скофти обычно рассказывал все новости ярлу, когда они оказывались вместе, а ярл рассказывал новости Скофти, если он их знал раньше. Его звали поэтому Новости-Скофти.

Следующей зимой Эйрик был у Торлейва, своего приемного отца. Ранней весной Эйрик набрал себе дружину. Торлейв дал ему ладью с пятнадцатью скамьями для гребцов и всем снаряжением, шатрами и припасами. Эйрик вышел по фьорду в море и затем поплыл на юг в Мёр. А Новости-Скофти плавал на такой же ладье между своими поместьями. Эйрик поплыл ему навстречу и вступил с

ним в бой. Скофти пал, а тех его людей, которые еще держались на ногах, Эйрик пощадил. Эйольв Дадаскальд так говорит в Бандадрапе:

*Двинул витязь юный
Коней вод на сходку
Мейти²⁴ с доброй ратью —
Полководцу впору.
Там, радетель дятла
Крови²⁵, вволю волка
Накормил и, смелый,
Принес гибель Скофти.*

*Ты, кольцедаритель,
Поверг в битве друга
Кьяра. Мёртв, поникнул
Ратник тороватый.
Шел от тела вяза
Лязга солнц дракона
Мачты²⁷, мечедержец,
С асами в согласие.*

Затем Эйрик поплыл на юг вдоль побережья и приплыл в Данию. Он отправился к конунгу Харальду сыну Горма и пробыл у него зиму. Следующей весной конунг датчан послал Эйрика на север в Норвегию. Он дал ему сан ярла и посадил править Вингульмёрком и Раумарики, как раньше там правили конунги-данники. Эйольв Дадаскальд говорит так:

*Отроком вождь ратей
Шел на юг со стругом, —
Скальд добыл немало
Пьяной браги карлов²⁸ —
А потом поставлен
Был детьми земными
Над супругой Игга²⁹
Герой шлемоносный.*

Эйрик ярл сделался впоследствии могущественным правителем.

XXI

Олав сын Трюггви был все это время в Гардарики и был в большой чести у Вальдимира конунга и пользовался расположением его жены. Вальдимар конунг сделал его начальником войска, которое он посылал на защиту своей страны. Олав дал там несколько битв и был хорошим военачальником. У него самого была большая дружина. Он содержал ее на средства, которые давал ему конунг. Олав был щедр со своими людьми, и поэтому его очень любили. Но случилось, как это обычно бывает, когда чужеземцы достигают могущества или большей славы, чем туземцы, что многие стали завидовать тому, что конунг и еще больше — жена конунга так благоволят к Олаву. Люди стали нащепывать конунгу, что он должен остерегаться слишком возвышать Олава:

— Ибо такой человек тебе всего опаснее, если ему придет в голову причинить вред тебе или твоей державе, особенно поскольку он даровит и его любят. И мы не знаем, о чем это он и твоя жена постоянно разговаривают.

У могущественных конунгов был тогда такой обычай: половина дружины была у жены конунга, и она должна была содержать ее на свои средства, и ей причитались налоги и подати, которые были ей необходимы для этого. Так было и у Вальдимира конунга: у его жены была не меньшая дружина, чем у него, и конунг и его жена соперничали в том, чтобы заполучить к себе в дружину наиболее доблестных мужей.

Случилось так, что конунг поверил наговорам и стал сдержанным и недружелюбным в обращении с Олавом. Олав заметил это и сказал жене конунга, добавив, что хочет уехать в Северные Страны. Он сказал, что у его родичей была там раньше держава и что, вероятно, он там всего больше преуспеет. Конунгова жена пожелала ему счастливого пути и сказал, что он всюду будет пользоваться почетом, где бы он ни был. И вот Олав снарядился в поход, сел на корабль и направился в Восточное море. Он плыл на запад и, подойдя к Боргундархольму, стал его разорять. Местные жители вышли ему навстречу и завязали битву. Но Олав одержал победу и взял там богатую добычу.

XXII

Олав стоял у Боргундархольма, когда поднялся сильный ветер и разыгралась буря. Они не могли дольше там оставаться и поплыли оттуда на юг к берегам Страны Вендов и там нашли хорошее укрытие от бури. Они не нарушали там мира и оставались там некоторое время. Конунга в Стране Вендов звали Бурицлав³⁰. Его дочерьми были Гейра, Гуннхильд и Астрид. Гейре конунговой дочери принадлежала там вся власть, когда Олав приехал в страну со своими людьми. Диксином звали человека, который имел там наибольшую власть после Гейры конунговой дочери. Когда Гейра и Диксин узнали, что в страну приехали чужеземцы, которые ведут себя как знатные люди и не нарушают мира, Диксин поехал с ним в поручении конунговой дочери Гейры пригласить пришельцев к ним на зиму, ибо лето уже кончалось, и погода стояла суровая, и свирепствовали бури. И когда Диксин приехал к чужеземцам, он сразу же понял, что их предводитель — человек знатный и по роду и по виду. Диксин сказал им, что конунгова дочь дружелюбно приглашает их к себе. Олав принял это приглашение и поехал на зиму к Гейре конунговой дочери, и они очень понравились друг другу, так что Олав посватался к Гейре конунговой дочери, и был заключен брак между ними, и Гейра конунгова дочь стала женой Олава в ту зиму. Он стал тогда правителем той державы вместе с ней. Халльфред Трудный Скальд говорит в драпе, которую он сочинил об Олаве конунге:

*В Гардах конунг гордый
Край меча окрасил —
Забывать ли об этом? —
И в поле на Хольме.*

XXIII

Хакон ярл правил Норвегией и не платил никаких податей, ибо конунг датчан уступил ему все подати, на которые конунг имел право в Норвегии, в возмещении за труд и расходы ярла по обороне страны от сыновей Гуннхильд.

XXIV

В Стране Саксов правил тогда Отта кейсар³¹. Он потребовал от Харальда конунга датчан, чтобы тот, а с ним и весь народ, которым тот правил, приняли крещение и правую веру. В противном случае, грозил кейсар, он пойдет на него войной. Тогда конунг датчан велел привести в порядок свою оборону, укрепить Датский Вал и снаряжать боевые корабли. Затем он послал в Норвегию к Хакону ярлу, требуя, чтобы тот поспешил к нему ранней весной со всем тем войском, которое он сможет собрать. Хакон ярл стал весной набирать войско по всей своей державе и собрал очень много народу. Он направился со всем этим войском в Данию и явился к конунгу датчан. Тот встретил его с почетом. У конунга датчан были тогда многие другие вожди, которые привели к нему людей. У него была теперь очень большая рать.

XXV

Олав сын Трюггви пробыл зиму в Стране Вендов, как уже было написано. Он ездил зимой в те края Страны Вендов, которые были подчинены Гейре конунговой дочери, но в то время совсем вышли из повиновения и не платили податей. Он ходил в эти края войной и перебил много народа, а некоторых поджег. Он взял большую добычу и подчинил себе эти края. Затем он вернулся в свой город.

Ранней весной Олав снарядил свои корабли и вышел в море. Он поплыл к Скандинавии и высадился там. Местные жители собрались и завязали с ней битву. Но Олав одержал победу и взял богатую добычу. Затем он поплыл на восток к Готланду. Там он захватил купеческий корабль, который принадлежал людям из Ямталанда. Они упорно защищались, но в конце концов Олав очистил корабль от людей, перебил много народу и захватил все добро. Третью битву он дал на Готланде. Он одержал там победу и взял большую добычу. Халльфред Трудный Скальд говорит так:

*Ямталандцев с вендами
Бивал встарь немало
В сечах всемогущий
Идолиц крушитель.*

*Тьму врагов угробил
На Готланде конунг,
Княжич не однажды
Лил дождь стрел на Сканей.*

XXVI

Отта кейсар собрал большую рать. У него были люди из Страны Саксов, Страны Франков и Страны Фризов, а из Страны Вендов к нему присоединился Бурицлав конунг с большим войском. С ним был и Олав сын Трюггви, его зять. У кейсара была большая конница, но пехоты у него было много больше. У него было также большое войско из Хольтсеталанда. Харальд конунг датчан послал Хакона ярла с тем норвежским войском, которое с ним пришло, на юг к Датскому Валу, чтобы оборонять там страну. В Недостатке Золота говорится так:

*И вперед под ветром
Шли на юг, послушны
Власти меченосца,
Звери влажной хляби.
Путь держал к пределам
Датским в злато-шлеме
Вождь державный хёрдов
И довров³² опора.*

*По зиме князь ютов³³
Испробовал силу
Северного альва
Сельдей битвы³⁴ в деле,
Когда ратобитец
Встал защитой вала
Против полчищ Ньёрдов
Жерновов сражений.³⁵*

Отта кейсар подошел со своей ратью с юга к Датскому Валу, а Хакон ярл со своим войском оборонял вал. Датский Вал устроен так: в сушу врезаются два фьорда, каждый со своей стороны страны, и

между вершинами фьордов датчане соорудили большой вал из камней, дерна и бревен и вырыли с внешней его стороны широкий и глубокий ров, а перед каждым воротами воздвигли укрепления. Пройзошла ожесточенная битва. О ней говорится в Недостатке Золота:

*Не страшился витязь
Трудного удела,
В лютой схватке натиск
Вражий отражая,
Когда с юга вендов
Строй и франков рати
Князь привел, — и фризов —
Клич вождя раздался.*

Хакон ярл поставил отряды у всех ворот вала, но большая часть его войска должна была передвигаться вдоль вала и отражать нападение там, где это было необходимо. У кейсара погибло много людей, но его войску не удалось прорваться сквозь вал. Тогда кейсар отступил и больше не пытался прорваться. В Недостатке Золота говорится так:

*Грянул гром искр Оми.³⁶
Гримнир изриц стали³⁷
Дал — щиты сшибались —
Отпор Ньёрдам битвы.
Саксов, славный, к бегству
Принудил Тунд Факси
Вод³⁸, когда с отрядом
Отстаивал стену.*

После этой битвы Хакон ярл вернулся на свои корабли и хотел плыть назад на север в Норвегию, но не было попутного ветра, и он ждал его в Лимафьорде.

XXVII

Отта кейсар повернул тогда со своим войском к Сле. Он собрал свои корабли и переправил войско через фьорд в Йотланд. Когда об

этом узнал Харальд конунг датчан, он направился против него со своим войском. Произошла большая битва, и в конце концов кейсар одержал победу, а конунг датчан бежал к Лимафьорду и переправился на остров Марсей. Между конунгами начались переговоры через посланцев, и было заключено перемирие, и назначена встреча. Отта кейсар и конунг датчан встретились на Марсей. Тогда святой епископ Поппо стал проповедовать христианскую веру Харальду конунгу. Поппо пронес раскаленное железо в руке и показал Харальду конунгу, что его рука не была обожжена. Тут Харальд конунг крестился со всем датским войском. Харальд конунг еще раньше, когда он был на Марсей, послал сказать Хакону ярлу, чтобы тот поспешил ему на помощь. Ярл приехал на остров, когда конунг принимал крещение. Конунг тогда послал сказать ярлу, чтобы тот пришел к нему. А когда они встретились, конунг заставил ярла принять крещение. И ярл крестился, и с ним все те люди, которые при нем были. Конунг дал тогда ему священников и других ученых людей и сказал, что ярл должен заставить креститься весь народ в Норвегии. На этом они расстались.

Хакон ярл поплыл к морю и стал ждать попутного ветра. Когда установилась такая погода, что, как он решил, можно было пуститься в путь, он спровадил на берег всех ученых людей и вышел в море. Но ветер был юго-западный и западный. Ярл тогда поплыл на восток через Эйрарсунд, разоряя страну по обоим берегам. Затем он поплыл на восток к побережью Сканий и разорял страну всюду, где приставал к берегу. Заплыв еще дальше на восток, к Гаутским Шхерам, он пристал к берегу и совершил большое жертвоприношение. Тут прилетели два ворона³⁹ и стали громко каркать. Ярл решить, что, значит, Один принял жертвоприношение и будет помогать ему в бою. Он тогда высадился на берег всем своим войском, сжег все свои корабли и стал разорять страну. Навстречу ему выступил Оттар ярл. Он правил Гаутландом. Произошла большая битва. Хакон ярл одержал победу, а Оттар ярл пал в битве, и с ним — большая часть его войска. Хакон ярл пошел по обоим Гаутландам, разоряя все, пока не пришел в Норвегию. Тут он отправился по суше на север в Трандхейм. Обо всем этом говорится в Недостатке Золота:

*Пытал судьбу в поле
Повергатель ратей,*

Нанны войн⁴⁰ внимая
Вещему совету,
И защитник брани
Птицам ран напиток
Дал, без счета гаутов
Разя, стражник капищ.

Ярл в уборе Сёрли⁴¹
первым средь героев
Сам для встречи тарчей⁴²
В гаутский край нагрянул,
Куда мореходы —
Весь повержен Гаутланд —
Досель не вносили
Щитов позлащенных.

Он телами поле,
Ас ненастья Фроди,⁴³
Усеял, сим волю
Верша Отца Павших.⁴⁴
Хакона владыки⁴⁵
Вели в драке стали,
Мошь недруга рода
Княжьего умножив.

XXVIII

Отта кейсар вернулся в Страну Саксов, в свою державу. Они расстались с конунгом датчан дружелюбно. Люди говорят, что Отта кейсар был крестным отцом Свейна, сына Харальда конунга, и дал ему свое имя, так что тот при крещении получил имя Отта Свейн. Харальд конунг датчан держался христианской веры до самой смерти. Буррицлав конунг вернулся тогда в страну вендов, а с ним Олав, его зять. Об этих битвах говорит Халльфред Трудный Скальд в драпе об Олаве:

Вяз сражений⁴⁶ срезал
С березовой рощи

*Меди битв⁴⁷ под Хейдабю
Бересту в пре стали.⁴⁸*

XXIX

Олав сын Трюггви уже был три года в Стране Вендов, когда Гей-ра, его жена, заболела и от этой болезни умерла. Олав принял это так близко к сердцу, что после этого не находил радости в Стране Вендов. Он снарядил боевые корабли и отправился в поход, сначала в Страну Фризов, затем в Страну Саксов и дальше в Страну Флемингов. Халльфред Трудный Скальд говорит так:

*Дал сын Трюггви волю
Клинку напоследок,
Скормил сотни саксов
Ведьм коню⁴⁹ лихому.
Бурой кровью фризов
Поил в изобилье
Серую опору
Всадниц мрака⁵⁰, ратник.*

*Валькерв⁵¹ всесильный
Валил полководец,
Он флемингов племя
Бросил волку в поле.*

XXX

Затем Олав сын Трюггви отправился в Англию и воевал там по всей стране. Он ходил походом на север в Нортимбраланд и воевал там. Затем он отправился на север в Шотландию и воевал там по всей стране. Оттуда он поплыл на Южные Острова и дал там несколько битв. Затем он направился на юг на остров Мен и сражался там. Он воевал также повсюду в Ирландии. Потом он направился в Бретланд и воевал повсюду там, а также в местности, которая называется Кумраланд. Оттуда он поплыл на запад в Валланд и воевал там. Затем он поплыл на восток, направляясь в Англию, и попал на

острова, которые называются Сьюллинги и лежат к западу от Англии. Халльфред Трудный Скальд говорит так:

*Злой в сраженьи княжич
Гнал нещадно англов,
Тьму нортимбров, грозный,
В треске стрел угробил.
Сотоварищ Гери⁵²
Сек он сталью скоттов,
Тешил длань на Мене
Монет расточитель.⁵³*

*Иров в прах стирая
И рать островную,
В битве пытчик лука
Дух явил великий.
Кормил в Кумраланде
Князь баклана распри
Стрел⁵⁴, и против бриттов
Вождь дружины двинул.*

Олав сын Трюггви был четыре года в походах с того времени, как он уехал из Страны Вендов и до приезда на Сьюллинги.

XXXI

Когда Олав сын Трюггви был на Сьюллингах, он услышал, что на одном из этих островов живет какой-то прорицатель, который предсказывает будущее, и многие считали, что его предсказания сбываются. Олаву захотелось проверить предсказания этого человека. Он послал к нему самого красивого и статного из своих людей, одев его в роскошные одеяния, и велел сказать прорицателю, что он — конунг. А Олав уже прослыл тогда во всех странах более красивым, знатным и сильным, чем другие люди. И с тех пор, как он уехал из Гардарики, он изменил свое имя и называл себя Оли и говорил, что он из Гардарики. И вот когда посланец явился к прорицателю и сказал, что он — конунг, он получил такой ответ:

— Ты не конунг, но я советую тебе быть верным твоему конунгу.

Больше ничего не было сказано посланцу. Тот вернулся и сказал Олаву об ответе прорицателя. Олаву теперь еще больше захотелось встретиться с ним, когда он услышал о его ответе так как теперь он перестал сомневаться в том, что тот действительно прорицатель. Олав отправился у нему и имел с ним беседу. Олав спросил у него, что он ему предскажет — будет ли он править державой и какова будет вообще его судьба. Тогда отшельник ответил ему святым прорицанием:

— Ты будешь знаменитым конунгом и совершишь славные дела. Ты обратишь многих людей в христианскую веру и тем поможешь и себе, и многим другим. И чтобы ты не сомневался в этом моем предсказании, я дам тебе такой знак: у тебя на кораблях будет предательство и бунт. Произойдет битва, и ты потеряешь несколько своих людей, а сам будешь ранен. Рану твою посчитают смертельной, и тебя отнесут на щите на твой корабль. Но через семь дней ты исцелишься от этой раны и вскоре примешь крещение.

Олав вернулся на свои корабли и там встретил бунтовщиков, которые хотели убить его и его дружину. Все произошло так, как предсказал отшельник: Олав был отнесен раненый на корабль и на седьмой день исцелился. Тогда Олав увидел, что этот человек сказал ему правду и что он настоящий прорицатель, откуда бы ни бралось его знание будущего. Олав пошел поэтому во второй раз к этому человеку и долго с ним беседовал. Он расспрашивал его, откуда у него такая мудрость, что он может предсказывать будущее. Отшельник ответил, что сам бог христиан открывает ему все, что он хочет знать, и он рассказал ему также о многих чудесных делах бога. Благодаря этим увещаниям Олав согласился принять крещение, и вот Олав и все его спутники крестились. Он довольно долго оставался там и учился правой вере, и взял с собой оттуда священников и других ученых людей.

XXXII

Осенью Олав отплыл с Скуллингов в Англию. Он стоял там в одной гавани и вел себя мирно, так как Англия была крещеной, и он тоже был теперь крещеным. Там в стране как раз созывался какой-

то тинг, и все должны были явиться на этот тинг. Когда тинг собрался, на него явилась конунгова дочь, Гюда по имени, сестра Олава Кварана, конунга в Дюплинне в Ирландии. Она была раньше замужем в Англии за одним могущественным ярлом. Этот ярл умер, а она унаследовала его державу. В ее державе был человек по имени Альвини. Он был очень воинственен и любил вызывать на поединок. Он посватался к ней, но она ответила, что хочет сама выбрать, за кого она пойдет замуж из тех людей, что есть в ее державе. Тинг и был созван, чтобы она могла выбрать себе супруга. Туда пришел Альвини, одетый в лучшие одеяния, и многие другие роскошно одетые мужи. Пришел туда и Олав. Он был одет в дорожную одежду, а поверх у него был меховой плащ. Он стоял со своей дружиной отдельно от других людей. Гюда ходила и смотрела на каждого, кто казался ей сколько-нибудь стоящим человеком. Когда она подошла туда, где стоял Олав, она посмотрела ему в лицо испросила, кто он такой. Он назвал себя Оли и сказал:

— Я здесь чужестранец.

Гюда сказала:

— Хочешь жениться на мне? Тогда я выбираю тебя.

— Я не против, — ответил он и спросил об ее имени, роде и происхождении.

— Я конунгова дочь из Ирландии, — ответила она. — Я была выдана за ярла, который правил здесь в стране. С тех пор как он умер, я правлю державой. Многие ко мне сватались, но среди них не было того, за кого бы я пошла замуж. А зовут меня Гюда.

Она была молодая и красивая женщина. Они повели беседу друг с другом и обо всем договорились. Альвини это очень не понравилось. А в Англии было в то время в обычае, что, когда двое соперничали в чем-либо, то решать должен был поединок между ними. И вот Альвини вызвал Олава сына Трюггви на поединок. Они договорились о времени и месте встречи. С каждой стороны должно было быть по двенадцать человек. А когда они встретились, Олав сказал своим людям, чтобы они делали то же, что он. У него была большая секира. Когда Альвини хотел нанести ему удар мечом, он выбил у него меч из рук, а вторым ударом повалил Альвини на землю. Затем Олав крепко связал его. То же самое произошло со всеми людьми Альвини: они были повалены, связаны и отведены к Олаву в дом. Затем

Олав велел Альвини покинуть страну и назад не возвращаться. А Олав взял себе все его имущество. И вот Олав женился на Гюде и жил в Англии, а иногда в Ирландии.

Однажды, когда Олав был в Ирландии, он ходил в поход, и они плыли на кораблях. И когда им понадобилось забить на берегу скот, его люди сошли на землю и пригнали к берегу много скота. Тут подошел один бонд и попросил Олава вернуть ему коров. Олав сказал ему, пусть берет, если может их узнать:

— Но не заставляй нас ждать!

А у бонда была большая пастушья собака. Он показал ей на стадо, а там было согнано много сотен голов. Собака обежала все стадо и отогнала ровно столько коров, сколько, по словам бонда, у него было. Все они были мечены. Было очевидно, что собака и правда узнала коров и что она удивительно умна. Тогда Олав спросил бонда, не отдаст ли он ему эту собаку.

— Охотно, — сказал тот.

И Олав сразу же дал ему в обмен золотое обручье и заверил его в своей дружбе. Собаку эту звали Виги, и лучше ее не бывало. Она долго была у Олава.

XXXIII

Харальд сын Горма, конунг датчан, услышал, что Хакон ярл отрекся от христианства и разоряет земли конунга датчан. Тогда Харальд конунг датчан собрал войско и пошел походом в Норвегию. Когда он приплыл в те земли, которыми правил Хакон ярл, он стал воевать там и разорил всю страну и поплыл с войском на острова, которые называются Солундир. Только пять дворов оставались несожженными в Лерадале в Согне, а весь люд бежал в горы и пустоши со всем тем, что они могли с собой захватить.

Конунг датчан собирался отправиться со всем этим войском в Исландию, чтобы отомстить за хулительные стихи, которые все исландцы сочинили о нем. В Исландии был принят закон: о конунге датчан нужно было сочинить по хулительной виле с каждого жителя страны. А причина тому была та, что корабль, принадлежавший исландцам, разбился у берегов Дании, и датчане захватили весь груз как добро, выброшенное морем, и заправлял этим наместник конун-

га по имени Биргир. О них обоих сочинены хулительные стихи. В них говорилось:

*И топча в обличье
Слейпнира угоры
Мёрнировы⁵⁶, Харальд
Весь размяк, вояка,
А бедняга Биргир,
Богам неугодный,
Там — видали люди —
Был его кобылой.*

Харальд конунг велел одному колдуну отправиться в чужом обличьи в Исландию на разведку и потом ему донести. Тот отправился в обличьи кита. Подплыв к Исландии, он отправился на запад и обогнул страну с севера. Он увидел, что все горы и холмы полны там духами страны, большими и малыми. А когда он проплывал мимо Оружейного Фьорда, он заплыл в него и хотел выйти на берег. Но тут вышел из долины огромный дракон и за ним — множество дышащих ядом змей, жаб и ящериц. Колдун поплыл прочь и направился на запад вдоль берега к Островному Фьорду. Но когда он заплыл в этот фьорд, навстречу ему вылетела птица, такая громадная, что крылья ее задевали горы по обоим берегам, а за ней — множество других птиц, больших и малых. Колдун поплыл оттуда прочь и направился сначала на запад, а затем, огибая страну, на юг к Широкому Фьорду и заплыл в него. Но тут навстречу ему вышел огромный бык и пошел вброд по морю со страшным ревом, а за ним шло множество духов страны. Колдун поплыл прочь и направился на юг, огибая Мыс Дымов, и хотел выйти на берег у Викарскейда. Но тут навстречу ему вышел великан в железной палицей в руке. Голова его была выше гор, и много других великанов шло за ним. Оттуда колдун поплыл вдоль берега на восток. Но там, как он сказал, нет ничего, кроме песчаных отмелей, и негде пристать, и сильный прибой, и море такое огромное между странами, что на боевых кораблях туда не переплыть. А это были Броддхельги в Оружейном Фьорде, Эйольв сын Вальгерд в Островном Фьорде, Торд Ревун в Широком Фьорде и Тородд Годи в Эльвусе⁵⁷.

Конунг датчан повернул со своим войском на юг и поплыл вдоль берега в Данию, а Хакон ярл велел снова селиться по всей стране и больше не платить никаких податей конунгу датчан.

XXXIV

Свейн, сын Харальда конунга, тот, что потом был прозван Виллобродым, потребовал от Харальда конунга, своего отца, чтобы тот поделил с ним власть. Но, как это было и раньше, Харальд конунг не захотел делить пополам датскую державу и уступать ему власть. Тогда Свейн снаряжает себе боевые корабли и говорит, что он хочет оправиться в викингский поход. Когда все его войско собралось и к нему присоединился от йомсвикингов⁵⁸ Пальнатоки, Свейн поплыл к Сьяланду и вошел в Исафьорд. А там стоял со своими кораблями Харальд конунг, его отец, и собирался в поход. Свейн вступил с ним в бой. Битва была ожесточенной. К Харальду конунгу стеклось много народу, так что численный перевес оказался на его стороне, и Свейн потерпел поражение и бежал. Но Харальд конунг получил раны, от которых умер.

И вот Свейн был провозглашен конунгом Дании. Тогда ярлом Йомсборга в Стране Вендов был Сигвальди. Он был сыном Струтхаральда конунга, который правил в Сканде. Братьями Сигвальди были Хеминг и Торкель Высокий. Вождами йомсвикингов были тогда также Буи Толстый с Боргундархольма и Сигурд, его брат. Там был также Вагн, сын Аки и Торгунны, племянник Буи и Сигурда. Сигвальди ярл — а он был женат на Астрид, дочери Бурицлава конунга, — захватил Свейна конунга и отвез его в Йомсбург в Стране Вендов. Он заставил его помириться с Бурицлавом конунгом вендов и принять его, ярла, решение об условиях примирения. В противном случае — грозил ярл — он выдаст Свейна конунга в руки вендов. Так как конунг знал, что они замучат его до смерти, он согласился на решение ярла: Свейн конунг должен был жениться на Гуннхильд, дочери Бурицлава конунга, а Бурицлав конунг должен был жениться на Тюри, дочери Харальда и сестре Свейна конунга, и оба сохраняют власть в своих державах, и между ними будет мир. И вот Свейн конунг вернулся в Данию с Гуннхильд, своей женой. Их сыновьями были Харальд и Кнут Могучий.

В то время датчане очень грозились пойти походом в Норвегию против Хакона ярла.

XXXV

Свейн конунг дал большой пир и пригласил на него вождей своей державы. Он хотел справить тризну по Харальду, своему отцу. Незадолго до этого умерли также Струтахаральд в Сканей и Весети с Боргундархольма, отец Буи Толстого и Сигурда. Конунг послал сказать йомсвикингам, чтобы Сигвальди ярл и Буи и братья обоих приехали справить тризну со всеми своими самыми доблестными людьми. У них было сорок кораблей из Страны Вендов и двадцать — из Сканей. На пир собралось очень много народу.

В первый день пира, прежде чем Свейн конунг взойшел на престол своего отца, он поднял кубок в его память и дал обет, что до того, как пройдут три года, он пойдет походом на Англию и убьет Адалрада конунга или прогонит его из страны. Этот кубок должны был пить все, кто был на пиру. Вождям йомсвикингов наливали в самые большие рога и напиток — самый крепкий из тех, что там были. Когда этот кубок был выпит, все должны были выпить кубок в память Христа. И снова йомсвикингам наливали дополна и самого крепкого напитка. Третий кубок был в память Михаила, и все должны были его выпить. После этого Сигвальди ярл поднял кубок в память своего отца и дал обет, что до того, как пройдет три года, он пойдет походом в Норвегию и убьет Хакона ярла или прогонит его из страны. Затем Торкель Высокий, его брат, дал обет последовать за Сигвальди в Норвегию и не отступать в битве, пока Сигвальди будет сражаться. Затем Буи Толстый дал обет пойти походом в Норвегию с ними и не отступать в битве против Хакона ярла. Затем Сигурд, его брат, дал обет пойти походом в Норвегию и не отступать, пока большая часть йомсвикингов будет сражаться. Затем Ваги сын Аки дал обет пойти с ними в поход в Норвегию и не возвращаться, пока он не убьет Торкеля Глину и не ляжет в постель с Ингибьёрг, его дочерью. Многие другие вожди тоже давали различные обеты.

Весь день люди правили тризну. А на следующее утро, когда йомсвикинги отрезвели, они поняли, что наговорили лишнего, и стали совещаться и обсуждать, как взяться за осуществление похода, и ре-

шили снарядиться как можно скорее. И вот они снаряжают свои корабли и войско. А слава об их замысле разнеслась по странам.

XXXVI

Ярл Эйрик сын Хакона тоже услышал о том, что произошло. Он был тогда в Раумарики. Он сразу же собрал войско и направился в Упплэнд и дальше на север через горы в Трандхейм к Хакону ярлу, своему отцу. Об этом говорит Торд сын Кольбейна в драпе об Эйрике:

*И окрест летели
Зловещие вести
О походе датском,
Полня страхом бондов.
Скоро сведал кормчий
Створы вод⁵⁹: на юге
К Эгирову лугу⁶⁰
Кони вод спустились.*

XXXVII

Хакон ярл и Эйрик ярл велют разослать ратную стрелу по всему Трёндалёгу, дают знать в оба Мёра и Раумсдаль, а также на север в Наумудаль и Халогаланд и призывают все ополчение — войско и корабли. В драпе об Эйрике говорится так:

*Много быстрых стругов
И ладей по глади
Князь пустил, — так полнись
Хвалой песня скальда —
Когда с кругом сечи⁶¹
Отчий край от вражьих
Ратей он ретиво
Ограждал, друг враний.*

Хакон ярл направился сразу в Мёр на разведку и для сбора войска, а Эйрик ярл собрал войско и двинулся на юг.

XXXVII

Йомсвикинги направились со своим войском в Лимафьорд, а от туда они вышли в море и приплыли в Агдир с шестьюдесятью кораблями. Затем они сразу же поплыли со своим войском на север в Рогаланд. Они начали разорять страну, как только оказались во владениях Хакона Ярла, и так поплыли на север вдоль побережья, все разоряя.

Одного человека звали Гейрмунд. Он плыл на быстроходной ладье, и с ним было несколько человек. Он добрался до Мёра и застал там Хакона ярла. Он пришел к нему, когда тот сидел за столом, и сообщил ему, что на юге страны появилось войско, приплывшее из Дании. Ярл спросил, верное ли это известие. Гейрмунд поднял руку, на которой была отрублена кисть, и сказал, что это достаточное доказательство того, что в страну вторглось войско. Тогда ярл стал подробно расспрашивать его об этом войске. Гейрмунд сказал, что это йомсвикинги:

— Они перебили много народа и повсюду грабили, — сказал он. — Но они движутся быстро и поспешно. Я полагаю, что очень скоро они нагрянут сюда.

Тогда ярл поплыл по всем фьордам вдоль одного берега и назад по другому. Он плыл день и ночь и послал своих лазутчиков верхним путем через Эйд, а также на север, где Эйрик плыл с войском. Об этом говорится в драпе об Эйрике:

*И, покорны ярлу,
Мчались кони мачты,⁶²
Встречи в поле сельди⁶³
С Сигвальди искали.
Гнулаь снасть, но смерти
Мужи не страшились,
Лесом весел тропы
Ската рассекая.*

Эйрик ярл плыл с войском на юг так быстро, как только мог.

XXXIX

Сигвальди ярл плыл со своим войском на север, огибая мыс Стад, и сперва стал у островов Херейяр. Местные жители, которых викинги встречали, никогда не говорили правды о том, что ярлы предпринимают. Викинги разоряли все на своем пути. Они остановились у острова Хёд, сошли на берег и стали грабить. Они отправляли на корабли пленных и скот и убивали всех, способных носить оружие. Когда они возвращались на корабли, к ним подошел один старик, а тут как раз был Буи и его люди. Старик сказал:

— Не так вы ведете себя, как подобает воинам, — гоните к берегу коров и телят. Для вас было бы более удачной охотой взять медведя, который сейчас так близко от медвежьей ямы.

— Что это там сказал старик? — говорят они. — Не можешь ли ты нам сказать что-нибудь о Хаконе ярле?

Старик говорит:

— Он вчера приплыл в Хёрундарфьорд. У него был один или два корабля, самое большое — три, и он ничего не слышал о вас.

Буи и его люди сразу же побежали к кораблям и бросили всю свою добычу. Буи сказал:

— Воспользуемся тем, что мы только что узнали, и тогда мы впервые одержим победу!

Они сели на корабли и вышли в море. Сигвальди окликнул их и спросил, что слышно. Они крикнули, что Хакон ярл во фьорде. Тогда ярл велит сниматься с якоря и они огибают с севера остров Хёд и направляются во фьорд.

XL

Хакон ярл и Эйрик ярл, его сын, стояли в Халлькельсвике. Там собралось все их войско. У них было полторы сотни кораблей, и они уже знали, что йомсвикинги стали у острова Хёд. И вот ярлы направились с юга навстречу им, и когда они подошли к заливу, который называется Хьерунгаваг, они столкнулись с йомсвикингами. Обе стороны приготовились к бою. В середине строя кораблей йомсвикингов было знамя Сигвальди ярла. Туда Хакон ярл направил свой натиск. У Сигвальди ярла было двадцать кораблей, у Хакона —

шестьдесят. В войске Хакона ярла предводителями были Торир Олень из Халогаланда и Стюркар из Гимсара. На одном крыле йомсвикингов были Буи Толстый и Сигурд, его брат, с двадцатью кораблями. Против них ярл Эйрик сын Хакона направил шестьдесят кораблей. Предводителями у него были Гудбранд Белый из Упплёнда и Торкель Глина из Вика. На другом крыле йомсвикингов расположился Вагн сын Аки с двадцатью кораблями, а против него — Свейн сын Хакона и с ним Скегги из Уппхауга в Ирьяре и Рёгнвальд из Эрвика на Стаде с шестьюдесятью кораблями. В драпе об Эйрике говорится так:

*К ратным встречам резво
Плыли звери снасти⁶⁴
Датские в исходе
Дальнего похода.
От златолюбивых
Их скоро очистил
Ярл, и уносило
Горы трупов море.*

Эйвинд Погубитель Скальдов говорит в Перечне Халейгов так:

*И навряд
В этой встрече
Повезло
Злототворцам Фрейра,⁶⁵
Когда пошли
С кораблями
Против них
Вожди народов,
И табун
Буруна⁶⁶ двинул
Ас брони⁶⁷
На свирепых.*

И вот ряды кораблей сошлись, и разгорелась ожесточеннейшая битва. Много народу гибло с обеих сторон, но гораздо больше гибло

в войске Хакона, ибо йомсвикинги сражались храбро, смело и отчаянно и насквозь пробивали щиты оружием. На Хакона ярла натиск был так силен, что его кольчуга вся порвалась, и ему пришлось сбросить ее. Тинд сын Халлькеля говорит так:

*Нет, не Герд уборов⁶⁸
Нарядная ярлу —
Громче пламень битвы
Пел — постель стелила.
Когда иссеченный
Одинов он скинул
Плащ. Драконы поприщ
Свейди⁶⁹ опустели.*

*И когда кольчуга
С плеч слетела ярла,
Был средь войска смелый
Отличен обличьем.*

XLI

У йомсвикингов корабли были крупнее и с более высоким бортом, но обе стороны наступали очень рьяно. Вагн сын Аки стал так теснить корабль Свейна сына Хакона, что Свейн велел табанить и чуть не обратился в бегство. Тут Эйрик ярл подплыл туда во главе других своих кораблей и стал теснить Вагна. Вагн велел табанить, и корабли вернулись в прежнее положение. Тогда Эйрик возвратился к другим своим кораблям. Теперь люди Эйрика стали табанить, так как Буи перерубил канаты, связывающие его корабли, и стал теснить корабли Эйрика. Эйрик поставил тогда свой корабль борт о борт с кораблем Буи, и завязался ожесточенный рукопашный бой. Два или три корабля Эйрика теснили один корабль Буи. Но тут вдруг поднялась непогода, и пошел такой крупный град, что одна градина весила эйрир. Тогда Сигвальди перерубил канаты, связывающие его корабли, и повернул свой корабль, чтобы бежать. Вагн сын Аки окликнул его, призывая вернуться. Но Сигвальди ярл не стал его слушать. Тогда Вагн метнул в него копье и попал в того, кто сидел у руля. Сиг-

вальд ярл уплыл прочь с тридцатью пятью кораблями, и у йомсвикингов осталось только двадцать пять кораблей.

Тут Хакон ярл подвел свой корабль к другому борту корабля Буи, и удары посыпались на людей Буи. Вигфусс сын Глума Убийцы схватил с палубы наковальню, на которой кто-то выпрямлял рукоять своего меча. Вигфусс был силач каких мало. Он метнул наковальню двумя руками и попал в голову Аслаку Лысому, так что острый конец наковальни вонзился в мозги. До этого Аслака не брало никакое оружие, и он рубил на обе стороны. Он был приемным сыном Буи и во время боя стоял на носу корабля. Рядом с ним стоял Хавард Рубака. Он был силач и храбрец каких мало. И вот люди Эйрика ворвались на корабль Буи, а потом и на корму, где был Буи. Торстейн Долговязый нанес Буи удар поперек лба и рассек его шлем, так что Буи был сильно ранен. Буи тогда нанес Торстейну удар мечом сбоку, так что тот был разрублен пополам, в поясице. Тут Буи схватил два ларца, полные золота, и крикнул громко:

— За борт, все люди Буи!

И Буи бросился за борт с ларцами, и многие его люди тоже прыгнули за борт, а другие были сражены на корабле, ибо просить о пощаде было бесполезно. Так весь корабль Буи был очищен от людей от носа до кормы, а потом и другие его корабли один за другим.

Тут Эйрик ярл стал теснить корабль Вагна. Он встретил там ожесточенное сопротивление, но в конце концов их корабль был тоже очищен от людей, а Вагн и с ним тридцать человек взяты в плен и связанными отвезены на берег. Торкель Глина подошел к ним и сказал:

— Ты дал обет, Вагн, убить меня, но похоже на то, что это я убью тебя!

Вагн и его люди сидели все вместе на бревне. У Торкеля была в руках большая секира. Он зарубил того, кто сидел на бревне с краю. Вагн и его люди были связаны так, что одна та же веревка скручивала их ноги, а руки у них были свободны. Один из них сказал:

— У меня в руке нож, я его воткну в землю, если еще буду понимать что-нибудь, когда у меня будет отрублена голова.

Голова слетела у него с плеч, и нож выпал у него из руки.

Среди них был красавец с длинными волосами. Он закинул волосы вперед, подставил шею и сказал:

— Не замарайте мне кровью волосы.

Один человек взял рукой его волосы и стал их крепко держать. Торкель взмахнул секирой. Викинг отдернул голову, и тот, кто держал его волосы, подался вперед. Секира обрушилась на его руки, отсекала их и врезалась в землю. Тут подошел Эйрик ярл и спросил:

— Кто этот красавец?

— Меня зовут Сигурд, — ответил тот, — и я считаюсь сыном Буи.

Эйрик говорит:

— Ты, наверное, и в самом деле сын Буи. Хочешь я подарю тебе жизнь?

— Смотря кто мне ее дарит, — отвечает Сигурд.

— Тот дарит, — говорит ярл, — кто властен: Эйрик ярл.

— Тогда хочу, — отвечает Сигурд. И с него сняли веревку. Тут Торкель Глина сказал:

— Даже если ты, ярл, дашь пощаду всем этим людям, Вагн сын Аки не уйдет отсюда живым!

И он подбежал и замахнулся секирой, но викинг Скарди, который стоял со связанными ногами, покачнулся и рухнул в ноги Торкелю, и Торкель свалился ничком на него. Тут Вагн схватил секиру Торкеля, взмахнул ею и зарубил Торкеля насмерть. Тогда ярл сказал:

— Вагн, хочешь, я подарю тебе жизнь?

— Хочу, — отвечает тот, — если мы все ее получим.

— Освободить их, — велел ярл, и это было сделано. Восемнадцать викингов было убито, а двенадцать получило пощаду.

XLII

Хакон ярл и многие люди с ним сидели на поваленном дереве. Вдруг зазвенела тетива на корабле Буи и стрела вонзилась в Гицура из Вальдреса, знатного мужа, который в пышном наряде сидел рядом с ярлом. Люди пошли на этот корабль и нашли там Хаварда Рубаку, который стоял у борта на коленях, так как ступни были у него обрублены. В руке у него был лук. Он спросил у тех, кто пришел на корабль:

— Кто свалился с бревна?

Они сказали, что его звали Гицур.

— Значит, моя удача меньше, чем мне бы хотелось, — говорит он.

— Достаточно велика удача, — отвечают они, — но теперь тебе ее не увеличить, — и они убили его.

Затем обыскали убитых и снесли всю добычу в одно место, чтобы поделить ее. Тинд говорит так:

*Вендов Тунд кольчуги⁷⁰
Метил углем рети,⁷¹
Кусал кости Фенрир
Солнц дракона зыби,⁷²
Прежде чем ствол стали —
Смертоносен ратный
Труд — очистил двадцать
С лишком стругов длинных.*

После этого войско разошлось. Хакон ярл отправился в Трандхейм. Он был очень недоволен тем, что Эйрик пощадил Вагна сына Аки. Люди рассказывают, что Хакон ярл в этой битве, чтобы одержать победу, принес в жертву богам Эрлинга, своего сына, и тогда поднялась непогода, и йомсвикинги стали терпеть большой урон.

Эйрик ярл отправился тогда в Упплэнд и дальше на восток в свои владения, и Вагн сын Аки сопровождал его. Эйрик поженил Вагна на Ингибьёрг, дочери Торкеля Глина, и дал ему добрый боевой корабль со всем снаряжением и дружиной. Они расстались как лучшие друзья. Вагн отправился домой на юг в Данию. Он стал потом знаменит, и от него произошло много знатных мужей.

XLIII

Харальд Гренландец был конунгом в Вестфольде, как было написано раньше. Он был женат на Асте, дочери Гудбранда Шишки. Одним летом, когда Харальд Гренландец отправился в Восточные Страны в викингский поход, чтобы добыть себе добра, он поехал в Швецию. В то время там правил конунг Олав Шведский. Он был сын конунга Эйрика Победоносного и Сигрид, дочери Скетлар-Тости. Сигрид была тогда вдовой, и у нее было много больших поместий в Швеции. Когда она услышала, что в страну куда-то неподалеку приехал Харальд Гренландец, с которым она вместе воспитывалась, она

послала к нему людей и пригласила его на пир. Он не стал откладывать поездку и отправился в сопровождении многих своих людей. Прием был очень дружеским. Конунг и Сигрид сидели на престоле и пили вместе в продолжении вечера, и всех людей конунга усердно угощали. Вечером, когда конунг пошел в опочивальню, ему там была приготовлена постель с пологом из драгоценной ткани и роскошными покрывалами. Народу в этом покое было мало. Когда конунг разделся и лег в постель, к нему пришли Сигрид и сама наполнила его кубок и очень склоняла его к тому, чтобы он выпил, и была очень весела. Конунг был очень пьян и она тоже. Потом он заснул, а Сигрид тоже ушла спать.

Сигрил была женщина очень мудрая, и ей было дано предвидеть многое. На следующее утро был снова роскошный пир. Как обычно бывает, когда люди слишком много выпивают, на следующий день они воздерживаются от питья. Но Сигрид была весела. Они с конунгом беседовали, и она сказала, что не считает свои владения и свою власть в Швеции меньшими, чем его власть и владения в Норвегии. От этих речей конунг стал невесел и молчалив. Он собрался уезжать и был очень расстроен. А Сигрид была весела и проводила его богатыми подарками. И вот Харальд вернулся осенью в Норвегию, провел зиму дома и был все время не в духе. Следующим летом он отправился в Восточные Страны со своим войском, а потом приплыл в Швецию и послал сказать Сигрид, что хочет встретиться с ней. Она приехала к нему, и они стали беседовать. Вскоре он завел речь о том, не пойдет ли она за него замуж. Она отвечает, что это он говорит пустое. Он, дескать настолько хорошо женат, что должен быть доволен своим браком. Харальд говорит:

— Аста женщина хорошая и знатного рода, но она мне не ровня.

Сигрид отвечает:

— Возможно, что ты знатнее ее родом, но мне кажется, что в этом браке — счастье для вас обоих.

После этого и до того, как Сигрид уехала, они обменялись лишь немногими словами.

Харальд конунг был сильно расстроен. Он снарядился в поездку внутрь страны и хотел еще раз встретиться с Сигрид. Многие из его людей отговаривали его, но он все-таки поехал с большой дружиной и приехал в усадьбу, где Сигрид проживала. В тот же вечер туда при-

ехал другой конунг. Его звали Виссавальд⁷³, и он был из Гардарики. Он тоже приехал свататься к ней. Конунгов поместили вместе с их дружинами в доме, хотя и большом, но старом. В соответствии с этим было и все убранство дома. Вечером не было недостатка в напитке, настолько хмельном, что все были мертвецки пьяны, и стражи как внутри, так и снаружи дома, заснули. И вот Сигрид велела расправиться со всеми ними огнем и мечом. Дом и все, кто в нем был, сгорели, а те, кому удалось из него выбраться, были убиты. Сигрид сказала, что так она хочет отучить мелких конунгов от того, чтобы приезжать из других стран свататься к ней. С тех пор ее стали звать Сигрид Гордая.

В предыдущую зиму произошла битва с йомсвикингами.

XLIV

Когда Харальд уехал в глубь страны, Храни с теми людьми Харальда, которые не поехали с ним, остался за старшего при кораблях. Узнав, что Харальд погиб, они поскорее уехали прочь и, вернувшись в Норвегию, рассказали о случившемся. Храни поехал к Асте и рассказал ей об их поездке, а также о том, с какой целью Харальд ездил к Сигрид. Услышав все это, Аста сразу же поехала в Упллэнд к своему отцу. Тот ее хорошо принял, и они оба были очень возмущены кознями, которые строились в Швеции, и тем, что Харальд хотел развестись с ней.

Аста дочь Гудбранда родила мальчика в то лето. Мальчика окропили водой и назвали Олавом⁷⁴. Это сделал Храни. Мальчик рос спеша у Гудбранда и своей матери Асты.

XLV

Хакон ярл правил всей Норвегией, что расположена вдоль побережья, ему было подчинено шестнадцать фюльков. А с тех пор, как Харальд Прекрасноволосый ввел такой порядок, что в каждом фюльке должен быть ярл, он долго сохранялся, так что Хакону было подчинено шестнадцать ярлов. В Недостатке Золота говорится так:

*И дивились люди:
Где еще властитель*

*Один за шестнадцать
Ярлов может править?
О ярловых слава
Спорах искр пробора
Хедина⁷⁵ несется
Днесь по всем пределам.*

Пока Хакон ярл правил Норвегией, в стране были хорошие урожаи, и бонды соблюдали мир между собой, и большую часть его жизни бонды любили его. Но с течением времени случилось так, что ярл стал распутничать. Доходило до того, что по его велению хватали дочерей почтенных людей и приводили к нему домой, и он делил с ними ложе неделю или две, а потом отсылал домой. Этим он навлек на себя сильное возмущение родни этих женщин, так что бонды начали сильно роптать, как жители Трёндалёга имеют обыкновение роптать, если им что-либо не по нраву.

XLVI

До Хакона ярла дошли слухи, что на западе за морем есть человек, который называет себя Али, и его считают там конунгом. Из рассказов некоторых людей ярл заключил, что этот человек какой-то потомок норвежских конунгов. Ярлу сказали, что Али, по его словам, родом из Гардарики. А ярл слышал, что у Трюггви сына Олава был сын, который уехал в Гардарики, вырос там у Вальдимара конунга и звался Олавом. Ярл очень расспрашивал об этом человеке и подозревал, что это именно он появился теперь в Западных Странах.

Жил человек по имени Торир Клакка. Он был большим другом Хакона ярла. Он долго был викингом, но ездил также и в торговые поездки и вообще был человеком бывалым. Хакон ярл послал этого человека на запад за море, велел ему поехать в торговую поездку в Дюплинн, как многие туда ездили, и разузнать, что за человек этот Али, и если окажется, что он действительно Олав сын Трюггви или кто-нибудь другой из норвежского королевского рода, то тогда Торир должен как-нибудь расправиться с ним, если сможет.

XLVII

Торир отправился на запад в Ирландию, в Дюплинн, стал спрашивать там об Али. Тот был тогда у конунга Олава Кварана, своего тестя. Торир вступил в разговор с Али. Торир был человек красноречивый. И вот однажды они очень долго разговаривали, и Али начал спрашивать о Норвегии, и сперва — о конунгах из Уплёнда, о том, кто из них в живых и какие у них владения. Он спрашивал также о Хаконе ярле, о том, насколько его любили в стране. Торир говорит:

— Ярл настолько могущественен, что никто не смеет говорить ничего другого, кроме того, что хочет ярл, и причина тому — нигде нет того, кто мог бы его заменить. Но по правде сказать, я знаю, что думают многие могущественные люди, а также, что думает народ: все были бы довольны и рады, если бы какой-нибудь конунг из рода Харальда Прекрасноволосого стал бы править державой. Но мы не видим никого, кто бы подходил для этого, и всего больше потому, что, как показывает опыт, гиблое дело — сражаться с Хаконем ярлом.

Так они часто разговаривают, и вот Олав открывает Ториру свое имя и свое происхождение и спрашивает у него совета: как он думает, если Олав поедет в Норвегию, возьмут его бонды в конунги? Торир стал всячески склонять его к такой поездке и расхваливал его самого и его доблесть. И Олаву очень захотелось вернуться в страну своих предков.

И вот Олав отправился на восток с пятью кораблями, и сначала он поплыл на Южные Острова. Торир сопровождал его в этой поездке. Затем он поплыл на Оркнейские Острова. Ярл Сигурд сын Хлёдвиря стоял тогда в Асмундарваге на Рёгнвальдсей. У него был один боевой корабль, и он собирался отплыть на Катанес. Олав подплыл со своими кораблями с запада к островам и стал там, так как Петтландсфьорд не был тогда судоходным. Когда конунг узнал, что ярл там, он велел позвать ярла для разговора с ним, и когда ярл приехал к нему, конунг после немногих слов сказал, что ярл и весь народ его страны должны креститься, а в противном случае ярл должен будет умереть на месте, а конунг пройдет по островам с огнем и мечом и разорит страну, если ее народ не примет крещения. Ярлу оставалось лишь согласиться. И он принял крещение, так же как все,

кто был с ним. Затем ярл дал конунгу клятву верности и стал его человеком. Он дал Олаву в заложники своего сына, которого звали Щенок или Собачка, и Олав взял его с собой в Норвегию. Затем Олав вышел в море и поплыл на восток, и подошел к острову Морстр. Здесь он впервые вступил на норвежскую землю. Он велел отслужить мессу в шатре на берегу, и впоследствии на этом самом месте была построена церковь.

Торир Клакка сказал конунгу, что ему лучше всего не открываться, не позволять, чтобы слух о нем разнесся, и ехать как можно скорее к ярлу, чтобы застигнуть его врасплох. Олав конунг так и сделал. Он отправился на север и плыл ночью и днем, как только позволял попутный ветер, и так, что никто не знал о его поездке и кто он такой. Когда он доплыл до Агданеса, он узнал, что Хакон ярл во фьорде, а также, что у него раздоры с бондами. Когда Торир услышал это, то оказалось, что дело обстоит совсем не так, как он предполагал: ибо раньше, после битвы с йомсвикингами, все люди в Норвегии были преданными друзьями Хакона ярла, поскольку он одержал победу и спас страну от немирья. А тут вдруг такая беда, что могучий конунг появился в стране, как раз когда между бондами и ярлом раздоры.

XLVIII

Хакон ярл был на пиру в Медальхусе в Гаулардале, а корабли его стояли у Вигга. Одного могущественного бонда звали Орм Люргья. Он жил в Бюнесе. Его жену звали Гудрун. Она была дочерью Бергтора из Лундара. Ее называли Солнцем Лундара, так как она очень красивая женщина. Ярл послал своих рабов к Орму с поручением привести ему Гудрун, жену Орма. Рабы доложили Орму о поручении, с которым они пришли. Орм пригласил их сначала поужинать. Но прежде чем рабы успели поесть, к Орму пришло из окрестностей много людей, которым он дал знать. Орм сказал тогда рабам, что Гудрун не пойдет с ними. А Гудрун попросила передать ярлу, что она не пойдет к нему, если он не пришлет за ней Тору из Римуля. Тора была могущественная женщина и одна из любовниц ярла. Рабы сказали, что они еще придут и тогда бонд и его жена быстро раскаются в своем поведении. Они всячески грозили и, наконец, ушли.

Между тем Орм разослал ратную стрелу в четыре стороны по округе, призывая всех выступить с оружием против Хакона ярла и убить его. Он послал также к Халльдору из Скердингстеда, а тот сразу же разослал ратную стрелу. Незадолго перед этим ярл отнял жену у человека, которого звали Брюньольв, и это вызвало сильное возмущение, так что было близко к тому, что соберется рать. После того как была разослана ратная стрела, собрался народ и направился в Медальхус. До ярла дошел слух об этом, и он оставил свою усадьбу и бежал со своими людьми в глубокую долину, которая теперь называется Ярлова Долина, и там спрятались. На следующий день ярл получил через разведчиков сведения о рати бондов. Бонды заняли все дороги. Они думали, что ярл скрылся на свои корабли. На них начальствовал тогда Эрленд, его сын, очень многообещающий муж. Когда наступила ночь, ярл велел своим людям рассеяться и пробираться лесом в Оркадаль.

— Никто на вас не нападет, если меня не будет поблизости. Дайте знать Эрленду, чтобы он вышел из фьорда в море, и мы встретимся в Мёре. Я сумею спрятаться от бондов.

И вот ярл отправился в путь, а с ним раб по имени Карк. Гауль была покрыта льдом, и ярл столкнул в нее своего коня и потерял там свой плащ. Они спрятались в пещере, которая потом стала называться Ярлова Пещера. Там они заснули, и когда Карк проснулся, он рассказал свой сон: ему снилось, что черный и страшный человек проходил мимо пещеры, и Карк боялся, что он войдет в пещеру, и этот человек сказал, что Улли умер. Тогда ярл сказал, что наверное, это убили Эрленда. Снова Тормод Карк заснул и метался во сне. Проснувшись, он рассказал ярлу свой сон: тот самый человек вернулся и просил передать ярлу, что все проливы замерзли. Ярл решил, что это, наверное, к его близкой смерти.

Потом ярл встал, и они пошли к усадьбе Римуль. Ярл послал Карка за Торой, просил ее выйти тайно к нему. Она вышла и радушно приветствовала его. Ярл попросил спрятать его на несколько ночей, пока рать бондов не рассеется.

— Здесь, в моей усадьбе, тебя будут искать, — говорит она, — и снаружи и внутри, ведь многие знают, что я охотно помогу тебе всем, чем могу. Я знаю в моей усадьбе только одно место, где, наверное, не станут искать такого человека, как ты. Это — свиной хлев.

Они пошли туда. Ярл сказал:

— Устроимся здесь: ведь прежде всего надо сохранить жизнь.

Раб вырыл в хлеву глубокую яму. Он убрал землю прочь и положил сверху бревна. Тут Тора рассказала ярлу, что Олав сын Трюггви приплыл во фьорд и убил его сына Эрленда. Затем ярл влез в яму и с ним Карк, а Тора закрыла яму бревнами, насыпала сверху земли и навоза и загнала в хлев свиней. Хлев этот был рядом с большим камнем.

XLIX

Олав сын Трюггви входил во фьорд с пятью кораблями, а навстречу ему плыл Эрленд, сын Хакона ярла, с тремя кораблями. Когда корабли стали сближаться, Эрленд подумал, что это, наверное, враги, и повернул к берегу. Но когда Олав увидел, что по фьорду навстречу ему плывут боевые корабли, он решил, что это, наверное, Хакон ярл, и велел плыть вдогонку и грести изо всех сил. Когда Эрленд и его люди уже были близко к берегу, они сели на мель, попрыгали за борт и бросились к берегу вплавь. Тут подошли корабли Олава. Олав увидел, как плывет какой-то человек необыкновенной красоты. Олав схватил румпель и бросил в этого человека, и попал в голову Эрленду, сыну ярла, так что череп раскололся до мозга. Так погиб Эрленд. Олав и его люди убили там многих. Некоторые бежали, а других они взяли в плен и вывели у них, что хотели. Тут Олав узнал, что бонды прогнали Хакона ярла, и он бежал от них, а все люди рассеялись.

Затем бонда пришли к Олаву, и встреча была радостной, и вскоре было заключено соглашение. Бонды провозгласили его своим конунгом. Было решено искать Хакона ярла и отправиться в Гаулардаль, потому что казалось наиболее вероятным, что, если ярл в какой-нибудь усадьбе, то это — в Римуле, так как Тора была его лучшим другом в той долине. Они отправились туда, искали там снаружи и внутри дома, но не нашли. Там на дворе Олав держал речь своему войску. Он стоял на большом камне, расположенном рядом со свинарником. Он сказал в своей речи, что осыпет деньгами и почестями того, кто погубит ярла. Эту речь слышали ярл и Карк. У них был свет. Ярл сказал:

— Почему ты так бледен, а иногда черен, как земля? Не хочешь ли ты предать меня?

— Нет, — отвечает Карк.

— Мы родились в одну ночь, — говорит ярл. — Наверное и дни нашей смерти будут близки друг от друга.

К вечеру Олав конунг уехал оттуда. Когда настала ночь, ярл бодрствовал, а Карк спал и метался во сне. Ярл разбудил его и спросил, что ему снилось. Карк говорит:

— Мне снилось, что я Хладире, и Олав сын Трюггви надел мне на шею золотое ожерелье.

Ярл отвечает:

— Кровавое ожерелье наденет тебе на шею Олав сын Трюггви, если ты встретишься с ним. Берегись! А от меня ты увидишь только хорошее, как и раньше было. Так что не предавай меня!

После этого они оба бодрствовали, как если бы следили один за другим. Но к утру ярл заснул и вскоре стал метаться во сне. Он так сильно метался, что выгибался дугой, словно хотел вскочить, и кричал громко и страшно. Карк испугался, и его обуял страх. Он схватил большой нож, который висел у него на поясе, и проткнул им ярлово горло насквозь. Так Хакону ярлу пришел конец. Затем Карк отрезал у ярла голову и убежал прочь. На следующий день он пришел в Хладир и поднес голову ярла Олаву конунгу. И он рассказал все, что с Хаконем ярлом и с ним произошло, как здесь написано. Затем Олав конунг велел увести его и отрубить ему голову.

L

Потом Олав конунг и с ним множество бондов отправился на остров Нидархольм, взяв с собой головы Хакона ярла и Карка. На этом острове было в то время принято убивать воров и злодеев, и на нем стояла виселица. Конунг велел поставить туда головы Хакона ярла и Карка. Вся рать собралась там, и они вопили и бросали камни в головы, крича, что обоим злодеям туда и дорога. Затем послали в Гаулардаль за туловищем ярла, и его притащили и сожгли.

Вражда к Хакону ярлу была так велика у жителей Трёндалёга, что никто не смел называть его иначе, как Злым Ярлом. Это прозвище долго потом сохранялось за ним, но если говорить правду о Хаконе

ярле, то о нем надо сказать, что он соединял в себе многое, что нужно в правителе: во-первых, высокое происхождение, затем ум и умение править державой, мужество в битвах, а вместе с тем и удачу в войне и сражениях с врагами. Торлейв сын Рыжей Шкуры говорит так:

*Кто под небосводом
Хакону подобен?
В свисте стрел вознесся
Ты, тростник валькирий.⁷⁶
К Одину спровадив
Самодержцев девять,
Ярл простер далече
Длань, товарищ враний.*

Хакон ярл был очень щедр. Но этому могущественному правителю очень не повезло в день его смерти. И причиной этому было в основном то, что настали времена, когда стали осуждать язычество и язычников, и святая вера и правильные нравы заступили их место.

LI

Олав сын Трюггви был на всенародном тинге в Трандхейме провозглашен конунгом всей страны, как ею владел Харальд Прекрасноволосый. Собралось великое множество народа, и они не хотели ничего слышать кроме того, что Олав сын Трюггви должен быть конунгом. Олав проехал по сей стране и подчинил ее себе. Все в Норвегии стали послушными ему, и даже те правители в Упплэнде и Вике, которые раньше получали землю во владение от конунга датчан, теперь получали ее от Олава конунга и сделались его людьми. Так он ездил по стране в первую зиму, а также и в следующее лето. Ярл Эйрик сын Хакона и Свейн, его брат, и другие их родичи и друзья бежали из страны на восток, в Швецию, к конунгу Олаву Шведскому. Они встретили там дружеский прием. Торд сын Кольбейна говорит так:

*Друз законов! Козни
Привели людские*

*К скорой — рок всевластен! —
Кончине Хакона.
Полк грядет с заката:
То вступил сын Трюггви
На брег, вязом стяга⁷⁷
В битвищах добытый.*

*Затаился, полон
Дум о мести, смелый
Эйрик, против стража
Кладов⁷⁸ умышляя.
Трёндский ярл, снедаем
Гневом, для совета
Едет к князю свеев —
Непреклонны трёнды!*

LII

Одного человека из Вика звали Лодин. Он был богат и знатен родом. Он часто ездил в торговые поездки, но иногда ходил и в викингские походы. Одним летом Лодин отправился в торговую поездку в Восточные Страны. Он приехал в Страну Эстов и торговал там все лето. На торг там привозили много разных товаров. Там продавалось также много рабов. Лодин увидел там одну женщину, которая продавалась как рабыня. Когда он взглянул на нее, он узнал в ней Астрид дочь Эйрика, на которой был женат Трюггви конунг. Но теперь она выглядела иначе, чем когда он видел ее раньше. Она была бледна, худая и плохо одета. Он подошел к ней и спросил ее, как она туда попала. Она отвечает:

— Тяжело об этом рассказывать. Меня продали как рабыню и привезли сюда для перепродажи.

Затем они стали разговаривать, и Астрид узнала его. Она попросила его, не может ли он купить ее и отвезти к ее родичам.

— Вот что я предложу тебе, — говорит он, — я отвезу тебя в Норвегию, если ты пойдешь за меня замуж.

И так как Астрид была в бедственном положении и знала, что Лодин — человек знатного рода, доблестный и богатый, она, чтобы

обрести свободу, согласилась стать его женой. И вот Лодин купил Астрид и взял ее с собой в Норвегию, и женился на ней там, заручившись согласием родичей. Их детьми были Торкель Невья, Ингирид и Ингигерд. Дочерей Астрид и Трюггви звали Ингибьёрг и Астрид. Сыновьями Эйрика Бьодаскалли были Сигурд, Карльсхёвуд, Йостейн и Торкель Дюрдиль. Все они были знатными и богатыми людьми, и у них были поместья на востоке страны. Но востоке в Вике жили два брата, одного из них звали Торгейр, а другого Хюрнинг. Они женились на дочерях Лодина и Астрид.

LII

Когда Харальд сын Горма конунг датчан принял крещение, он разослал по всей своей державе повеление: все люди должны креститься и обратиться в правую веру. В поддержку этого повеления он применял силу и наказание там, где без этого повеление не выполнялось. Он послал двух ярлов с большим войском в Норвегию. Их звали⁷⁹... Они должны были возвещать христианство в Норвегии. Оно распространялось в Вике, где тогда правил Харальд конунг, и там много народа тогда крестилось. Но после смерти Харальда его сын Свейн Вилобородый сразу начал воевать, сначала в стране Саксов и в Стране Фризов, а потом и в Англии. И те люди в Норвегии, которые уже приняли крещение, снова стали совершать жертвоприношения, как раньше и как делали люди на севере страны.

Когда Олав сын Трюггви стал конунгом в Норвегии, он долго жил летом в Вике. К нему туда приезжали многие его родичи и некоторые свойственники. Многие были большими друзьями его отца и его там очень радушно принимали. Олав позвал для разговора своих дядьев, своего отчима Лодина и своих зятьев Торгейра и Хюрнинга. С большой озабоченностью он рассказал им о своем намерении и просил их поддержать его и помочь ему всеми силами. Он сказал, что собирается возвестить христианство во всей своей державе и ввести его в Норвегии или умереть.

— Я сделаю вас всех большими и могущественными людьми, потому что я больше всего доверяю вам по причине родства или других связей.

Они все согласились делать то, что он потребует, и следовать ему во всем, что он захочет, и то же будут делать все, кто последуют их советам. Тогда Олав конунг объявил народу, что он хочет сделать христианами всех людей в своей державе. Первыми подчинились этому те, кто раньше обещал ему свою поддержку. Это были самые могущественные из тамошних людей, а все другие последовали их примеру. Так все люди на востоке Вика были крещены. После этого конунг отправился на север Вика и потребовал, чтобы все люди приняли крещение, а тех, кто противился, он подвергал жестоким наказаниям, некоторых убивал, других велел покалечить, а еще других изгонял из страны. В конце концов во всей земле, которой раньше правил Трюггви конунг, его отец, а также той, которая принадлежала Харальду Гренландцу, его родичу, весь народ принял христианство, возведенное Олавом. Так, в то лето и следующую зиму весь Вик принял христианство.

LIV

Ранней весной конунг оставил Вик и с большим войском отправился на север в Агдир. На всех тингах с бондами он велел людям креститься, и люди крестились всюду, куда конунг приезжал.

В Хёрдаланде было много знатных мужей, которые возводили свой род к Хёрда-Кари. У того было четыре сына: один из них был Торлейв Умный, другой был Эгмунд, отец Торольва Скьяльга, отца Эрлинга из Соли, третий был Торд, отец Клюппа херсира, который убил Сигурда Слюну, сына Гуннхильд, четвертый был Эльмод, отец Аскеля, отца Аслака Фитьяскалли. Этот род был тогда самым могущественным и знатным в Хёрдаланде. И вот когда члены этого рода узнали о такой беде, что конунг направляется с востока вдоль побережья с большим войском и ломает старые законы страны, и те, кто ему противится, подвергаются наказаниям и насилию, они решили встретиться и обсудить, что делать, так как они знали, что скоро конунг будет у них, и они договорились, что явятся все со своими людьми на Гулатинг⁸⁰, чтобы там встретиться с конунгом Олавом сыном Трюггви.

LV

Олав конунг стал созывать тинг, как только прибыл в Рога-ланд. Когда бонды получили приглашение на тинг, они собрались в большом количестве и в полном вооружении. Собравшись, они стали совещаться и решили поручить троим, самым красноречивым из них, отвечать Олаву конунгу на тинге и противоречить ему и противиться беззаконию, если конунг будет навязывать его. Когда бонды собрались на тинг и тинг начался, Олав конунг поднялся и сначала дружественно обратился к бондам. Он сказал, что хочет, чтобы они приняли христианство, и просил их об этом красивыми словами. Но в заключении он сказал, что те, кто буду противиться и не захотят подчиниться его велению, навлекут на себя его гнев и подвергнутся наказаниям и самым суровым мерам, которые есть в его распоряжении.

Когда конунг кончил свою речь, поднялся тот бонд, которому как самому красноречивому было поручено первым отвечать Олаву конунгу. Но когда он хотел заговорить, на него напали такой кашель и такое удушье, что он не мог сказать ни слова и сел на место. Тогда поднялся второй бонд, намереваясь ответить конунгу, хотя это не удалось первому. Но когда он начал свою речь, он стал так заикаться, что не мог сказать ни одного слова. Все, кто слушали, стали тогда смеяться, и бонд сел на место. Тогда поднялся третий бонд, намереваясь противоречить Олаву конунгу. Но когда он заговорил, он так хрипел и сипел, что никто не слышал, что он говорил, и он сел на место. А больше не нашлось никого среди бондов, кто бы мог противоречить конунгу. И так как бонды не смогли ответить конунгу, он не встретил никакого сопротивления. И вот все подчинились тому, что повелел конунг. Все, кто были на тинге, были крещены еще до того, как конунг уехал оттуда.

LVI

Олав конунг прибыл со своим войском на Гулатинг, так как бонды дали ему знать, что они хотят дать ему ответ. Но когда и те и другие явились на тинг, конунг выразил желание поговорить сначала с местными вождями. Они все собрались, и конунг объявил о своем

намерении предложить им креститься по его велению. Тогда Эльмод Старый говорит:

— Мы, родичи, обсуждали твоё предложение между собой, и все пришли к одному решению: если ты, конунг, захочешь пытками принудить нас отказаться от наших законов или насилием заставить нас подчиниться тебе, то мы будем сопротивляться из всех сил, и тогда пусть судьба решает, кто победит. Но если ты, конунг, захочешь сделать что-нибудь выгодное для нашего рода, то ты можешь легко добиться того, то мы все станем твоими верными слугами.

Конунг говорит:

— Чего вы хотите от меня, чтобы мы всего прочнее помирились?

Тогда говорит Эльмод:

— Прежде всего, чтобы ты выдал Астрид, твою сестру, за Эрлинга сына Скьяльга⁸¹, нашего родича, которого мы считаем самым многообещающим из всех молодых мужей в Норвегии.

Олав конунг отвечает, что ему тоже кажется хорошим такой брак, поскольку Эрлинг хорошего рода и муж он видный, но, добавил он, пусть Астрид решает.

После этого конунг поговорил со своей сестрой.

— Мало мне пользы от того, — говорит она, — что я дочь и сестра конунга, если меня выдадут за человека без почетного звания. Лучше уж я подожду еще несколько лет другого брака.

На этом они кончили разговор.

LVII

Олав конунг велел поймать сокола, который был у Астрид, и ощипать его, и потом послал сокола ей. Тогда Астрид сказала:

— Гневается мой брат.

Она встала и пошла к конунгу. Он радушно принял ее. Тогда Астрид сказала, что пусть конунг выдает ее, за кого хочет.

— Я думал, — говорит конунг, — что у меня достаточно власти, чтобы здесь в стране дать почетное звание, кому я хочу.

И конунг велел позвать Эльмода, Эрлинга и всех их родичей для разговора. Стали обсуждать сватовство к Астрид. Кончилось тем, что Астрид была обручена с Эрлингом. После этого конунг велел созвать тинг и предложил бондам принять христианство.

LVIII

Эрлинг сын Скьяльга справил летом свою свадьбу. На ней было очень много народу. Был там и Олав конунг. Он предложил Эрлингу звание ярла, Эрлинг сказал так:

— Предки мои были херсирами. Я не хочу носить более высокого звания, чем они. Я прошу Вас, конунг, чтобы Вы позволили мне быть самым большим мужем с этим званием здесь в стране.

Конунг согласился. А при прощании Олав конунг пожаловал Эрлингу, своему зятю, землю от Согнсэра на севере до Лидандиснеса на востоке с теми же правами, с какими Харальд Прекрасноволосый жаловал земли своим сыновьям, о чем было написано раньше.

LIX

В ту самую осень Олав конунг созвал тинг четырех фюльков на Драгсейде на Стаде. Туда должны были собраться жители Согна, Фьордов, Южного Мёра и Раумсдаля. С Олавом конунгом было очень много народа: те, кто приехал с ним с востока страны, а также и те, кто присоединился к нему в Рогаланде и в Хёрдаланде. Придя на тинг, Олав конунг объявил, как и в других местах, что люди должны принять христианство. И так как с конунгом было очень много народа, все были напуганы. В заключении своей речи конунг предложил бондам выбор: либо принять христианство и креститься, либо биться с ним. Но так как бонды не видели возможности биться с ним, было решено всем креститься. Затем Олав конунг отправляется со своим войском в Северный Мёр и обращает в христианство этот фюльк. После этого он плывет в Хладир и велит разрушить капище и взять из него все добро, а также снять все украшения с богов. С двери капища он взял себе большое золотое кольцо, которое было изготовлено по распоряжению Хакона ярла. Затем Олав конунг велел сжечь капище.

Когда бонды обо всем этом узнают, они рассылают ратную стрелу по всем фюлькам, собирают рать и хотят идти против конунга. Олав конунг поплыл тогда со своим войском из фьорда в море и дальше на север вдоль берега, направляясь в Халогаланд, чтобы крестить там. Но когда он доплыл до Бьярнаура, он узнал, что в Хало-

галанде бонды собрали рать и хотят биться с ним, защищая свою страну. Вождями этой рати были Харек с Тьотты, Торир Олень из Вагара и Эйвинд Рваная Щека. Когда Олав конунг услышал об этом, он повернул и поплыл на юг вдоль берега. Обогнув Стад, он поплыл медленнее, но к началу зимы приплыл на восток в Вик.

LX

Сигрид, вдова шведского конунга, которую называли Гордой, жила в своих владениях. В ту зиму между Олавом конунгом и Сигрид ходили послы, и Олав конунг посватался к Сигрид. Она приняла его сватовство благосклонно, и был заключен договор. Тогда Олав конунг послал Сигрид то большое золотое кольцо, которое он снял с двери капища в Хладире. Оно слыло замечательным сокровищем. Встреча для заключения брака должна была состояться на Эльве у границы.

Поскольку кольцо, которое Олав послал Сигрид, все очень расхваливали, Сигрид взяла с собой также двух кузнецов — двух братьев. Те подержали кольцо, взвесили его в руках и стали шептаться. Сигрид велела позвать их и спросила, какой недостаток они нашли в кольце. Они отнекиваются. Она говорит, что должна непременно знать, какой они нашли недостаток в кольце. Тогда они говорят, что в кольце есть обман. Она велела разломать кольцо, и оказалось, что внутри его медь. Сигрид разгневалась и сказала, что Олав, наверное, обманет ее и в другой раз.

В ту самую зиму Олав конунг отправился в Хрингарики и крестил там. Аста дочь Гудбранда вскоре после гибели Харальда Гренландца вышла замуж за человека, которого звали Сигурд Свинья. Он был конунгом в Хрингарики. Сигурд был сыном Хальвдана, а тот был сыном Сигурда Хриси, сына Харальда Прекрасноволосого. При Асте жил Олав, ее сын от Харальда Гренландца. Он вырос у Сигурда Свиньи, своего отчима. Когда конунг Олав сын Трюггви приехал в Хрингарики, чтобы насаждать там христианство, крестились и Сигурд Свинья и Аста, его жена, и Олав, их сын. Олав сын Трюггви был крестным отцом Олава сына Харальда. Тому было тогда три года, Олав конунг вернулся в Вик и пробыл там зиму. Он был тогда третий год конунгом Норвегии.

LXI

Ранней весной Олав конунг отправился на восток в Конунгахеллу на встречу с Сигрид Гордой. Встретившись, они стали говорить о том же, что и предыдущей зимой, — о том, что они должны вступить в брак, и дело шло хорошо. Но тут Олав конунг сказал, что Сигрид должны принять крещение и правую веру. Они отвечает так:

— Я не намерена отказываться от веры, которая у меня была раньше и у моих родичей до меня. Но я не буду возражать против того, чтобы ты верил в того бога, который тебе нравится.

Тогда Олав конунг очень разгневался и вскричал:

— С какой же стати я женюсь на заядлой язычнице?

И ударил ее по лицу перчаткой, которую держал в руке. Затем он встал, и она тоже. Сигрид сказала:

— Это может привести к твоей смерти.

Так они и расстались. Конунг отправился на север в Вик, а Сигрид — на восток в Швецию.

LXII

Олав конунг направился в Тунсберг и там тоже созвал тинг и на этом тинге объявил, что все те люди, которые занимаются ведовством и чародейством, или колдуны, должны покинуть страну. Затем конунг велел разыскать всех таких людей по окрестным селениям и пригласить к нему. Когда они собрались, среди них был также человек по имени Эйвинд Болото. Он был внуком Рёнгвальда Прямоногого, сына Харальда Прекрасноволосого. Эйвинд был колдун и очень сведущ в волховании. Олав конунг велел созвать всех этих людей в один дом, убрать этот дом роскошно, устроить в нем пир для них и запастись для пира достаточно хмельного напитка. Когда они захмелели, Олав велел поджечь дом, и дом сгорел, и все, кто был в нем, тоже сгорели. Один только Эйвинд Болото спасся, выбравшись из дома через дымовое оконце. Когда он уже был далеко, он встретил на своем пути людей, которые направлялись к конунгу, и попросил их передать конунгу, что Эйвинд Болото спасся их огня и никогда больше не попадется в руки Олава конунга, но будет колдовать, как и раньше. Когда эти люди пришли к Олаву конунгу, они передали ему

все, что Эйвинд просил сказать. Конунг был очень недоволен тем, что Эйвинд остался в живых.

LXIII

Весной Олав конунг поехал по Вику и пировал в своих больших поместьях. Он объявил по всему Вику, что летом будет собирать войско, чтобы отправиться на север страны. Затем он поплыл на север в Агдир. К концу великого поста он повернул на север в Рога-ланд и в пасхальный вечер приплыл в Эгвальдснес на острове Кёрмт. Ему был приготовлен там пасхальный пир. При нем было почти триста человек. В ту же самую ночь на остров прибыл Эйвинд Боло-то. У него был хорошо снаряженный боевой корабль. На нем были только колдуны и чародеи. Эйвинд сошел с корабля и с ним все его спутники, и они начали колдовать. Эйвинд наколдовал им шлемы невидимки и туман, настолько густой, что конунг и его люди не должны были их увидеть. Но когда они подошли к самой усадьбе Эгвальдснес, сделалось светло, как днем. Все получилось совсем не так, как задумал Эйвинд. Густой туман, который он наколдовал, за-стлал им глаза, так что они видели глазами не больше, чем затыл-ком, и топтались на одном месте. Между тем стражи конунга увиде-ли, как они топчутся, но не знали, что это за люди. Доложили конунгу, и он встал со своей своей дружиной и оделся. Когда конунг увидел, как Эйвинд и его спутники топчутся на одном месте, он ве-лел своим людям вооружиться и пойти узнать, кто это такие. Когда люди конунга узнали Эйвинда, они схватили его и всех его спутни-ков и привели к конунгу. Тут Эйвинд рассказал все, что с ним про-изошло. Конунг велел отвезти их всех на островок, который во вре-мя прилива покрывается водой, и привязать их там. Так пришлось Эйвинду и всем его спутникам проститься с жизнью. Островок этот с тех пор называется Островком Колдунов.

LXIV

Рассказывают, что, когда Олав конунг гостил в Эгвальдснесе, од-нажды вечером туда пришел какой-то человек, старый и очень крас-норечивый. У него была шляпа с широкими полями и только один

глаз. Он умел рассказывать обо всех странах. Он завел разговор с конунгом. Конунгу очень понравились его речи. Конунг спрашивал его о многих вещах, и гость всегда умел ответить на его вопросы, так что конунг засиделся с ним до позднего вечера. Вот спрашивает конунг, не знает ли тот, кто такой был Эгвальд, по которому названы мыс и усадьба. Гость отвечает, что Эгвальд был очень воинственный конунг и поклонялся всего больше одной корове, которую брал с собой, куда бы ни ходил в поход. Он считал полезным всегда пить ее молоко. Эгвальд конунг бился с конунгом, которого звали Варин. В этой битве Эгвальд конунг пал. Он был погребен здесь, недалеко от усадьбы, и ему было поставлено два камня, которые и сейчас стоят. А в другом месте недалеко отсюда была погребена та корова. Такие вещи рассказывал гость и многое другое о конунгах и древних событиях.

Так как была уже поздняя ночь, епископ напомнил конунгу, что пора ложиться спать. Конунг так и сделал. Но когда он разделся и лег в постель, гость сел на ступеньку у его ложа и еще долго разговаривал с конунгом. Конунгу все хотелось услышать еще что-нибудь. Тогда епископ сказал конунгу, что пора уже спать. И конунг заснул, а гость ушел.

Некоторое время спустя конунг проснулся и спросил, где гость и велел позвать его. Но гостя нигде не нашли. На следующее утро конунг велит позвать повара и того, кто готовил питье, и спрашивает их, не приходил ли к ним какой-нибудь незнакомец. Те говорят, что, когда они собирались стряпать, подошел к ним какой-то человек и сказал, что больно плохое мясо варят они к конунгову столу. Затем он дал им два больших и жирных куса говядины⁸², и они сварили их вместе с другим мясом. Тогда конунг велел все это варево выбросить.

— Наверное, это был не человек, — сказал он, — это был, наверное, Один, в которого язычники долго верили. Но Одину не удастся перехитрить меня.

LXV

Олав конунг собрал летом большую рать с востока и направился с этой ратью на север в Трандхейм. Он пристал прежде всего в устье реки Нид. Затем он велел звать бондов на тинг по всему фьорду и

назначил тинг восьми фюльков в Фроста. Но бонды превратили приглашение на тинг в ратную стрелу⁸³ и призвали к оружию свободных и несвободных по всему Трандхейму. Так что, когда конунг явился на тинг, бонды, собравшиеся там, были во всеоружии. Когда тинг начался, конунг обратился к народу, требуя принятия христианства. Но едва он начал говорить, как бонды закричали, чтобы он замолчал, грозя, что в противном случае они нападут на него и прогонят прочь.

— Так мы поступили, — кричали они, — с Хаконем Воспитанником Адальстейна, когда он предъявил нам такое требование, а тебя мы ценим не больше, чем его.

Видя, что бонды в ярости, а также, что рать их настолько велика, что он не сможет ей противостоять, Олав конунг повернул свою речь так, как будто он уступает бондам. Он сказал:

— Я хочу, чтобы между нами было такое же согласие, какое было между нами раньше. Я пойду туда, где ваше главное капище, и посмотрю там ваш обычай. Тогда мы решим, какого обычая мы будем держаться, и достигнем между собой согласия.

Так как конунг говорил примирительно, бонды смягчились и стали говорить спокойно и миролюбиво, и в конце концов было решено, что в середине лета будет жертвоприношение в Мэрине и на него соберутся все вожди и могущественные бонды, как это было в обычае, и Олав конунг тоже прибудет туда.

LXVI

Одного могущественного бонда звали Скетти. Его прозвали Железный Скетти. Он жил в Уппхауге в Ирьяре. Скетти всегда первым выступал на тинге против Олава конунга и предводительствовал бондами, когда те противились христианству. Так кончился тинг. Бонды поехали домой, а конунг — в Хладир.

LXVII

Олав конунг стоял со своими кораблями в реке Нид. У него было тридцать кораблей и хорошее и большое войско, но сам он часто бывал со своей дружиной в Хладире.

Когда уже совсем недолго оставалось до жертвоприношения в Мэринe, Олав конунг задал большой пир в Хладире. Он послал приглашения в Стринд и в Гаулардаль, и в Оркадаль и пригласил к себе вождей и других могущественных бондов. И когда все было приготовлено и гости съехались, в первый же вечер был дан роскошный пир и подано великолепное угощение. Люди сильно захмелели. Ночью они все мирно спали. Наутро, когда конунг оделся, он велел отслужить мессу, и когда месса была закончена, он велел трубить в рог и созывать на домашний тинг. Все его люди сошли с кораблей и пришли на тинг. Когда тинг начался, конунг встал и взял слово, и сказал так:

— У нас был тинг во Фроста. Я тогда потребовал от бондов, чтобы они крестились, а они потребовали в ответ, чтобы я принял участие вместе с ними в жертвоприношении, как сделал конунг Хакон Воспитанник Адальстейна. Мы договорились, что встретимся в Мэринe и совершим там большое жертвоприношение. Но если уж я должен совершить с вами жертвоприношение, то я хочу, чтобы это было самое большое жертвоприношение, какое только возможно, и принесу в жертву людей. Я выберу для этого не рабов или злодеев. Я принесу в жертву богам знатнейших людей. Я выбираю Орма Люгру из Медальхуса, Стюркара из Гимсара, Кара из Грютинга, Асбьёрна, Торберга из Эрнеса, Орма и Льоксы, Халльдора из Скердингсстедьи.

И он назвал еще пять знатнейших мужей. Он сказал, что хочет принести их всех в жертву за урожайный год и мир, и велел сразу же схватить их. Но когда бонды увидели, что у них не достает людей, чтобы оказать сопротивление конунгу, они стали просить пощады и отдались воле конунга. Договорились, что все бонды, которые пришли на пир, примут крещение и поклянутся конунгу в том, что будут держаться правой веры и откажутся от всяческих жертвоприношений. Конунг не отпускал от себя всех этих людей до тех пор, пока они не оставили ему своих сыновей или братьев или других близких родичей в качестве заложников.

LXVIII

Олав конунг отправился со всем своим войском в Трандхейм. Когда он прибыл в Мэрин, там уже собрались все трандхеймские

вожди, которые всего больше противились христианству, и с ними все те могущественные бонды, которые там раньше совершали жертвоприношение. Собралось очень много народу, так же как раньше на Фростатинге. Конунг велел начинать тинг, и вот обе стороны явились во всеоружии на тинг. Когда тинг начался, конунг стал держать речь и потребовал принятия христианства. Железный Скегги отвечал на речь конунга от лица бондов. Он сказал, что бонды, как и прежде, хотят, чтобы конунг не ломал их законы.

— Мы хотим, конунг, — сказал он, — чтобы ты приносил жертвы, как делали другие конунги до тебя.

После его речи бонды подняли большой шум и кричали, что пусть будет так, как сказал Скегги. Тогда конунг сказал, что он хочет пойти в капище и посмотреть их жертвоприношение. Бондам это пришлось по душе, и обе стороны отправились в капище.

LXIX

Олав конунг пошел в капище, и с ним несколько его людей и некоторые бонды. Когда конунг пришел туда, где стояли боги, там сидел Тор, самый почитаемый их богов, разукрашенный золотом и серебром. Олав конунг поднял позолоченный жезл, который у него был в руке, и ударил Тора, так что тот упал со своего престола. Тут подоспели люди конунга и сбросили всех богов с их престолов. А пока конунг был в капище, Железный Скегги был убит перед дверью капища. Это сделали люди конунга.

Вернувшись к своим людям, конунг сказал бондам, что путь они выбирают: либо всем принять христианство, либо биться с ним. Но после смерти Скегги у бондов не было предводителя, который посмел бы поднять знамя против Олава конунга. Так что решено было покориться конунгу и выполнить его веление. Тогда Олав конунг велел крестить весь народ, который там был, взял у бондов заложников, чтобы заставить их держаться христианства. Затем Олав конунг велел своим людям проехать по всем фюлькам в Трандхейме. Никто больше не противился христианству. Так был крещен весь народ в Трёндалёге.

LXX

Олав конунг направился со своей ратью в устье реки Нид. Он велел построить дома по берегам реки Нид и сказал, что там будет торговый город. Он дал людям места для постройки домов и велел построить себе палаты у Корабельной Бухты. Он велел доставить туда осенью все запасы, которые понадобятся для зимовки. При нем было там очень много народу.

LXXI

Олав конунг пригласил родичей Железного Скегги на встречу и предложил выплатить им виру. Многие знатные мужи могли притязать на нее. У Железного Скегги была дочь, которую звали Гудрун. Примирение кончилось тем, что Олав конунг должен был жениться на Гудрун. Когда состоялась свадьба, Олав конунг и Гудрун легли в одну постель. Но в первую же ночь, когда они лежали рядом, она вытащила кинжал, как только конунг заснул, и хотела заколоть его. Когда конунг увидел это, он отнял у нее кинжал, встал с постели, пошел к своим людям и рассказал, что случилось. А Гудрун взяла свою одежду и всех тех людей, которые за ней туда последовали, и они с ней отправились своим путем, и Гудрун больше никогда не ложилась в одну постель с Олавом конунгом.

LXXII

В эту самую осень Олав конунг велел построить на берегу реки Нид большой боевой корабль. Это была шнека. Для ее постройки понадобилось много мастеров. К началу зимы корабль был готов. В нем было тридцать скамей для гребцов. Он был высок, но не широк. Конунг назвал корабль Журавлем.

После убийства Железного Скегги его тело было отвезено в Ирьяр. Там он и лежит в Кургане Скегги в Аустратте.

LXXIII

Когда конунг Олав сын Трюггви пробыл два года конунгом Норвегии, приехал к нему священник из Страны Саксов по имени Танг-

бранд. Он был человек заносчивый и воинственный, но ученый и доблестный. Из-за его заносчивого нрава конунг не хотел держать его при себе и поручил ему поехать в Исландию, чтобы сделать страну христианской. Тангбранд получил торговый корабль, и о его поездке известно, что он подошел к Исландии, к восточным фьордам. Он пристал на юге Лебединого Фьорда остался на зиму у Халля с Побережья. Тангбранд возвещал христианство в Исландии, и, вняв его словам, Халль и все его домочадцы и многие другие знатные люди крестились, но много больше было таких, которые противились. Торвальд Хворый и Ветрлиди Скальд сочинили хулительные стихи о Тангбранде, и он убил обоих. Тангбранд пробыл два года в Исландии, и убил трех человек, прежде чем уехал оттуда⁸⁴.

LXXIV

Одного человека звали Сигурд, другого — Хаук. Они были из Халогаланда и часто ездили в торговые поездки. Одним летом они поехали на запад в Англию. Возвращаясь в Норвегию, они ехали на север вдоль побережья и в Северном Мёре встретились с людьми Олава конунга. Когда конунгу доложили, что приехали какие-то люди из Халогаланда, которые еще были язычниками, он велел позвать корабельщиков к себе. Он спрашивает их, не хотят ли они креститься, а они отвечают, что не хотят. Затем конунг всячески уговаривает их, но ничто не помогает. Тогда он стал грозить им смертью или пытками. Но и это на них не подействовало. Тут он велел заковать их в железо и оставил на некоторое время при себе. Их держали в оковах. Конунг еще часто уговаривал их, но это ни к чему не привело. Однажды ночью они исчезли. Никто не видел и не знал, как это случилось. А осенью они появились у Харека с Тьотты. Тот их хорошо принял, и они провели зиму у него в полном довольстве.

LXXV

Однажды весной в хорошую погоду Харек сидел дома, и с ним в усадьбе было мало людей. Ему было скучно. Сигурд спросил его, не хочет ли он немного развлечься и покататься с ними на лодке. Хареку понравилось это предложение. Они пошли к берегу и стащили в

море шестивесельную лодку. Сигурд принес из сарая парус и все нужные снасти, так как у них в обычае было брать с собой парус, когда они отправлялись в море позабавиться. Харек вошел в лодку и приладил руль. Сигурд и его брат были во всеоружии, как они обычно бывали у дома у Харека. Оба они были очень сильные. Прежде чем сесть в лодку, они бросили в нее несколько коробов с маслом и корзину с хлебом и принесли вдвоем большой бочонок с пивом. Затем они отчалили от берега, и, когда они немного отплыли от острова, братья подняли парус, а Харек сидел за рулем. Они быстро удалялись от острова. Тут братья идут на корму, где сидит Харек. Сигурд говорит Хареку:

— Выбирай между тремя возможностями: первая — ты предоставляешь нам, братьям, решать, куда плыть, вторая — ты дашь нам связать тебя, третья — мы тебя убьем.

Тут Харек понял, в какое положение он попал. Он был не сильнее каждого из братьев, даже если бы они были одинаково хорошо вооружены. Поэтому он выбрал ту из возможностей, которая показалась ему все же лучшей: предоставить им решать, куда плыть. Он дал слово и поклялся им. И вот Сигурд сел за руль и направил лодку на юг вдоль побережья. Братья старались ни с кем не встречаться, а ветер очень благоприятствовал им. Они не прерывали своего плаванья, пока не приплыли на юг в Трандхейм, и зашли в устье реки Нид, и предстали перед Олавом конунгом. Олав конунг велел позвать к нему Харека для разговора и потребовал, чтобы тот крестился. Харек отказался.

Так конунг и Харек разговаривают много дней, иногда в присутствии других людей, иногда наедине, но не могут договориться. В конце концов конунг говорит Хареку:

— Можешь отправляться домой. Я не хочу обижать тебя на этот раз, ведь мы с тобой близкие родичи⁸⁵, к тому же ты, пожалуй, скажешь, что я обманом завлек тебя сюда. Но, знай, что я собираюсь летом отправиться на север к вам в Халогаланд. Тогда вы узнаете, как я умею карать тех, кто противится христианству.

Харек был рад поскорее уехать. Олав конунг дал ему хорошую ладью на десять или двенадцать гребцов и велел снарядить ее как можно лучше всем необходимым. Конунг дал Хареку также тридцать дюжих и хорошо вооруженных людей в провожатые.

LXXVI

Харек с Тьотты сразу же, как только смог, уехал из города, а Хаук и Сигурд остались у конунга, и оба крестились. Харек плыл своим путем, пока не приплыл домой на Тьотту. Он послал гонца своему другу Эйвинду Рваная Щека и просил передать тому, что Харек с Тьотты был у Олава конунга, но не дал обратить себя в христианство. Он просил также передать Эйвинду, что Олав конунг собирается летом пойти с войском на них. Харек добавил, что они должны быть начеку и просил Эйвинда поскорее приехать к нему.

Когда все это было передано Эйвинду, тот понял, что надо сделать все возможное, лишь бы не попасться в руки конунга. И вот Эйвинд плывет как можно быстрее на быстроходной ладье с немногими людьми. Когда он приплыл на Тьотту, Харек его радушно принимает, и они, Харек и Эйвинд, сразу же, в стороне от усадьбы, начинают разговор. Но едва они начинают разговаривать, как подходят люди Олава конунга, те, которые сопровождали Харека в его поездке на север, хватают Эйвинда, уводят с собой на корабль и уплывают с ним. Они не прерывают своего плаванья, пока не приплывают в Трандхейм, и являются к Олаву конунгу в Нидаросе.

И вот Эйвинда привели к конунгу для разговора. Конунг потребовал от него, как от других людей, чтобы тот крестился. Эйвинд отказался наотрез. Конунг ласковыми словами уговаривал его принять христианство, и он, как и епископ, привел много доводов. Но на Эйвинда это не подействовало. Тогда конунг предложил ему богатые подарки и пожалования. Но Эйвинд отверг все это. Тогда конунг стал грозить пытками или смертью. Но и это не подействовало на Эйвинда. Тогда конунг велел принести чашу, полную горящих угольев, и поставить ее на живот Эйвинду. Живот у того вскоре лопнул. Тогда Эйвинд сказал:

— Снимите с меня эту чашу. Я хочу кое-что сказать, прежде чем умру.

Так и сделали. Тогда конунг спросил:

— Будешь ты теперь, Эйвинд, верить в Христа?

— Нет, — сказал тот. — Я не могу принять крещения. Я — дух, оживший в человеческом теле, благодаря колдовству финнов, а раньше у моих отца и матери не было детей.

Так умер Эйвинд. Он был большим чародеем.

LXXVII

Следующей весной Олав конунг велел снарядить корабли и войско. Он сам предводительствовал на Журавле. У него было большое и хорошее войско. Когда он снарядился, он направился со своим войском по фьорду в море, а затем на север мимо Бюрды и дальше на север в Халогаланд. Всюду, где он приставал к берегу, он созывал тинг и велел всему народу принять крещение и правую веру. Никто не решался ему противоречить, и так вся страна стала христианской, куда бы он ни приезжал. Олав конунг гости на острове Тьотта у Харека. Тот тоже тогда крестился, и с ним все его люди. Харек поднес конунгу на прощанье богатые подарки и сделался его человеком. Он получил от конунга пожалования и права лендрманна.

LXXVIII

Раудом Могучим звали одного бонда, жившего у фьорда, который называется Сальфти, на острове Годей. Рауд был очень богат, и у него было много людей. Он был человеком могущественным. Его поддерживало множество финнов, когда это было ему нужно. Рауд был заядлым язычником и большим чародеем. Он был закадычным другом человека, который уже был назван — Торира Оленя. Они оба были могущественными вождями. Когда они узнали, что Олав конунг идет с юга с войском на Халогаланд, они созвали людей с кораблями, и собралось большое войско. У Рауда был большой корабль с золоченой драконьей головой на носу. На нем было тридцать скамей для гребцов, и его величина соответствовала этому. У Торира Оленя тоже был большой корабль. Они направились с этим войском на юг навстречу Олаву конунгу. Когда они встретились с ним, они вступили в бой. Разгорелась ожесточенная битва, и много народу гибло, но особенно у халогаландцев. Один за другим их корабли очищались от людей, и тогда их охватил страх и ужас. Рауд уплыл на своем корабле в открытое море и велел поднять парус. Ветер ему всегда благоприятствовал, куда бы он ни плыл, и это — благодаря его колдовству. Коротко говоря, он приплыл домой на Годей.

Торир Олень бежал на берег, и его люди соскочили с кораблей, а Олав конунг последовал за ними. Он тоже соскочил со своими людьми.

ми с кораблей, и они преследовали тех и убивали их. Конунг был впереди всех, как всегда, когда надо было преследовать врага. Он увидел, как Торир Олень убегал. Никто не бегал так быстро, как тот. Конунг бросился его преследовать, и Виги, его пес, бежал за ним. Тут конунг сказал:

— Виги, возьми оленя!

Виги помчался за Ториром и бросился на него. Торир остановился, и конунг метнул в него копьем. Торир взмахнул мечом и нанес собаке большую рану, но тут же копье конунга попало Ториру под мышку и пронзило его насквозь. Тут Торир простился с жизнью, а раненый Виги был отнесен на корабль. Олав конунг пощадил всех тех людей, которые просили пощады и хотели принять христианство.

LXXIX

Олав конунг направился со своим войском на север вдоль побережья и крестил весь народ, куда бы ни приезжал. Когда он доплыл на север до фьорда Сальфти, он захотел войти во фьорд, чтобы встретиться с Раудом. Но во фьорде была ужасная непогода и дул страшный ветер, так что конунг простоял там целую неделю. Во фьорде все продолжал дуть тот же встречный ветер, тогда как в море дул ветер попутный для поездки на север. Поэтому конунг поплыл на север в Эмд, и весь народ там принял христианство. Затем конунг снова повернул на юг. Но как только он подплыл с севера к Сальфти, снова по фьорду дует страшный ветер и метет вьюга. Конунг простоял там несколько дней, но погода все была такой же. Тогда конунг обратился к Сигурду епископу и спросил его, не может ли он как-нибудь помочь в этой беде. Епископ сказал, что он попытается попросить бога побороть это дьявольское наваждение.

LXXX

Сигурд епископ надел все свое облачение и пошел на нос корабля конунга. Он велел зажечь свечи и стал кадить. Потом он поставил распятие на нос корабля и читал евангелие и многие другие молитвы. Наконец, он окропил святой водой весь корабль. Затем он велел убрать шатры и грести во фьорд. Конунг велел тогда крикнуть лю-

дям на других кораблях, чтобы они шли на веслах вслед за ним. И когда на Журавле начали грести, корабль вошел во фьорд, и те, кто гребли, не почувствовали никакого ветра. Вода за кормой была совершенно спокойной, а по обе стороны от следа корабля брызги от волн взлетали так высоко, что не было видно гор на берегу фьорда. Один корабль плыл за другим по совершенно спокойной воде. Так они плыли весь день и следующую ночь и незадолго до рассвета приплыли к Годей. Когда они подплыли к усадьбе Рауда, у берега стоял его большой корабль. Олав конунг сразу же поднялся со своим войском к усадьбе. Они бросились к покою, в котором спал Рауд, и взломали дверь. Люди ворвались в покой. Рауд был схвачен и связан, других людей, которые были там, убили или взяли в плен. Затем люди конунга пошли в дом, где спали работники Рауда. Некоторые из них были убиты, другие связаны, третьи избиты. Конунг велел привести к нему Рауда и предложил тому креститься.

— Я не буду тогда, — говорит конунг, — отнимать у тебя твоё добро. Я буду твоим другом, если ты будешь дорожить этим.

Но Рауд яростно отвергнул это предложение, сказал, что никогда не поверит в Христа, и очень богохульствовал. Тогда конунг разгневался и сказал, что Рауд умрет самой худшей смертью. Он велел взять Рауда, привязать его лицом вверх к бревну и вставить ему палку между зубов, чтобы его рот был открыт. Затем он велел принести змею и приставить ее ко рту Рауда. Но змея не захотела вползти в рот и лезла, извиваясь, назад, так как Рауд дул на нее. Тогда конунг велел принести пустой стебель дудника и вставить его в рот Рауду. А некоторые люди рассказывают, что конунг велел вставить ему в рот свою трубу. Змею заставили вползти, поднеся к ее хвосту раскаленное железо. Она вползла в рот Рауда, а затем в горло и прогрызла ему бок. Тут Рауд простился с жизнью.

Олав конунг захватил там много серебра и золота, и другого добра, оружия и разных драгоценностей. А всех людей, которые были с Раудом, конунг велел крестить, а тех, которые не хотели креститься, он велел убить или пытаться.

Олав конунг захватил корабль, который был у Рауда, и сам правил им, так как этот корабль был много больше и красивее Журавля. Впереди у него была драконья голова, и за ней изгиб, который кончался как хвост, а обе стороны драконьей шеи и весь штевень были

позолочены. Конунг назвал этот корабль Змей, так как когда на нем были подняты паруса, он походил на крылатого дракона. Это был самый красивый корабль во всей Норвегии.

Острова, на которых жил Рауд, называются Гюллинг и Хэринг, а все эти острова вместе — Годаейяр, а пролив на севере между ними и материком — Годаейрстраум.

Олав конунг крестил весь тот фьорд, а потом поплыл своим путем на юг вдоль берега, и во время этой поездки случилось много такого, о чем ходят рассказы: тролли и злые духи подшучивали над его людьми, а подчас и над ним самим. Но мы лучше напишем о таких событиях, как то, что Олав конунг крестил Норвегию и другие страны, в которые он ввел христианство. Олав конунг в те самую осень вернулся в Трандхейм. Он направился в Нидарос и расположился там на зиму.

Теперь я велю написать про исландцев.

LXXXI

В эту самую осень в Нидарос из Исландии приехал Кьяртан сын Олава⁸⁶. Он был внуком Хёскульда и племянником Эгиля сына Скаллагрима. Кьяртан считался одним из самых многообещающих мужей, родившихся в Исландии. Приехали также Халльдор, сын Гудмунда с Подмаренничных Полей, и Кольбейн, сын Торда Годи Фрейра и брат Флоси Поджигателя⁸⁷. Четвертым был Свертинг, сын Рунольва годи. Все эти и многие другие могущественные и немогущественные люди были язычниками.

Приехали из Исландии также знатные люди, которые приняли крещение от Тангбранда, — Гицур Белый, сын Тейта сына Кетильбьёрна, чьей матерью была Алов, дочь Бёдвара херсира, одно из сыновей Кари Викинга. Братом Бёдвара был Сигурд, отец Эйрика Бьодаскалли, отца Астрид, матери Олава конунга. Одного исландца звали Хьялти сын Скегги. Его женой была Вильборг, дочь Гицура Белого, Хьялти тоже был христианином, и Олав конунг дружелюбно принял Гицура и его зятя Хьялти, и они жили у него.

Исландцы корабельщики, которые были язычниками, пытались уплыть, когда узнали, что конунг в городе, так как им сказали, что конунг заставляет всех людей креститься. Но погода им не благопри-

ятствовала, и их пригнало назад в Нидархольму. Эти корабельщики были Торарин сын Невьольва, скальд Халльфред сын Оттара, Бранд Щедрый и Торлейк сын Бранда. Олаву конунгу доложили, что приплыли исландцы корабельщики и что они язычники и пытались увернуться от встречи с ним. Тогда конунг послал к ним людей и запретил им уезжать. Он велел им пристать в городе, и те так и сделали, но не разгружали своих кораблей.

LXXXII

Настал Михайлов день⁸⁸, и конунг велел праздновать его и отслужить торжественную мессу. Исландцы тоже пришли и слушали красивое пение и звон колоколов. Вернувшись на свои корабли, они все обсуждали поведение христиан. Кьяртану оно понравилось, но большинство хулило его. И вот получилось, как в поговорке, которая гласит, что у конунга много ушей: конунг узнал об этих разговорах. Он сразу же послал человека за Кьяртаном, и велел просить его прийти к нему. Кьяртан пришел с несколькими людьми к конунгу. Тот его дружелюбно принял. Кьяртан выделялся ростом и красотой и умел красноречиво говорить. После того как конунг обменялся с Кьяртаном немногими словами, конунг предложил Кьяртану принять крещение. Кьяртан говорит, что не будет отказываться, если сумеет снискать этим дружбу конунга. Конунг обещает ему свою полную дружбу, и они с конунгом заключают между собой это соглашение. На следующий день Кьяртан и Болли сын Торлака, его родич, и все их спутники приняли крещение. Кьяртан и Болли были гостями конунга, пока они были в белых одеждах⁸⁹, и конунг был очень милостив к ним.

LXXXIII

Однажды Олав конунг шел по улице, а какие-то люди шли ему навстречу, и тот, кто шел впереди, приветствовал конунга. Конунг спросил этого человека, как его зовут. Тот назвался Халльфредом. Тогда конунг сказал:

— Это ты — скальд?

Тот отвечает:

— Я умею сочинять стихи.

Тогда конунг сказал:

— Ты, наверное, захочешь принять крещение и стать потом моим человеком.

Тот отвечает:

— Я крещусь только с тем условием, что ты будешь моим крестным отцом. Ни от кого другого я не приму крещения.

Конунг говорит:

— Я согласен.

И вот Халльфред был крещен, и сам конунг держал его при крещении.

Конунг спросил Халльфреда:

— Хочешь стать моим человеком?

Халльфред отвечает:

— Я был раньше дружинником Хакона ярла. Я не стану ни твоим дружинником, ни дружинником какого-либо другого правителя, если ты не обещаешь мне, что ты никогда не прогонишь меня, что бы со мной ни случилось.

— Мне о тебе рассказывали, — говорит конунг, — что ты не настолько благоразумен или послушен, чтобы от тебя нельзя было ожидать чего-нибудь такого, с чем я не смогу примириться.

— Убей меня тогда, — говорит Халльфред.

Конунг сказал:

— Ты трудный скальд! Но отныне ты — мой человек.

Халльфред отвечает:

— Что ты дашь мне, конунг, в подарок, раз ты нарек меня Трудным Скальдом⁹⁰?

Конунг дал ему меч, но без ножен, и сказал:

— Сочини вису об этом мече, и пусть в каждой строке будет меч.

Халльфред сказал:

*Я за меч отличный
Мечу мечи Ньёрдам
Мечей⁹¹. Значит, будет
Наш союз отмечен.
Дай к мечу придачу
Ножны, меченосец.*

*Три меча я к чести
Вашей оправдаю.*

Тогда конунг дал ему ножны.

Из стихов Халльфреда мы берем то верное и правдивое, что в них есть о конунге Олаве сыне Трюггви.

LXXXIV

В эту самую осень священник Тангбранд вернулся из Исландии к Олаву конунгу и рассказал ему о своей неудаче. Он жаловался, что исландцы сочинили о нем хулительные стихи, а некоторые даже хотели убить его. Он сказал, что нет надежды обратить эту страну в христианство. Олав конунг был так разгневан и разъярен, что велел трубить в рог и созвать всех исландцев, которые были тогда в городе. Он объявил, что всех их надо убить. Но Кьяртан, Гицур, Хьялти и другие, которые уже раньше приняли христианство, пошли к конунгу и сказали:

— Не захочешь же ты, конунг, брать свои слова назад. Ведь ты обещал, что, как бы кто тебя не разгневал, ты их простишь, если они захотят креститься и отказаться от язычества. И вот все исландцы, которые теперь здесь, хотят креститься, и мы найдем способ сделать так, что христианство проложит себе дорогу в Исландии. Здесь есть много сыновей могущественных исландцев, и их отцы смогут оказать большую помощь в этом деле. А Тангбранд там, как и здесь у вас, действовал запальчиво и убивал, а люди там не потерпели этого.

Конунг прислушался к этим речам. Так все исландцы, которые там были, приняли крещение.

LXXXV

Олав конунг был самым сноровистым из людей, о которых в Норвегии рассказывают. Он был необычайно силен и ловок, и многие рассказы об этом записаны. В одном из них говорится, что он влез на Смальсархорн и укрепил свой щит на вершине этой скалы. Рассказывают также, как он помог одному из своих дружинников, который влез на ту скалу и не мог ни взобраться выше, ни спустить-

ся вниз. Конунг поднялся к нему и, обхватив его рукой, спустился с ним вниз на землю. Олав конунг ходил по веслам за бортом корабля, в то время как его люди гребли на Змее, и он играл тремя ножами так, что один был все время в воздухе, а рукоять другого — в его руке. Он рубил одинаково обеими руками и метал сразу два копия. Олав конунг очень любил повеселиться и пошутить, был приветлив и прост в обращении, горячо за все брался, был очень щедр, любил выделяться своей одеждой и в битве превосходил всех своей храбростью. Но он бывал крайне жесток, когда гневался, и своих недругов он подвергал жестоким пыткам: кого велел сечь в огне, кого — отдать на растерзание свирепым псам, кого — покалечить или сбросить с высокой скалы. Поэтому друзья любили его, а недруги боялись. Он во всем добивался успеха, потому что одни выполняли его волю из любви и преданности, а другие из страха.

LXXXVI

Лейв, сын Эйрика Рыжего⁹², который первым поселился в Гренландии, приплыл в то лето из Гренландии в Норвегию. Он предстал перед конунгом и крестился, и пробыл зиму у Олава конунга.

LXXXVII

Гудрёд, сын Эйрика Кровавая Секира и Гуннхильд, был в викингских походах в Западных Странах с тех пор, как он бежал из страны, когда Хакон ярл пришел к власти. В то лето, о котором только что рассказывалось, когда конунг Олав сын Трюггви уже четыре лета правил Норвегией, Гудрёд приплыл в Норвегию с многими боевыми кораблями. Он плыл из Англии, и когда он подплывал к Норвегии, он направился вдоль побережья на юг, где он меньше всего опасался встретиться с Олавом конунгом. Гудрёд поплыл в Вик. Когда он пристал к берегу, он начал разорять страну и подчинять себе ее жителей, и требовать, чтобы его признали конунгом.

Когда жители страны увидели, что нагрянула большая рать, они стали искать пути к миру и предложили конунгу, что будет созван тинг по стране. Они решили, что лучше уж признать его конунгом, чем терпеть притеснения от его рати. Была назначена отсрочка до

того времени, пока не соберется тинг. Тогда конунг потребовал оплаты своего содержания во время этой отсрочки. Но бонды предложили, чтобы конунг гостил у них, пока он в этом нуждался, и конунг принял это предложение и ездил по пирам по стране с частью своего войска, в то время как другая часть его войска сторожила его корабли.

Когда обо всем этом узнали братья Хюрнинг и Торгейр, зятя Олава конунга, они собрали войско и сели на корабли. Затем они отправились на север в Вик, однажды ночью нагрянули с войском туда, где Гудрёд конунг пировал, и пустили в ход огонь и оружие. Гудрёд конунг погиб, и с ним большая часть его войска. А те, кто оставались на кораблях, были либо убиты, либо бежали кто куда. Все сыновья Эйрика и Гуннхильд были теперь мертвы.

LXXXVIII

В следующую зиму после того, как Олав конунг вернулся из Халогаланда, он велел построить большой корабль под хладирскими скалами. Он был много больше, чем все другие корабли, которые тогда были в стране, и еще сохранился помост, на котором он строился. Строитель корабля звался Торберг Строгала. Но многие другие помогали ему — кто сплачивал доски, кто тесал, кто забивал гвозди, кто подвозил лес. Все в корабле было очень тщательно сделано. Корабль был длинный и широкий, с высоким бортом и из крупного леса.

Когда уже делали борт корабля, Торбергу понадобилось по какой-то нужде пойти домой, и он там долго оставался. А когда он вернулся, борт корабля уже был готов. В тот же вечер конунг и с ним Торберг пошли посмотреть, какой получился корабль. Все говорили, что никогда не видели такого большого и красивого корабля. Потом конунг вернулся в город.

Рано утром на следующий день конунг снова пошел к кораблю, и с ним Торберг. А мастера все уже пришли раньше, но не начинали работать. Конунг спросил, почему они не начинают. Они отвечают, что корабль испорчен: кто-то прошел от носа до кормы, рубя борт косыми ударами. Конунг подошел и увидел, что это правда. Тогда он поклялся, что человек, который из зависти так испортил корабль, поплатится смертью, если он его найдет.

— А тот, кто мне назовет этого человека, получит от меня большое вознаграждение.

Тогда Торберг говорит:

— Я могу сказать вам, конунг, кто это сделал.

— Ни от какого другого человека, кроме тебя, — говорит конунг, — я не мог бы ожидать, что он знает это и может мне сказать.

— Я скажу тебе, конунг, — говорит Торберг, — кто это сделал. Это сделал я.

Конунг отвечает:

— Тогда ты должен сделать так, чтобы все было, как раньше. От этого зависит твоя жизнь.

И вот Торберг подошел и отстругал борт так, что все косые рубцы исчезли. Конунг и все другие стали говорить, что корабль много красивее с борта, отструганного Торбергом. И конунг велел ему сделать то же самое с другим бортом и сказал, что он ему очень благодарен.

Торберг был главным корабельным мастером, пока корабль строился. Это был корабль с драконьей головой на носу и сделанный по образцу того Змея, которого конунг привел из Халогаланда. Но он был много больше и во всех отношениях более тщательно сделан. Конунг называл его Великим Змеем, а того — Малым Змеем. На Великом Змее было тридцать четыре скамьи для гребцов. Голова и хвост дракона были целиком позолочены, а борт был так же высок, как на морских кораблях. Из всех кораблей, построенных в Норвегии, он был лучше всего сделан и потребовал наибольших затрат.

LXXXIX

Ярл Эйрик сын Хакона, его братья и многие другие их знатные родичи покинули страну после смерти Хакона ярла. Эйрик ярл отправился на восток в Швецию к Олаву конунгу шведов, и он и его люди были там хорошо приняты. Олав конунг позволил ему жить в мире внутри страны и дал ему большие пожалования, так что он мог хорошо содержать себя и свою дружину. Торд сын Колбейна говорит:

*Друг законов! Козни
Привели людские
К скорой — рок всевластен!*

— Кончине Хакона.
Полк грядет с заката:
То вступил сын Трюггви
На брег, вязом стяга
В битвищах добытый.

Затаился, полон
Дум о мести, смелый
Эйрик, против стража
Кладов умышляя.
Трёндский ярл, снедаем
Гневом, для совета
Едет к князю свеев —
Непреклонны трёнды!

Много людей, бежавших из Норвегии, когда к власти пришел конунг Олав сын Трюггви, стеклось к Эйрику ярлу. Эйрик ярл решил тогда снарядить корабли и отправиться в викингский поход за добычей себе и своим людям. Он направился сначала к Готланду и долго стоял там летом, подстергая торговые корабли, которые плыли в страну, или викингов. Иногда он высаживался на берег и разорял страну у моря. В Бандадрапе говорится так:

Он земель немало
Воевал, всеславный,
На игрищах Скёгуль⁹³,
Эйрик дерзновенный —
С той поры, как предал
Разоренью землю
Готланда Тунд шлема⁹⁴ —
Правит сходом дров.

Затем Эйрик ярл поплыл на юг в Страну Вендов. У Стаура он встретил несколько викингских кораблей и вступил с ними в бой. Он одержал победу и убил викингов. В Бандадрапе говорится так:

Струг драконоглавый
У Стаура поставил

*Укротитель ратей.
Одину в угоду —
В танце стрел у берега
Птицы крови лица
Викингам клевали —
Раздвинул державу.*

ХС

Осенью Эйрик ярл вернулся в Швецию и оставался там следующую зиму. А весной ярл снарядил свое войско и затем поплыл в Восточные Страны. Когда он приплыл во владения Вальдамара конунга, он стал воевать и убивать людей, и жег жилье всюду, где он проходил, и опустошал страну. Он приплыл к Альдейгьюборгу и осаждал его, пока не взял город. Там он перебил много народа и разрушил и сжег весь город. После этого он прошел по Гардарики, разоряя страну. В Бандадрапе говорится так:

*Прошел мечом землю
Вальдамара, смерти
Врагов обрекая
В побоищах, воин.
Твердо знаю, в Гардах
Повергатель ратей
Альдейгье⁹⁵ погибель
Уготовил, стойкий.*

Всего Эйрик ярл провел в этом походе пять лет. Возвращаясь из Гардарики, он разорял Адальсюслу и Эйсюслу. Он захватил там четыре датских викингских корабля и убил всех, кто на них был. В Бандадрапе говорится так:

*Знаю, что для звона
Стали звал дружину
К островам вяз древка.⁹⁶
Эйрик дерзновенный
Смог четыре струга*

*От датчан очистить.
Страж перин дракона⁹⁷
Правит сходом дровов.*

*Был владетель Готи
Вод⁹⁸ без счета гаутов,
Опустели села.
Одину в угодую —
Пронес щит по Сюслам
Ас побед обеим —
Нарушитель мира
Раздвинул державу.*

Эйрик ярл поехал в Данию, после того как он провел одну зиму в Швеции. Он приехал к Свейну Вилобородому, конунгу датчан, и посватался к Гюде, его дочери. Сватовство было принято, и Эйрик женился на Гюде. На следующий год к ним родился сын, который был назван Хаконом. Эйрик ярл проводил зиму в Дании, а иногда в Швеции, а летом ходил в викингские походы.

ХСІ

Свейн, конунг датчан, был женат на Гуннхильд, дочери Бурицлава, конунга вендов. Но в то время, о котором только что рассказывалось, случилось, что Гуннхильд заболела и умерла. Вскоре после этого Свейн конунг женился на Сигрид Гордой, дочери Скёглар-Тости, матери Олава Шведского, конунга шведов. Благодаря этому браку возникла тесная дружба между конунгами, а также между ними и ярлом Эйриком сыном Хакона.

ХСІІ

Бурицлав, конунг вендов, пожаловался Сигвальди ярлу, своему зятю, что нарушено соглашение, которое, благодаря Сигвальди ярлу, было заключено между Свейном конунгом и Бурицлавом конунгом. Бурицлав конунг должен был жениться на Тюри дочери Харальда, сестре Свейна конунга, но этот брак не состоялся, потому что Тюри

наотрез отказалась идти замуж за конунга язычника и старика. И вот Бурицлав конунг говорит ярлу, что он требует выполнения соглашения и просит ярла поехать в Данию и привезти ему Тюри.

Сигвальди ярл сразу же поехал к Свейну конунгу датчан и рассказал ему о жалобе Бурицлава конунга, и своими уговорами добился того, что Свейн конунг поручил ему Тюри, свою сестру. Ее сопровождали несколько женщин, ее приемный отец Эцур сын Аги, человек могущественный, и еще несколько человек. Конунг договорился с ярлом, что имущество в Стране Вендов, которое принадлежало Гуннхильд, должно перейти во владение Тюри, и она должна, кроме того, получить там большие владения.

Тюри горько плакала и поехала очень неохотно. Когда она с ярлом приехала в Страну Вендов, Бурицлав конунг справил с ней свадьбу, и Тюри стала его женой. То так как она была среди язычников, она не хотела принимать ни еды, ни питья от них, и так продолжалось семь дней.

Однажды ночью Тюри и Эцур убежали оттуда, пользуясь темнотой ночи, в лес. Коротко говоря, они вернулись в Данию. Но Тюри никак не смела там оставаться, так как знала, что, если Свейну конунгу, ее брату, станет о ней известно, он сразу же отошлет ее обратно в Страну Вендов. Так они странствовали, скрываясь, и добрались до Норвегии. Тюри не успокоилась, пока они не предстали перед Олавом конунгом. Он их хорошо принял, и они жили у него в довольстве. Тюри рассказала конунгу все о своей неволе и попросила у него совета и помощи. Она просила его позволить ей жить в мире в его владениях. Тюри была женщина красноречивая, и ему пришло на ум, что это был бы подходящий брак для него. Он повернул разговор в эту сторону и спросил, не пойдет ли она за него замуж. Она была тогда в беде, из которой, как она понимала, ей было бы трудно выбраться. Вместе с тем, она видела, насколько счастливым было предложение выйти замуж за такого знаменитого конунга, и она попросила его распоряжаться ее рукой и ее судьбой. И вот в соответствии с этими словами Олав конунг женился на Тюри. Свадьбу сыграли осенью, когда конунг вернулся на юг из Халогаланда. Олав конунг и его жена Тюри провели зиму в Нидаросе.

Следующей весной Тюри, горько плача, стала жаловаться Олаву на то, что в Стране Вендов у нее были большие владения, тогда как

здесь в стране у нее нет никаких владений, подобающих жене конунга. Часто она умильными словами просила конунга, чтобы он добился возвращения ей ее имущества. Она говорила, что если бы он встретился с Бурицлавом, то Бурицлав, будучи большим другом Олава конунга, сразу бы уступил Олаву конунгу все, что тот бы потребовал. Но когда друзья Олава конунга узнали об этих ее речах, они все старались удержать конунга от поездки.

Рассказывают, что однажды ранней весной конунг шел по улице, и у рынка встретился ему человек с удивительно большими для такого раннего времени года кустами дягиля. Конунг взял в руки один большой стебель дягиля и пошел с ним домой в покой Тюри, его жены. Тюри сидела и плакала, когда вошел конунг. Конунг сказал:

— Посмотри, какой большой стебель! Я дарю его тебе.

Она отмахнулась от него рукой и сказала:

— Большие подарки делал Харальд сын Горма и меньше, чем ты, боялся отправиться в другую страну за своим добром. Он доказал это, когда приехал сюда в Норвегию и опустошил большую часть страны, и присвоил себе все подати и налоги, а ты не смеешь проехать через державу Свейна конунга, моего брата.

Когда она сказала это, Олав конунг вскочил и, клянясь, воскликнул:

— Никогда я не побоюсь Свейна конунга, твоего брата, и если мы встретимся, ему не сдобровать!

XCIII

Немного погодя Олав конунг созвал тинг в городе. Он объявил всему народу, что будет набирать летом войско для похода за пределы страны и потребует поставки кораблей и людей из каждого фюлька, и он сказал, сколько кораблей должны будут поставить фюльки Фьорда. Он посылает гонцов на север и на юг страны, по морю и по суше и велит собирать войско.

Затем Олав конунг велит спустить на воду Великого Змея, а также все другие суда, большие и малые. Он сам правил Великим Змеем. И когда набирали людей на корабли, то отбор был очень тщательным: ни один человек на Великом Змее не должен был быть старше шестидесяти и младше двадцати лет, и они тщательно отбирались по силе и храбрости. Первыми были набраны люди в дружину Олава

конунга. В нее брались как изнутри страны, так и из других стран самые сильные и самые храбрые.

XCIV

Ульвом Рыжим звали знаменосца Олава конунга. Он был на самом носу Змея. Затем надо назвать Кольбьёрна Окольного, Торстейна Бычья Нога, Викара из Тиудаланда, брата Арнльота Гелинни. В передней части корабля были: Вакр с Эльва сын Рауми, Берси Силач, Ан Стрелок из Ямталанда, Транд Могучий из Теламёрка и Отюрмир, его брат; из Халогаланда — Транд Косой, Эгмунд Санди, Хлёдвир Длинный из Сальтвика, Харек Быстрый; из внутреннего Трандхейма — Кетиль Высокий, Торфинн Эйсли, Хавард и его братья из Оркадаля. На корме были Бьёрн из Студлы, Торgrim из Хвинира сын Тьодольва, Асбьёрн и Орм, Торд с Ньярдарлёга, Торстейн Белый из Опростадира, Арнор из Мёра, Халльстейн и Хаук из Фьордов, Эйвинд Уж, Бергтор Бестиль, Халлькель из Фьялира, Олав Парень, Арнфинн из Согна, Сигурд Секира, Эйнар и Финн из Хёрдаланда, Кетиль из Рога-ланда, Грьотгард Бодрый. За ними были Эйнар Брюхотряс — он был еще недорослем, так как ему было восемнадцать лет, — Халльстейн сын Хлива, Торольв, Ивар Рыло, Орм Отрог Леса. Много других знаменитых мужей было на Змее, хотя мы не можем их перечислить. Восемь человек было на каждой полускамье в Змее, и все это были отборные мужи. Тридцать человек было на корме корабля.

Все говорили, что люди на Змее так же превосходили красотой, силой и храбростью других людей, как Змей превосходил другие корабли. Торкель Невья, брат конунга, правил Малым Змеем. Торкель Дюрдиль и Йостейн, дядья конунга, правили Журавлем. На обоих этих кораблях люди были как на подбор. У Олава конунга было из Трандхейма одиннадцать больших кораблей и, кроме того, корабли с двадцатью скамьями для гребцов и более мелкие суда.

XCV

Снарядив как следует свое войско в Нидаросе, Олав конунг назначил людей по всему Трёндалёгу — сюслуманнов и арменнингов⁹⁹. Он послал тогда в Исландию Гицура Белого и Хьяльти сына Скегги,

чтобы возвестить христианство в Исландии, и дал им с собой священника по имени Тормод и еще других знатных людей, посвященных в духовный сан, а при себе оставил в качестве заложников тех четырех исландцев, которых он почел наиболее выдающимися — Кьяртана сына Олава, Халльдора сына Гудмунда, Кольбейна сына Торди и Свертинга сына Рунольва. О поездке Гицура и Хьяльти рассказывают, что они приплыли в Исландию еще до альтинга и поехали на тинг. На этом тинге в Исландии было введено христианство, и в то лето весь народ был крещен.

XCVI

В ту самую весну Олав конунг послал Лейва сына Эйрика в Гренландию, чтобы возвестить там христианство, и тот поехал летом в Гренландию. Он подобрал в море людей, потерпевших кораблекрушение, с обломков их корабля, а потом открыл прекрасную Виноградную Страну¹⁰⁰. Летом он приплыл в Гренландию и привез с собой священника и христианских учителей, и поехал к Эйрику, своему отцу, в Браттахлид. Его прозвали потом Лейвом Счастливым. Но Эйрик, его отец, сказал, что одно уравнивает другое: то, что он спас людей, потерпевших кораблекрушение, и то, что он привез в Гренландию фицляра. Он имел в виду священника.

XCVII

Олав конунг поплыл со своим войском на юг вдоль побережья. К нему присоединились многие его друзья, могущественные мужи, которые собрались идти в поход с ним. Первым среди них был Эрлинг сын Скьяльга, его зять. У него был большой корабль с тридцатью скамьями для гребцов, и все люди на нем были как на подбор. Присоединились к конунгу и его зятя Хюрнинг и Торгейр, и у каждого был большой корабль. Многие другие могущественные мужи присоединились к нему. У него было шестьдесят боевых кораблей, когда он отплыл из страны и направился на юг мимо Дании через Эйрарсунд. Во время этого похода Олав конунг приплыл в Страну Вендов. Он пригласил Бурицлава конунга на встречу, и конунги встретились. Они говорили о владениях, на которые Олав конунг притязал, и все

переговоры между конунгами протекали мирно. Все притязания, которые Олав конунг предъявил, были полностью удовлетворены. Олав конунг долго оставался там летом и встретил там много своих друзей.

XCVIII

Конунг Свейн Вилобородый женился на Сигрид Гордой, как уже было написано. Сигрид была злейшим врагом конунга Олава сына Трюггви, и причиной было то, что Олав конунг нарушил договор с ней и ударил ее по лицу, как было написано раньше. Она всячески подстрекала Свейна конунга вступить в бой с Олавом конунгом и говорила, что достаточный повод для этого уже то, что Олав конунг лег в постель с Тюри, его сестрой.

— И притом без вашего дозволения. Ваши предки не потерпели бы такого.

Сигрид часто говорила такие речи и добилась своими уговорами того, что Свейн конунг решил последовать ее совету. И вот ранней весной Свейн конунг послал гонцов на восток в Швецию к Олаву конунгу шведов, своему пасынку, и Эйрику ярлу и велел сообщить им, что Олав конунг Норвегии собрался в поход и намеревается летом отправиться в Страну Вендов. Это сообщение сопровождалось требованием: конунг шведов и ярл должны собраться в поход и плыть навстречу Свейну конунгу с тем, чтобы они все вместе вступили в битву с Олавом конунгом.

Конунг шведов и Эйрик ярл были вполне готовы к такому походу. Они сразу же собрали множество кораблей в Шведской Державе и отправились с этим войском на юг в Данию, и прибыли туда, когда конунг Олав сын Трюггви уже проплыл на восток. Об этом рассказывает Халльдор Некрещеный в стихах, которые он сочинил об Эйрике ярле:

*Из Свитьода, смелый,
Снарядил он рати
На близкую битву,
Вождей погубитель,
С Эйриковым войском*

*За море стремился
Всякий из кормильцев
Соек сока раны.¹⁰¹*

Конунг шведов и Эйрик ярл направились к конунгу датчан, и у них вместе была тогда огромная рать.

XCIX

Послав гонцов за этим войском, Свейн конунг послал в то же время Сигвальди ярла в Страну Вендов, чтобы разведать о походе конунга Олава сына Трюггви и подстроить так, чтобы Свейн конунг и его союзники могли встретиться с Олавом конунгом. Сигвальди ярл поехал своим путем и приехал в Страну Вендов. Он отправился сначала в Йомсборг, а потом встретился с конунгом Олавом сыном Трюггви. Они очень дружественно беседовали друг с другом, и ярл добился полного доверия и расположения конунга. Астрид, жена ярла, была в большой дружбе с Олавом конунгом, по причине их прежнего свойства, когда Олав конунг был женат на Гейре, ее сестре.

Сигвальди ярл был человек умный и хитрый. Вкравшись в доверие к Олаву конунгу, он всячески старался удержать того от отъезда на запад и придумывал различные причины для этого, а войско Олава конунга было этим крайне недовольно: людям очень хотелось вернуться домой, и они уже давно были готовы к отъезду, и дул попутный ветер. А Сигвальди ярл получил тем временем тайные сведения из Дании: с востока пришло войско конунга шведов, и войско Эйрика ярла тоже наготове, и оба правителя намереваются плыть на восток в Страну Вендов. Они решили, что будут подстергать Олава конунга у острова, который называется Свёльд. Между тем ярл должен был подстроить так, чтобы они непременно встретили там Олава конунга.

C

И вот в Страну Вендов дошел слух, что Свейн конунг датчан собрался в поход, и вскоре стали поговаривать, что Свейн конунг датчан хочет сразиться с Олавом конунгом. Но Сигвальди ярл говорит конунгу:

— Свейн конунг не решится вступить с тобой в битву, имея только войско датчан, ведь у тебя такое большое войско. Но если ты все же опасешься нападения, то я буду сопровождать тебя с моим войском, — а считалось большой поддержкой, если йомсвикинги присоединялись к правителю, — я дам тебе одиннадцать кораблей с людьми.

И конунг согласился на это предложение. Ветер был слабый, но попутный. Конунг велел сниматься с якоря и трубить поход. Люди стали поднимать паруса, и мелкие суда снялись с места быстрее и выплыли в море. А ярл, который плыл на своем корабле рядом с кораблем конунга, крикнул тому, чтобы тот плыл следом за ним.

— Я хорошо знаю, говорит он, — где всего глубже в проливах между островами, а это поможет вашим большим кораблям.

Так ярл плыл впереди со своими кораблями. У него было одиннадцать кораблей, а конунг плыл вслед за ним со своими большими кораблями. Их было тоже одиннадцать, а все остальные суда тоже выплывали в море. Но когда Сигвальди ярл приблизился к Свёлду, навстречу ему выплыла лодка. Люди в лодке сказали ярлу, что войско конунга датчан стоит там в укрытии и ждет их. Тогда ярл велел убрать паруса, и они на веслах подошли к острову. Халльдор Некрещеный говорит так:

*Семь десятков стругов
Конунг трёндов двинул,
И один. Князь смело
Раздавал удары.
Ланей моря¹⁰² сконских
Ярл добыл для битвы.
Мир в секирном звоне
Мужи разорвали.*

Здесь говорится, что у Олава конунга и Сигвальди ярла был семьдесят один корабль, когда они выплывали с юга в море.

CI

Свейн конунг датчан и Олав конунг шведов и Эйрик ярл были там теперь со всей их ратью. Погода была хорошая, и светило со-

лице. Все трое правителей взошли на остров со своими дружинами и смотрели, как великое множество кораблей vyplывает в море. И вот они видят, как vyplывает большой и великолепный корабль. Тут оба конунга сказали:

— Вот большой и очень красивый корабль. Наверное, это Великий Змей.

Но Эйрик ярл отвечает и говорит:

— Нет, это не Великий Змей.

И было так, как он сказал. Это был корабль Индриди из Гимсара. Немного спустя они увидели, как vyplывает другой корабль, много больше, чем предыдущий. Тут Свейн конунг сказал:

— Трусит Олав сын Трюггви: не смеет плыть с драконьей головой на носу корабля!

Но Эйрик ярл говорит:

— Нет, это не корабль конунга. Я знаю этот корабль и парус, потому что парус этот полосатый. Это Эрлинг сын Скъяльга. Пусть плывет мимо. Но для нас было бы лучше не видеть такого красивого корабля у Олава конунга.

Еще через некоторое время они увидели и узнали корабли Сигвальди ярла, которые повернули к острову. Потом они видели, как плывут три корабля и один из них — особенно большой. Свейн конунг и сказал, что пора идти к кораблям, так как это плывет Великий Змей. Но Эйрик ярл говорит:

— У них много других больших и великолепных кораблей, кроме Великого Змея. Подождем еще.

Тогда очень многие стали говорить так:

— Эйрик ярл не хочет сражаться и отомстить за своего отца. Это — позор, о котором будут говорить во всех странах: мы стоим здесь с такой большой ратью, в то время как Олав конунг перед нашими глазами уплывает в открытое море.

Некоторое время шли такие разговоры, и тут они увидели, как vyplывают четыре корабля, и один из них — очень большой и с позолоченной драконьей головой. Тут встал Свейн конунг и сказал:

— Высоко будет нести меня сегодня Змей! Я буду им править!

И многие стали говорить, что Змей — удивительно большой и красивый корабль, и слава тому, кто велел построить такой корабль. Тогда Эйрик ярл сказал так, что кое-кто услышал:

— Даже если бы у Олава конунга не было ни одного корабля, кроме этого, то Свейн конунг никогда бы не захватил его с одним датским войском.

Люди пошли к кораблям и разобрали шатры. Но когда три правителя разговаривали между собой, как было только что рассказано, они увидели, как vyplывают еще три очень больших корабля и за ними — четвертый, и это был Великий Змей. А те большие корабли, которые vyplыли раньше и которых они приняли за Змея, так первый из них был Журавль, а второй — Малый Змей. И когда они увидели Великого Змея, все узнали его и никто не выразил сомнения в том, что на нем плывет Олав сын Трюггви. И все пошли к кораблям и приготовились к бою.

Три правителя — Свейн конунг, Олав конунг и Эйрик ярл — заключили между собой соглашение, что каждый из них получит треть Норвегии, если они сразят конунга Олава сына Трюггви, и тому из них, кто первый взойдет на Змея, достанется вся добыча, которую он там захватит, и каждому из них достанутся те корабли, которые он сам очистит от людей.

У Эйрика ярла был удивительно большой боевой корабль, на котором он обычно ходил в викингские походы. Нос и корма у него были обиты толстыми железными листами, доходящими до воды.

СII

Когда Сигвальди и его корабли подплыли на веслах к острову, то Торкель Дюрдиль на Журавле и другие кораблеводители, которые плыли на своих кораблях с ним, увидели, что ярл со своими кораблями повернул к острову. Они убрали паруса, пошли на веслах за ним и крикнули ему, спрашивая, почему они туда поплыли. Ярл отвечал, что он хочет подождать Олава конунга:

— Похоже на то, что нам предстоит битва.

Они стояли с убранными парусами, пока не подошел Торкель Невья на Малом Змее и те три корабля, которые шли за ним. Им было сказано то же самое, и они тогда тоже убрали паруса и стали ждать Олава конунга. Но когда конунг подошел к острову, то вся вражеская рать vyplыла на веслах в пролив. Увидев это, люди конунга стали просить его плыть дальше своим путем и не вступать в бой с

такой огромной ратью. Конунг громко крикнул, стоя высоко на корме корабля:

— Уберите паруса, не должны мои люди думать о бегстве! Я никогда не бежал из битвы. Пусть бог распорядится моей жизнью, но я никогда не обращусь в бегство.

Было сделано, как велел конунг. Халльфред говорит так:

*Слово древа сечи¹⁰³
Славное вспомняем,
Что пред громом Грима¹⁰⁴
Рек герой дружине.
Помыслы о бегстве
Отверг вседержитель.
В памяти пребудут
Те речи всевечно.*

СIII

Олав конунг велел трубить сбор всем своим кораблям. Корабль конунга стоял в середине. С одной его стороны стоял Малый Змей, с другой — Журавль. Когда стали связывать носы кораблей, то связали и носы Великого Змея и Малого Змея. Увидев это, конунг громко крикнул, приказывая продвинуть вперед его большой корабль, чтобы он не оказался сзади всех других кораблей. Тогда Ульв Рыжий отвечает:

— Если Змей будет настолько дальше выдвинут вперед, насколько он длиннее других кораблей, то здорово будет доставаться тем, кто стоит на его носу!

Конунг говорит:

— Не знал я, что тот, кто стоит на носу моего корабля, не только рыж, но и труслив.

Ульв говорит:

— Попробуй-ка защитить так спиной корму, как я буду защищать нос!

Конунг схватил лук, положил на него стрелу и стал целить в Ульва. Ульв сказал:

— В другую сторону стреляй, конунг, туда, куда нужнее. Ведь для тебя я делаю то, что делаю.

CIV

Олав конунг стоял высоко на корме Змея. Он возвышался над всеми. У него был позолоченный щит и обитый золотом шлем. Его было легко отличить от других людей. Поверх кольчуги у него был короткий красный плащ.

Когда Олав конунг увидел, как стали строиться вражеские корабли и как стали поднимать знамена перед предводителями, он спросил:

— Кто предводитель на кораблях, которые прямо против нас?

Ему отвечают, что там конунг Свейн Вилобородый с войском датчан.

Конунг говорит:

— Этих трусов мы не боимся. Нет духа у датчан. А кто предводитель за теми знаменами дальше направо?

Ему отвечают, что там Олав конунг с войском шведов. Олав сын Трюггви говорит:

— Лучше бы шведам оставаться дома и лизать свои языческие жертвенные чаши, чем идти против Змея и подставлять себя под наше оружие. А чьи это большие корабли, что стоят слева от датчан?

— Там, — отвечают ему, — ярл Эйрик сын Хакона.

Тогда Олав конунг говорит:

— У него есть причина сражаться с нами. С этим войском битва будет жестокой. Они — норвежцы, как и мы.

CV

И вот конунги велят начинать бой. Свейн конунг поставил свой корабль против Великого Змея. Дальше в сторону моря поставил свои корабли Олав Шведский, и они двинулись на крайний корабль конунга Олава сына Трюггви. А с другой стороны поставил свои корабли Эйрик ярл. Разгорелась ожесточенная битва. А Сигвальди ярл отошел со своими кораблями назад и не участвовал в битве. Скули сын Торстейна¹⁰⁵ — он был тогда при Эйрике ярле — говорит так:

*Там, у Свёльда, смело
Мы сталью встречали
Гордого в немирье*

*Дротов полководца.
Возле горя фризов¹⁰⁶
Млад, изведал славу
В битве скальд, но ныне
Видно, старость рядом.*

А Халльфред говорит об этих событиях так:

*Княжию надежды
В дожде дротов трёнды
Обманули. Силы
Вождя поредели.
В одиночку в сече
Князь с двумя князьями —
Чуден нам сей подвиг —
Сталь шибал, и с ярлом.*

CVI

Битва была очень ожесточенной и кровопролитной. Те, кто стояли на носу Великого Змея, Малого Змея и Журавля, бросили якорь и abordажные крюки на корабли Свейна конунга и разили людей на этих кораблях сверху. Они очистили от людей все те корабли, которых они могли удержать крюками, и Свейн конунг с теми его людьми, которые уцелели, бежал на другие корабли, и после этого они держались вне досягаемости метательного оружия. Так оправдалось то, что конунг Олав сын Трюггви сказал об этом войске.

Тогда Олав конунг шведов подошел на их место. Но когда шведы приблизились к большим кораблям, с ними произошло то же самое: они потеряли много народу и несколько кораблей и вынуждены были отступить.

Между тем Эйрик ярл поставил свой корабль борт о борт с крайним кораблем Олава конунга и очистил его от людей. Затем он перерубил канаты, связывающие этот корабль с другими, подошел к следующему кораблю и бился до тех пор, пока и этот корабль не был очищен от людей. Тут люди Олава конунга стали бежать с малых кораблей на большие, а ярл рубил канаты, связывающие корабли, по

мере того, как он очищал их от людей. Датчане и шведы тем временем со всех сторон настолько приблизились к кораблям Олава конунга, что могли пустить в ход метательное оружие. А Эйрик ярл все время становился борт о борт с кораблями и завязывал рукопашный бой, и по мере того как люди на его кораблях гибли, их заменяли другие — датчане и шведы. Халльдор говорит так:

*Вкруг Змеи Великой
Долго сталь плясала
Льдяная. Дружины
Принесли немирье.
Говорят, что в ветре
Острых косторубов
С ярлом рядом свеев
И данов видали.*

Битва была очень ожесточенной, и много народу гибло, и в конце концов все корабли Олава конунга были очищены от людей, кроме Великого Змея. На него перешли все те из людей Олава конунга, кто еще мог сражаться. Тут Эйрик ярл поставил свой корабль борт о борт со Змеем, и разгорелся рукопашный бой. Халльдор говорит так:

*Секли кнуты битвы¹⁰⁷
Кольчуги, и туго
Фафниру¹⁰⁸ в раздоре
Руды приходилось.
Барди¹⁰⁹ к борту Змея
Встал, высокий, волю
Аса битвы в песне
Копий¹¹⁰ исполняя.*

CVII

Эйрик ярл стоял на корме своего корабля, и вокруг него стояли его люди, сомкнув щиты. В битве рубили мечами, разили копьями и пустили в ход все оружие, какое только было. Одни стреляли из лука, другие бросали руками. Натиск на Змея был настолько силен, что

люди на нем едва могли оборонить себя щитами. Копья и стрелы так густо летели в Змея потому, что вражеские корабли со всех сторон окружили его. Люди Олава конунга в исступлении вскакивали на борт корабля, чтобы оттуда разить врагов ударами меча. Но многие из врагов не приближались настолько к Змею, чтобы можно было завязать рукопашный бой. А многие из людей Олава шагали за борт, не замечая, что они сражаются не на гладком поле, и шли ко дну со своим оружием. Халльфред говорит так:

*Сколько их, героев,
Крепкодушных, в рети
Кидалось с гадюки,¹¹¹
От ран умирая!
Чья бы длань в сраженье
Не водила Змея,
Боле не дождется
Он мужей подобных.*

CVIII

Эйнар Брюхотряс стоял сзади на корме Змеи и стрелял из лука. Он был самый меткий стрелок в войске. Эйнар пустил стрелу в Эйрика ярла и попал в верх руля над самой головой ярла. Стрела глубоко вонзилась в дерево. Ярл увидел стрелу и спросил, не знают ли его люди, кто пустил стрелу. Но тут же другая стрела пролетела так близко от ярла, что прошла между его бедром и рукой и насквозь пронзила спинку сиденья кормчего. Тогда ярл сказал человеку — он был отличным стрелком, — о котором одни говорят, что его звали Финн а другие, что он был финном:

— А ну-ка пусти стрелу в того рыжего детину на корме Змея.

Финн выстрелил, и стрела попала в середину лука Эйнара в то мгновение, когда тот натягивал свой лук в третий раз. Лук с треском разломился надвое. Тогда Олав конунг спросил:

— Что это лопнуло с таким треском?

Эйнар отвечает:

— Лопнуло дело твое в Норвегии, конунг.

— Никогда не бывало такого громкого треска, — говорит конунг. — Возьми-ка мой лук и стреляй.

И он бросил ему свой лук. Эйнар взял лук, натянул тетиву на острие стрелы и сказал:

— Слаб, слишком слаб лук конунга.

И он бросил лук, взял свой щит и свой меч и стал сражаться.

CIX

Конунг Олав сын Трюггви стоял высоко на корме Змея в тот день и то стрелял из лука, то метал копьа, и всегда два сразу. Он смотрел вперед и видел, как люди на его корабле рубят с размаха мечами, но он видел также, что мечи плохо режут, и громко крикнул:

— Что же вы так вяло рубите? Я вижу, что мечи ваши не режут!

Кто-то отвечает:

— Мечи наши притупились и очень зазубрились.

Тогда конунг спустился с кормы, открыл рундук под почетным сиденьем, вынул оттуда много острых мечей и раздал людям. И когда он опускал вниз правую руку, то люди видели, что кровь текла у него из рукава кольчуги. Но никто не знает, куда он был ранен.

CX

Всего больше защищались и всего больше разили врагов те, кто стоял на корме и на носу Змея. И там и там люди были как на подбор и всего выше борт.

И вот, так как посередине корабля погибло всего больше народа и у мачты уже мало кто стоял на ногах, Эйрик ярл пошел на приступ и взошел на Змей сам пятнадцатый. Навстречу ему бросился Хюрнинг, зять Олава конунга, с другими людьми, и завязалась ожесточеннейшая битва, которая кончилась тем, что ярл отступил на свой корабль, а те, кто ворвался с ним на Змей, были либо убиты, либо ранены. Торд сын Кольбейна так говорит об этом:

*Там за кровлей Грима*¹¹²

Шли витязи в лязге

.....

.....¹¹³

И доколь не рухнет

*Небо, не забудут,
Как пускал ток раны
Светлой сталью Хюрнинг.*

Снова разгорелась ожесточеннейшая битва, и многие погибли тогда на Змее. И вот, когда войско, защищавшее Змея, еще поредело, Эйрик ярл в другой раз пошел на приступ Змея. Снова ему было оказано ожесточенное сопротивление. А когда те, кто стоял на носу Змея, увидели, что происходит, они перешли на корму и стали оказывать там ярлу ожесточенное сопротивление. Но так как на Змее погибло столько народу, что борты его опустели, люди ярла стали всходить на корабль по всему борту. И все те, кто еще мог защищать Змея, пошли на корму корабля, где находился конунг. Халльдор Некрещеный так говорит о том, как Эйрик ярл подбадривал своих людей:

*Вождь отважный в битве
Ободрял отряды,
А Олава люди
Назад отступали,
Когда коней пены
К смелому придвинул —
Бой гремел — убийце
Вендов¹¹⁴ златовержец.¹¹⁵*

СХІ

Кольбьёрн Окольный поднялся туда, где стоял конунг. У него была такая же одежда и такое же оружие, как у конунга. Кольбьёрн был очень статен и красив. Снова завязалась ожесточеннейшая схватка на корме. Но так как на Змей взошло столько людей из войска ярла, сколько вмещал корабль, и корабли ярла со всех сторон окружили Змея, и слишком мало оставалось народу, чтобы защищаться от такой огромной рати, то, как ни могучи и храбры были люди конунга, большинство из них вскоре погибло. И тогда они оба — сам Олав конунг и Кольбьёрн — прыгнули в море, один — с одного борта, а другой — с другого. А люди ярла поставили мелкие суда вокруг Змея и с них убивали тех, кто прыгал в море. Когда же сам

конунг прыгнул в море, они хотели схватить его и доставить Эйрику ярлу. Но Олав конунг, прыгая, поднял щит над собой и потонул в пучине. А Кольбьёрн, прыгая, опустил щит, чтобы защититься от копий, которые летели с более низких судов, и упал в море так, что щит оказался под ним. Поэтому он не потонул так быстро и был схвачен. Его втащили на лодку и думали, что это конунг. Его доставили ярлу, но когда ярл увидел, что это — Кольбьёрн, а не Олав конунг, он подарил Кольбьёрну жизнь. В это время все люди Олава конунга, которые еще были в живых, стали прыгать за борт со Змея. Халльфред говорит, что Торкель Невья, брат конунга, из всех этих людей прыгнул за борт последним:

*Сеятель увидел
Камней персти¹¹⁶: пусть
Змеи — смело в битву
Он шел — и Журавль.
Тогда лишь, не дрогнув,
В страшной драке лезвий
Бросил Торкель волка
Свай¹¹⁷ и вплавь пустился.*

СХII

Как было написано раньше, Сигвальд ярл присоединился в Стране Вендов к Олаву конунгу. У самого ярла было десять кораблей, а на одиннадцатом были люди Астрид, конунговой дочери, жены Сигвальди ярла. Когда Олав конунг прыгнул за борт, то раздался победный клич всего войска, и только тогда ярл и его люди опустили весла в воду и начали грести, направляясь туда, где шел бой. Об этом говорит Халльдор Некрещеный:

*Нагрянули венды
Отовсюду. Точат
Зубы великанши
Крышки Христ¹¹⁸ на рати.
Волки рвали трупы,
Громко сталь бряцала,*

*Полководец бился,
А полки бежали.*

Но тот вендский корабль, на котором были люди Астрид, поплыл прочь и вернулся в Страну Вендов. И вот сразу же многие стали рассказывать, то Олав конунг якобы сбросил с себя под водой кольчугу, вынырнул вдали от боевых кораблей и поплыл к вендскому кораблю, а люди Астрид доставили его на берег. Есть много рассказов разных людей о дальнейшей судьбе Олава конунга. Но Халльфред говорит так:

*Живого ли славлю
Я вождя, иль умер
Сей потатчик крачки
Пляски палиц аса?¹¹⁹
Разно бают вязы
Сеч, двояки речи.
Твердо лишь, что в буре
Стрел всесильный ранен.*

Как бы там ни было, конунг Олав сын Трюггви так и не вернулся к власти в Норвегии. Но Халльфред Трудный Скальд говорит так:

*Дуб побоищ¹²⁰ добрый
Твердил, будто родич
Трюггви смог от смерти
Уйти, всевластитель.
Только я не внимлю
Той молве, что Олав
Жив еще и тщетной
Не тешусь надеждой.*

И еще так:

*Верно, ратоборцу
Судьба не судила —
В пойле скальной твари¹²¹
Скальд найдет уладу —*

*Из такого лязга
Секир выйти живу,
Но владельцы углей
Персти¹²² в это верят.*

*Снова уверяют
Люди, будто конунг
То ли ранен в пенье
Стали, то ли спасся.
Но теперь о смерти
Князей — мало вижу
Складу в толках этих —
Достоверны вести.*

СХІІІ

В силу этой победы ярлу Эйрику сыну Хакона достались Великий Змей и большая добыча. После этой битвы он сам правил Великим Змеем. Халльдор говорит так:

*Мчал в преславной сече
Мечей Змей Великий
Вождя, и дружина
Ладьи снарядила.
Но Гадюка в крике
Хлёкк¹²³ досталась ярлу,
Когда благородный
Клинок окровавил.*

Свейн, сын Хакона ярла, обручился тогда с Хольмфрид, дочерью Олава конунга шведов. Когда они делили между собой норвежскую державу — Свейн конунг датчан, Олав конунг шведов и Эйрик ярл, — то Олаву конунгу достались четыре фюлька в Трандхейме, оба Мёра, Раумсдаль и на востоке — Ранрики от Гаут-Эльва до Свинасунда. Эти земли Олав конунг дал Свейну ярлу на тех же условиях, на которых раньше конунги данники или ярлы получали их от верховных конунгов. А Эйрику ярлу достались другие четыре фюлька в Транд-

хейме, Халогаланд и Наумудаль, Фьорды и Фьялир, Согн и Хёрдаланд, а также Рогаланд и Северный Агдир до мыса Лидандиснес. Торд сын Кольбейна говорит так:

*Скоро ярлы многих
Херсиров поддержкой —
Славлю Ньёрда жара
Ручья¹²⁴! — заручились,
И теперь покорен
С севера, от Вейги,
И на юг, до Агдира,
Край. Пою о брани.*

*Народу на радость
Ратоводец правил,
Норвежцев надёжно
Длань его хранила.
Но твердят, что конунг
Умер. Как умерить
Скорбь людскую? Сирь
Днесь владенья Свейна.*

Свейн конунг датчан удержал Вик, которым он и раньше владел, но отдал в лен Эйрику ярлу Раумарики и Хейдмерк.

Свейн сын Хакона получил сан ярла от Олава Шведского. Свейн ярл был красив на редкость. И Эйрик ярл и Свейн ярл крестились и приняли правую веру. Но когда они правили Норвегией, они никому не навязывали христианства. Они хорошо соблюдали старые законы и все обычаи страны. Их любили, и они были хорошими правителями.

ПРЯДИ ОБ ИСЛАНДЦАХ

ПРЯДЬ О ТОКИ

В то время, когда Олав конунг¹ сидел в Сарпсборге, пришел к нему как-то некий рослый человек и приветствовал его. Конунг принял его хорошо и спросил его имя. Тот назвался Токи и сказал, что он сын Токи, сына Токи Старого. Он попросил у конунга позволения пробыть у него некоторое время. Конунг ответил согласием и отвел ему подобающее место. Нрав Токи имел спокойный, а пил умеренно. Это был человек покладистый и обходительный, и оттого он всем пришелся по душе. Конунг находил, что Токи и умен, и повидал немало, к тому же он умел легко и мудро уладить любой спор. Конунг почитал беседу с ним наилучшим развлечением. И хотя Токи выглядел стариком, нетрудно было заметить, что прежде был он мужем статным и видным.

Однажды, когда конунг беседовал с Токи, он спросил, сколько ему лет. Тот сказал, что он и сам точно не знает — «одно мне известно: было мне назначено прожить два человеческих века, а теперь, похоже, они на исходе, потому что, вижу я, что старею, как и большинство людей».

Конунг сказал:

— В таком случае, ты должен помнить Хальва конунга и его воинов или Хрольва Жердинку, а с ним и его героев.

Токи отвечает:

— Как же, помню и того, и другого, ведь я побывал у них обоих.

Конунг спросил:

— Кто ж из них показался тебе славнейшим?

Токи отвечает:

— Об этом вы сами сможете судить, государь, а я вам поведаю одну историю. В те времена был я еще в расцвете сил и путешествовал из страны в страну с небольшим отрядом, который я набрал сообразно с тем, что, по моему разумению, приличествовало и подходило мне как нельзя лучше, затем что сам я тогда следовал примеру самых удалых храбрецов. Правда и то, что небольшое показалось бы мне в то время недостижимым. Ездил я по разным местам, а хотелось мне испытать щедрость и великодушие хёвдингов и проверить, так ли заслужена слава их воинов, как о том идет молва. Предрешено же было, что нигде мне нельзя задерживаться дольше, чем на двенадцать месяцев. Прослышал я тогда о Хрольве Жердинке, о щедрости его и добросердечии, а еще — о славе, подвигах и доблести его воинов и о том, что никто не может сравняться с ними силою и статью. Во что бы то ни стало захотелось мне повидать этого конунга и его героев. И вот, отправился я в путь с моими людьми и ехал до тех пор, пока не прибыл в Данию к Хрольву конунгу. Вошел я к нему и его приветствовал. Он принял меня хорошо и спросил, что я за человек, а я в ответ рассказал о себе. Он спросил, какое у меня к нему дело, и я сказал, что хотел бы у него перезимовать. На это он ответил, что еще ни одному человеку не отказал в угощении, а потому не бывать и мне или людям моим первыми, кому он в этом откажет. Тогда я спросил, где мне следует сидеть. Он предложил мне сесть там, где я сам смогу очистить себе место, ставив кого-нибудь со скамьи. Я поблагодарил его за это предложение: был я тогда преисполнен желанием испытать свою силу. Первым делом направился я к тому месту, где сидел Бёдвар Бьярки. А конунг поставил условие, что они не должны были бороться со мной. Схватил я Бёдвара за руки, ногами уперся в перекладину скамьи, пригнул плечи, напряг руки и потянул, что было силы, но тот сидел крепко, так что мне не удалось даже сдвинуть его с места. Только то и было, что от сильного напряжения менялся он в лице: то становился красным, как кровь, а то — белым, как лыко, или черным, как Хель, а еще — бледным,

подобно труп. Взял я тогда за руки Хьяльти Гордого. Принялись мы оба тянуть изо всех сил, и он, и я. Этого мне то и дело удавалось подтащить к самому краю скамьи, но он всякий раз успевал выпрямиться и усесться на свое место вперед меня. Так продолжалось некоторое время, покуда я не отступил. Подошел я тогда к Хвитсерку Храброму, потянул, собрав все свои силы, и стащил его со скамьи, а за ним и всех остальных. Так я обошел вокруг палаты, и пришлось им всем одному за другим оставить свои места. Уселся я тогда, где захотел, а со мною мои люди, и занимали мы все самые что ни на есть почетные места. Было же там во всем такое великолепие, какого мне нигде не доводилось видеть. А когда настало лето, я пошел к Хрольву конунгу, поблагодарил его за гостеприимство и сказал, что мне пора в дорогу. Он предложил, чтобы я остался при нем, но мне это пришлось не по вкусу.

Стал я опять разъезжать по разным местам, и так продолжалось до тех пор, пока не дошел до меня слух о Хальве конунге и его воинах. Немало рассказывали тогда о том, какие это были храбрцы. И вот, отправился я в Норвегию и напрямик к Хальву конунгу. Явился я к нему и его приветствовал, а он принял меня как нельзя лучше. Я просил позволения перезимовать у него, и он с готовностью разрешил оставаться при нем так долго, как мне заблагорассудится. Тогда я спросил, где нам следует сидеть, мне и моим людям. Он предложил мне сесть там, где я сам смогу очистить себе место, и поставил те же условия, что и Хрольв Жердинка. Направился я тогда к тому месту, на котором восседал рядом с конунгом Утстейн ярл, взял его за руки и хотел стащить со скамьи. Поднатужился я, что было силы, да не тут-то было. Потом подошел я к Инстейну, а от него — к Хроку Черному, потом — к Бьёрну, а там — и к Барду. Никого из них мне не удалось стащить со скамьи. Обошел я вокруг всей палаты, а с места так никого и не сдвинул, и сказать вам по правде, государь, даже тот, кто сидел там дальше всех, и самый из них последний держались не хуже Бёдвара Бьярки. Подошел я тогда опять к конунгу и спросил, где мне сесть, раз я сам не сумел добыть себе места. Он сказал, что в таком случае нам следует занять скамьи, стоявшие ниже тех, на которых сидели его люди. После этого я направился к скамьям, отведенным для меня и моих спутников. Не было там недостатка в хорошем угощении, да и ни в чем ином, одно только при-

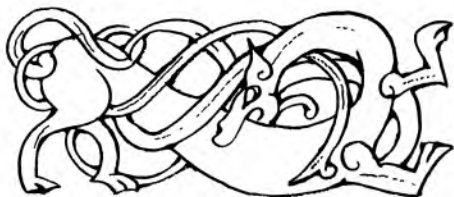
шлось мне не по душе: а то, что должен был я смотреть на других снизу вверх, а они на меня — сверху вниз, в остальном же понравилось мне там все как нельзя лучше. Вот и рассудите теперь, государь, кто из них заслуживает большей славы.

— Нетрудно заметить, — сказал конунг, — что всех превосходили своей силой воины Хальва конунга, однако, сдается мне, не было в те времена конунга щедрее и великодушнее Хрольва Жердинки. А теперь скажи, крещенный ты человек или нет?

Токи отвечает:

— Я принял неполное крещение², потому что мне приходилось бывать то среди христиан, а то среди язычников, но верю я в Белого Христа. А пришел я к вам затем, что хочу креститься и исполнить тот обряд, какой вы мне назначите, потому что, по моему разумению, лучшего человека мне для этого не найти.

Конунг обрадовался тому, что он хочет принять крещение и служить Богу. После этого Токи был крещен епископом Олава конунга и умер в белых одеждах³.

ПРЯДЬ О ТОРЛЕЙВЕ ЯРЛОВОМ СКАЛЬДЕ

I

Теперь нужно рассказать о том, что произошло на склоне дней ярла Хакона из Хладира⁴, который заслужил немало презрения колдовством своим и ворожбою, и поделом, потому что злодеяния его и богохульство нанесли многим людям тяжкий и непоправимый ущерб, и душе их, и телу. Случилось же с ним так, как часто бывает: когда наступило время расплаты, нелегко оказалось ее избежать, ибо такова природа врага рода человеческого, что, как увидит он, что

человек полностью находится в его власти и не возлагает никакой надежды на Бога, то он сперва соблазнит его и склонит вероломными хитростями проклятого своего коварства к нечестивой жизни, а потом, когда дни того уже сочтены, свергнет в мрачную темницу неизбывных мучений, где ждут его скорби и страдания без конца.

II

Жил тогда на Склоне в Сварвадардале⁵ человек по имени Астейр Рыжая Шкура. Он был человеком зажиточным и родовитым. Жену его звали Торхильд; это была женщина недожизненная, умная и всеми уважаемая. У них было три сына, и все они подавали большие надежды. Старшего из них звали Олав Ломатель Лодыжек, другого — Хельги Храбрый. О них обоих больше рассказывается в других сагах, чем в этой. Их младшего сына звали Торлейв; он рано возмужал и был человеком опытным и весьма сведущим во многих искусствах. Он был хороший скальд. Он воспитывался на хуторе Дымы в Среднем Фьорде у брата своей матери, Скетти из Среднего Фьорда, пока ему не минуло восемнадцать лет. Скетти очень любил Торлейва и немало пекся о нем. Поговаривали, что Скетти, верно, больше передал Торлейву древней мудрости, чем могли знать другие люди. Потом Торлейв уехал домой к своему отцу. С помощью Олава, своего брата, он убил человека по имени Клаув Мешок, а после убийства Клаува тяжбу вел Карл Рыжий, да так ловко обернул дело, что Торлейв был объявлен вне закона, и ему пришлось уехать из Сварвадардала.

Льотольв годи увез сестру Торлейва, которую звали Ингхильд Красивая Щека. Он доставил Торлейва на корабль у Гусиного Берега. Торлейва прибило назад непогодой; зимой он скрывался то у Льотольва годи, то у Астейра, своего отца. В то время он немало научился у своего отца из древней мудрости, потому что тот считался человеком многознающим. Торлейву было тогда девятнадцать лет. Карл все это время старался разузнать, где скрывается Торлейв, и за эту зиму произошло много достойных упоминания событий, о чем рассказывается в саге о людях из Сварвадардала.

Весной Торлейв отправляется на запад к Скетти, своему воспитателю и родичу, и просит у него поддержки и совета в этом деле. И вот с помощью Скетти из Среднего Фьорда и Льотольва годи Торлейв едет и

покупает у торговых людей корабль, что стоял в устье реки Бланды, и нанимает гребцов. Потом он поехал домой на Склон и встретился со своими отцом и матерью. Он попросил снабдить его товарами и получил добра, сколько захотел. Весной он велел привязать товары к кораблю и уехал со Склона, попрощавшись с отцом своим и матерью и со Скетти из Среднего Фьорда, своим воспитателем.

III

Вот Торлейв выходит в море при попутном ветре и приплывает на восток в Вик. Тогда в Вике находился ярл Хакон из Хладира. Торлейв сошел на берег и велел разгрузить корабль. Он встретился с ярлом и приветствовал его. Ярл принял его хорошо и спросил, как его зовут и какого он рода. Торлейв ему отвечал. Ярл стал расспрашивать его, что нового в Исландии, и Торлейв охотно ему обо всем рассказал.

Тогда ярл сказал:

— Вот что, Торлейв, мы хотим купить товары у тебя и у твоих гребцов.

Торлейв отвечает:

— У нас немного товаров, государь, но есть более подходящие покупатели, и позвольте нам самим решать, с кем торговать.

Ярл счел такой ответ дерзким, и ему сильно не понравились его слова. На этом они расстались. Торлейв пошел к своим людям и провел там всю ночь. А наутро он встает и отправляется в торговое место. Он находит хороших покупателей и весь день заключает с ними сделки. Когда ярл прослышал об этом, он поехал с большой свитой к кораблю Торлейва и велел схватить и связать его людей; он забрал себе все добро, а корабль велел сжечь дотла. Потом он приказал перебросить между палатками перекладины и повесить на них всех спутников Торлейва. После этого ярл уехал со своей дружиной, прихватив с собой товары, принадлежавшие Торлейву, и разделил их между своими людьми. Вечером Торлейв возвратился и пошел как обычно проводить своих людей. Тут увидел он, что с ними случилось, и решил, что злодейство это не иначе как дело рук Хакона ярла. Он принялся расспрашивать о случившемся, а когда удостоверился в том, что так оно и есть, сказал вису:

*Дух мой, дева, смутен,
Слышишь! Муж лишился —
Не меж волн! — на склоне
Скакуна лагуны.⁶
Как знать, — больно прыток
В пламени до пепла
Палить — не отплатил бы
Скальд сполна злодею.*

IV

Рассказывают, что после этого случая Торлейв взошел на корабль и поплыл с торговыми людьми на юг в Данию. Он явился к конунгу Свейну⁷ и пробыл у него до весны. Однажды, вскоре после своего приезда, Торлейв пришел к конунгу и попросил его выслушать хвалебную песнь, которую он сочинил о нем. Конунг спросил, уж не скальд ли он. Торлейв сказал в ответ:

— Об этом вы сами сможете судить, государь, когда выслушаете меня.

Конунг просил его произнести песнь. Торлейв сказал тогда драпу из сорока вис, в ней был такой стев:

*Не раз клинок красил
Кровью англоv конунг —
Славно князь зеницы
Неба⁸ слал победу.*

Конунг очень хвалил песнь, а с ним и те, кто ее слышал, и все говорили, что она и сложена хорошо, и достойно исполнена. Конунг дал Торлейву в награду за песнь кольцо весом в одну марку и меч стоимостью в полмарки золотом и предложил ему погостить у него подольше. Торлейв подошел к престолу и поблагодарил конунга.

Прошло немного времени, и вот Торлейв сделался мрачен, да так, что почти перестал появляться на пирах или сидеть и беседовать в палате со своими товарищами. Конунг сразу же замечает это и призывает к себе Торлейва. Он сказал:

— Что за печаль у тебя, Торлейв, что ты насилу можешь вести себя с нами как подобает?

Торлейв отвечает:

— Вы, верно, слышали, государь, что тому и помогать чужой беде, кто о ней спрашивает.

— Скажи прежде, в чем дело, — говорит конунг.

Торлейв отвечает:

— Я сочинил этой зимой несколько вис о Хаконе ярле, и назвал их Висы о Женщине, потому что в поэзии ярла именуют женщиной.⁹ Печалит же меня то, государь, что я не получу от вас разрешения поехать в Норвегию и поднести ярлу эту песнь.

— Разрешение ты, конечно, получишь, — говорит конунг, — но прежде ты должен обещать нам возвратиться как можно скорее, потому что мы не хотели бы потерять такого искусного человека, как ты.

Торлейв пообещал так и сделать, получил разрешение и отправился на север в Норвегию. Он нигде не останавливается, пока не приезжает в Трандхейм. Хакон ярл сидел тогда в Хладире. Торлейв одевается нищим и подвязывает себе козлиную бороду. Он взял большой мешок и спрятал его под одеждой и сделал так, чтобы другим казалось, будто он ест, а сам бросал все в мешок, отверстие которого находилось у его рта, под козлиной бородой. Еще он берет костыли, и оба они заострены снизу. После этого он отправляется в путь и приходит в Хладир.

Был вечер накануне праздника середины зимы, и ярл сидел на престоле, а рядом с ним множество знатных мужей, которых он созвал на праздничный пир. Тут входит прямо в палату старик, — а идет он сильно ковыляя и опираясь на костыли, — поворачивает туда, где были другие нищие, и садится с краю у двери. С остальными нищими держал он себя заносчиво и грубо, но всего больше натерпелись они от него, когда он набросился на них с побоями. Они разбежались, и поднялся такой шум и суматоха, что было слышно по всей палате. Ярл замечает это и спрашивает, отчего такой шум. Ему отвечают, что пришел какой-то нищий, да такой своенравный и сварливый, что никак его не унять. Ярл велит позвать его к себе, и это было исполнено.

Когда старик предстал перед ярлом, он был не слишком щедр на приветствия. Ярл спросил, как его зовут, кто его предки и откуда он родом.

— Незначительный я человек, государь. Имя мое Хулитель сын Крикуна, а родом я из Скорбных Долин в Холодной Свитьод¹⁰. Еще называют меня Хулитель-Приживал. Я побывал во многих местах и посетил немало знатных хёвдингов, а теперь вот одряхлел, да так, что не скажу и сколько мне лет-то отроду, а все от старости да по забывчивости. Наслышан я о могуществе вашем и мудрости, доблести и достоинствах, славе и снисходительности, справедливости и щедрости.

— Что это ты так несдержан и груб в обращении, не в пример другим нищим?

Он отвечает:

— Что ж неожиданного, если тот, у кого ни в чем нет достатка, кроме невзгод и несчастий, кто терпит нужду и нередко ночует то в лесу, то в поле под открытым небом, озлобится в конце концов на старости лет? Ведь прежде привык он жить в почете и довольстве у знатнейших хёвдингов, а теперь и последний бедняк гонит его.

Ярл сказал:

— Ты, должно быть, искусный человек, старик, коли тебе, как ты говоришь, случалось бывать у знатных людей.

Старик отвечает, что, возможно, так оно и было, — «когда я был молод, но недаром говорится: старость — не радость. А еще говорят: голодному не до болтовни. И я не смогу больше разговаривать с вами, государь, если вы не прикажете накормить меня, потому что я так истощен старостью, голодом и жаждой, что не в силах больше держаться на ногах. И вовсе это недостойно знатного хёвдинга — расспрашивать незнакомых людей о том, о сем и не позаботиться об их нуждах. Ибо так уж все люди устроены, что хочется им и есть, и пить».

Ярл распорядился, чтобы ему принесли вдоволь еды, и это было исполнено. Не успел старик сесть за стол, как он сразу же принимается за еду и опустошает все блюда, что стояли рядом с ним и до которых он мог дотянуться, так что слугам пришлось во второй раз принести ему поесть. Старик опять с неменьшей жадностью, чем прежде, набросился на еду. Всем казалось, что он ест, а на самом деле, как уже говорилось, он все бросал в мешок. Люди вовсю потешались над стариком, слуги же говорили, что он и ростом высок, и в поясе широк, да и в еде толк знает. Старик не обращал на это внимания и продолжал заниматься своим делом.

V

Когда столы были убраны, старик предстал перед ярлом и сказал:

— Примите мою благодарность, государь, хотя у вас и плохие слуги, и делают они все хуже, чем вы им приказывали. А теперь хотелось бы мне, чтобы вы оказали мне милость, государь, и выслушали хвалебную песнь, которую я о вас сочинил.

Ярл сказал:

— Не случилось ли тебе и прежде сочинять хвалебные песни хёвдингам?

— Так оно и было, государь, — сказал тот.

Ярл сказал:

— Вот и выходит, как в старой поговорке: часто то хорошо, что старики говорят. Исполняй свою песнь, старик, а мы послушаем.

Тут старик начинает свою песнь и рассказывает ее до середины, и ярлу кажется, что его восхваляют в каждой висе, а еще замечает он, что там упоминаются также подвиги Эйрика, его сына. Но по мере того, как рассказывается песнь, с ярлом начинает твориться неладное: во всем теле у него, а более всего в заду возникает такая сильная чесотка и зуд, что мочи нет терпеть. Зуд этот был так силен, что ярл велел расчесывать себя гребнями, где можно, а чтобы чесать там, где так было не достать, приказал взять мешковину, завязать на ней три узла и чтобы два человека протаскивали ее у него между ног.

Тогда ярл сделался весьма недоволен хвалебной песнью и сказал:

— Ты что же это, проклятый старик, не можешь лучше рассказывать?! Сдается мне, что стихи эти скорее можно назвать хулительными, чем хвалебными. Или исправляй их, или получай за них по заслугам!

Старик обещал исправиться и тут начал говорить висы, которые называются Туманные Висы и стоят в середине Ярлова нида. Вот их начало:

*Стала мгла к востоку,
Снег и град к закату.
От добра разграблена
Реет дым на бреги.¹¹*

Как только старик произнес Туманные Висы, в палате стало темно. А когда сделалось совсем темно, он опять принялся за Ярлов нид,

и когда он сказал последнюю треть песни, все оружие, какое только было в палате, пришло вдруг в движение без чьей-либо помощи, и оттого было там перебито множество народу. Тут ярл упал без чувств, а старик исчез: двери были закрыты, да засовы не задвинуты. Когда песнь кончилась, мгла рассеялась, и в палате стало светло. Ярл пришел в себя и увидал, что не прошел для него нид бесследно — выпала у него вся борода, а еще волосы по одну сторону пробора и так никогда больше не отросли. По приказанию ярла палату очистили и вынесли мертвых. Догадывается он теперь, что старик этот, верно, был Торлейв и никто другой, и что так решил он с ним расквитаться за потерю людей своих и добра. Ярл лежит после этого больной всю зиму и большую часть лета.

VI

Теперь надо рассказать о том, что Торлейв отправился в обратный путь на юг, в Данию, и припасами ему в дороге на протяжении всего путешествия служило то, что он добыл, одурачив людей ярла. Он нигде не останавливался, пока не прибыл к конунгу Свейну. Тот принял его с расprostертыми объятьями и спросил о поездке. Тогда Торлейв рассказал обо всем, что произошло.

Конунг на это отвечает:

— Хочу я продолжить твое имя, чтобы отныне тебя называли Торлейвом Ярловым Скальдом.

Тут конунг сказал вису:

*С князя трёндов¹² Торлейв
Славы снял немало,
Весть о ниде веском
Ославит на всё свет.
За льва бури¹³ брани
Ньёрд¹⁴ воздал сторицей —
Страж земли¹⁵ ту милость
Мужа помнить будет.*

Торлейв сказал конунгу, что он хотел бы вернуться в Исландию, и просил его разрешения уехать туда весной, и конунг сказал, что

пусть так и будет — «и хочу я в честь наречения имени дать тебе в дар корабль с гребцами и оснасткой и столько товаров, сколько тебе может пригодиться».

Торлейв проводит там зиму в большом почете, а в первые дни весны снаряжает свой корабль. Он вышел в море при попутном ветре, приплыл на своем корабле в Исландию, и вошел в устье той реки, что зовется Бычьей.

Рассказывают, что осенью Торлейв женился и в жены взял Ауд, дочь Торда, который жил в Лесах под Островными Горами. Торд был уважаемым и очень богатым бондом, он происходил из рода Траси Старого. Ауд была женщина весьма достойная. Эту зиму Торлейв провел в Лесах, а следующей весной он купил землю на Головном Склоне в Комариной Долине и стал там жить.

VII

А теперь надо рассказать о том, что Хакон ярл оправился от своей самой тяжелой болезни. Поговаривают, правда, что таким, как прежде, он никогда уже не был. Не терпится теперь ярлу отомстить Торлейву за бесчестье, которое тот ему нанес. И вот призывает он Торгерд Невесту Храма и сестру ее Ирпу¹⁶, на которых он более всего полагался, наслать на Исландию такое колдовство, что Торлейву пришел бы конец. Он совершает богатые жертвоприношения и просит совета в этом деле, и когда он получил предсказание, которое его обрадовало, он велит взять выброшенное прибоем бревно и сделать из него деревянного человека, а потом с помощью ворожбы своей и заклинаний, а также волшбы и колдовства сестер этих велит он убить некоего мужа, вынуть у него сердце и вложить в деревянного человека. Затем они дали ему одежду и имя и нарекли Торгардом, и наделили его такой огромной сатанинской силой, что он мог и ходить, и разговаривать с людьми. Тогда они посадили его на корабль и послали в Исландию с поручением убить Торлейва Ярлова Скальда. Хакон дал ему с собой секиру, которую он взял у сестер из капища. Торгард прибыл в Исландию в то время, когда люди были на альтинге.

Торлейв Ярлов Скальд был тогда на тинге. Однажды, когда Торлейв шел от своей землянки, он увидел, что какой-то человек перешел с запада Секирную реку. Был он велик ростом и свиреп с виду.

Торлейв спросил этого человека, как его зовут. Тот назвался Торгардом и тотчас же принялся поносить Торлейва, а Торлейв, как услышал это, потянулся за мечом, подарком конунга, что висел у него на поясе, но в этот самый момент Торгард нанес ему удар секирой и проткнул его насквозь. Как только Торлейв получил удар, он бросился на Торгарда, но тот ушел в землю, так что одни подошвы остались на виду. Тогда Торлейв обернул вокруг себя плащ и сказал вису:

*Канул в камень Торгард —
Что с тем турсом¹⁷ сталося? —
Стойкий в поле тополь
Драки¹⁸ с троп дремучих;
Ворожить горазд был
Гаут грома сечи¹⁹,
Нынче в Хель помчался
Почивать навечно.*

Потом Торлейв пошел домой к своей землянке и рассказал людям о том, что произошло, и те были сильно потрясены этим известием. Затем Торлейв сбросил с себя плащ, и тогда у него выпали внутренности и он мужественно принял смерть, и все сочли его гибель величайшим несчастьем. Догадались они теперь, что Торгард этот был не чем иным, как колдовством и ворожкой Хакона ярла. Потом Торлейв был похоронен в кургане. Его курган стоит к северу от лёгретты и он еще виден. Братья Торлейва были на тинге, когда произошли эти события, и они снарядили его в последний путь, как то ему приличествовало, и устроили по старинному обычаю погребальный пир; отец же их, Астейр, незадолго до того умер. После этого люди разъехались с тинга по домам, и известие это облетело всю Исландию и казалось всем весьма удивительным.

VIII

В то время жил на Полях Тинга человек по имени Торкель. У него было много скота, и был он мужем зажиточным, но не знатым. Пастуха его звали Халльбьёрн по прозвищу Хвост. Вошло у него в привычку приходить к кургану Торлейва и ночевать там, а стадо дер-

жать неподалеку. И вот подумывает он о том, что неплохо было бы сочинить хвалебную песнь о жителе кургана, и он нередко говорит об этом, когда лежит на кургане. Но оттого, что скальдом он не был, да и в искусстве этом ничего не смыслил, песнь у него все не выходила, и никак он не мог продвинуться дальше начала, и кроме слов «Здесь лежит скальд», так ничего и не сочинил.

Как-то раз ночью лежит он на кургане как обычно, а занят он был все тем же делом: старался прибавить к тому, что уже сочинил, какие-нибудь восхваления жителя кургана. Затем он засыпает и после этого видит, что курган открывается и оттуда выходит человек большого роста и в богатой одежде. Он взошел на курган к Халльбьёрну и сказал:

— Вот лежишь ты тут, Халльбьёрн, и очень тебе хочется совершить то, что тебе не дано, — сложить обо мне хвалебную песнь. И теперь либо ты овладеешь скальдическим искусством, — а у меня ты сможешь научиться большему, чем у любого другого, — и сдается мне, так оно и будет, либо нечего тебе больше над этим биться. Сейчас я скажу тебе вису, и если тебе удастся запомнить ее и повторить, когда ты проснешься, ты сделаешься великим скальдом и сочинишь хвалебные песни многим хёвдингам, и немало преуспеешь в этом искусстве.

Потом он потянул его за язык и сказал такую вису:

*Здесь лежит из скальдов
Скальд в уменьи первый;
Нид сковал даритель
Древка²⁰ ярый ярлу.
Не слыхал, чтоб прежде
За разбой воздал бы —
Люд о том толкует —
Кто монетой этой.*

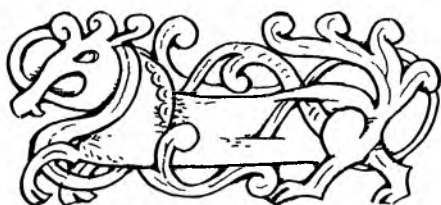
— Теперь ты станешь настолько сведущим в искусстве поэзии, что сможешь сочинить обо мне хвалебную песнь, когда проснешься. Смотри же, старайся соблюдать размер и будь красноречив, а более всего заботься о кеннингах.

После этого он возвращается назад в курган, и курган закрывается, а Халльбьёрн просыпается, и кажется ему, что он видел его спину.

Тогда он вспомнил вису и спустя некоторое время пошел со своим стадом домой и рассказал о том, что произошло. Потом Халльбьёрн сочинил хвалебную песнь о жителе кургана и сделался великим скальдом. В скором времени он уехал из страны и сочинял хвалебные песни многим хёвдингам, а те принимали его с почетом и щедро одаривали, так что он стал очень богатым человеком. О нем ходит большая сага и здесь в стране, и за ее пределами, однако здесь она не записана.

А про братьев Торлейва надо рассказать то, что на следующее лето после его смерти они уехали из страны — Олав Ломатель Лодыжек и Хельги Храбрый, — с тем чтобы отомстить за своего брата. Но не суждено им было учинить расправу над Хаконом ярлом, ибо не успел он еще тогда совершить всех злодеяний, которые предназначено ему было совершить себе же на позор и на погибель. Однако они пожгли у ярла немало капищ и нанесли большой ущерб его имуществу своими грабежами и набегами и многими другими делами.

И здесь кончается рассказ о Торлейве.

ИЗ «ПРЯДИ О ХАЛЛИ ЧЕЛНОКЕ»²¹

Одного человека звали Эйнар по прозвищу Муха. Он был сыном Харека с Тьотты. Эйнар был лендрманном и управлял скуслой в Халогаланде, а еще конунг передал в его руки всю торговлю с финнами²². Он пользовался большим расположением конунга, однако у них то и дело возникали разногласия: такой это был неуживчивый человек. Он убивал тех, кто не выполнял всего, что он хотел, и никогда не платил виры. Ожидали, что Эйнар придет к конунгу на Рождество.

Халли и его товарищ по скамье Сигурд беседовали об Эйнаре. Сигурд рассказывал Халли о том, что никто не решается перечить

Эйнару или идти против его воли, и что он никогда не платит возмещения за учиненные им убийства или грабежи.

Халли говорит в ответ:

— У нас в стране таких хёвдингов называют злодеями.

— Думай, прежде чем сказать, приятель, — говорит Сигурд. — Он не терпит, когда о нем плохо отзываются.

— Хотя вы все так напуганы, что не решаетесь и слова сказать ему наперекор, — говорит Халли, — уверяю тебя, что если он нанесет мне обиду, я призову его к ответу и добьюсь того, что он уплатит мне возмещение.

— Почему тебе должно повезти больше других? — говорит Сигурд.

— Он сам поймет, что так для него же будет лучше, — отвечает Халли.

Они поспорили и после всех препирательств договорились до того, что Халли предложил Сигурду побиться об заклад. Сигурд поставил золотое кольцо весом в полмарки, а Халли — свою голову.

Эйнар приезжает к Рождеству и сидит рядом с конунгом, а его люди отдельно от него. Ему прислуживают, как самому конунгу.

В первый день Рождества, когда все насытились, конунг сказал:

— А теперь мы хотим развлечься чем-нибудь помимо браги. Ты, Эйнар, должен рассказать нам, что произошло во время твоих поездок.

Эйнар отвечает:

— Не о чем рассказывать, государь: не о стычках же с финнами да рыбаками.

Конунг отвечает:

— Вот и расскажи, как было дело. Мы тут не избалованы новостями, так что нас может позабавить и то, что вам самим кажется безделицей, вы-то ведь все свое время проводите в походах.

— В таком случае, государь, — говорит Эйнар, — пожалуй, надо рассказать о том, как прошлым летом, когда мы плыли на север, нам повстречался исландский корабль. Его отнесло непогодой, так что этим людям пришлось там зазимовать. Я выдвинул против них обвинение в том, что они вели торговлю с финнами, не имея на то ни вашего, ни моего разрешения, однако они не пожелали сознаться и все отрицали. Нам показалось, что им нельзя доверять, и я потребовал обыскать корабль, но они наотрез отказались пускать нас на борт. Тогда я сказал, что им же будет хуже и они получат по заслу-

гам, и велел моим людям вооружиться и напасть на них. У меня было пять боевых кораблей. Мы встали по оба борта их корабля и сражались до тех пор пока не очистили его от людей. Там был один исландец по имени Эйнар, который так отважно защищался, что, признаюсь, я никогда не встречал ему равных, и конечно, он нанес нам немалый урон. Нам ни за что не удалось бы захватить этот корабль, если бы все на нем бились так, как он.

— Ты плохо поступаешь, Эйнар, — говорит конунг, — когда убиваешь ни в чем не повинных людей только за то, что они не во всем тебе повинуются.

— Я не могу все время подвергать себя риску, — говорит Эйнар. — К тому же поговаривают, государь, что и вы не всегда поступаете так, как угодно Богу. Что же касается этих людей, то мы их заподозрили не напрасно: у них на корабле оказалось множество финских товаров.

Халли слышал, о чем они говорили. Он швырнул свой нож на стол и перестал есть. Сигурд спросил, уж не заболел ли он. Он отвечает, что здоров, но что это — хуже болезни.

— Эйнар Муха рассказал о гибели Эйнара, моего брата. Он сказал, что сразил его прошлым летом на торговом корабле, — сказал он. — Вот и представился случай потребовать у него возмещения.

— Не вздумай и упоминать об этом, приятель, — сказал Сигурд. — А то тебе не поздоровится.

— Нет, — говорит Халли, — мой брат бы так со мной не поступил, если бы ему пришлось вести дело о моем убийстве.

Он перепрыгнул через стол, подошел к почетному сиденью и сказал:

— Вы, господин Эйнар, рассказали новость, которая не могла не привлечь моего внимания, — об убийстве Эйнара, моего брата, которого вы, по вашим словам, сразили на торговом корабле прошлым летом. Я хочу знать, собираешься ли ты заплатить мне возмещение за моего брата Эйнара.

— Ты разве не слыхал, что я никому не плачу возмещений?

— Я не обязан верить всему плохому, что о тебе говорят, — отвечает Халли.

— Убирайся-ка ты подобру-поздорову, — говорит Эйнар, — пока тебе же не стало хуже.

Халли идет к своей скамье. Сигурд спрашивает, как дела. Он отвечает, что вместо денег получил одни угрозы. Сигурд просит его больше не возвращаться к этому делу и освобождает его от данного ему слова.

Халли говорит, что это очень благородно с его стороны — «но я это так не оставлю».

На другой день Халли подошел к Эйнару и сказал:

— Я хотел опять спросить у тебя, Эйнар, намерен ли ты заплатить мне возмещение за моего брата.

Эйнар отвечает:

— Я вижу, от тебя не так-то просто отделаться, но если ты сейчас же не уберешься, тебя постигнет такая же судьба, что и твоего брата, если не хуже.

Конунг просит его не говорить так, — «это слишком большое испытание для родичей, и никогда нельзя знать, кому что может взбрести в голову. А ты, Халли, больше не возвращайся к этому делу, потому что людям и позначительнее, чем ты, приходилось сносить от него подобное».

Халли отвечает:

— Будь по-вашему.

Он идет и садится на свое место. Сигурд приветствует его и спрашивает, как обстоит дело. Халли отвечает, что вместо возмещения получил от Эйнара одни только угрозы.

— Так я и думал, — говорит Сигурд. — Я освобождаю тебя от слова, которое ты мне дал.

— Ты поступаешь благородно, — говорит Халли, — но я все же собираюсь попытаться в третий раз.

— Я хочу отдать тебе это кольцо, — сказал Сигурд, — чтобы ты, наконец, успокоился, потому что я чувствую свою долю ответственности за то, что ты ввязался в это дело.

— Ты показал, какой ты достойный человек, но в том, что произошло, нет твоей вины. А я еще раз попытаю счастья.

На следующее утро, когда конунг и Эйнар Муха мыли руки, Халли подошел к ним и сказал, обращаясь к конунгу:

— Государь, — говорит Халли, — я хотел бы рассказать вам мой сон. Мне приснилось, что я — это не я, а совсем другой человек.

— Кем же ты был?

— Мне привиделось во сне, будто я — Торлейв скальд, а Эйнар Муха — Хакон ярл²³, сын Сигурда, и будто я сочинил о нем нид, и кое-что из этого нида мне даже удалось запомнить.

Тут Халли поворачивается к ним спиной и что-то бормочет себе под нос, так что никто не может разобрать ни слова.

Конунг сказал:

— Это был не сон, просто он решил сравнить одно с другим. И с вами может случиться то же, что произошло с Хаконем ярлом из Хладира и Торлейвом скальдом. Халли на это и намекает, и не похоже, чтобы он отступился. Мы знаем, что нид обращали и против более могущественных людей, чем ты, Эйнар, — Хакон ярл тому примером, и память об этом будет жить, пока люди населяют Северные Страны. Что и говорить: хулительные стишки, сложенные о знатном человеке, если они останутся в памяти людской, стоят горсти монет. Я советую тебе откупиться от него чем-нибудь.

— Вам решать, государь, — говорит Эйнар. — Скажите ему, чтобы он взял у моего казначея три марки серебра, те самые, что я недавно вручил ему в кошельке.

Это передали Халли. Он нашел казначея и сказал ему, как было велено. Тот ответил, что в кошельке четыре марки серебра. Халли ответил, что ему причитается три. Он пошел к Эйнару и сказал ему об этом.

— Можешь взять себе то, что лежит в кошельке, — говорит Эйнар.

— Нет, — отвечает Халли, — тогда ты сможешь обвинить меня в краже своего имущества и потребовать моей головы, а я вижу, что именно это ты и собирался сделать.

Так оно и было, и Эйнар думал, что Халли возьмет кошелек и не станет в него заглядывать, и этого будет достаточно, чтобы вчинить ему иск.

Халли возвращается на свою скамью и показывает Сигурду деньги. Сигурд снимает кольцо и говорит, что Халли его выиграл.

Тот отвечает:

— Оставь себе это кольцо и носи его на здоровье, потому что я не хочу ни в чем тебе уступать. По правде говоря, я никогда не состоял в родстве с человеком, которого убил Эйнар, мне только хотелось проверить, смогу ли я вытянуть из него деньги.

— Ну, ты хитрец, каких мало, — говорит Сигурд.
После Рождества Эйнар уехал на север в Халогаланд.

ПРЯДЬ ОБ ОДДЕ СЫНЕ ОФЕЙГА

В одно лето приехал из Исландии Одд сын Офейга, сына Скиди, отправился на север в Финнмёрк и провел там зиму. Тогда правил Норвегией Харальд конунг. А когда весной они плыли на юг, Одд сказал своим людям:

— Эта поездка сопряжена с риском, — говорит он, — потому что никому не позволено ездить сюда торговать без разрешения конунга или сюслуманна, а для сбора подати с финнов поставлен теперь человек, который слывет весьма несговорчивым, зовут его Эйнар Муха. Я хочу знать, много ли товаров вы выменяли у финнов.

Но они отрицали, что торговали с финнами. А когда они проплывали мимо Тьотты, то увидали, что от острова прямо на них мчится на всех парусах боевой корабль. Это был Эйнар. Когда они заметили его, Одд просил своих людей приготовиться и велел им остерегаться, чтобы у них не нашли финских товаров, — «на тот случай, если корабль станут обыскивать, — а я подозреваю, что вы сказали неполную правду и вели торговлю с финнами — снесем все это добро в одно место».

Тогда-то и подтвердилось то, о чем догадывался Одд: каждый принес товары, какие накупил, и они спрятали их в одно место, куда им посоветовал Одд, и успели управиться с этим прежде, чем к ним подошел Эйнар.

Те подвели свой боевой корабль к кораблю Одда. Дул легкий попутный ветерок, однако он начинал крепчать. Одд обратился к Эйнару с приветствием, потому что они были знакомы.

Эйнар сказал:

— Сам-то ты, Одд, известен как человек, который знает, что ему пристало делать, а что — нет, но зимой вы были у финнов, и может статься, кое-кто из твоих людей, не в пример тебе, не слишком остерегался торговать с финнами. Однако это право даровано конунгом нам, и потому мы хотим обыскать ваш корабль.

Одд отвечает, что они могут распоряжаться, как хотят, и, если считают нужным, осмотреть их добро, и люди открывают свои сундуки. Эйнар и его спутники поднимаются на корабль, ищут и не находят финской дани.

Тогда Эйнар сказал:

— Похоже, что эти люди все же вели себя осторожнее, чем я предполагал. Я думаю, не стоит развязывать груз у мачты, потому что ветер крепчает, и нам лучше вернуться на наш корабль.

Тут человек, который сидел на тюках, сказал:

— Загляни прежде в мой узел, не припрятано ли там чего, — и начинает его развязывать, а Эйнар ждет. А тюк этот обмотан длинным ремнем, так что не скоро распутасешь, и он с ним долго возится. Эйнар просит его поторавливаться, тот обещает и вынимает из того тюка еще один и начинает развязывать, а на этом тюке тоже много ремней, и конца этому не видно.

Эйнар сказал:

— Долго ты копаешься, — говорит он, однако продолжает ждать, не найдется ли у того в тюке чего-нибудь такого, за что ему можно было бы вчинить иск.

И вот, наконец, появляется третий тюк, а когда ему удалось его развязать, там не оказалось ничего, кроме старых лохмотьев.

Тогда Эйнар сказал:

— Жалкий бедняк! — говорит он. — Пока ты нас тут водил за нос, остров скрылся из виду.

Эйнар и его люди отправляются на свой корабль, потому что поднялся ветер и их стало относить от торгового корабля. На том они и расстались.

Одд сказал:

— Мы с честью выдержали посещение Эйнара Мухи, хорошо бы нам теперь избежать встречи с конунгом.

Эйнар сразу же дает знать о случившемся конунгу. А когда они проплывали на юг мимо Мьёлы, вышло так, что Харальд конунг был

там и заметил их торговый корабль. И поскольку конунг уже был предупрежден, он сказал, когда они увидели корабль:

— Похоже, все складывается как нельзя лучше, — говорит он. — Это, должно быть, корабль Одда, и неплохо, что мы встретимся. Редко кому удавалось так ловко провести Эйнара, как это сделал Одд со своими людьми.

Конунг был в гневе. Одд и его спутники высаживаются на острове, а конунг, не теряя времени, отправляется ему навстречу со своими людьми. Одд вежливо приветствует конунга, но конунг отвечает ему неохотно и сердито и говорит, что Одд вел себя недостойно, что он де всегда принимал его с честью, а тот поехал торговать с финнами ему в послушание.

Одд говорит:

— У нас теперь было бы больше причин радоваться, государь, — говорит он, — высадись мы южнее Финнмёрка, однако я мог дать моим людям только один совет: не вести торговлю, раз на то нет вашего разрешения.

Конунг сказал:

— И все же я догадываюсь, — говорит он, — что найдется достаточно оснований, чтобы вздернуть вас на самом высоком дереве. И хотя бы за тобой и не было вины, по твоим людям видно, что они были не прочь поторговать, не взирая на запрет, а потому мы хотим вас обыскать.

— Как вам будет угодно, государь, — говорит Одд.

Те так и сделали, но ничего не нашли.

Одного человека звали Торстейн, он был родичем Торира Собаки. Это был человек молодой и видный. Они с Оддом были хорошие друзья. Торстейн был тогда с конунгом. Когда конунг и его люди уходят, он остается на корабле и тайком расспрашивает Одда, нет ли за ними и впрямь вины, и говорит, что конунг сильно разгневан и вряд ли дело на этом кончится.

— Не думаю, чтобы нам удалось отвести от себя подозрение. Они тут набрали всякого добра самовольно, хотя я и запрещал, и мне же потом пришлось давать им совет, куда его спрятать.

— А где оно сейчас? — спрашивает Торстейн.

Одд говорит ему, что все находится в одном спальном мешке.

Торстейн сказал:

— Конунг, возможно, опять вернется сюда и учинит обыск, а потому возьми этот спальный мешок и положи его конунгу под почетное сиденье. Я думаю, он едва ли заподозрит, что сам сидит на том, что ищет. Правда, и эта затея небезопасна.

После этого Торстейн уходит, а Одд делает, как он посоветовал. Спустя некоторое время туда приходит конунг и усаживается на сиденье, которое было для него приготовлено, а его люди начинают искать по сундукам и повсюду, заглядывая во все укромные места, куда те могли запрятать товары, но ничего не находят.

Конунг сказал:

— Не возьму в толк, где они их прячут. Однако несомненно одно — товары, которые мы ищем, здесь, на корабле.

Одд отвечает:

— Не зря говорится, государь: тот, кто гадает, часто блуждает в потемках.

Конунг и его люди уходят, а Торстейн опять задерживается на корабле и говорит Одду:

— Эта уловка выручит вас ненадолго. Нужно быть готовым к тому, что пройдет немного времени и конунг догадается, в чем дело, и тогда, наверняка, возобновит поиски. Я думаю, товары следует спрятать в парус, а парус подвязать повыше на мачте, потому что скоро все на корабле будет разворочено, будь то тюки, или что другое.

Одд и его люди делают так, как сказал Торстейн, и он уходит. Когда он догнал конунга, тот спросил его, почему он отстал.

— Мне пришлось остановиться, государь, — говорит он, — чтобы поправить чулок.

Конунг ничего не сказал. А спустя некоторое время конунг приходит к Одду на корабль и говорит:

— Не исключено, — говорит он, — что в прошлый раз вы усадили меня на финскую дань. Теперь нужно первым делом осмотреть мое сиденье, а потом обыскать весь корабль. И знайте: чем больше вы нам доставите хлопот, тем хуже вам придется.

Они ищут везде, где только можно, но ничего не находят. Конунг сходит на берег, а Торстейн опять задерживается и говорит Одду:

— И это вас ненадолго выручит. Теперь не остается ничего другого, как только унести это добро с корабля и спрятать на берегу, подальше на мысу, я же пойду домой другой дорогой, тогда конунг может быть не обратит внимания на то, что я отстал. А вечером,

после захода солнца, поднимайте якорь, и ты, Одд, вставай к рулю и призови на помощь все свое искусство, потому что иначе вам не уйти от конунга. Он человек решительный и упрямый и не отступится, если ему что взбредет в голову.

Одд сказал Торстейну, что они у него в долгу за ту помощь, что он им оказал, и они расстались. Торстейн уходит, а Одд и его люди делают так, как он им посоветовал, и всю ночь трудятся не покладая рук. А наутро приходит конунг и велит искать в парусе, и когда там ничего не находят, опять теряется в догадках, куда они могли запрятать финскую дань.

Одд сказал:

— Государь, теперь нас не в чем заподозрить, потому что на нашем корабле перетряхнули каждую тряпку.

Конунг говорит, что Одду не стоит на это рассчитывать, и что ему до сих пор не приходилось сталкиваться ни с чем подобным. Конунг был так рассержен, что они не посмели вступать с ним в пререкания.

День подходил к концу. Когда стемнело, они перенесли на корабль то добро, какое прятали, снарядились и перед рассветом отплыли с попутным ветром.

Конунг проснулся рано и сказал:

— Мне кажется, я разгадал, в чем тут дело, и похоже, не они одни приложили к этому руку. Думаю, на этот раз мы найдем на корабле то, что ищем. Я не мог предать их смерти, пока это было только моей догадкой. Нужно идти туда немедленно и искать.

Однако когда они выходят из шатров и оглядываются по сторонам, то замечают парус Одда у дальних островов.

Тогда конунг сказал:

— На этот раз Одду удалось уйти от нас, а ты, Торстейн, можешь отправляться следом за ними, поскольку ты теперь выше ценишь дружбу этого Одда, чем мою. Впрочем, похоже, что предательство у вас в роду²⁴.

Торстейн говорит:

— Никакое это не предательство, государь, хотя ты и не убьешь теперь Одда, который был тебе хорошим другом, и многих других людей из-за одного только подозрения. Я же считаю, что убережешь тебя от подобного злодеяния, — и значит доказать свою верность.

Одд и его люди вышли в море и поплыли при попутном ветре. Одд сказал своим спутникам:

— Теперь я должен рассказать вам, как было дело и что мне приходилось предпринимать. Я просил вас не покупать у финнов больше, чем позволено, однако вы позабыли об осторожности. Когда же стало ясно, что нам не избежать встречи с Эйнаром, я сказал, чтобы вы приняли его, как полагается, но постарались отвлечь его и сбить с толку, потому что знал за вами вину. И еще я велел плыть, пока он был у нас, и все для того, чтобы поскорее от него отделаться. А потом, когда конунгу доложили, что показался какой-то корабль, и он спросил, не мы ли это, Торстейн, наш друг, ответил, что это, верно, рыбаки. «Хороший улов, — сказал конунг, — достается тому, кто знает свою выгоду, и этот улов — наверняка, мой». Но нам все же удалось сохранить свой улов и ускользнуть от него, и благодарить за это следует Торстейна.

Одд приезжает в Исландию и отправляется к себе домой.

В то время ездил по стране человек по имени Харек, родич Торстейна, и заехал в Средний Фьорд. Год тогда выдался плохой, однако Одд пригласил его к себе и послал с ним Торстейну в подарок двух хороших чистокровных кобыл рыжей масти с белой гривой и сказал, что это за то, что тот спас ему жизнь.

Летом Харек уезжает из страны и встречается с Торстейном, тот тогда еще оставался у конунга. Харек приводит к нему лошадей и говорит, что их прислал Одд.

Торстейн говорит:

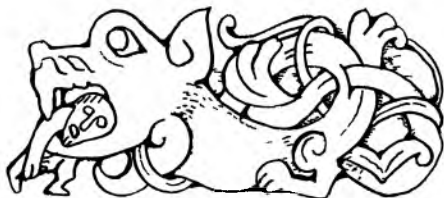
— Этот подарок сослужит мне дурную службу и из-за него не оберешься неприятностей, ведь теперь мне уже не скрыть, что я участвовал в этом деле.

Торстейн показывает кобыл конунгу и говорит, что Одд послал их ему в дар.

Конунг отвечает:

— Я не заслужил подарка от Одда. Он послал его тебе, а не мне, тебе им и владеть, — и велит убить его.

Однако люди не пожелали подчиниться ему, а Торстейн оставил дружину и больше не поддерживал дружбы с конунгом.

ПРЯДЬ О ТОРВАРДЕ ВОРОНЫЕМ КЛЮВЕ

I

Жил человек по имени Торвард Вороний Клюв. Он был родом из Западных Фьордов. Это был человек богатый и уважаемый. Он ездил из страны в страну, и куда бы он ни приехал, к нему везде хорошо относились. Однажды летом он приводит свой корабль на север в Нидарос. Харальд конунг был тогда в городе, а с ним Эйстейн Тетерев, его шурин, сын Торберга, сына Арни. Он был храбрейшим из людей, и конунг очень его ценил. Торвард покинул корабль и снял в городе склад для своих товаров. Потом он пошел повидаться с Харальдом конунгом.

Он приходит к пиршественной палате, а конунг как раз в это время вышел, и когда он возвращается, Торвард говорит:

— Привет вам, государь! У меня тут внизу, на корабле, парус, который я хотел бы вам преподнести.

Конунг нахмурился и сказал:

— Однажды я уже получил парус от вас, исландцев, — говорит он, — однако этот парус сослужил мне дурную службу: порвался в плавании. Я не принимаю твоего подарка.

Эйстейн сказал:

— Пойдите, государь, — говорит он, — и взгляните, может стать, он вам понравится. Не исключено, что вы принимали куда менее достойные подарки, а ведь этот парус предназначался специально для вас.

Конунг говорит:

— Я сам знаю, что мне делать.

Он возвращается в пиршественную палату, так и не дав себя уговорить.

Тогда Торвард просит Эйстейна принять парус.

— Пойдем со мной, — говорит он.

Эйстейн так и делает и кажется ему, что он никогда прежде не видал более драгоценного паруса, чем этот. Он благодарит за подарок и говорит, чтобы тот приехал к нему зимой погостить в его усадьбу на острове Гицки в Северном Мёре.

В ту зиму больше ничего не произошло.

II

Весной Торвард снаряжает свой корабль и отправляется на юг вдоль берега и около Сольскеля намеревается выйти в открытое море. Однажды они видят, как мимо них проносится корабль и на нем большая команда. А высоко на носу стоит красивый и статный муж в красном платье. Он спрашивает, там ли Торвард. Тот отвечает и приветствует Эйстейна.

Эйстейн сказал:

— Ты так и не собрался ко мне в гости. Поднимайся на наш корабль и можешь захватить с собой сколько хочешь народу, потому что вам все равно нет попутного ветра.

Он так и делает, берет несколько человек и отправляется с ними на корабль Эйстейна. Они гребут к острову Гицки, и там Торварда и его людей ждет хороший прием и угощение. Постройки там были просторные и добротные.

Когда прошли вечер и ночь и наступило утро, Торвард просыпается и видит, что Эйстейн уже на ногах. Он говорит:

— Не похоже, чтобы сегодня подул попутный ветер. Оставайтесь у нас, и я сам буду наблюдать за погодой. Все равно вам придется сидеть и ждать попутного ветра.

А днем, когда они пировали и были в самом хорошем настроении, Эйстейн сказал:

— За то, что ты оставил свой корабль со всем снаряжением и поехал со мной, прими от меня этот наряд.

Наряд этот был сплошь украшен тесьмой и скроен из новехонькой алой материи. Торвард поблагодарил его за подарок.

Эйстейн сказал:

— Однако это не должно считаться возмещением за парус.

Они сидят весь день и пируют и у них нет недостатка в браге.

На третий день утром Эйстейн говорит Торварду:

— Сегодня вам тоже не стоит сниматься с места, потому что все равно нет попутного ветра.

Торвард отвечает:

— Тебе решать.

Их опять ждет вдоволь питья и угощения, а потом Эйстейн велит принести плащ. Он был из красной ткани, а с изнанки подбит серым мехом превосходной выделки.

Эйстейн сказал:

— Прими от меня этот плащ. Он послужит достойным возмещением за парус, потому что он настолько же лучше других плащей, насколько твой парус лучше любого другого паруса.

Торвард благодарит его за подарок. Проходит ночь, а когда Торвард просыпается рано утром, Эйстейн уже тут как тут и говорит:

— Я не стану вас больше задерживать, потому что подул попутный ветер.

Они поели и выпили перед тем, как отправиться в дорогу.

Эйстейн сказал:

— Случилось так, что тебе не удалось подарить этот парус конунгу, однако я догадываюсь, что прими он его, он бы отдал тебе так же, как и я. И все же ты не получил настоящего вознаграждения, потому что его дал тебе не конунг, но с этим я ничего не могу поделать, ведь по происхождению я гораздо ниже конунга. А за эту разницу в его и моем происхождении прими это золотое запястье.

И снимает его с руки. Торвард благодарит его за запястье и отправляется на свой корабль. Дует попутный ветер, и он приплывает в Исландию и становится там большим человеком.

III

Тем же летом, когда Харальд конунг и Эйстейн плыли каждый на своем корабле вдоль берега, случилось так, что Эйстейн обогнал конунга и оказался впереди.

Конунг сказал:

— Откуда у тебя такой превосходный парус?

Эйстейн отвечает:

— Это тот парус, от которого вы отказались, государь.

Конунг сказал:

— Никогда не видал лучшего паруса. Я отказался от хорошего подарка.

Эйстейн сказал:

— Хочешь получить этот парус в обмен на поцелуй?

Конунг улыбнулся и сказал:

— Почему бы и нет? — и подошел к мачте.

Эйстейн сказал:

— Не делай из себя посмешище. Бери этот парус, если хочешь, и впредь знай, от чего отказываешься.

Конунг поблагодарил его и приказал перенести парус на свой корабль, однако он не годился для состязаний в плавании, потому что конунгов корабль был очень велик. Но все равно все считали этот парус большим сокровищем.

ПРЯДЬ О БРАНДЕ ЩЕДРОМ

Рассказывается, что в одно лето приехал в Норвегию из Исландии Бранд сын Вермунда из Озерного фьорда. Его называли Брандом Щедрым, и это прозвище подходило к нему как нельзя лучше. Бранд привел свой корабль в Нидарос.

Тьодольв скальд²⁵ был другом Бранда и много рассказывал Харальду конунгу о том, какой тот достойный и великодушный человек. К тому же, говорил Тьодольв, едва ли сыщется в Исландии кто другой, кому бы больше пристало быть конунгом, таковы его благородство и обходительность. А еще Тьодольв немало рассказывал о щедрости Бранда.

Тогда конунг сказал:

— Теперь недолго проверить, так ли он щедр, как ты говоришь: пойди к нему и попроси, чтобы он отдал мне свой плащ.

Тьодольв идет и приходит в один дом. Бранд был тогда в кладовой. Он стоял на полу и мерил полотно. На нем была алая рубаха, поверх которой был наброшен красный плащ, а на голове — повязка. Он отмерял полотно, а подмышкой держал золоченную секиру.

Тьодольв сказал:

— Конунг желает получить этот плащ.

Бранд продолжал делать свое дело и ничего не сказал в ответ, но сбросил плащ с плеч. Тьодольв поднимает его и отправляется к конунгу. Конунг спросил, как было дело. Тот ответил, что Бранд не вымолвил ни слова, а еще рассказал, чем он был занят и как был одет.

Конунг сказал:

— Видно, это человек гордый и незаурядный, раз он не счел нужным ничего ответить. Пойди к нему опять и скажи, что я хочу получить его золоченную секиру.

Тьодольв сказал:

— Не по душе мне это, государь. Не знаю я, как он примет то, что я хочу вынуть оружие из его рук.

Конунг сказал:

— Ты сам завел этот разговор и на все лады расхваливал его щедрость, вот теперь и отправляйся к нему. По мне, не будет он щедрым, коли не отдаст мне эту секиру.

Тьодольв идет к Бранду и говорит, что конунг хочет получить секиру. Тот протянул секиру и ничего не сказал. Тьодольв принес секиру конунгу и рассказал, как было дело.

Конунг сказал:

— Сдается мне, что этот человек способен на еще большую щедрость и нам нынче достанется немало ценных вещей. Пойди к нему опять и скажи, что я хочу получить ту рубаху, что на нем сейчас.

Тьодольв сказал:

— Не годится мне, государь, идти к нему опять с таким поручением. Как бы он не подумал, что я над ним насмехаюсь.

Конунг сказал:

— Разумеется, пойди к нему.

Тот опять идет и приходит в верхнее помещение того дома, где находился Бранд. Там он говорит Бранду, что конунг желает полу-

чить его рубаху. Бранд прерывает работу и молча снимает с себя рубаху. Он отрывает один рукав и отбрасывает рубаху прочь, а рукав оставляет себе. Тьодольв берет, что ему нужно, отправляется к конунгу и показывает ему рубаху.

Конунг внимательно осмотрел ее и сказал:

— Человек этот и умен, и великодушен. Ясно мне, зачем он отпорол рукав: он, верно, думает, что у меня только одна рука, раз я все время беру, но ничего не даю взамен. Сходи, приведи его.

Тот так и поступил. Бранд явился к конунгу, и конунг принял его с почетом и наградил богатыми дарами. А все это делалось, чтобы испытать его.

ПРЯДЬ О ХРЕЙДАРЕ

Жил человек по имени Торд. Он был сыном Торгрима, сына Хрейдара, которого убил Глум²⁶. Торд был небольшого роста и хорош собой. У него был брат по имени Хрейдар. Был он безобразен и умом не вышел, так что приходилось за ним присматривать. Быстрый и сильный то был человек, и нравом покладистый. Он все время жил дома, а Торд ездил по торговым делам, был дружинником конунга Магнуса²⁷ и уважаемым человеком.

Однажды, когда Торд снаряжал свой корабль в Островном фьорде, туда пришел Хрейдар, его брат. Торд, увидев его, спросил, зачем он пришел. Хрейдар говорит:

— Да уж не без дела.

— Что же ты хочешь? — спрашивает Торд.

— Я хочу уехать, — говорит Хрейдар. Торд сказал:

— Ни к чему тебе уезжать. Лучше я предложу тебе вот что: ты возьмешь себе все отцовское наследство, а это в два раза больше того, что я вложил в торговлю.

Хрейдар отвечает:

— Немного у меня ума, — говорит он, — если я возьму неравную часть и за это лишусь твоей защиты и поддержки, так что любой сможет вытянуть у меня деньги, в делах-то я ничего не смыслю. И тебе же будет не лучше, если придется вмешаться, когда я примусь нападать на тех, кто зарится на мое имущество, или учиню еще что-нибудь против них, а потом меня побьют за это, а то и ранят. И кроме того, похоже, что тебе нелегко будет меня удержать, раз я решил уехать.

— Может и так, — говорит Торд, — но не говори никому о своей поездке.

Тот пообещал. А после того, как они расстались, Хрейдар стал говорить всем и каждому, что он собирается уехать вместе со своим братом, и все стали осуждать Торда за то, что он берет с собой дурака.

И вот они снаряжают корабль, выходят в море и благополучно приплывают в Бьёргюн. Торд сразу же спрашивает, где конунг, и ему говорят, что конунг Магнус в городе, и только что прибыл, и не велел беспокоить его в тот день, потому что нуждается в отдыхе. Тут все стали разглядывать Хрейдара, потому что он выделялся среди других людей тем, что был высок и безобразен и заводил разговор со всяким встречным.

Рано утром, прежде чем люди проснулись, Хрейдар поднимается и кричит:

— Проснись, брат! Немного ведает спящий. У меня есть новости. Я слышал только что странный шум.

— На что он был похож? — спрашивает Торд.

— На звериный рев, — говорит Хрейдар, — и очень громкий, но я не знаю, что это был за шум.

— Не придавай этому большого значения, — говорит Торд, — должно быть, то был звук рога.

— А что он значит? — спрашивает Хрейдар. Торд отвечает:

— Может трубят на сходку, а может, корабль спускают.

— А что значит «сходка»? — спрашивает Хрейдар.

— Там решают все спорные дела, — говорит Торд, — и обсуждают то, что конунг считает нужным обнародовать.

— А конунг сейчас может быть на сходке? — спрашивает Хрейдар.

— Конечно, — отвечает Торд.

— Тогда я оправлюсь туда, — говорит Хрейдар, — потому что первым делом хочу я прийти в такое место, где можно увидеть как можно больше людей сразу.

— Нет у нас с тобой согласия, — говорит Торд. — Мое мнение, что лучше тебе держаться подальше от таких мест. Я иди туда не собираюсь.

— Не то ты говоришь, — отвечает Хрейдар, — мы оба должны пойти. Хоть тебе и кажется, что мне не стоит идти одному, но тебе не удастся отговорить меня от этого.

Хрейдар убегает, а Торд видит теперь, что придется идти, и отправляется вслед за Хрейдаром, а тот прибавляет шагу, и между ними большое расстояние. Когда Хрейдар увидел, что Торд идет медленно, он сказал:

— Что и говорить, плохо быть небольшого роста, когда не можешь взять силой. При этом, правда, можно быть быстроногим, сдается мне, однако, что к тебе это не относится. И ты не стал бы хуже, если бы ты был менее красив, но зато ходил как все люди.

Торд ответил:

— Не думаю, чтобы моя слабость доставляла мне больше неприятностей, чем тебе твоя сила.

— Так давай сожмем друг другу руки, чтобы испытать их силу, брат, — говорит Хрейдар.

Они так и делают и идут еще некоторое время. И вот у Торда онемела рука, и он ее вырывает: нелепым кажется ему держаться за руки с Хрейдаром. Тогда Хрейдар прибавляет шагу, останавливается на пригорке и осматривается. Он видит место, где собралось множество народу. Торд подходит и говорит:

— Будем держаться вместе, брат.

Хрейдар так и делает.

И когда они прибыли на тинг, многие узнали Торда, хорошо его встретили и доложили о нем конунгу. Торд тотчас же предстал перед конунгом и приветствовал его, и конунг милостиво ответил на его приветствие. Когда братья пришли на тинг, они сразу же расстались, и Хрейдара стали таскать за одежду и толкать. Он много болтал и смеялся, и всем казалось куда как забавно задирать его, так что он насилиу мог пробиться среди обступивших его людей.

Конунг стал расспрашивать Торда о новостях и потом спросил его, не приехал ли с ним кто-нибудь, кого он хотел бы представить ему.

— Со мной в плавании был мой брат, — говорит Торд.

— Это, должно быть, хороший человек, — говорит конунг, — если он похож на тебя.

Торд говорит:

— Не похож он на меня.

Конунг сказал:

— Однако он все же может быть хорошим человеком. А в чем вы больше всего несхожи?

Торд сказал:

— Высок он ростом, безобразен он и совсем неказист. Сильный и незлобивый это человек.

Конунг сказал:

— Наверно у него все-таки немало достоинств.

Торд говорит:

— Не славился он умом, когда был молод.

— Меня больше интересует, — говорит конунг, — как сейчас обстоят дела. За собой-то он следить может?

— Не во всем, — говорит Торд.

Конунг сказал:

— Зачем же ты взял его из дому?

— Государь, — говорит Торд, — мы владеем всем поровну, но ему нет никакого проку от имущества, торговыми делами он не занимается, он просил только одного — поехать со мной за море, и мне показалось несправедливым отказать ему в этом, раз уж он дает мне всем распоряжаться. И мне подумалось, что встреча с вами принесла бы ему удачу²⁸.

— Я хотел бы его видеть, — говорит конунг.

— Так и будет, — говорит Торд, — но теперь он куда-то запропастился.

Тогда конунг посылает за ним. И когда Хрейдар слышит, что конунг хочет его видеть, то он идет, задрав нос и не разбирая дороги, ведь ему было непривычно, что конунг ищет с ним встречи. Одет он был так: на нем были штаны до щиколоток²⁹ и серый плащ. И когда он предстает перед конунгом, то падает на колени и приветствует его. Конунг отвечает ему, смеясь:

— Если у тебя ко мне есть дело, то говори прямо, чего ты хочешь. Ведь и у других есть нужда поговорить со мной.

Хрейдар говорит:

— Мое дело, думаю я, очень важное. Я хотел на тебя посмотреть, конунг.

— Ну и как, доволен ты, — говорит конунг, — тем, что меня видишь?

— Конечно, — говорит Хрейдар, — но не уверен я в том, что рассмотрел тебя как следует.

— Так как же нам быть? — говорит конунг. — Может, ты хочешь, чтоб я встал?

Хрейдар отвечает:

— Пожалуй, — говорит он.

Поднявшись, конунг сказал:

— Ну, теперь я думаю, ты меня можешь хорошо рассмотреть.

— Не совсем хорошо, — говорит Хрейдар, — но почти.

— Может быть ты хочешь, — говорит конунг, — чтобы я снял плащ?

— Конечно, я этого хочу, — говорит Хрейдар.

Конунг сказал:

— Мы должны прежде это дело обсудить. Вы, исландцы, большие выдумщики, и мне не хотелось бы допустить, чтобы ты это обратил в насмешку, хочу я этого избежать.

Хрейдар говорит:

— Никто не смеет, конунг, дурачить тебя или лгать тебе.

Тогда конунг снимает с себя плащ и говорит:

— Теперь смотри на меня так внимательно, как тебе хочется.

— Ладно, — говорит Хрейдар.

Он обходит конунга кругом, бормоча себе при этом под нос:

— Прекрасно, прекрасно.

Конунг сказал:

— Теперь ты меня рассмотрел, как тебе хотелось?

— Конечно, — говорит он.

Конунг спросил:

— Ну и понравился я тебе?

Хрейдар отвечает:

— Не преувеличил Торд, брат мой, когда говорил о тебе хорошее.

Конунг сказал:

— Сумел ли ты найти какой-нибудь изъян, которого другие не замечали?

— Не думал я искать, — говорит он, — да и не смог бы, потому что каждый предпочел бы быть таким как ты, когда б от него это зависело.

— Ты преувеличиваешь, — говорит конунг.

Хрейдар отвечает:

— Тогда следовало бы бояться лести, — говорит он, — когда б ты не был на самом деле таким, каким я тебя нашел, о чем я и сказал только что.

Конунг сказал:

— Все же найди какой-нибудь изъян, пусть хоть самый маленький.

— Вот разве что, — говорит он, — один глаз у тебя немного выше другого.

— До тебя это заметил только один человек, — говорит конунг, — и это был Харальд конунг, мой родич³⁰. А теперь давай сквитаемся, — говорит конунг. — Встань-ка теперь ты и сними свой плащ, а я на тебя посмотрю.

Хрейдар сбрасывает плащ, а ручки у него грязные — человек он был большеукий и безобразный, — вымыты кое-как. Конунг смотрит на него пристально.

Тут Хрейдар сказал:

— Государь, — говорит он, — как ты меня находишь?

Конунг говорит:

— Думается мне, что не родился еще человек безобразнее тебя.

— Так говорят, — отвечает Хрейдар. — Ну, а нет ли, на твой взгляд, во мне чего-нибудь хорошего?

Конунг сказал:

— Говорил мне Торд, брат твой, что ты человек добродушный.

— Так оно и есть, — сказал Хрейдар, — да сдается мне, что это плохо.

— Но однажды ты разгневаешься, — сказал конунг.

— Тебе видней, государь, — говорит Хрейдар. — А долго ли еще ждать?

— Точно не знаю, — говорит конунг. — Скорее всего, случится это нынешней зимой.

Хрейдар сказал:

— Спасибо на добром слове.

Конунг сказал:

— К чему у тебя есть умение?

Хрейдар говорит:

— Никогда я ничего не пробовал, а потому и не знаю.

— Возможно, что ты на что-то способен, — говорит конунг.

— Спасибо на добром слове, — сказал Хрейдар. — так и должно быть, раз ты так сказал. Мне, видно, потребуется место для зимовки.

Конунг сказал:

— За этим дело не станет. Но я считаю, что лучше было бы тебе остановиться там, где поменьше народу.

Хрейдар ответил:

— Ну что ж, — говорит он, — но только нигде не будет так мало народу, чтобы не всплыло все, что я скажу — и скажу-то в шутку, — а я человек несдержанный на язык и много чего могу наговорить. Вот и может случиться так, что мои слова разнесут повсюду, и надо мной станут насмехаться и придадут слишком большое значение тому, что я сказал в шутку или просто сболтнул. И поэтому кажется мне более разумным держаться тех, кто обо мне заботится, как Торд, мой брат, хотя бы там было и множество народу, чем жить там, где людей немного, но никому ни до чего нет дела.

Конунг сказал:

— Поступай как знаешь, отправляйтесь оба к моим дружинникам, если вам это больше нравится.

Как только Хрейдар услышал эти слова конунга, он убегает и рассказывает всякому, кому не лень его слушать, что конунг принял его очень хорошо, а своему брату Торду говорит, что конунг разрешил ему жить с его дружинниками.

Торд сказал:

— Тогда тебе нужно одеться и вооружиться достойно и как подobaет тому, у кого ни в чем нет недостатка; ведь многих красит богатая одежда, а быть хорошо одетым важнее в палатах конунга, чем где бы то ни было. Да и дружинники тогда не станут над тобой смеяться.

Хрейдар отвечает:

— Очень ты ошибаешься, если думаешь, что я собираюсь наряжаться.

Торд сказал:

— Так сошьем тебе одежду из домотканного сукна.

Хрейдар отвечает:

— Лучше уж так, — говорит он.

Так и было сделано, как посоветовал Торд, и Хрейдар на это согласился. Теперь у него одежда из домотканного сукна, он умывается и сразу начинает казаться совсем другим человеком. Красивее он не стал, а вид у него доблестный.

Таким он, однако, был человеком, что когда они с Тордом жили с дружинниками, то Хрейдару поначалу здорово от них доставалось, и они всячески над ним подшучивали. Вскоре увидели они, что он большой любитель поговорить, и все пошло так, как и следовало ожидать. Он их очень забавлял и сам все время смеялся над тем, что они говорили, и такой он был весельчак, что всех их превзошел и в разговоре, и в состязаниях. И оттого, что он был очень силен, а они со временем убедились в том, что он на них обиды не держит, дружинники оставили его в покое <...>³¹.

В то время страной управляли два конунга: конунг Магнус и конунг Харальд³². Возник тогда спор <...>, что дружинник конунга Магнуса убил дружинника конунга Харальда, и было условлено, что конунги сами встретятся и разберут это дело. И когда Хрейдар слышит о том, что конунг Магнус должен отправиться на встречу с конунгом Харальдом, он идет к конунгу Магнусу и говорит:

— Есть кое-что, — говорит он, — о чем я хочу тебя просить.

— Что же это? — сказал конунг.

Хрейдар сказал:

— Разреши мне поехать с тобой. Не скажу, чтобы я много путешествовал, но уж очень мне хочется увидеть сразу двух конунгов в одном месте.

Конунг отвечает:

— Правду ты говоришь, путешествовал ты мало. И тем не менее я не могу позволить тебе ехать со мной, потому что негоже тебе попасть в лапы людям конунга Харальда. Как бы не было от этого беды и тебе, и другим. Боюсь я, что тогда-то и охватит тебя гнев, которого ты так ждешь, а лучше бы обойтись без этого.

Хрейдар отвечает:

— Хорошо ты сказал. И вправду, надо ехать, коль есть надежда, что я разозлюсь.

Конунг говорит:

— И ты поедешь, даже если я не позволю?

Хрейдар отвечает:

— Все равно поеду.

— Не думаешь ли ты, что тебе удастся поступить со мной так же, как с твоим братом Тордом? Потому что с ним тебе всегда удавалось настоять на своем.

Хрейдар говорит:

— Тем легче мне это удастся с вами, потому что ты умнее его.

Конунг видит теперь, что его не остановишь, и думает, что еще неизвестно, что из того выйдет, если Хрейдар поедет не в его свите, а один или незнамо с кем. Он разрешает Хрейдару сопровождать его, и тому дают коня.

И как только они отправились в путь, Хрейдар поскакал галопом сломя голову и загнал коня. Когда конунг узнал об этом, он сказал:

— Все к лучшему. Отправьте теперь Хрейдара домой, и пусть он не едет.

Тот говорит:

— Хотя конь пал, поездке это моей не помешает. Придется мне немного пробежаться, если я не хочу от вас отстать.

Вот они едут, и многие припустили коней, состязаясь с ним в беге, почему б, думают, не испытать быстроту его ног, раз он сам ею хвастался. Но выходило так, что он загонял любого коня, какого против него ни выставляли: он де был бы недостоин придти на сходку, если б ему было за ними не поспеть. И поэтому многие остались без лошадей.

И когда они прибыли на место встречи, конунг Магнус сказал Хрейдару:

— Следуй повсюду за мной и никуда не отлучайся. Есть у меня предчувствие, что не будет добра от того, что люди конунга Харальда увидят тебя.

Хрейдар ответил, что все будет так, как сказал конунг:

— Думаю, что лучше мне от вас не отставать.

Вот конунги встречаются, вступают в беседу и обсуждают свое дело. А люди конунга Харальда увидели Хрейдара, прослышали о его славе и решили позабавиться. И пока конунги разговаривали, Хрейдар ушел с людьми Харальда. Они завели его в лес неподалеку и ста-

ли таскать за одежду и то и дело толкали его. Раз на раз не приходится: то летал он как соломинка, а то стоял крепко как стена, и они от него отскакивали. Вот забава зашла так далеко, что они стали обращаться с ним куда как грубо, пустив в ход рукояти секир и ножны. Они кололи его в голову концами ножен и поранили его. Он же вел себя так, как если бы ему это казалось величайшей забавой, и все время смеялся. И так продолжалось до тех пор, пока с их стороны игра и вовсе не улучшилась.

Тогда Хрейдар сказал:

— Ну, поиграли и довольно. Надоело мне это. Пойдем теперь к вашему конунгу, хочется мне на него поглядеть.

— Не бывать тому, — сказали они, — чтобы такой дьявол как ты увидел нашего конунга. Лучше мы отправим тебя в Хель³³.

Не слишком пришлось ему это по душе, да и похоже было, что они не остановятся на угрозах. И вот дошло до того, что он потерял терпение и разгневался. Схватил он тут человека, который больше других на него нападал и над ним издевался, поднял его в воздух и ударил головой оземь, да так, что у того брызнули мозги, и он умер. Тут решили они, что он наделен нечеловеческой силой и бросились бежать, пришли и рассказали конунгу Харальду, что убит его дружинник.

Конунг отвечает:

— Так убейте того, кто это сделал.

— Нелегко это, — говорят они, — ведь он уже ушел.

А теперь нужно рассказать о том, что Хрейдар встретился с конунгом Магнусом.

Конунг сказал:

— Ну, теперь ты узнал, каково это — гневаться?

— Да, — говорит тот, — теперь знаю.

— Ну и как? — говорит конунг. — Помнится, прежде тебя это очень занимало.

Хрейдар отвечает:

— Ничего хорошего, — говорит он. — Больше всего мне хотелось бы всех их убить.

Конунг сказал:

— Я всегда знал, — говорит конунг, — что когда ты разгневаешься, это плохо кончится. Теперь я хочу послать тебя в Уппланд к

Эйвинду, моему лендрманну, чтобы он укрыл тебя от конунга Харальда, не уверен я, что ты будешь в сохранности, если останешься с дружиной, потому что знаем мы: коварен родич Харальд, и трудно от него уберечься. Вернешься ко мне, когда я за тобой пошлю.

Вот Хрейдар уезжает в Уппланд, и Эйвинд принимает его, как приказал конунг. Конунги уже уладили свой прежний спор, но это дело не было улажено. Думалось конунгу Магнусу, что эти люди сами во всем виноваты и потому лишили себя права на возмещение. Он считал, что за убитого дружинника не нужно платить виры, а конунг Харальд требовал возмещения за своего дружинника, и они расстались, не достигнув согласия.

Прошло немного времени и конунг Харальд узнал, где укрывают Хрейдара. Тогда он пускается в путь и прибывает в Уппланд к Эйвинду с шестью десятками людей. Он приезжает туда рано утром, думая застать их врасплох. Но из этого ничего не вышло, потому что Эйвинд предвидел, что он может явиться, и был к этому готов. Он тайно собрал людей, и они прятались в лесу около усадьбы. Эйвинд должен был дать им знать, когда прибудет конунг Харальд и понадобится их помощь.

Рассказывают, что незадолго до того, как приехал конунг Харальд, Хрейдар попросил Эйвинда дать ему серебра и немного золота.

— А ты в этом деле сведущ? — говорит тот.

Хрейдар отвечает:

— Так сказал мне конунг Магнус. А сам я об этом ничего не знаю, ведь я еще ни за что не брался. Но раз он так сказал, то я ему верю.

Эйвинд сказал:

— Станный ты человек, — говорит он. — Я дам тебе материал для работы. Вернешь мне серебро, если у тебя ничего путного не выйдет, а если выйдет, тогда пусть оно останется у тебя.

Хрейдара заперли в одном доме, и он принялся за работу. И прежде, чем работа его подошла к концу, приезжает конунг Харальд. И как я раньше уже говорил, Эйвинд был к этому готов, и задает он конунгу большой пир. И вот, когда они сидят и пируют, спрашивает конунг, здесь ли Хрейдар — «и можешь рассчитывать на мою дружбу, если выдашь мне этого человека».

Эйвинд отвечает:

— Нет его теперь здесь, — говорит он.

— А я знаю, — говорит конунг, — что здесь он, и ни к чему тебе скрывать это.

Эйвинд сказал:

— Хотя бы и так, но я не намерен угождать тебе больше, чем конунгу Магнусу, и выдавать тебе человека, которого он отдал под мою защиту.

И тут он выходит из горницы. А когда он выходит, Хрейдар колотит в дверь и кричит, чтобы его выпустили.

— Тише, — говорит Эйвинд, — конунг Харальд приехал и хочет тебя убить.

Хрейдар все равно продолжает стучать и говорит, что он хочет встретиться с конунгом. Видит Эйвинд, что он сейчас выломает дверь, подходит и отпирает.

Он сказал:

— Да заберут тебя тролли, — говорит он, — идешь ты на верную смерть.

Хрейдар входит в горницу, подходит к конунгу и приветствует его.

Он сказал:

— Государь, смени гнев на милость, ведь я могу тебе во многом быть полезным и сделаю, что ты мне прикажешь, даже если поручение будет не очень-то приятным, в случае опасности или любом другом, и я с готовностью все выполняю, куда бы ты меня ни послал. Есть у меня одна ценная вещь, которую я хочу тебе подарить, — и ставит ее перед ним на стол. А была то свинья, сделанная из серебра и позолоченная. Когда конунг увидел свинью, он сказал:

— Что и говорить, искусен ты. Никогда не видел я ничего подобного.

И вот пошла она по рукам. Конунг говорит, что он готов с ним помириться, — «и ты годишься на то, чтобы дать тебе важное поручение. По-моему ты человек сильный и бесстрашный».

Вот свинья возвращается обратно к конунгу. Он берет ее и рассматривает внимательнее и видит он теперь, что у нее сосцы, и что это самка³⁴. Тогда он отбрасывает ее, понимая, что она сделана ему в насмешку, и говорит:

— Да заберут тебя тролли! Встаньте, люди, и убейте его.

Но Хрейдар берет свинью и выходит вон. Он сразу же отправляется в путь, прибывает к конунгу Магнусу и рассказывает ему о том,

что произошло. А те люди вскочили и бросились за ним, чтобы убить его. И когда они вышли, то им навстречу выступил Эйвинд со множеством людей, так что они не смогли схватить Хрейдара. На этом конунг Харальд с Эйвиндом расстались, и конунг был недоволен.

И когда конунг Магнус и Хрейдар встретились, спрашивает конунг, как он съездил, а Хрейдар рассказывает, как оно было, и показывает конунгу свинью. Конунг Магнус сказал, взглянув на свинью.

— Хорошая работа. Но родич наш, конунг Харальд, мстил и за гораздо меньшие оскорбления. Немало у тебя, однако, храбрости и выдумки.

Хрейдар пробыл после этого некоторое время у конунга Магнуса. Однажды приходит он побеседовать с конунгом и говорит:

— Хочу я, конунг, чтобы ты позволил мне то, о чем я тебя попрошу.

— Что это такое? — спрашивает конунг.

— А то, государь, — говорит Хрейдар, — чтобы ты выслушал хвалебную песнь, которую я о вас сложил.

— Почему бы и нет, — говорит конунг.

Вот Хрейдар говорит песнь, и она очень странная: вначале неудачная, но, чем дальше, тем лучше. И когда кончилась песнь, конунг сказал:

— Странной кажется мне эта песнь, однако она хороша в конце. Песнь эта подобна твоей жизни: нескладно началась она, но со временем будет все лучше и лучше. Я хочу назначить тебе награду за песнь. Есть один остров у берегов Норвегии, который я тебе пожалую. На нем хорошие пастбища, и это добрая земля, хотя она и невелика.

Хрейдар сказал:

— Там я соединю Норвегию с Исландией.

Конунг сказал:

— Не знаю я, чем это обернется. Но одно знаю наверняка: многие захотят купить у тебя этот остров и дать тебе за него деньги, но, думаю, будет разумнее, если я сам куплю его, чтобы не стал он костью, из-за которой бы перетрызлись ты и те, кто пожелают его купить. И неразумно было бы тебе оставаться в Норвегии слишком долго, потому что я знаю, как конунг Харальд решит твою судьбу, если он за это возьмется, а того не миновать, останься ты в Норвегии.

Тут дает ему конунг Магнус серебро за остров и хочет, чтобы он не подвергал себя опасности, оставаясь здесь. Хрейдар уезжает в Ис-

ландию, селится на севере в Сварвадардале и становится большим человеком. И по предсказанию конунга Магнуса дела его идут хорошо, и чем дальше, тем лучше, и всего более пошли ему на пользу те странные поступки, что он совершил в начале своей жизни. Он жил до старости в Сварвадардале, и многие ведут от него свой род. И здесь заканчивается этот рассказ.

ПРЯДЬ О ХРАВНЕ СЫНЕ ГУДРУН

I

Одного человека звали Торгрим. Он жил на хуторе Стад в Хрутафьорде. Торгрим был человек богатый, но плохой хозяин. Его жену звали Торгерд. У них было два сына, Кальв и Грим; оба они получили неплохое воспитание. Это были люди задиристые и ненадежные, как и их отец.

Жил человек по имени Сигват. Он жил на хуторе Пески в Хрутафьорде. Жену его звали Гудрун, это была женщина умная и достойная. Их сына звали Хравн, он был молод, красив и статен. Сигват не отличался бережливостью; землей он владел хорошей, но деньги промотал. Как-то раз летом он сказал жене, что придется продать землю, чтобы расплатиться с долгами и прикупить скота. Она отвечает:

— Есть другой выход: чем продавать землю, продай лучше мое золотое запястье.

Сигват отвечает:

— Раз так, поеду-ка я к Торгриму, у него скота хоть отбавляй.

Она отвечает:

— Не советую тебе иметь дело с Торгримом, он человек хитрый и нечестный.

Но Сигват все же отправился к Торгриму и сказал:

— У меня к тебе вот какое дело: я бы хотел купить у тебя скотину.

Торгрим отвечает:

— За мной дело не станет.

Сигват сказал:

— А взамен я предлагаю тебе это золотое запястье.

Торгрим отвечает:

— Недостойно мужчины разбазаривать женино добро. Продай-ка мне лучше тот луг, что зовется Зеленым Выгоном. Мне пригодится и сено, и пастбище, а у тебя лугов и без того хватает.

Сигват отвечает:

— Я продам тебе этот выгон, однако я не хочу, чтобы на моей земле пасся чужой скот.

— Тогда по рукам, — говорит Торгрим.

Сигват воротился домой и рассказал своей хозяйке о сделке. Она говорит в ответ:

— По мне, не бывать бы вовсе этой сделке. Ведь теперь, когда он заполучил лоскуток нашей земли, он станет травить наши луга.

На другой день был пригнан купленный Сигватом скот. А позднее тем же летом Торгрим сказал:

— Теперь у нас прибавилось выгонов, однако я слышал от женщин, что молочному скоту не хватает пастбищ и надои невелики. Гоните коров на луга к Сигвату, я имею право на эту землю.

Его люди так и сделали. Когда Гудрун увидела это, она сказала:

— Все идет, как я предсказывала, недаром мне с самого начала не понравилась эта сделка. А теперь Торгрим приказал своим рабам выгонять скотину на наши луга и кормить ее нашим сеном.

Сигват отвечает:

— Торгриму не впервой платить злом за добро.

Как-то раз Сигват подошел и отогнал Торгримова быка от своего стога. Торгрим как раз оказался рядом. Он сказал:

— Что-то ты больно расхрабрился, рабье отродье! — и проткнул Сигвата копьем, так что тот умер на месте. Торгрим отправился оттуда напрямик домой, а Гудрун скоро узнала о случившемся и велела похоронить своего мужа не поднимая шума.

Хравну, их сыну, было тогда четыре года. Он часто вспоминал отца и спрашивал, где он. Мать сказала ему, что он внезапно заболел и умер.

Вскоре после этого Торгрим пришел к Гудрун и сказал:

— Ты, наверно, считаешь, что своим необдуманным поступком я причинил тебе ущерб. Однако теперь я хочу возместить тебе потерю мужа, и предлагаю взамен самого себя. Ты мало в чем будешь нуждаться, если позволишь мне заботиться о тебе.

Она отвечает:

— Похоже, что каждый из нас останется при своем. Даже если бы ты не был женат, я не настолько тороплюсь выходить замуж, чтобы пойти за убийцу моего мужа.

II

Хравн рос у своей матери. Он был человек статный и сильный, добродушный и веселый, и многие любили его. Он часто ходил играть в Стад. Торгрим обходился с ним хорошо, и Хравну это нравилось. Они с Кальвом, сыном Торгрима, всегда играли вместе. Хравну тогда было пятнадцать лет. Кальв был старше его, но слабее, и ему доставалось от Хравна, потому что тот всегда старался добиться победы.

Однажды, когда они играли вместе, Кальв сказал:

— Не умеешь ты, Хравн, обуздывать свою силу, видно, не миновать тебе судьбы твоего отца.

Хравн отвечает:

— Что ж необычного в том, что люди умирают? Со всяким может случиться!

Кальв сказал:

— Похоже, от тебя скрыли, от чего он умер. Он был убит, и это — дело рук моего отца, а я убью тебя.

Хравн повернулся и ушел, ничего не сказав. Вечером он воротился домой не в духе. Мать спросила его, в чем дело. Он отвечает:

— Ты мне говорила, что мой отец умер от болезни, а Кальв сегодня бросил мне, что он был убит, и мне кажется странным, что ты скрыла это от меня.

Она отвечает:

— Я поступила так, считая, что ты еще слишком молод, чтобы противостоять могущественным людям. Но теперь это неважно, раз они сами позаботились о том, чтобы тайное стало явным.

Хравн спросил:

— Где похоронен мой отец?

Она сказала, что это место поросло дерном. Хравн ответил:

— Я все равно схожу туда, и я рад, что узнал правду. Многое теперь зависит от того, насколько храбр и вынослив будет его сын.

После этого он опять отправился играть, и никто не видел его печальным.

Так продолжалось до тех пор, пока ему не исполнилось восемнадцать лет. Как-то раз, когда Хравн одевался после игры, Кальв сказал:

— Хравну больше по вкусу бить по мячу, чем мстить за своего отца.

Хравн отвечает:

— За этим дело не станет.

Тут он подскочил к Кальву и нанес ему смертельный удар.

Торгрим сказал:

— Случилось то, чего и следовало ожидать, однако мы это так не оставим.

Хравн пришел домой и рассказал матери об убийстве. Она сказала, что как бы им не пришлось дорого за это заплатить.

— Теперь я могу лишиться сына, как раньше лишилась мужа, — сказала она. — Тебе надо уходить отсюда, потому что я не смогу тебе помочь.

Она вышла с ним во двор и отвела его в амбар. Там был большой подпол и в нем припасы и все необходимое. Он спустился туда и ни в чем не нуждался.

На следующее утро туда явился Торгрим и с ним двенадцать человек. А Гудрун за ночь собрала людей с ближайших дворов, так что у нее было больше народу, чем у Торгрима. Торгрим сказал:

— Мы ищем Хравна, твоего сына. Выдай нам его.

Гудрун отвечает:

— Неудивительно, что ты ищешь убийцу твоего сына, однако его здесь нет. Неужто ты считаешь, что у меня хватило бы силы или дерзости прятать его здесь, у тебя под самым носом!

Он отвечает:

— Я думаю, будь он здесь, ты не стала бы говорить об этом всем и каждому, а потому мы хотим обыскать твой двор.

Она отвечает:

— Меня еще никто не ставил на одну доску с ворами, и тебе не удастся учинить обыск, покуда народу у тебя меньше, чем у меня.

Тут она велит выйти своим людям. Торгрим сказал:

— Что ж, беззащитной тебя не назовешь.

Он уехал, так ничего и не добившись.

На следующее лето на альтинге Торгрим объявил Хравна вне закона. Как раз в это время в Хрутафьорде готовился к отплытию торговый корабль, принадлежавший норвежцам. Одного из них звали Эйнар, он был родом из Наумдаля, другого — Бьярни. Эйнар был человек богатый и хороший воин, он был большим другом конунга Магнуса Доброго. С ним на корабле находился его брат, Сигурд. Он был еще совсем молод и подавал большие надежды.

Торгрим, как только вернулся с тинга, не откладывая поехал на корабль. Купцы уже собирались выйти в море. Он сказал им:

— Знайте, что у меня здесь есть один человек, объявленный вне закона, зовут его Хравн, и я хочу предупредить вас, чтобы вы не перевозили его через Исландское море, если он вас об этом попросит.

Они ответили, что без труда смогут спровадить любого негодяя.

Немного погодя к кораблю пришли мать и сын и попросили Эйнара кормчего сойти на берег. Когда они встретились, Гудрун сказала:

— Я привела к вам моего сына, который попал в беду, хотя многие, вероятно, скажут, что он вел себя как настоящий мужчина. Но теперь, когда он объявлен вне закона, у меня не хватит силы защитить его от Торгрима, и потому я хочу, чтобы вы увезли его из страны. Я надеюсь, что вы примете его сторону и в ваших глазах будут иметь больший вес его уважаемые родичи в Норвегии и обстоятельства этого дела, чем жестокость и бесчестье Торгрима, который без всякого повода убил моего мужа, отца Хравна, и не понес за это никакого наказания.

Эйнар сказал:

— Этот человек не внушает нам доверия. Я против того, чтобы перевозить объявленных вне закона.

Тут Сигурд, его брат, сказал:

— С какой стати ты отказываешь ему? Неужто ты не видишь, что он человек многообещающий и смело отомстил за свои обиды? Иди лучше ко мне, Хравн, хотя я и не смогу оказать тебе такую же поддержку, как мой брат. Поднимайся скорей на корабль, дует попутный ветер, и мы уже отплываем. Что у тебя за родичи в Норвегии?

Хравн отвечает:

— Моя мать говорит, что Сигват скальд³⁵ приходится ей братом.

Сигурд сказал:

— Я думаю, родство с ним должно пойти тебе на пользу.

Тут он убрал сходни, затем подняли якорь, и корабль понесло прочь от берега. В этот момент Торгрим спустился на берег и сказал, обращаясь к купцам:

— Сдается мне, вы нарушили свое слово.

Сигурд сказал:

— Торгрим сейчас совсем близко, покажись-ка ему, Хравн.

Хравн вскочил на тюки с товарами и сказал:

— Он не настолько близко, чтобы я смог достать его секирой.

Тут Бьярни попросил отправить Хравна на берег. Сигурд сказал:

— Попади он против своей воли в лапы к Торгриму, я бы уж, верно, позаботился о том, чтобы кое-кто за это поплатился. Однако сейчас, я думаю, будет лучше поднять парус.

Так и сделали. Дул попутный ветер, и они приплыли в Транд-хейм.

III

Жил человек по имени Кетиль и по прозвищу Скала. Конунг посадил его в городе управляющим. Жену его звали Сигнью, а дочь Хельгой, она была хороша собой.

Когда купцы покинули корабль и отправились по домам, Эйнар сказал Хравну:

— Пожалуй, мне все же следовало бы тебе помочь, хотя я и не спешил с этим, как Сигурд. Если хочешь, я могу приискать тебе место для зимовки здесь, в городе, и внести за тебя плату. Мне это сейчас удобнее, чем взять тебя к себе.

Хравн сказал:

— Раз ты желаешь мне добра, я постараюсь не обмануть твоего доверия. Сам я ни с кем не собираюсь затевать ссору, но за оскорбления и обиды спуску давать не стану.

После этого они встретились с Кетилем, и Эйнар сказал:

— Поручаю тебе этого человека, обращай с ним хорошо. А ты, Хравн, заходи ко мне в любое время, когда вздумается.

Хравн жил у Кетилия. Он держался скромно и ни во что не вмешивался, однако был приветлив с теми, кто к нему обращался. Он подолгу беседовал с Хельгой, дочерью Кетилия. Тому это поначалу нравилось, потому что Хравн вел себя хорошо. Однако вскоре Кетиль к нему переменился: сам он был человек дурной и судил о других по себе. Тогда он стал выговаривать за это жене и дочери, говорил, что Хравн, мол, грубиян, работает спустя рукава, а с ними держит себя запанибрата. Они обе отвечали, что он держится, как подобает и ведет себя безупречно.

— Его манеры, — сказали они, — не изменились с тех пор, как ты к нему хорошо относился. Он человек воспитанный и учтивый.

Кетиль сказал, что они обе ослеплены им. Он не скрывал от Хравна своего нерасположения и даже сочинил про него язвительные стихи. Хравн делал вид, что ничего не замечает.

Как раз в это время в городе находились купцы, прибывшие с запада из-за моря. Они уже были готовы сняться с якоря. Однажды Кетиль пришел к ним и сказал, что был бы не прочь продать им своего раба. Им это предложение пришлось по вкусу. Кетиль сказал:

— Не стану вас обманывать: он человек лживый и к тому же имеет множество других недостатков. Советую вам поначалу обращаться с ним как можно строже.

Они заключили между собой еще много других сделок. После этого Кетиль пошел домой и сказал Хравну:

— Хочешь пойти со мной на корабль развлечься?

Хравн отвечает:

— Охотно, если ты в хорошем настроении.

Как только купцы увидали Хравна, они набросились на него и схватили его. Хравн отбивался, как умел, и спросил, что это за игра такая. Они ответили, что это он сейчас узнает. Тогда он поднатужился и сбросил их с себя. Они стали говорить, что этот раб что-то уж больно весел. Хравн отвечает:

— Еще бы, ведь, по мне, борьба — лучшая работа для раба, а мне едва ли раньше приходилось так славно поработать!

Тут он схватил одного из них и стал отбиваться им от других, пока тот не потерял сознания. А Кетиль тем временем повернул назад в город. Хравн нагнал его и нанес ему смертельный удар. Когда купцы увидели это, они поспешили отплыть, потому что испугались, как бы их не обвинили в убийстве.

Хравн объявил об убийстве. Потом он пошел в усадьбу Кетиля, нашел там мать и дочь и сказал им, что случилось такое, после чего они не захотят иметь с ним ничего общего. Они ответили, что для них это большое несчастье, но что они не считают его виновным. Они дали ему еду и одежду и посоветовали больше остерегаться гнева конунга, чем их. После этого он укрылся в лесах.

IV

Вскоре в город прибыл Магнус конунг и узнал о случившемся. Он разгневался и сказал:

— Слыханное ли это дело: исландцы станут приезжать сюда в страну с тем, чтобы убивать наших управляющих или сюслуманнов! Тот, кто это совершил, должен быть объявлен вне закона.

Эйнар из Наумдаля был тогда с конунгом. Он сказал:

— Иной человек, государь, своим поведением может навлечь на себя смерть.

Прошло немного времени, и вот, как-то раз, когда конунг был на соколиной охоте, случилось так, что его люди разошлись в разные стороны, и он остался один. Тут из лесу вышел рослый человек в меховом плаще и попросил его защиты. Конунг сказал:

— Неужто меня с тобой связывают какие-нибудь обязательства?

Тот отвечает:

— Никаких, разве что родичи мои — твои друзья, да еще твои великодушные, потому что не в твоём обычае отказывать тому, кто обращается к тебе за помощью.

Конунг сказал:

— На юге в Таускадале живет человек по имени Коль, туда и отправляйся. А сам-то ты кто будешь?

Тот отвечает:

— Прежде я был разбойником, но теперь хочу с этим покончить. А защиты я прошу потому, что у меня много врагов. Если вы и впрямь хотите отправить меня к Колю, то дайте мне какие-нибудь знаки, чтобы он меня принял, и тогда я останусь там на зиму.

Конунг сказал:

— Отправляйся туда, а я думаю быть там спустя неделю после пасхи.

С этими словами конунг снял с пальца золотое кольцо, надел его на наконечник копья и протянул ему, потому что тот человек стоял поодаль. Конунг сказал:

— Не знаешь ли ты, где скрывается Хравн, объявленный вне закона?

Тот отвечает:

— Государь, он, верно, станет искать встречи с Эйнараром из Наумдаля, твоим другом, тогда вы его и захватите.

Тут он снял кольцо с наконечника копья и исчез в лесу. Конунг сказал:

— На этот раз Хравну удалось меня провести.

Хравн пришел к Колю и показал ему конунговые знаки. Коль сказал:

— Удивительное дело: у тебя настоящие конунговые знаки, а ведь прежде вы с конунгом были врагами.

Хравн провел там зиму, и все его любили. Однако он не стал дожидаться прибытия конунга и ушел оттуда в субботу на пасхальной неделе. А когда конунг приехал, он сказал Колю:

— Где Хравн сын Гудрун? Мне нужно его видеть.

Коль отвечает:

— Его здесь уже нет, государь.

Конунг сказал:

— Это плохо. Пускай все знают, что он объявлен вне закона. И я считаю для себя большим оскорблением, чем совершенное им убийство, то, что он меня одурачил. Я назначаю за его голову награду в три марки серебром, и пускай никто не смеет за него просить.

Затем конунг направился с большим войском вдоль берега на юг в Данию, потому что в это время он воевал со Свейном сыном Ульва³⁶.

V

Спустя полмесяца после начала лета Хравн вышел из лесу к морю и увидел большой флот. Он пошел на берег к тому месту, где слуги готовили еду, осторожно приблизился к ним и спросил:

— Кому принадлежат эти корабли?

Они ответили:

— Ты, верно, невежда или дурак. Магнус конунг стоит здесь и ждет попутного ветра, чтобы плыть в Данию.

Хравн спросил:

— А кто из знатных людей сейчас с конунгом?

Они сказали, что здесь Эйнар из Наумдаля, конунгов друг, и Эйнар Тетива с тринадцатью кораблями, а Сигват скальд находится с конунгом на корабле.

Хравн сказал:

— Передайте Сигвату, что на берегу его ждет один человек по важному делу.

Они так и сделали. Хравн тем временем дожидался на опушке леса. Сигват подошел к нему и сказал:

— Кто этот рослый человек?

— Хравн его имя, — говорит тот. Сигват сказал:

— Уходи отсюда. У меня нет охоты получать награду за твою голову и я не собираюсь тебя выдавать.

Хравн отвечает:

— Можно поступить и иначе. Говорят, ты равнодушен к деньгам, а я не слишком дорожу своей жизнью; и потом — многие взяли бы за большую работу и за меньшее вознаграждение. Впрочем, даже если ты меня выдашь, как бы ни длинна была конунгова секира, ей все равно не достать до меня в лесу. Однако это будет к твоей чести, если ты захочешь помочь мне, потому что ты — брат моей матери.

Тот отвечает:

— Я признаю наше родство, однако я вряд ли смогу помочь тебе. Подожди меня здесь.

Хравн отвечает:

— Я предпочитаю пойти с тобой на корабль. Пусть уж меня лучше убьют там в твоём присутствии. И это — самое малое, что ты мог бы для меня сделать.

Сигват отвечает:

— Трудный ты человек. Я вовсе не собираюсь подставлять тебя под меч, потому что ничем другим это бы не кончилось, даже если бы я мог прибегнуть к силе и заступничеству всех, кто находится в этом месте. Сделай, как я сказал: жди меня здесь, пока я встречу с моими друзьями.

Хравн отвечает:

— Я поступлю, как ты просишь, но долго ждать не стану и вскоре последую за тобой. Нечего медлить, коли решился принять смерть.

Сигват встретился с Эйнаром из Наумдаля и сказал:

— Плохие новости, друг. Сюда явился Хравн и собирается сдаться своим врагам. Можешь ли ты мне чем-нибудь помочь?

Тот отвечает:

— Неудачливый он человек, и все же наш долг спасти его от гибели, однако не станем же мы сражаться из-за него с конунгом. У нас для этого недостаточно силы, да и конунг едва ли когда-нибудь захочет вновь прибегнуть к нашей поддержке, если мы теперь выступим против него.

Затем Сигват пришел к Эйнару Тетиве и сказал:

— Могу ли я рассчитывать на твою помощь, Эйнар?

Тот отвечает:

— В чем дело?

Сигват сказал:

— Здесь Хравн, мой родич.

Эйнар сказал:

— Я не собираюсь сражаться из-за него с конунгом. Мне уже однажды случилось поддерживать человека, который был не в ладах с конунгом, и из-за этого я чуть было сам не потерял его расположения. Мы с Эйндриди стоим во главе тринадцати кораблей и намерены биться с датчанами вместе с конунгом. Скажи этому человеку, чтобы он убирался отсюда, и пускай не вздумает появляться на нашем корабле, если не хочет быть убитым. Я знаю нрав Магнуса конунга: он скорее откажется от нашего войска, чем станет терпеть наше неповиновение.

Пока они так разговаривали, Эйнар из Наумдаля сошел на берег, встретился с Хравном и сказал:

— Послушайся моего совета, приятель, не навлекай на нас всех беду. Отправляйся на север в Хит в мою усадьбу, там тебе помогут.

Хравн отвечает:

— Прежде я хочу повидаться с Сигватом.

Эйнар ушел, а немного погодя туда пришел Сигват. Хравн сказал:

— Ну что, можно рассчитывать на поддержку хёвдингов?

Тот отвечает:

— Не думаю. Похоже, что нет тебе удачи. Что ты теперь собираешься предпринять?

Он отвечает:

— То, что уже говорил: пойду с тобой на конунгов корабль.

Сигват сказал:

— Почему ты так торопишься умереть?

Хравн отвечает:

— Потому, что, по мне, лучше умереть, чем навлечь конунгов гнев на всех, кто был со мною связан. А этого не миновать, если он узнает, что вы меня прятали.

Сигват отвечает:

— Сказано смело. Однако я возлагаю надежду на того, кто никогда еще не отказывал в помощи, — на святого Олава конунга.

После этого он стал молиться Олаву конунгу. Затем они пошли на конунгов корабль. Магнус конунг спал на своем месте на корме и пробудился как раз тогда, когда Сигват с Хравном проходили мимо. Он вскочил и закричал:

— Вставайте мои люди! Дует попутный ветер, и в Дании нас ждет победа.

Все взошли на свои корабли, поспешно снарядились и отчалили. Когда они приплыли в Данию, люди высадились на берег. Там их ждало большое войско датчан и завязалась жаркая битва. Магнус конунг был впереди своего войска, а Хравн сын Гудрун шел впереди конунга и храбро сражался, но ни один человек не перемолвился с ним ни словом. В этой битве некоторые видели в войске Магнуса конунга святого Олава конунга. В тот день конунг одержал славную победу.

VI

Вечером они возвратились к кораблям и возблагодарили Бога за победу. А когда они взошли на корабль, конунг сказал:

— Где Хравн? Скажите ему, чтобы он пришел ко мне и больше не прятался.

Эйнар и Сигват сказали конунгу:

— Вы могли бы, государь, даровать ему пощаду за его храбрость.

Конунг отвечает:

— Этого я пока не могу обещать, но я хочу его видеть.

Тогда Эйнар из Наумдаля пошел к Хравну и сказал:

— Теперь тебе придется предстать перед конунгом. Советую тебе разговаривать с ним почтительно, но смело и на все его вопросы отвечать правдиво и ясно.

Хравн явился к конунгу и приветствовал его. Конунг сказал:

— Почему ты, Эйнар, помог уехать из Исландии человеку, объявленному вне закона?

Тот отвечает:

— Государь, потому что он был объявлен вне закона за то, что отомстил за своего отца, который был убит без всяких на то оснований.

Конунг сказал:

— За что ты убил Кетиля, Хравн?

Тот отвечает:

— За то, государь, что он сочинил обо мне хулительные стихи, а потом продал меня в рабство. Однако после того, как я его убил, я сочинил о нем краткую поминальную песнь, правда, она мне не вполне удалась.

— Давайте-ка ее послушаем, — сказал конунг.

— Как вам будет угодно, государь, — сказал Хравн, — но тогда вам придется выслушать и другую песнь.

Конунг сказал:

— Что еще за песнь?

— Она сочинена о вас, — сказал Хравн.

— Ну что ж, говори, — сказал конунг.

Хравн произнес обе песни, а когда он кончил, конунг сказал:

— И правда, эти песни неодинаковы по достоинству. Почему же ты сочинил обо мне такую хорошую песнь, когда я хотел тебя убить?

— Потому что ты достоин хорошей песни, — говорит Хравн.

Конунг сказал:

— Зачем ты подошел ко мне в лесу?

Хравн отвечает:

— Потому что я ожидал удачи от встречи с вами, и так оно в конце концов и вышло. А до того мне приходилось очень нелегко в чужой стране и не от кого было ждать помощи, и к тому же я попал в беду, убив могущественного человека, хотя, как я считаю, у меня были на то причины.

Конунг сказал:

— Ну что ж, мы выяснили все обстоятельства твоего дела. А теперь я расскажу о том, что случилось со мной. Когда я спал на кораб-

ле, мне явился Олав конунг, мой отец и обратился ко мне с гневной речью: «Вот ты лежишь тут, Магнус конунг, и у тебя одна забота: как бы убить родича моего скальда из-за какой-то безделицы, и это — вместо того, чтобы подумать о том, как одержать славную победу над твоими врагами датчанами, а ведь уже задул попутный ветер. Будь милостив ко всем, кто сейчас находится на корабле, или тебя ждет возмездие в этом мире и не будет тебе удачи». А как только я проснулся, я увидел как вы оба, Сигват и Хравн, проходили мимо, и тогда я еще больше устранился предостережения моего отца, так что мне уже было не до убийства Кетиля или других проступков Хравна. А теперь, добро пожаловать к нам, Хравн, ибо этого хочет мой отец, а в качестве возмещения за то, что я плохо с тобой поступил, я даю тебе в жены Хельгу дочь Кетиля и с нею большое приданное.

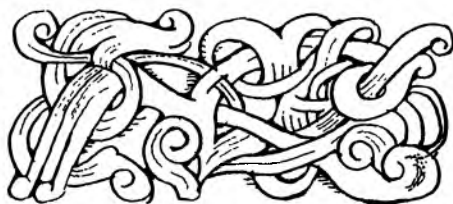
Хравн отвечает:

— Я с благодарностью принимаю это. Но летом я бы хотел поехать в Исландию, с тем чтобы освободиться от обвинения, а затем не задерживаясь поспешу к вам. Если все будет в порядке, я обернусь этим летом.

Конунг просил его так и сделать. Тогда Сигват скальд рассказал конунгу о том, как он обратился с молитвой к Олаву конунгу, чтобы тот помог Хравну, когда он не смог найти поддержки у своих друзей. Конунг сказал:

— Высоко же ценит мой отец твою дружбу, если он и теперь, как и прежде, когда он еще жил в этом мире, помогает тебе во всем, с чем бы ты к нему ни обратился.

Хравн уехал в то же лето в Исландию и приехал как раз на альтинг. Там его дело было быстро улажено. После этого он уехал из страны вместе с матерью. Хравн взял в жены Хельгу, и конунг дал им большие владения. С тех пор Хравн никогда не расставался с Магнусом конунгом, пока конунг был жив. Хравна считали достойным человеком. И здесь кончается рассказ о нем.

ПРЯДЬ О ГИСЛЕ СЫНЕ ИЛЛУГИ

I

Во времена правления Магнуса конунга³⁷ приехал из Исландии в Норвегию человек по имени Гисл. Он был сыном Иллуги сына Торвальда, сына Тинда. Тинд был братом Иллуги Черного. Гислу было семнадцать лет, когда он отправился в Норвегию. Он вел себя скромно и был молчалив. Он нанялся к одному знатному человеку, звали его Хакон из Форборди. Всю зиму Гисл почти ничего не ел и не пил и был всегда невесел. Как-то раз Хакон сказал Гислу:

— Я наблюдал за тобой и заметил, что у тебя всегда угрюмый вид. Похоже, ты обдумываешь что-то важное или решился на немалое дело. Скажи мне, что у тебя на уме, и каково бы ни было это дело, я сохраню его в тайне. Однако мне вряд ли понравится, если ты не захочешь мне открыться и отправишься отсюда совершать великие подвиги.

Гисл отвечает:

— Твоя правда, и я скажу тебе все как есть. Имя этого человека Гьяввальд, и как мне говорили, он теперь конунгов дружинник. Гьяввальд участвовал в убийстве моего отца вместе с Тормодом сыном Колли, своим тестем, там, в Исландии, и у меня на глазах нанес ему смертельную рану. Я затем и приехал в Норвегию, что решил отомстить за отца или погибнуть.

— Безнадежная это затея, — говорит Хакон, — потому что Гьяввальд — ближайший человек Магнуса конунга и чужестранцу вряд ли удастся до него добраться. Но я не стану тебе мешать.

Магнус конунг сидел в эту зиму в Нидаросе, и Гьяввальд находилсь при нем в большом почете. Гисл отправился в город и по совету

Хакона, своего хозяина, пошел на такую хитрость: он облил себе лицо горячим воском и дал ему застыть. От этого его лицо казалось обезображенным. Он подстерегал Гьяввальда, но ему все не представлялось удобного случая.

II

Как-то раз в субботу рано поутру Гисла остановил на улице сильный шум. Он увидел, что едет Магнус конунг, а с ним большая свита. Был там и Гьяввальд. Тут из одного двора вышла женщина с ребенком на руках, это была Хельга дочь Тормода, жена Гьяввальда. Она окликнула его, и он направился к ней, а конунг со свитой проследовал дальше. Потом Гьяввальд пошел по улице с каким-то человеком. Тут Гисл подбежал к нему и нанес удар. Удар пришелся в плечо, рука повисла, но не отскочила. Гьяввальд обернулся, и тогда Гисл нанес удар в другое плечо, и эта рана была такая же как и первая. Гьяввальд упал. Гисл побежал вниз, к причалам, туда, где стояла лодка, груженная бревнами. Владельца лодки звали Торстейн, это был низкорослый исландец. Гисл вскочил в лодку к Торстейну, так что бревна попадали за борт, и принялся грести к Бакки. Когда они оказались на середине реки, Гисл поднялся и прокричал в сторону причалов:

— Объявляю, — сказал он, — что это я нанес раны Гьяввальду, дружиннику Магнуса конунга, если он ранен, и я убил его, если он убит. Готовым-к-Убийству звался я утром, а вечером, надеюсь, буду зваться Необреченным.

Затем они пристали к берегу у Бакки и Гисл бежал на сушу.

Тут в городе затрубили и бросились искать его на кораблях и на суше. Его нашли в мелких зарослях и отвели в город. Конунговы люди обвинили Торстейна в том, что он перевез Гисла через реку, и сказали, что он де также заслуживает смерти. Тогда Гисл сказал:

— Не обвиняйте его в том, в чем нет его вины.

Проходя мимо Торстейна, Гисл подхватил его. Тот был настолько мал ростом, что едва доставал ему до подмышек. Гисл подбросил его вверх одной рукой и сказал:

— Судите сами, — говорит он, — мог ли этот бедняга защитить от меня свою лодку, когда я подбрасываю его в воздух, как ребенка. Отпустите его с миром, потому что он невиновен.

Они так и сделали и сказали, что Гисл говорил хорошо и как подобает мужу.

Гисла заключили в оковы, которые повелел изготовить Харальд конунг сын Сигурда, и никому еще не удавалось из них освободиться. Он сидел в подземелье под надзором одной женщины. В городе тогда собралось множество народу. Там было три исландских корабля. Одним правил Тейт, сын Гицура епископа; был там также Йон Священник сын Эгмунда³⁸, который потом стал епископом в Холаре. В городе было не меньше трех сотен исландцев.

Магнус конунг был вне себя от ярости. Он сидел вместе с городским епископом; там находился и Йон Священник, он был другом епископа. Конунг сказал, что Гисл должен быть убит, и в этот момент колокол возвестил о начале праздника. Конунг сказал:

— Как, уже третий час? Взгляните-ка на солнце!

Так и сделали, и оказалось, что было только начало третьего часа³⁹. Епископ сказал:

— Государь, хоть этот человек и содеял немалое, по случаю праздника ему бы следовало даровать пощаду.

Конунг сказал:

— Это ваша уловка, однако вы рассудили против моей воли.

— Вовсе нет, государь, — говорит епископ, — вам решать, как с ним поступить.

Затем собрались исландцы. Там было много родичей и друзей Гисла; они обсуждали это дело и советовались, что предпринять. Они были в большом затруднении и так ни о чем и не договорились.

III

Наступило воскресенье, и конунгу передали, что Гьяввальд хотел бы с ним увидеться. Конунг пришел к нему. Гьяввальд сказал:

— Я хочу, государь, привести в порядок мои дела, потому что не знаю, сколько мне еще отпущено времени. Я хотел просить вас даровать Гислу пощаду. Он храбро отомстил за своего отца.

— Не стоит на это рассчитывать, — говорит конунг.

Гьяввальд сказал:

— Ты знаешь, конунг, что я долгое время следовал за тобой повсюду и не раз рисковал своей жизнью ради твоей. Я всегда с готов-

ностью выполнял все поручения, какие ты на меня возлагал, хороши они были или плохи, и теперь, может статься, это наша последняя встреча. Я уже беседовал со священниками и поведал им о своих делах, и причастился. Они говорят, что я смогу заслужить спасение, если прошу то зло, которое причинили мне. И я ожидаю, государь, что ты не станешь преграждать мне путь в царствие небесное тем, что предашь смерти этого человека.

— Будь по-твоему, — говорит конунг. Он ушел, а Гьяввальд вскоре умер.

IV

В понедельник рано поутру исландцы держали совет. Тейт сказал:

— Не много нам чести, если наш земляк и достойный собрат будет убит, однако все мы видим, что любой, кто ввяжется в это дело, рискует и жизнью своей, и имуществом. Предоставим конунгу решать, и если не удастся сохранить жизнь этому человеку, то пускай и мы все умрем, а нет — так всем будет дарована пощада. Мы должны выбрать своего вожака и слушаться его.

Они все высказались за то, чтобы он стал их предводителем, а они будут следовать его советам. Он сказал:

— В таком случае вы все должны поклясться мне в том, что не станете жалеть ни себя, ни своего добра ради того, что я сочту нужным предпринять в этом деле.

Они так и сделали.

Потом они пошли в баню, и тут затрубили в рог. Тейт тотчас же выскочил из бани. Он был в рубахе и полотняных штанах, лоб ему обхватывал золотой шнурок, а поверх рубахи изнанкой наружу накинута был двцветный плащ на сером меху, алый с коричневым.

Сбежались все исландцы, однако, когда трубят на сходку, всегда проходит какое-то время, прежде чем соберется народ. Тейт сказал:

— Пойдем не мешкая к дому, где сидит Гисл, чтобы подоспеть туда раньше конунговых людей.

Они двинулись по улице с большим шумом, а у той женщины окно как раз выходило на улицу. Она выбежала поглядеть и сказала Гислу:

— Большое несчастье, что ты здесь, потому что сюда идут люди конунга.

Гисл отвечает:

— Не будем из-за этого горевать, хозяйка.

Он сказал тогда такую вису:

*Вешать нос до срока
скальд не станет, — сталью
ноги нам нагреют —
хоть сулят расправу.
Смерть не диво, дева,
древо сечи⁴⁰ хочет
подвиг свой восславить
висой напоследок.*

Тут они принялись рубить дверь, и она с треском разлетелась. Люди увидели, что Гисл слегка шевельнулся. Тейт сбил с него оковы, взял его в свой отряд и они отправились на сходку. А навстречу им шел Сони Предводитель Гостей⁴¹. Он шел забрать Гисла. Он сказал:

— Вы, исландцы, не теряли времени даром. Сдается мне, что вы решили сами вершить суд над этим человеком. Но конунг и его люди хорошо помнят, что вы натворили нынче утром, а Магнус конунг не прощал и меньших оскорблений, чем убийство его дружинника этим салоедом.

V

Когда начался тинг, первым поднялся Сигурд Шерстяная Нитка. Он сказал:

— Я полагаю, большинству присутствующих известно, что убит наш товарищ по оружию, Гьяввальд. Приехал из Исландии человек с обвинением против него, но не стал требовать себе возмещения, как поступают другие, а взял и убил его. Нам, людям конунга, кажется, что иные считают пустяком перебить по одному всех конунговых дружинников. Может статься, со временем они так расхрабрятся, что и с самим конунгом будут считаться не больше, чем с другими. То, что здесь произошло, — большой позор и заслуживает жестокой кары, и это дело не поправить, даже если за одного нашего человека убить десятерых исландцев и так наказать их за дерзость, чтобы им

впредь неповадно было захватывать людей, находящихся во власти конунга.

И он умолк. Тогда встал Тейт, сын епископа, и сказал:

— Не разрешит ли конунг теперь мне взять слово?

Конунг спросил у человека, стоявшего рядом:

— Кто этот человек?

Тот отвечает:

— Государь, это Тейт, сын епископа.

Конунг сказал Тейту:

— Ни в коем случае не разрешу я тебе говорить, потому что от твоих речей не приходится ждать ничего хорошего, и ты заслужил, чтобы тебе отрезали язык.

Тогда встал Йон Священник, сын Эгмунда, и сказал:

— Не разрешит ли конунг мне сказать несколько слов?

Конунг спросил:

— Кто теперь говорит?

Тот человек отвечает:

— Исландский священник Йон.

Конунг сказал:

— Разрешаю тебе говорить.

Йон Священник начал свою речь так:

— Благодаренье Богу, эти страны стали христианскими, и Норвегия, и Исландия, ибо прежде бродили вперемешку и люди, и демоны, а нынче дьявол остерегается показываться нам на глаза. Теперь он использует людей для исполнения своих замыслов. Вот и сейчас, как все мы слышали, он говорил устами того, кто здесь только что выступал. Уже был убит один человек, а он убеждает нас, что нужно убить еще десятерых. Я думаю, такие люди многого добьются своими дурными делами и злыми уговорами, если захотят отвлечь хёвдингов от справедливости, милосердия и прочих добрых привычек и станут подстрекать и подбивать их творить жестокости и злодеяния, дабы порадовать врага рода человеческого убийством крещенных людей. А ведь мы, государь, такие же верные тебе люди, как и те, что живут в этой стране. Следовало бы вам, правителям, которые сидят в этом мире и вершат суд над народом, подумать о том, что вы представляете на земле того Судию, который придет в Судный день вершить суд над всем миром. И теперь, государь, в вашей

власти вынести правый приговор и остеречься выносить неправый, ибо на всякий тинг и на всякую сходку является сам всемогущий Господь со своими святыми. Бог посещает добрых людей и правый суд, а дьявол приходит со своими слугами к дурным людям и на неправый суд, и можно не сомневаться, что придет Судья, который рассудит обе стороны по справедливости. Подумайте-ка теперь, государь, какой огонь горит жарче и дольше, тот ли, что разведен в печи, когда жгут дубовое полено, или тот, что зажжен от сухой ветки. Так вот, если ты, конунг, будешь вершить неправый суд, то быть тебе брошенным в тот огонь, где горит дубовое полено, но если ты рассудишь по справедливости, то можно надеяться, что ты очистишься в том огне, что зажжен от сухой ветки.

Так окончил Йон Священник свою речь. Конунг сказал:

— Сурово ты говорил, священник.

Однако не было заметно, чтобы он был сильно рассержен. Тогда встал Гисл и сказал:

— Не позволишь ли, конунг, и мне сказать несколько слов?

Конунг спросил, кто говорит. Ему сказали.

— Я не стану тебе препятствовать, — говорит конунг. Гисл сказал:

— Я хочу рассказать о том, что отец мой был убит, и это дело рук Гьяввальда и Тормода. Мне тогда было шесть лет, а Торвальду, брату моему, девять. Мы оба присутствовали при убийстве моего отца. Гьяввальд тогда сказал, что и нас, братьев, также следует убить. И не очень-то достойно мужчины рассказывать о том, государь, что мне тогда трудно было сдерживать слезы.

Конунг сказал:

— Однако ты их мужественно проглотил.

Гисл сказал:

— Сказать по правде, государь, этой весной я долго подстерегал Гьяввальда, и дважды был совсем близок к цели. В первый раз дело кончилось ничем из-за моего почтения к церкви, а в другой раз мне помешал колокольный звон. И теперь я думаю, что колокольный звон может спасти мне жизнь. Однако я сочинил о вас хвалебную песнь и хотел бы ее исполнить.

Конунг сказал:

— Говори, если хочешь.

Он исполнил песнь с достоинством, однако в ней было немного искусства. Потом Гисл сказал Тейту:

— Вы отнеслись ко мне с большой добротой, но теперь я не хочу дольше подвергать вас опасности. Я хочу отдать себя во власть Магнуса конунга и подчиниться его воле.

— Поступай как знаешь, — говорит Тейт.

Гисл снял с себя оружие, подошел к конунгу, положил голову к нему на колени и сказал:

— Делайте теперь с моей головой, что хотите. Однако я буду благодарен, если вы даруете мне жизнь и сделаете меня таким человеком, каким пожелаете.

Конунг отвечает:

— Сам будь хозяином своей голове. Садись за стол на место Гьяввальда, ешь и пей, и исполняй ту же службу, что выполнял он прежде. Я поступаю так по просьбе Гьяввальда, моего друга. А теперь я вызываю восьмерых исландцев быть поручителями в этом деле. За убийство Гьяввальда я назначаю штраф в шестнадцать марок золотом. Половину должен уплатить ты, а другую половину пусть уплатят по марке поручители.

Они поблагодарили конунга и на том уладили это дело. Потом конунг обратился к Йону Священнику:

— Мне понравилась твоя речь, ты говорил от Божьего имени, и я хотел бы, чтобы ты за меня молился, потому что твои молитвы имеют большой вес у Господа, ибо я верю, что ты поступаешь так, как угодно Богу.

Тот пообещал конунгу молиться за него.

Однажды, когда Йон Священник шел по улице, к нему обратился какой-то человек:

— Зайди в этот дом, — сказал он, — с тобой хочет увидеться Сигурд Шерстяная Нитка.

Он так и сделал. Сигурд сказал:

— Не знаю, священник, в чем тут дело, однако твои слова пошли мне во вред, и я заболел. Я хочу, чтобы ты прочел надо мной молитвы.

Он так и сделал и благословил его. Тогда Сигурд сказал:

— Многое могут сотворить слова твои, и суровые, и добрые, потому что мне уже полегчало.

Сигурд дал Йону Священнику богатые подарки, и они расстались друзьями. Этот Сигурд основал мужской монастырь на Нидархольме и передал ему большие владения.

После этого Йон Священник и Тейт, сын епископа уехали в Исландию. Тейт сделался большим человеком, но прожил недолго, а Йон Священник стал епископом в Холаре и теперь считается святым.

ПРЯДЬ О ПИВНОМ КАПЮШОНЕ

I

Жил человек по имени Торхалль. Он жил в Синих Лесах⁴² в Жилище Торхалля. Был он человек зажиточный и уже в летах, когда случилась эта сага. Торхалль был невелик ростом, безобразен и не особенно сноровист, однако искусен в работе по железу и дереву. Он жил тем, что варил пиво на тинге, и благодаря этому скоро стал известен всем знатым людям, потому что это они большей частью покупали у него пиво. Случилось же так, как нередко бывает, что и пиво, и те, кто им торговали, не всем приходились по вкусу. Торхалля нельзя было назвать расточительным, был он скорее скуп. Он плохо видел и у него вошло в привычку покрывать голову меховым капюшоном. Так он всегда и ходил на тинге, и оттого, что он не был именитым человеком, люди прозвали его Пивным Капюшоном. Это прозвище к нему и пристало.

Однажды осенью Пивной Капюшон как обычно отправился в свой лес нажечь угля. Лес тот находился за Скалой Хравна, к востоку от Длинного Склона. Там он провел несколько дней, добывая уголь. Как-то раз ночью сидел он над ямами, в которых горели стволы деревьев, и не спал. А когда ночь подошла к концу, он уснул. И вот огонь поднялся из ям и перекинулся на соседние ветки, и они тотчас же загорелись. Вскоре огонь перешел на лес, и он запылал. Тут подул сильный ветер. Пивной Капюшон проснулся и обрадовался своему спасению.

Пламя охватило лес. Сперва сгорел тот лес, которым владел Пивной Капюшон, но потом огонь перекинулся на другие леса, и они были выжжены дотла. Теперь это место зовется Выжженная Пустошь.

Сгорел там и лес, который назывался Лес Годи. Им владели сообща шесть годи⁴³. Один из них был Снорри Годи, другой Гудмунд сын Эйольва, третий Скафти Законоговоритель⁴⁴, четвертый Торкель сын Гейтира, пятый Эйольв сын Торда Крикуна, шестой Торкель Бахрома, сын Рыжего Бьёрна. Они купили этот лес, чтобы использовать его для своих нужд на тинге.

Потом Пивной Капюшон возвратился домой, а слух о пожаре разнесся по округе. Первым из тех, кто понес убытки, об этом прослышал Скафти. Осенью он послал весть на север в Островной фьорд с людьми, которые ездили из одной местности в другую, и велел сказать Гудмунду о сожжении леса, а еще о том, что дело это прибыльное. Такое же известие он отправил на запад людям, которые владели лесом. За зиму весть облетела их всех, и было решено, что шестеро годи встретятся на тинге и будут действовать сообща, а Скафти тем временем возбудит дело, потому что он живет неподалеку.

Когда наступила весна и подошли дни вызова в суд⁴⁵, Скафти поехал с большим отрядом и вчинил Пивному Капюшону иск о сожжении леса. Он потребовал, чтобы тот был объявлен вне закона⁴⁶. Пивной Капюшон вспылил, стал хвастать и говорить, что у Скафти, верно, поубавится спеси, когда на тинг приедут его друзья. Скафти ничего на это не ответил и уехал.

Летом на тинг прибыли шестеро годи, владевшие лесом, и не откладывая держали совет. Они договорились начать тяжбу и вести ее так, чтобы получить как можно больше выгоды, или добиться того, чтобы самим выносить решение по этому делу.

Пивной Капюшон приехал на тинг и привез пиво на продажу. Он встретился со своими друзьями и постоянными покупателями и попросил у них поддержки, предложив им купить пива, однако все они в один голос отвечали, что прежде уже заключали с ним сделки, но никакой выгоды от этого не имели, и еще говорили, что не хотят рисковать и ссориться из-за него с такими могущественными людьми. Никто не захотел ни поддержать его, ни торговать с ним. Решил он, что совсем плохо дело. Тогда он пошел по землянкам, но никакого ответа не получил, хотя и просил людей о поддержке. Пришел тут конец его заносчивости и дерзости.

Как-то раз Пивной Капюшон зашел в землянку Торстейна, сына Халля с Побережья⁴⁷, и попросил у него помощи. Торстейн дал ему тот же ответ, что и другие.

II

Одного человека звали Бродди сын Бьярни, он был шурином Торстейна и сидел рядом с ним. Бродди было тогда двадцать лет. Когда Пивной Капюшон вышел из землянки, после того как Торстейн отказал ему в помощи, Бродди сказал:

— Сдается мне, зять, что этот человек не заслуживает изгнания, и мало чести тем, кто так заносится, что вчинил ему иск. Я думаю, ты согласишься, что было бы благороднее оказать ему поддержку.

Торстейн отвечает:

— Помогай ему, коли тебе так хочется, а я тебя в этом поддержу, как и во всем другом.

Бродди поручил одному человеку привести Пивного Капюшона. Тот вышел и увидел его у стены землянки. Он стоял там и жалобно плакал. Человек пригласил Пивного Капюшона в землянку и приказал перестать плакать:

— И не вздумай хныкать, когда войдешь к Торстейну.

Пивной Капюшон заплакал от радости и поступил, как ему было велено.

Когда они предстали перед Торстейном, Бродди сказал:

— Торстейн, мне кажется, не прочь тебя поддержать и он считает, что дело это вздорное. Не мог же ты спасать чужие леса, когда сжег свой.

Пивной Капюшон спросил:

— Кто этот видный человек, что сейчас говорит со мной?

— Зовут меня Бродди, — отвечает тот.

Тогда Пивной Капюшон сказал:

— Уж не Бродди ли ты, сын Бьярни?

— Так и есть, — говорит Бродди.

— Ты и выглядишь благороднее других, — сказал Пивной Капюшон, — и имеешь на то основания.

Тут он разговорился и совсем осмелел.

— Пора тебе, Бродди, помочь ему, раз ты так решил, — сказал Торстейн, — а то, что-то уж больно он тебя расхваливает.

Бродди поднялся, и с ним много людей, и вышел из землянки. Он отвел Пивного Капюшона в сторону и поговорил с ним с глазу на глаз. Затем они направились на поле тинга. Там собралось много народу, все они были на лёгретте. А когда люди разошлись, Гудмунд и Скафти остались сидеть и толковать о законе. Бродди и его спутники бродили по полю тинга, а Пивной Капюшон отправился на лёгретту. Он упал на землю, подполз к их ногам и сказал:

— Я счастлив, что повстречал вас, знатные люди и милостивые хёвдинги! Может быть вы не откажете мне в помощи, добрые люди, хотя я и недостоин этого, потому что без вашей поддержки мне конец.

Долго пересказывать все, что говорил Пивной Капюшон, а держал он себя как самый ничтожный человек. Гудмунд сказал, обращаясь к Скафти:

— Жалок этот человек.

Скафти отвечает:

— Куда же подевалось твое высокомерие, Пивной Капюшон? Не думал ты весной, когда мы вчиняли иск, что тебе придется просить меня разрешить нашу тяжбу⁴⁸. Видно, мало тебе было проку от поддержки хёвдингов, которой ты мне тогда грозился.

Пивной Капюшон говорит:

— Был я тогда не в себе, и что всего хуже, не хотел, чтобы ты сам нас рассудил. А о хёвдингах и говорить нечего: стоит им только вас завидеть, как они все становятся малодушными. Счастлив буду я, если вы возьметесь разрешить мое дело. Могу ли я только на это надеяться? Ведь ты, Скафти, должно быть, так на меня разгневался, что теперь и не захочешь за это браться. До чего же я был глуп и неразумен, когда ответил отказом на твое предложение, а теперь я не осмеливаюсь показаться на глаза свирепым людям, которые наверняка убьют меня, если вы оба за меня не заступитесь.

Он все твердил одно и то же и говорил, что почтет за счастье, если они сами возьмутся рассудить их тяжбу:

— Сдается мне, что сохраннее всего моим деньгам будет у вас.

Гудмунд сказал, обращаясь к Скафти:

— Не думаю, что он заслуживает изгнания. Не пойти ли нам ему навстречу, позволив самому выбрать людей для ведения тяжбы? Не знаю только, как на это посмотрят другие истцы.

— В таком случае, добрые люди, — говорит Пивной Капюшон, — вы не откажете мне потом в своей защите.

Скафти сказал:

— В моей власти покончить с этим делом, ибо я его возбудил. Так и поступим, Пивной Капюшон: мы с Гудмундом возьмем все на себя и сами вынесем решение, и тем прекратим тяжбу. Думаю, это пойдет тебе на пользу.

Пивной Капюшон поднялся и они подали друг другу руки. После этого Пивной Капюшон назвал одного за другим свидетелей, и те подошли. Первыми Пивной Капюшон назвал Бродди и его спутников.

Скафти сказал:

— Ответчик пригласил нас с Гудмундом рассудить это дело, и хотя все мы, потерпевшие ущерб, договорились, что сами сообщаем вынесем по нему решение, мы с Гудмундом охотнее других готовы взять это на себя, если только Торхалль согласится. Вы — свидетели, что дело это требует уплаты штрафа, а не изгнания. Ударим по рукам, и я объявляю об окончании тяжбы, которую я начал весной.

После этого они ударили по рукам.

Тогда Скафти сказал Гудмунду:

— Не покончить ли нам на месте с этим делом?

— Твоя правда, — ответил Гудмунд. Пивной Капюшон сказал:

— Не стоит так спешить, ведь я еще не решил, кого мне выбрать — вас или других.

Гудмунд сказал:

— По нашему соглашению выносить решение должны мы, если только ты не выберешь для этого кого-нибудь другого из числа тех, кто вместе с нами вчинил тебе иск.

Пивной Капюшон отвечает:

— Не о том ли я хлопотал все это время, чтобы судили не они? Однако когда мы ударили по рукам, было решено, что те двое, кого я назову, будут выбраны по моему усмотрению.

Спросили у свидетелей. Люди Гудмунда и Скафти стали спорить, что был такой уговор, но Бродди и его спутники подтвердили, что так и было условлено и что Пивной Капюшон сам должен назначить людей, чтобы те вынесли решение.

Тогда Скафти сказал:

— Что за этим кроется Пивной Капюшон? Я вижу ты уже не поджимаешь хвост, как прежде. Кому же ты намерен поручить рассудить нас?

Пивной Капюшон сказал:

— Не долго стану я раздумывать. Я выбираю Торстейна сына Халля, и Бродди сына Бьярни, его шурина, и думаю, что это больше пойдет на пользу делу, чем ваше вмешательство.

Скафти сказал, что по его мнению дело и так обстоит не плохо, кто бы его ни решал:

— Потому что дело наше ясное и правое, а у них достанет ума понять, что с тобой нужно поступить по всей строгости закона.

Пивной Капюшон присоединился к спутникам Бродди, и люди разошлись по землянкам.

III

На следующий день должно было быть вынесено решение. Торстейн и Бродди держали совет. Торстейн хотел присудить к уплате большего штрафа, но Бродди сказал, что поступить надо так, как считает он, и что он сам вынесет решение. Бродди предложил Торстейну на выбор — либо обнародовать решение, либо держать ответ, если кто-нибудь станет возражать. Торстейн предпочел объявить приговор, чем препираться с годи. Затем Торстейн сказал, что Пивному Капюшону недолго осталось ждать решения своей участи и что он должен будет уплатить всю сумму сполна у Скалы Закона. После этого они отправились к Скале Закона, и когда было произнесено все, что следует согласно судебному обычаю, Торстейн сын Халля, спросил, здесь ли годи, вчинившие иск Пивному Капюшону.

— Мне было сказано, что мы с Бродди должны рассудить это дело. Сейчас мы объявим решение, если вы готовы его выслушать.

Те сказали в ответ, что надеются услышать справедливый приговор.

Тогда Торстейн сказал:

— Сдается нам, что невелика была цена вашему лесу. Стоил он немного, да и проку вам от него было не больше — слишком уж далеко он находился. Каково же должно быть своекорыстие людей, владеющих многим, чтобы и на этом захотеть нажиться. Пивной Капюшон не должен держать ответ за ваш лес, когда он сжег свой, и произошло это по чистой случайности. Но раз этому делу был дан ход, должно быть назначено возмещение. Вы шестером владели

этим лесом. Мы хотим, чтобы вы получили по шесть локтей домотканного сукна⁴⁹ каждый и чтобы уплачено вам было здесь, на месте.

Бродди уже отмерил и разрезал домотканную материю и тут принялся кидать ее им, каждому по куску, приговаривая:

— Возмещение, достойное труса.

Скафти сказал:

— Нетрудно заметить, Бродди, что тебе не терпится с нами поссориться. Ты неплохо постарался в этом деле, а теперь не прочь вступить с нами в открытую вражду. Я думаю, в другой тяжбе нам повезет больше.

Бродди ответил:

— Немало тяжб придется тебе выиграть, Скафти, прежде чем ты возместишь ущерб, который тебе нанес Орм, твой родич, за то, что ты сложил его жене любовную драпу⁵⁰. Скверное это было дело, и заплатить за него пришлось сполна.

Тут Торкель Бахрома сказал:

— Куда как недальновидно поступают такие люди, как Бродди. Ради дружбы с Пивным Капюшоном или его подарков он готов превратить своих противников в заклятых врагов.

Бродди говорит:

— Что ж недальновидного в том, чтобы держать свое слово, хотя бы и была разница между вами и Пивным Капюшоном? А вот ты-то точно недоглядел, когда отправился на весенний тинг и не уступил дорогу Стейнгриму. У него-то жеребец был хорошо откормлен, вот он и наехал на тебя сзади, а кобыла твоя возьми да упади под тобой, уж больно была она тощая. Не знаю наверняка, что там между вами произошло, но люди видели, как ты лежал без движения, оттого что лошадь зажала копытами твой плащ.

Эйольв сын Торда, сказал:

— Мало того, что этот человек обвел нас вокруг пальца, он еще и позорит нас перед всеми.

Бродди говорит:

— Вовсе я вас не обманывал. А вот тебя-то и вправду провели, когда ты ехал на север в Мысовой фьорд и украл быков у Торкеля сына Эйрика. Старри из Гуддаля бросился тебя преследовать, но ты заметил погоню, только когда добрался до Озерной Долины. Был ты тогда так напуган, что обернулся кобылой — неслыханное дело! — а

Старри и его люди пригнали быков назад. Что не говори, а уж он-то тебя, точно, обвел вокруг пальца.

Тогда Снорри Годи сказал:

— Не пристало нам браниться здесь с Бродди, однако при случае мы припомним ему, с какой враждебностью он с нами обошелся.

Бродди говорит:

— Не много будет тебе чести, Снорри, коли ты станешь ломать голову над тем, как мне отомстить, когда ты и за отца-то своего не отомстил⁵¹.

Торкель сын Гейтира, сказал:

— Похоже, что не зря ты носишь свое имя⁵²: всем ты пытаешься досадить, но не все это стерпят. Придет время и тебе быть убитым.

Бродди сказал:

— Негоже нам, родич, поминать перед всеми несчастья наших близких. Однако, что толку скрывать то, что известно многим: Бродд-Хельги был убит. Слышал я также, что отец твой в конце концов получил за это по заслугам⁵³. Да и тебе нетрудно будет нащупать то, чем отметил тебя мой отец в Долине Битвы.

На этом они расстались и разошлись по землянкам. Здесь Пивной Капюшон выходит из саги.

IV

На следующий день Бродди отправился в землянку Торкеля сына Гейтира, вошел и заговорил с ним. Торкель отвечал неохотно и был сильно разгневан. Бродди сказал:

— Я потому пришел к тебе, родич, что был неправ. Наговорил я тебе все это по молодости лет да по глупости, не допустим же, чтобы из-за этого испортились наши родственные отношения. Прими от меня в дар этот меч с резной рукоятью. Хочу я еще, чтобы ты погостил у меня летом, тогда увидишь ты, что нет у меня лучших сокровищ, чем те, какими я тебя наделю.

Торкель с благодарностью принял подарок и приглашение и сказал, что он всегда хотел, чтобы их отношения были хорошими. После этого Бродди вернулся к себе.

Вечером накануне окончания тинга Бродди шел на запад через реку. Он уже сходил с моста и тут повстречал Гудмунда. Они не ска-

зали друг другу ни слова и разошлись. Тогда Гудмунд обернулся и спросил:

— Какой дорогой поедешь ты с тинга, Бродди?

Тот обернулся и ответил:

— Если тебе так не терпится это узнать, я поеду через Киль в Мысовой фьорд, а оттуда в Островной фьорд, и дальше через Ущелье Светлого Озера к Комариному озеру, а там через Краповую Пустошь.

Гудмунд сказал:

— Я надеюсь, ты сдержишь свое слово и поедешь через Ущелье Светлого Озера.

Бродди говорит:

— Сдержу, будь уверен. А ты что ж, Гудмунд, думаешь преградить мне путь? Здорово же у тебя чешутся руки, если ты загораживаешь мне этот горный проход, так что мне и не проехать там с моими спутниками. Не закрываешь же ты тот проход, что у тебя в зад, чтобы быть без изъяна!

Они разошлись, а слова эти облетели весь тинг. Когда об этом узнал Торкель сын Гейтира, он пошел к Бродди и попросил его, чтобы тот ехал через Пески или по восточной дороге.

Бродди говорит:

— Я поеду той дорогой, какой обещал Гудмунду, иначе он может счесть меня малодушным.

Торкель сказал:

— Поедем тогда вместе, родич, и возьмем с собой наших людей.

Бродди охотно согласился, сказав, что почтет за честь иметь его своим спутником. Затем Торкель и Бродди отправились со своими людьми на север через Бычью Пустошь. Был с ними и Эйнар сын Эйольва, тесть Торкеля. Они подъехали к Притоку и там заночевали. Эйнар и дальше сопровождал их с большим отрядом, и они не расставались до самой Дрожащей Реки. Потом Эйнар поехал домой, а Торкель и Бродди не останавливались, пока не приехали к себе на восток в Оружейный фьорд.

В то лето Торкель поехал погостить к Бродди, своему родичу, и получил богатые подарки. До конца своей жизни оставались они добрыми друзьями и сородичами.

Здесь кончается сага о Пивном Капюшоне.

Приложения

Тремя корнями
тот ясень-дерево
на три страны пророс:
Хель — под первым,
хримтурсам — второй,
под третьим — род человеков.

(«Речи Гримнира»)

Усландцам — жителям далекого острова на севере Атлантики, выпала великая судьба стать хранителями памяти о событиях эпохи викингов и наследниками ее духовной культуры. Устное предание не забылось здесь в письменную эпоху, как это случилось в других скандинавских странах, но разрослось в мощное и живое древо, которое мы называем исландской литературой. Зеленые ветви этого древа достигают нашего времени, а корни его тянутся на три стороны. Первый и самый глубокий корень — это миф; второй корень уходит к легендарным героическим временам; третий — к началам исторического времени.

С исторического времени и начнем.

I

У самих исландцев, конечно, не было такого понятия, как «эпоха викингов». Ведь они смотрели на эту эпоху не

со стороны, а жили в ней. Остров Исландия был открыт норвежскими мореплавателями около 970 года, а через полвека здесь жило уже около 70 тысяч поселенцев — в своем большинстве также норвежцев. Открытие и заселение Исландии и было для ее народа первой эпохой в истории страны — началом исторического времени. Все, что было прежде, ушло в область легенды.

Что более всего поражает в природе Исландии, когда видишь ее впервые и пытаешься представить себе жизнь тех, кто когда-то занял земли по ее берегам, чтобы навсегда здесь остаться? Природа не просто грандиозна и первозданна в Исландии, «как в первый день творения» (М. И. Стеблин-Каменский). Она живет своей собственной драматической жизнью, напоминающей о близости хаоса и, кажется, не оставляющей места для человека. Исландцы не понаслышке знали об огненном великане Муспелле, который в конце времен спалит весь мир: они видели этот подземный огонь, вырывающийся из вулкана. Вблизи своих домов они видели бездонные ямы, полные кипящей воды. Вся же центральная часть Исландии так и осталась необитаемой: жить среди этих скал и камней, бескрайних ледников и лавовых полей могли бы разве лишь великаны. Даже погоды в обычном смысле нет в Исландии. Погода здесь — это не состояние атмосферы, а события, непредсказуемо и по нескольку раз на дню меняющие картину земли и неба. Уцелеть на этом острове и дать начало новому народу можно было только одушевив стихийную жизнь этой земли культурой.

Первопоселенцы заселили лишь узкую полосу земли по всему исландскому побережью. Но они создали из острова страну, проложив дороги от хутора к хутору и от каждого хутора — на альтинг. Они дали имена фьордам, рекам, горам и пригоркам, скалам и отдельным камням, если с этими камнями были связаны памятные события. Читая саги, можно проследить по карте маршруты, какими они ходили и ездили на своих коренастых лошадках тысячу лет назад. Путь с восточного побережья Исландии к Полям Тинга на юго-западе страны занимает около семнадцати дней.

Учреждение альтинга в 930 году ознаменовало начало исландского общества и единственного в своем роде общественного строя — исландского «народоправия». В Исландии не было верховной королевской власти; первопоселенцев сплотили в народ силы внутренней

связи: общий закон (знаменательно, что закон и общество называются по-исландски одним словом) и общее предание. На альтингге, куда исландцы съезжались на две недели в конце июня, провозглашались законы страны и разбирались наиболее важные судебные дела; здесь заключались торговые сделки, слаживались свадьбы, люди, жившие в разных уголках страны, обменивались здесь новостями. «Мудрым людям, замыслившим создание альтинга, мы более всего обязаны тем, что стали народом, до сих пор живущим в свободной Исландии» (Гильви Гисласон, современный политический деятель).

Общее предание исландцев — это саги. В сагах рассказывается о первых поколениях исландцев, и первый век после учреждения альтинга так и называется — «век саги». Что же такое саги? По своему происхождению — это местные рассказы о запомнившихся событиях прошлого. Существование подобных устных рассказов говорит о традиционности исландского общества, но конечно, не является особенностью Исландии. Б. И. Ярхо в своем переводе «Саги о Волсунгах» привлек внимание к замечательному сходству исландских саг с русскими крестьянскими повестями и особенно с нашими северными сказами. Слово «сага», собственно, и значит — «сказ». Но только в Исландии такие местные «сказы» вышли за пределы своей округи и стали достоянием всей страны. В исландской культуре — и это одна из самых характерных ее особенностей — вообще отсутствует различие между «местным масштабом» и «масштабом страны». По этой причине, например, в Исландии никогда не было диалектов: язык жителей отдаленных хуторов и поныне считается даже более правильным, более «чистым», чем язык столицы. Исландцы по сей день не имеют фамилий, а только отчества, т.е. все составляют как бы одну большую семью.

В то время, как анналисты в других странах записывали сведения о событиях государственной важности, исландцы сохранили в своих сагах (известных нам в основном из рукописей XIII-XIV вв.) память о прошлом страны как о жизни сотен и сотен людей. Из саг мы представляем себе, как жили исландцы времен «народоправия» гораздо подробнее и живее, чем жизнь своих соотечественников, скажем, в XVIII веке. Может быть, иные из этих подробностей покажутся читателю излишними. Трудно запомнить всех этих бесчисленных

Торгримов и Торстейнов, особенно если некоторые из них упоминаются лишь мимоходом и больше не появляются в саге. Но нужно представлять себе, что для исландцев за этими именами стояли реальные люди «века саги», свидетели событий, о которых рассказывается, и чьи-то предки. Да и сам ход событий часто зависел от того, кто в критический момент встретится герою на пути — болтливая Раннвейг или осмотрительный Гудмунд («Сага о Гисли», глава XII).

Но далеко не все из того, что случилось в реальной жизни, имело шансы «попасть» в сагу. Жизнь исландцев «века саги» встает перед нашими глазами не как беспорядочное нагромождение фактов — «повесть, / Рассказанная дураком, где много / И шума и страстей, но смысла нет» («Макбет», V.5), но как жизнь значительная, внушающая уважение. Предки помнились как люди крупные, хотя и в человеческий рост. Местные рассказы переросли в сагах во всеисландский эпос — эпос исторического времени.

В основе почти каждой саги лежит распря, кровавый конфликт между соседями, и это может смутить современного читателя. Нас правда не смущают потоки крови, льющиеся со страниц триллеров и детективов: мы знаем законы жанра и понимаем, что все эти леденящие душу сцены придуманы писателем специально, чтобы пощекотать наши нервы. Но в сагах с полным спокойствием, как о чем-то само собой разумеющемся, рассказывается, как один уважаемый человек пришел к другому уважаемому человеку и пропорол его насквозь. И именно эта реалистичность и обыденность сцен убийств может нас покоробить: ведь в реальной жизни мы все же считаем убийство злом и тягчайшим преступлением, оправдывая разве что убийства, совершенные в целях «необходимой самообороны». Нам нелегко понять, что, хотя убийства, как о них рассказывается в сагах, чаще всего заранее планировали и совершали на холодную голову, они тоже служили средством необходимой самообороны в обществе, где не было карательных институтов, берущих на себя функцию наказания преступников, и где каждый должен был уметь постоять за себя сам — за себя, и за своих сородичей, и за тех бедняков и стариков, которые нуждались в попечении. Распри, как было замечено специалистами по социальной истории Исландии, не только причиняли урон обществу, унося наиболее активных его членов, но и в известном смысле, шли ему на пользу, приводя в движение важные

социальные механизмы и, главное, предотвращая неконтролируемые вспышки агрессии, т.е. вводя месть в законное русло.

Но если месть была необходимостью в обществе «века саг», то естественно, что человек, умевший хладнокровно отомстить обидчику, вызывал к себе уважение: «только трус мстит сразу, а раб — никогда», говорит древняя исландская поговорка. Мы поймем теперь, почему на пиру у Гисли собралось вдвое меньше людей, чем у его зятя Торгрима (глава XVI): Вестейн еще не был отомщен, и репутация его побратима Гисли подвергалась серьезному испытанию.

И тем не менее, когда Гисли все же отомстил за Вестейна и убил Торгрима, это убийство поставило его вне общества. Гисли стал изгоем, человеком, которого каждый имел право убить. Как это понять? Дело в том, что распря, как было только что сказано, налагала на конфликтующие стороны определенные правовые обязательства: честным считалось убийство в бою или такое убийство, о котором его содеявший тут же открыто объявлял (не далее, чем «у третьего дома»). Такие убийства могли кончиться выкупом за причиненный ущерб и примирением сторон. Гисли же силою обстоятельств совершил противоправное, тайное убийство, ночью прокравшись в дом Торгрима и убив его во время сна. Можно лишь догадываться о сильнейших мотивах, заставивших Гисли избегать разглашения обстоятельств этого конфликта: он знал, что главным виновником конфликта и гибели Вестейна был его собственный брат Торстейн, но он не мог поднять руки на брата. Честь рода заставила Гисли поступиться принятыми в обществе правовыми нормами. Завязывается узел, не оставляющий надежд на благополучный исход этой истории.

Но трудно найти сагу со счастливым концом. Сага дает объективную картину социальной жизни общества, но та же сага, при всей беспристрастности ее тона, — это и драма человеческих судеб. Тинг на Мысе Тора объявил Гисли вне закона, но он навсегда остался одним из любимейших героев «века саги». Исландцы вообще склонны относиться с особой симпатией к людям несчастливой судьбы, помня, что (как говорится в другой исландской поговорке) «одно дело доблесть, а другое — удача». В центре Рейкьявика, рядом с университетом, стоит памятник изгнаннику.

Распря в саге начинается обычно не по злой воле участников событий («злые люди» вообще обычно остаются на периферии повествования). Но возникает повод, часто случайный — ссора с норвежскими корабельщиками, подслушанный разговор и т.п., — и приходит в движение колесо событий, вовлекая в конфликт все новых людей и увлекая героев все дальше и дальше. Пресечь распря невозможно, она должна исчерпать себя.

И тут самое важное, как в этих драматических обстоятельствах поведет себя человек. Современному читателю трудно уследить за всеми поворотами повествования и уловить все рассеянные в саге намеки, смысл которых был понятен тем, для кого писалась сага. Мы не владем необходимой для этого информацией. Но фигуры главных героев встают в нашем воображении с исключительной отчетливостью. Когда, в середине 80-ых годов, был снят фильм по «Саге о Гисли», зрители больше всего спорили о том, насколько Гисли, Вестейн или Торкель в этом фильме похожи на своих саговых прототипов. И это может показаться странным: ведь в сагах почти нет описаний внешности и совсем ничего не говорится о внутреннем мире героев — о их мыслях и переживаниях. Автор вообще не комментирует происходящего и не заявляет о себе: сага как бы сама себя рассказывает. Но тем самым и характеры героев саги мы узнаем так же, как характеры людей в реальной жизни — по их словам и поступкам. Пока не кончена сага и живы ее герои, они могут проявить себя с какой-то новой стороны и заставить нас отчасти пересмотреть свое к ним отношение. Дочитав до конца «Сагу о Гисли», мы убеждаемся, что Гисли был все-таки не совсем справедлив к своей сестре Тордис, пеняя ей за то, что в решительный момент она взяла сторону мужа и предала брата, и противопоставляя ее эпической героине Гудрун, которая убила мужа, мстя за братьев (глава XIX). Тордис в конце саги тоже попыталась отомстить за брата, хотя и неудачно.

Саги об исландцах — стержень традиции. Но исландцы создавали свою великую литературу хотя и на отдаленном острове, однако не в изоляции от остального мира. Путешественники и первооткрыватели новых земель, скальды, дружинники и историографы норвежских королей, исландцы всегда ощущали себя в центре мировых событий. Слово «остров», по своему этимологическому значению, — это «земля, обтекаемая течениями, струями», и остров Исландию не

миновали важнейшие течения мировой культуры. Со времен христианизации Исландии (1000 г.) и начала письменности здесь был необычайно велик интерес к книге. Но вот что удивительно: если в начале письменной эпохи (XII в.) исландцы, как и другие народы средневековой Европы, читали и писали преимущественно на латинском языке, то спустя недолгое время, едва ли не вся популярная в Европе литература была переведена на исландский язык и одновременно с этим приобрела форму саги. Так были написаны, например, «Сага о троянцах» или «Сага о Карле Великом», или «Сага об апостоле Павле».

История норвежских королей также превращалась в сагу под пером исландских писателей. Читатель, конечно, заметит, что «Сага об Олаве сыне Трюгви» (одна из 16 саг, составляющих «Круг Земной», знаменитое произведение Снорри Стурлусона) во многих отношениях отличается от «саг об исландцах». Ведь главный ее герой — норвежский конунг, а содержание составляют события государственной важности. Известно, что заказчиками саг иногда были сами норвежские короли — ситуация, как можно думать, ставившая их авторов (примечателен сам факт, что мы обычно знаем имена авторов королевских саг!) в щекотливое положение. Тем более, казалось бы, это относится к Снорри — автору самого монументального свода королевских саг и одновременно политику, пытавшемуся на заказе исландского «народоправия» влиять на отношения между Исландией и Норвегией.

Но политические пристрастия Снорри не дают себя знать в «Саге об Олаве сыне Трюгви». «Так рассказывается сага, как она происходит», и события давней норвежской истории оживают перед нами в запоминающихся сценах и диалогах, как если бы мы сами были их свидетелями. Сага не умеет льстить, и отдавая должное конунгу Олаву — отважному воину и дальновидному правителю, она не замалчивает и тех его деяний, которые едва ли могли послужить к его украшению в глазах читателей. Маловероятно, например, чтобы исландцы, во все времена отличавшиеся большой веротерпимостью, с сочувствием относились к его свирепым расправам с язычниками, изображенными крупным планом и без комментария.

У саги свой взгляд на историю. И рядом с Олавом, его приближенными и правителями других держав с ее страниц встают фигуры

самых разных людей, с которыми сводила его судьба. Все эти люди, с позиции саги, тоже участники исторических событий: ведь события для саги — это прежде всего поступки и слова конкретных людей. Может случиться при этом, что в решающий исторический момент самые запоминающиеся слова произнесет не конунг или его скальд, а какой-то волей случая оказавшийся рядом человек. Во время битвы при Свёльде лучший стрелок в войске Олава Эйнар Брюхотряс стоял на корме корабля и пытался сразить Эйрика ярла. Одна из стрел «пролетела так близко от ярла, что прошла между его бедром и рукой». Тогда ярл приказал своему дружиннику пустить стрелу в Эйнара. Стрела попала «в середину лука Эйнара в то мгновение, когда тот натягивал свой лук в третий раз. Лук с треском разломился надвое. Тогда Олав конунг спросил: «Что это лопнуло с таким треском?» Эйнар отвечает: «Лопнуло дело твое в Норвегии, конунг» (глава CVIII). В той битве Олав конунг погиб. А Эйнар Брюхотряс стал в дальнейшем одним из самых могущественных людей в северной Норвегии, но это случилось много позже и об этом рассказывают другие саги.

Остается гадать, какими путями свидетельства о ранней норвежской истории дошли до Снорри. Что-то очевидно он брал из более ранних письменных саг (некоторые из них сохранились), что-то присочинил сам, а что-то слышал от осведомленных рассказчиков. Скорее всего в Норвегии были хорошие рассказчики, но в отличие от исландцев они не оставили саг.

Сходным образом обстоит дело и со скальдической традицией в Норвегии. Известно (прежде всего от того же Снорри), что в IX-X вв. при дворах конунгов были норвежские скальды, слагавшие хвалу их подвигам. Но вслед за этим их совершенно вытесняют исландские скальды, и возникает впечатление, что все талантливые поэты выехали в Исландию. Более вероятно, однако, что мы имеем дело с «эгоцентризмом» самой исландской литературы: свои скальды лучше запоминались, как запоминались приключения исландцев при дворе норвежских конунгов (см. «Пряди об исландцах»).

Скальдические стихи известны прежде всего из саг. Современные читатели склонны пропускать их при чтении саг: слишком чужеродными они кажутся в кристально ясной прозе саги и слишком непохожими на поэзию в нашем понимании. Особенно это относится к

там называемым дротткветтным («дружинным») строфам с их причудливыми кеннингами и переплетениями предложений. Действительно, скальдические стихи резко отличаются от современной поэзии и по своей форме и по своему назначению. Стихи нового времени призваны воздействовать на воображение читателя. От скальдических стихов ожидали прежде всего практической действительности. Во времена расцвета скальдической поэзии (X-XII вв.) сохранялась еще вера в магическую силу языка. Мастерство скальда состояло в его умении овладеть этой силой, для чего требовалось превратить звуки и слова в материал для сложнейшего орнамента, скрывающего смысл сказанного. Олав сын Трюгтви понимал, что для блага его державы и для собственной его славы полезно иметь человека, который умеет восемь раз употребить «меч» в восьмистрочной строфе дротткветта, т.е. не просто восемь раз повторить это слово, но и ввязать его в стихотворную речь, и «врезать» его звуки в сложный узор аллитераций и рифм (в переводе удастся лишь намекнуть на формальное мастерство скальда).

Хвалебные стихи по понятным причинам лучше всего сохранились. Они служат очень ценным историческим источником, потому что, восхваляя правителя, скальд обычно не приписывал ему подвигов, которых тот не совершал. Существовали и другие стихи, хулительные (ниды): подобно заклинаниям, они могли навести на человека порчу. Но такие стихи редко записывались. К тому же они обычно не представляли исторической ценности, так как содержащиеся в них обвинения обыкновенно были стереотипны и не претендовали на обоснованность.

Если судить «по сагам об исландцах», скальдическая поэзия получила необычайное распространение на острове. Едва ли не все исландцы, умели при случае сказать вису со всеми положенными рифмами и кеннингами. Может быть, это преувеличение. Некоторые исследователи сомневаются, в частности, что все стихи, приписываемые в саге Гисли сыну Кислого, действительно сочинил Гисли, а не какой-то другой исландец или сам автор саги. В сущности это не так важно. Достаточно и того, что все исландцы, читавшие в древности саги, понимали эти стихи без комментария. Поэтому нет ничего неправдоподобного в том, что сестра Гисли Торсдис сумела разгадать ту вису, которую Гисли произнес на кургане Торгрима, и уличить своего брата в убийстве.

II

Независимо от того, насколько Гисли был справедлив к своей сестре Тордис, ее действительно трудно «уподобить» (см.вису) эпической героине Гудрун. Поведение Тордис куда более противоречиво, и мотивы его, как это с большим реализмом показано в саге, сложны и не вписываются в героическую мораль.

Гудрун жила в героическом мире, которого не достигает людская память и к которому неприменимы обычные человеческие мерки. Мы узнаем об этом мире прежде всего из песен о героях, составляющих вторую часть рукописи «Старшей Эдды».

Современные исследователи, вооруженные объективными методами исторического анализа, кое-что знают о происхождении этих песен. Они укажут, что в песнях прощупываются следы реальных событий эпохи Великого переселения народов; что Гуннар — это исторический Гундихарий, последний правитель бургундского королевства на Рейне, уничтоженного в V веке гуннами; что Гудрун соответствует Гримхильд франкских сказаний (в скандинавском эпосе имя Гримхильд досталось ее матери), а за Гримхильд угадывается та самая Ильдики, на ложе которой, согласно готскому историческому преданию, погиб гуннский вождь Аттила (Атли скандинавского сказания). Зародившись в южных германских землях — у готов, бургундов, франков, предание, как полагают, к VII-VIII вв. достигло Скандинавии и легло в основу известных нам эдических песен «сигурдовского цикла».

Все это, очевидно, так и было в истории. Но традиция создает свой образ мира, для которого недействительны исторические ориентиры. Так, «юг», упоминаемый в песнях как место главных героических событий, — это не реальные готские или бургундские земли, а нездешний мир за «темным лесом» Мюрквидом. Южная страна Валланд (исландское название Италии; того же корня названия Галлия и Уэльс) превращается в «страну битв», откуда павшим воинам лежит путь в Вальгаллу. Соперница Гудрун Брюнхильд оказывается в этом мире сестрой гунна Атли и в то же время валькирией, девой Одина.

Древнее время, к которому сами исландцы относили события героических песен, мыслилось не просто как отдаленное прошлое, а как не засвидетельствованное очевидцами, запредельное время. О

нем говорят древние песни, но начала самих этих песен неуследимы, и нельзя проверить, что в них правда, а что нет. Снорри Стурлусон, опиравшийся на «древние песни» (не известные нам) в изложении начальных событий норвежской истории, диалектически подошел к этому вопросу: «и хотя мы сами не знаем, — пишет Снорри в Прологе к «Кругу Земному», — правда ли эти рассказы, но мы знаем точно, что мудрые люди древности считали их правдой». В отличие от критически мыслящего Снорри, этим «мудрым людям», видимо, не нужны были доводы: истинность сказанного удостоверялась для них самим поэтическим словом.

Замечательной силой внушения обладал сам стих героических песен — скандинавский вариант древнегерманского аллитерационного стиха. Важнейшие по смыслу слова в его коротких и энергичных строках связываются одинаковым началом — аллитерацией. Действие аллитерации усиливается и другими, необязательными звуковыми повторами, и вся строка живет в памяти как единый поэтический образ:

Ár var aldo, þar er arar gullo.

Звуковая и одновременно смысловая слитность этого стиха не может быть передана в переводе: «Древле было, орлы кричали». Переводчику приходится восполнять утраты другими средствами (что В. Тихомиров и делает с большим искусством в своих переводах). Размер героических песен не мыслился отдельно от самих песен; он так и назывался в исландской традиции — *форнюрдислаг*, т.е. «древнесловный склад». Филологи иногда называют его эпическим размером, а сами песни — эпическими песнями. Но тут нам понадобится важное уточнение.

В самом деле, героические песни «Эдды» мало похожи на эпос в обычном понимании. В них, в сущности, почти нет эпического действия: даже убийство дракона Фафнира — главный подвиг Сигурда, остается в них где-то на заднем плане — во вступительной прозе к одной из песен. Если не знать наперед, что Сигурд — величайший герой древности и что из-за клада Фафнира произойдут большие беды, то, сказать по правде, этот рассказ о том, как Сигурд заколол дракона («... и когда Фафнир проползал над ямой, Сигурд вонзил ему в сердце меч») не производит особенного впечатления. Песнь, о

которой мы говорим, называется «Речи Фафнира», и речи, которыми обмениваются издыхающий дракон и Сигурд, составляют ее главное содержание. Прямых речей — драматических диалогов, прорицаний, гневных монологов, рассказов о вещих снах и отрывочных воспоминаний — вообще очень много в песнях. Сказание сведено в них к отдельным «крупным планам» — эпизодам, как бы выхваченным яркой вспышкой света и приковывающим особенное внимание читателя. В этих эпизодах сгустились судьбы героев, в них средоточие тех страстей, неразрешимых конфликтов, роковых решений, которые и составляют основную, внутреннюю интригу предания. Что же касается событий внешних — приездов и отъездов героев, эпических битв и отдельных убийств — обо всем этом мы чаще всего узнаем лишь из намеков и беглых упоминаний. Отсюда, по-видимому, следует, что аудитория была знакома со сказанием не только из песен, но и из каких-то прозаических рассказов, дававших понятие о последовательности событий, взаимоотношениях персонажей и т.п. В таком случае короткие прозаические вставки, которые кое-где встречаются в тексте «Эдды», могут рассматриваться как своего рода конспекты подобных рассказов. Автор же «Саги о Волсунгах» соединил воедино героические песни и прозаические рассказы, составив из всего этого материала связное и пространное повествование — сагу о древних временах. В силу самого своего жанра, сага заботится о правдоподобии рассказа: в ней появляется множество подробностей; на сцену выступают эпизодические персонажи — не только мать Сигурда Хьёрдис, но также и ее глупая служанка, и ее новый муж Альв; у воинственной Брюнхильд появляется хозяйственная сестрица Бекхильд и т.п.

В разреженном и гулком воздухе эддических песен нет места подробностям и статистам. Все внимание в них безраздельно сосредоточено на деяниях главных героев, которые, как кажется, одни только и живут в этом мире. Героический мир — это мир от начала и до конца поэтический, он не соприкасается с посякосторонней исторической действительностью. Поэтому было бы неуместно судить героев по житейским критериям и мерить их деяния социально-историческими мерками. Едва ли плодотворно задаваться, например, вопросом, почему Гудрун беспощадно мстит за братьев, бывших виновниками гибели ее любимого мужа, и объяснять это тем, что узы

кровного родства были в архаическом обществе крепче супружеских уз. Подобные объяснения не раз предлагались исследователями, но логика их не достигает цели: поступки Гудрун мотивированы не юридическими и не социально-историческими нормами, а героическим императивом песни. Было время, рассказывается в «Первой Песни о Гудрун», когда Гудрун, скорбя о гибели Сигурда, прокляла своих братьев. Проклятие Гудрун — нечто большее, чем всплеск эмоций убитой горем женщины; это пророчество, которому суждено сбыться. Судьба братьев, погубивших Сигурда по наущению Брюнхильд и завладевших кладом Фафнира, предречена отныне, и гуннский князь Атли — лишь ее орудие. Но придет роковой час, и Гудрун, столь же решительно примет сторону братьев и ни перед чем не остановится, чтобы не просто убить, но и унижить Атли, превратить в позор его недолгое торжество.

Но почему же все-таки заслуживает славы Гудрун, убившая своих маленьких, ни в чем не повинных детей и накормившая их мясом своего мужа? Подобные вопросы неизбежны, если читать героическую песнь как прозу и видеть в ней отражение жизни, хотя бы и древней. К такому прочтению склонялся уже автор «Саги о Волсунгах», в подробностях расписывающий мольбы детей, просящих мать о пощаде. В древней песни эта душераздирающая сцена отсутствует. Вообще следует отметить, что, хотя в песнях упоминается о событиях, которые могут показаться дикими, с точки зрения общечеловеческой морали, все эти «дикости» никогда не бывают в них самоцельны и тем более никогда не выпячиваются, не смакуются поэтом. Скорее это лишь знак той страшной цены, которую приходится заплатить героям за их главный подвиг — подвиг духа, не сломенного ударами судьбы. Зачем Гуннар приказал вырезать сердце у своего брата Хёгни (еще один поступок, поражающей своей бессмысленной жестокостью читателя, склонного к буквальному пониманию поэзии)? Кажется, затем лишь, чтобы бросить в лицо Атли гордые слова о проклятом золоте, которое не достанется гуннам, но навсегда уйдет в воды Рейна. Бессмертная красота этих слов непередаваема в переводе (даже в замечательном переводе И. М. Дьяконова). Их единственным соответствием в искусстве нового времени могла бы быть разве лишь музыка, и они вошли золотой нотой в музыку Рихарда Вагнера («Кольцо Нибелунгов»).

Гуннар, герой «Песни об Атли», принимает решения достойные мужа. Отправляясь безоружным на встречу с Атли и навстречу своей собственной смерти, он обращает свое поражение в победу, в залог своей вечной славы, ибо как сказано в «Эдде» («Речи Высокого»):

*Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но смерти не ведает
громкая слава
деяний достойных.*

Но гораздо чаще, как уже было сказано, главные подвиги героев остаются на заднем плане. Превосходные качества Сигурда или Хельги не нуждаются в подтверждениях. Этим героям на роду написано «стать превыше конунгов прочих». Слава их заведомо и запечатлена в самом языке песен, в величальных эпитетах, подобно ореолу окружающих их имена. Более того, этот героический ореол, не омрачают и те, не всегда похвальные поступки, которые доводится совершить героям по ходу действия. В одной из эддических песен мудрый Грипир, дядя Сигурда, предсказывает герою все, что ждет его в будущем. Рассказав о том, как Сигурд отомстит за отца и победит Фафнира, он поведал, далее, поддавшись на уговоры Сигурда, и об ожидающих его злоключениях: о том, как он даст клятву Брюнхильд в вечной верности и тут же нарушит ее, прогостив ночь у Гьюки; о том, как он даст обмануть себя, и возьмет в жены Гудрун, и снова посватается к Брюнхильд, но уже под видом Гуннара и в его интересах и т.п. Сигурд продолжает допытываться, не причинит ли все это урона его чести. Из ответов Грипира следует, что герой не несет ответственности за то, что случится; вопреки козням судьбы, — «здесь на земле, / под солнца жилищем, / не будет героя / Сигурду равного». «С судьбой не поспоришь!», — отвечает на это Сигурд.

Как бы ни были велики герои, центральная роль в песнях достается не им, а героиням. Было замечено, что образ их как бы двоится. С одной стороны, перед нами женщины в трагической, но реальной ситуации. Но в то же время эддические героини несут в себе «валькирическое» начало и оказываются способными совершить то, что

не под силу смертным. Трагические ситуации, выпавшие на долю Гудрун и Брюнхильд, созданы не ими, они становятся жертвами чужих интриг: Брюнхильд разлучена с суженым и, став жертвой предательства, невольно нарушает обет выйти замуж за того, кто не ведает страха, т.е. за Сигурда; Гудрун узнает, что она обманным путем была выдана за Сигурда и переживает одну утрату за другой. Но во всех этих ситуациях героини ведут себя «не как жены другие». Они не покоряются судьбе, но принимают на себя роль мстительниц. «Валькирическое» начало ярче всего проявилось в Брюнхильд не тогда, когда она носилась по воздуху, выполняя волю Одина, а тогда, когда она добилась смерти Сигурда и сама пронзила себя мечом, чтобы последовать за ним одной дорогой в царство Хель. В отличие от не ведающих страха и сомнений героев, героини совершают свой трагический выбор ценою тягчайших испытаний и неслыханных жертв. Герой достигает величия тогда, когда идет навстречу судьбе. Но замышляющая месть героиня сама берет на себя роль судьбы: «всегда ты была злою судьбой мужей», — сказано о Брюнхильд. С сухими глазами совершает Гудрун свое жертвоприношение в палатах Атли и предает их огню вместе со всеми, кто в них находится. Выполняя до конца свой долг, героини торжествуют победу. Но безотрадно их торжество. Каждая из них могла бы сказать словами Сигню дочери Волсунга: «И так много учинила я для мести той, что дольше мне жить не под силу».

III

Скандинавские мифы увлекательны сами по себе. Мы не устаем поражаться фантазии древних людей, создавших эти бесконечно разнообразные, одновременно мудрые и наивные, рассказы о богах, великанах и множестве других обитателей мифологического мира. Но если мы попытаемся немного глубже вникнуть в то, что же такое эти мифы, дошедшие до нас из песен «Старшей Эдды» и из пересказов Снорри Стурлусона в его «Эдде» («Младшая Эдда»), мы поневоле задумаемся. Ведь обе «Эдды» — памятники середины XIII века, между тем как Исландия была крещена в 1000 году, т.е. за два с половиной века до этого. Правда, общепризнано, что мифологические песни восходят к глубочайшей языческой древности. Однако что это

значит — «восходят»? Может быть, они сберегались памятьливыми исландцами просто как «обломок древней правды», из почтения к предкам и ради их поэтичности? Или, может быть, это просто литературная вариация на мифологические темы, дальний отголосок древних верований? Оба эти предложения не раз высказывались учеными. И все же, как ни невероятным это может показаться, миф не умер в Исландии. Спустя долгие века после принятия христианства исландцы каким-то образом сохранили веру в «старых богов» и реальность мифологического мира.

В «Саге об Олаве сыне Трюггви» (глава LXIV) читатель найдет примечательный эпизод. Как рассказывается в саге, к конунгу Олаву, крестителю Норвегии, как-то пришел старик в широкополой шляпе с одним глазом. Речи этого старика были так интересны и он так убедительно отвечал на вопросы конунга, что тот засиделся с ним до глубокой ночи. На следующее утро конунг догадался, что посетивший его гость — не кто иной, как Один, «в которого язычники долго верили». «Но Одину не удастся перехитрить меня», — сказал Олав. Не следует ли из этих слов, что и сам Олав, ярый враг язычников, отрицал не столько существование Одина, сколько авторитетность его суждений? Так, во всяком случае, могло представляться дело Снорри, рассказавшему этот эпизод.

Но обратимся к самим мифам, как они известны нам из эддических текстов. Героический мир, о котором шла речь выше, целиком воплощен в самом предании (был бы праздным вопрос, как проводили время герои, когда им не приходилось биться друг с другом и участвовать в расправах). Но мифы создают впечатление, что мифологический мир гораздо больше того, что о нем рассказывается. Он как бы существует сам по себе, живет своей собственной, особенной жизнью, а тексты лишь приоткрывают нам отдельные его участки — отдельные сцены из жизни богов. Сцены эти замечательно разнообразны по тону — в них есть место и лирике, и поучениям, и самому грубому фарсу. При этом они не связаны общим сюжетом и неизвестна даже сама их последовательность. Нельзя сказать, что было раньше — приход Одина к конунгу Гейррёду («Речи Гримнира») или его перебранка с Тором («Песнь о Харбарде»). Для мифов, во всяком случае для громадного их большинства, не существует «до» и «после», но есть только «здесь» и «всегда». Поэтому мифологические со-

бытия происходят в песнях как бы у нас на глазах, как своего рода представление, сценическое действие. Даже мудрые сведения об устройстве мира становятся частью этого действия, обыгрываются на «эддической сцене». Гримнир не просто в подробностях описывает Астард и перечисляет его обитателей: всею силой своего духа он стремится перенестись в Астард, воссоединится с богами и снова стать самим собою — всемогущим Одним.

Впечатление неисчерпаемости и реальности мифологического мира еще усиливается благодаря тому, что почти в каждой песни, как и в пересказах «Младшей Эдды», мы находим множество имен и намеков на какие-то неизвестные нам события. Конечно, во времена язычества скандинавы гораздо больше знали о мифологическом мире; были у них и другие, более прямые, способы контакта с ним — ритуалы и обряды, о которых умалчивают письменные источники. Но открытость, незамкнутость мифологического мира — важное его свойство.

На это, правда, можно возразить, что из некоторых представлений, запечатленных в эддических текстах, как будто следует, что мифологический мир, напротив, компактен и легко обозрим. Как рассказывается, боги создали мир из тела первовеликана Имира: моря — из его крови, землю — из плоти, скалы — из костей и т.д. Идея замкнутости мира запечатлена в образе Мирового змея, залегшего в океане и обвивающего всю землю. А сам образ Мирового древа разве не свидетельствует о целостности мира, о рациональной простоте его устройства? Ветви Иггдрасиля раскинулись над всем миром, корни его идут на три стороны, и само древо делит мировое пространство на три яруса: наверху живут боги, в центре — люди, а внизу, в подземном мире находится царство Хель. Но миф на то и миф, что к нему неприменимы законы логики и геометрии. Чем больше мы вглядываемся в картину мифологического мира, тем более расплывчатыми, неопределенными становятся ее очертания. Ведь и о теле Имира сказано, что боги создали из него не весь мир, а Мидгард, т.е. обиталище людей. Строительство же своего собственного обиталища — крепости Астард — они по неясным причинам поручили некоему великану. Более того, из мифов вообще невозможно вывести представление о мире как единой вселенной, мироздании. Всюду мы читаем лишь о конкретных мирах, населенных различными существ-

вами — асами, ванами, альвами, великанами и т.д., а также людьми. Местоположение этих миров или их расположение по отношению друг к другу остается также неопределенным. Так, Мидгард, как это следует из самого его названия («срединный двор»), очевидно, расположен в центре; но в центре («середине мира»), судя по тому, что говорится об этом в «Младшей Эдде», был построен и Асгард. Отсюда, впрочем, не следует, что он не находится одновременно и наверху — на небе, куда ведет радужный мост Биврёст. Тор ходит пешком в Страну великанов (Йотунхейм), но иногда он с большим грохотом (ведь Тор — это скандинавский громовержец) ездит туда на своей колеснице, а в иных случаях, чтобы вернуться из Страны великанов в Асгард, ему необходима лодка. Так где же находится Страна великанов? В мифах сказано, что «на востоке». Но судя по всему, восток, а также север — должны пониматься в данном случае не как страны света, а как не освоенная богами, «опасная» окраина мифологического мира. Как сказано в одной мифологической песни, путь в Хель лежит «на север и вниз» (по-исландски до сих пор послать кого-нибудь «на север и вниз» — значит «послать к черту»). Восток и север, как мы видим, противопоставляются в мифе не западу и югу, а середине мира, т.е. устроенной его части.

Но и это противопоставление слишком грубо для прихотливой и переменчивой картины мифологического мира. Мы бы допустили несправедливость по отношению к великанам, увидев в них только воплощение дикой стихии, силу враждебную богам. Правда, богам приходится постоянно отражать их натиск: «бить великанов» — основное занятие Тора, поверженные великаны есть на счету и у других богов. Однако у богов есть и свой интерес в Йотунхейме. Не только великаны зарятся на главных красавиц Асгарда, но и Один не прочь позабавиться с великаншами, а две из дочерей великанов, Скади и Герд, стали женами богов — Ньёрда и Фрейра (неясно, имеет ли какое-нибудь значение, что оба эти бога происходят из рода ванов, с которым некогда враждовали асы). Великаны обычно представляются в мифах как существа тупые и злобные. Но из других мифов, напротив, следует, что они владеют мудростью недоступной богам; это и неудивительно: ведь они древнее богов. И самое главное: нигде в эддических текстах не сказано, чтобы великаны — обитатели Йотунхейма причинили существенный урон богам. Если это и сти-

хия, то укрощенная стихия, если великанский «восток» — окраина, то все же не самая отдаленная окраина.

Гибель богов и всего устроенного ими мира придет не от великанов, а от неких чудовищ — Фенрира Волка, Мирового Змея Йормунганда, Сурта... И вот что особенно странно: самые свирепые из чудовищ суть порождения Локи, т.е. того, кто был своим среди асов или, как сказано в «Младшей Эдде», к ним «причислся».

Обратимся же к асам. Мы уже знаем, что они не единственные боги в мире: есть еще ваны, обитающие где-то в Ванахейме. Но асы — верховная группа богов, держащая в повиновении обитателей других миров (заметим, кстати, что у чудовищ, за исключением Хель, нет собственного мира). Нам, однако, было бы нелегко составить четкое представление, как же боги относятся к роду, или семейству асов. В «Младшей Эдде» Высокий (т.е. сам Один) называет Гюльви «двенадцать божественных асов». При этом он забывает упомянуть самого себя, но зато относит к асам Ньёрда и Фрейра — по происхождению ванов. Неясно, считались ли асами дети Тора, Моди и Магни, или сын Одина Хермод — тот самый, кто взялся ехать «вниз и на север», чтобы вызволить у Хель своего брата Бальдра. В общем, семейство асов и асинь (число которых еще менее определено) — это скорее открытое множество. В конечном счете важно лишь то, каким богам поклонялись скандинавы в языческие времена, и о ком из них больше всего рассказывается в мифах.

Ни о ком мы не узнаем больше, чем об Одине, Торе и Локи. Их фигуры встают перед нами из мифов как живые. Но несмотря на всю реальность, «жизненность» их характеров, мы бы остереглись уподобить их людям. В особенности это относится к Одину и Локи, самым загадочным персонажам скандинавской мифологии.

Нетрудно, конечно, признать Одина в характерной фигуре одноглазого старика в широкополой шляпе. Но в этом облики Один странствует по Мидгарду и является людям. В мифах появляется и иной Один — насмешник и оболъститель великанш, вдохновенный поэт и колдун, бог павших и зачинщик битв (сам, однако, в битвах не участвующий!), и бог, выпытывающий у вельвы сокровенное знание о судьбах мира. У Одина столько же личин, сколько имен, ибо имена эти и есть его личины. И тем не менее за разными личинами угадывается какое-то общее, только ему, Одину, присущее начало.

Что это? Творческое вдохновение (само имя Одина восходит в конечном счете к индоевропейскому корню, означающему «дух, вдохновение»)? Или, напротив, сугубая умышленность всех его деяний? События, в которых участвует Один, всегда развиваются, как он замыслил. Невозможно до конца разгадать миф, перевести его образы на язык абстрактных формулировок.

Но фигура Локи, по своему, еще сложнее. Снорри говорит о Локи в «Видении Гюльви»: «Асы не раз попадали из-за него в беду, но он же выручал их своей изворотливостью». Локи нередко выводится на сцену как спутник Тора и Одина в их странствиях и приключениях. Он добыл для асов их главные сокровища и, может быть, вместе с Одинем и Хёниром участвовал в создании людей из Ясеня и Лозы (см. прим. 6 к «Прорицанию вёльвы»). Более того, в Локи, как в кривом зеркале, отражаются некоторые черты Одина; он — комический двойник Одина, пародия на верховного аса. Это сходство забавно обыгрывается в «Перебранке Локи», где Один и Локи бросают друг другу по сути дела одинаковые обвинения — в колдовстве и немужественности.

Но, как ни забавен, ни низок Локи, у него есть некоторые преимущества перед верховным асом. Один странствует в разных мирах; Локи всюду свой: ас среди асов и демон среди демонов. Едва ли вполне случайно повелитель запредельного мира Утгарда, куда как-то забрел Тор со своими спутниками (см. «Младшую Эдду»), носит имя Утгарда-Локи. В образе кобылицы Локи родил Одину его знаменитого коня Слейпнира. А некая великанша Ангрбода родила от Локи тех самых чудовищ, которые в свой срок уничтожат богов. Один меняет личины: Локи же — оборотень по натуре, и богам не придется ждать от него пощады, когда, сбросив узы, которыми они его связали, он поведет против них корабль чудовищ.

Миф о гибели богов восходит, вероятно, ко временам глубочайшей древности. Намеки на него есть во многих эддических песнях. Но лишь в одной из них, в «Прорицании вёльвы», картина грядущих бедствий и последней битвы богов и чудовищ встает перед нами во всей своей зримости — такую, какой увидела ее древняя пророчица, разбуженная Одинем от смертного сна.

«Прорицание вёльвы» открывает поэтическую «Эдду», и это самая величественная и самая загадочная из эддических песен. Образы

ее так ярко, так вдохновенно звучит голос вёльвы, что трудно сомневаться: перед нами истинное пророчество — текст, рожденный в глубинах мифологического сознания. Но главные мифы, известные и из других песен и пересказов Снорри, выступают в «Прорицании вёльвы» в каком-то новом качестве. Война асов и ванов, строительство Астарда, смерть Бальдра — эти и другие события проходят перед нами не как отдельные сцены из жизни богов, а как акты вселенской драмы, конец которой известен. Все оказывается взаимосвязанным в судьбах мира. Добро прорастает злом, неутомимая деятельность богов расшатывает основы устроенного ими мира, приближая в конце концов его гибель. В своем стремлении к власти боги попирают законы, ими же установленные. Сам Один на сей раз оказывается участником событий, ход которых ему неподвластен. Боги, как и все сущее, не избегают приговора судеб — норн, которые в этой песни носят знаменательные имена — Прошлое (Урд), Настоящее (Верданди) и Будущее (Скульд).

Норны, конечно, остаются обитательницами мифологического мира. Но представление о времени как о процессе, устремленном из прошлого к будущему — к концу мира и новому его возрождению (последние строфы «Прорицания вёльвы»), — это представление скорее всего отражает влияние христианства. Большинство ученых предполагает, что эта песнь сложилась в Исландии во второй половине X века, т.е. в переломную эпоху между язычеством и христианством. Христианство исподволь проникало в Исландию, уживаясь здесь на острове с язычеством. Как сказано в «Саге о Гисли» (события которой относятся ко второй половине X века), «Гисли не приносил больше жертв с тех пор, как побывал в Вэбьёрге в Дании, все же он, как и прежде, устраивал пиры, и притом со всей пышностью» (глава X). А жена Гисли Ауд после смерти мужа крестилась в Дании и совершила паломничество в Рим. С другой стороны, конунг Олав сын Трюгтви, насаждавший христианство у себя дома в Норвегии, не достиг успеха в Исландии: проповеди его посланца священника Тангбрада лишь подогрели рознь между сторонниками старой и новой веры. Язычники продолжали упорствовать. Потребовалась вся мудрость предводителей с той и другой сторон, чтобы прийти в конце концов к согласию. Христианство было принято в 1000 году на альтинге — как закон общий для всей страны. «Если закон не будет

един, то и мира не будет, а этого нельзя допускать», — сказал в своей знаменитой речи годи Торгейр со Светлого Озера (сам язычник!), и все исландцы с ним согласились. С тех пор христианство стало официальной религией в Исландии; язычникам первое время разрешалось совершать свои обряды, но негласно.

Эта тайна язычников не была разглашена и сагами: мы почти ничего не узнаем из них о том, как относились к старым богам исландцы века саг. И, видимо, нам не суждено узнать, кто же были те исландцы (или исландки), которые сохранили вплоть до XIII в. мифологические песни и, передавая из поколения в поколение пророчество вёльвы, говорили ее устами.

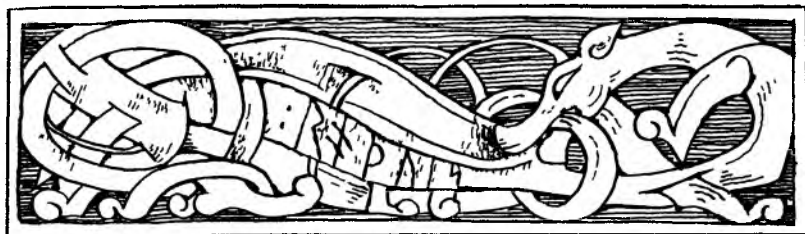
Расцвет исландской литературы в XIII веке совпал с концом исландского «народоправия». Страну потрясали междоусобные, братоубийственные распри. В 1272 году Исландия потеряла независимость: верховная власть была передана норвежскому королю Хакону Хаконарсону. С конца XV века Исландия становится колонией Дании. Наступают самые темные века в ее истории. Но именно из этих веков беспросветной нужды и напастей (в начале XVIII века исландцев было около 50 тысяч — гораздо меньше, чем в век саги) к нам доходят многие рукописи саг и бумажные списки «Эдды». Современный исландский писатель Сигурд А. Магнуссон так сказал о своих соотечественниках: «Мы, исландцы, все одержимые. Когда всякий другой народ больше всего бы заботился о хлебе насущном, мы сидели по своим нищим землянкам и писали, писали, писали. Слово спасло нас».

ПЕРЕВОДЫ и другая литература для дальнейшего чтения

Эта книга дает представление не только о древнеисландской литературе, но и об истории ее перевода в России. Классикой стал перевод «Саги о Волсунгах» Б. И. Ярхо (Academia, М., 1935). Переводчик с замечательным искусством подчеркнул те особенности языка саги, которые роднят ее с русской крестьянской прозой, в частности, с нашим северным сказом. Но немаловажная разница между ними определяется тем, что в Исландии никогда не существовало особой крестьянской культуры, противопоставленной культуре образованных верхов общества. Все исландцы были в прошлом крестьяне, что не мешало им прославиться как «самоу литературному народу мира». Соответственно, и язык саги никогда не воспринимался как специально «крестьянский язык», но в общем совпадал с разговорным языком своего времени, а в исторической перспективе дал начало исландскому литературному языку. Именно так, предельно просто, избегая какой-либо стилизации под народную речь, переводил саги М. И. Стеблин-Каменский; по этому пути пошли и другие переводчики его школы.

Издания древнеисландской литературы, предпринятые по инициативе и под руководством М. И. Стеблин-Каменского, дают широкое представление об основных жанрах древнеисландской литературы. Назовем лишь некоторые из них: Старшая Эдда (пер. А. И. Корсуна), «Лит. памятники», Л., 1963; Младшая Эдда (пер. О. А. Смирницкой), «Лит. памятники», Л., 1971. Исландские саги. Ирландский эпос, серия БВЛ, М., 1972; Сага о Греттире (пер. О. А. Смирницкой), «Лит. памятники», М., 1976; «Поэзия скальдов» (пер. С. В. Петрова), «Лит. памятники», Л., 1979; «Круг Земной», «Лит. памятники», М., 1980. В этих изданиях были впервые опубликованы саги и скальдические стихи, помещенные в настоящей книге. «Пряди об исландцах» в переводе Е. А. Гуревич публикуются впервые. Читателю могут быть знакомы принадлежащие В. Тихомирову переводы таких памятников мировой культуры, как «Беовульф» и гимны «Ригведы»; в этой книге публикуются его новые переводы из эддической поэзии. Перевод «Песни об Атли» принадлежит И. М. Дьяконову — нашему крупнейшему востоковеду и переводчику шумерского «Эпоса о Гильгамеше».

Читателю, желающему глубже узнать историю и культуру древней Скандинавии, мы особенно рекомендуем также следующие книги: Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966; Гуревич А. Я. История и сага, М., 1972; Гуревич А. Я. «Эдда» и сага. М., 1979; Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии. Л., 1967; Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Л., 1971; Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л., 1976; Стеблин-Каменский М. И. Древнескандинавская литература. М., 1979.

СТАРШАЯ ЭДДА. МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Эддическая поэзия сохранилась в нескольких рукописях, но основное, наиболее полное ее собрание — это так называемый *Codex Regius* (сер. XIII в.). Рукопись эта получила название «Эдда» по недоразумению. Ее нашел в 1643 году знаменитый собиратель древностей епископ Бриньольв Свейнссон. Он решил, что мифологические песни, в ней записанные, — это и есть та «древняя мудрость», которая послужила источником для Снорри Стурлусона в его книге, известной как «Эдда», и которую записал за век до Снорри полулегендарный исландский книжник Сэмунд Мудрый. Имя «Эдда» («Эдда Сэмунда Мудрого», а позднее также «Старшая Эдда») было перенесено Бриньольвом на новонайденную рукопись, а произведение Снорри, соответственно, получило название «Младшая Эдда». Что значит слово «Эдда» остается неизвестным, несмотря на множество остроумных попыток его истолкования.

Мифологические песни составляют первую часть собрания *Codex Regius*.

ПРОРИЦАНИЕ ВЁЛЬВЫ

«Прорицание вёльвы» — это первая в рукописи «Эдды» и самая знаменитая из эддических песен. В ней представлена грандиозная картина мира и мировых судеб. Все события, в ней упоминаемые (многие из них известны вне связи друг с другом и из других источников), слагаются в единую цепь, влекущую мир к гибели. Боги со-

здали мир (строфы 2-7), но не сумели надежно оградить его от сил хаоса (строфа 8). Более того, сама их созидательная работа расшатывает хрупкое равновесие мирового здания. Так, следом за сотворением людей — существ, наделенных индивидуальностью (строфы 17-18), в мир являются судьбы (строфа 20), которым подвластны и люди, и сами боги. А с приходом судеб начинается, собственно, мировая история, с самого начала замешанная на предательствах и распрях (строфы 21-26). Вёлва, побуждаемая Одином к дальнейшему повествованию (строфы 28-29), видит и то, что ждет мир в будущем. Она видит, как множатся силы зла, как плодятся на окраинах мира чудовища (строфы 36-40) и как в конце времен погибнут под их нашествием боги и весь сотворенный ими мир (строфы 41-58). Вёлва видит и новое возрождение мира (строфы 59-65). Но эта картина новых светлых времен внезапно обрывается видением черного дракона, несущего под крылами трупы мертвецов (строфа 66).

Песнь, созданная, как обычно предполагают, на закате язычества (конец X в.), была заново перечитана и прочувствована в XIX-XX веках. Сам мотив «гибели богов» (или «сумерек богов») вошел в плоть и кровь новейшей европейской культуры.

- 1 *Отпрыски Бора* — боги Один, Вили и Ве.
- 2 *Мир серединный* — Мидгард (см. Словарь, I).
- 3 *Три девы* — эти загадочные девы предвещают явление норн (строфа 20).
- 4 *Бримир, Блаин* — возможно, имена Имира.
- 5 *Аск и Эмбла* — «ясень» и «лоза», из которых боги сотворили первых людей.
- 6 *Лодур* — возможно, другое имя Локи.
- 7 *Девы-провидицы* — норны (см. словарь, I).
- 8 *Гульвейг* («сила золота?»), она же ведьма Хейд, возможно была послана ванами, дабы развратить богов и людей и посеять вражду в мире.

- 9 Эта и следующие строфы отсылают к сказанию о том, как боги, по совету Локи, посулили отдать Фрейю («супруга Ода»), а также луну и солнце, великану, построившему для них твердыню Асгарда. Тор убил великана, и боги таким образом, нарушили данную ими клятву.
- 10 *Хеймдалля звук* — по одному из толкований, рог Гьяллархорн, в который Хеймдалль затрубит, возвещая начало последней битвы богов.
- 11 Один оставил свой глаз в залог Мимиру в обмен на мудрость.
- 12 В строфах 31— 35 вёльва рассказывает о гибели Бальдра, убитого его братом Хёдом по наущению Локи, и о наказании Локи (см.: «Младшая Эдда», с. 19 наст. изд.).
- 13 Рассказ вёльвы о чудовищах, обитающих на северо-восточной окраине мира, и о творящихся в мире преступлениях предвещает последние роковые события — гибель богов и устроенно-го ими мира.
- 14 *Гуллинкамби* — «золотой гребешок».
- 15 *Нагльфар* — корабль, построенный из ногтей мертвецов.
- 16 *Бюлейста брат* — Локи.
- 17 *Хлин* — Фригг.
- 18 *Сразивший Бели* — Фрейр; Бели — великан.
- 19 *Владыка Побед* — Один.
- 20 *Хлодюн, она же Фьёргюн* — Земля, мать Тора.
- 21 В этой строфе, как и во всем рассказе о возрождении мира, видят признаки христианского влияния.
- 22 Исследователи толкуют эту строфу по-разному, поскольку из нее неясно, о каких временах идет речь.

РЕЧИ ВАФТРУДНИРА

Состязание в мудрости между Одним и великаном Вафтрудниром служит в этой песни поводом для сообщения сведений об устройстве мира, а также подтверждает превосходство асов над существами иных миров.

- 1 Родитель Ратей — Один.
- 2 Родитель Имма — Вафтруднир; Устрашителю — Один.
- 3 Готы — здесь общее обозначение германских племен.
- 4 Страшная Зима — зима, которая будет длиться три года перед гибелью богов.
- 5 Миф, который здесь упоминается, неизвестен.

РЕЧИ ГРИМНИРА

Большая часть строф песни — это мудрые речи «колдуна» Гримнира об Асгарде, его обиталищах, реках, мифологических животных и т.п., исторгнутые у него пыткой в палатах Гейррёда. Но из вступительной прозы известно, что под личиной Гримнира скрывается сам Один, в свою очередь, испытывающий своего воспитанника Гейррёда. И в описание Асгарда вплетаются, все громче звуча в песни, строфы иного рода — заклинания, посредством которых Гримнир возвращает себе силу и власть Одина и осуществляет возмездие.

Пояснения к именам богов, встречающихся в песни, см. в словаре, I.

- 1 Гримнир — «скрывающийся под маской».
- 2 Форсети — «председатель тинга». Этот ас упоминается только в данном месте и в перечнях «Младшей Эдды» (где о нем говорится как о сыне Бальдра).

- 3 *Гери и Фреки* — волки Одина (Родителя Ратей).
- 4 *Хугин и Мунин* — вороны Одина («мысль и память»). В этой строфе Гримнир впервые отождествляет себя с Одином; его спасение зависит от того, удастся ли ему овладеть своими мыслями и памятью.
- 5 *Тунд* — река, окружающая Вальгаллу; рыба волка Фенрира — мировой змей Йормунганд.
- 6 *Бильскирнир* — жилище Тора.
- 7 *Воины Вальгаллы*, т.е. эйнхерии, выйдут на битву с чудовищами, когда настанет конец мира.
- 8 *Лерад* — другое имя Иггдрасиля.
- 9 Далее, в строфах 27 — 28, перечисляются мифологические реки. Среди них называются и Рейн с Двиною.
- 10 В этой строфе перечисляются имена валькирий.
- 11 *Невеста небес* — солнце; *Лгун и Ненавистник* — чудовищные волки, преследующие солнце.
- 12 *Ивальди чада* — карлики, изготовившие лучшие сокровища богов.
- 13 *Радуга* — радужный мост Биврёст.
- 14 О том, как боги собирались на пиру у морского великана Эгира, есть рассказы в обеих «Эддах».
- 15 С этой строфы начинается знаменитый перечень (тула) имен Одина — его обличий, запечатлевающих различные его свойства. Перечисляя их, Один совершает акт самовоплощения. Как и в переводе, в оригинале одни из имен вполне прозрачны, другие скорее намекают на некий признак, чем его называют.
- 16 Истории, которые упоминает в этой и следующей строфе Один, неизвестны.

ПОЕЗДКА СКИРНИРА

Эта песнь, рассказывающая о сватовстве бога Фрейра к Герд, дочери великана Грюмира, может быть, восходит к архаическим ритуальным представлениям, которые разыгрывались на праздниках плодородия.

- 1 Обручье — чудесное кольцо Драупнир, изготовленное карликами для Одина. Один положил его на погребальный костер Бальдра (см. с. 56 наст. изд.).
- 2 С этой строфы начинается знаменитое заклинание Скирнира (как, полагают близко воспроизводящие подлинные языческие заклинания), с помощью которого он сломил сопротивление Герд.

ПЕСНЬ О ХАРБАРДЕ

Эта комическая песнь также своего рода игра, участники которой простак Тор и Один, морочащий его под видом перевозчика Харбарда. Перебранка богов воспроизводит в комических красках известные по сагам «сравнения мужей»: соперники выхваляются друг перед другом и выставляют друг друга на посмешище.

Песнь и в оригинале выделяется своим простонародным стилем и расшатанной формой стиха.

- 1 Комизм песни не в последнюю очередь в том, что Тор не узнает Одина и не понимает, что его разыгрывают. Он рассказывает далее о своих подлинных подвигах в Стране великанов, а Харбард-Один плетет небылицы о своих любовных приключениях.
- 2 Хрунгнир — великан, о битве которого с Тором известно из «Младшей Эдды».

- 3 *Тьяци* — также знаменитый великан, сраженный Тором; его дочерью была богиня Скади (см. Словарь, I).
- 4 *Ночные наездницы* — колдуньи.
- 5 *Валланд* — здесь «страна битв» (ср. прим. 2 к «Песни о Вёлунде»).
- 6 Эта нелестная для Тора история подробно рассказана Снорри в его «Эдде» (см. с. 66 наст. изд.).
- 7 Смысл этой насмешки, выведшей Тора из себя, неясен.
- 8 *Сив* — богиня, жена Тора.
- 9 *Магни* — сын Тора от одной великанши.
- 10 *Фьёргюн* — см. прим. 20 к «Прорицанию вёльвы».

ПЕРЕБРАНКА ЛОКИ

Это неподражаемо смешная песнь, где Локи выставляет асов в самом неприглядном свете, едва ли содержит в себе моральное осуждение языческих богов; скорее всего ее целью было просто позабавить слушателей. Но вместе с тем едва ли случайно в этой песни содержится множество намеков на грядущую гибель богов. И важным оказывается не то, справедливы или нет обвинения Локи, а то, что боги не сумели ему ответить и потерпели поражение в этой перебранке.

Сведения о большинстве богов, действующих в песни, см. в словаре, I.

- 1 О том, как Тор добыл для Эгира котел, рассказывается в эддической «Песни о Хюмире».
- 2 На востоке — т.е. в стране великанов.
- 3 *Лофт* — другое имя Локи.

- 4 Локи только в этой песни оказывается побратимом Одина.
- 5 Локи был отцом чудовищного волка Фенрира.
- 6 *Брат Фрейи* — Фрейр; далее (строфа 36) Локи обвиняет в связи с сестрою самого отца Фрейи и Фрейра — Ньёрда. Эти обвинения приоткрывают какие-то более архаические пласты культуры, связанные с культом ванов, т.е. богов, вытесненных асами.
- 7 Согласно другим источникам, Ньёрд был заложником ванов у асов, но вовсе не у великанов («на востоке»).
- 8 *Хюмир* — великан; *его дочери* — стекающие в море потоки; *Ньёрд* — бог моря.
- 9 История о том, как Фенрир Волк отгрыз Тьюру руку, тем отомстив богам за обман, рассказывается в «Младшей Эдде».
- 10 *Хродрвитнир* — Фенрир Волк.
- 11 В «Поездке Скирнира» сказано, что Фрейр отдал свой меч не великанам, а своему гонцу Скирниру.
- 12 *Скади* — дочь великана Тьяци, убитого богами. В качестве выкупа боги предложили ей выбрать себе мужа из асов. Так Скади стала женой Ньёрда и поселилась в Асгарде.
- 13 *Хлорриди* — Тор.
- 14 *Рамен (плеч) камене* — голова.
- 15 *Родитель Ратей* — Один.
- 16 *Хрунгнира гибель* — молот Мьёлльнир; *Хрунгнир* — великан, которого убил Тор.
- 17 О том, как Тор встретился с великаном Скюрмиром, см. «Младшую Эдду» (с. 86 в наст. изд.).

ПЕСНЬ О ВЁЛУНДЕ

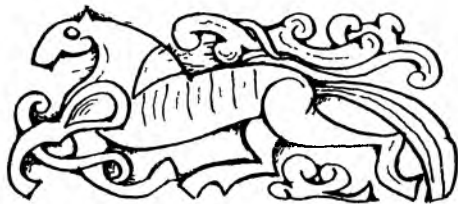
Песнь эта одна из наиболее темных в «Эдде». О многом в ней говорится лишь намеками, о многом умалчивается. Так, остается неясной связь между рассказом о любви Вёлунда к улетевшей от него валькирии и историей его плена и его страшной мести конунгу Нидуду. Исследователи предполагали, что в песни сплелись разные сказания и что некоторые строфы в ней не сохранились. Но трагическая и таинственная атмосфера песни, вне сомнения, определяется и самой фигурой ее главного героя — чудесного кузнеца Вёлунда. Подобно реальным кузнецам (чье ремесло вызвало суеверное восхищение и вместе с тем страх), Вёлунд живет «на отшибе», у края заселенного пространства, везде оставаясь чужим; его одиночество, отверженность — сквозной мотив песни.

«Песнь о Вёлунде» считается одной из наиболее архаических в «Эдде». Некоторые ее мотивы имеют параллели в западногерманской традиции.

- 1 *Хлёдвер* — Хлодвиг, имя двух франкских королей.
- 2 *Кьяр* — кесарь; *Валланд* — древнескандинавское название южных («вальских», т.е. романских) стран, но также, по созвучию, и «страна битв» (ср. Вальгалла, валькирия — с тем же корнем).
- 3 Валькирии летят с юга, куда скандинавское предание относит начала главных героических событий.
- 4 *Нездесьняя* — эпитет ко всем трем валькириям, но также прозвание одной из них, суженой Вёлунда.
- 5 *Мюрквид* — мифологический «темный лес».
- 6 Эти строки отсылают к сказанию о Сигурде; *груз Грани* — золотой клад, которым завладел Сигурд, убив змея Фафнира («золото Рейна»).
- 7 Тут пропуск в повествовании: действие переносится в палаты Нидуда.
- 8 Это превращение Вёлунда в птицу остается загадкой в песни. Его связывали и с действием волшебного кольца, и с ремеслом

Вёлунда, смастерившего себе крылья (наподобие Дедала), и с оборотничеством как проявлением его собственной натуры.

- 9 *Супруга Вёлунда* — имеется в виду Бёдвильд.

ИЗ МЛАДШЕЙ ЭДДЫ.
ВИДЕНИЕ ГЮЛЬВИ

«Видение Гюльви», отрывки из которого публикуются в настоящем издании, — первая и самая знаменитая часть «Эдды» Снорри Стурлусона (так называемая «Младшая Эдда»), единственная в своем роде сокровищница сведений о скандинавской мифологии. Снорри Стурлусон (см. о нем словарь, II) замыслил свою «Эдду» как трактат о скальдической поэтике; ее вторая и третья части содержат описание словаря и метрики скальдов. Как предполагают, «Видение Гюльви» было написано позже. Присоединив его к «Эдде» на правах своего рода введения в скальдическую поэтику (скальды часто прибегают в кеннингах к мифологическим мотивам и именам), Снорри получил предлог записать мифы и тем самым спасти их от забвения. Искусство, с которым он свел воедино и пересказал мифы, доставило «Младшей Эдде» славу великого памятника мировой литературы.

- 1 Данный миф связывают с переселением данов со Скандинавского полуострова на острова (в 3 – 4 вв.). С тех пор о.Зеландия — это центральная область Дании. В древности там была столица датских конунгов из династии Скъёльдунгов.
- 2 *Браги Старый* — см. словарь, II.

- 3 Строфа I эддической песни «Речи Высокого» (эддические песни здесь и ниже в пер. А.И.Корсуна).
- 4 *Высокий, Равновысокий и Третий* — имена Одина; они в частности известны из тулы имен Одина в «Речах Гримнира» (см. прим. к данной песни).
- 5 Перечисленные имена также принадлежат Одину.
- 6 *Хель и Нифльхель* — преисподняя; но Хель также имя владычицы преисподней, а имя Нифльхель употребляется также как равнозначное Нифльхейм — «мир мрака» (см. с. 101).
- 7 Строфа 3 «Прорицания вёльвы».
- 8 *Муспелль* — см. словарь, I.
- 9 Строфа 52 «Прорицания вёльвы».
- 10 Так Снорри называет строфы 29 — 44 эддической «Песни о Хюндле»; ниже приводится строфа 33 этой песни.
- 11 Приводятся строфы 31 — 31 эддической песни «Речи Вафтруднира».
- 12 *Бури* — «родитель»; *Бор* — «рожденный».
- 13 В этом ряду все три имени прочитываются как значимые: Один — от прил. *óðr* «бешеный», но также от сущ. *óðr* «поэзия»; Ве значит «жрец», а Вили может быть понято как «желание» (хотя ученые этимологизируют его иначе). О братьях Одина известно очень мало; в сущности они скорее его ипостаси (подобно Высокому, Равновысокому и Третьему).
- 14 Строфа 35 «Речей Вафтруднира».
- 15 Строфа 5 «Прорицания вёльвы».
- 16 Строфы 40 — 41 «Речей Гримнира».
- 17 В данном месте (как и в Прологе к своей «Эдде») Снорри прибегает к эвгемеристическому объяснению мифов, т.е. трактует богов как реальных людей, пришедших некогда в Скандинавию из Трои.

- 18 *Биврёст* — «трясущаяся дорога».
- 19 В «Прорицании вёльвы» (строфы 11 — 16) приводится другой вариант перечня карликов. Некоторые из этих имен прозрачны (например: Нии — «новый месяц», Ниди — «месяц на ущербе», Нордри — «северный», Судри — «южный»); другие толкуются лишь предположительно.
- 20 См. о ясене Иггдрасиль словарь, I.
- 21 Снорри не понял трудного места в «Прорицании вёльвы» (строфа 27) и предположил, что рог Хеймдалля Гьяллархорн, как и глаз Одина, скрыт в источнике Мимира.
- 22 Строфа 28 «Прорицания вёльвы».
- 23 Строфа 29 «Речей Гримнира».
- 24 См. об именах норн словарь, I (*норны*).
- 25 Строфа 29 «Речей Фафнира», героической песни «Старшей Эдды».
- 26 Строфы 35 и 34 «Речей Гримнира».
- 27 Строфа 19 «Прорицания вёльвы».
- 28 Строфа 37 «Речей Вафтруднира».
- 29 Одно из имен Тора.
- 30 *Мьёлльнир* — чудесный молот громовержца Тора; имя его возможно родственно рус. «молния».
- 31 В эддической «Песни о Харбарде» (строфа 26) этот великан назван Фьяларом.
- 32 Миф каким-то образом связывает коварного повелителя Утгарда (см. словарь, I) с Локи. В «Деяниях датчан» средневекового датского ученого Саксона Грамматика «Утгардилокус» — это Локи, изгнанный богами в Утгард.
- 33 *Логи* — «пламя» и, в определенном смысле, так же потусторонний двойник Локи. В прошлом ученые связывали Локи со стихией огня и этим объясняли неуловимость его натуры.

- 34 Хуги — «мысль».
- 35 Элли — «старость».
- 36 Этот миф известен также из эддической «Песни о Хюмире». Но там это комически окрашенный рассказ о подвиге Тора в стране великанов. Снорри же вплетает миф в канву событий, подводящих в конце концов к победе сил хаоса и гибели богов. Не случайно сразу за этим мифом следует полный глубокого трагизма рассказ о гибели Бальдра.
- 37 Строфа 45 «Прорицания вёльвы».
- 38 Строфы 46 — 48, 50 — 53, 55 — 57 «Прорицания вёльвы» (см. прим. к этой песни).
- 39 Строфа 18 «Речей Вафтруднира».
- 40 Строфы 38 — 39 «Прорицания вёльвы».
- 41 Строфа 51 «Речей Вафтруднира». *Вингнир* — Тор.
- 42 Строфа 45 «Речей Вафтруднира».
- 43 Строфа 47 «Речей Вафтруднира».
- 44 Заключительные строки «Видения Гюльви» допускают различные толкования. С одной стороны, они как-то связаны с эвгемеристическим объяснением мифов как небылиц, а богов — как «земных асов», людей пришедших из Азии и заморочивших конунга Гюльви (см. прим. 17). Но, с другой, — намекают на то, что асы — это истинные боги (давшие свои имена людям и тем самым подсказавшие им «ученую», рациональную версию своего происхождения), и все рассказанное ими — правда.

СТАРШАЯ ЭДДА. ИЗБРАННЫЕ ПЕСНИ О ГЕРОЯХ

ПЕРВАЯ ПЕСНЬ О ХЕЛЬГИ УБИЙЦЕ ХУНДИНГА

В «Старшей Эдде» есть еще две песни о Хельги, заканчивающиеся гибелью героя, но «Первая Песнь...» доводит события до момента его наивысшего торжества. Мажорность этой песни и ее необычайно яркий и изобретательный язык сближают ее с хвалебными песнями скальдов. Сказание о Хельги датского происхождения, но норвежско-исландская традиция присоединила его к так наз. «сигурдовскому циклу». Хельги, согласно этой традиции, оказывается сыном Вельсунга и кровным братом Сигурда Фафниробойцы (см. «Сагу о Волсунгах» в наст. изд.).

- 1 *Боргхильд* — первая жена Сигмунда сына Вельсунга; Сигурд был его сыном от второй жены Хьёрдис.
- 2 *Ильвинги* — датский род, но в этой песни они отождествлены с Вельсунгами.
- 3 *Луку* приписывались магические свойства.
- 4 *Буря дротов* — битва. В песни и далее много метафор, напоминающих скальдические кеннинги, но не утративших живой образности. Благодаря этому они, как правило, не нуждаются в разъяснениях.

- 5 В оригинале здесь обыгрывается имя Гранмар, которое может быть понято как «усатый конь», т.е. своего рода кеннинг кота.
- 6 *Сестры Кольги* — волны, дочери морского великана Этира; Кольга — одна из них.
- 7 *Синфьетли* — также сын Вельсунга; см. о нем «Сагу о Волсунгах».
- 8 Перебранки подобного рода — это своего рода словесный ритуал, предшествующий битве. Оскорбления, которыми осыпают друг друга противник, вполне традиционны (см. «Перебранку Локи»).
- 9 *Звери морские* — боевые корабли с драконьими головами на носу.
- 10 *Пожива Хугина* — павшие в битве; Хугин — ворон Одина.

ПЕРВАЯ ПЕСНЬ О ГУДРУН

Эта песнь — самая знаменитая из так называемых «героических элегий» «Старшей Эдды», рассказ о горе Гудрун, скорбящей над телом Сигурда и стойкости ее духа. Героиня-плакальщица вырастает в песни в героиню-мстительницу, бросающую вызов своим братьям, которые предали Сигурда, своей сопернице Брюнхильд и самой судьбе. «Песнь о Гудрун» — это тем самым своего рода пролог к последующим трагическим событиям сказания, в которых Гудрун суждено сыграть центральную роль.

Рассказ о том, как был предан Сигурд, и о его гибели, совершившейся по наущению Брюнхильд, см. в «Саге о Волсунгах».

- 1 *Гьялауг*, как и другие женщины, упоминаемые далее (*Хелборг*, *Гульрёнд*), очевидно придуманы специально для данной песни.
- 2 *Воитель* — Один.

ПЕСНЬ ОБ АТЛИ ГРЕНЛАНДСКАЯ

Эта песнь — о трагической судьбе дома Нифлунгов и о мести Гудрун за гибель ее братьев. События развиваются в ней стремительно — от одного вершинного момента к другому. В песни много темных мест, многое остается недосказанным: она дает волю воображению слушателей, знакомых со сказанием (а современный читатель может воссоздать основные сюжетные линии, обратившись к «Саге о Волсунгах»). Песнь считается одной из древнейших в «Эдде».

- 1 В «Саге о Волсунгах» вестник Атли носит имя Винги.
- 2 Название одиновых палат переносится в этой песне на палаты Гуннара, а также Атли (см. строфу 14). Вальгалла значит буквально «палаты павших», и неясно, не служит ли это название предзнаменованием судьбы, ожидающей владельцев обеих палат. В песни много и других мифологических наименований, и сама страна Атли (в оригинале: мир Атли) приобретает в ней черты иного, запредельного мира.
- 3 *Мюрквид* — пограничный лес, разделяющий «свои» и «чужие» земли, находящиеся где-то на юге.
- 4 Речи Кнефрёда двусмысленны: они могут быть поняты и как посулы даров, и как вызов.
- 5 *Днепр* упоминается только в этом месте «Эдды».
- 6 *Гни́тахейд* — поле, где дракон Фафнир охранял свой золотой клад.
- 7 Песнь и далее уподобляет Атли волку (ср. строфу 11), с которым сражаются медведи-Нифлунги (строфы 11, 38, а также 12, где дети Хёгни названы медвежатами).
- 8 Упоминание *Рейна* неслучайно: на Рейне находилось королевство бургундов, разрушенное в 437 г. гуннами (ср. след. прим.).
- 9 Это единственное место в «Эдде», где сохраняется память о связи Гуннара с историческим королем бургундов Гундихарием.

- 10 *Вепрь* — поэтическое наименование конунга, князя.
- 11 *Гуси* считались священными птицами; ср. строфу 16 «Первой Песни о Гудрун».

РЕЧИ ХАМДИРА

Как и «Песнь об Атли», эта песнь считается одной из древнейших в Эдде. В ее основе — готское предание о смерти короля остготов Эрманарика (375 г.): согласно преданию, братья Аммиус и Сарус (= Хамдир и Сёрли эддической песни) убили Эрманарика (= Ёрмунрекк), мстя за свою сестру Сунильду (= Сванхильд). Темный язык и мрачный пафос этой песни также сближает ее с «Песнью об Атли». Смертью Хамдира и Сёрли, последних отпрысков рода Гьюки, завершается весь цикл эддических песен о Сигурде и Гьюкунгах.

- 1 В других эддических песнях рассказывается, что Сигурда убил Готгорм, младший брат Гуннара и Хёгни.
- 2 *Хитрец* — Эрп, сводный брат Хамдира и Сёрли. Из песни неясно, почему он здесь так называется (ср. прим. 5).
- 3 *Чернявый* — намек на иноплеменное происхождение Эрпа, матерью которого была не Гудрун, а наложница Йонакра (третьего мужа Гудрун).
- 4 *Сестрин сын* — Рандвер, сын Ёрмунрекка, казненный им за то, что он, якобы, был в любовной связи со своей мачехой Сванхильд.
- 5 *Хродрглёд* — имя какой-то неизвестной женщины или эпитет — «славная». В последнем, более вероятном, случае данная строфа должна была бы находиться после 10 или 11 строфы: это речь Гудрун («славной»), обращенная к ее приемышу Эрпу: именно по наущению Гудрун Эрп берет на себя роль «третьего» — помощника братьев, который должен был отрубить Ёрмунрекку голову. Отсюда понятно, почему Эрп был назван «хитрецом» (см. прим. 2): он знал нечто, неизвестное братьям.

САГА О ВОЛСУНГАХ

«Сага о Волсунгах» представляет собой свод героических сказаний о том, кого сами исландцы называли «величайшим героем древности» — Сигурде убийце Фافнира, о его роде и о драматических событиях, последовавших за его гибелью. В своей центральной части сага близко соприкасается с героическими песнями «Старшей Эдды». Полагают, что и в других случаях проза саги восходит к эддическим песням, до нас не дошедшим. Автор сделал все возможное, чтобы представить сказания, отрывочно известные из «Эдды», в виде связного, насыщенного бытовыми подробностями и спокойного по тону повествования, т.е. перевоплотить героические песни в сагу.

Сага о Вольсунгах считается одной из древнейших «саг о древних временах» (конец XIII в.), и она, бесспорно, самая известная из них.

- 1 *Лишенный мира* — человек, объявленный вне закона, которого всякий мог безнаказанно убить.
- 2 *Воронье платье* — волшебная одежда из перьев, надевая которую, ее обладатель превращался в птицу; оборотни вообще понимались как «ряженные» в звериный или птичий наряд. Ср. древние представления о берсерках (словарь, II) как об оборотнях, надевающих «медвежью рубаху»; см. также прим. 6.
- 3 *Гаутская земля* — область в древней Скандинавии, населенная гаутами (гаутом, по преданию, был Беовульф); вошла в состав шведского государства. В данном случае, однако, это название лишено какой-либо исторической конкретности.

- 4 В человеке этом читатели саги без труда узнавали Одина — прародителя «одиноческих героев» — Волсунгов; Один и в дальнейшем направляет судьбы своих избранников (ср. главы X, XI, XIII, XVII).
- 5 *Сигню*, подобно многим героиням сказаний и саг, обладает даром предвидеть будущее. Вера в сверхъестественную интуицию женщин была распространена у германцев издревле; об этом писал Тацит в своей «Германии» (кон. I в.): «они <германцы> думают, что в женщинах есть нечто священное и вещное, не отвергают с пренебрежением их советов и не оставляют без внимания их прорицания» (*Germania*, VIII).
- 6 Волки-оборотни (ср. слав. волкодлак, у Пушкина — вурдалак) известны и сагам об исландцах: так, оборотнем считали деда Эгиля Скаллагримссона — Квельдульва (букв. «Вечерний Волк»).
- 7 Место, не поддающееся прочтению в рукописи.
- 8 Начиная с рассказа о рождении Хельги, сага излагает события в общем в той же последовательности, что и песни «Старшей Эдды». Имеются и непосредственные переключки между текстом саги и эддическими текстами.
- 9 Человек этот — Один, в данном случае в роли «перевозчика мертвых».
- 10 *Регинсмол* — «Речи Регина» («Старшая Эдда»). В саге и далее приводится много эддических цитат; некоторые стихотворные строки взяты из не дошедших до нас эддических песен.
- 11 *Пламя вод* — золото.
- 12 Имеются в виду поэтические фигуры скальдов, восходящие к этому мифу.
- 13 Все эти имена принадлежат Одину.
- 14 *Фафнисмол* — «Речи Фафнира» («Старшая Эдда»).
- 15 *Стеною из щитов* обычно называли особый вид построения войска: отряд во время битвы группировался вокруг вождя,

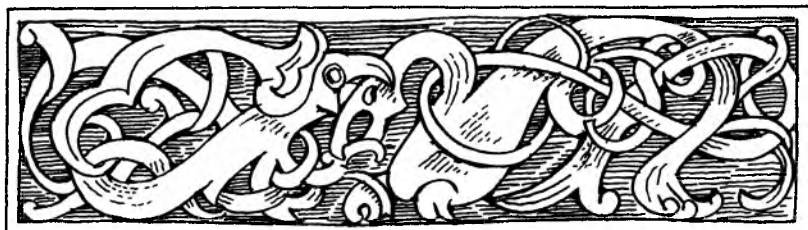
плотно смыкая щиты. Но в данном случае это выражение подразумевает некую волшебную преграду, которую, однако, легко преодолел Сигурд.

- 16 *Убийца Фафни* — меч Сигурда Грам.
- 17 В эддической песни разбуженная Сигурдом валькирия называет себя Сигрдривой (букв. «вьюга победы»). Возможно, отождествление валькирии с Брюнхильд, дочерью Будли, отражает более поздний этап в развитии сказания.
- 18 *Сигрдрифумол* — «Речи Сигрдривы» («Старшая Эдда»). Далее цитируются поучения в рунической мудрости, составляющие большую часть этой песни.
- 19 *Тю* — бог войны Тюр и, одновременно, название руны «т», напоминающей своим начертанием наконечник стрелы.
- 20 «*Науд*» — руна «н» (букв. «нужда, принуждение»).
- 21 *Лук-порей* применялся в магии в качестве оберега.
- 22 Скорее следует понимать это выражение, как «защитные» (в данном контексте «повивальные») руны.
- 23 *Хропт* — Один.
- 24 *Арвак и Алсвин* — кони, везущие колесницу солнца.
- 25 *Обод повозки Рогни* — имеется ввиду колесница бога-громовержца Тора.
- 26 *Лекаря след* — в тексте неясное выражение «целительный след»(?).
- 27 *Гунгни (Гунгнир)* — копье Одина.
- 28 *Горние* — боги.
- 29 *Клен копий* — воин.
- 30 Вычурная образность этой главы, а также некоторых последующих глав вполне в духе так называемых «рыцарских саг», отражающих влияние средневековых романов. Описание доспе-

хов и внешности Сигурда, в частности, прямо перекликается с главой 185 «Саги о Тидреке», основанной на нижненемецких источниках.

- 31 Часть предания, пересказанная в главах XX-XXXI, приходится на так называемый «пробел» в рукописи Старшей Эдды: утрачена целая тетрадь, предположительно содержащая три песни. Некоторые события, здесь описанные, (в частности, «спор королев»), известны, однако, из краткого изложения Снорри Стурлусона в его «Эдде».
- 32 Первый элемент имени Бекхильд означает «скамья», а имени Брюнхильд — «броня»; но общий элемент обоих имен значит «битва».
- 33 *Будладоттир* — дочь Будли.
- 34 Ср. описание обряда побратимства в главе VI «Саги о Гисли».
- 35 Малопонятное место, вероятно намекающее на магические познания Брюнхильд (ср. главу XXI): мертвых вызывали, чтобы выведать от них только им известные тайны мира.
- 36 *Хамингья* — «покровительница», незримый дух, персонифицирующий удачу человека (ср. в словаре: *фюльгья*).
- 37 *Рыбы подколодные* — змеи.
- 38 Имеется в виду дверь в подземное царство Хель, которая пропустит Сигурда. Поразительная деталь сказания: величайший «одинический герой» попадает после смерти не к Одину в Вальгаллу, а в Хель, ибо он пал не в бою. То же следует и из эддической песни «Поездка Брюнхильд в Хель»: Брюнхильд отправляется в Хель, чтобы навсегда соединиться там с Сигурдом.
- 39 В этих словах Гудрун находит отражение другая версия убийства Сигурда, согласно которой он был заколот в лесу.
- 40 *Ярислейф* — в исторических сагах этим именем называют князя Ярослава Мудрого (1019 — 1054).
- 41 *Росы огнища* — сажа.

-
- 42 В этой и последующих главах рассказ о гибели Нифлунгов в основном совпадает с «Речами Атли». Несколько иначе рассказывается о тех же событиях в более архаической и сжатой «Песни об Атли» (см. наст. изд.).
- 43 Это обвинение присутствует и в эддических «Речах Атли» (строфа 57); неизвестно, какие события имеются в виду.
- 44 *Хамдисмол* — «Речи Хамдира» (см. наст. изд.).

СКАЛЬДЫ

Эйвинд Погубитель Скальдов
РЕЧИ ХАКОНА

Эйвинд Финнссон (сын Финна), по прозвищу Погубитель Скальдов, — последний знаменитый норвежский скальд (умер ок. 990 г.). Он был скальдом и сподвижником конунга Хакона Доброго, с которым состоял также в родстве. Публикуемое стихотворение — поминальная песнь, в которой воспевается последняя битва Хакона на острове Сторд (ок. 960 г.) и его посмертный путь в Вальгаллу. После смерти Хакона к власти в Норвегии пришли его противники, Харальд Серая Шкура и его братья, сыновья Эйрика Кровавая Секира и Гуннхильд. Харальд пытался склонить Эйвинда на свою сторону, но получил отпор. Эйвинд предпочел сохранить независимость и удалился в свое поместье в Халогаланде (северная Норвегия).

«Речи Хакона» — сочинены в эддических размерах; отсюда сравнительная простота их языка.

- 1 *Высокий* — Один.
- 2 *Гёндуль и Скёгуль* — валькирии.
- 3 Норвежские (как и шведские) конунги возводили свой род к богу Ингви-Фрейру (см. словарь, I).
- 4 *Бьёрнов брат* — Хакон.
- 5 *Рогаландские мужи, халейги* — жители Рогаланда и Халогаланда, областей в Норвегии.

-
- 6 Войско, против которого сражался Хакон, состояло преимущественно из датчан.
- 7 *Одежды Вавуда* — доспехи; Вавуд — Один.
- 8 *Тюр злата* — конунг; Тюр — бог.
- 9 *Земли лезвий* — щиты.
- 10 *Капли сечи* — кровь.
- 11 *Поле копий* — щит.
- 12 *Небо окружья* — щит.
- 13 *Буря Скёгуль* — битва.
- 14 *Каемчатый облак* — щиты.
- 15 *Вихрь Одина* — битва.
- 16 *Ручей лука* — кровь.
- 17 *Хермод и Браги* — боги (см. словарь, I).
- 18 *Хрофтатюр* — Один.
- 19 *Эйнхери* — воинство Одина в Вальгалле (см. словарь, I).
- 20 *Фенрир Волк* — чудовищный волк, который вырвется на свободу, когда настанет время гибели богов (см. «Прорицание вёльвы» в наст. изд.).

Эгиль Скаллаgrimссон УТРАТА СЫНОВЕЙ

Эгиль Скаллаgrimссон (сын Скаллаgrима) — величайший исландский скальд и, вместе с тем, одна из самых мощных фигур начальной исландской истории. Эгиль родился ок. 910 г. (примерно через двадцать лет после того, как его отец Скаллаgrim поселился в Исландии) и умер ок. 990 г. О жизни его, полной опасностей и приключений, рассказывается в посвященной ему саге («Сага об Эгиле»). Эгиль предстает перед нами в саге как человек бешеного нрава, беспощадный к врагам и безгранично преданный своим друзьям и родичам. В скальдической поэзии нет произведения, равного «Утрате сыновей» по лиризму и трагическому пафосу. В основе своей это поминальная песнь. Эгиль посвятил ее Бёдвару, своему младшему сыну, утонувшему в море. Как рассказывает сага, похоронив Бёдвара, Эгиль не хотел жить. Он лежал, запершись в каморке, где обычно спал, никого к себе не пуская и отказываясь от еды и питья. Только обманом его дочь Торгерд уговорила его выпить молока и продлить таким образом свою жизнь ради того, чтобы сочинить песнь в память о Бёдваре. Эгиль потерял к тому времени и другого сына — отсюда название песни. Но содержание ее шире: старый скальд скорбит об утрате всего, что было дорого ему в жизни, и сетует на свою немощь. Единственное, что не отнято у него временем и возмещает его несчастья — это «дивный дар» Одина, поэтическое искусство. Так поминальная песнь завершается прославлением поэзии.

Размер песни — квидухатт (переходный между эддическими и скальдическими размерами).

- 1 *Хрофтова крадьба* — мед поэзии; Один (Хрофт) добыл его обманным путем у великанов.

- 2 *Дар Йотунхейма* — то же; Йотунхейм — мир великанов.
- 3 *Раны выи Имира* — море; боги создали его из крови первовеликана Имира.
- 4 *Открыв врата в тыне зубовном* — разомкнув уста.
- 5 *Ран* — владычица моря, супруга Этира.
- 6 *Пивовар* — морской великан Этир; в одном из мифов рассказывается, как он наварил пива для богов.
- 7 *Брат бури* — он же.
- 8 *Поветерь Свивёр* — душа; *Свивёр* — великанша. Неизвестно, к какому мифу восходит обозначение души как «ветра великанши».
- 9 *Владыка влаги пьяной* — Этир.
- 10 *Клеть раздумья* — голова.
- 11 *Владыка сечи; телег приятель; судья побед* — Один.
- 12 *Брат Вили; Мимира друг* — Один (см. прим. к «Прорицанию вёльвы»).
- 13 *Ворог волку* — Один; волк — Фенрир.
- 14 *Волчья сестра* — владычица преисподней Хель.

ВЫКУП ГОЛОВЫ

В «Саге об Эгиле» рассказывается, как Эгиль был захвачен в Йорке своим врагом Эйриком Кровавая Секира (в то время правителем Йорка). Ночью, в ожидании казни, он по совету своего друга херсира Аринбьёрна сочинил хвалебную песнь об Эйрике. Исполнив наутро свою песнь перед Эйриком, Эгиль получил разрешение уехать.

«Выкуп головы» — одно из первых скальдических стихотворений в размере с конечной рифмой — рунхент.

- 1 *Дар Трора* — поэзия; *Трор* — Один.
- 2 *Мед Игга* — поэзия; *Игг* — Один.
- 3 *Поле тюлень* — море.
- 4 *Нива жал* — битва.
- 5 *Железны враны* — мечи.
- 6 *Ран рогач* — секира.
- 7 *Красный плач* — кровь.
- 8 *Волчья выть*, как и, ниже, *орлиные брашна* — трупы павших.
- 9 *Гьяльпин конь* — волк; *Гьяльп* — великанша.
- 10 *Студеный жар* — золото.
- 11 *Огни замястий* — золотые обручья.
- 12 *Мука́ Фроди* — золото.
- 13 *Стержень обручий* — рука.
- 14 *Кованое око* — щит.
- 15 *Волненья меду*, как и ниже, *Брагина влага*, *Одина брага* — поэзия.

САГА О ГИСЛИ

«Сага о Гисли» выделяется единством сюжета, яркой обрисовкой характеров и драматизмом конфликта, лежащего в ее основе. Сам Гисли принадлежит к тем любимым героям саг об исландцах, о которых исландская пословица говорит: «Одно дело — доблесть, а другое — удача». Его дружба с Вестейном и месть за него, его стремление любой ценой спасти честь своих родичей, его многолетнее изгнаничество и последняя оборона — все эти события «века саг» и по сей день памятны каждому исландцу. И, наконец, популярности саги способствует и то, что она строится как своего рода детектив: лишь дочитав ее до конца, чуткий читатель, может быть, поймет, кто убил Вестейна: брат Гисли Торстейн или его зять Торgrim.

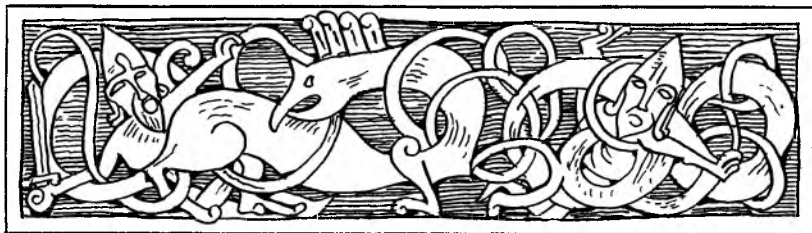
- 1 Гисли дает понять Торкелю, что ему как старшему брату следовало бы самому отомстить за сестру.
- 2 Такие фигуры, намекающие на непристойную ситуацию, были равносильны ниду (см. словарь и прим. 56 к «Саге об Олаве сыне Трюггви»).
- 3 *Огонь раны* — меч.
- 4 *Фьорд Дюри* расположен на крайнем северо-западе Исландии.
- 5 Классическое описание обряда побратимства.
- 6 Деревья в Исландии низкорослы, и строительный лес импортировался из Норвегии.
- 7 Эта ссора Ауд и Асгерд, послужившая толчком к развитию конфликта, сравнивается с эпическим «спором королев» в сказании о Нифлунгах (ср. главу XXX «Саги о Волсунгах»).

-
- 8 В оригинале эти слова Торкеля представляют собой стихотворные строки, связанные аллитерацией.
- 9 Переезд хозяев с хутора на хутор приурочивался к последним дням мая.
- 10 *Началом зимы* считался субботний день перед 28 октября. Предзимние дни — первые три дня зимы.
- 11 Кузнечное ремесло в древней Скандинавии (как это вообще обычно для архаических культур) считалось сродни колдовству. Ср. прим. к «Песни о Вёлунде» в наст. изд.
- 12 *Нож обнаживший* — обычный кеннинг мужа; в отличие от снов Гисли, он по-видимому не содержит в себе намеков на причастность Торкеля к убийству.
- 13 *Липа льна* — женщина, т.е. Ауд.
- 14 *Ливень ланит* — слезы.
- 15 *Сива злата* — женщина; Сив(а) — богиня.
- 16 *Фригга перины змея* — женщина; перина змея — золото; Фригг(а) — богиня.
- 17 *Лес глаз* — ресницы.
- 18 *Скёгуль злата* — женщина; Скёгуль — валькирия.
- 19 К одежде персонажа в сагах привлекается внимание лишь в особых, отмеченных случаях. Синий (собственно, иссиня-черный) цвет плаща Гисли предвещает убийство.
- 20 Жилые и хозяйственные помещения строились под одной крышей.
- 21 *Властитель сечи* — воин, т.е. сам Гисли.
- 22 *Тополь веоря потока* — воин, т.е. Торгрим; веоря потока — корабль.
- 23 *Снорри* — знаменитый Снорри Годи, один из главных героев «Саги о людях с Песчаного Берега».

- 24 *Недруга турсов Грим* — кеннинг зашифровывает имя Торгрим; недруг турсов — Тор.
- 25 *Хёгни сестра* — Гудрун, героиня эпического сказания, отмстившая за братьев своему мужу Атли (см. «Песнь об Атли» и «Сага о Волсунгах» в наст. изд.).
- 26 *Скади злата* — женщина, т.е. Тордис; Скади — богиня.
- 27 Этот тинг на Мысе Тора (западное побережье) был учрежден в свое время дедом Торгрима, Торольвом Бородачом с Мостра (см. главу V и словарь).
- 28 *Дробители золота* — воины.
- 29 *Сеятель света моря* — воин, т.е. Гисли; свет моря — золото.
- 30 *Владыка бранных уборов* — воин.
- 31 *Греттир сын Асмунда* — герой «Саги о Гретире», проживший вне закона девятнадцать лет.
- 32 *Пламени волн поле* — женщина, т.е. Ауд; пламя волн — золото.
- 33 *Клен сражения* — воин.
- 34 *Фрейя ожерелий* (как и, ниже, *Биль покрывала, Ловн золота*) — женщина; Фрейя, Биль, Ловн — богини.
- 35 *Питатель орлов* — воин, т.е. Гисли.
- 36 *Вяз дротиков лязга* — воин; дротики лязга — битва.
- 37 *Дуб непогоды Одина* — воин; непогода Одина — битва.
- 38 *Волка волны возничий* — воин; волк волны — корабль.
- 39 *Нанна льна* (как и, ниже, *Гна одежды, Сив покрывала, Сив покрова*) — женщина; Нанна, Гна, Сив — богини.
- 40 *Тетивы испытатель* — воин, т.е. Гисли.
- 41 *Смерча мечей владыки* — воины; смерч мечей — битва.

- 42 Одно из немногих мест в саге об исландцах, свидетельствующих об употреблении рун в это время (вторая половина X в.) в обиходных целях, т.е. для передачи письменных сообщений.
- 43 *Поле опалов, липа огня приливов* — женщина.
- 44 *Тополь сражений* — воин.
- 45 *Тресковый Фьорд* — на северо-западном побережье Исландии.
- 46 *Завязки на ножнах* (так наз. «завязки мира») не полагалось развязывать во время тинга.
- 47 Неизвестно, в каком родстве состоял известный мудрец и советчик Гест с сыновьями Вестейна.
- 48 *Льдина сражений* — меч.
- 49 *Хлёкк покрывала, Фулла света тверди тюленей, диса нарядов, ветла ожерелий, Идунн нарядов* — все это кеннинги женщины; твердь тюленей — море; свет моря — золото; Хлёкк — валькирия; Фулла, Идунн — богини.
- 50 *Липа пламени земли оленя заливов, Фулла ложа дракона* — женщина, т.е. Ауд. Олень заливов — корабль; земля корабля — море; пламя моря — золото; ложе дракона (Фафнира) — золото.
- 51 *Гна монет, богиня лавы торопы соколиной* — женщина; Гна — богиня; тропа соколиная — рука; лава руки — золото.
- 52 *Пена мечей* (как и, ниже, *изморось ран*) — кровь.
- 53 *Скала шелома* — голова.
- 54 *Хильд-владычица волн побоища* — женщина; волны побоища — кровь; Хильд — валькирия.
- 55 *Жнивье затылка* — волосы.
- 56 *Утешитель ворона* — воин.
- 57 *Пища Мунина* — трупы; Мунин — ворон Одина.
- 58 *Коришны крови* — вороны.

- 59 *Дробитель гривен* — воин.
- 60 *Снотра злата* — женщина; Снотра — богиня.
- 61 *Ран водопады* — кровь.
- 62 *Владыка льдины луны ладьи* — воин; луна ладьи — щит; льдина щита — меч.
- 63 *Гна огня океана* — женщина; огонь океана — золото.
- 64 *Властитель пламени влаги сечи* — воин; влага сечи — кровь; пламя крови — меч.
- 65 *Палица ратной рубашки* — меч; ратная рубашка — кольчуга.
- 66 *Шлема основа* — голова.
- 67 *Съёвн монет* (как и, ниже, *Ньёрун камней*, *Хлин пожара приливов*) — женщина; пожар приливов — золото; Съёвн, Ньёрун — богини.
- 68 *Ссора костров Одина* — битва; костры Одина — мечи.
- 69 *Скади колец* — женщина.

САГА О ГУННЛАУГЕ ЗМЕИНОМ ЯЗЫКЕ

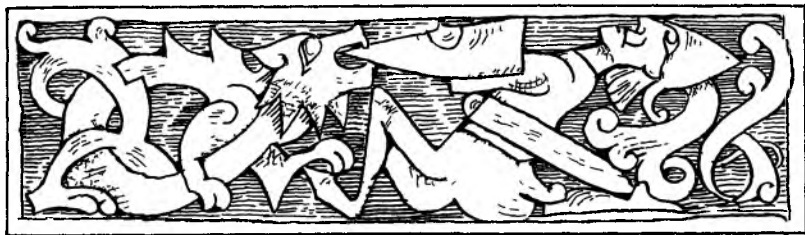
«Сага о Гуннлауге» — одна из немногих исландских саг, в основе которой лежит романический сюжет; причиной вражды двух героев и их гибели служит соперничество из-за женщины. Но это одновременно и драматический рассказ о жизни скальда — человека неуживчивого и гордого, легко наживающего себе врагов и пользуя-

щегося высокой репутацией при дворе заморских правителей. Имя героя саги сохранилось в исландских родословных, но остается неясным, был ли он на деле автором приписываемых ему в саге стихов.

Сагу датируют концом XIII в.

1. *Городище* — родовой хутор Эгиля сына Скаллагрима на юго-западном побережье Исландии.
2. Христианство было принято в Исландии в 1000 г.; см. также гл. X и прим. 84 к «Саге об Олаве сыне Трюгтви».
3. *Стадный Холм* относился к «западной четверти» Исландии, а *Городище* — к «южной». Фактически Торстейн едет на север.
4. *Олав Павлин* — один из именитых исландцев того времени, герой «Саги о людях из Лаксдаля (Лососьей Долины)».
5. Это прозвище, как следует из саги, носил уже прадед Гуннлауга.
6. *Метель тигля* — серебро.
7. *Даритель жара прилива* — воин; жар прилива — золото.
8. *Перина дракона* — золото; кеннинг отсылает к сказанию о кладе, охраняемом драконом Фафниром.
9. Один из первых местных тингов в Исландии.
10. Рассказ о смерти ярла Хакона от руки его раба см. в главе XLIX «Саги об Олаве сыне Трюгтви».
11. Подразумевается язык англосаксов (древнеанглийский), который был понятен скандинавам.
12. *Вильхьяльм Незаконнорожденный* — герцог нормандский Вильгельм Завоеватель. После того, как он завоевал Англию в 1066 г. и стал английским королем (1066 — 1087), в качестве государственного языка в Англии утвердился французский.
13. *Моди лязга металла* (как и, ниже, *дерево льдины шлема*) — воин; лязг металла — битва; *Моди* — бог (сын Тора); *льдина шлема* — меч.

14. *Долина тюленей* — море.
15. *Одр дракона* — золото (см. прим. 8).
16. *Конунг Сиггтругг Шелковая Борода* правил в Дублине с 989 по 1035 г.
17. Скальд увековечивал доблесть правителя и в известном смысле «творил» его славу в потомках; поэтому хвалебные песни особенно такие сложные, как драпы (см. словарь), ценились очень высоко.
18. На деле Данией в это время (ок. 1004 г.) правил еще Свейн Вилобородый (см. словарь).
19. *Опора перины рыбы равнины* — женщина; рыба равнины — змея; перина змеи — золото.
20. См. прим. 10 к «Саге о Гисли».
21. *Гадюка испарины лука* — меч; испарина лука — кровь.
22. *Лоза покровов; Ньёрун браги* — женщина; Ньёрун — богиня.
23. *Роца обручий* (как и, ниже, *Фрейя порея*) — женщина.
24. *Тополь стычки оружия* (как и, ниже, *пытатель стали, шесть сражений*) — воин; стычка оружия — битва.
25. *Кормчий морского зверя* — воин; морской зверь — корабль.
26. *Рдяные камни ладони* — золото.
27. *Ньяль*, один из наиболее почитаемых исландцев времен нарочия, был сожжен в ходе распри вместе со своей семьей (ок. 1010 г.). Это событие потрясло всю Исландию и повело к кровопролитному столкновению противоборствующих сторон на альтинге (глава 145 «Саги о Ньяле»). О сражении на Пустоши рассказывается в одноименной саге.
28. *Ветвь нарядов* — женщина.

САГА ОБ ОЛАВЕ СЫНЕ ТРЮГГВИ

Эта сага — одна из наиболее значительных по объему в «Круге Земном», прославленном сочинении Снорри Стурлусона. Королевские саги, входящие в «Круг Земной», составляют в совокупности историю Норвегии — с легендарных времен и до конца XII в.; но это одновременно и яркое художественное повествование о людях, живших в ту эпоху, — от конунга до простого бонда.

События саги охватывают последние десятилетия X в.

- 1 Трюггви конунг был убит своим двоюродным братом Гудрёдом, сыном Эйрика Кровавая Секира. Гудрёд и родной его брат Харальд Серая Шкура (см. словарь, II) назывались, однако, часто не по имени своего отца, а по имени своей не менее знаменитой матери — как «сыновья Гуннхильд». О Гуннхильд рассказывается, в частности, в «Саге о Ньяле» (гл. 3-6) и в «Саге об Эгиле».
- 2 Олав сын Трюггви родился в 968 г.
- 3 Эсты — финноугорский народ, совр. эстонцы.
- 4 Единственный сын Харальда — Свейн Вилобородый (см. словарь, II).
- 5 Аринбьёрн, херсир (см.) из Фьордов, более всего известен как друг величайшего исландского скальда Эгиля Скаллаграмссона. Эгиль посвятил ему хвалебную песнь, 25 строф из которой сохранились.
- 6 Вавуд стали — воин, т.е. Харальд; Вавуд — Один.

- 7 *Гримнир полной луны струга* — воин, т.е. Харальд Серая Шкура; луна струга — щит; Гримнир — Один.
- 8 *Сеятель света глуби* — воин; свет глуби — золото.
- 9 *Харальд Гренландец* прославился тем, что был отцом самого почитаемого норвежского конунга — Олава Святого (995 — 1030).
- 10 *Страж одра гадюки* — воин, т.е. Хакон; одр гадюки — золото.
- 11 *Волк навших* — меч.
- 12 *Игг доспехов* — воин, т.е. Хакон; Игг — Один.
- 13 *Вяз злой плахи сечи* — воин, т.е. Хакон; плаха сечи — щит.
- 14 *Бальдры меча* — воины, мужи.
- 15 *Пир валькирий* — битва.
- 16 *Игг стрел* — воин.
- 17 *Створы моря* — корабли.
- 18 *Уль клича стали* — воин, т.е. Хакон; клич стали — битва.
- 19 *Троны ската* — море.
- 20 *Нарви перебранки ведъм рубахи бранной* — воин, т.е. Хакон; ведъмы рубахи бранной — секиры, перебранка секир — битва, Нарви — сын Локи.
- 21 *Носилки Мюсинга* — корабль; Мюсинг — морской конунг.
- 22 *Стон стали* — битва.
- 23 *Эйрик* — сын Хакона Могучего (см. словарь, II).
- 24 *Сходка Мейти* — битва; Мейти — морской конунг.
- 25 *Радетель дятла крови* — воин, т.е. Эйрик; дятел крови — ворон.
- 26 *Друзья Къяра* — Скофти; Къяр = кесарь, т.е. ярл Хакон.

-
- 27 *Вяз лязга солнц дракона мачты* — воин, т.е. Скофти; дракон мачты — корабль; солнца корабля — щиты; лязг щитов — битва.
- 28 *Брага карлов* — мед поэзии.
- 29 *Супруга Игга*, т.е. Одина — Земля.
- 30 *Бурицлав* — польский князь Болеслав I Храбрый; в действительности, однако, в то время, о котором рассказывает сага (ок. 986 г.), он еще не пришел к власти.
- 31 Некоторая хронологическая неувязка возникает и здесь; Отта Кейсар, т.е. Оттон II, был императором Священной Римской империи с 973 по 983 г.
- 32 *Хёрды и довры* — жители Хёрдаланда и Доврафьялля в Норвегии.
- 33 *Князь ютов* — датский конунг Харальд Синезубый.
- 34 *Северный альв сельдей битвы* — ярл Хакон; сельди битвы — стрелы; альв стрел — воин.
- 35 *Ньёрды жерновов сражений* — воины Оттона; жернова сражений — щиты.
- 36 *Гром искр Оми* — битва; искры Оми, т.е. Одина, — мечи.
- 37 *Гримнир игриц стали* — воин, т.е. ярл Хакон.
- 38 *Тунд Факси вод* — воин, т.е. ярл Хакон; Факси (имя коня) вод — корабль; Тунд — Один.
- 39 *Два ворона* — птицы Одина.
- 40 *Нанна войн* — валькирия, пославшая воронов.
- 41 *Убор Сёрли* — доспехи; Сёрли — легендарный герой.
- 42 *Встреча тарчей* — битва (тарч — круглый щит).
- 43 *Ас ненастья Фроди* — воин; Фроди — морской конунг, ненастье Фроди — битва.

-
- 44 *Отец Павших* — Один.
- 45 *Владыки* — боги.
- 46 *Вяз сражений* — воин, т.е. Олав.
- 47 *Березовая роуца меди битв* — войско; медь битв — оружие.
- 48 *Пря (распря) стали* — битва.
- 49 *Конь ведъм* — волк.
- 50 *Серая опора всадниц мрака* — волки; всадницы мрака — ведьмы.
- 51 *Валькеры* — жители провинции Вальхерен в Голландии.
- 52 *Сотоварищ Гери* — воин, Гери — волк Одина.
- 53 *Монет расточитель* — конунг.
- 54 *Баклан распри стрел* — ворон.
- 55 Ирландия в это время была под властью норвежских правителей; Олав Кваран был королем в Дублине с 939 по 980 г.
- 56 *Мёрнировы угоры* — круп кобылы. Данная строфа — одна из немногих сохранившихся образцов нида, т.е. хулительных стихов, которым приписывалось магическое действие.
- 57 *Дракон, орел, бык и великан* (отождествляемые здесь с четырьмя именитыми исландцами того времени), отведшие угрозу датского вторжения, почитаются с тех пор как духи-хранители страны. Они изображены на государственном гербе Исландии.
- 58 *Йомсвикинги* — викинги из крепости Йомсборг. О них рассказывается в «Саге о йомсвикингах».
- 59 *Кормчий створы вод* — воин, т.е. Эйрик; створа вод — корабль.
- 60 *Эгиров луг* — море.
- 61 *Круг сечи* — щит.
- 62 *Кони мачты* — корабли.

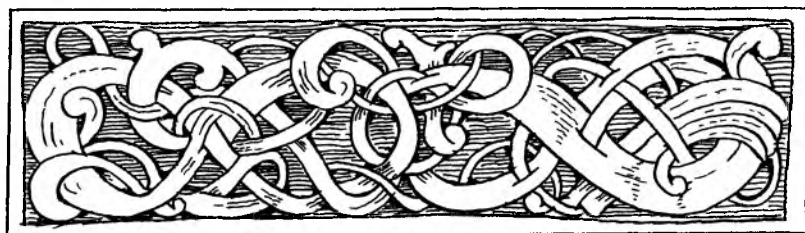
- 63 *Поле сельди, тропа ската* — море.
- 64 *Звери снасти* — корабли.
- 65 *Злотворцы Фрейра* — нарушители мира, т.е. йомсвикинги (Фрейр — бог мира).
- 66 *Табун буруна* — корабли.
- 67 *Ас брони* — воин, т.е. Хакон.
- 68 *Герд уборов* — женщина.
- 69 *Драконы поприщ Свейди* — корабли; поприща Свейди (морского конунга) — море.
- 70 *Тунд кольчуги* — воин (Тунд — Один).
- 71 *Уголь рети (битвы)* — меч.
- 72 *Фенрир солнц дракона зыби* — меч; дракон зыби — корабль; солнца корабля — щиты.
- 73 *Виссавальд* — скандинавская форма имени Всеволод.
- 74 *Олав*, о котором здесь идет речь — будущий норвежский конунг Олав Святой (см. словарь, II).
- 75 *Споры искр пробора Хедина* — битвы; Хедин — легендарный герой; искры его пробора — мечи.
- 76 *Тростник валькирий* — воин.
- 77 *Вяз стяга* — воин.
- 78 *Страж клада* — конунг, т.е. Олав.
- 79 *Их звали...* — пробел в рукописи.
- 80 *Гулатинг* — тинг (см. словарь), собиравшийся в фюльке Согн (Норвегия).
- 81 *Эрлинг сын Скьяльга* в дальнейшем стал одним из самых могущественных норвежских предводителей, противником конунга Олава Святого.

- 82 *Говядина* — на деле язычество ассоциировалось с употреблением в пищу конины (во время обрядов жертвоприношений коня).
- 83 *Приглашением на тинг* служила палочка, из которой бонды выстукали стрелу.
- 84 О миссии Тангбранда и принятии христианства в Исландии в 1000 г. подробно рассказывается в «Книге об исландцах» Ари Торгильссона и в «Саге о Ньяле» (главы 100–105).
- 85 *Харек с Тьотты* был сыном Эйвинда Погубителя Скальдов, потомка Харальда Прекрасноволосого.
- 86 *Кьяртан сын Олава* — герой «Саги о людях из Лососьей Долины».
- 87 *Флоси Поджигатель* — один из героев «Саги о Ньяле». Он был предводителем тех, кто сжег Ньяля со всей семьей в его доме.
- 88 *Михайлов день* — 29 сентября.
- 89 *Белые одежды* носились в течение недели после крещения.
- 90 Тот, кто давал имя, по обычаю делал подарок нареченному.
- 91 *Ньёрды мечей* — воины.
- 92 Об Эйрике Рыжем и Лейве Счастливом и поездках исландцев в Гренландию и Северную Америку рассказывается в «Саге об исландцах» и «Саге об Эйрике Рыжем».
- 93 *Игрища Скёгуль* — битва; Скёгуль — валькирия.
- 94 *Тунд шлема* — воин; Тунд — Один.
- 95 *Альдейгья, или Альдейгьюборг* — Старая Ладога.
- 96 *Вяз древка* — воин, т.е. Эйрик; последующие кеннинги в этой висе также относятся к Эйрику.
- 97 *Страж перин дракона* — воин. Перины дракона — золото (намек на сказание о драконе Фафнире, охранявшем золотой клад).
- 98 *Владелец Готи вод* — воин; Готи (конь) вод — корабль.

-
- 99 *Сюслуманны и арменнинги* — управители конунга в мелких округах (сюслах) и его поместьях.
- 100 *Виноградная страна (Винланд)* — так скандинавы называли открытые ими земли Северной Америки (см. прим. 92).
- 101 *Кормильцы соек сока раны* — воины; сок раны — кровь; сойки крови — вороны.
- 102 *Лани моря* — корабли.
- 103 *Древо сечи* — воин, т.е. Олав.
- 104 *Гром Грима* — битва (Грим — Один).
- 105 *Скули сын Торстейна* — исландский скальд, внук Эгиля Скаллаgrimссона. «Сага об Эгиле» заканчивается упоминанием о том, что Скули «стоял на носу корабля ярла Эйрика Железный Борт, когда погиб конунг Олав сын Трюггви» (Исландские саги. М., 1056, с. 251).
- 106 *Горе фризов* — Эйрик.
- 107 *Кнуты битвы* — мечи.
- 108 *Фафнир* — Змей (корабль Олава).
- 109 *Барди* — корабль Эйрика ярла.
- 110 *Песня копий* — битва.
- 111 *Гадюка* — Змей.
- 112 *Кровля Грима* — щит.
- 113 В висе недостает двух строк.
- 114 *Убийца вендов* — Олав.
- 115 *Златовержец* — Эйрик.
- 116 *Сеятель камней персти* — воин; камни персти — золото.
- 117 *Волк Свай* — корабль.

-
- 118 *Великаниши крышки Христ* — секиры; крышка Христ (валькирии) — щит.
- 119 *Потатчик крачки пляски палиц аса* — воин; палицы аса — мечи; пляска мечей — битва; крачка битвы — ворон.
- 120 *Дуб побоищ* — воин.
- 121 *Пойло скальной твари* — мед поэзии; скальная тварь — великаны.
- 122 *Владельцы углей персти* — воины; угли персти — золото.
- 123 *Крик Хлёкк* — битва (Хлёкк — валькирия).
- 124 *Ньёрд жара ручья* — воин, т.е. Эйрик; жар ручья — золото.

О. Смирницкая

ПРЯДИ ОБ ИСЛАНДЦАХ

Название «пряди» короткие рассказы об исландцах получили потому, что почти все они были вплетены в повествовательную ткань больших произведений — саг о норвежских королях. Сохранилось более полусотни таких коротких рассказов. При всем разнообразии их тем и сюжетов в «прядах» неизменно прославляются находчивость и храбрость исландцев, способных противостоять могущественным предводителям и государям и с честью выходить из любой исключительной или опасной ситуации.

- 1 Олав конунг — Олав сын Харальда (см. словарь, II). Другие правители, о которых здесь рассказывается — легендарные герои древности: датский конунг Хрольв Жердинка (его реальный прототип жил в VI в.) и норвежский конунг Хальв, встретиться с которыми герой пряди не смог бы, даже прожив «два человеческих века».
- 2 Т.е. был осенен крестом и с этого момента причислен к христианам, однако не стал «верным» (крещеным) христианином. Этот обряд предшествовал крещению, но люди, переезжавшие из страны в страну и жившие как среди христиан, так и среди язычников, нередко ограничивались им.
- 3 Иначе говоря, вскоре после крещения: белые одежды носили в течение недели после совершения этого таинства.
- 4 Ярл Хакон из Хладира — Хакон Могучий (см. словарь, II).
- 5 Местность в Исландии.
- 6 Скакун лагуны — корабль.

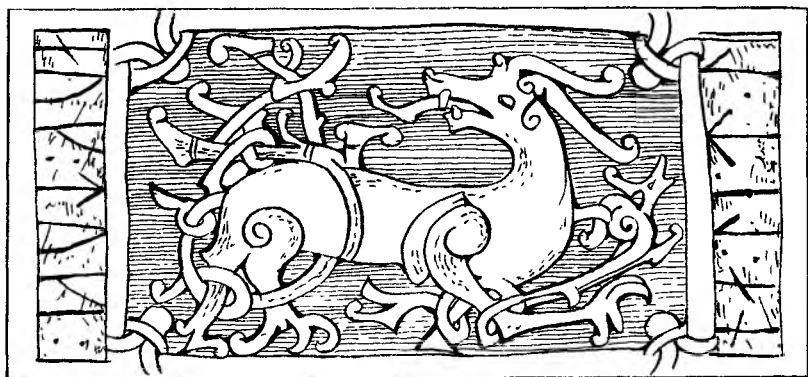
- 7 *Конунг Свейн* — датский конунг Свейн Вилобородый (см. словарь, II).
- 8 *Князь зеницы неба* — Бог; зеница неба — солнце.
- 9 Торлейв имеет в виду особые поэтические наименования («хейти»), однако его ссылка на скальдическую традицию — ложная: подобный поэтизм был невозможен, поскольку сравнение мужчины с женщиной считалось тяжким оскорблением. Поэтому само название стихов о ярле (Висы о Женщине) говорит о том, что это — хулительная песнь, так называемый нид.
- 10 *Свитьод* — древнее название Швеции; здесь — вымышленное название.
- 11 Стихи в переводе С. В. Петрова.
- 12 *Князь трёндов* — ярл Хакон; трёнды — население Трандхейма.
- 13 *Лев бури* — корабль.
- 14 *Брани Ньёрд* — воин.
- 15 *Страж земли* — правитель, т.е. ярл Хакон.
- 16 *Торгерд Невеста Храма и сестра ее Ирпа* — богини-защитницы ярла Хакона.
- 17 *Турс* — великан; имеется в виду Торгард.
- 18 *Тополь драки* — воин.
- 19 *Гаут грома сечи* — воин; гром сечи — битва.
- 20 *Даритель древка* — воин, т.е. Торлейв.
- 21 *Халли Челнок* — герой многих анекдотов, скальд и дружинник конунга Харальда Сурового (1046 — 1066). Действие этой и следующих прядей происходит во времена правления Харальда.
- 22 Торговля с финнами (т.е. саамами) была монополией норвежских конунгов.
- 23 *Хакон ярл и Торлейв скальд* — см. «Прядь о Торлейве Ярловом Скальде».

- 24 Торстейн был родичем Торира Собаки, предавшего конунга Олава Святого и нанесшего ему смертельный удар в битве при Стикластадире (1030 г.).
- 25 *Тьодольв скальд* — см. словарь, II.
- 26 Имеется в виду Вига-Глум, герой одноименной саги.
- 27 *Магнус Добрый* — см. словарь.
- 28 В представлении древних скандинавов конунг был наделен магической «удачей», способной переходить на тех, кто с ним общался. Перемена в судьбе Хрейдара может быть объяснена его встречей с Магнусом Добрым, передавшим ему частицу своей королевской «удачи».
- 29 *Штаны до щиколоток* — одежда подростков или дураков.
- 30 Харальд Суровый и отец Магнуса Олав Святой были единокровные братья.
- 31 Здесь и ниже скобками отмечен пропуск в рукописи.
- 32 Магнус Добрый и Харальд Суровый совместно управляли Норвегией после возвращения Харальда в страну в 1046 г. и до смерти Магнуса в том же году.
- 33 Т.е. убьем тебя.
- 34 Подарок Хрейдара — оскорбительный намек на прозвище отца конунга Харальда, которого звали Сигурд Свинья.
- 35 *Сигват скальд* — см. словарь, II.
- 36 *Свейн сын Ульва* — датский король, умер в 1074 г.
- 37 *Магнус конунг* — норвежский король Магнус Голоногий (1093 — 1103).
- 38 *Йон Священник сын Эгмунда* — первый епископ в Холаре, на севере Исландии (1052 — 1121), впоследствии объявленный святым.
- 39 Началом праздника считался его канун с трех часов пополудни («нон»); здесь колокол звонит раньше времени.

- 40 *Древо сечи* — воин.
- 41 Гостями называли слуг короля, которые получали вдвое меньше, чем дружинники, и использовались в основном как посланцы или для выполнения опасных поручений.
- 42 Местность, прилегающая к Полям Тинга, на которых ежегодно в конце июня собиралось всеисландское народное собрание.
- 43 Все названные здесь годи — знатные и могущественные исландцы, жившие в первые десятилетия XI в., персонажи многих саг.
- 44 *Скафти Законоговоритель* — был законоговорителем, т.е. главным выборным лицом в Исландии, с 1004 по 1030, умер в 1030 г.
- 45 Вызов в суд производился не позднее, чем за четыре недели до тинга.
- 46 За непреднамеренное сожжение леса человека могли присудить к объявлению вне закона сроком на три года. Преднамеренное сожжение леса считалось тяжким преступлением и каралось пожизненным изгнанием. Лесов на острове было мало и в первый период после его заселения, а потом они исчезли вовсе.
- 47 *Торстейн, сын Халля с Побережья* — знатный исландец, герой одноименной саги.
- 48 По исландским законам, истец в некоторых случаях получал право сам вынести решение по делу и назначить штраф.
- 49 Этот штраф составлял менее половины стоимости коровы. Заплатить такое возмещение знатым людям значило нанести им серьезное оскорбление.
- 50 Согласно исландским законам, адресовать женщине (в том числе и незамужней) любовные стихи считалось преступлением. Преследование за такие стихи, по-видимому, объяснялось опасением что они могли подействовать как приворот, т.е. подобно ниду, обладали магической силой.
- 51 Снорри Годи родился после того, как его отец Торгрим был убит Гисли сыном Кислого. Об этих событиях рассказывается в «Саге о Гисли» (см. наст. изд.).

-
- 52 Бродди был назван в честь своего деда Бродд-Хельги, убитого его двоюродным братом Гейтиром, отцом Торкеля.
- 53 Гейтир был убит Бьярни, отцом Бродди. Попытка Торкеля отомстить за отца привела к столкновению в Долине Битвы, где Торкель и Бьярни были ранены. Об этом рассказывается в «Саге о Людях из Оружейного фьорда».

Е. Гуревич

Словарь содержит пояснения к важнейшим именам, географическим названиям и реалиям, встречающимся в публикуемых памятниках. Некоторые реалии, известные по мифам и сказаниям, принадлежат также историческому времени (например, берсерк, вельва); в этом случае они включались во второй раздел словаря.

I

МИФЫ И ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ

Альвы — природные духи. Различались светлые, дружелюбные богам и людям (их мир называется Альвхейм), и темные альвы, подобно карликам, живущие под землей.

Асгард («ограда асов») — небесная крепость, обиталище асов.

Аслаут — согласно «Саге о Волсунгах», дочь Брюнхильд от Сигурда; ее считали родоначальницей норвежских королей по женской линии (прабабка Рагнхильд, матери Харальда Прекрасноволосого).

Асы — главенствующий род богов (ср. ваны); также общее обозначение всех богов.

Атли — гуннский король, герой цикла о Нифлунгах, согласно героическому преданию, брат Брюнхильд, второй муж Гудрун. Исторически вождь гуннов Атилла; древние историки сообщают, что он умер на ложе своей жены Ильдико (= Кримхильд нем. «Песни о Нибелунгах»).

Бальдр — сын Одина и Фригг, «светлый бог», смерть которого от руки его брата Хёда положила начало трагическим событиям, приведшим к гибели богов.

Биврёст («колеблющаяся дорога») — мост, ведущий с земли в Асгард, т.е. радуга.

Браги — бог скальдического искусства, возможно обожествленный скальд Браги Старый (см. словарь, II).

Брюнхильд — героиня эпических сказаний о Нифлунгах и Вёльсунгах, сестра Атли; в то же время валькирия.

Вали — сын Одина, младенцем отомстивший Хёду за гибель Бальдра.

Валланд — так скандинавы называли романские страны: в мифах и героических сказаниях страна где-то на юге (за лесом Мюрквид), где происходят главные битвы.

Валькирии («избирающие павших») — девы Одина, сопровождающие павших героев в Вальгаллу и потчующие их там на пиру. Валькириями были и некоторые героини эпических сказаний.

Вальгалла — палаты Одина, куда вступают павшие в битве герои; в Вальгалле они носят имя «эйнхерии».

Ваны — боги, некогда враждовавшие с асами, а затем заключившие с ними союз. В мифах упоминаются только те ваны — Ньёрд, Фрейр и Фрейя, которые поселились среди богов в Асгарде.

Вёлунд — волшебный кузнец.

Вёльсунги (Волсунги) — легендарный род «единических героев», потомки Вёльсунга; к этому роду принадлежал и Сигурд Убийца Фафнира.

Видар — сын Одина, убивший волка Фенрира в последней битве богов и чудовищ.

Гарм — чудовищный пес.

Гевьон — богиня из рода асов; ее иногда отождествляют с Фрейей.

Герд — дочь великана Гюмира, жена Фрейра.

Гудрун, дочь Гьюки, — героиня сказаний о Нифлунгах, жена Сигурда.

Гуннар, сын Гьюки, — герой сказаний о Нифлунгах, бургундский король; исторически ему соответствует Гундихарий, последний король бургундского королевства в Вормсе на Рейне, разбитого гуннами в 437 г.

Гунны — героическое предание, по-видимому, трактовало гуннов тоже как германский народ, но живущий где-то далеко на юге.

Гьюки — бургундский король в сказаниях о Нифлунгах (= Гиби-ка исторических источников, нач. V в.).

Дисы — женские божества.

Иггдрасиль — гигантский ясень, мировое древо скандинавской мифологии, ветви, ствол и три корня которого соединяют все миры. Под одним из корней протекает источник норн — Урд; под другим — источник Мимира; под корнем, ведущим в преисподнюю — источник Хвергельмир («кипящий котел»).

Имир — древнейший великан, из тела которого боги создали мир.

Йорд «земля» — богиня, мать Тора.

Йормунганд — мировой змей, лежащий в океане и опоясывающий весь мир, порождение Локи.

Йормунрекк (Ёрмунрекк) — король готов, за которого была выдана Сванхильд, дочь Сигурда и Гудрун; исторически — остготский король Эрманирик (Германарих), IV в.

Йотуны — великаны. Их мир, Йотунхейм, находится на востоке.

Карлики, или цверги — безобразные подземные существа, хранители сокровищ и искусные мастера.

Квасир — карлик, знаменитый своей мудростью. Как рассказывается в «Младшей Эдде», из его крови, смешанной с медом, был создан мед поэзии.

Локи — одно из самых непостижимых созданий скандинавской мифологии; его относят к асам, он участвовал в создании людей и часто, благодаря своей хитрости и изворотливости, выручал асов из беды. Но он же — отец чудовищ, зачинщик убийства Бальдра, а в конце времен и главный враг асов. Эту двойственность натуры Локи объясняли его изначальной связью со стихией огня.

Магни и Моди — сыновья Тора.

Мидгард («срединный двор») — мир людей.

Мимир — хранитель источника мудрости.

Муспелль, или Муспелльсхейм — огненный мир, находящийся далеко на юге; повелителя этого мира также называют Муспелль.

Мьёлльнир — молот Тора.

Нанна — жена Бальдра.

Нидхёгг — дракон, обитающий в подземном мире.

Нифлунг. — в скандинавском героическом предании так называются бургундские короли, владельцы заклятого клада; в немецкой версии сказания («Песнь о Нибелунгах») Нибелунги — таинственный народ, которому некогда принадлежал этот клад.

Норны — девы судьбы; в «Прорицании вёльвы» говорится о трех норнах: Урд («судьба = прошедшее»), Верданди («становление = настоящее»), Скульд («долг = будущее»).

Ньёрд — бог из рода ванов, покровитель мореплавателей, владелец богатств моря.

Один — верховный бог скандинавской мифологии, носитель высшей мудрости, умеющий подчинить себе все тайные силы, владелец рун и меда поэзии; в то же время бог воинского искусства, определяющий исход битв и берущий к себе в Вальгаллу павших воинов.

Оддрун — сестра Атли и Брюнхильд.

Сигурд — убийца Фафнира, сын Сигмунда, — самый знаменитый на скандинавских героев (соответствуют Зигфриду средненемецкой «Песни о Нибелунгах»).

Сигрун — валькирия, возлюбленная Хельги Убийцы Хундинга.

Сигюн — жена Локи.

Синфьётли — сын Сигмунда, кровный брат Сигурда.

Скади — богиня-охотница, дочь великана Тьяци, супруга Ньёрда.

Скирнир («сияющий») — гонец Фрейра.

Слейпнир («скользящий») — быстрейший в мире восьминогий конь Одина.

Сурт («черный») — огненный великан, охраняющий Муспелльсхейм.

Тор — сын Одина, бог-громовержец, защищающий богов и людей от великанов.

Турс — великан; в отличие от более нейтрального слова *йотун* (см.), это слово имеет сильную отрицательную окраску.

Утгард («внешнее огороженное пространство») — волшебный город, обиталище великанов и демонов.

Утгарда-Локи — великан, правитель Утгарда.

Фафнир — змей, охранявший заклятый клад и убитый Сигурдом.

Фенрир — чудовищный волк, порождение Локи.

Фрейр («господин») — бог солнечного света и плодородия, сын Ньёрда, происходит из рода ванов.

Фрейя («госпожа») — прекраснейшая из богинь, сестра Фрейра.

Фригг — богиня, супруга Одина.

Фюльгья — букв. «спутница», дух-хранитель, незримо сопровождающий человека; увидеть свою фюльгью — знак близкой смерти.

Хеймдалль — ас, страж богов, стоящий у края моста Биврёст.

Хельги Убийца Хундинга — герой скандинавских сказаний. Норвежская традиция превратила его в одного из Вёльсунгов, сына Сигмунда и кровного брата Сигурда.

Хель — владычица преисподней, дочь Локи; также сама преисподняя.

Хёгни (Хогни), сын Гьюки, — брат Гуннара и Гудрун.

Хёнир — бог, один из создателей людей.

II ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Адальрад — английский король Этельред Неразумный (978–1016).

Альтинг — всеисландский тинг (см.), учрежденный в 930 г. и с тех пор собиравшийся ежегодно на Полях Тинга (юго-западная Исландия).

Ари Мудрый сын Торгильса (ок. 1067–1148) — автор первых исторических сочинений на исландском языке, из которых сохранилась лишь «Книга об исландцах, очень краткая история Исландии».

Берсерк — свирепый воин, приходивший в боевое исступление и сокрушавший все и вся на своем пути. По первоначальному значению — «медвежья рубашка», т.е. человек в обличье медведя. В сагах берсерками называли злодеев и грабителей, притеснявших мирных жителей.

Бонд — свободный земледелец в древней Скандинавии.

Браги Старый Боддасон — древнейший исторически засвидетельствованный норвежский скальд (первая пол. IX в.). Сохранилась в отрывках его щитовая драпа в честь конунга Рагнара. В щитовых драпах описывались изображения на щите, подаренном скалду (подобные щиты, однако, никогда не были обнаружены в Скандинавии).

Вальдамар (Вальдимар) конунг — Владимир Святославич, великий князь киевский (980–1015).

Вёльва (волва) — пророчица и колдунья. Вёльвы почитались в Скандинавии и в исторические времена.

Венды — германское название полабских (т.е. живущих по Эльбе) славян.

Гардарики — древнескандинавское название Руси.

Годи — первоначально родовой жрец, позже предводитель общины — города. В Исландии времен народовластия было 39 годи.

Дракон — длинный боевой корабль с головой дракона на носу.

Драпа — хвалебная скальдическая песнь, отличавшаяся особенно сложной формой и содержащая рефрен — стев.

Законоговоритель — избираемый *лэгреттой* (см.) всеисландский «старейшина», обязанностью которого было знать законы страны и возвещать их на альтинге со Скалы Закона.

Кеннинги — составные метафоры, зашифровывающие ключевые понятия скальдической поэзии (напр. дорога сельдей = море). В скальдической поэзии часто встречаются и многочисленные кеннинги (см. прим. к скальдическим стихам). Кеннинги в эддических песнях обычно более просты и не нуждаются в пояснениях.

Кнут Могучий — датский конунг (1019 – 1035). С 1016 по 1035 г. был королем Англии.

Конунг — князь, король. Первоначально каждая область в Норвегии, как и других скандинавских странах, имела своего конунга. После объединения Норвегии Харальдом Прекрасноволосым (ок. 870 г.) он и его потомки стали единовластными конунгами страны.

Лендрманн — обладатель земельного пожалования от короля, принявший ему присягу верности.

Лэгретта — законодательный и судебный совет на альтинге, в состав которого входили все годи страны.

Лундунаборг — Лондон.

Магнус Голоногий — норвежский конунг (1093 – 1103).

Магнус Добрый — норвежский конунг (1035 – 1046 или 1047), сын Олава Святого.

Марка — мера веса (216 граммов) и одновременно денежная единица (марка серебра или марка золота).

Олав сын Трюгтви — норвежский конунг (995 – 1000); при нем было принято христианство в Норвегии и Исландии. См. сагу о нем в наст. изд.

Олав сын Харальда, он же Олав Святой — норвежский конунг (1016 – 1030).

Олав Шведский — конунг, правивший Швецией ок. 990 — ок. 1020 г.

Руны — древнегерманские письменные знаки. Развились из южноевропейских алфавитов и применялись как для письменных сооб-

щений, так и с магическими целями. Первоначально в руническом ряду (так наз. «футарк») было 24 руны; в рунических надписях эпохи викингов их число сократилось до 16. Каждая руна имела свое имя. Рунические надписи вырезались в Скандинавии на мемориальных камнях, а также оружии, амулетах и предметах обихода.

Свейн Вилобородый — датский конунг (ок. 986 — 1014), завоеватель Англии (1012).

Сигват сын Торда — один из самых выдающихся исландских скальдов (ок. 995 — ок. 1045). Был скальдом и ближайшим другом Олава Святого, и крестным отцом его сына, Магнуса Доброго, скальдом которого он стал после гибели Олава.

Скальд — древнескандинавский поэт, автор хвалебных и хулительных стихов, отличавшихся исключительно сложной формой.

Снорри Стурлусон (1179 — 1241) — исландский писатель, ученый и политический деятель. Современники знали его прежде всего как одного из самых могущественных людей своей эпохи (так называемая «эпоха Стурлунгов» — по имени рода, к которому принадлежал Снорри), участника кровопролитных событий, положивших конец исландскому народовластию; для потомков он — величайший из исландцев, автор прозаической «Эдды» («Младшая Эдда») и «Круга Земного»).

Сюсла — административный округ в Норвегии, управляемый сюслуманном, должностным лицом конунга.

Тавлеи — игра на доске в роде шашек, популярная в древней Скандинавии.

Тинг — областное народное собрание, вече в Норвегии и Исландии.

Торольв Бородач с Мостра — первопоселенец, основатель одного из первых тингов в Исландии (на Мысе Тора, западное побережье). Он и его сын Торстейн Трескоед — главные герои первых глав «Саги о людях с Песчаного Берега». Из его потомков наибольшей известностью пользовался Снорри Годи (см. прим. 23 к «Саге о Гисли»).

Трюггви сын Олава — внук Харальда Прекрасноволосого, отец конунга Олава сына Трюггви.

Тьодольв сын Арнора — исландский скальд XI в. Был скальдом Магнуса Доброго, а затем Харальда Сурового.

Фюльк — административный округ в Норвегии, имевший свой тинг.

Хакон Воспитанник Адалстейна, он же Хакон Добрый — норвежский конунг (ок. 945 — ок. 960).

Хакон Могучий, сын Сигурда — ярл из Хладира, правивший Норвегией с 974 по 995 г.

Халльфред Трудный Скальд — исландский скальд, герой «Саги о Халльфреде»; был скальдом конунга Олава сына Трюгви.

Хальвдан Черный, сын Гудрёда (ум. ок. 961 г.) — норвежский конунг.

Харальд Прекрасноволосый, сын Хальвдана Черного (ок. 848 — ок. 931) — первый единовластный конунг Норвегии; при нем началось заселение Исландии.

Харальд Серый Плащ (Серая Шкура), сын Эйрика Кровавая Секира — норвежский конунг (ок. 960 — ок. 974).

Харальд Синезубый, сын Горма — датский конунг (ок. 940 — ок. 985).

Херсир — местный предводитель в Норвегии, помещавшийся в социальной иерархии ниже ярла; первоначально мелкий племенной вождь.

Хёвдинг — букв. «главарь», могущественный человек, глава большого рода и предводитель бондов своей округи.

Хольмгард — древнескандинавское название Новгорода.

Эгиль, сын Скаллагрима (ок. 910 — ок. 990) — величайший исландский скальд (см. о нем прим. к «Утрате сыновей»).

Эйвинд Погубитель Скальдов — норвежский скальд (см. о нем прим. к «Речам Хакона»).

Эйрик ярл, сын Хакона — правитель Норвегии с 1000 по 1015 г.

Эйрир — единица веса и денежная единица, 1/8 марки (см.).

Ярл — правитель области в Норвегии и Дании, представитель высшей знати, уступавший в социальной иерархии лишь конунгу.

КОРНИ ИГГДРАСИЛЯ

Редактор
О. Смирницкая

Художественный редактор
Т. Хрычева

Технический редактор
Н. Привезенцева

Корректор
Н. Мельникова

Компьютерная верстка
Е. Фунтова

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.
Подписано в печать 04.01.97 г. Уч.-изд. л. 37,52. Цена 27 600 р.
Цена для членов клуба 25 100 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб.,
18/1, а/я 27.

Корни Иггдрасиля

К67 Древнескандинавская литература: Составитель и ответственный редактор
О. Смирницкая. — М.: ТЕРРА, 1997. — 640 с.: ил. — (Википиги).

ISBN 5-300-00913-X

В том вошли лучшие образцы древнескандинавской литературы эпохи викингов — избранные песни о богах и героях «Старшей Эдды», поэзия скальдов, саги и пряди об исландцах, отрывок из «Младшей Эдды».

Издание снабжено комментариями.

УДК 82/89
ББК 84 (4 Ил)

В серии

vikings

вышли:

Королевское зеркало

Мечи Севера

Девы битв

Хёвдинг Нормандии

Рыжий Орм

Тризна по женщине

Гроза Византии

Гарольд Английский

Русь и норманны

Вильгельм Завоеватель

Винланд

Конунг

Норманны в Византии

Эрик сын человека

Фритьоф Смелый

Фантастическая сага

vikings

Главное святилище богов «у ясеня Иггдрасиль, там всякий день вершат боги свой суд... Тот яшень больше и прекраснее всех деревьев. Сучья его простерты над миром и поднимаются выше неба. Три корня поддерживают дерево, и далеко расходятся эти корни. Один корень — у асов, другой — у инеистых великанов, там, где прежде была Мировая Бездна. Третий же тянется к Нифльхейму, и под этим корнем — поток Кипящий Котел, и снизу подгрызает этот корень дракон Нидхёгг».

«Младшая Эдда»

Впервые в мировой книгоиздательской практике «ТЕРРА» издает серию «Викинги», в которой представляет литературные произведения, повествующие о славных подвигах и приключениях морских разбойников Средневековья.

